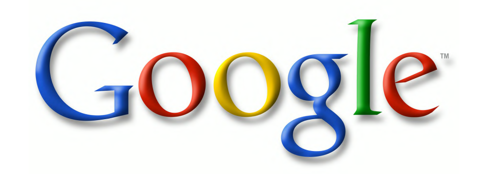
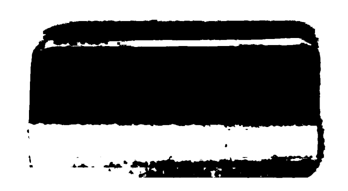

XIII

СОЧИНЕНІЯ

А. МИЦКЕВИЧА.

Томъ II.

СОЧИНЕНЯ
А. МИЦКЕВИЧА.

РУССКІЙ ПЕРЕВОДЪ

В. БЕНЕДИКТОВА, Н. СЕМЕНОВА

И ДРУГИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ П. Н. ПОЛЕВОГО.

ТОМЪ II.

Гражина.—Конрадъ Валленродъ.—Крымскіе сонеты.—
Критическія статьи.—Избранная корреспонденція
Мицкевича.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Гостиный дворъ, №№ 17 и 18.

МОСКВА,
Петровка, д. Михалкова, № 5.

1883.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ (Спб., В. О., 16 л., № 5).

ГРАЖИНА.

Гражина.

Повѣсть литовская.

Ночь ужь наступила. Свѣжій вѣтеръ вѣетъ.
Долъ покрытъ туманомъ. Съ горней вышины,
Трепетно въ полглаза смотритъ и блѣднѣетъ,
Перерѣзанъ тучей, томный ликъ луны.
Міръ весь — точно храма портикъ тріумфальный;
Тамъ — густыя тѣни, тамъ — озарено;
Небо-же съ луною — куполъ каѳедральный,
Гдѣ мерцаетъ тускло круглое окно.

И, при лунномъ свѣтѣ, за̀мокъ возвышался
На одной изъ злачныхъ новогрудскихъ горъ.
Мракъ широкой тѣни съ башенъ низвергался
И чрезъ валъ дерновый, гдѣ ходилъ дозоръ,
Па̀далъ, опрокинутъ, прямо въ ровъ бездонный,
Гдѣ дремала плѣсень надъ водою сонной.

Тишина повсюду; огоньки угасли;
Сномъ объятъ весь замокъ, и пора! Не часъ-ли
Полночи глубокой? Стражи лишь не спятъ,
И, перекликаясь, съ валу вдаль глядятъ.
Тамъ имъ смутно видны, въ родѣ привидѣній,
Люди, и за каждымъ снопъ бѣгущей тѣни.

Ихъ движенье быстро: вѣрно; на коняхъ!
Отъ фигуръ ихъ отблескъ: знать, тѣ люди въ латахъ!
Подъѣзжаютъ. Точно! въ шлемахъ, при булатахъ,
Рыцари. Ихъ трое. Кони въ запыхахъ —
Ржатъ. И старшій рыцарь, озираясь строго,
Грянулъ троекратно мощнымъ звукомъ рога.
Съ башни рогъ отвѣтный протрубилъ — и вотъ
Вспыхнулъ встрѣчный факелъ, и сѣдыхъ воротъ
Петли завизжали; крюкъ съ кольца свалился:
Брякъ — и мостъ подъемный съ громомъ опустился.

Многіе изъ замка къ всадникамъ толпой
Вышли, знать желая: кто тамъ? что такое?
Видятъ: главный рыцарь, въ полномъ бранномъ строѣ,
Смотритъ истымъ нѣмцемъ, выряженнымъ въ бой.
Грозныя движенья онъ даетъ десницѣ:
При копьѣ онъ длинномъ и стальномъ мечѣ;
Виденъ крестъ нагрудный въ золотой петлицѣ,
Бѣлый крестъ на черной вышитъ епанчѣ,
И при всемъ, что нужно воину для битвы:
Подъ рукою четки, знакъ святой молитвы.

Рыцаря литвины изъ примѣтъ узнали
И потомъ со злостью межъ собой шептали:
«Вотъ съ тевтонской псарни песъ негодный! Вотъ!
Тученъ прусской кровью, что вседневно пьетъ.
Эхъ, когда-бъ не стража!... Чтó стоять въ разсчетѣ?
Подъ мостъ-бы собаку! Сгнилъ-бы тамъ въ болотѣ!
Рыцарь словъ обидныхъ будто-бъ не слыхалъ,

Но челомъ склонился и задумчивъ сталъ.
Отчего-жь онъ разомъ въ думу впалъ такую?
Слышалъ! И, хоть нѣмецъ, понялъ рѣчь людскую!

«Князь вашъ въ замкѣ, дома?» вдругъ онъ крикнулъ грозно.
— «Дома», отвѣчаютъ, «но теперь ужь поздно,
Полночь! Въ это время онъ не приметъ васъ.
Завтра, можетъ статься». — «Я хочу сейчасъ!»
— «Но тревожить князя въ этакую пору....» —
«Мигомъ донесите князю Литавору
О моемъ прибытьѣ! Вотъ вамъ перстень мой!
Ктó мы, этотъ вензель Литавору скажетъ,
И въ своемъ пріемѣ онъ мнѣ не откажетъ:
Я вамъ отвѣчаю этой головой!»

Тихо все той ночи на спокойномъ лонѣ.
Осенью лучъ утра выйти не спѣшитъ.
Что-жь у Литавора, въ правомъ павильонѣ,
И теперь свѣтильникъ звѣздочкой горитъ?
Онъ далеко ѣздилъ, воротился къ ночи:
Сна просить должны-бы княжескія очи!

Но не спитъ, не спитъ онъ. Сбѣгали, узнали,
Что не спитъ — и только. Слуги не дерзали
Къ князю въ это время позднее войти;
Страшно то казалось и дворцовой стражѣ;
И къ кому князь близокъ, тѣ не смѣли даже;
А посолъ торопитъ: надо донести!
Наконецъ рѣшились — разбудить Рымвида:
Онъ на все имѣетъ полныя права;
Онъ въ бояхъ при князѣ — щитъ его, эгида;

Въ княжескомъ совѣтѣ — съ толкомъ голова,
И, всю цѣну зная таковымъ заслугамъ,
Литаворъ Рымвида называетъ другомъ,
И, бывая въ духѣ, онъ о немъ порой
Говоритъ съ улыбкой: «Это — я второй».
Спитъ-ли князь, не спитъ-ли, и здоровъ иль болѣнъ —
Всюду для Рымвида входъ къ нему дозволенъ.

Тотъ пошелъ. У князя — полумракъ. Лампада,
Кажется, сейчасъ-бы и погаснуть рада:
Литаворъ, шагами возбуждая гулъ,
Тамъ ходилъ по плитамъ комнаты пустынной,
И по серединѣ этой залы длинной
Вдругъ остановившись, въ мысляхъ утонулъ.

Вдругъ — Рымвидъ! Но взоромъ князь его не встрѣтилъ,
Выслушалъ о нѣмцахъ, только — не отвѣтилъ;
То краснѣлъ, то снова страшно блѣденъ былъ,
Быть себя спокойнымъ онъ не могъ заставить,
Подошелъ къ лампадѣ, будто-бы оправить,
И свѣтильню пальцемъ ко дну придавилъ;
Впрочемъ неизвѣстно — пусть то будетъ тайна —
Съ умысломъ то было, или такъ, случайно.
Можетъ быть, хотѣлъ онъ мрака для того,
Чтобъ лицомъ незримымъ предстоять Рымвиду,
Чтобы тотъ, догадкой, по чертамъ, по виду,
Не проникъ въ мышленья тайныя его.
И пошелъ онъ снова бурною походкой;
Но когда достигнулъ до окна съ рѣшеткой,
Гдѣ лучами мѣсяцъ въ комнату проникъ,

Видны стали — лобъ тотъ, сходный съ мракомъ
ночи,
Стиснутыя губы, огненныя очи
И суровый, грозный, воспаленный ликъ.

Вдругъ оборотился, зашагалъ проворно,
Приказалъ Рымвиду на-глухо для всѣхъ
Дверь замкнуть, усѣлся, и, смѣясь притворно,
Произнесъ сквозь горькій, судорожный смѣхъ.

«Ну, Рымвидъ, не самъ-ли ты привезъ изъ
Вильны
Новость мнѣ, что Витольдъ, этотъ панъ все-
сильный,
Лидскую мнѣ область вздумалъ даровать?
Мнѣ мое-жь дать хочетъ — то, что Литавору
За женой приданымъ шло по договору!
Правда-ль это?» — «Правда!» — «Надобно-жь при-
нять
Намъ теперь по-царски новую державу.
Прикажи-ка нашимъ выступить на славу!
Трубачей! штандарты! и огней! огней!
Пусть идутъ на Лиду и пируютъ въ ней!
Съ торжествомъ побѣднымъ пусть на рынкѣ ста-
нутъ,
Разовьютъ знамена, звучно въ трубы грянутъ,
И неугомонно пусть трубятъ, трубятъ!
Да пускай исправно сабли навострятъ:
Пусть надежны будутъ панцыри, кирасы!
Фуражу и пищи добрые запасы
Надо взять въ дорогу. Да огня! огня!
Факеловъ! Пусть будетъ ночь яснѣе дня!

Ты, Рымвидъ, веди ихъ? Въ Лиду — вамъ дорóга.
Утро чуть освѣтитъ славный гробъ Мендога, —
Въ полномъ ратномъ строѣ ждите тамъ меня!»

Такъ распоряжаться князю Литавору
Былъ ужь не ново; только отчего
Весь онъ такъ встревоженъ! Вдругъ, въ такую
пору,
Отправляетъ въ Лиду! Голосъ у него
Такъ звучитъ неровно! Рѣчь его сурова?
Это ничего-бы: онъ теперь сердитъ;
Но онъ какъ-то страненъ: выскажетъ полслова,
А полслова въ сердцѣ, кажется, сидитъ.
«Онъ иное мыслитъ, говоря про Лиду!»
Такъ, по всѣмъ примѣтамъ, думалось Рымвиду.

Литаворъ молчаньемъ долгимъ выражалъ,
Что Рымвидъ отпущенъ съ боевымъ народомъ
Въ путь. Чего-жь онъ медлитъ? Но своимъ ухо-
домъ
Тотъ не торопился: онъ соображалъ
Тѣ слова, что слышалъ, и въ умѣ предвидитъ,
Что изъ словъ столь легкихъ толкъ нелегкій выдетъ.

Такъ! Но что-жь тутъ дѣлать? Знаетъ онъ, что
князь,
Если ужь однажды мысль въ немъ родилась,
Стóекъ, и не внемлетъ ничьему совѣту,
Разсужденій длинныхъ онъ не терпитъ; свѣту
Цѣлому пошелъ-бы онъ на перекоръ.
Что-жь? вступать Рымвиду съ княземъ въ разго-
воръ?

Иль смолчать ужь лучше? Умъ его двоился:
Такъ и этакъ — плохо! Но Рымвидъ рѣшился.

«Князь!» сказалъ онъ твердо: «Что ни повелитъ
Намъ твое драгое княжеское слово,
Наши люди, кони — все сейчасъ готово;
Въ дѣлѣ не послѣднимъ будетъ и Рымвидъ.
Но есть разность въ людяхъ: тѣ къ повиновенью
Рождены слѣпому, эти — къ разсужденью.
Твой отецъ покойный собиралъ совѣтъ
Изъ мужей достойныхъ. Самъ я «да» иль «нѣтъ»
Въ важномъ томъ собраньи говорить могъ смѣло,
Разумомъ спокойнымъ обсуждая дѣло.
Такъ позволь-же старцу, что такъ много лѣтъ
Служитъ, весь израненъ, нажилъ бѣлый волосъ,
Предъ тобой впервые здѣсь возвысить голосъ!
Если ты на Лиду намъ итти велишь,
Ты, своей-же власти, тамъ и здѣсь вредишь:
При завоеваньяхъ, грабежи — обычай;
Изъ людей ты нашихъ сдѣлаешь волковъ;
Этимъ — дашь ты случай тѣшиться добычей,
Тѣмъ — ты угрожаешь тяжестью оковъ.

«Слухъ пойдетъ по краю: «Это что за чудо!
Это что за диво!» скажутъ тамъ и тутъ:
«Плодъ намъ выросъ горькій: сѣмена откуда?
Это, видишь, нынче славою зовутъ!
Литаворъ, тамъ скажутъ, водворилъ тиранство!
Сѣлъ вдругъ панъ, незваный, на чужое панство!»

«Нѣтъ, не такъ водилось прежде встарину,
У князей литовскихъ: тѣ въ свою страну

Не вносили, помню, вреднаго насилья,
А несли порядокъ, благость, изобилье,
Рѣчь моя простая опытомъ крѣпка!
Князь! Уважь холодный разумъ старика!

«Мы отправимъ прежде въ Лиду приглашенье
Къ рыцарству и разнымъ городскимъ властямъ,
Къ гражданамъ знатнѣйшимъ: пусть на совершенье
Праздничнаго пира соберутся тамъ!
Пригласимъ къ собранью всѣхъ владѣльцевъ мѣстныхъ:
Пусть прибудутъ въ городъ и изъ селъ окрестныхъ!
Я-жь съ разсвѣтомъ утра поспѣшу туда,
Чинно съ капеланомъ, понабравъ народу
И припасовъ разныхъ... вдоволь дичи, меду;

«Знаешь — угощаться наши господа,
Такъ-же точно любятъ, какъ простые люди.
Этимъ ты задобришь многихъ напередъ.
Разспроси, коль хочешь, пожилой народъ!
Ужь таковъ обычай на Литвѣ, на Жмуди;
Скажутъ: «Панъ-то славный!» — и молва пойдетъ».

Кончилъ; подошелъ къ окошку, и прибавилъ:
— «Вѣтряно. Чтобъ къ утру тучъ не нанесло!
Эва! Что за рыцарь тамъ коня поставилъ
И стоитъ, накинувъ руку на сѣдло?
А другіе двое, вонъ, коней проводятъ!
А! Да это — нѣмцы, тѣ послы! Походятъ
По всему на нѣмцевъ. Ихъ позвать иль нѣтъ?
Иль черезъ меня ты дашь имъ свой отвѣтъ?»

Съ этими словами, будто-бы случайно
Сказанными кстати, онъ прижалъ окно,
Въ щель не дулъ чтобъ вѣтеръ; самъ же жаждалъ
тайно
Слышать о посольствѣ: для чего оно?

Всталъ нетерпѣливо Литаворъ съ отвѣтомъ
И сказалъ: «Гдѣ будутъ мнѣ для дѣлъ моихъ
Надобны совѣты, тамъ твоимъ совѣтомъ,
Вѣрь, подорожу я больше всѣхъ иныхъ.
Моего довѣрья ты вполнѣ достоинъ,
Старый мужъ въ сужденьяхъ, въ полѣ — юный
воинъ;

«Правда, не люблю я, чтобъ предузнавалъ
Кто-нибудь заранѣ, чтó я замышляю,
И чтобъ разныхъ толковъ шумъ предупреждалъ
Будущее дѣло. Что подготовляю,
Послѣ всѣ увидятъ. Молніи блестятъ
Прежде, чѣмъ намъ слышенъ громовой раскатъ.
А свершилось дѣло — пусть ужь каждый судитъ!
Приказалъ — и полно: люди, кони! въ путь!»
«Какъ? Сейчасъ?» — «Въ минуту!» — «Но куда?» —
«На Жмудь» —
«Странно! Быть не можетъ!» — «Можетъ быть, и
будетъ!
Вотъ какъ я съ другими; но передъ тобой
Я, Рымвидъ, открою планъ завѣтный мой.

«Для того велѣлъ я въ боевомъ порядкѣ
Выступить на Лиду, что готовлюсь къ схваткѣ.
Витольда я знаю; чай, ужь онъ стоитъ

Съ войскомъ на дорогѣ, чтобъ меня тамъ встрѣтить;
Но на силу силой мы должны отвѣтить:
Иначе, въ плѣну я буду, иль убитъ.

«Все давно предвидя, я входилъ въ сношенье
Съ орденомъ тевтонскимъ. Противъ козней злыхъ
Обѣщалъ гросмейстеръ дать мнѣ подкрѣпленье
И прислать на помощь рыцарей своихъ.
Имъ мы часть добычи отдадимъ въ награду.
Вотъ послы ихъ! Значитъ, дѣло наше къ ладу.

«Глянь на звѣзды! Прежде, чѣмъ Гіады тамъ
Склонятся къ закату, подоспѣютъ къ намъ
Латниковъ нѣмецкихъ, въ ихъ тяжеломъ строѣ,
Тысяти три разомъ, да пѣхоты вдвое.
Самъ я выбиралъ ихъ: всадниковъ, коней
Взять мнѣ дали, право, лучшихъ, покрупнѣй.
Наши передъ ними — мелочь; то — громады?

«Всѣ они въ желѣзѣ, съ головы до ногъ.
Какъ напрутъ гдѣ массой, лопнутъ всѣ преграды;
Каждый, мнится, стѣну проломить-бы могъ.
А копье, копье ихъ!... Этотъ змѣй желѣзной
Съ адскимъ свистомъ вьется: смерть тутъ не долга;
Жало такъ и свѣтитъ искоркою звѣздной;
Вытянута шея прямо на врага,
И едва лишь клюнетъ, тотъ свернется разомъ,
Какъ подъ бурей колосъ, не мигнетъ и глазомъ.
Такъ, оставивъ славный по себѣ поминъ,
Пораженъ когда-то былъ нашъ Гедиминъ.

«Все ужь на готовѣ! Дѣло я заправилъ.

Боковой дорогой въ Лиду мы войдемъ:
Тамъ коварный Витольдъ войска не оставилъ,
Мы теперь подступимъ, грянемъ — и возьмемъ!»

Сей необычайной вѣстью пораженный,
Весь въ слезахъ, въ волненьи, трепетный Рымвидъ,
Въ бездну горкихъ мыслей смутно погруженный,
Голосомъ дрожащимъ князю говоритъ:
«Князь и властелинъ мой! До чего я дожилъ?
Братъ пойдетъ на брата! Кто еще вчера
Иззубрилъ на нѣмцахъ лезвій топора,
Тотъ чтобы, сегодня, силу ихъ умножилъ!
Бить иль быть побитымъ — гдѣ-жь тутъ злѣй бѣда?
Нѣмцы и литвины: — пламя и вода!

«Знаю я: случалось, что сосѣдъ къ сосѣду,
Въ комъ онъ видѣлъ прежде злѣйшаго врага,
Примирясь, шелъ въ гости. съ нимъ дѣлилъ бесѣду
И въ дѣлахъ житейскихъ былъ ему слуга.
Не смотря на злобу вѣковую нашу,
Ляхи и литвины заключали миръ,
И, одинъ къ другому приходя на пиръ,
Вмѣстѣ испивали дружескую чашу.
Отъ начала міра человѣкъ и змѣй
Крѣпки во взаимной нелюбви своей;
Но и между ними дружба ходъ имѣетъ:
Добрый землепашецъ иногда ужà
Принимаетъ въ домъ свой, кормитъ и лелѣетъ,
Какъ хозяинъ добрый, всѣмъ ему служа;
Змѣй ему сталъ гостемъ, гость же — милость неба;
Онъ ужу́ дастъ вдоволь молока и хлѣба,
И не разъ случалось: онъ и пить давалъ

Изъ своей-же чашки гостю поселенцу,
И съ дѣтьми нерѣдко гость сыту пивалъ,
И безвредно тихо сонному младенцу
Онъ, вѣнкомъ свернувшись, перси обвивалъ.

«Да! Но не поладишь со змѣей нѣмецкой!
Тутъ ничѣмъ-бы въ мірѣ ты не угодилъ.
Мало-ли народъ-то прусскій, мазовецкой
И земли, и денегъ нѣмцу въ ротъ всадилъ?
Что ни съѣстъ, все мало. Силой жадной пасти
Насъ-бы, наконецъ, онъ разорвалъ на части!

«Чтобъ спасти отчизну, надо всѣмъ возстать,
Надо вмѣстѣ грянуть. Ну, какая стать
Брать ихъ крѣпостишки, да палить селенья,
Какъ доселѣ было? Въ этомъ нѣтъ спасенья
Отъ тевтонской язвы; этотъ-же народъ
Словно змѣй стоглавый, гидра вѣковая:
Голову отрубишь — глядь! растетъ другая,
Эту отрубилъ ты — десять ихъ растетъ!
Надо снять всѣ сразу. Намъ — страшнѣе казни
Съ нѣмцами сближенье. Испытали мы,
Каковы тевтоны, и отъ ихъ пріязни
Всякій удалиться радъ, какъ отъ чумы.
Всякій взялъ-бы лучше, не смотря на муку,
Уголь раскаленный, чѣмъ у нѣмца руку.
Пусть грозитъ намъ Витольдъ: съ нимъ домашній бой
Мы безъ этихъ нѣмцевъ кончимъ межъ собой.
Съ братомъ подеремся — и сойдемся дружно!
Гдѣ свои въ раздѣлкѣ, тамъ чужихъ не нужно.
Да еще и такъ-ли? Точно-ль Витольдъ вновь,

Видя въ насъ честнѣйшихъ воиновъ суровыхъ,
Нарушаетъ вѣрность договорныхъ словъ?
Ты меня послалъ-бы къ Витольду для новыхъ
Съ нимъ переговоровъ; можетъ быть, тутъ есть
Недоразумѣнье». — «Нѣтъ, Рымвидъ, довольно!
О переговорахъ мнѣ ужь слышать больно
Съ этимъ милымъ братомъ. Что тутъ долгъ и честь?
Онъ — одно сегодня, завтра онъ — другое:
Согласился Лиду мнѣ отдать; а тамъ,
Только распустилъ я войско по домамъ,
Онъ съ своимъ подъ Вильной и запѣлъ иное:
Будто-бъ недовольны въ Лидѣ, — не хотятъ,
Чтобъ я былъ тамъ княземъ. Вотъ каковъ мой
братъ!
Началъ пѣть, что Лиду за собой оставитъ,
Для меня-жь достанетъ послѣ новый край;
Жди! Потомъ въ болота, можетъ быть, отправитъ,
Вь глушь, на Русь, къ варягамъ, къ финнамъ — и
ступай!
Онъ туда ссылаетъ всѣхъ родныхъ и кровныхъ,
Чтобъ его лишь только гордой головѣ,
Утѣснивъ, унизивъ близкихъ всѣхъ и ровныхъ,
Властвовать по-царски на родной Литвѣ.

«Мочи нѣтъ! Отъ брата что терпѣть досталось!
На конѣ будь вѣчно! Битвамъ нѣтъ числа.
Грудь, кажись, въ одно ужь съ панцыремъ ско-
валась;
Кажется сталь шлема ко лбу приросла.
Всюду насъ гоняетъ: нѣтъ конца разгонамъ;
Міръ весь обошли мы: тамъ дерись съ тевтономъ;
Тамъ громи сарматовъ, тамъ руби татаръ!

Всюду за ударомъ наноси ударъ!
То по голой степи, по песчанымъ доламъ
Шлетъ онъ насъ подъ вѣтеръ, — гнаться за Моголомъ.
Грабили мы села, замки, городà:
Пожиналъ плоды онъ нашего труда!
Если-же чего тамъ голодъ не догубитъ,
Не повыжжетъ пламя, сабля не дорубитъ,
Все ему въ добычу шло тогда живьемъ;
Все мы отдавали Витольду, не споря:
У хазаръ, у финновъ — отъ моря до моря —
Чтó мы ни забрали, все теперь при немъ.

Дворъ его — посмотришь: пышность-то какая!
Край его — да въ мірѣ нѣтъ такого края!
Былъ я у тевтоновъ: хорошо живутъ,
Пруссакамъ на диво! Слова нѣтъ: обильно!
Но нейдетъ въ сравненье съ ихъ устройствомъ Вильно.
Витольда чертоги: — вотъ гдѣ диво — тутъ!
Или, вонъ, на Троцкомъ озерѣ — взгляни-ка
На его столицу, гдѣ онъ панъ-владыка.

Да, своей землею счастливы литвины,
Видѣлъ я всю прелесть ковенской долины,
Ликъ небесъ въ хрустальномъ Нѣмана лицѣ;
Видѣлъ: тамъ русалки и весной, и лѣтомъ
Настилаютъ травку, сыплютъ цвѣтъ за цвѣтомъ.
Но — повѣрить трудно — въ Витольда дворцѣ,
Тамъ, гдѣ сынъ Кейстута гордый обитаетъ,
Муравà съ цвѣтами круглый годъ блистаетъ!
Чтобъ представить взору эти красоты

Серебро шло въ листья, золото — въ цвѣты;
Тамъ въ росу шелъ жемчугъ; перлами тамъ въ залѣ
Плѣнныя сарматки стѣны унизали.
Тамъ кристаллъ волшебный, за̀-моремъ что взятъ,
Вставленъ мастерами въ каждое оконце
И сверкаетъ, точно сталь литовскихъ латъ,
Иль какъ свѣтлый Нѣманъ на весеннемъ солнцѣ,
Гдѣ онъ изъ-подъ снѣгу выбьется — и радъ.

«Что же пріобрѣлъ я? Видѣлъ лишь утраты.
Былъ я изъ пеленокъ прямо втиснутъ въ латы;
Князь — я, какъ татаринъ, выросъ при конѣ;
Съ дѣтства пріучался я къ трудамъ, къ усильямъ;
Въ люлькѣ я кормился молокомъ кобыльимъ,
Цѣлый вѣкъ служила изголовьемъ мнѣ
Конская же грива. Я былъ въ дѣлѣ, въ свалкахъ, —
Равные-жь мнѣ въ лѣтахъ тѣшились шутя
И верхомъ скакали въ комнатѣ на палкахъ,
Деревянной саблей кое-какъ вертя;
И когда по-дѣтски тѣ въ войну играли,
Забавляя старшихъ шумомъ дѣтскихъ дракъ —
Предо мной татары тучи стрѣлъ метали
Или саблей острой дѣйствовалъ полякъ;
Но къ землѣ, съизмлада гдѣ я жилъ и правилъ,
Я, при всѣхъ дѣяньяхъ, пяди не прибавилъ;
Все я въ томъ же замкѣ мрачномъ и глухомъ;
Ни колоннъ, ни арокъ, ни прикрасъ нѣтъ новыхъ:
Посмотри на сырость этихъ стѣнъ дубовыхъ!
Жалкій этотъ теремъ ужь подернутъ мхомъ.
Битвы были жа̀рки, подвиги кровавы:
Что-жь изъ нихъ я вынесъ, кромѣ славы....
славы!...

«Да и славу Витольдъ принялъ въ обладанье:
Наша слава гаснетъ при его сіяньѣ.
Ударяя въ струны, вѣщій вайделотъ
Въ пѣснѣ вдохновенной славитъ и поетъ
Лишь его геройство; новаго Мендога
Въ Витольдѣ онъ видитъ, видитъ полубога;
Витольдово имя онъ къ потомству шлетъ,
Имя-жь Литавора недостойно пѣнья
И умретъ, покрыто плѣсенью забвенья.

«Но чужда мнѣ зависть: пусть онъ богатѣетъ
Въ почестяхъ и славѣ! Пусть онъ всѣмъ владѣетъ!
Но сдержи онъ звѣрской жадности порывъ:
Не бери онъ братій кровныхъ достоянья,
Не топчи ногами право обладанья!
Нѣтъ! Давно-ль, въ столицу онъ Литвы вступивъ,
Бѣднаго Скиргайлу, просто, яко сильный,
Вдругъ спихнулъ — и только: прочь съ престола Вильны!
Прочь! А самъ усѣлся. Такъ властолюбивъ,
Что черезъ гонца лишь броситъ повелѣнье,
Гдѣ князьямъ стать выше, гдѣ упасть подъ тронъ,
Да и ждетъ, чтобъ мигомъ было исполненье:
Не первосвященникъ, не *кривеито*-жь онъ!
Нѣтъ! пора покончить!... Нѣтъ! покуда бьется
Здѣсь, въ груди, духъ жизни.... кровь покуда льется
У меня по жиламъ, и моя рука
Для держанья сабли и щита крѣпка —
На себѣ мы ѣздить этакъ не позволимъ!
Нѣтъ! покуда конь мой.... конь съ крыломъ сокольимъ....

Конь, что взялъ когда-то съ крымскихъ я полей,
Давъ тебѣ, какъ другу, точно же такого....
Конь, какихъ съ десятокъ для моихъ людей
У меня́ на стойлахъ — для того, другаго....
Этотъ добрый конь мой.... онъ покуда живъ,
У него покуда ноги не ослабли,
Ржавчина не съѣла этой вѣрной сабли....
Конь мой.... конь мой.... сабля....» Бѣшенства порывъ
Не далъ кончить рѣчи, и съ крутымъ движеньемъ
Литаворъ вдругъ звякнулъ всѣмъ вооруженьемъ,
И своею саблей объ-полъ такъ махнулъ,
Что, вспрянувъ высоко изъ-подъ звучной стали,
Какъ отъ звѣздъ падучихъ, искры засверкали,
И въ пустынной залѣ прокатился гулъ.

Сызнова настало мертвое молчанье,
Прерванное княземъ. «Праздное болтанье
Не пора-ли кончить? Средь напрасныхъ словъ
Мы вторыхъ дождемся скоро пѣтуховъ»,
Онъ сказалъ Рымвиду: «Дѣло-же не въ словѣ;
Ты все слышалъ, понялъ: будь-же на-готовѣ!
Я три ночи нѐ спалъ: лягу, отдохну,
Укрѣплюсь немного, чтобъ начать войну.
Знай, что дорогà намъ каждая минута.
Пусть считаетъ Лиду княжествомъ своимъ
Витольдъ! Но сказалъ я: пепелъ, прахъ и дымъ —
Вотъ найдетъ, что въ Вильнѣ гордый сынъ Кейстута!
Поскорѣй! Дорога будетъ намъ видна:
Ночь свѣтла; на прибыль движется луна».

Высказавъ, захлопалъ онъ рукою въ руку:
Звукъ слугамъ призывный! Тѣ вошли по звуку.
Онъ велѣлъ постелю приготовить имъ —
Явно, чтобъ разстаться поскорѣй съ своимъ
Неотступнымъ гостемъ, а не съ тѣмъ, чтобъ сонной
Нѣгѣ предаваться. Тотъ, какъ неуклонный
Исполнитель долга, вышелъ, затрубилъ,
Вызвалъ всѣхъ, и внятно, громко объявилъ
Княжескую волю; но потомъ обратно
Въ замокъ порывался онъ неоднократно
И стоялъ въ раздумьѣ. Кажется, ему
Вновь итти хотѣлось къ князю.... Но къ чему?
Нѣтъ: онъ шагъ въ другую сторону направилъ;
Устремясь на лѣвый замка павильонъ,
Чрезъ особый мостикъ переходитъ онъ
И идетъ къ княгинѣ. Князя онъ оставилъ...

Что была за прелесть юная Гражина,
Дочь вельможи въ Лидѣ! Какъ жива, ловка!
Нѣмана роднаго свѣтлая долина
Украшалась блескомъ этого цвѣтка;
Нынѣ-жь, хоть къ другому возрасту склонялась,
Все въ ней свѣжесть дѣвы съ зрѣлостью жены
Такъ непостижимо, чудно съединялась!
Тутъ, при лѣтнемъ знаѣ, былъ снѣжокъ весны,
Былъ тутъ жгучій полдень съ алыми чертами,
Что проводитъ въ небѣ утренній восходъ;
Взглянешь: это — вѣтка съ вешними цвѣтами
И на той-же вѣткѣ спѣлый, сочный плодъ.
Но лицо.... Не вся тутъ красота княгини,
Нѣтъ: она и ходитъ поступью богини.
Ростъ ея чудесный возвышалъ красу.

На нее да князя какъ, бывало, взглянутъ—
Всѣ кричатъ: «вотъ пара!» А они, какъ встанутъ
Вмѣстѣ межъ народомъ, — кажется, въ лѣсу́,
Лѣсъ тотъ перевысивъ, передъ общимъ взглядомъ,
Тополя два вмѣстѣ въ высь несутся рядомъ.

Одного съ нимъ роста, и лицомъ похожа
На него Гражина; даже суждено,
Чтобъ супруга князя духъ геройскій тоже
Царственно имѣла, съ княземъ за-одно.
Иглы, веретёна за ничто считала
И порою ловко острый мечъ хватала,
Или, давъ медвѣжьей грубой епанчѣ
Тяжело повиснуть на своемъ плечѣ,
Въ лѣсъ неслась, оставивъ замокъ новогрудской,
Съ бойкими стрѣльцами, на лошадкѣ жмудской,
И обратно съ поля, гордо избочась,
Какъ проселкомъ ѣдетъ съ смѣлостью не женской, —
Кланяется низко людъ весь деревенской
И несетъ ей дани: думаютъ, что — князь!

Съ княземъ все Гражина дѣлитъ — и забавы,
И заботы тягость, и пріятность славы,
И его надъ краемъ княжескую власть.
Судъ, война, управа — часомъ то и это —
Отъ ея зависитъ тайнаго совѣта:
Князь во всемъ княгинѣ предоставилъ часть,
Но не проникали посторонних взгляды
Въ этотъ ладъ домашній, и не изъ такихъ
Женъ была княгиня, мелкихъ и пустыхъ,
Что своимъ вліяньемъ выказаться рады.
Все и было скрыто. Но теперь Рымвидъ,

Кое-что смекая умною догадкой,
Видѣлъ лучъ надежды, хоть надежды шаткой,
Въ помощи Гражины. Ей онъ и спѣшитъ
Высказать, какое угрожаетъ горе;
Что въ своемъ тяжеломъ съ княземъ разговорѣ
Онъ узналъ, увѣдалъ, ей передаетъ: —
Чтобъ она спасала князя и народъ.

Эта вѣсть Гражину привела въ волненье,
Но она сдержала внутренній порывъ,
И свое смятенье предъ Рымвидомъ скрывъ,
Выразила только тихое сомнѣнье;
Но ни видъ, ни голосъ ей не измѣнилъ.
«Можно-ли — сказала — чтобы князь склонилъ
Къ женскому совѣту властное вниманье
Въ этомъ важномъ дѣлѣ? Знаю я, что онъ
Слишкомъ стбекъ въ мысляхъ. Чтò мое вліянье?
Вздòръ! Своя лишь воля — у него законъ.
Впрочемъ, иногда онъ, вспыхнувъ, вдругъ рѣшится,
И разгулъ дастъ полный гнѣву своему;
Но тогда не надо возражать ему:
Послѣ онъ утихнетъ самъ и вразумится;
Послѣ-жь и забудетъ скоро обо всемъ.
Мы теперь оставимъ это: подождемъ!»

— «Нѣтъ, княгиня, это не такое слово
Вырвалось у князя, что потомъ готово
Скоро и забыться. Знаю я его.
Мнѣ ужь не впервые! Было ясно слишкомъ,
Что нельзя причислить къ мимолетнымъ вспышкамъ
Этихъ словъ, столь рѣзкихъ. Я вѣдь у него
Лѣтъ двѣнадцать въ службѣ: никогда, ни разу

Не было такого грознаго приказу.
Тутъ не искры только, и не дымъ да паръ:
Тутъ — прямое пламя. Намъ грозитъ пожаръ!
Ждать ужь я не смѣю. Приказалъ онъ строго
Выступить намъ ночью. Сборъ нашъ — гробъ Менога.
Имъ рѣшенъ на Лиду роковой ударъ.
Ночь свѣтла, сказалъ онъ, и видна дорога». —

«Какъ? Теперь же? Ночью? И пойдутъ литвины
Грудью братъ на брата? Понимаю я:
Дѣло о приданомъ тутъ идетъ Гражины,
И рѣзня межъ братьевъ будетъ за меня!
Я отправлюсь къ князю. Нѣтъ! онъ насъ не сгубитъ.
Я иду! Я брошусь къ княжескимъ стопамъ,
Я — его супруга! Онъ меня такъ любитъ!
Я во всемъ успѣю: ты увидишь самъ!»

Тутъ они разстались. И подъ темнымъ сводомъ
Та пустилась къ князю потаеннымъ ходомъ,
И невѣрный, робкій шагъ ея дрожалъ;
Тотъ дворомъ туда-же; въ сѣни прибѣжалъ,
Въ дверь войти не смѣетъ, и, подкравшись глухо,
Къ щелкѣ приближаетъ онъ то глазъ, то ухо.

Не прошло минуты: щелкнуло въ замкѣ
Скрытой съ боку двери.... кто-то входитъ въ бѣломъ....
«Кто тамъ?» князь окликнулъ, вставъ съ мечемъ въ рукѣ.
«Я!» отвѣтилъ кто-то голосомъ несмѣлымъ,

Но знакомымъ князю. Кажется, *она!*
И — потомъ не слышно: разговоръ сталъ тише;
Звуки, то глотала мертвая стѣна,
То они глушились глубью спальной ниши;
Иногда сильнѣе, ярче зазвучитъ
Голосъ тотъ иль этотъ, и промчится съ эхомъ;
Больше голосъ женскій слышенъ; тотъ молчитъ,
Или, какъ казалось, отвѣчаетъ смѣхомъ.

Словъ не слышно. Что-же видно тамъ? *Она*
Стала на колѣни, трепетна, блѣдна.
Онъ ее скорѣе встать, казалось, проситъ,
Рѣчь свою съ движеньемъ жаркимъ произноситъ
И умолкъ. А бѣлый призракъ тотъ, въ рукѣ
Ключъ держа и къ тайной устремившись двери,
Тамъ исчезъ, и снова щелкнуло въ замкѣ.
Что-жь? Успѣхъ тутъ дѣлу, или все въ потерѣ?
Смутный умъ Рымвида разгадать не могъ;
Все въ его мышленьѣ было такъ нестройно!
Отпустивъ княгиню, князь поспѣшно легъ
И уснулъ, казалось, крѣпко и спокойно.

Возвращаясь съ пóста своего, Рымвидъ
Вдругъ случайно видитъ: въ лѣвомъ павильонѣ,
Гдѣ живетъ княгиня, стоя на балконѣ,
Пажъ съ посломъ нѣмецкимъ что-то говоритъ.
Вѣтеръ не давалъ хоть этой рѣчи звуку
Прилетать къ Рымвиду, но былъ внятенъ жестъ:
Пажъ стоялъ, къ воротамъ простирая руку,
Явно указуя рыцарю отъѣздъ.
Тотъ, въ порывѣ яромъ на коня кидаясь
И спѣша изъ замка, крикнулъ, обращаясь

Къ вѣстнику отказа: «Еслибъ не посломъ
Былъ я здѣсь тевтонскимъ, то, клянусь крестомъ,
Вмигъ я проучилъ бы здѣсь же Литавора!
Да, крестомъ клянусь я: этого позора
Не перенесла-бы честь и кровь моя!
При посольствахъ выросъ межъ монарховъ я;
Но не смѣлъ ни цезарь, ни святѣйшій папа,
Чрезъ пажа простаго вдругъ сказать мнѣ: прочь!
Здѣсь, въ поганомъ замкѣ вашего сатрапа,
Подъ открытымъ небомъ я провелъ всю ночь!
И зачѣмъ вамъ было поднимать тревогу?
Съ умысломъ коварнымъ звать насъ на подмогу,
Въ Витольда чтобъ грянуть! Втайнѣ-жь мысль у васъ
Вдругъ ударитъ вмѣстѣ съ Витольдомъ на насъ.
Нѣтъ! клянусь я: это не пройдетъ вамъ даромъ!
Сами подойдете къ нашимъ вы ударамъ,
Идолопоклонцы! Громъ нашъ васъ сразитъ.
И тогда самъ Витольдъ васъ не защититъ.
Ожидайте казней! Приготовьтесь къ карамъ?

«Передай все князю! Самъ ему готовъ
Я сказать все то же, а изъ нашихъ словъ,
Рыцарскихъ, нельзя ужь выбросить ни звука,
Словно изъ молитвы Божьей: «Отче нашъ»;
До послѣдней буквы все ты передашь,
Я же все исполню: небо — въ томъ порука.
Въ яму, что копали для тевтонцевъ вы,
Вамъ же ровалиться съ ногъ до головы!
Прежде, чѣмъ денница будетъ на восходѣ,
Эго совершится. Я — не кто иной,
Какъ комтуръ тевтонскій, Дидрихъ фонъ Книпроде.
Объяви же князю! Всадники! за мной!»

Но еще онъ медлилъ, словно ждалъ призыва....
Наконецъ, пустился въ путь нетерпѣливо
И за нимъ тѣ двое. Издали, порой,
Ихъ вооруженья слышалось бряцанье,
Видѣлось на латахъ лунное мерцанье,
Дальше.... меньше.... тише.... скрылись за горой.

«Убирайтесь!» молвилъ, глядя вслѣдъ за ними,
Нашъ Рымвидъ съ усмѣшкой: «И впередъ, чтобъ вы
Ввѣкъ не приближались къ рубежамъ Литвы!
Добрая княгиня! Это все твоими
Пьемъ мы медъ устами. Вотъ, поди-жь, узнай
Сердце человѣка! Князь упорный, мнилось,
Ни за что не сдастся: прочь! не возражай!
А пошла княгиня — все перемѣнилось.
Эхъ, забылъ я, старецъ, міровой законъ:
Вѣдь она прекрасна, и вѣдь молодъ онъ!»

Ждетъ Рымвидъ и смотритъ: нѣтъ-ли ужь и свѣту
Въ теремѣ у князя? Онъ не всталъ-ли? Нѣту.
Вотъ онъ къ павильону, въ сѣни, да къ дверямъ:
Ничего не слышно, все спокойно тамъ.
Тщетно напрягаетъ онъ и слухъ, и око:
Князь угомонился, спитъ себѣ глубоко

«Все тутъ непонятно — мыслитъ онъ — все диво!
Князь кричалъ и рвался такъ нетерпѣливо,
Чтобъ сбиралось войско, торопилъ всѣхъ насъ,
Самъ же спитъ такъ долго: что съ нимъ сталось нынѣ?
Нѣмцевъ звалъ на помощь, а послу отказъ

Чрезъ кого-жь объявленъ? Чрезъ пажа княгини!
Въ сценѣ той, хоть словъ я слышать и не могъ,
Мнѣ, казалось, были тщетны всѣ моленья
Плачущей княгини: князя видъ былъ строгъ....
Развѣ ужь Гражина, всѣ его велѣнья
Преступивъ отважно, на себя взяла?
Этакую дерзость — отпустить посла!
Прелестію женской послѣ полагая
Князя гнѣвъ разнѣжить, тучи разогнать;
Ей ужь не впервые смѣло поступать;
Но не черезмѣрна-ль смѣлость въ ней такая?»

И Рымвидъ терялся, въ думы погруженъ:
Все ему казалось странною загадкой....
Вдругъ ему киваютъ, знакъ даютъ украдкой,
Чтобы шелъ скорѣе къ лѣвой башнѣ онъ:
Женщина, что въ близкой службѣ при княгинѣ,
Вводитъ старца.... Что-то будетъ съ нимъ теперь!
Видитъ онъ, что снова предстоитъ Гражинѣ;
Ихъ осталось двое — и закрылась дверь.

«Ну, почтенный другъ мой, намъ не удалось»,
Говоритъ Гражина: «Впрочемъ, дѣйствуй бодро!
Нынче непогода, завтра будетъ вёдро.
Да смотри, тревоги чтобъ не поднялось
Въ войскѣ! Намъ здѣсь надо такъ распорядиться,
Чтобы князь отвѣта дать не поспѣшилъ
Нѣмцамъ чрезъ пословъ ихъ. Съ нѣмцемъ съедин-
ниться —
Онъ теперь, въ волненьи, дѣло такъ рѣшилъ,
А потомъ, быть можетъ, иначе рассудитъ,
Какъ поотдохнетъ онъ и спокоенъ будетъ.

Ничего не бойся! Что̀ онъ повелѣлъ,
Послѣ то исполнимъ. Если въ прежнемъ словѣ
Будетъ князь упоренъ, войско на-готовѣ.
Но теперь-же, ночью, онъ въ походъ хотѣлъ?...
Вѣрить невозможно! Съ разумомъ несходно!
Съ боя онъ явился въ замкѣ лишь своемъ,
Чуть лишь латы сбросилъ, чтобъ дохнуть свободно,
И опять на битву! Полно! .. Подождемъ!»

— «Добрая княгиня! Въ этомъ насъ обманетъ
Легкая надежда: ждать ужь князь не станетъ.
«Дорога̀ минута!» мнѣ онъ прокричалъ,
Гнѣвно отвергая всѣ мои сужденья.
Но, моей княгини просьбы, убѣжденья....
Что на нихъ, не знаю, князь мой отвѣчалъ!» —

Только лишь Гражина говорить хотѣла,
Разговоръ былъ прерванъ.... туча налетѣла.

Стукъ подковъ раздался: глядь! во весь опоръ
Юноша какой-то мчался черезъ дворъ.
То былъ пажъ княгини. Весь въ пыли, ворвался
Къ ней онъ съ донесеньемъ, что сейчасъ попался
Въ плѣнъ къ литвинамъ нѣмецъ; посланнымъ въ нарядъ
Нѣмецъ тотъ литовскимъ былъ патрулемъ взятъ
По дорогѣ въ Лиду; отъ него-жь узнали,
Что весь лѣсъ окрестный нѣмцы занимали,
Конница, пѣхота, — и при этомъ цѣль
Ихъ вождя, комтура, дерзкаго тевтонца,
Вдругъ на городъ хлынуть и на цитадель
Приступомъ ударить, при восходѣ солнца.

«Пусть Рымвидъ теперь-же къ князю поспѣшитъ!»
Пажъ прибавилъ: «дѣло князь пускай рѣшитъ:
Ждать-ли за стѣной намъ, иль, не медля болѣ,
Выходить и встрѣтить ихъ въ открытомъ полѣ.
Лучше-бъ до прибытья ихъ бомбардъ, стрѣльцовъ,
Такъ сказалъ начальникъ нашего отряда,
Къ нимъ на встрѣчу выйти; чтобъ со всѣхъ концовъ
Насъ не обступили, намъ ударить надо.
Тѣ не ожидаютъ, чтобъ мы вышли къ нимъ;
Вдругъ мы ихъ откинемъ конницу къ болоту,
А потомъ, всей силой грянуть на пѣхоту —
Этихъ скорпіоновъ всѣхъ мы истребимъ!»

И Рымвидъ, какъ громомъ, пораженъ. Гражинѣ
Эта вѣсть ужасна по иной причинѣ.
«Пажъ!» она вскричала: «гдѣ же тѣ послы?»
Пажъ, не отвѣчая съ явнымъ удивленьемъ
Смотритъ на княгиню. Не ся-ль велѣньемъ
Онъ же отпустилъ ихъ? Тѣ какъ были злы!

— «Но, княгиня, вы мнѣ, въ этой самой залѣ»,
Говоритъ онъ робко: «какъ второй ужь разъ
Пѣтухи запѣли, сами приказали
Объявить тевтонцу княжескій отказъ». —

«Да!» она сказала, видимо блѣднѣя,
«Да!... ты правъ... забыла»... и слова, коснѣя,
Какъ-то обрывались. «Да, ты правъ, мой другъ,
Такъ все это было... Я припоминаю...
Я пойду... Позвольте... Остаюсь... Не знаю...

Нѣтъ, нельзя остаться»... и замолкла вдругъ;
Разъ еще тревожно взорами обводитъ
Сумрачную залу, и склоняетъ ницъ
Бахрому пушистыхъ, трепетныхъ рѣсницъ;
По челу, казалось, облако проходитъ;
На туманномъ склонѣ этого чела
Мысль, казалось, зрѣетъ... Вотъ яснѣе стало!
Вотъ еще яснѣе?... Мигъ — и засіяло:
«Рѣшено! Идите!» и она пошла.

«Я иду, чтобъ мужа разбудить, и скоро
Войско поведетъ онъ. Пажъ! сѣдлать коня!
Быть сейчасъ, въ минуту, всѣмъ на мѣстѣ сбора!
Мигомъ! Это слово вамъ не отъ меня;
Знайте: это слово — князя Литавора!
И Рымвидъ отвѣтитъ послѣ головой
За неисполненье. Планъ у насъ какой,
Пусть никто не знаетъ, пусть никто не видитъ!
Ожидайте князя тамъ, въ сѣняхъ: онъ выйдетъ».

И Гражина вышла въ маленькую дверь,
А Рымвидъ: «что-жь съ нами станется теперь?
И куда итти мнѣ?» смутно разсуждаетъ;
«Все въ походъ готово; войско ожидаетъ;
Но къ чему все это, наконецъ, ведетъ?»
Самъ въ раздумьѣ тихомъ онъ идетъ, идетъ...
Вдругъ остановился, и по мыслей склону
Поворотъ онъ сдѣлалъ къ князя павильону.

«Спитъ онъ тамъ, не спитъ-ли, я къ нему войду:
Надо объясниться. Вѣдь ужь утро скоро!»
Такъ Рымвидъ подумалъ. Но у всѣхъ въ виду

Вдругъ въ сѣняхъ явился образъ Литавора.
Золото и пурпуръ царственно блестятъ
На его прекрасной боевой одеждѣ;
Легкій панцырь занялъ мѣсто тяжкихъ латъ,
Что для битвъ опасныхъ надѣвалъ онъ прежде;
Плащъ немного спущенъ съ праваго плеча;
Перьями украшенъ шлемъ его батальный,
И, имѣя справа перевязь меча,
Лѣвою рукой онъ щитъ держалъ овальный.

Изнуренъ казалось, гнѣвомъ иль трудами
Бывшаго похода, зыбкими шагами
Выступалъ онъ тихо. Гордо принялъ онъ
Войсковымъ начальствомъ сдѣланный поклонъ,
Слова не промолвилъ съ главными вождями,
И рукой невѣрной, и почти дрожа,
Лукъ съ колчаномъ принялъ онъ изъ рукъ пажа;
Даже мечъ свой славный, свой булатъ завѣтный,
По ошибкѣ странной, справа прицѣпилъ,
И хоть всѣмъ былъ явенъ промахъ столь замѣтный,
Но съ поправкой къ князю кто-бы подступилъ?

Изъ сѣней онъ вышелъ. Знамя золотое
Поднято; несется передъ нимъ оно.
На коня вскочилъ онъ: войско въ ратномъ строѣ
Крикнуть ужь готово, грянуть въ трубы... Но
Князь далъ знакъ рукою, что гремѣть не нужно.
Выступили тихо; у воротъ затворъ
За собой скрѣпили. Разный людъ прислужной
Выведенъ былъ за̀ мостъ, на отдѣльный дворъ.

Вышли, взяли вправо съ главнаго пути
И межъ горныхъ склоновъ скрылись за кустами;
Послѣ-жь, чтобъ къ дорогѣ накось перейти,
Имъ пришлось тянуться узкими мѣстами;
Съ двухъ сторонъ давилъ ихъ тѣсный косогоръ,
Но, по мѣрѣ хода, ширился просторъ.

Вотъ уже отъ замка разстоянье это
Было на нѣмецкій выстрѣлъ изъ мушкета.
Тутъ струею тонкой, незамѣтно текъ
Міру неизвѣстный свѣтлый ручеекъ,
Змѣйкой серебристой по-лѣсу блуждая
И хрустальнымъ устьемъ въ озеро впадая;
Озеро-жь блестѣло чище серебра,
Справа, слѣва — рощи, впереди — гора.

Глядь: кирасы, каски подъ горой мелькаютъ,
Отражая лунный серебристый свѣтъ.
Искры тамъ сверкнули, прогремѣлъ мушкетъ
И тевтонцевъ тучи — тучи выступаютъ;
Всадники и кони, въ массѣ ихъ сплошной,
Взгромоздившись, стали мѣдною стѣной.
По брегамъ гористымъ Виліи лѣса
Такъ стоятъ во время лунной ночи йхладно,
А на нихъ, подмерзнувъ, крупная роса
Нижется жемчужной бахромой нарядной,
И, какъ путникъ входитъ въ этотъ край чудесъ —
Глядь: окристаллованъ, высеребренъ лѣсъ.

Князь, воспламененный жаромъ боевымъ,
Съ поднятою сталью кинулся на встрѣчу
Конницы тевтонской; многіе — за нимъ.

Какъ-же онъ такъ странно начинаетъ сѣчу,
Не раздавъ приказовъ по войскамъ своимъ?
Гдѣ сосредоточить главныя усилья?
Кто быть долженъ въ центрѣ? Въ чьей командѣ
крылья?

Вѣрно, волю князя вѣдаетъ Рымвидъ, —
Старый вождь, кѣмъ нѣмецъ былъ не разъ ужь
битъ:
Боевымъ порядкомъ, точно, онъ и правитъ
Предъ горой своихъ онъ въ полумѣсяцъ ставитъ:
Латниковъ — въ средину, по бокамъ — стрѣлковъ.
(На Литвѣ обычай былъ всегда таковъ.)
Данъ сигналъ: подъемлясь, копья задрожали!
Засверкали сабли. Начинай! Пора!
Луки зазвенѣли, стрѣлы завизжали.
«Іисусъ! Марія!» — Гопъ, гопъ, гопъ, ура! —

Всадники сцѣпились, копья на осадку
Къ стременамъ приткнули, и, грудь съ грудью, въ
схватку!
Все перемѣшалось, и со всѣхъ сторонъ
Звонъ и стукъ оружій, ломка сабель, стонъ.
Тѣ кричатъ въ паденьи, тѣ лежатъ ужь нѣмы,
Сыплются, крутятся головы и шлемы;
Тотъ, кого безвредно обошелъ булатъ,
Конскими ногами стоптанъ и измятъ.

Князь гдѣ? Впереди онъ, въ свалкѣ самой бурной.
Вонъ, — врагами узнанъ плащъ его пурпурный,
Шлемъ его пернатый, и его девизъ, —
И назадъ отъ страха нѣмцы подались:

Онъ-же все тѣснитъ ихъ, невоздержно пылокъ;
Тѣ бѣгутъ — онъ гонитъ, сѣвъ имъ на затылокъ...
Хлещетъ по кирасамъ саблей, но зачѣмъ
Безъ малѣйшей пользы тратитъ столько жара?
Мечъ свой только тупитъ; ни одинъ, межъ тѣмъ,
Врагъ еще не падалъ отъ его удара;
Сталь его то плашмя на врага падетъ,
То пустымъ размахомъ воздухъ разсѣчетъ.

И тевтоны, видя, что лишь страхъ великъ,
А вреда нимало, ободрились вмигъ:
Съ крикомъ повернулись, стали, и всѣмъ вѣсомъ
Конницы тяжелой сдѣлали отпоръ,
Такъ что былъ охваченъ тутъ-же цѣлымъ лѣсомъ
Дротиковъ и копій слабый Литаворъ;
Страхъ иль утомленье эту слабость множитъ:
Ни мечемъ владѣть онъ, ни щитомъ не можетъ.

Тутъ-бы и погибъ онъ, но одинъ отрядъ
Доблестныхъ литовцевъ врѣзался, вломился
Въ гущу этой свалки: быстро князь былъ взятъ
Ими въ охраненье, ими онъ прикрылся.
Тотъ свой щитъ подставилъ, чтобъ его сберечь;
Тотъ мечемъ проворно встрѣтилъ вражій мечъ.

Утро ужь! Сквозь дымку утренняго пара
Рѣжутся съ востока первые лучи.
Битва роковая продолжалась яро;
Воины все были такъ-же горячи.
Тѣ и эти — стойки. Богъ кровавой брани
Жертвы собираетъ тучныя со всѣхъ;
Ровно съ тѣхъ и съ этихъ требуетъ онъ дани;
Ровно тѣмъ и этимъ видится успѣхъ.

Такъ родной нашъ Нѣманъ, старецъ челноводный,
Повстрѣчавъ Румшиса вѣковой утесъ,
Прямо, снизу, сбоку, бьетъ волной холодной,
Но Румшисъ упорный крѣпко въ землю вросъ.
Нѣманъ съ напряженьемъ бьется грудью въ стѣну
Мощнаго утеса: но стоитъ скала,
И утесъ не сдался, и рѣка, вся въ пѣну
Съ шумомъ обратившись, русло сберегла.

Ужь тевтонъ, измученъ битвою напрасной,
Чтобъ покончить участь боевой игры,
На литовцевъ двинулъ свой отрядъ запасной:
Самъ комтуръ отрядъ сей въ бой ведетъ съ горы.
Это силъ нѣмецкихъ явно къ перевѣсу
Послужило разомъ... Стойте! изъ-за лѣсу
Скачетъ новый рыцарь къ схваткѣ боевой.
Чу! Какъ мощно грянулъ голосъ громовой!
Спущено забрало. Кто онъ? Появленье
Грозно и внезапно. Всѣ въ недоумѣньѣ:
За кого онъ станетъ? Противу кого?
Широко развѣянъ черный плащъ его;
Онъ подъ шлемомъ чернымъ: цвѣта нѣтъ инаго;
Даже взялъ коня онъ къ бою воронаго;
Словно, весь одѣтъ онъ мракомъ. Такъ, порой,
Гдѣ покровомъ зимнимъ долы забѣлѣли,
Въ полѣ, надъ высокой снѣжною горой,
Стелется, чернѣя, тѣнь вѣтвистой ели.

Онъ летитъ на нѣмцевъ, прямо въ самый жаръ
Смертоносной битвы. Имъ — его ударъ!
Въ середину стычки не проникнешь глазомъ,

Многихъ сценъ кровавыхъ не обнимешь разомъ;
Только, гдѣ сильнѣе пораженныхъ стонъ
И гдѣ свалка гуще, тамъ ужь вѣрно *онъ!*
Гдѣ валятся больше, при рѣзнѣ упорной,
Шлемы и штандарты — тамъ и рыцарь черный.

Такъ, порой, при рубкѣ, гордый лѣсъ трепе-
щетъ,
Падаютъ — гдѣ сосны, гдѣ упрямый дубъ.
То топоръ тамъ звякнетъ, то пила скрежещетъ.
По стволамъ съ сучками проводя свой зубъ;
Послѣ-жь въ просѣкъ видно, гдѣ сѣкира блещетъ,
И межъ падшихъ бревенъ видѣнъ древорубъ;
Такъ себѣ, средь нѣмцевъ, средь толпы ихъ
тѣсной,
Рубитъ путь къ литвинамъ рыцарь неизвѣстный.

Подвизайся, рыцарь! Бейся! Поспѣшай!
Бѣдные собратья изнемогутъ скоро.
Въ помощь имъ, не медля, руку простирай!
Гибнутъ; не сдержать имъ вражьяго напора!
Самъ комтуръ тевтонскій здѣсь изъ края въ край
Носится, и взоромъ ищетъ Литавора...
Встрѣтилъ — и сглянувшись оба межъ собой,
Кинулись другъ къ другу на смертельный бой.

Князь лишь поднялъ мечъ свой, жребій совер-
шился:
Нѣмецъ поражаетъ выстрѣломъ его;
Мечъ изъ длани выпалъ, шлемъ съ чела свалился,
И литовцы видятъ князя своего,
Какъ, съ сѣдла сползая, на бокъ онъ склонился.

Какъ всѣ ослабѣли члены у него,
И съ коня онъ долу навзничъ былъ низверженъ,
Поздно ужь слугами вѣрными поддержанъ.

Черный рыцарь, страшнымъ ревомъ разразясь,
Вмигъ, подобно тучѣ, что въ догонку грому
Сыплетъ градъ свой крупный по лицу земному,
Бросился къ комтуру, кѣмъ низложенъ князь,
Съ градомъ злыхъ ударовъ... Мигъ — и вождь тевтонской
Раненъ, опрокинутъ, смятъ подковой конской.

И туда, гдѣ падшій князь со всѣхъ сторонь
Окруженъ усерднымъ сборищемъ прислуги,
Какъ стрѣла, несется черный рыцарь. Онъ
Разрываетъ князю сѣть его кольчуги,
Прочь металлъ снимаетъ, гдѣ пристыла кровь,
Глубока-ли рана — смотритъ осторожно,
Съ нѣжною заботой дѣлаетъ, что можно,
Раненому въ помощь. Но изъ раны вновь
Токъ кровавый хлынулъ, и отъ боли входитъ
Изнемогшій въ чувство: взорами обводитъ
Всѣхъ кругомъ стоящихъ, и наличникъ свой
На чело спускаетъ слабою рукой,

И потомъ, услуги прочихъ устраняя,
Старику Рымвиду руку протянулъ:
«Кончено! Умру я!» старцу онъ шепнулъ:
«Грудь не открывать мнѣ, тайну сохраняя!
Но не здѣсь я душу небу поручу:
Въ замокъ! Тамъ я, въ замкѣ, умереть хочу!»

И Рымвидъ, внимая этой рѣчи звуку,
Вздрогнулъ. обезумѣлъ, потъ на лбу застылъ
И ему предсмертно поданную руку
Онъ, обливъ слезами, тихо опустилъ.
Какъ-же не узналъ онъ средь ночнаго сбора
Тамъ... вчера... То нé былъ голосъ Литавора!

Между тѣмъ тотъ рыцарь, своего коня
Поручивъ Рымвиду и чело склоня,
Раненаго принялъ на руки, больное
Бремя это поднялъ, на обратный путь
Приказалъ Рымвиду къ замку повернуть,
И, усѣвшись, ѣдутъ съ поля битвы трое.
Ужь окопы близко. Городской народъ
Къ нимъ идетъ на встрѣчу праздно-любопытный;
Тѣ-же, сохраняя видъ возможно-скрытный,
Сквозь толпу проникли. Вотъ ужь у воротъ!...
Въѣхали... замкнулись... Полно! Для народа
Стражей не дается выхода и входа.

Вотъ ужь потянулось къ замку остальное
Княжеское войско, и хоть въ этомъ боѣ
Выиграно дѣло, но видна печаль
На туманныхъ лицахъ: людямъ князя жаль!
Воины въ тревогѣ, хлопцы ищутъ пана:
Чтó онъ? Гдѣ онъ? Живъ-ли? Не опасна-ль рана?
Какъ развѣдать? Замка недоступенъ дворъ:
Ровъ глубокъ, мостъ поднятъ, глухъ воротъ затворъ —
Между тѣмъ драбанты мрачно хлопотали,
И, вцѣпясь въ кустарникъ, опускались въ ровъ,
Къ лѣсу шли съ желѣзомъ пилъ и топоровъ,

Деревà рубили, хворостъ набирали
И переправляли сушей и водой
Тотъ запасъ горючій. Вѣяло бѣдой...

Гдѣ стоялъ богъ молній съ богомъ бурь шумливыхъ,
И на алтаряхъ ихъ, посреди жрецовъ,
Кровь лилась вседневно: то коней ретивыхъ,
То сереброрунныхъ агнцевъ, то тельцовъ,
Тамъ костеръ воздвигнутъ. Тотъ костеръ былъ важенъ:
Занялъ онъ пространства ровно въ двадцать саженъ.

Дубъ по-серединѣ этого костра.
Кто-же этотъ всадникъ, весь вооруженный
И тройною цѣпью къ дубу пригвожденный?
То комтуръ, который былъ посломъ вчера,
Дерзкій вождь тевтонцевъ, знаемый въ народѣ,
Злой убійца князя, Дитрихъ фонъ-Книпроде.

Рыцари, мѣщане, весь народный сборъ —
Здѣсь. Но что-жь здѣсь будетъ? Угадать боятся.
Страхъ, тоска, надежда, въ душу вдругъ тѣснятся.
Всѣ на замокъ грустный обращаютъ взоръ,
И тая волненье трепетнаго духа,
Напрягаютъ силу зрѣнія и слуха.

Чу! Гудитъ звукъ трубный съ башни замка дальной.
Мостъ опущенъ. Тихо выходъ погребальный
Движется, чернѣя, и героя прахъ
Воины выносятъ на своихъ щитахъ.
Ратное оружье праху служитъ рамой:

Мечъ, копье и стрѣлы падшаго бойца.
Это князь! Вотъ пурпуръ! Это плащъ тотъ самый...
Но наличникъ спущенъ: не видать лица.

«Это онъ!» вскричали. «Равнаго подъ солнцемъ
Нѣтъ ему другаго. То нашъ князь младой,
Тотъ, что многократно былъ грозой тевтонцамъ
И не разъ съ ногайской вѣдался ордой;
Князь, водившій войско на погромъ и славу,
И творившій дома судъ намъ и расправу!
Отчего-жь въ обрядѣ княжьихъ похоронъ
Дѣдовскій обычай здѣсь не соблюденъ?

«Гдѣ конюшій князя? Трауромъ покрытый,
Всадника лишенный, гдѣ парадный конь?
Развѣ не пойдутъ съ нимъ на костеръ, въ огонь?
Гдѣ краса охоты, соколъ знаменитый?
Отчего не видно псовъ его лихихъ,
Этихъ вѣтрорѣзовъ, гончихъ и борзыхъ?»

Такъ толпа роптала. Смутный разговоръ
Вскорѣ разомъ стихнулъ. Въ черныхъ одѣяньяхъ
Рыцари возносятъ тѣло на костеръ.
Вотъ ужь, при протяжныхъ трубныхъ завываньяхъ,
Жертвенно ліется молоко и медъ.
Вотъ ужь съ гимномъ смерти вышелъ вайделотъ!
Жрецъ взялъ ножъ и факелъ на обрядъ тлетворный...
Чу! остановитесь: ѣдетъ рыцарь черный.

«Кто онъ?» вопрошаютъ. «Это — да! — тотъ самый,

Что въ бою на нѣмцевъ громы низвергалъ,
Тотъ, подъ чьимъ ударомъ палъ комтуръ упрямый,
Тотъ, что такъ усердно князю помогалъ,
Онъ, что спасъ литовцевъ въ томъ бою упорномъ:
Конь и плащъ — все тѣ-же; весь онъ также въ черномъ.
Только и узнали. Но отколь? Зачѣмъ?
Кто онъ? какъ зовется? Вотъ постойте, скоро,
Скоро всѣ узнаютъ!» Снялъ онъ черный шлемъ
И народъ увидѣлъ ликъ знакомый всѣмъ:
То былъ ликъ печальный князя Литавора!

Весь отъ изумленья онѣмѣлъ народъ,
Обомлѣлъ; но радость быстро верхъ беретъ:
«Живъ нашъ князь!» вскричали, и неукротимый
Крикъ поднялся къ небу: «Живъ онъ, нашъ родимый!»

Блѣдный и смущенный князь челомъ поникъ.
Онъ уныло принялъ сей народный кликъ.
Медленно потомъ онъ, взоръ свой поднимая,
Тихою улыбкой людямъ отвѣчалъ,
И, собранье взоромъ обводя, молчалъ.
То была улыбка, только не такая,
Что живитъ сердечно всѣ черты лица,
И въ очахъ сіяетъ; проявясь насильно,
Съ устъ улыбка эта смотритъ такъ могильно,
Какъ цвѣтокъ въ холодной длани мертвеца.

«Зажигайте!» вдругъ онъ произнесъ — и вспыхнулъ
Весь костеръ, и слезы градомъ изъ очей.

«Этотъ прахъ безцѣнный — знаетс ли чей?»
Онъ сказалъ, и шопотъ межъ людьми утихнулъ.

«Это — хоть оружье вкругъ ея чела
Воина и мужа — женщина была!»
Весь народъ склонился напряженнымъ слухомъ
Предъ словами князя: «То былъ женщинъ цвѣтъ,
Съ прелестію женской и геройскимъ духомъ!
За себя отмстилъ я; но ея ужь нѣтъ!»

Кончивъ рѣчь, исчезнулъ съ прахомъ онъ любимымъ
На кострѣ, объятый пламенемъ и дымомъ.

Эпилогъ издателя.

Читатель! Если терпѣливо
Прочелъ ты длинный сей разсказъ
И не доволенъ, то — не диво!
Неясность — горе, особливо
Гдѣ любопытство мучитъ насъ.
Князь, напримѣръ, зачѣмъ напрасно
Женѣ своей оружье далъ,
А самъ на битву опоздалъ?
Или Гражина самовластно
Шла вмѣсто мужа своего,
Совсѣмъ безъ вѣдома его?
Но какъ-же онъ, о томъ не зная,
Вдругъ самъ на нѣмцевъ налетѣлъ?
Читатель! все-бъ ты знать хотѣлъ,
Но авторъ, слухи собирая
Въ мѣстахъ при-нѣманскаго края,
Объ этомъ дѣлѣ что̀ узналъ,
То вкратцѣ, бѣгло записалъ;
Сказавъ-же то или иное,
Прошелъ молчаньемъ остальное,
Чтобъ въ историческую вѣсть
Досужихъ вымысловъ не ввесть.
Онъ умеръ; рукопись-же эта
Досталась мнѣ: отъ взоровъ свѣта

Ее подъ спудомъ не тая,
Теперь издать рѣшился я,
И чтобъ дополнить, что неясно,
Я къ новогрудцамъ на разспросъ
Кидался, рыскалъ, но напрасно:
Мнѣ ничего не удалось.
Одинъ Рымвидъ могъ вѣдать много,
Но онъ, какъ старый человѣкъ,
Уже давно свой кончилъ вѣкъ;
При жизни-же молчалъ онъ строго,
Какъ будто клятвой связанъ былъ
Или подъ старость все забылъ.
Однако-же въ краю томъ нынѣ,
Извѣстьемъ каждымъ дорожа,
Я отыскалъ того пажа,
Что́ былъ въ услугахъ при княгинѣ,
И онъ, какъ человѣкъ простой,
Весьма болтливый и пустой,
Что зналъ, сказалъ при первомъ шагѣ,
А я скорѣй — къ перу, къ бумагѣ.
Но я за вѣрность словъ его
Не поручусь: перо готово
Лишь передать здѣсь слово въ слово
Все, что я слышалъ отъ него.
«Княгиня долго, на колѣняхъ, —
Сказалъ онъ, — мужа своего,
При жалобныхъ упрекахъ, пеняхъ,
Просила на литовскій край
Не накликать враговъ опасныхъ;
Но онъ не слушалъ словъ напрасныхъ
И все твердилъ: оставь! ступай!
Порою-жь отвѣчалъ лишь смѣхомъ.

Княгиня вышла съ неуспѣхомъ,
Надѣясь, видно, выбравъ часъ,
Счастливѣй быть въ другой ужь разъ;
Пословъ-же удержать, оставить
Въ стѣнахъ иль какъ-нибудь отправить
Княгиня мнѣ дала приказъ.
Я ихъ отправилъ. За живое
Задѣлъ я нѣмца. Кутерьмы
Немало вышло: въ этомъ мы
Съ княгиней виноваты двое.
Комтуръ, поднявъ нѣмецкій носъ,
Сейчасъ въ мѣстахъ разставилъ скрытныхъ
Тьму войскъ, орудій стѣнобитныхъ,
И я объ этомъ вмигъ донесъ
Княгинѣ. Я-ль не обнаружу
Нѣмецкихъ штукъ? Княгиня къ мужу,
А я за ней вошелъ тайкомъ.
Князь почивалъ глубокимъ сномъ;
Гражина стала возлѣ ложа,
Но побоявшись, можетъ быть,
Иль пожалѣвъ его будить,
Предприняла иное. Что-же?
Она беретъ у князя мечъ,
Спѣшитъ на брови шлемъ надвинуть,
Грудь легкимъ панцыремъ облечь,
И пурпуръ княжескій накинуть
На бѣлизну прекрасныхъ плечъ;
Потомъ, скользнувъ подобно тѣни,
Замкнула дверь и вышла въ сѣни,
Не позабывъ мнѣ приказать
Языкъ на-привязи держать.
Ужь конь и все готово было,

Все: у воинственной жены
Лишь сабли съ лѣвой стороны
Недоставало... Позабыла,
Иль уронила какъ-нибудь
Въ потемкахъ, отправляясь въ путь.
Туда, сюда я и обратно
Метался. Слышу стукъ воротъ:
Замкнули; войско ужь идетъ.
Меня тутъ ужасъ непонятной
Вдругъ одолѣлъ. Какъ быть мнѣ здѣсь?
Что дѣлать? Я увязъ въ задачахъ,
И такъ мечусь, какъ будто весь
Я былъ на угольяхъ горячихъ.
Вдругъ дальній проблескъ!.. Чу! стрѣльба!
То нашихъ съ нѣмцами борьба:
Смекнулъ я: разумъ мой очнулся.
Межъ тѣмъ и князь, гляжу, проснулся;
Не знаю, такъ поднялся онъ,
Иль громомъ битвы пробужденъ;
Кричитъ, людей зоветъ, но тщетно:
Кругомъ все глухо, безотвѣтно;
Я-жь князю въ комнату ползкомъ
Проникъ, и, темнымъ уголкомъ
Доволенъ, въ уголъ тотъ забился,
Свернулся, сжался, притаился;
Смотрю: чтó станется теперь?
Князь бѣсится, колотитъ въ дверь,
И, словно вспомнивъ о княгинѣ,
Онъ къ лѣвой зàмка половинѣ
Понесся; тамъ онъ побывалъ,
Туда спустившись ходомъ скрытымъ, —
И воротясь назадъ сердитымъ,

Дверь въ сѣни съ петлей онъ сорвалъ
И на дворѣ ужь очутился,
А я къ окошку подмостился,
Чтобъ видѣть... (Дѣло шло къ зарѣ
И ужь свѣтлѣло на дворѣ.)
Опять кричать онъ попытался:
И тутъ никто не отозвался;
Кричалъ онъ, какъ въ лѣсной глуши,
Не вызвавъ крикомъ ни души.
Что-жь?... Онъ къ конюшнямъ, и оттуда
Летитъ на ворономъ конѣ,
И самъ весь въ черномъ былъ онъ. Чудо,
Какимъ онъ тутъ явился мнѣ!
Глядь! На валу ужь онъ высоко,
И въ даль свое вперяетъ око:
Гдѣ битва, слушаетъ, глядитъ...
Да вдругъ, что молнія сверкнула,
Черезъ окопы, черезъ мостъ
Мелькнулъ мнѣ только конскій хвостъ,
И все въ туманѣ утонуло.
Я у окна сидѣлъ и ждалъ;
Что будетъ? думалъ да гадалъ.
Когда лучъ первый солнца вспыхнулъ,
Гулъ дальнихъ выстрѣловъ утихнулъ.

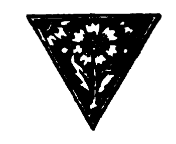
Вернулись Литаворъ, Рымвидъ
И на рукахъ у нихъ Гражина:
Страхъ вспомнить! На лицѣ кончина;
Изъ тяжкой раны кровь бѣжитъ...
Упала, и ея моленій
Послѣднихъ звуки слышалъ я.
Кончаясь, госпожа моя

У мужа обняла колѣни,
Къ нему свой обратила взоръ,
И съ дрожью судорожной муки,
Къ нему протягивая руки,
Она сказала: «Литаворъ!
Твои лобзаю я колѣна.
Мой другъ! мой мужъ! прости меня!
Прости! Здѣсь первая моя,
Здѣсь и послѣдняя измѣна!»

Князь плакалъ. Онъ хотѣлъ поднять
Гражину; но она опять
Къ землѣ всей тяжестью склонилась:
Она была ужь при концѣ;
Еще одна минута длилась...
Прошла — и смерть изобразилась
На измѣнившемся лицѣ.
Князь всталъ, пошелъ, потомъ руками
Закрылъ глаза; они полны,
Полны казалися, слезами!...
Я видѣлъ все со стороны.
Ввѣкъ не видать такого вида!
Потомъ, при помощи Рымвида,
Князь поднялъ прахъ своей жены,
Чтобъ помѣстить на смертномъ ложѣ
Гражины тѣло. Ну, а тамъ,
Что дальше было, мнѣ на что-же
Разсказывать? Извѣстно вамъ.»

Такъ пажъ повѣствовалъ объ этомъ
Событьи, прежде подъ секретомъ:
Рымвидъ велѣлъ ему молчать,

А послѣ, какъ того не стало,
Онъ не боялся ужь нимало
О всемъ на кровляхъ прокричать,
И даже пѣсня о Гражинѣ
Давно въ краю томъ сложена:
Межъ новогрудскимъ людомъ нынѣ
Кому не вѣдома она?
Ее, гуляючи на волѣ,
Поютъ подъ дудку, гдѣ пришлось,
И прежней славной битвы поле
Литвинки полемъ нареклось.

КОНРАДЪ ВАЛЛЕНРОДЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

(изъ дѣяній литовскихъ и прусскихъ).

Dovete adunque sapere come sono due generazioni da combattere... bisogna essere volpe e leone.

MACCHIAVELLI.

БОНАВЕНТУРУ и IОАННѢ

ЗАЛѢСКИМЪ.

На память года тысяча-восемьсотъ-двадцать-седьмаго.

Посвящаетъ

Авторъ.

Предисловіе.

Литовскій народъ, слагающійся изъ племенъ: Литовцевъ, Пруссовъ и Леттовъ (Латышей), немногочисленный, поселенный въ краю необширномъ, недостаточно плодородномъ, долго неизвѣстный Европѣ, набѣгами сосѣдей былъ вызванъ къ болѣе видной дѣятельности около тринадцатаго вѣка. Когда Пруссаки стали уступать оружію Тевтоновъ, Литва, выйдя изъ своихъ лѣсовъ и болотъ, начала истреблять мечемъ и огнемъ окрестныя государства и скоро сдѣлалась страшною на Сѣверѣ. Исторія еще достаточно не выяснила, какимъ образомъ народъ, столь слабый и такъ долго подвластный чужимъ, могъ вдругъ противустать и сдѣлаться грознымъ всѣмъ своимъ врагамъ, ведя, съ одной стороны, постоянную и убійственную войну съ орденомъ Крестоносцевъ, грабя, съ другой стороны, Польшу, собирая дань съ Великаго Новгорода и заглядывая даже на берега Волги и на Крымскій полуостровъ. Самая блестящая эпоха Литвы относится ко временамъ Ольгерда и Витолда, которыхъ владычество простиралось отъ Балтійскаго до Черпаго моря. Но это огромное государство, возрастая черезъ мѣру быстро, не было въ состояніи выработать въ себѣ внутренней силы, которая-бы спаяла и способна была оживить разнородныя его

части. Литовская народность, раскинутая на слишкомъ обширномъ пространствѣ, утратила свойственный ей колоритъ. Литовцы подчинили себѣ много русскихъ родовъ и вошли въ политическія сношенія съ Польшей. Славяне, уже издавна христіане, находились на высшей ступени образованія, и хотя одни покоренные, другіе угрожаемые Литвой, снова, медленнымъ вліяніемъ, пріобрѣли нравственный перевѣсъ надъ сильнымъ, но варварскимъ притѣснителемъ и поглотили его, какъ Китайцы татарскихъ наѣздниковъ. Ягеллоны и болѣе могущественные вассалы ихъ сдѣлались Поляками; многіе литовскіе князья на Руси приняли вѣру, языкъ и народность русскую. Такимъ образомъ Великое княжество Литовское перестало быть Литовскимъ; народъ собственно Литовскій увидѣлъ себя въ прежнихъ своихъ границахъ, рѣчь его перестала быть языкомъ двора и сильныхъ, и сохранилась только въ простонародіи. Литва представляетъ любопытное зрѣлище народа, который исчезъ въ массѣ своихъ завоеваній, какъ ручеекъ опадаетъ послѣ чрезмѣрнаго разлива и течетъ по болѣе узкому чѣмъ прежде руслу.

Уже нѣсколько вѣковъ закрываютъ отъ насъ приведенныя здѣсь событія. Сошли со сцены политической жизни и Литва, и самый жестокій врагъ ея — Орденъ Крестоносцевъ; отношенія сосѣднихъ народовъ измѣнились совершенно, разсчеты и страсти, которые зажигали тогдашнія войны, исчезли, даже воспоминанія о нихъ не сохранили народныя пѣсни. Литва вся уже — въ прошедшемъ. Ея дѣянія представляютъ счастливый просторъ для поэзіи, съ той точки зрѣнія, что поэтъ, воспѣвающій тогдашнія

событія, долженъ заниматься только однимъ историческимъ предметомъ, изслѣдованіемъ событій и художественнымъ произведеніемъ, не подчиняясь ни разсчету, ни страсти, ни модѣ читателей. Такихъ именно предметовъ велѣлъ искать Шиллеръ:

«*Was unsterblich im Gesang soll leben,*
«*Muss im Leben untergehen*».

«*Что должно воскреснуть въ пѣснѣ, должно погибнуть въ дѣйствительности*».

Вотъ уже третье польское сочиненіе, которое я издаю въ свѣтъ въ столицѣ Монарха, который изъ всѣхъ царей земли насчитываетъ въ своемъ государствѣ наиболѣе племенъ и языковъ. Будучи одинаково отцомъ всѣхъ, онъ одинаково всѣмъ обезпечиваетъ свободное обладаніе земными благами и еще болѣе драгоцѣнными благами нравственными и умственными. Онъ не только оставляетъ каждому изъ своихъ подданныхъ исповѣдуемую имъ вѣру, обычаи и языкъ, но даже повелѣваетъ розыскивать и оберегать затерянные или приходящіе въ разрушеніе памятники былыхъ вѣковъ, какъ наслѣдіе, принадлежащее грядущимъ поколѣніямъ. Поддержанные его щедростью, ученые предпринимаютъ трудныя путешествія, для изслѣдованія и сбереженія финскихъ памятниковъ; удостоенныя чести его покровительства, ученыя общества воздѣлываютъ и лелѣютъ древній языкъ Латышей, сродниковъ литовскихъ. Дай Богъ, чтобы имя Отца столькихъ народовъ было одинаково славимо во всѣхъ поколѣніяхъ, всѣми языками!

Вступленіе.

Сто лѣтъ свершалося съ тѣхъ поръ, какъ сталъ Тевтонъ
Въ крови полуночныхъ язычниковъ купаться;
Какъ Пруссъ сталъ подъ ярмо желѣзное склоняться,
Или, спасая жизнь, бѣжалъ изъ края вонъ.
Погони Нѣмецъ слалъ во слѣдъ за бѣглецами,
Вплоть до Литвы разилъ и отягчалъ цѣпями.

Границей Нѣманъ сталъ Литовцевъ и враговъ:
На этой сторонѣ блестятъ межъ древъ могучихъ
Кумирни, и шумятъ лѣса — пріютъ боговъ;
На той, среди холма, съ челомъ подъятымъ въ тучи,
Съ простертыми къ Литвѣ руками, водруженъ
Крестъ грозный, знаменье нѣмецкаго закона,
Какъ будто съ высоты всѣ земли Палемона
Обнять и захватить себѣ хотѣлъ-бы онъ *).

---

*) Палемонъ — родоначальникъ литовскаго народа, пришедшій будто-бы изъ Рима съ дружиной, и потому Lithuania — Литва почиталась нѣкоторыми искаженіемъ слова l'Italia.

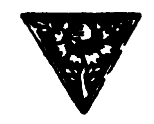
Примѣч. переводчика.

На этой сторонѣ бойцы Литвы толпами,
Въ медвѣжьихъ охабняхъ и въ рысьихъ колпакахъ,
Снуютъ съ запасомъ стрѣлъ и съ лукомъ за плечами,
Слѣдя, куда шаги свои направитъ врагъ.
И очи устремивъ въ окопъ, на вражьи сходки
Съ противной стороны, въ доспѣхахъ и бронѣ,
Нѣмецкій паладинъ, недвижный на конѣ,
Вбивая въ стволъ зарядъ, перебираетъ чотки.

И переправу съ двухъ блюдутъ они сторонъ,
И Нѣманъ, съ давнихъ поръ струей гостепріимной
Два братскихъ племени связующій взаимно,
Порогомъ вѣчности ужь сталъ для двухъ племенъ:
Кто не хотѣлъ терять ни жизни, ни свободы,
Не могъ переступить заповѣдныя воды.
Одинъ литовскій хмѣль съ родимыхъ береговъ
Ползетъ, карабкаясь, межъ вербъ и тростниковъ
До прусской тополи, плѣненъ ея красою
Онъ руки распростеръ, пурпуровымъ вѣнкомъ
Перескочилъ рѣку и, смѣлый, съ дорогою
Ужь обнимается на берегу чужомъ.
Дубравы ковенской лишь соловьи съ пѣвцами
Запущанской горы — родными соловьями —
Ведутъ по-старому литовскій разговоръ,
Иль, вольные, вспорхнувъ, слетаются гостями
На общихъ островахъ пѣвцы долинъ и горъ.

А люди? — злая брань давно ихъ раздѣлила!
Литвиномъ, Пруссакомъ забвенью предана
Старинная пріязнь: порой любовь одна
Людей сближаетъ... Двухъ мнѣ память сохранила.

О, Нѣманъ! ринуться въ струи твои къ тебѣ
готовъ,
Неся огонь и смерть, врагъ тишины и мира.
Снесетъ тогда съ твоихъ хранимыхъ береговъ
Зеленые вѣнки нещадная сѣкира;
Орудій гулъ въ садахъ разгонитъ соловьевъ;
Что золотая цѣпь сочувственной природы
Связала, разорвутъ враждой своей народы.
Народы разорвутъ, но любящихъ сердца
Вновь сочетаетъ пѣснь народнаго пѣвца.

Избранiе.

I.

Ужь колоколъ гудитъ съ Марiенбургской башни,
Рокочетъ барабанъ и выстрѣлы гремятъ.
День празднества насталъ. Покинувъ бытъ все-
гдашнiй,
Комтуры Ордена въ столичный градъ спѣшатъ.
Въ кругу капитула, въ торжественномъ собраньи,
Призвавши Духъ Святой, должны они рѣшить:
Кому воздѣть на грудь, по строгомъ совѣщаньи,
Великiй крестъ? Кому великiй мечъ вручить?
Въ совѣтахъ день прошелъ, дней много протекало:
Такъ много рыцарей къ избранiю предстало.
Заслуги Ордену всѣхъ доблестныхъ мужей
Равны, и знатностью равна у нихъ порода;
Однако, общее согласье братьи всей
Доселѣ ставило всѣхъ выше Валленрода.

Безвѣстный въ Пруссiи пришлецъ онъ; но объ
нёмъ
Геройской славы шумъ дошелъ уже съ чужбины:
За Маврами-ль гнался въ Кастилiи съ мечемъ,

За Турками-ль леталъ чрезъ водныя пучины, —
Онъ въ битвахъ впереди, онъ первый на стѣнахъ,
Онъ первый настигалъ ихъ корабли въ волнахъ.
И если выступалъ въ турнирахъ на арену
Забрало приподнявъ, — ему всѣ знали цѣну:
Переломить копья никто съ нимъ не дерзалъ,
И первый лавръ ему на долю выпадалъ.

Не доблестью одной межъ рыцарей Совѣта
Онъ въ юности своей прославиться успѣлъ;
Украсили его сіяньемъ чистыхъ дѣлъ —
Смиренье, нищета, презрѣнье къ блеску свѣта.

Не славился Конрадъ среди толпы князей
Изысканностью словъ, изяществомъ поклоновъ;
Оружья никогда изъ прибыли своей
Не продавалъ въ борьбѣ враждующихъ бароновъ.
Онъ рано схоронилъ всѣ юности мечты
Въ стѣнахъ монастыря, и шумъ рукоплесканій,
И честь, и санъ презрѣлъ, и высшей славы дани:
Ни менестрелей гимнъ, ни взгляды красоты
Его холоднаго не волновали духа.
Нѣтъ, Валленродъ къ хваламъ не преклоняетъ слуха,
На прелесть женскую лишь издали глядитъ,
Отъ словъ чарующихъ, какъ отъ чумы, бѣжитъ.

Онъ отъ природы гордъ, иль страстныхъ чуждъ желаній —
То трудно угадать; съ годами-ль сталъ такой?
Хоть молодъ, заклейменъ онъ старостью страданій:
Морщинами чела и ранней сѣдиной.
Порой бывали дни, когда бросалъ онъ взоры

На молодежь, и съ ней веселіе дѣлилъ,
Былъ даже женскіе радъ слушать разговоры;
За шутку, при дворѣ, онъ шуткою язвилъ.
Учтивой лестью словъ онъ тѣшилъ дамъ свободно,
Какъ лакомствомъ дѣтей, съ улыбкою холодной.
Но это только былъ забвенья рѣдкій мигъ...
И слово лишь одно, неважное для нихъ,
Изъ беззаботныхъ устъ случайно вылетало —
Внезапно въ страстный жаръ оно его бросало.
Слова: отчизна, долгъ, любовь, живая рѣчь
О рыцаряхъ, Литвѣ, исходѣ грозныхъ сѣчъ
Смущали невзначай веселость Валленрода.
Онъ отвращалъ лицо, стѣснялась словъ свобода,
Онъ становился вновь безчувственъ, нѣмъ и глухъ,
И погружался весь въ таинственныя думы.
Быть можетъ, сихъ утѣхъ его чуждался духъ,
На память приводя обѣтъ поста угрюмый.
Утѣхи дружбы онъ одной лишь принималъ.
Онъ друга одного, надежнаго избралъ,
Святаго жизнію, божественнаго саномъ: .
То былъ сѣдой монахъ и звался онъ Гальбаномъ.
И Валленрода онъ во всемъ сподвижникъ сталъ.
Онъ былъ и духовникъ, и думъ его властитель:
Его сердечныхъ тайнъ онъ былъ нѣмой хранитель.
Блаженная пріязнь! Святой въ семъ мірѣ тотъ,
Кто у святыхъ пріязнь такую обрѣтетъ.

Такъ въ мысляхъ старшины Совѣта оцѣняли
Конрада качества. Но былъ и въ немъ порокъ;
Кого-же на землѣ грѣхи всѣ оставляли?
Конрада суеты не увлекалъ потокъ;
Онъ избѣгалъ пировъ веселыхъ посѣщенья;

Но въ келіи своей, задумчивъ и забытъ,
Когда его тоски тревожили мученья,
Въ напиткѣ огневомъ искалъ онъ услажденья.
И весь его тогда преображался видъ:
Тогда въ его лицѣ и блѣдномъ, и суровомъ,
Пятномъ болѣзненный румянецъ выступалъ,
И взоръ, что грузъ годовъ гасилъ и притуплялъ,
Изъ синихъ нѣкогда очей, въ блистаньи новомъ,
Огня давнишняго вкругъ молніи металъ.
Скорбящій вздохъ его изъ груди раздается
И вѣжды налились жемчужною слезой;
Ужь ищетъ струнъ рука, изъ устъ ужь пѣсня льется, —
Хоть въ пѣснѣ у него звучалъ языкъ другой;
Но сердцу внемлющихъ доступны были звуки,
Понятна музыка могильная разлуки.
Довольно поглядѣть на видъ одинъ пѣвца,
Усилье памяти въ чертахъ его лица;
Бровь къ верху, къ долу взоръ, какъ будто въ напряженьи
Онъ что-то силится изъ нѣдръ земли достать.
Какое-жь пѣснь его могла-бъ имѣть значенье?
Невѣрной мыслію онъ гонится опять
Въ волнахъ минувшаго за днями упованій.
А гдѣ душа его? — Въ краю воспоминаній.

Но тоновъ радостныхъ изъ лютни никогда
Рука не извлечетъ, хоть онъ одушевится
Восторгомъ музыки. Улыбки и слѣда,
Какъ смертнаго грѣха, лицо его боится.
Онъ по порядку струнъ ихъ всѣ переберетъ,
Не тронувъ лишь одной, закрывъ на радость вѣжды;

Всѣ состоянья чувствъ съ нимъ каждый перейдетъ
И только одного не обрѣтетъ — надежды.

Изъ братьи кто его нежданно посѣщалъ,
Необычайной всѣ дивились перемѣнѣ:
Конрадъ встревоженный сердился и дрожалъ,
И лютни прерывалъ восторженныя пени.
Хуленья тяжкія онъ вслухъ произносилъ
И неизвѣстно что шепталъ тогда Гальбану,
Кричалъ на рыцарей; повелѣвая стану,
Невѣдомо кому нещадно онъ грозилъ...
Тревожились они. Гальбанъ сидитъ, ни слова;
Въ лицо Конрада взглядъ какъ-бы вонзаетъ онъ.
Взглядъ охлаждающій, пытующій сурово,
Который силою былъ тайной одаренъ.
Напоминаетъ-ли, даетъ-ли онъ совѣты,
Иль въ Валленрода онъ вселяетъ смутный страхъ:
Но вдругъ съ его чела онъ гонитъ бурь примѣты
И студитъ жаръ въ лицѣ, и гаситъ блескъ въ очахъ.

Такъ укротитель львовъ, всѣхъ взорами окинувъ,
И съ дозволенья дамъ и избранныхъ гостей,
Желѣзнаго дворца рѣшетку разодвинувъ,
Дастъ знакъ трубой: воспрянувъ, царь звѣрей
Подъемлетъ грозный ревъ, всѣ зрители въ смятеньи:
Одинъ смиритель львовъ, недвиженъ, безъ смущенья,

Скрестивши на груди спокойно руки, вдругъ
Очами льва разитъ въ его разбѣгѣ рьяномъ,
И этимъ лишь души безсмертной талисманомъ
Безумной силѣ онъ безвредный чертитъ кругъ.

23 ноября 1870 г.

II.

Ужь колоколъ гудитъ съ Маріенбургской башни.
Изъ залы выборовъ идутъ въ домовый храмъ:
Комтуръ старѣйшій, сонмъ сановниковъ всегдашній,
Капланы, рыцари, капитулъ весь, чтобъ тамъ
Вечерню отстоять, привычную ихъ слуху.
И въ церкви гимнъ они поютъ Святому Духу.

ГИМНЪ.

Богъ, Святый Духъ!
Голубь Сіона!
Днесь христіанскій міръ твой вокругъ —
Землю, подножье вѣчнаго трона,
Чуднымъ явленьемъ твоимъ озари,
Крылья надъ братьей Сіонской простри.
Солнцемъ пусть лучъ изъ-подъ крылъ засіяетъ,
Власти достойнаго пусть освѣщаетъ
Онъ благодати вѣнкомъ золотымъ,
Пусть надъ избраннымъ почіетъ опека
Крылъ лучезарныхъ; сыны человѣка —
Ницъ упадемъ мы тогда передъ нимъ —
Сынъ, Искупитель!

Дай указанье всесильной рукой,
Кто здѣсь ревнитель
Жизни святой,
Жизни вѣнчанной твоими страстями,
Воинство вѣры кому предводить,
Мышцей Петра у враговъ предъ очами
Царства Христова хоругви развить:
Тотъ пусть сердца всѣхъ себѣ покоряетъ,
Крестъ на чьей груди звѣздой заблистаетъ.

Всѣ вышли, помолясь. Архикомтуръ рѣшилъ:
Давъ отдыхъ, въ хоръ вернуться для отвѣта,
И вновь просить, чтобъ Богъ сознаньемъ просвѣтилъ
Каплановъ, братію и рыцарей Совѣта.

Ночной прохладой духъ всѣ вышли освѣжить:
У зàмка на крыльцѣ стеклась толпа густая;
Кто по садамъ пошелъ и рощамъ побродить.
Стояла тихая погода ночи мая,
Неясно вдалекѣ свѣтъ утренній дрожалъ,
А мѣсяцъ, обѣжавъ поля лазури чистой,
Мѣняя и лицо, и ока блескъ, дремалъ
То въ темномъ облакѣ, то въ тучкѣ серебристой,
Внизъ одинокое къ землѣ склонивъ чело.
Такъ брошенный въ степи, въ мечтахъ своихъ, влюбленный,
Перебирая все, что въ жизни ужь прошло:
Надежды, радости, боль муки затаенной,
То ронитъ слезы вдругъ, то весело глядитъ,
И, наконецъ, съ главой поникшею сидитъ,
И въ летаргію думъ впадаетъ утомленный.

Въ прогулкѣ рыцари проводятъ свой досугъ.
За то архикомтуръ не тратитъ ни мгновенья,
Тотчасъ Гальбана онъ и старшей братьи кругъ
Сзываетъ и съ собой влечетъ въ уединенье,
Чтобъ осторожнѣе принять отъ нихъ совѣтъ.
Нескромности толпы они тѣмъ избѣгаютъ,
Изъ зàмка зà-городъ прогулку направляютъ,
Бесѣдуя идутъ, дорогъ покинувъ слѣдъ,
И долгіе часы въ окрестностяхъ блуждаютъ,
По скатамъ озера, вблизи спокойныхъ водъ.
Пора въ столицу: день блеснулъ на лугъ и пашни.
Вдругъ слышатъ голосъ... чей?.. онъ изъ угольной башни.
Комтуръ отшельницы въ немъ голосъ узнаетъ.
Остановилися. Въ тиши уединенья
Какая-то жена лѣтъ за десять назадъ,
Изъ дальней стороны придя въ Маріинъ градъ,
Искала въ башнѣ той души успокоенья.
Не вдохновенная-ль она сюда пришла?
Иль совѣсти больной извѣдала терзанья,
И въ жаждѣ смыть грѣхи елеемъ покаянья
Тутъ заживо себѣ гробницу обрѣла?

Сначала долго ей капланы не внимали,
Но голосъ твердаго моленья превозмогъ,
И въ башнѣ, наконецъ, убѣжище ей дали,
И камень, и кирпичъ задвинули порогъ.
Она, какъ лишь вошла, за тѣмъ святымъ порогомъ
Осталася одна съ тревогой думъ и Богомъ;
И развѣ въ день суда сонмъ Ангеловъ святыхъ
Отворитъ ей врата — заставу отъ живыхъ.

Окно съ рѣшеткою вверху, гдѣ торопливо
Ей пищу подаетъ народъ боголюбивый,
А небо вѣтерокъ и лучъ ей шлетъ дневной.
Ужели, грѣшница, такъ духъ твой молодой
Смутила ненависть, что въ черной къ свѣту злобѣ
Боишься солнца ты, когда лазурь чиста!
Съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь она въ своемъ замкну-
лась гробѣ,
Никто не подглядѣлъ, чтобы ея уста
Впивали у окна дыханіе зефира,
Чтобъ на лазурь небесъ она вперила взглядъ,
На милые цвѣты, красу земнаго міра,
На образы людей, — милѣе ихъ стократъ.

Но что жива она, въ томъ не было сомнѣнья.
Когда въ той сторонѣ скитается порой
Отсталый пилигримъ, его въ тиши ночной
Какой-то милый звукъ задержитъ на мгновенье:
Молитвы пѣснь ему, конечно, въ немъ слышна.
Изъ прусскихъ деревень лишь дѣти соберутся
Подъ вечеръ и игрой къ дубравѣ завлекутся,
Вдругъ что-то бѣлое засвѣтитъ изъ окна,
Какъ будто лучъ звѣзды предъ утромъ восходящей.
Не локонъ-ли ея янтарный и блестящій?
Не бѣлоснѣжная-ль отшельницы рука
Невинныхъ головы дѣтей благословляетъ?
Комтуръ, поворотивъ сюда издалека,
У башни угловой такимъ словамъ внимаетъ:
«Конрадъ! свершилося, что рокъ тебѣ судилъ!
Магистромъ будешь ты, и карой имъ ужасной!..
Узнаютъ-ли они?.. Скрываешься напрасно...
Хотя-бы, какъ змѣя, ты тѣло измѣнилъ,

Все-жь много прежняго въ душѣ твоей осталось,
Того-же, что во мнѣ доселѣ удержалось!
Хотя-бъ опущенный въ могилу ты возсталъ,
Все-жь воинъ-бы креста еще тебя узналъ»...
Внимаютъ рыцари: то голосъ заключенной;
И видятъ станъ ея къ рѣшеткѣ наклоненный,
И руки, кажется, простерла внизъ она —
Къ кому-жь?.. пустынна вся окрестная страна,
Лишь блескъ издалека какой-то отсвѣчаетъ,
Какъ-бы забрала сталь сверкнула огонькомъ,
И тѣнь здѣсь на землѣ... не плащъ-ли то мель-
каетъ?
Исчезло призракомъ все въ воздухѣ пустомъ...
То утренней звѣзды, конечно, взоръ румяный,
То въ полѣ пронеслись холодные туманы.

«Хвала, сказалъ Гальбанъ, и слава небесамъ:
Насъ, братья, привело сюда ихъ указанье;
Повѣримъ вѣщимъ мы отшельницы словамъ.
Вы слышали ея Конраду прорицанье;
Конрада именемъ зовется Валленродъ!
Давайте руки, пусть онъ будетъ на примѣтѣ,
И слово рыцарей, что завтра онъ пройдетъ
Въ магистры!..» и кричатъ: «согласье на Совѣтѣ!»

И съ криками пошли. Ихъ возгласы звучатъ
И эхомъ понеслись побѣднымъ по долинѣ:
«Да здравствуетъ магистръ, да здравствуетъ Кон-
радъ,
А съ нимъ и Орденъ! Смерть язычеству отнынѣ!»

Гальбанъ отъ нихъ отсталъ, весь въ думы по-
груженъ;

На уходящихъ взглядъ презрѣнья бросилъ онъ,
И тихимъ голосомъ, на башню угловую
Взглянувъ и уходя, онъ пѣснь запѣлъ такую:

ПѢСНЬ.

Вилія, нашихъ потоковъ царица,
Съ дномъ золотистымъ, съ лазурнымъ лицомъ,
По-воду ходитъ къ ней чудо-дѣвица
Сердцемъ чистѣе, яснѣе челомъ.

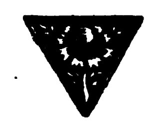
Вилія въ Ковенской, милой долинѣ
Между тюльпановъ бѣжитъ по равнинѣ:
Возлѣ Литвинки цвѣтъ нашихъ сыновъ
Краше тюльпановъ и розы цвѣтовъ.

Вилія дола цвѣты презираетъ,
Нѣмана милаго ищетъ волна:
Между Литвиновъ Литвинка скучаетъ,
Юношу пришлаго любитъ она.

Вилію, Нѣманъ схвативъ на равнинахъ,
Въ дикія скалы и дебри несетъ,
Къ лону холодному милую жметъ,
Съ нею въ морскихъ пропадая пучинахъ....

Также съ пришельцемъ ты, скорби полна,
Бросишь, Литвинка, родныя селенья!
Также утонешь въ пучинѣ забвенья,
Только печальнѣй, утонешь одна....

Сердца не сдержишь, не сдержишь потока!
Любитъ дѣвица, стремится вода: —
Въ Нѣманѣ Виліи нѣтъ и слѣда,
Въ башнѣ дѣвица грустить одиноко....

III.

Когда святой уставъ магистръ облобызалъ,
Молитву совершилъ и знаки повелѣнья:
Великій крестъ и мечъ изъ рукъ комтура взялъ —
Онъ гордо взнесъ чело. Хоть туча размышленья
Надъ нимъ нависла, всѣхъ онъ взоромъ оглянулъ,
Пылаетъ радость въ немъ и гнѣвъ попеременно,
И гость невиданный въ лицѣ его мелькнулъ —
Улыбка слабая, пропавшая мгновенно,
Какъ блескъ, что на зарѣ мракъ тучи-бы разсѣкъ,
И солнечный восходъ, и громы-бы прорекъ.

Такой магистра пылъ, его грозящій ликъ
Сердца отрадною надеждой оживляютъ:
Добычи ждутъ они, ужь битвы слышатъ крикъ,
И въ мысляхъ щедро кровь невѣрныхъ проливаютъ.
Вождю подобному кто-жь переступитъ шагъ?
Кто-жь взора и меча его не устрашится?
Такъ трепещи, Литвинъ! часъ близокъ, совершится!
Заблещетъ знакъ креста на виленскихъ стѣнахъ.

Надежды тщетныя. Проходятъ дни, недѣли,
Въ покоѣ ужь протекъ и цѣлый долгій годъ.

Литва грозитъ, и что-жь? — постыдно Валленродъ
Ни самъ нейдетъ, ни войскъ не шлетъ къ желанной цѣли,
А лишь проснется онъ и дѣйствовать начнетъ,
Порядокъ старый весь безъ толку извращаетъ.
Кричитъ, что Орденъ долгъ священный попираетъ;
Обѣтовъ, братію связавшихъ, не блюдетъ;
«Молитесь,» онъ кричитъ, «сокровищъ прочь стяжанье,
Въ добрѣ вся наша честь, пусть царствуетъ покой!»
Велитъ посты нести и тягость покаянья;
Не терпитъ въ строгости утѣхи никакой,
Караетъ легкій грѣхъ, проникшій въ стѣны кельи —
Мечемъ, изгнаніемъ, истомой въ подземельи.

А между тѣмъ Литвинъ, который съ давнихъ поръ
Ворота обѣгалъ ихъ Орденской столицы,
Лишь ночь, деревни жжетъ, палитъ сосѣдній боръ
И безоружныя хватаетъ вереницы;
У зaмка самаго слышна его хвальба,
Что онъ идетъ во храмъ магистра славить Бога...
И въ первый разъ дѣтей у отчаго порога
Дрожать заставила литовская труба.

Когда-же для войны часъ болѣе счастливый?
Терзается Литва, внутри ея вражда,
То храбрый Русскій тамъ, то Ляхъ идетъ кичливый,
То Хана крымскаго къ ней тянется орда.
Витолдъ Ягеллою, съ престола совлеченный,
Защиты прискакалъ у Ордена просить,
Дары и области въ награду посулить,
Но помощи досель вотще ждетъ побѣжденный.

И братья ропщутъ вслухъ. Сбирается совѣтъ:
Бѣжитъ старикъ Гальбанъ. Нигдѣ магистра нѣтъ:
Ни въ зàмкѣ не нашелъ, ни въ церкви онъ Конрада.
Гдѣ-жь онъ? Конечно тамъ, — у башни угловой.
Напала братія на слѣдъ его ночной;
Извѣстно стало всѣмъ, лишь вечера прохлада
Дохнетъ на міръ и мракъ вокругъ густѣть начнетъ,
Бродить по берегамъ онъ къ озеру идетъ,
Иль на колѣнахъ онъ, къ стѣнѣ прижавши тѣло,
Окутанный плащемъ, до самой зорьки бѣлой
Статуей мраморной задумчивый стоитъ,
И сонъ ему всю ночь рѣсницы не смежаетъ.
Отшельница его чуть слышно вопрошаетъ,
И тихій отзывъ онъ привставши дать спѣшитъ;
Ихъ шепота въ ночи не дослѣдятъ дозоры,
Подъятое-жь чело и рукъ тревожный всплескъ
И потрясеннаго забрала легкій блескъ —
Все знакъ, что важные ведутся разговоры.

ПѢСНЬ ИЗЪ БАШНИ.

Кто вздохи, кто слезы взялся́-бъ мои счесть?
Иль столько ужь лѣтъ меня слезы томили,
Въ груди и въ очахъ столько горечи есть,
Что ржавчиной вздохи рѣшетку покрыли?
Тутъ въ камень холодный, упавъ изъ очей,
Слеза проникаетъ какъ въ сердце людей.

Есть вѣчный огонь у столповъ Свенторога,
Огонь оживляетъ кумирни слуга,

Есть вѣчный источникъ въ горѣ у Мендога,
Источникъ питаютъ туманъ и снѣга.
Никто моихъ вздоховъ и слезъ не питаетъ,
А скорбь, какъ и прежде, мнѣ сердце снѣдаетъ.

Веселый нашъ край и богатый нашъ домъ,
Отцовскія ласки и матери нѣжность,
И дни безъ печали, и сновъ безмятежность:
Покой, точно ангелъ, и ночью, и днемъ,
И въ полѣ, и въ домѣ съ семьею родимой
Хранилъ меня вѣрно, хотя и незримый.

Красавицъ у матери три было насъ,
Искать меня первую стали въ замужство;
Счастливая юность, богатства запасъ;
Кто-жь счастья другаго вселилъ въ меня чувство?
Ты, юноша чудный! зачѣмъ мнѣ сказалъ,
Чего у Литовцевъ никто не слыхалъ?

О Богѣ великомъ, объ ангелахъ ясныхъ,
О каменныхъ градахъ, гдѣ слышенъ напѣвъ
Молитвы священной во храмахъ прекрасныхъ,
Князья гдѣ съ покорностью слушаютъ дѣвъ,
Какъ воины наши въ бояхъ безмятежны,
Въ любви, какъ пастухъ нашъ съ пастушкою, нѣжны.

Гдѣ смертный, сложивши покровъ свой земной,
Въ блаженное небо взлетаетъ душой...
Ахъ, вѣрила я... и небеснаго рая
Вкусила ужь въ жизни, тебѣ я внимая!
Ахъ, въ счастьѣ и въ горѣ предметы мечты
Съ тѣхъ поръ—только небо, съ тѣхъ поръ—только ты!

Въ крестѣ на груди твоей жизнь мнѣ блеснула,
Знакъ будущій счастья я видѣла въ немъ...
Увы, съ него молнія только сверкнула,
И тотчасъ все стихло, погасло кругомъ!..
Не жаль ничего мнѣ, хоть полны слезъ вѣжды,
Пускай ты все отнялъ, оставилъ надежды...

«Надежды» — отдалось окрестъ, среди долинъ,
Прибрежій озера и въ дебряхъ, тихимъ эхомъ.
Конрадъ, воспрянувши, воскликнулъ съ дикимъ
смѣхомъ:
«Надежды? слышу я. Гдѣ я, злой доли сынъ?!..
Къ чему такая пѣснь?.. Свѣжо былаго чувство:
Вы были три сестры, во цвѣтѣ красоты,
И стали первую тебя искать въ замужство...
О, горе, горе вамъ, прекрасные цвѣты!
Чудовище-змѣя попала въ садъ украдкой;
Гдѣ грудью скользкою она лишь проползетъ,
Засохнутъ травы тамъ, цвѣтъ розы опадетъ,
И пожелтѣетъ все, какъ грудь эхидны гадкой!
Дай волю мысли ты, зови на память дни,
Которые-бъ досель ты въ счастьѣ проводила,
Когда-бы... что жь молчишь?.. Пой пѣсню и кляни;
Пусть страшная слеза, что камень проточила,
Не падаетъ вотще; я снялъ мой шлемъ и жду —
Пусть падаетъ сюда и мнѣ чело сжигаетъ,
Пусть падаетъ сюда — и мукой донимаетъ:
Хочу я знать впередъ, что ждетъ меня въ аду».

ГОЛОСЪ ИЗЪ БАШНИ.

«Прости вину мою, прости мнѣ, другъ, — довольно.
Ты поздно такъ пришелъ, мнѣ грустно стало ждать,
Ребяческая пѣснь на умъ пришла невольно...

Оставимъ эту пѣснь!.. Могу-ли упрекать?
Съ тобой, мой дорогой, мнѣ небо даровало
Лишь мимолетный мигъ: но мигъ одинъ такой,
Который промѣнять я все-жь бы не желала
На вялое житье, влачимое толпой!
Людей, погрязнувшихъ въ ничтожной дня заботѣ,
И самъ ты сравнивалъ съ улитками въ болотѣ:
Волною бури разъ срываемыя въ годъ,
Онѣ покажутся на свѣтъ изъ мутныхъ водъ,
Едва откроютъ ротъ, дохнутъ въ просторъ небесный,
И вновь зароются въ илъ тинистаго дна.
Для счастья этого — нѣтъ, я не создана!
Еще въ отечествѣ и въ долѣ неизвѣстной,
Нерѣдко посреди ликующихъ подругъ
Вздыхала тайно я, о чемъ-то все тоскуя,
И безпокойное біенье сердца чуя,
Равнины низменной я покидала лугъ,
И думала, на холмъ взбѣгая не однажды:
Когда-бъ по перышку мнѣ жаворонокъ каждый
Могъ, съ высоты спустясь, изъ легкихъ крыльевъ дать,
Взвилась-бы съ ними я, и только межъ цвѣтами
Мнѣ-бъ незабудки цвѣтъ съ холма того сорвать,
А тамъ за облака, надъ доломъ и горами,
Летѣть все вверхъ и вверхъ! — и скрыться навсегда...
Ты выслушалъ меня! Царь птицъ, меня тогда,
Вознесъ ты до себя орлиными крылами!
А нынѣ, птички, мнѣ васъ не о чемъ просить.
Тому-ль искать утѣхъ, кому дано такъ много —
Кто могъ великаго познать на небѣ Бога
И мужа на землѣ великаго любить?»

КОНРАДЪ.

«Величье и опять величье, ангелъ милый!
Изъ груди все объ немъ стонъ жалобный летитъ.
Немного дней еще пусть сердце поболитъ,
Немного лишь, и такъ ихъ мало до могилы.
Свершилося! вотще безвременно тужить,
Поплачемъ, но пускай враговъ трепещетъ стая;
Конрадъ наплакался, чтобъ смертью ихъ разить.
Но ты зачѣмъ пришла, зачѣмъ-же, дорогая,
Ты монастырскихъ стѣнъ оставила покой?
Я посвятилъ тебя въ нихъ Богу на служенье,
Не лучше-ль, за его оградою святой,
Земные дни кончать и плакать въ отдаленьи,
Чѣмъ въ пыткѣ медленной, какъ въ гробѣ, угасать
Въ сей башнѣ здѣсь, въ краю обмана и разбоя,
И очи сирыя печально отверзать,
И предъ желѣзною своей рѣшеткой стоя
Молить о помощи... И надо слушать мнѣ,
Глядѣть со стороны, какъ смерть прострретъ объятья,
И изрекать за то душѣ моей проклятья,
Что есть еще у ней остатки чувствъ на днѣ.»

ГОЛОСЪ ИЗЪ БАШНИ.

«Не приходи-жь сюда меня ты упрекать,
Придешь, и пламенно ты станешь умолять,
И не услышишь ты! Закрою я окно,
И въ башню темную спущусь опять на дно.
Пусть молча проглочу я слезы огорченья,
Прости, единственный, отнынѣ навсегда

И мигъ, когда ты былъ ко мнѣ безъ сожалѣнья,
Пусть не придетъ тебѣ на память никогда!»

КОНРАДЪ.

«Ты ангелъ, такъ имѣй хоть искру состраданья!
Остановись! когда не можешь просьбѣ внять,
Ударюсь я челомъ объ этотъ уголъ зданья
И смертью Каина я буду заклинать..»

ГОЛОСЪ ИЗЪ БАШНИ.

«О, будемъ сами мы себѣ защитой мирной!..
Какъ необъятенъ міръ въ величіи красы,
Ты вспомни — двое насъ на всей землѣ обширной,
Въ песчаномъ морѣ мы двѣ капельки росы;
Чуть дунетъ вѣтерокъ, и изъ земней юдоли
Исчезнемъ навсегда: — пусть вмѣстѣ пропадемъ.
Не растравлять я шла твоихъ страданій боли,
Я не постриглася въ монастырѣ святомъ,
Нѣтъ, сердца обручить я небу не посмѣла,
Пока возлюбленный, ты въ немъ царилъ, всецѣло.
Хотѣла скромно я, въ усердіи своемъ,
Послушницею быть монахинь строгихъ лика;
Но, безъ тебя, мнѣ вдругъ представилося въ немъ
Все непривычно такъ, все чуждо такъ и дико...
Я вспомнила тогда, что долженъ былъ прибыть
Ты послѣ многихъ лѣтъ опять во градъ Маріи,
Чтобъ въ мщеньи сокрушить враговъ несмѣтныхъ выи,
И дѣло бѣднаго народа защитить...
«Кто ждетъ, тотъ мыслію ужь сокращаетъ годы»,
Себѣ сказала я: «вернется дорогой,

Вернулся, можетъ быть»... Желанью-ль нѣтъ свободы?
Предъ тѣмъ, какъ мнѣ во мглѣ сокрыться гробовой,
Еще я на тебя хоть разъ-бы поглядѣла,
Въ присутствіи твоемъ я-бъ легче умерла.
«Пойду, сказала, въ домъ забытый, опустѣлый,
Гдѣ у крутой горы дорога пролегла,
Запруся въ немъ одна, и рыцарь неизвѣстный,
Быть можетъ, проходя вблизи той кельи тѣсной,
Мнѣ имя милое произнесетъ хоть разъ.
Межъ шлемовъ ихъ чужихъ, быть можетъ, тамъ,
Его замѣтитъ знакъ; другое пусть надѣнетъ
Оружье онъ, чужой наложитъ гербъ на щитъ,
Но, даже издали, хоть онъ лицо измѣнитъ,
Любимаго отъ всѣхъ все-жь сердце отличитъ.
Когда-жь тяжелый долгъ свершать ему придется,
Все истреблять кругомъ и кровью обливать,
Всѣ проклянутъ его,—одна душа найдется,
Чтобъ издали его еще благословлять!...»
И вотъ нашла я домъ и гробовое ложе,
И стонъ подслушать мой, въ священной тишинѣ
Завѣтнаго угла, здѣсь не дерзнетъ прохожій.
Я знаю, тутъ бродить ты любишь въ сторонѣ.
«Онъ вырвется сюда подъ вечеръ,—я мечтала,—
Товарищей своихъ покинувъ кругъ, усталый,
Чтобъ съ вѣтромъ говорить и озера волной;
Онъ вспомнитъ обо мнѣ, услышитъ голосъ мой...»
Исполнилось мое невинное хотѣнье,
И ты пришелъ сюда, мое ты понялъ пѣнье.
Молилась прежде я, чтобъ образомъ твоимъ

Меня живили сны, хоть образомъ нѣмымъ.
Теперь-же можемъ мы — о, сколько счастья, Боже! —
Наплакаться вдвоемъ....»

КОНРАДЪ.

«И выплачемъ мы что-же?
Я плакалъ, помнишь ты, когда изъ рукъ твоихъ,
Прощаяся на-вѣкъ, со стономъ вырывался,
Когда по волѣ я отъ счастья отказался,
Чтобъ замыселъ свершить кровавыхъ дѣлъ моихъ.
Теперь-же долгія увѣнчаны мученья,
У цѣли удалось давно желанной стать,
Могу я на враговъ излить всю ярость мщенья,
А ты пришла ко мнѣ побѣду вырывать.
Изъ башни на меня ты только поглядѣла,
И все въ кругу земли какъ будто потемнѣло,
И съ той поры опять въ глазахъ моихъ одно:
Прибрежье озера, и башня, и окно.
Здѣсь все вокругъ меня кипитъ военнымъ духомъ,
Но средь призыва трубъ, оружья слыша стукъ,
Я въ нетерпѣніи все напряженнымъ ухомъ
Устъ ангельскихъ твоихъ ловить стараюсь звукъ.
И цѣлый день я жду; такъ дни текутъ за днями,
Когда-жь до вечера придется мнѣ дожить,
Я памятью еще хочу его продлить,
Считаю жизнь мою я только вечерами!
А Орденъ, между тѣмъ, на пагубу свою,
Все требуетъ войны, покой свой проклинаетъ,
И мстительный Гальбанъ дохнуть не позволяетъ —
Обѣты старые онъ мнѣ припоминаетъ;
Убійства въ деревняхъ, грабительство въ краю;

Когда-же къ жалобамъ безчувственъ я стою,
Однимъ движеніемъ и вздохомъ, и очами
Потухшій мщенья жаръ умѣетъ онъ раздуть,
И кажется, къ концу меня приводитъ путь,—
Ужь рыцарей ничто не сдержитъ предъ врагами.
Изъ Рима прибылъ къ намъ вчера еще гонецъ:
Изъ разныхъ свѣта странъ, духъ ревности могучій
Несмѣтныя нагналъ, въ поля къ намъ, ратей тучи
И всѣ кричатъ, чтобъ я повелъ ихъ наконецъ,
Съ мечемъ и со крестомъ, на виленскія стѣны.
Когда-жь свершаются, я каюсь со стыдомъ,
Великія въ судьбахъ народовъ перемѣны,
Ищу промедлить я, стараюся о томъ,
Чтобъ только день еще одинъ прожить съ тобою.
О, юность! жертвъ твоихъ необозримъ предѣлъ:
Любовью, счастіемъ и наконецъ душою,
Народу жертвовать я смолоду умѣлъ,
Скорбя, но съ мужествомъ! теперь я устарѣлъ.
Отчаянье меня, и долгъ, и воля Божья
Зовутъ на брань, и что-жь?—не смѣю оторвать
Я головы сѣдой отъ этихъ стѣнъ подножья,
Чтобъ только мнѣ бесѣдъ съ тобой не прерывать.»

Умолкъ! и слышатся изъ башни лишь рыданья.
И долгіе часы текли среди молчанья;
Рѣдѣла ночь, и лучъ, означившій восходъ,
Румянить начиналъ лицо спокойныхъ водъ;
Прохлада утреннимъ пахнула дуновеньемъ,
Зашелестивъ листву проснувшихся кустовъ,
И птички раннія откликнулися пѣньемъ,
Опять умолкнули — надолго голосовъ
Былъ прерванъ тихій хоръ, какъ будто пробудился

Еще не во-время. Конрадъ поднялъ чело,
И на рѣшеткѣ взоръ его остановился.
Защелкалъ соловей. Въ долинѣ ужь свѣтло.
Конрадъ взглянулъ вокругъ и опустилъ забрало,
Надвинулъ на лицо свой плащъ, какъ покрывало,
Отшельницѣ рукой прощанья знакъ послалъ,
И средь кустовъ пропалъ.
Такъ, колоколъ гудѣть лишь утромъ начинаетъ,
Отъ вратъ отшельника духъ адскій исчезаетъ.

2 февраля 1871 г.

IV.

Пиръ.

Былъ праздникъ храмовой, великій день Патрона.
Комтуры съ братіей спѣшатъ въ столичный градъ;
На башняхъ бѣлыя распущены знамена:
Задумалъ рыцарей на пиръ собрать Конрадъ.

И блещутъ за столомъ вокругъ сто мантій бѣлыхъ,
Чернѣется поверхъ на каждой длинный крестъ —
То братья; позади ея почетныхъ мѣстъ
Стоитъ для службы рядъ оруженосцевъ смѣлыхъ.

Конрадъ въ челѣ гостей. По лѣвой сторонѣ
Витольдъ и гетманы. Онъ, местію пылавшій,
Давно-ль былъ врагъ? — теперь гость Ордена, къ войнѣ
Себя на страхъ Литвы союзомъ съ нимъ связавшій.

Подъемлется Магистръ, и рѣчь его слышна:
«Веселье въ Господѣ!» и кубки заблистали,
«Веселье въ Господѣ!» устъ тысячи воззвали,
И серебро звенитъ, и брызнулъ токъ вина.

Садится Валленродъ, исполненный презрѣнья,
На локоть опершись, внимаетъ толкамъ онъ;
Умолкъ разгула шумъ, лишь шуткой, на мгновенье,
Бокаловъ легкій звукъ порою заглушенъ.

«Пируемъ, онъ сказалъ. — Гляжу я, братья... Что-же,
Ужели рыцарямъ такъ пировать пригоже?
Сначала пьяный крикъ, таперь васъ не слыхать...
Такъ могутъ иноки иль воры пировать!

«Иной обычай былъ во дни мои законнымъ,
Когда на полѣ битвъ, тѣлами утучненномъ,
Въ лѣсахъ Финляндіи, иль межъ Кастильскихъ горъ,
Мы пили у костра, раскинувши шатеръ:

«Тамъ пѣсни пѣли намъ!.. Ужель здѣсь не найдется
Иль менестрель, иль бардъ съ былиною своей?
Отрадно веселитъ вино сердца людей,
Для мысли пѣснь — вино, пускай она польется.»

И разные пѣвцы встаютъ тогда кругомъ.
Вотъ сынъ Италіи, искуснымъ соловьемъ,
Конрада доблести поетъ въ стихахъ блестящихъ;
Съ Гаронны трубадуръ, откликнувшись на зовъ,
Передаетъ дѣла влюбленныхъ пастушковъ,
Завороженныхъ дѣвъ и рыцарей бродящихъ.

И Валленродъ уснулъ; всѣ пѣсни смолкли вдругъ,
И, шумомъ прерваннымъ внезапно пробужденный,

Пѣвцу Италіи далъ златомъ отягченный
Онъ поясъ и сказалъ: «ты одному пѣлъ, другъ,
Одинъ не можетъ дать инаго награжденья:
Бери и съ глазъ долой!.. А трубадуръ младой,
Что служитъ красотѣ, постъ любви томленье,
Проститъ, что съ вами нѣтъ дѣвицы ни одной,
Которая ему на грудь, кипя сердечно,
Могла-бы приколоть цвѣтъ розы скоротечной...

«Увяли розы здѣсь... другихъ хочу пѣвцовъ,
Я рыцарь и монахъ, другую пѣснь мнѣ надо:
Пусть будетъ пѣснь дика, такого точно склада,
Какъ стукъ оружія, какъ музыка роговъ,
Какъ видъ монастыря угрюма, столь-же рьяна,
Полна огня, какъ инокъ пьяный...

«Намъ, благодать и смерть вносящимъ въ кругъ людей,
Убійственная пѣснь пусть святость оглашаетъ,
Пусть нѣжитъ и томитъ, и гнѣвъ воспламеняетъ,
И истомленныхъ страхъ пусть поражаетъ въ ней.
Такая жизнь у насъ — и пѣснь у насъ такая!..
Кто можетъ спѣть намъ?»...

«Я», откликнулся, вставая,
Маститый старецъ, — онъ у выходныхъ дверей
Межъ юношей сидѣлъ, войдя съ пажами прежде,—
Пруссакъ или Литвинъ, какъ видно по одеждѣ.
Лѣтами борода и бровь убѣлены,
На головѣ вѣнкомъ остатокъ сѣдины,
Глаза и лобъ прикрылъ навѣсъ изъ грубой ткани,
Морщины на лицѣ отъ лѣтъ и отъ страданій.

Онъ лютню прусскую въ одной рукѣ держалъ,
Другую протянулъ къ средѣ всего собранья,
Тѣмъ знакомъ онъ просилъ его къ себѣ вниманья.
Настала тишина.
«Я буду пѣть, сказалъ. —
Литвѣ Пруссакамъ когда-то я пѣвалъ:
Теперь одни легли, отчизну защищая,
Другіе, чтобъ конца ея не пережить,
Рѣшились жизнь свою надъ трупомъ прекратить;
Такъ слуги, на кострѣ владыки погибая,
И добрый жребій съ нимъ, и злой хотятъ дѣлить.
Иные же въ лѣсахъ, презрѣнные, укрылись,
Иные — какъ Витольдъ, межъ вами здѣсь явились...

«По смерти, Нѣмцы, что-жъ... Вы знаете о томъ,
Самихъ измѣнниковъ спросите на совѣтѣ,
Что сдѣлаютъ они, на томъ терзаясь свѣтѣ,
Когда, палимые мучительнымъ огнемъ,
Ликующихъ въ раю отцовъ своихъ помянутъ?
На языкѣ какомъ ихъ звать на помощь станутъ?
Ужели въ варварской, нѣмецкой рѣчи ихъ
Узнаютъ праотцы призывъ дѣтей своихъ?..

«О, дѣти, какъ Литвы позоромъ вы покрыты!
Никто, никто руки мнѣ не далъ для защиты,
Когда отъ алтаря, вашъ старый вайделотъ,
Въ нѣмецкихъ былъ влачимъ оковахъ я... и вотъ
Совсѣмъ старался, забытый на чужбинѣ;
Пѣвецъ, увы! а пѣть ужъ не кому мнѣ нынѣ;
Всѣ очи выплакалъ я, глядя на Литву...
Вздохнуть-ли захочу я о своемъ жилищѣ,

Не знаю, гдѣ мой домъ, куда къ нему взову,
Въ какомъ углу мое родное пепелище...

«Но сохранились тутъ, тутъ въ сердцѣ лишь одномъ
Всѣ наилучшія отечества даянья...
Богатствъ утраченныхъ берите, Нѣмцы, въ немъ
Остатки бѣдные и всѣ воспоминанья!

«Какъ на ристалищѣ свою теряетъ честь
Оставшійся въ живыхъ воитель побѣжденный,
Лишь на посмѣшище влачитъ свой вѣкъ презрѣнный,
И побѣдителю спѣшитъ ударъ нанесть,
Оружье сокрушивъ подъ вражьими стопами,
Онъ напрягаетъ длань свою въ послѣдній разъ...
Такъ вдохновенья мнѣ пришелъ послѣдній часъ.
Касаюсь лютни я дрожащими перстами:
Пускай вамъ на Литвѣ послѣдній вайделотъ
Послѣднюю-же пѣснь литовскую споетъ.»

Умолкъ и ждетъ; всѣ ждутъ въ молчаніи глубокомъ,
Что дать въ отвѣтъ на то магистръ благоволитъ:
Конрадъ пытующимъ и оживленнымъ окомъ
Движенья и лицо Витольдовы слѣдитъ.

И всѣ замѣтили въ Витольдѣ перемѣну;
Какъ только вайделотъ имъ молвилъ про измѣну,
Синѣть, блѣднѣть онъ сталъ, потомъ онъ покраснѣлъ,
Терзаетъ стыдъ его, и гнѣвъ въ немъ закипѣлъ,
И наконецъ свой мечъ онъ у бедра сжимаетъ,

Идетъ, смущенную толпу онъ раздвигаетъ,
И сталъ какъ вкопанный; — на старца поглядѣлъ,
И туча, на челѣ нависшая угрюмо,
Вдругъ разразилася обильныхъ слезъ дождемъ.
Вернулся онъ и сѣлъ, закрывъ лицо плащемъ,
И погрузился весь въ таинственныя думы.

А Нѣмцы шепчутся: «ужели собирать
Мы нищихъ стариковъ должны на пированье?
Тѣ пѣсни для кого, кто можетъ ихъ понять?..»
Въ толпѣ пирующихъ такія восклицанья
Все чаще и слышнѣй перерываетъ смѣхъ,
И рѣзвые пажи кричатъ, свистя въ орѣхъ:
«Вотъ нота вѣрная литовскаго напѣва!»

И всталъ тогда Конрадъ: «по праву старины,
Сегодня, рыцари, нашъ Орденъ принимаетъ
Подарки, что намъ князь иль городъ посылаетъ,
Какъ дань покорную подвластной намъ страны.
Вамъ нищій жертвуетъ, онъ пѣсню предлагаетъ;
Такъ старцу дань принесть не возбраняйте вы,
Примите пѣснь его, то лепта отъ вдовы.

«Вы видите, и князь Литвы пируетъ съ нами,
Вожди ея сидятъ здѣсь Ордена гостями:
Пріятно слышать имъ о подвигахъ своихъ
Преданье старины, въ словахъ для нихъ родныхъ.
Кому понять нельзя, пускай тотъ удалится.
Я иногда люблю унылый этотъ тонъ
Литовской пѣсни ихъ, хоть непонятенъ онъ:
Люблю какъ шумъ волны, когда она дробится,

Какъ тихій стукъ дождя роскошною весной,
Подъ звукъ ихъ сладко спать... Пѣвецъ мастиый, пой!»

ПѢСНЬ ВАЙДЕЛОТА.

«Когда несетъ въ Литву зараза истребленье,
Провидитъ ходъ ея пророческое зрѣнье:
И, если вѣрите народнымъ вы пѣвцамъ,
Среди глухихъ кладбищъ, по дебрямъ и холмамъ
Является не разъ намъ дѣва моровая,
Вся въ бѣломъ, на челѣ съ пылающимъ вѣнкомъ,
Ростъ бѣловѣжскихъ древъ главою превышая,
И окровавленнымъ въ рукѣ грозитъ платкомъ.

«У замковъ стражи ихъ подъ шлемы очи кроютъ;
А псы у поселянъ, уткнувши морды въ прахъ,
И чуя злую смерть, на всю окрестность воютъ.

«И устремляется зловѣщій дѣвы шагъ
На веси, города, богатыя владѣнья:
И каждый разъ, когда платкомъ она махнетъ,
Какой-нибудь дворецъ приходитъ въ запустѣнье;
Гдѣ ступитъ, свѣжая могила ужь растетъ.

«Видѣнье горькое, но горшею бѣдою
Съ нѣмецкой стороны грозилъ Литвы покою
Шлемъ свѣтлый, страуса украшенный перомъ,
И съ нимъ широкій плащъ и черный крестъ на немъ!

«Гдѣ то страшилище прошло, являя силу,
Что гибель поминать тамъ селъ и городовъ?
Тамъ цѣлая страна низринута въ могилу!
Ахъ! въ комъ еще живъ духъ изъ всѣхъ Литвы сыновъ,
Приди ко мнѣ сюда, на гробъ народовъ взглянемъ,
Въ раздумьѣ сѣвъ на немъ, мы пѣть и плакать станемъ...

«О, быль народная! Ковчегъ завѣта ты,
Давно отжившаго съ живымъ ты единенье:
Въ тебя кладетъ народъ бойца вооруженье,
И пряди думъ своихъ и чувствъ своихъ цвѣты!

«Ты невредимъ, ковчегъ, пока въ дни испытаній
Народъ не запятналъ того, что ты хранишь;
О, пѣснь народная, на стражѣ ты стоишь
У храма дорогихъ его воспоминаній,
И крылья у тебя Архангела, и рѣчь: —
Порой Архангела ты также держишь мечъ...

«Дѣлъ громкихъ истребитъ огонь изображенья,
Богатства разнесетъ губительный злодѣй:
Безвредно пѣснь уйдетъ и обойдетъ людей;
Когда-жь у низкихъ душъ не достаетъ терпѣнья
Питать ее тоской, надеждою поить,
Бѣжитъ въ ущелья горъ, вокругъ развалинъ вьется,
Чтобъ о быломъ еще оттуда говорить...
Такъ и изъ зданія, гдѣ пламя разольется,
Взлетаетъ соловей, на мигъ присядетъ онъ
На крышу — рухнула! — въ лѣса онъ улетаетъ,

И грудью звонкою, гробами окруженъ,
Прохожимъ скорби пѣснь надъ пепломъ запѣваетъ.

«Я слушала пѣснь. Сохой за кости задѣвалъ
Столѣтній селянинъ, идя по лону нивы,
И начиналъ играть въ свирѣль изъ вѣтки ивы
Усопшимъ гимнъ, иль васъ онъ пѣснью поминалъ,
Отцы — боздѣтные... и эхо отвѣчало.
Я слушалъ издали. Казалось, средь долинъ
Тѣмъ выше зрѣлище, тѣмъ пѣснь грустнѣй звучала,
Что видѣлъ я его, внималъ ему — одинъ.

«Какъ въ страшный день суда воздвигнетъ изъ могилы
Архангела труба давно остывшій прахъ:
Такъ кости изъ-подъ ногъ сдвигались на поляхъ,
Отъ пѣсни, въ образы несокрушимой силы.
Изъ пыли — арки вдругъ встаютъ ряды столбовъ,
Шумятъ подъ веслами озёра голубыя,
И видны двери тамъ отверстыя дворцовъ,
Вѣнцы князей, войны доспѣхи боевые;
И пляшетъ дѣвъ кружокъ, пѣвцами оживленъ —
Чудесно грезилъ я — жестоко пробужденъ!

«И нѣтъ лѣсовъ, и горъ родимыхъ предъ очами!
Мысль, утомленными взмахнувъ еще крылами,
Спустилась, сжалася въ домашнемъ уголкѣ,
И лютня замерла въ хладѣющей рукѣ;
Ужь голосъ прошлаго не слышенъ мнѣ порою,
Когда собратій стонъ доходитъ до меня!

Но искры инаго доселѣ во мнѣ огня
Все тлѣютъ въ глубинѣ, вдругъ вспыхнутъ предо мною
И жизнь въ душѣ зажгутъ, и память озарятъ.
И какъ хрустальная тогда она лампада,
Которой живопись дала красу наряда;
Царапины и пыль ее хоть потемнятъ,
Но красокъ свѣжестью она приманитъ взоры,
Когда свѣтильню ты зажжешь внутри у ней,
И по стѣнамъ она обители царей
Разстелетъ чудные, хоть тусклые, узоры.

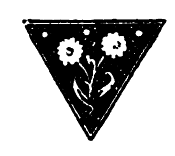
«О, если-бъ только могъ огонь свой перелить
Я въ души внемлющихъ, у смерти изъ объятій
Могъ вырвать прошлое! Когда-бъ сердца собратій
Умѣлъ я звучными словами шевелить,
Быть можетъ, что еще они-бы въ то мгновенье,
Когда родная пѣснь глубоко тронетъ ихъ,
Сердецъ, какъ встарину, почуяли біенье;
Отцовъ великій духъ тогда-бъ проснулся въ нихъ,
И такъ возвышенно хоть мигъ они-бъ прожили,
Какъ предки ихъ всю жизнь когда-то проводили.

«Но что минувшіе вѣка тревожить намъ?
Пѣвецъ не оскорбитъ дѣяній современныхъ:
Есть близко мужъ живой, великій изъ рожденныхъ...
Учитеся, спою о немъ, Литовцы, вамъ!»

И замолчалъ старикъ, и слушаетъ сурово,
Какъ Нѣмцы приняли восторженность пѣвца.
Царила тишина подъ сводами дворца;

Она пѣвцу даетъ огонь какъ будто снова.
Итакъ другой предметъ для пѣсни онъ избралъ:
Размѣру рѣчи далъ свободное теченье,
Слабѣе по струнамъ и рѣже ударялъ,
И повѣстью простой смѣнилось гимна пѣнье.

17 сентября 1871 года.

V.

Пиръ.

(Продолженіе).

ПѢСНЯ ВАЙДЕЛОТА.

Ѣдутъ Литовцы, откуда? Съ ночнаго вернулись набѣга;
Груды добычи везутъ изъ разграбленныхъ замковъ и храмовъ.
Плѣнные Нѣмцы толпами бѣгутъ у коней побѣдившихъ,
Скручены руки у нихъ, а на шеяхъ ихъ петлей веревки:
Только на Пруссію взглянутъ они, и зальются слезами,
Взглянутъ на Ковно — и Богу себя поручаютъ со страхомъ.
Въ городѣ Ковнѣ лежитъ по срединѣ долина Перуна:
Послѣ побѣды, дружины литовскихъ князей лишь вернутся,
Рыцарей-Нѣмцевъ тамъ въ жертву ему сожигаютъ обычно.

Двое изъ схваченныхъ рыцарей ѣдутъ безъ страха
до Ковна:
Молодъ одинъ и прекрасенъ, другой уже въ лѣтахъ
преклонныхъ.
Сами они среди битвы покинули полчища Нѣмцевъ,
И прибѣжали къ Литовцамъ; князь Кейстутъ ихъ
принялъ охотно,
Но окружилъ онъ ихъ стражей и въ зàмокъ ведетъ
за собою.
«Прибыли съ цѣлью какой, и откуда?» онъ ихъ вопрошаетъ.
Юноша такъ говоритъ: «я не знаю, какъ родъ мой
и имя,
Ибо ребенкомъ еще я былъ Нѣмцами схваченъ въ
неволю.
Помню я только, что гдѣ-то въ Литвѣ, среди града
большаго,
Домъ нашъ отцовскій стоялъ. Деревянной постройки
былъ городъ
И на высокихъ пригоркахъ, нашъ домикъ былъ
красный, кирпичный;
Вкругъ тѣхъ холмовъ на равнинахъ шумѣла еловая
роща,
Озеро бѣлое тамъ издалека средь лѣса блистало.
Ночью, однажды, неистовымъ крикомъ нарушенъ
былъ сонъ нашъ,
День засіялъ вдругъ огнистый къ намъ въ окна,
затрескались стекла,
Дыма по зданію клубы неслись; мы бѣжали въ
ворота.
Пламя по улицамъ вѣяло, искры въ насъ сыпались
градомъ;

Крикъ раздавался: «къ оружію! въ городѣ Нѣмцы, къ оружью!..»
Бросился живо съ оружьемъ отецъ, и назадъ не вернулся.
Нѣмцы къ намъ въ домъ ворвалися, одинъ-же пустился за мною,
Быстро настигъ, подхватилъ на коня, и что дальше — не знаю:
Только лишь матери долго и долго все слышалъ я стоны...
Въ стукѣ оружья и въ грохотѣ зданій, валившихся шумно,
Стонъ этотъ несся за мною, и въ ухѣ моемъ онъ остался.
Даже теперь, какъ увижу пожаръ я, какъ стонъ я услышу,
Въ сердцѣ тотъ стонъ отдается, какъ эхо въ далекой пещерѣ
Вслѣдъ за ударами грома... Вотъ все, что о краѣ родномъ я,
Что о родителяхъ помню. Порой въ сновидѣніяхъ вижу
Матери образъ почтенный, отца предъ собою и братьевъ:
Только, чѣмъ далѣе время уходитъ, все больше и больше
Съ каждымъ мгновеньемъ таинственный мракъ ихъ черты застилаетъ.
Дѣтскіе годы текли, между Нѣмцами жилъ я какъ Нѣмецъ,
Вальтера имя носилъ я, а прозвище дали мнѣ Альфа:

Имя нѣмецкое было, душа оставалась литовской,
И оставалась по родинѣ грусть, къ иноземцамъ не-
дружба.
Винрихъ, магистръ крестоносцевъ, въ своемъ воспи-
талъ меня замкѣ,
Самъ воспріемникомъ былъ мнѣ, любилъ и лелѣялъ,
какъ сына.
Сталъ я скучать во дворцахъ, и его покидая ко-
лѣна,
Вдругъ убѣгалъ къ вайделоту сѣдому. Въ то время
межъ Нѣмцевъ
Жилъ вайделотъ, изъ Литвы увезенный когда-то
въ неволю.
Войску служилъ толмачемъ онъ. Когда обо мнѣ
онъ развѣдалъ,
Что сирота я, и тоже Литвинъ, то меня призывать
сталъ —
Часто мнѣ пѣлъ о Литвѣ, оживлялъ тосковавшую
душу
Ласками, звуками рѣчи родимой, а также разска-
зомъ.
Къ берегу синяго Нѣмана часто меня приводилъ
онъ,
Было пріятно глядѣть мнѣ оттуда на горы отчизны;
Въ замокъ когда возвращались, старикъ отиралъ
мои слезы,
Чтобъ не подозрили насъ: отиралъ мои слезы, но
мщенье
Къ Нѣмцамъ во мнѣ распалялъ онъ. И помню, что,
въ замокъ вернувшись,
Ножикъ точилъ я украдкой; съ какимъ наслажде-
ніемъ мести

Винриха рѣзалъ ковры, разбивалъ зеркала дорогія,
Щитъ его свѣтлый пескомъ засыпалъ и плевалъ на доспѣхи.
Часто, какъ юношей сталъ я, прибывши на пристань Клейпеды,
Въ лодку мы съ старцемъ садились и берегъ Литвы посѣщали.
Рвалъ я цвѣты тамъ родные, ихъ запахъ волшебный какъ будто
Темное въ душу вливалъ мнѣ о прошломъ, далекомъ сознанье.
Запахомъ чуднымъ упившись, я дѣлался снова ребенкомъ,
Въ отчемъ саду я и братья малютки со мною играли.
Памяти старецъ тогда помогалъ и словами, живѣе
Травъ и цвѣтовъ полевыхъ, рисовалъ онъ счастливое время.
Какъ мнѣ отрадно въ отечествѣ было-бъ съ друзьями, съ родными,
Юности время дѣлить; и какъ много литовскихъ малютокъ
Счастья такого не знаютъ и стонутъ въ оковахъ Тевтоновъ!
Такъ средь равнинъ, говорилъ онъ, но тамъ на прибрежьяхъ Полонги,
Гдѣ расшибается бѣлое море гремящею грудью,
И изъ гортани потоки песка выливаетъ и пѣны,
Видишь, говаривалъ старецъ, коверъ тотъ прибрежнаго луга
Желтый песокъ ужь засыпалъ? Ты видишь, душистыя травы

Силятся смертный покровъ пробуравить головками стебля?
Ахъ, все напрасно! ужь новая гидра съ пескомъ нанесется;
Бѣлые плёсы расширитъ, живой материкъ уничтожитъ,
Дикое царство пустыни все дальше кругомъ раздвигая...
Сынъ мой, весенніе всходы, что заживо взяты могилой,
Это — подъ гнетомъ народы, то наши собратья Литовцы;
Сынъ мой, изъ-за̀ моря бурей гонимый песокъ — это Орденъ!..
Слушалъ, и сердце болѣло. Хотѣлъ истребить крестоносцевъ,
Или въ Литву убѣжать; но порывы удерживалъ старецъ.
Рыцарямъ вольнымъ, говаривалъ, выборъ оружія вольный;
Вольно на полѣ открытомъ при равныхъ условіяхъ драться;
Ты-же — невольникъ: одно у рабовъ есть оружье — измѣна.
Съ нами останься учиться искусству военному Нѣмцевъ,
Пусть довѣряютъ тебѣ; а потомъ мы увидимъ, что дѣлать...
Старцу послушенъ и преданъ, я шелъ за войсками Тевтоновъ:
Въ первой, однако-же, битвѣ, какъ только увидѣлъ знамена,

Только военныя пѣсни роднаго народа услышалъ:
Къ нашимъ я бросился въ станъ, и повелъ старика за собою.
Какъ на гнѣздѣ своемъ пойманный соколъ, вскормленный въ клѣткѣ,
Пусть у него истязаніемъ ловчій, отнявши разсудокъ,
Въ гонку пускаетъ, чтобъ сóколовъ-братьевъ на бой вызывалъ онъ:
Только поднимется въ тучи, и только свободно глазами
Всю безпредѣльную область лазурной отчизны окинетъ,
Воздухомъ вольнымъ дохнетъ лишь и шумъ своихъ крыльевъ услышитъ,
Сокола ловчій не жди, и домой съ своей клѣткой вернися...»

Юноша кончилъ, а Кейстутъ все слушалъ, и слушала также
Кейстута дочь молодая Альдона, красою богиня.
Осень настала, и съ нею длиннѣй вечера потянулись;
Кейстута дочерь, въ кругу обращаясь сестеръ и ровесницъ,
Ткать за станокъ свой садится, или садится за прялку,
Иглы сверкаютъ у нихъ, веретена мелькаютъ въ движеньи, —
Вальтеръ тогда о нѣмецкихъ краяхъ чудеса сообщаетъ,
Или о дняхъ своей юности. Все, что разсказывалъ Вальтеръ,

Ухомъ ловила дѣвица, и мыслью своей поглощала;
Все заучила на память, порой и во снѣ повторяетъ.
Сказывалъ Вальтеръ, какъ стали велики за Нѣманомъ замки
И города, какъ роскошны наряды, какъ пышны забавы;
Какъ на турнирахъ отважные рыцари копья ломаютъ,
Смотрятъ съ балконовъ дѣвицы, вѣнки присуждаютъ достойнымъ.
Вальтеръ повѣдалъ о Богѣ великомъ, за Нѣманомъ чтимомъ,
И о пречистой и дѣвственной Матери Сына Господня,
Тутъ-же небеснаго лика Ея показалъ онъ имъ образъ.
Юноша свято хранилъ на груди образокъ тотъ чудесный:
Отдалъ его онъ Литвинкѣ, какъ сталъ утверждать ее въ вѣрѣ
И возносить съ ней молитвы; всему, въ чемъ познаньемъ богатъ былъ,
Думалъ наставить; нежданно, увы, и тому научилъ онъ,
Самъ чего прежде не вѣдалъ: любить научилъ ее первый.
Много и самъ узнавалъ онъ. Съ какимъ упоеніемъ слушалъ
Рѣчи литовской, забытой, въ устахъ у нея выраженья.
Съ каждымъ воскреснувшимъ словомъ новое чувство рождалось

Искрой изъ пепла, и сладкія были все это названья:
Дружбы, сладостной дружбы, родства и, сверхъ этихъ названій,
Сладостью всѣхъ превзошедшее, слово любовь, каковому
Равнаго нѣтъ на землѣ, исключая названья — отчизна.

Кейстутъ сталъ думать: откуда-же въ дочери вдругъ перемѣна?
Гдѣ ея прежнія радости, гдѣ ея дѣтскія игры?
Въ праздникъ гурьбою идутъ всѣ дѣвицы забавиться пляской:
Все одинока она, либо съ Вальтеромъ рѣчи заводитъ.
Въ будничный день за иглою дѣвицы сидятъ иль за пряжей:
Иглы изъ рукъ у нея выпадаютъ, свиваются нитки,
И ужь не видитъ, что дѣлаетъ, — всѣ говорятъ мнѣ объ этомъ.
Самъ я замѣтилъ случайно вчера, что зеленымъ зашила
Розы цвѣточекъ и краснымъ задѣлала шелкомъ листочки.
Какъ-же могла-бъ она видѣть, когда ея мысли и очи
Ока лишь Вальтера ищутъ и съ Вальтеромъ лишь разговора?
Сколько-бы разъ ни спросилъ я, куда уходила? — «въ долину»;
Или откуда пришла? — «изъ долины»; но что-же въ долинѣ?

Юноша садъ насадилъ ей. Неужели садъ тотъ красивѣй
Замка садовъ (а роскошными Кейстутъ гордился садами:
Полные яблокъ и грушъ, они ковенскихъ дѣвъ привлекали)?
Это не садъ ее манитъ. Зимой ея окна я видѣлъ;
Цѣлыя стекла у оконъ, которыя вышли на Нѣманъ,
Чисты какъ будто средь мая. Морозъ не темнитъ ихъ кристалла.
Вальтеръ тамъ ходитъ. Она подъ окномъ, безъ сомнѣнья, сидѣла
И растопила на стеклахъ горячимъ дыханіемъ льдинки.
Думалъ я, вѣрно, онъ чтенью ее и писанью научитъ,
Слыша, что здѣсь у князей начинали всѣ дѣти учиться...
Малый онъ добрый, отважный, въ письмѣ-же какъ ксендзъ изощренъ онъ:
Выслать изъ дому ужель мнѣ его? Онъ такъ нуженъ въ Литвѣ намъ;
Войско всѣхъ лучше онъ строитъ, всѣхъ лучше окопъ насыпаетъ,
И съ огнестрѣльнымъ оружьемъ знакомъ, онъ одинъ мнѣ за войско...
Вальтеръ, поди-же, будь зятемъ моимъ и дерись за Литовцевъ! .
Вальтеръ Альдону взялъ за себя...— Полагаете, Нѣмцы,
Вѣрно конецъ тутъ и повѣсти: въ вашихъ любовныхъ романсахъ,

Въ бракъ когда рыцарь вступилъ, трубадуръ заключаетъ и пѣсню,
Только прибавитъ, что прожили долго они и счастливо...
Вальтеръ супругу любилъ — но онъ былъ съ благородной душою;
Счастья онъ въ домѣ не встрѣтилъ, его не нашлося въ отчизнѣ.

Только снѣга распустилися, жавронокъ первый спѣлъ пѣсню...
Вѣстникъ любви и блаженной отрады въ другихъ сторонахъ онъ,
Бѣдной Литвѣ ежегодно пожары, рѣзню предвѣщаетъ.
Все выдвигаются въ силахъ несмѣтныхъ ряды крестоносцевъ,
И изъ-за нѣманскихъ высей до Ковно ужь эхо доноситъ
Войска огромнаго говоръ, стукъ брони и ржаніе коней.
Мглою спускается станъ, облегаетъ равнины широко,
Ближе и дальше мелькаютъ переднихъ отрядовъ знамена
Змѣйками молній предъ бурею. Нѣмцы у берега стали,
Кинули мостъ чрезъ Нѣманъ и Ковно кругомъ обложили.
Каждый ужь день отъ тарановъ ихъ рушатся стѣны и башни,
Каждую ночь, какъ кроты, подъ землей они роютъ подкопы,

Огненнымъ бомба полетомъ несется подъ небомъ высоко,
Съ выси, какъ соколъ на птицу, она упадаетъ на крыши.
Ковно ужь въ грудахъ развалинъ, Литва отступаетъ въ Кейданы,
Въ грудахъ развалинъ Кейданы, Литва по лѣсамъ и пригоркамъ
Бьется, а Нѣмцы все грабятъ и жгутъ, и впередъ подаются.
Первые въ битвахъ и Кейстутъ, и Вальтеръ — послѣднiе въ бѣгствѣ.
Кейстутъ покоенъ все время: усвоилъ онъ съ дѣтства привычку
Драться съ врагами: напасть, побѣдить и уйти защищаясь;
Зналъ онъ, что съ Нѣмцами предки его воевали обычно;
Слѣдуя предкамъ сражался и онъ, не заботясь, что будетъ.
Мысли другiя у Вальтера были: возросшiй средь Нѣмцевъ,
Вѣдалъ онъ Ордена силу; онъ зналъ, что магистра воззванье
Цѣлой Европы богатства, войска и оружье притянетъ;
Пруссы сперва защищались, но стерли Пруссаковъ Тевтоны:
Рано иль поздно Литва покорится судьбѣ съ ними равной:
Видѣлъ онъ Пруссовъ невзгоду, дрожалъ и за жребiй Литовцевъ.

«Сынъ, обращается къ Вальтеру Кейстутъ, пророкъ ты зловѣщій;
Снялъ ты завѣсу съ очей у меня, чтобъ разверзлися бездны.
Рѣчи внималъ я твоей и, казалось мнѣ, руки слабѣли,
Вмѣстѣ съ надеждой побѣды отвага изъ груди бѣжала.
Что-же намъ съ Нѣмцами дѣлать?» — «Отецъ, говорилъ ему Вальтеръ,
Знаю единственный способъ, ужасный, увы! но успѣшный!
Послѣ повѣдаю...» Такъ послѣ битвы они разсуждали,
Къ новому горю и битвамъ пока ихъ труба не сзывала.

Кейстутъ печальнѣе съ часу на часъ; измѣнился и Вальтеръ!
Прежде, хотя не бывалъ никогда онъ особенно веселъ,
Легкая тѣнь размышленья въ счастливыя даже минуты
Часто лицо застилала его — но въ объятьяхъ Альдоны
Прежде чело и лицо у него оставались спокойны;
Шелъ къ ней на встрѣчу съ улыбкою, нѣжнымъ прощался съ ней взглядомъ...
Нынѣ-же тайной болѣзни какъ будто терзался онъ мукой;
Руки скрестивши, онъ цѣлое утро стоитъ передъ домомъ,

Смотритъ на дымъ (въ отдаленьи пылаютъ мѣстечки и села),
Дикими смотритъ очами; отъ сна пробуждается ночью:
И за кровавымъ разливомъ пожаровъ слѣдитъ изъ окошка.
«Мужъ дорогой, что съ тобою?» въ слезахъ вопрошаетъ Альдона;
— «Какъ что со мной? не дремать-ли, покуда ворвутся къ намъ Нѣмцы,
Соннаго свяжутъ, потомъ палачу отдадутъ меня въ руки?»
— «Боже, супругъ мой! надежная стража стоитъ у окоповъ».
— «Правда, есть стража, не сплю я, въ рукѣ моей вѣрная сабля:
Если-же стражи не станетъ и вовсе притупится сабля...
Слушай-же, если до старости жить мнѣ, до старости дряхлой!..»
— «Богъ утѣшенье даруетъ намъ въ дѣтяхъ...» — — «Такъ Нѣмцы ворвутся,
Сгубятъ жену и, исторгнувъ дѣтей, увезутъ ихъ далеко,
Стрѣлы въ роднаго отца выпускать ихъ, пожалуй, научатъ!..
Самъ я, быть можетъ, родителя, можетъ быть, братьевъ убилъ-бы,
Если-бъ не нашъ вайделотъ...» — «Дорогой ты мой Вальтеръ, уѣдемъ
Дальше въ Литву, чтобъ въ лѣсахъ и горахъ намъ укрыться отъ Нѣмцевъ.»

— «Да, мы уѣдемъ, другихъ матерей и дѣтей мы оставимъ.
Такъ убѣгали Пруссаки, а Нѣмецъ въ Литвѣ ихъ настигнулъ.
Если въ горахъ насъ откроетъ?»—«И снова мы дальше уѣдемъ.»
— «Дальше, злосчастная, дальше! куда-же уйдемъ изъ Литвы мы?
Въ руки Татаръ или Русскихъ?» На то возраженье Альдона
Вдругъ умолкла смущенная: ей представлялось доселѣ,
Что безъ конца широка и длинна, какъ весь міръ нашъ, отчизна...
Слышитъ впервые, что въ цѣлой Литвѣ нѣтъ угла, гдѣ-бы скрыться.
Руки ломая, просила, чтобъ Вальтеръ сказалъ ей: что дѣлать?
«Средство одно есть, Альдона, одно остается Литвинамъ,
Ордена мощь сокрушить, и способъ мнѣ этотъ извѣстенъ.
Но, ради Бога, узнать не старайся! будь проклятъ стократно
Часъ тотъ, въ который, врагомъ принужденный, возьмусь за то средство!»
Больше сказать не хотѣлъ и не слушалъ моленій Альдоны:
Только Литвы злополучье одно онъ и слышалъ, и видѣлъ;
Мщенія пламя, которому пищу давали въ молчаньи

Видъ пораженій и зла, наконецъ охватило и сердце;
Всякое чувство въ немъ выжгло, и даже сильнѣйшее чувство,
Даже и чувство любви, услажденье досель его жизни.
У бѣловѣжскаго дуба такъ точно, когда звѣроловы
Тайный огонь разведутъ, сердцевину глубоко въ немъ выжгутъ:
Скоро царь лѣса утратитъ листы, разносимые вѣтромъ,
Съ вѣтромъ слетятъ его вѣтки, и — даже послѣдняя зелень,
Дубъ украшавшая прежде — засохнетъ корона омелы.

Долго Литовцы по замкамъ, лѣсамъ и пригоркамъ бродили,
Иль нападая на Нѣмцевъ, иль ихъ нападенья встрѣчая;
Страшная битва потомъ закипѣла въ равнинахъ Рудавы,
Гдѣ молодежи литовской свалилися тысячъ десятки,
Возлѣ нихъ столько-же тысячъ вождей и простыхъ крестоносцевъ.
Къ Нѣмцамъ изъ-за моря свѣжія все набиралися силы;
Съ горстію смѣлыхъ и Кейстутъ, и Вальтеръ пробилися въ горы.
Сабли у нихъ зазубрились, щиты ихъ порублены были,
Пылью и кровью покрыты, угрюмые въ домъ возвратились.

Вальтеръ жену не окинулъ и взглядомъ, ей слова не молвилъ;
Съ Кейстутомъ рѣчь и потомъ съ вайделотомъ завелъ по-нѣмецки.
Не понимала Альдона, но сердце предвѣстникомъ было
Страшныхъ какихъ-то событій. Окончивъ свое совѣщанье,
Горестный взглядъ на Альдону они обратили всѣ трое.
Вальтеръ всѣхъ дольше смотрѣлъ, какъ нѣмой, съ безнадежною скорбью;
Крупными каплями вдругъ изъ очей его хлынули слезы,
Бросился въ ноги къ Альдонѣ и къ сердцу прижалъ ея руки,
Началъ молить о прощеньи за все, что она претерпѣла.
«Женщинамъ горе, сказалъ онъ, когда онѣ любятъ безумцевъ,
Око которыхъ привыкло глядѣть за предѣлы селенья,
Мысли которыхъ какъ дымъ безпрестанно надъ крышею вьются,
Сердцу которыхъ домашняго счастья не будетъ довольно.
Души великія ульямъ просторнымъ подобны, Альдона,
Медъ ихъ не можетъ наполнить, гнѣздомъ они ящерицъ станутъ...
Другъ мой Альдона, прости мнѣ! я дома останусь сегодня,

Все позабуду сегодня, сегодня другъ другу мы будемъ
Тѣмъ, чѣмъ бывали мы прежде; а завтра...»—И кончить не смѣлъ онъ.
Радость какая Альдонѣ! бѣдняжкѣ приходитъ на мысли:
Вальтеръ измѣнится, будетъ спокоенъ и веселъ какъ прежде —
Видитъ, что меньше задумчивъ, глаза его стали живѣе,
Свѣжій опять на ланитахъ румянецъ. У ногъ онъ Альдоны
Цѣлый тотъ вечеръ проводитъ: Литву, Крестоносцевъ и битвы
Предалъ на мигъ онъ забвенью, о времени вспомнилъ счастливомъ,
Какъ онъ пріѣхалъ къ Литовцамъ, о первой бесѣдѣ съ Альдоной,
Первой прогулкѣ въ долину, и вспомнилъ о всѣхъ, хотя дѣтскихъ,
Въ памяти сердца оставшихся, первой любви приключеньяхъ.
Что жь прерываетъ столь сладкія рѣчи онъ возгласомъ: «*завтра!*»
Вновь погружается въ думы и долго глядитъ на супругу,
Слезы въ глазахъ накипаютъ, и хочетъ сказать... и не смѣетъ!
Вызвалъ мгновенно ужель для того лишь, чтобъ съ ними проститься,
Прежнія чувства и счастія прежняго сладкую память?

Всѣ разговоры въ тотъ вечеръ и всѣ того вечера ласки
Будутъ ужели послѣднимъ блистаньемъ свѣтила любви ихъ?..
Тщетны разспросы. Альдона глядитъ, ожидая въ сомнѣньи,
И, осторожно изъ комнаты выйдя, смотритъ сквозь щели.
Вальтеръ вино наливалъ, осушая бокалъ за бокаломъ,
И старика вайделота оставилъ съ собою онъ на ночь.

Солнышко только всходило; звенятъ о каменья копыта,
Тамъ пробираются съ раннимъ туманомъ два рыцаря въ горы,
Всѣхъ провели они стражей — одинъ не поддался обману,
Чутки влюбленной глаза: угадала ихъ бѣгство Альдона!
И забѣжала въ долину; печальна была у нихъ встрѣча.
«Въ домъ свой вернись, дорогая, вернися, ты счастлива будешь,
Счастлива, можетъ быть, будешь въ объятіяхъ родины милой;
Ты молода и прекрасна, найдешь утѣшенье, забудешь!
Многіе прежде князья получить твою руку стремились!
Нынѣ вдова ты великаго мужа и стала свободна,

Даже тебя онъ покинуть рѣшился для блага отчизны!
Другъ мой, прости и забудь; обо мнѣ иногда и поплачь ты:
Вальтеръ лишился всего, безъ пристанища Вальтеръ остался,
Вѣтру степному подобенъ, онъ долженъ по свѣту скитаться,
Жить все измѣной, губить и погибнуть позорною смертью.
Годы умчатся, и Альфово имя опять пронесется
Громомъ въ Литвѣ, и быть можетъ изъ устъ вайделотовъ узнаешь
Подвигъ его. И тогда, дорогая, тогда ты помыслишь:
Страхъ наводящій тотъ рыцарь, одѣянный облакомъ тайны,
Только тебѣ лишь извѣстный, твоимъ былъ когда-то супругомъ,
И сиротства пусть отрадою будетъ достойная гордость».
Внемлетъ Альдона въ молчаньи, хотя и не слышитъ ни слова.
«Ѣдешь, ты ѣдешь!» она закричала, сама испугавшись
Слова: *ты ѣдешь*,—то слово одно въ ея ухѣ звенѣло.
Думать и помнить она не могла ни о чемъ; у ней въ мысляхъ,
Все, что прошло и что будетъ, смѣшалось и спуталось вмѣстѣ:
Сердцемъ однако постигла она невозможность вернуться,

И невозможность забыть. Глаза, обезумѣвъ, вращала,
Нѣсколько разъ повстрѣчались съ ней Вальтера дикіе взоры:
Не обрѣтала отрады въ тѣхъ взорахъ она, какъ бывало,
Новаго будто чего-то искала повсюду, и снова
Вкругъ озиралась... Кругомъ разстилались лѣса и пустыни:
Блещетъ за Нѣманомъ башня средь лѣса, она одинока,
Женскій то былъ монастырь, христіанъ опустѣлое зданье...
Къ башенкѣ той прилѣпилися очи и мысли Альдоны:
Такъ голубокъ надъ пучиною морскою, подхваченный вѣтромъ,
Жмется у мачтъ одинокихъ, упавъ на корабль неизвѣстный.
Вальтеръ тутъ понялъ Альдону, послѣдовалъ молча за нею,
Замыселъ свой разсказалъ, заповѣдалъ таить передъ свѣтомъ,
И у воротъ разлучились! — то страшное было прощанье —
Альфъ съ вайделотомъ уѣхалъ. Не слышно объ нихъ и донынѣ.
Горе когда бы доселѣ онъ клятвы своей не исполнилъ:
Если, отрекшись отъ счастья и счастье сгубивши Альдоны...
Если, пожертвовавъ столькимъ, все въ жертву принесъ онъ напрасно...
Время покажетъ, что будетъ... — Окончилъ я пѣснь мою, Нѣмцы...

«Конецъ, уже конецъ!»—ужасный ропотъ въ залѣ.
«Что-жь Вальтеръ? подвиги какіе онъ свершилъ?
Гдѣ мщеніе? кому?» внимавшіе кричали.
Одинъ магистръ еще молчаніе хранилъ,
Съ поникшей головой средь шумной сидя сцены,
Взволнованъ глубоко, хватаетъ каждый мигъ
За чашей чашу онъ и осушаетъ ихъ.
Въ наружности его видъ новой перемѣны,
Ужь чувства разныя, какъ молніи въ вѣнцѣ
Грозы, на огненномъ скрещаются лицѣ.
Все хмурится чело часъ отъ часу грознѣе,
Уста дрожащія сжимаются синѣя,
Глаза, какъ ласточки предъ бурею, снуютъ.
Плащъ сбросилъ и вскочилъ — «конецъ гдѣ-жь пѣсни тутъ?
Скорѣе допѣвай конецъ ты пѣсни нашей,
Иль лютню дай. Зачѣмъ трепещешь ты, пѣвецъ?
Дай лютню мнѣ скорѣй, виномъ наполни чаши,
Когда боишься ты, я самъ спою конецъ.

«Я знаю васъ!... Лишь пѣснь раздастся вайделота,
Пророчитъ скорбь она, какъ завыванье псовъ:
Убійства только вамъ, пожары пѣть охота;
Даете муки намъ и шумъ хвалебныхъ словъ...
Закравшись въ колыбель, такая пѣснь лукаво
Еще ребенка грудь змѣею обовьетъ
И яды въ духъ ему жестокіе вольетъ:
Любви къ отечеству и глупой жажды славы!..

«За юношей она стремится по пятамъ,
Какъ тѣнь врага, что палъ печальной жертвой мщенья;

Является она на пиръ нерѣдко къ намъ,
Чтобъ крови подмѣшать въ сосуды наслажденья.
Наслушался, увы... узналъ я пѣсенъ чары!..
Свершилося... Знакомъ ты мнѣ, измѣнникъ старый!..
Ты побѣдилъ, поэтъ — пускай кипитъ война!
Исполнится обѣтъ, давайте мнѣ вина!

«Конецъ я знаю: нѣтъ... другую пѣснь вамъ надо;
Когда въ Кастиліи сражались по горамъ,
Тамъ Мавры насъ свои учили пѣть баллады.
Старикъ, играй мнѣ пѣснь ту дѣтскую, что намъ
Въ долинѣ пѣлася... то было время счастья!
Подъ эту музыку я пѣть всегда привыкъ.
Вернись, старикъ, не то боговъ тебѣ проклятья
Нѣмецкихъ, прусскихъ, всѣхъ»... Былъ вынужденъ старикъ
Вновь выступить, и въ тонъ Конрада пѣсни дикой
Онъ робко слѣдовалъ, играя на струнахъ,
Какъ за разгнѣванным рабъ слѣдуетъ владыкой.

А между тѣмъ огни ужь гасли на столахъ,
Пируя рыцари въ дремоту погрузились;
Но лишь запѣлъ Конрадъ, всѣ снова пробудились,
Встаютъ со всѣхъ сторонъ, столпились въ тѣсный кругъ,
И слово каждое ихъ жадный ловитъ слухъ.

БАЛЛАДА АЛЬПУХАРА.

Въ грудахъ развалинъ у Мавровъ посады,
Цѣпи народъ ихъ влачитъ,

Держатся только твердыни Гренады,
Но ужь чума въ нихъ царитъ.

Бьется на высяхъ еще Альпухары
Съ горстью людей Альманзоръ.
Къ утру Испанецъ готовитъ удары,
Близко раскинулъ шатеръ.

Солнца съ восходомъ орудья взревѣли,
Стѣны въ обломкахъ лежатъ,
На минаретахъ кресты заблестѣли,
За́мокъ Испанцами взятъ.

Но Альманзоръ, лишь отрядъ его смѣлый
Въ битвѣ отчаянной палъ,
Самъ прорубился сквозь сабли и стрѣлы,
Всѣхъ обманулъ и бѣжалъ.

Въ замкѣ, средь камней и тѣлъ искаженныхъ,
На уцѣлѣвшей стѣнѣ,
Дѣлитъ Испанецъ добычу и плѣнныхъ,
Тонетъ, пируя, въ винѣ.

Вѣрная стража вождямъ вдругъ доноситъ:
Рыцарь явился чужой —
Ихъ о пріемѣ немедленномъ проситъ,
Вѣсти привезъ онъ съ собой.

То Альманзоръ былъ, король мусульманскій;
Самъ онъ отдаться спѣшилъ,
Бросивъ убѣжище, въ лагерь Испанскій,
Только о жизни молилъ.

«Къ вашему, рекъ онъ, Испанцы, порогу
Прибылъ чело приклонить,
Вашему стать на служеніе Богу,
Вашихъ пророковъ почтить.

Слава пускай прогремитъ передъ свѣтомъ:
Мавръ, съ сокрушеннымъ вѣнцомъ,
Братскимъ желаетъ васъ встрѣтить привѣтомъ,
Власти чужой быть рабомъ.»

Храбрость Испанцы въ бою уважають;
Узнанъ лишь былъ Альманзоръ,
Вождь его обнялъ, и всѣ обнимаютъ —
Имъ онъ товарищъ съ тѣхъ поръ.

Лаской имъ всѣмъ Альманзоръ отвѣчаетъ,
Онъ у вождя на плечахъ, —
Шею ужь обвилъ и руки хватаетъ,
Крѣпко повисъ на устахъ.

Палъ на колѣна, дрожащей рукою,
Чѣмъ-то внезапно томимъ,
Ноги Испанца опуталъ чалмою,
По земи ползалъ за нимъ.

Взоромъ повелъ онъ, и всѣ изумились:
Блѣдно и сине чело,
Смѣхомъ ужаснымъ уста искривились,
Кровью зрачки налило.

«Синь я и блѣденъ, Гяуры, смотрите!
Чей, угадайте, посолъ?

Васъ обманулъ я — въ чумѣ пропадите —
Я изъ Гренады пришелъ.

Пролили въ душу мои вамъ лобзанья
Ядъ, что васъ долженъ пожрать;
Вы на мои наглядитесь терзанья,
Такъ вѣдь и вамъ умирать.»

Съ криками рвется, объятіемъ вѣчнымъ
Хочетъ Испанцевъ всѣхъ сжать;
Къ сердцу онъ, смѣхомъ залившись сердечнымъ,
Ихъ-бы хотѣлъ приковать

Смѣхомъ и кончилъ онъ — губы и вѣки
Въ мукахъ при страшномъ концѣ
Все не сомкнулись, смѣхъ адскій на-вѣки
Замеръ на хладномъ лицѣ.

И побѣжали Испанцы отъ кары,
Съ ними чума по пятамъ,
Такъ и не вышли изъ горъ Альпухары —
Пало все войско ихъ тамъ.

«Арабы нѣкогда отмщали такъ сурово;
Хотите знать, какъ мстить Литовцу суждено?
Что жъ, если въ будущемъ свое онъ сдержитъ слово
И точно такъ придетъ заразу влить въ вино...
Но нѣтъ, — другой теперь у насъ обычай въ модѣ:
Витольдъ! князей Литвы должны мы принимать,
Они приходятъ къ намъ владѣнья отдавать,
Чтобъ злобу выместить на страждущемъ народѣ!

«Не всѣ однако, нѣтъ! Перуномъ я клянусь!
О, есть еще въ Литвѣ — еще спою какъ прежде...
Оборвалась струна — такъ съ лютней разстаюсь,
Не будетъ пѣсни вамъ — однако я въ надеждѣ
Когда-нибудь вамъ спѣть... теперь... вино струей...
Я нынче много пилъ — ликуйте — праздникъ славьте.
Ты-жъ. Аль... манзоръ — старикъ, съ очей моихъ долой —
Долой Альбанъ — меня вы одного оставьте».

Сказалъ и, отойдя невѣрнсю стопой
До мѣста своего, на кресло опустился,
Кому-то все грозилъ, вдругъ столъ толкнулъ ногой,
И столъ гремя съ виномъ и чашами свалился.
Онъ скоро ослабѣлъ, склонилась голова
На ручку креселъ, взоръ горѣлъ уже едва,
Чуть двигались уста, ротъ пѣною покрылся,
И въ сонъ онъ погрузился.

Минуту рыцари задумавшись стояли:
Конрада знали всѣ губительный порокъ,
Когда въ немъ бушевалъ вина излишній токъ,
Безпамятство и гнѣвъ движенья обличали;
Но на пиру позоръ публичный настаетъ!
Въ присутствіи чужихъ гнѣвъ дикій ихъ смущаетъ.
Кто возбудилъ его? гдѣ этотъ вайделотъ?
Исчезъ среди толпы, никто объ немъ не знаетъ.

Была молва, что то Гальбанъ переодѣтый
Литовскую тогда Конраду пѣсню пѣлъ,
Что снова, христіанъ волнуя пѣснью этой,
Онъ на язычниковъ войной поднять хотѣлъ.

Но отчего магистръ мѣнялся такъ нежданно?
За что Витольдъ во гнѣвъ такой жестокій впалъ?
И смыслъ какой магистръ давалъ балладѣ странной? —
Тутъ каждый тщетно умъ въ догадкахъ изощрялъ.

VI.

Война.

Война. Уже Конрадъ не въ силахъ преклонить
Совѣта стойкости и утишить волненья;
Давно уже весь край взываетъ отомстить
Витольду за обманъ, Литвѣ за нападенья.

Витольдъ, который самъ у Ордена молилъ
Возврата виленской, утраченной столицы,
Теперь, отбывши пиръ, лишь вѣсти получилъ,
Что воины креста войдутъ въ его границы,
Вдругъ обманулъ друзей, перемѣнилъ свой планъ
И, витязей своихъ собравъ, покинулъ станъ.

Къ Тевтонамъ въ крѣпости, что по пути лежали,
Вошелъ съ поддѣланнымъ магистровымъ письмомъ,
У стражи воины оружье отобрали,
И все онъ истребилъ желѣзомъ и огнемъ.
И Орденъ, пристыженъ и злобою пылая,
Грозитъ язычникамъ кровавою войной.
Шлютъ буллу; и моря, и земли покрывая,
Слетается бойцовъ неистощимый рой;

Могучіе князья, вассаловъ ихъ дружины,
Съ крестами красными на панцыряхъ, идутъ,
Всѣ жизнью поклялись, что на поляхъ чужбины
Невѣрныхъ окрестятъ — иль смерти предадутъ.

Вошли въ Литву они: и что-жь тамъ совершилось?
Когда ты хочешь знать, взойди на валъ, съ высотъ
Взоръ обрати къ Литвѣ; лишь солнце закатилось,
Увидишь зарево, оно небесный сводъ
Огня кровавыми ручьями обливаетъ.
Въ войнѣ съ обидчикомъ всегда одно и то жь,
Всѣмъ вѣдомо: рѣзня, пожары и грабежъ
И блескъ, что глупую толпу увеселяетъ,
Въ которомъ лишь мудрецъ со страхомъ познаетъ
Тотъ голосъ мщенія, что къ Богу вопіетъ.

По вѣтру дальше все пожары разносились,
И дальше рыцари во глубь Литвы все шли,
Ужь Ковно, слухи есть, и Вильно облегли;
Но наконецъ гонцы и вѣсти прекратились.
Не видно пламени нигдѣ уже окрестъ,
А только зарево пожаровъ отдаленныхъ.
Напрасно рыцари изъ покоренныхъ мѣстъ
Добычи вѣрной ждутъ и появленья плѣнныхъ;
Напрасно частыхъ шлютъ гонцовъ, гонцы спѣшатъ —
Не возвращается никто изъ нихъ назадъ,
Когда терзаетъ всѣхъ тяжелое сомнѣнье,
Дождаться каждый радъ хоть горькаго рѣшенья.

И осень ужь прошла, и воютъ по горамъ
Мятели зимнія, дороги засыпая,

Сіяньемъ сѣвернымъ, войны-ль огнемъ пылая.
Вновь зарево вдали горитъ по небесамъ,
Блескъ грозный пламени часъ отъ часу виднѣе,
И небо отъ него краснѣе и краснѣе.

Съ Маріенбургскихъ стѣнъ глядятъ во всѣ концы:
Тамъ кто-то движется за снѣжными буграми...
Ужь не Конрадъ-ли то съ родными намъ вождями?
Что жь,—побѣдители они, иль бѣглецы?
И гдѣ-жь остатки войскъ?.. Конрадъ тогда рукою
Толпу отсталую вдали имъ, показалъ:
Ахъ, уже видъ одинъ ихъ тайну обличалъ!..
Въ сугробахъ тащатся нестройною гурьбою;
Тѣснятся, падаютъ, какъ насѣкомыхъ рой,
Что гибнутъ въ тѣснотѣ безвыходной сосуда.
По трупамъ вверхъ ползутъ, доколѣ снова груда
Валясь не увлечетъ на дно ихъ за собой.
Одни еще влачатъ хладѣющія ноги,
Другіе на ходу застыли у дороги,
И мертвецы съ рукой приподнятой стоятъ,
Какъ тѣ столпы, что путь указываютъ въ градъ.

Изъ крѣпости толпа къ нимъ хлынула народа,
Не смѣетъ разспросить, ее объемлетъ страхъ,
Она исторію несчастнаго похода
Прочла у рыцарей на лицахъ и въ очахъ.
Надъ ними смерть уже холодная висѣла,
И голодъ высосалъ, какъ Гарпія, ихъ тѣло.
Литовцы гонятся — вотъ слышенъ звукъ роговъ,
Тамъ на равнинахъ вихрь вздымаетъ снѣгъ клубами,
И воетъ тощая поодаль стая псовъ,
И вьются вороновъ стада надъ головами.

Часъ гибели насталъ, Конрадъ всѣхъ погубилъ;
И онъ, который такъ удачей возносился,
И онъ, который такъ предвѣдѣньемъ гордился,
Въ послѣднихъ бѣдствіяхъ лишился вовсе силъ.
Сѣтей Витольдовыхъ не понялъ ухищренья,
Обманутъ, ослѣпленъ кровавой жаждой мщенья,
Войска въ степяхъ Литвы напрасно разбросалъ,
И Вильно медленно и вяло осаждалъ.

Когда запасовъ складъ былъ истощенъ войною,
И голодъ началъ станъ нѣмецкій посѣщать,
А врагъ раскинувшись сталъ смѣлою рукою
Ихъ подкрѣпленія, обозы истреблять,
И Нѣмцевъ сотнями день каждый выбывало,
Войну бы приступомъ покончить надлежало,
Или не мѣшкая съ войсками отступить;
Но Валленродъ тогда, спокойный и веселый,
Съ зарею уѣзжалъ въ лѣса звѣрей травить,
Или въ шатрѣ одинъ ковалъ свои крамолы,
И не хотѣлъ вождей къ совѣту допустить.

И дотого угасъ воинственный въ немъ пылъ,
Что, войска своего нетронутый слезами,
Въ защиту Ордена меча не обнажилъ:
Дни цѣлые стоялъ съ скрещенными руками
Въ раздумьи, или съ нимъ бесѣдовалъ Гальбанъ...
Межъ тѣмъ зима снѣговъ сугробы навалила,
И свѣжею, Витольдъ, вооруженный силой,
Ихъ войско окружалъ, и нападалъ на станъ...
Какое Ордену отважному безчестье! —
Магистръ великій вдругъ бѣжалъ изъ-подъ знаменъ!..

И вмѣсто плѣнниковъ, добычи, лавровъ, онъ
О торжествѣ Литвы привезъ съ собой извѣстье!..

Вы видѣли-ль, когда съ кровавыхъ онъ полей,
За тѣмъ погромомъ вслѣдъ, велъ войско упырей?..
Чело омрачено тоской воспоминаній,
Лицо его точилъ нещадно червь страданій,
И мучился Конрадъ — но ты-бы увидалъ,
Хоть тѣнью у него лазурь очей одѣта,
Что стрѣлы яркія взоръ искоса металъ,
Какъ будто бѣдствіемъ грозящая комета,
Мѣняясь каждый мигъ, какъ огонекъ ночной,
Который путнику засвѣченъ сатаной;
Сливая бѣшенство съ какимъ-то упоеньемъ,
Весь сатанинскимъ онъ свѣтился выраженьемъ!

Страшась народъ ропталъ. Конрадъ презрѣлъ укоръ,
Въ совѣтъ свой рыцарей онъ созвалъ недовольныхъ;
Взглянулъ, поговорилъ, махнулъ рукой — позоръ!
Всѣ вѣрятъ, слушая, что чуждъ онъ думъ крамольныхъ;
Въ ошибкахъ смертнаго всѣ видятъ Божью казнь:
Кого же изъ людей не убѣдитъ боязнь?

***

Владыка гордый, стой! Есть судъ и надъ тобою!..
Въ Маріенбургѣ есть, ты знай, подземный сводъ:
Туда, какъ только ночь одѣнетъ городъ тьмою,
Ужасный трибуналъ совѣтъ держать идетъ.

Одна лампада тамъ подъ сводами плафона
Въ завѣтной залѣ ихъ, и день и ночь горитъ;

Двѣнадцать кресelъ тамъ всегда стоятъ вкругъ
трона,
Таинственный уставъ на тронѣ томъ лежитъ;
Двѣнадцать судій всѣхъ, всѣ въ черномъ одѣяньи,
Глухими масками закрыты лица ихъ,
Укрылись отъ толпы они въ подземномъ зданьи,
И каждый прячется подъ маской отъ своихъ.

Всѣ поклялись, вездѣ, всегда, безъ лицезрѣнья,
Карать преступныя дѣла своихъ владыкъ,
Соблазномъ тяжкія, гдѣ явныхъ нѣтъ уликъ.
Когда произнесли послѣднее рѣшенье,
И брату кровному отъ нихъ пощады нѣтъ;
Измѣной, силой-ли, но каждый выполняетъ,
Что о преступникѣ постановилъ совѣтъ:
Въ рукѣ у нихъ кинжалъ, а съ боку мечъ свер-
каетъ.

Приблизилась одна изъ маскъ къ подножью
трона
И, ставъ съ мечемъ предъ книгою закона,
«О судьи грозные!» рекла,
«Тѣнь подозрѣнья насъ къ открытью привела:
Тотъ, кто считается Конрадомъ Валленродомъ,
Не Валленродъ.

Невѣдомо кто онъ, но самый тотъ,
Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, передъ походомъ,
Когда графъ Валленродъ шелъ ко святымъ мѣстамъ,
Въ прирейнскій прибылъ край, оруженосцемъ тамъ
Имъ принятъ; вскорѣ графъ пропалъ, и въ убіеньи
Его тотъ человѣкъ остался въ подозрѣньи,

Изъ Палестины онъ бѣжалъ,
И путь свой къ берегамъ Испаніи направилъ,
Тамъ съ Маврами въ бояхъ себя прославилъ,
И на турнирахъ тамъ всѣ лавры пожиналъ,
За Валленрода слылъ онъ въ возвышеньи быстромъ;
Постригшись, наконецъ, монахомъ строгимъ сталъ;
На гибель Ордена онъ избранъ былъ магистромъ;
Какъ правилъ, знаете, когда мы той зимой
Боролись съ голодомъ, морозомъ и Литвой,
Конрадъ все уѣзжалъ одинъ въ лѣса и горы,
Чтобы съ Витольдомъ тамъ вести переговоры.
Давно слѣдятъ за нимъ; вечернею порой
Шпіоны прятались подъ башней угловой,
Но словъ не поняли отшельницы съ Конрадомъ —
Они на языкѣ литовскомъ рѣчь вели.
Что тайно люди намъ недавно донесли
О человѣкѣ томъ, все сопоставивъ рядомъ
Съ тѣмъ, что и мой доноситъ мнѣ шпіонъ,
Съ тѣмъ, что молва трубитъ со всѣхъ сторонъ,
Магистра предаю: виновенъ, судьи, онъ
Въ подлогѣ, ереси, убійствѣ и измѣнѣ.»

Тутъ обвинитель палъ предъ книгой на колѣни,
Простертою рукой коснувшися креста,
Присягой подтвердилъ всю правду обвиненій,
И клялся Господомъ и муками Христа.

Умолкъ! Ни шопота, ни звука: разсмотрѣнье
Чинитъ торжественно и строго дѣлу судъ,
Лишь взгляда молнія иль головы движенье
Грозу и глубину ихъ мысли выдаютъ;
И каждый въ свой чередъ ступилъ къ подножью трона,

Кинжала остріемъ у хартіи закона
Перевернулъ листы, параграфъ прочиталъ
И руку, положивъ на грудь, о приговорѣ
Своей лишь совѣсти сознаніе пыталъ —
И общимъ хоромъ всѣ произнесли: о горе!
За ними повторилъ холодный сводъ стѣны:
О горе, отзывомъ протяжнымъ троекратно!...
Въ томъ словѣ приговоръ, и судьямъ ужь понятно:
И разомъ всѣ мечи у нихъ извлечены,
Въ одну Конрада грудь они устремлены.
Въ молчаньи вышли всѣ, и стѣны глухо вторя,
За ними разъ еще вслѣдъ простонали: горе!

VII.

Прощаніе.

Вотъ утро зимнее, крутится вихрь и снѣгъ.
Подъ хладной Валленродъ мятелью правитъ бѣгъ;
У брега озера едва остановился,
Кричитъ, и объ стѣну стучитъ своимъ мечемъ.
«Альдона, онъ кричитъ, Альдона, поживемъ!
Обѣтъ исполнился, твой милый возвратился,
Они истреблены,—конецъ трудамъ моимъ.»

ОТШЕЛЬНИЦА.

«Альфъ?.. Голосъ Альфа то!.. Мой Альфъ тутъ
за порогомъ!
Какъ такъ! ужели миръ? вернулся невредимъ!
И не поѣдешь вновь?»

КОНРАДЪ.

«О! заклинаю Богомъ,
Не спрашивай меня, мой несравненный другъ!
Пусть слову каждому твой жадный слухъ внимаетъ,
Они истреблены... Пожары тѣ вокругъ
Ты видишь-ли? Литва край Нѣмцевъ попираетъ!

Тевтону ранъ своихъ не исцѣлить въ сто лѣтъ.
Стрѣла въ стоглавое чудовище впилася,
Источника ихъ силъ — сокровищъ больше нѣтъ,
Сгорѣли города, кровь моремъ разлилася...
То дѣло рукъ моихъ; исполнилъ я обѣтъ;
Не выдумаетъ адъ ужаснѣйшаго мщенья!
Но человѣкъ я, мнѣ довольно этихъ бѣдъ!..
Средь лицемѣрія я росъ почти съ рожденья,
Среди грабительства... Въ преклонныхъ-же годахъ
Измѣна мнѣ тошна; негоденъ я въ бояхъ;
Довольно мщенія — вѣдь Нѣмцы люди тоже!
Я ѣду изъ Литвы, Господь мнѣ свѣтъ открылъ.
Я видѣлъ тѣ мѣста и замокъ твой, о Боже!
Тотъ замокъ Ковенскій... и очи отвратилъ —
Однѣ развалины... я мимо пролетаю,
Во всю несуся прыть къ долинѣ намъ родной:
Какъ прежде все!.. лѣса, цвѣты все тѣ жь встрѣчаю;
Все такъ осталося, какъ въ вечеръ, той порой,
Когда, уже давно, прощались мы съ долиной.
Ахъ! мнѣ казалося, что было то вчера!..
Ты камень помнишь-ли, тотъ камень надъ стремниной,
Прогулокъ нашихъ цѣль, у самаго бугра!
Лежитъ донынѣ тамъ, поросшій только мхами,
Едва мнѣ удалось въ травѣ его сыскать.
Я мхи повыдергалъ, обмылъ его слезами;
Дерновую скамью, гдѣ въ лѣтній зной вкушать
Средь яворовъ покой любила ты нерѣдко,
Источникъ, гдѣ тебѣ напиться подавалъ,
Я все нашелъ, взглянулъ на все, все обѣжалъ;
Цѣла еще твоя укромная бесѣдка,
Которую обнесъ сухою я лозой...

Сухія вербы тѣ, Альдона, удивленье!
Въ сухой песокъ моей воткнутыя рукой,
Теперь ихъ не узнать, — огромныя растенья.
И сѣть на нихъ дрожитъ весенняя листовъ.
И свѣжій зыблется надъ ними пухъ цвѣтовъ!..
При видѣ томъ восторгъ съ невѣдомою силой
Мнѣ чувствомъ счастія всю душу охватилъ;
Лобзая вербы, я колѣна преклонилъ,
Воскликнулъ: Боже мой, когда-бы все такъ было!
Когда-бы, возвратясь въ родной для насъ предѣлъ,
И поселенные вновь на литовскомъ полѣ,
Воскресли мы опять; пускай и въ нашей долѣ
Надежды снова-бы листокъ зазеленѣлъ.

«Вернемся-жъ! согласись!». я здѣсь повелѣваю,
Я отворить велю, но для чего приказъ!
Пусть были-бъ ворота твои во много разъ
Упорнѣй стали, я снесу ихъ, раскидаю!
Туда я на рукахъ тебя хотѣлъ-бы несть;
Бѣжимъ, любовь моя, туда, къ родной долинѣ,
Иль дальше мы пойдемъ, въ Литвѣ вѣдь есть пустыни,
У Бѣловѣжскихъ пущъ глухія тѣни есть,
Не слышно вражескихъ доспѣховъ тамъ бряцанья,
Ни побѣдителя восторговъ боевыхъ,
Ни братьевъ сверженныхъ тяжелаго рыданья...
У лона твоего, въ объятіяхъ твоихъ,
За безмятежною, пастушеской оградой
Забуду, что есть свѣтъ какой-то, что кишитъ
Народовъ тьма на немъ, жить для себя намъ надо.
Вернись, скажи, позволь...»

Альдона все молчитъ,
Конрадъ умолкъ. Пока ея онъ ждалъ отвѣта,
Кровавая заря блеснула въ небесахъ:

«Альдона, преклонись! недолго до разсвѣта,
Проснутся, и тогда у стражи мы въ рукахъ,
Альдона!..» онъ взывалъ, дрожалъ отъ нетерпѣнья;
Не стало голоса, глазами умолялъ,
И руки, къ башнѣ вверхъ простертыя, ломалъ,
Какъ нищій ползая, искалъ онъ сожалѣнья,
И стѣны зданія холоднаго лобзалъ.

ОТШЕЛЬНИЦА.

«Нѣтъ, — грустнымъ голосомъ, но твердымъ отвѣчала, —
Богъ дастъ еще мнѣ силъ... пора ужь миновала!
Послѣдній отъ меня ударъ Онъ отведетъ...
Когда сюда вошла, клялась я у порога
Для гроба развѣ лишь покинуть башни сводъ,
Боролась я съ собой—теперь же противъ Бога
Ты думаешь своимъ щитомъ меня покрыть!..
На свѣтъ вернуть — кого? одно лишь привидѣнье.
Подумай, если я, презрѣвъ ума внушенья,
Покину этотъ склепъ и дамъ себя склонить,
Съ восторгомъ упаду опять въ твои объятья —
А не узнавъ меня, ты спросишь, отвратясь:
Иль въ образъ упыря Альдона облеклась?
И даже мнѣ не дашь руки твоей пожатья,
И будешь все искать въ тупомъ зрачкѣ тогда,
Въ лицѣ, которое... отъ мысли льются стоны!
Нѣтъ, скорбь отшельницы пускай ужь никогда
Не исказитъ лица прекраснаго Альдоны!

Прости, возлюбленный, сама откроюсь въ этомъ:
Когда горитъ живѣй луна дрожащимъ свѣтомъ,
Я прячусь за стѣну, заслышавъ голосъ твой,
Я близко не хочу тебя увидѣть, милый,
Ты нынѣ, можетъ быть, и самъ ужь не такой,
Какимъ былъ встарину, въ разгарѣ юной силы,
Какъ въ замокъ въѣхалъ нашъ, въ кругу родныхъ вождей;
До сей поры въ груди ты сохранилъ моей
Все тѣ-жь: глаза, лицо, осанку, одѣянье.
Такъ чудный мотылекъ, застывшій въ янтарѣ,
Наружность вѣкъ хранитъ роскошнаго созданья.
Остаться лучше, Альфъ, какими на зарѣ
Дней нашихъ были мы, какими въ лучшей долѣ
Соединимся вновь, но не въ земной юдоли!..

Долины свѣтлыя счастливымъ отдадимъ:
Люблю теперь свою я каменную крышу,
Довольно счастья мнѣ, когда тебя живымъ
Я вижу здѣсь, когда твой милый голосъ слышу...
Мой несравненный Альфъ, могли бы намъ служить
Убѣжищемъ отъ мукъ и этой башни стѣны;
Оставь убійства ты, поджоги и измѣны,
Старайся ранѣе и чаще приходить.

Послушай... еслибъ ты... здѣсь на краю равнины
Похожую на ту бесѣдку заложилъ
И вербы милыя свои пересадилъ,
И тѣ цвѣты привезъ, тотъ камень изъ долины...
Пусть дѣти иногда въ тѣни деревъ родныхъ
Рѣзвиться прибѣгутъ изъ ближняго селенья,
Пусть станутъ плесть въ вѣнокъ родимое растенье,

И понесется звукъ литовской пѣсни ихъ —
Напѣвы родины въ насъ думы пробуждають,
Объ Альфѣ, о Литвѣ они наводятъ сны,
Потомъ, какъ будутъ дни мои изочтены,
Пускай они твою могилу оглашаютъ»...

Но Альфъ ужь не слыхалъ. По берегу бродилъ
Одинъ безъ цѣли онъ, безъ мысли, безъ желанья,
Тамъ льду гора, тамъ боръ влекутъ его вниманье,
Въ той дикой красотѣ и въ бѣгѣ находилъ
Истомы сладость онъ и будто облегченье.
Отъ жару, средь зимы, онъ тяжело вздыхалъ;
Свой панцырь скинулъ, плащъ, одежду разорвалъ,
И съ груди сбросилъ все, все — кромѣ угрызенья.

Ужь утромъ подошелъ онъ къ городскимъ валамъ,
Увидѣлъ чью-то тѣнь и сталъ въ недоумѣньи;
Обходитъ тѣнь кругомъ, чуть слышно по снѣгамъ
Скользитъ все далѣе, во рвахъ исчезла вскорѣ,
И только раздалось: о горе, горе, горе!

И встрепенулся Альфъ отъ звука, изумленъ.
Съ минуту размышлялъ, и все постигнулъ разомъ,
Выдергиваетъ мечъ, вкругъ озираясь, онъ,
Слѣдитъ внимательнымъ и безпокойнымъ глазомъ...
Но пусто все кругомъ, по выгонамъ летѣлъ
Снѣгъ клубомъ съ сѣвера, и вѣтеръ лишь шумѣлъ.
Взволнованъ Альфъ, глядитъ на ледяные склоны,
Невѣрной поступью и медленной опять
Онъ возвращается къ убѣжищу Альдоны.

И, у окна ее увидѣвъ, сталъ взывать:
«День добрый! сколько лѣтъ ночною лишь порою

Другъ съ другомъ видѣться намъ приходилось такъ:
Теперь же добрый день!.. какой пріятный знакъ!
То послѣ столькихъ лѣтъ мой первый день съ
тобою!
Зачѣмъ я прихожу такъ рано, угадай?»

АЛЬДОНА.

Я не хочу и знать; мой дорогой, прощай!
Уже совсѣмъ свѣтло, что если бы узнали?..
Не уговаривай... До вечера мы врозь.
Не выйду, не могу».

АЛЬФЪ.

Но мы ужь опоздали!..
Ты знаешь-ли, о чемъ прошу я?.. Вѣтку сбрось...
Нѣтъ у тебя цвѣтовъ, такъ нитку хоть изъ платья,
Хоть ленту изъ твоихъ волосъ хотѣлъ-бы взять я.
Или хоть камешекъ отъ башни брось своей.
И тотчасъ, — доживутъ до завтра вѣдь не всѣ же —
Хотѣлъ бы я имѣть на память даръ твой свѣжій,
Который въ этотъ день былъ на груди твоей,
Твоя еще горитъ слезинка на которомъ;
Хочу хранить его на сердцѣ я своемъ,
Хочу проститься съ нимъ моимъ послѣднимъ взо-
ромъ...
Погибнуть долженъ я; погибнемъ-же вдвоемъ!
Бойницу видишь тамъ, за городскими рвами?
Въ ней буду я. Какъ знакъ, съ утра на цѣлый
день

Я черный вывѣшу платокъ между столбами,
Лампаду выставлю, какъ ночи ляжетъ тѣнь:
Ты не спускай съ нихъ глазъ, пусть мысль туда
стремится,
Сорву-ли я платокъ, лампады-ль свѣтъ затмится,
Ты затвори окно; быть можетъ: не приду...
Прощай!»

Пошелъ, исчезъ; еще глядитъ Альдона,
Къ рѣшеткѣ наклонясь; прошло въ свою чреду
И утро, солнце внизъ катилось съ небосклона,
Но долго въ башнѣ все бѣлѣлись на углѣ
Одежда, съ вѣтрами игравшая вкругъ стана,
И руки изъ окна простертыя къ землѣ.

«Зашло, воскликнулъ Альфъ и подозвалъ Гальбана,
На солнце указавъ изъ келіи своей,
Въ которой запершись и не сводя очей
Съ окна отшельницы, сидѣлъ, условью вѣрный:
Дай плащъ и саблю мнѣ. Прощай, слуга примѣрный,
Пойду къ той башнѣ я. Прощай на много дней,
Быть можетъ, навсегда... Гальбанъ, прошу вниманья,
Какъ завтра лишь начнетъ на небѣ день свѣтить,
И не вернуся я: покинь ты это зданье.
Хотѣлъ-бы и еще тебѣ я поручить...
И въ небѣ и подъ нимъ... какой я одинокій!
Кому-же, гдѣ и что предъ смертью въ часъ жестокій —
Васъ исключая двухъ — я могъ-бы передать!..
Итакъ, прощай, Гальбанъ! Она ужь будетъ знать:

Коль завтра... сбрось платокъ, вотъ вся твоя забота...
Но что тамъ? слышишь-ли?.. Тамъ стукнули въ ворота.»

Привратникъ— «кто идетъ?» три раза прокричалъ;
«О горе!» голоса вслѣдъ дико простонали.
Замѣтно, что имъ стражъ противиться не сталъ;
Подъ сильнымъ натискомъ ворота затрещали.
Ужь ходы нижніе перебѣжалъ отрядъ,
По лѣстницѣ витой они уже летятъ,
Которая ведетъ въ жилище Валленрода;
Ихъ ногъ окованныхъ все громче стукъ у входа.
Тяжелымъ болтомъ Альфъ имъ заграждаетъ дверь,
Исторгнулъ мечъ, съ стола взялъ чашу, наливаетъ,
Потомъ пошелъ къ окну: «свершилось», восклицаетъ,
И выпилъ изъ нея. «Тебѣ, старикъ, теперь!»

Гальбанъ вдругъ поблѣднѣлъ, руки своей движеньемъ
Хотѣлъ разлить питье, но сдержанъ размышленьемъ.
И слыша ближе все къ дверямъ желѣза звукъ,
Онъ руку опустилъ: «идутъ ужь въ келью нашу».

«Старикъ! ты знаешь-ли, что значитъ этотъ стукъ?
О чемъ же думаешь? ты взялъ съ напиткомъ чашу,
Свое ужь выпилъ я... Старикъ, теперь тебѣ!»

Гальбанъ глядѣлъ кругомъ въ отчаянной борьбѣ:
«Нѣтъ, сынъ, пускай переживу мои надежды!

Останусь, и еще твои закрою вѣжды,
Хочу жить для того, чтобъ на крылахъ молвы
Разнесся подвигъ твой: пусть онъ въ вѣкахъ блюдется.
Я вѣси обѣгу и города Литвы;
Куда я не дойду,—пусть пѣсня донесется;
И будетъ бардъ ее пѣть рыцарямъ въ бояхъ,
Мать ею огласитъ домашнюю обитель,
Пѣть будутъ — и потомъ возстанетъ всѣмъ на страхъ,
Отъ пѣсни въ будущемъ, за кости наши мститель»...

На переплетъ окна, рыдая, Альфъ упалъ,
И долго башню онъ глазами пожиралъ,
Какъ будто-бы хотѣлъ еще налюбоваться
Пріятнымъ зрѣлищемъ, чтобъ съ нимъ уже разстаться.
Съ Гальбаномъ обнялся; смѣшались вздохи ихъ
Въ объятьяхъ трепетныхъ, протяжныхъ и нѣмыхъ.
Ужь съ трескомъ люди дверь желѣзную ломаютъ,
Вошли, по имени ужь Альфа называютъ:

«Измѣнникъ! подъ мечемъ глава твоя падетъ!
Сегодня-же и казнь принять готовься, вотъ
И старецъ — нашъ капланъ тебѣ для покаянья,
Съ нимъ душу облегчивъ, умри для назиданья!»

И съ обнаженнымъ Альфъ встрѣчаетъ ихъ мечемъ;
Но опускается, блѣднѣя и шатаясь,
Оперся на окно и, гордо озираясь,

Срываетъ плащъ, повергъ магистра знакъ къ ногамъ,
И топчетъ на землѣ съ улыбкою презрѣнья:

«Вотъ жизни всей моей предъ вами прегрѣшенья!..
Готовъ я умереть, чего-же больше вамъ?
Отчетъ правленія вы выслушать хотите?
На тысячи людей погибшихъ поглядите,
На груды городовъ, пожары цѣлыхъ странъ!
Вы слышите-ли вихрь? то снѣжный ураганъ:
Остатки вашихъ войскъ замерзли, не вернутся!
Голодныхъ, слышите-ль, тамъ воютъ стаи псовъ?
Изъ-за объѣдковъ лишь теперь они грызутся!

«Все это сдѣлалъ я! такъ много снесть головъ —
Какъ гордъ я и великъ! — однимъ у гидры взмахомъ!
Потрясши, какъ Самсонъ, столбъ храма у враговъ,
Разрушить зданіе, и пасть подъ этимъ прахомъ!»...

Сказалъ, взглянулъ въ окно, и чувствъ лишился вдругъ;
Но прежде ужь съ окна имъ сброшена лампада.
Блеститъ она, чертя собой три раза кругъ,
И наконецъ легла у головы Конрада.
Въ разлитой жидкости чуть тлѣетъ огонекъ,
Тускнѣетъ каждый мигъ, въ потокѣ утопаетъ,
И смерти наконецъ оповѣщая срокъ,
Послѣдній свѣта кругъ огромный разливаетъ.
И очи Альфа онъ въ тотъ озаряетъ часъ:
Ужь побѣлѣлъ зрачекъ — и лампы свѣтъ погасъ.

И пронизалъ въ тотъ мигъ вдругъ башни сводъ
могильный,
Нежданный, долгій крикъ, отрывистый и сильный...
Изъ чьей-же груди онъ? Не трудно угадать;
Услышавши его, легко-бы понялъ каждый,
Что грудь, откуда стонъ тотъ вырвался однажды,
Не можетъ гóлоса ужь больше издавать:
Вся жизнь отозвалась какъ-будто въ этомъ стонѣ...

Такъ струны средь игры восторженной пѣвца
Вдругъ лопнутъ зазвуча, и пѣснь, смѣшавшись въ
тонѣ,
Началомъ лишь своимъ затронетъ всѣ сердца —
Но ужь затѣмъ никто не ждетъ ея конца.

Такъ пѣсня и моя; ту пѣсню объ Альдонѣ
Пусть Ангелъ музыки по небу разнесетъ,
А нѣжный слушатель въ душѣ пусть допоетъ.

13 марта 1872 г.

КРЫМСКІЕ СОНЕТЫ.

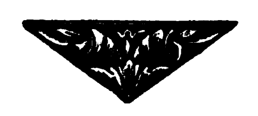
Акерманскія степи.

Въ просторъ зеленаго вплываю океана:
Телѣга, какъ ладья, въ разливѣ свѣтлыхъ водъ,
Въ волнахъ шумящихъ травъ, среди цвѣтовъ плы-
ветъ,
Минуя острова колючаго бурьяна.

Темнѣетъ; впереди ни знака, ни кургана.
Ввѣряясь лишь звѣздамъ, я двигаюсь впередъ...
Но что тамъ? Облако-ль? денницы-ли восходъ?
Тамъ Днѣстръ; блеснулъ маякъ, лампада Акер-
мана.

Стой!... Боже, журавлей на небѣ слышенъ летъ,
А ихъ — и сокола-бъ не уловило око!
Былинку мотылекъ колеблетъ; вотъ ползетъ

Украдкой скользкій ужъ, шурша въ травѣ вы-
сокой —
Такая тишина, что зовъ съ Литвы-бъ далекой
Былъ слышенъ... Только нѣтъ, никто не позоветъ!

II.

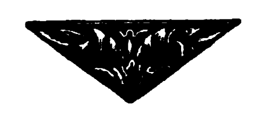
Морская тишь.

Скользитъ вѣтерокъ, чуть касаясь до флага.
Спитъ море: чуть зыблется ясная влага.
Такъ въ грезахъ невѣста подъ радугой сновъ
Проснется, вздохнетъ лишь — и спитъ уже вновь.

Легъ парусъ на мачту и дремлетъ, какъ знамя
На древкѣ,— гдѣ брани угаснуло пламя.
Корабль, какъ прикованный къ мѣсту, слегка
Колеблется. Отдыхъ для силъ моряка!

О море! Полипа таятъ твои воды:
На днѣ спитъ онъ, сжавшись, средь бурной погоды,
А въ тишь свои вѣтви спѣшитъ растянуть.

О память! На днѣ твоемъ гидра есть злая:
Подъ бурей страстей она спитъ, отдыхая,
И жало вонзаетъ въ спокойную грудь.

III.

Переѣздъ по морю.

Волны растутъ; пиръ чудовищамъ моря открылся.
Вотъ на веревочной сѣткѣ матросъ паукомъ
Вздернулся вверхъ, въ паутину свою углубился,
Въ нитяхъ чуть зримыхъ виситъ онъ, и смотритъ кругомъ.

Вѣтеръ! Вотъ вѣтеръ! Надулся корабль, отцѣпился;
Стѣны валовъ возстаютъ: онъ идетъ на проломъ;
Рѣжетъ ихъ, топчетъ,— взлетѣлъ, съ ураганомъ схватился,
Бурю подъ крылья забравъ, рвется въ небо челомъ.

Мысли, мечты тутъ, какъ парусы, я распускаю;
Духъ мой надъ бездной, какъ мачты подъемлясь, идетъ,—
Крикъ чуть раздастся — и въ шумѣ веселомъ замретъ.

Вытянувъ руки, я къ палубѣ ницъ припадаю:
Кажется, грудь моя силъ кораблю придаетъ;
Любо! Легко мнѣ! Что значитъ быть птицей —
я знаю.

IV.

Буря.

Парусъ въ клочки; руль оторванъ. Шумъ!
Ревъ! Завыванья!
Крики и вопли! — Отчаянно помпы скрипятъ.
Вырванъ изъ рукъ моряковъ ихъ послѣдній канатъ.
Солнце кровавое никнетъ: — закатъ упованья!

Вихрь торжествуетъ.... Идетъ къ кораблю по волнамъ
Вставшій изъ бездны Духъ смерти, — шагаетъ по
влажнымъ
Моря уступамъ — по этимъ горамъ сто-этажнымъ:
Воинъ такъ штурмомъ несется къ разбитымъ стѣнамъ!

Тѣ еле живы; тотъ въ корчахъ страдаетъ жестоко;
Тотъ на прощанье склонился въ объятья друзей; —
Этотъ въ молитвахъ предъ смертью — противится ей.

Одаль одинъ сѣлъ — и мыслитъ себѣ одиноко:
«Счастливъ, кто можетъ молиться на смертномъ пути
Или имѣетъ кому хоть промолвить: прости!»

V.

Видъ горъ изъ степей Козлова.

ПИЛИГРИМЪ.

Аллахъ-ли тамъ, среди пустыни,
Застывшихъ волнъ воздвигъ твердыни,
Притоны ангеламъ своимъ?
Иль дивы, словомъ роковымъ,
Стѣной умѣли такъ высоко
Громады скалъ нагромоздить,
Чтобъ путь на сѣверъ заградить
Звѣздамъ, кочующимъ съ востока?
Вотъ свѣтъ все небо озарилъ:
То не пожаръ-ли Цареграда?
Иль Богъ ко сводамъ пригвоздилъ
Тебя, полночная лампада,
Маякъ спасительный, отрада
Плывущихъ по морю свѣтилъ?

МИРЗА.

Тамъ былъ я: тамъ со дня созданья
Бушуетъ вѣчная мятель;
Потоковъ видѣлъ колыбель,
Дохнулъ — и мерзнулъ паръ дыханья.

Я проложилъ мой смѣлый слѣдъ,
Гдѣ для орловъ дороги нѣтъ
И дремлетъ громъ надъ глубиною;
И тамъ, гдѣ надъ моей чалмою
Одна сверкала лишь звѣзда —
То Чатырдагъ былъ!...

ПИЛИГРИМЪ.

А!...

VI.

Бахчисарай.

Еще великъ, но пустъ дворецъ Бахчисарая.
Челомъ пашей здѣсь пыль обметена — и вотъ
На тѣхъ диванахъ, гдѣ мощь нѣжилась людская,
То скачетъ саранча, то гадина ползетъ.

Въ цвѣтныя окна плющъ ворвался, и на своды,
На стѣны дерзко взлѣзъ и, человѣка тронъ
Занявъ, во имя здѣсь владычицы-природы,
Какъ новый Валтасаръ: «руина» пишетъ онъ.

Средь залы мраморный ковчегъ стоитъ донынѣ:
Фонтанъ гарема здѣсь; источникъ уцѣлѣлъ;
Онъ точитъ перлы слезъ и говоритъ въ пустынѣ:

«Гдѣ ты, земная власть, гдѣ выспренній удѣлъ?
Гдѣ роскошь и любовь? — Потокъ вашъ бурно мчался,
Но — вы минули здѣсь! А водный токъ — остался.

VII.

Бахчисарай ночью.

Темнѣетъ. Изъ джамй расходятся суниты;
Умолкъ изана звукъ и гулъ людскихъ рѣчей;
Зардѣлись у зари рубинами ланиты;
Спѣшитъ къ любовницѣ сребристый царь ночей.

Гаремы на небѣ огнями звѣздъ залиты,
И тучка чистая плыветъ межъ тѣхъ огней,
Какъ лебедь, дремлющій на озерѣ: у ней
Обводы золотомъ, грудь жемчугомъ — увиты.

Здѣсь тѣнь отбросили вершины кипариса,
Вдали чернѣются громады скалъ толпой;
Какъ стая дьяволовъ въ диванѣ у Эвлиса,

Подъ мглистымъ пологомъ. Съ вершины скалъ порой,
Проснувшись, молнія летитъ быстрѣй фариса,
И тонетъ въ синевѣ бездонной и нѣмой.

VIII.

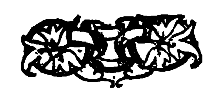
Гробница Потоцкой.

О роза юная! Въ садахъ, средь упоенья,
Ты сгибла. Прошлаго счастливыя мгновенья,
Вспорхнувъ, какъ мотыльки, отъ сердца твоего,
Пыль ѣдкую оставили въ глубй его.

Туда — на сѣверъ все стремятся звѣзды — къ
Польшѣ....
Но отчего-жь въ тотъ край онѣ тѣснятся больше?
Не взоръ-ли твой, пока горѣлъ въ немъ Божій свѣтъ,
Чрезъ небо шелъ туда и выжегъ звѣздный слѣдъ?

И мой здѣсь грустный вѣкъ въ уединеньи ми-
нетъ, —
И пусть тутъ горсть земли на гробъ мой дружба
кинетъ!
Порой межъ странниковъ бесѣда тутъ идетъ:

Меня родная рѣчь здѣсь, можетъ быть, возбу-
дитъ; —
Когда-жь тебѣ поэтъ слагать здѣсь пѣсню будетъ —
Вблизи узрѣвъ мой холмъ — и мнѣ пусть пропоетъ.

IX.

Могилы гарема.

(Мирза къ пилигриму).

Здѣсь изъ виноградника гроздья недоспѣлыя
Взяты въ снѣдь Аллахову безпощадной силою.
Здѣсь — средь моря счастья — скрыты перлы бѣлые
Раковиной вѣчности — мрачною могилою; —

Кроетъ ихъ склепъ времени и забвенья пыльнаго,
И чалмы, что видны здѣсь, жизнью не колышутся,
Словно бунчуки онѣ войска замогильнаго; —
Вскользь, внизу, Гяурами имена ихъ пишутся.

Розы сада райскаго! Вы, едва развитыя,
Отцвѣли безвременно, навсегда закрытыя
Листьями стыдливости отъ очей невѣрнаго.

Гробъ вашъ здѣсь позорится чужеземца зрѣніемъ....
Я позволилъ: чувствую грузъ грѣха безмѣрнаго....
Но — изъ чуждыхъ, онъ одинъ смотритъ съ умиленіемъ.

X.

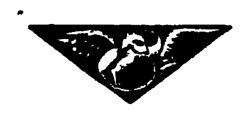
Байдарская долина.

Скачу, какъ бѣшеный, на бѣшеномъ конѣ;
Долины, скалы, лѣсъ мелькаютъ предо мною,
Смѣняясь, какъ волна въ потокѣ за волною....
Тѣмъ вихремъ ббразовъ упиться — любо мнѣ!

Но обезсилѣлъ конь. На землю тихо льется
Таинственная мгла съ темнѣющихъ небесъ,
А предъ усталыми очами все несется
Тотъ вихорь ббразовъ — долины, скалы, лѣсъ....

Все спитъ, не спится мнѣ — и къ морю я сбѣгаю;
Вотъ съ шумомъ черный валъ подходитъ; жадно я
Къ нему склоняюся и руки простираю....

Всплеснулъ, закрылся онъ; хаосъ повлекъ меня —
И я, какъ въ безднѣ челнъ крутимый, ожидаю,
Что вкуситъ хоть на мигъ забвенья мысль моя.

XI.

Алушта днемъ.

Предъ солнцемъ — гребень горъ снимаетъ свой покровъ;
Спѣшитъ свершить намазъ свой нива золотая,
И шелохнулся лѣсъ, съ кудрей своихъ роняя,
Какъ съ ханскихъ четокъ, дождь камней и жемчуговъ.

Долина вся въ цвѣтахъ. Надъ этими цвѣтами
Рой пестрыхъ бабочекъ — цвѣтовъ летучихъ рой —
Что пологъ зыблется алмазными волнами;
А выше — саранча вздымаетъ завѣсъ свой.

Надъ бездною морской стоитъ скала нагая,
Бурунъ къ ногамъ ея летитъ, и раздробясь,
И пѣною, какъ тигръ глазами, весь сверкая,

Уходитъ, съ мыслію — нагрянуть въ тотъ же часъ;
Но море синее спокойно — чайки рѣютъ,
Гуляютъ лебеди и корабли бѣлѣютъ.

XII.

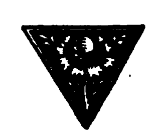
Алушта ночью.

Тяжелый лѣтній зной остуженъ вѣтерками;
Упалъ на Чатырдагъ свѣтильникъ всѣхъ міровъ,
Змѣится пурпуромъ надъ склонами хребтовъ
И гаснетъ. Ночь царитъ въ горахъ и за горами.

Сталъ робче пѣшеходъ. Чу! слышенъ звонъ ручьевъ;
На ложѣ сладкихъ грезъ, увитомъ васильками,
Струится ароматъ, какъ музыка цвѣтовъ,
И сердцу говоритъ беззвучными рѣчами.

Смыкаетъ сонъ мои усталые глаза....
Вдругъ метеоръ сверкнулъ: въ одно мгновенье ока
Онъ облилъ золотомъ и долъ, и небеса....

О ночь восточная! Какъ гурія Востока,
Едва навѣешь сонъ ты нѣгою своей,
Какъ будишь къ нѣгѣ вновь сверканіемъ очей.

XIII.

Чатырдагъ.

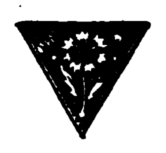
МИРЗА.

Цѣлую съ трепетомъ твой прахъ я подъ стопами
О, мачта крымская, великій Чатырдагъ!
Ты свѣта минаретъ, утесовъ падишахъ,
Ты въ облака бѣжалъ, вознесся надъ скалами,

И подъ небесными возсѣлъ себѣ вратами,
Какъ вѣрный Габріель въ эдемѣ при дворцахъ.
Твой плащъ — дремучій лѣсъ; а янычара страхъ —
Тюрбанъ изъ облаковъ, шитъ молніи струями.

Печетъ ли солнце насъ, знобитъ ли осень мглой,
Несется ль саранча, иль жжетъ гяуръ селенья —
О, Чатырдагъ! ты глухъ, невозмутимъ бѣдой.

Подъ небомъ на землѣ, какъ драгоманъ творенья,
Ты подосталъ людей и громы предъ собой
И только слушаешь Господнія велѣнья.

XIV.

Пилигримъ.

У ногъ моихъ страна избытка и красотъ,
Надъ головой блеститъ на небѣ лучъ денницы,
А подлѣ — чудныя, плѣнительныя лицы.
Зачѣмъ-же сердце вдаль, къ минувшему влечетъ?

Литва! твой мрачный лѣсъ отраднѣе поетъ,
Чѣмъ соловьи Байдаръ, Салгирскія дѣвицы!
И ананасъ златой, рубины шелковицы
Не замѣнятъ твоей трясины и болотъ.

Въ разлукѣ, далеко я истомленъ тоскою!...
Зачѣмъ безъ устали вздыхаю я по ней,
По той, что такъ любилъ въ дни юности моей?

Она на родинѣ, утраченной ужь мною,
Гдѣ все еще твердитъ о вѣрномъ другѣ ей,
Тамъ слѣдъ мой,— обо мнѣ мечтаешь-ли порою? —

XV.

Дорога надъ пропастью въ Чуфутъ-кале [23]).

МИРЗА.

Молитву прочтя и поводья спустивъ, отвернись!
О, всадникъ! Здѣсь разумомъ конскимъ ногамъ покорись! [24])
Конь вѣрный! Смотри, какъ, склонясь надъ оврагомъ открытымъ,
Колѣни пригнулъ онъ, за край ухватился копытомъ.

Шагнулъ — и повиснулъ! Туда не заглядывай! Взоръ
До дна не дохватитъ внизу и не станетъ въ упоръ.
Рукой не тянись туда: надо сперва окрылиться; —
И мысли туда не ввергай: ея грузъ углубится,

Какъ якорь, опущенный съ мелкой ладьи въ глубину, —
Но моря насквозь не пронзивъ, не прицѣпится къ дну,
А только ладью опрокинетъ въ пучину и втянетъ.

ПИЛИГРИМЪ.

Мирза! А вѣдь я въ эту щель заглянулъ и — дрожу!
Я видѣлъ тамъ.... Чтó я тамъ видѣлъ — за гробомъ скажу;
Земнымъ языкомъ и не выразишь: словъ не достанетъ.

XVI.

Гора Кикинейсъ.

МИРЗА.

Взгляни въ эту пропасть! Тамъ неба лазурь у тебя подъ стопою:
То — море. Сдается, тутъ птицу, что въ сказкахъ зовутъ *птахъ-горою*[25]),
Перунъ поразилъ, и гигантскія перья, какъ мачтовый лѣсъ,
Разсыпавшись, заняли мѣсто въ полъ-свода небесъ —

И островъ пловучій изъ снѣгу покрылъ голубую пучину:
Тотъ островъ средь бездны — то облако![26]) Міра одѣлъ половину
Мракъ ночи угрюмой, что вышла на землю изъ персей его,
Ты видишь: увѣнчано огненной лентой чело у нея —
То молнія! Станемъ тутъ! Бездна подъ нами. По этимъ стремнинамъ
Должны чрезъ нее пронестись мы на полномъ скаку лошадиномъ.
Впередъ поскачу я: ты-жь бичъ наготовѣ и шпоры имѣй!

Исчезну я — ты подъ утесы съ ихъ края смотри
понемногу!
Увидишь — мелькнетъ тамъ перо: это будетъ верхъ
шапки моей;
А нѣтъ — такъ ужь людямъ не ѣздить той горной
дорогой!

XVII.

Развалины замка въ Балаклавѣ.

Твердыня, бывшая на мѣстѣ этихъ грудъ,
Неблагсдарный Крымъ, была твоя ограда;
Теперь-же въ черепахъ гигантскихъ здѣсь живутъ
Лишь гады подлые и людъ — подлѣе гада.

Взойдемъ на башню, вверхъ. Ищу слѣда гербовъ:
Вотъ въ этой надписи, въ забвеньи — думать надо —
Покоится герой, гроза и страхъ полковъ,
Какъ червь, окутанный въ листочекъ винограда.

Здѣсь грекъ ваялъ въ стѣнахъ карнизъ аѳинскій свой,
Авзонецъ укрощалъ отсель татаръ цѣпями,
И набожный хаджи пѣвалъ намазъ святой.

Теперь лишь коршуны летаютъ надъ гробами,
Какъ въ мѣстѣ, гдѣ чума все обратила въ прахъ:
На-вѣки водруженъ на башняхъ черный флагъ.

XVIII.

Аюдагъ.

Люблю, облокотясь на скалы Аюдага,
Глядѣть, какъ борется волна съ сѣдой волной,
Какъ, пѣнясь и дробясь, бунтующая влага
Горитъ алмазами и радугой живой.

Вотъ, словно рать китовъ, ихъ буйная ватага
Бросается — беретъ оплотъ береговой
И, возвращаясь вспять, роняетъ, вмѣсто стяга,
Коралы яркіе и жемчугъ дорогой.

Такъ и на грудь твою горячую, пѣвецъ,
Невзгоды тайныя и бури набѣгаютъ:
Но арфу ты берешь — и горестямъ конецъ.

Онѣ, тревожныя, мгновенно исчезаютъ
И пѣсни дивныя въ побѣгѣ оставляютъ:
Изъ пѣсенъ тѣхъ вѣка плетутъ тебѣ вѣнецъ.

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ ГРАЖИНѢ.

Стр. 3, ст. 12. *На одной изъ злачныхъ новогрудскихъ горъ.*

Новогрудокъ — старинный литовскій городокъ, которымъ сначала владѣли ятвяги, а потомъ русины. Онъ былъ разрушенъ татарами во времена Батыя, а послѣ занятъ и возстановленъ литовскимъ княземъ Эрдивиломъ, о чемъ Стрыйковскій разсказываетъ слѣдующимъ образомъ: «Переправясь черезъ Нѣманъ и пройдя далѣе около четырехъ миль, литовцы встрѣтили на пути своемъ высокую, красивую гору, на которой стоялъ древній замокъ князей русинскихъ, разгромленный Батыемъ. Замокъ тотъ назывался Новогрудкомъ. Эрдивилъ установилъ здѣсь свою резиденцію и возобновилъ замокъ, причемъ овладѣлъ значительною частію земель русинскихъ безъ всякаго кровопролитія, такъ какъ некому было ихъ оспаривать. Съ этихъ поръ Эрдивилъ сталъ именоваться великимъ княземъ новогрудскимъ». Развалины замка видны донынѣ.

Стр. 4, ст. 23. *Вотъ съ тевтонской псарни песъ негодный! Вотъ!*

Орденъ рыцарей креста, называвшійся также орденомъ страннопріимныхъ братій, маріанитовъ или тевтонскихъ рыцарей, основанъ былъ въ Палестинѣ, въ 1190 г., и призванъ былъ потомъ, около 1230 г., княземъ Мазовецкимъ, Конрадомъ, для обороны его владѣній, кото-

рымъ угрожали пруссы и литвины. Вслѣдствіи рыцари эти сдѣлались страшнѣйшими врагами не только племенъ языческихъ, но и христіанъ, обитавшихъ въ сосѣднихъ странахъ. По единогласному свидѣтельству дѣеписателей того времени, они были жестоки, кровожадны и мало заботились о вѣрѣ Христовой. Епископы жаловались папѣ на то, что тевтонскіе рыцари служили препятствіемъ къ обращенію въ христіанство язычниковъ, что они грабили церкви и притѣсняли духовенство, чему можно было бы привести многія доказательства, указавъ на обвинительные акты, представленные противъ рыцарей папамъ и императорамъ; но для сомнѣвающихся достаточно привести здѣсь слова безпристрастнаго лѣтописца, Іоанна Винтертурскаго (Johannes Witoduranus): «Около этого времени — говоритъ онъ — тевтонскіе рыцари, обладатели земель прусскихъ, объявивъ войну князю литовскому, отняли у него часть его владѣній. Мендогъ соглашался принять вѣру католическую, съ тѣмъ, чтобы ему возвращено было его достояніе; но, видя, что рыцари не расположены исполнить съ своей стороны даннаго слова, сказалъ: «Вижу, что у тевтонцевъ дѣло идетъ не о моей вѣрѣ, а только о моемъ имуществѣ; поэтому остаюсь язычникомъ». Увѣряютъ даже, что рыцарямъ пріятнѣе было, когда тѣ или другія племена упорно оставались идолопоклонниками, потому что тевтонцы въ этихъ случаяхъ могли, подъ благовиднымъ предлогомъ усердія къ вѣрѣ, захватывать ихъ земли и облагать ихъ данью. Нѣмецкій писатель Авг. Коцебу, вообще нерасположенный къ Литвѣ и Польшѣ, въ своемъ сочиненіи: Preussens ältere Geschichte, сообщаетъ многія подробности о несправедливыхъ и жестокихъ поступкахъ рыцарей съ литви-

нами. Нельзя безъ содроганія читать описанія этихъ дѣйствій. Приведемъ одинъ примѣръ: въ концѣ XIV столѣтія, когда пруссы были уже совершенно подчинены ордену тевтонскому, великій магистръ ордена, Конрадъ Валленродъ, будучи раздраженъ противъ епископа курляндскаго, приказалъ отрубить правыя руки у всѣхъ поселянъ въ области епископа. Объ этомъ свидѣтельствуютъ Лео, Третеръ и Лукашъ Давидъ. Таковы были рыцари ордена тевтонскаго, состоявшаго единственно изъ нѣмцевъ. За эти-то поступки литовцы и славяне ихъ и ненавидѣли, называли ихъ псами. Бандтке полагалъ, что и Песье-поле, памятное по тріумфу Болеслава III, названо такъ потому, что на немъ погибло много нѣмцевъ.

Стр. 4, ст. 26. *Подъ мостъ бы собаку! Сгнилъ бы тамъ въ болотѣ.*

Ненависть пруссовъ и собратій ихъ литвиновъ къ нѣмцамъ укоренилась въ этихъ племенахъ до такой степени, что стала неотъемлемою чертою ихъ національнаго характера. Не только во времена язычества, но даже по принятіи христіанской религіи, когда хоронили литвина или прусса, плакальщики обыкновенно произносили между прочимъ слѣдующія слова: «Иди, бѣдный усопшій, изъ этого презрѣннаго міра въ лучшій, гдѣ владычество принадлежать будутъ тебѣ надъ нѣмцемъ, а не ему надъ тобою!» Донынѣ въ глубинѣ прусской Литвы нельзя сдѣлать простолюдину большей обиды, какъ назвавъ его нѣмцемъ.

Стр. 5, ст. 13. *Слышалъ! И, хоть нѣмецъ, понялъ рѣчь людскую.*

Нѣмецъ—нѣмой, и потому какъ будто бы и не понимающій, въ противоположность славянину или слованину (отъ «слово»), т. е. человѣку

говорящему. Не только о характерѣ, но даже и объ умственныхъ способностяхъ нѣмцевъ пруссы и литвины имѣли самое невыгодное мнѣніе. Выраженіе: «глупъ, какъ нѣмецъ», вошло у нихъ въ поговорку. (См. Коцебу).

Стр. 7, ст. 9. *Новость мнѣ, что Витольдъ, этотъ панъ всесильный.*

Витольдъ, сынъ Кейстута — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей, представляемыхъ исторіею Литвы. О его воинскихъ и политическихъ подвигахъ, сверхъ того, что о нихъ говорится въ національныхъ лѣтописяхъ, упоминается и въ сочиненіи Коцебу, на которое мы выше ссылались, равно какъ и въ его исторіи Свидригайлы.

Стр. 8, ст. 2. *Утро чуть освѣтитъ славный гробъ Мендога.*

Мендогъ, Миндовъ, Миндакъ или Мандульфъ Рингольтовичъ, великій князь литовскій, былъ первымъ освободителемъ Литвы отъ ига чужеземнаго. Сдѣлавъ литовцевъ опасными для сосѣдей, онъ принялъ христіанскую вѣру и, съ соизволенія папы, короновался въ Новогрудкѣ и принялъ титулъ короля литовскаго въ 1252 году. Недалеко отъ Новогрудка показываютъ донынѣ мѣсто, гдѣ, какъ полагаютъ, зарытъ прахъ этого героя.

Стр. 10, ст. 13. *И припасовъ разныхъ... вдоволь дичи, меду.*

Дичь и медъ въ древней Литвѣ были двумя главными предметами угощенія.

Стр. 12, ст. 6. *Обѣщалъ гросмейстеръ дать мнѣ подкрѣпленье.*

Орденъ тевтонскихъ рыцарей управлялся великимъ магистромъ (гросмейстеромъ), который избираемъ былъ орденскимъ капитуломъ. Послѣ него самымъ важнымъ лицомъ былъ великій комтуръ или казначей ордена; далѣе слѣдовали маршалъ и комтуры или командоры мѣстныхъ округовъ при городахъ и замкахъ.

Стр. 12, ст. 10. *Глянь на звѣзды! Прежде, чѣмъ Гіады тамъ.*

Литовцы особеннымъ образомъ означали времена года, мѣсяцы и часы дня или ночи. Упоминаемое здѣсь созвѣздіе (Гіады) у нихъ называлось Retis.

Стр. 12, ст. 13. *Тысячи три разомъ, да пѣхоты вдвое.*

Войско тевтонское состояло, во-первыхъ, изъ рыцарей или братій, потомъ — изъ конюшихъ или служителей, состоявшихъ при орденѣ, изъ рейтаровъ или всадниковъ, служившихъ волонтерами, или набранныхъ изъ вассаловъ, и изъ пѣхотинцевъ, состоявшихъ на жалованьѣ и называвшихся ландскнехтами, фусскнехтами или просто кнехтами.

Стр. 12, ст. 6. *Наши передъ ними — мелочь; то — громады.*

При описаніи битвъ между орденомъ и литовцами, лѣтописцы свидѣтельствуютъ, что нѣмцы превосходили литовцевъ ростомъ и силою. Нельзя было противостоять ударамъ ихъ коній. Кейстутъ и Наримундъ были при поединкахъ съ нѣмцами выбиты изъ сѣделъ ударами нѣмецкихъ коній.

Стр. 13, ст. 10. *Иззубрилъ на нѣмцахъ отпускъ топора.*

Топоры и палицы были страшнѣйшимъ оружіемъ въ рукахъ литвиновъ.

Стр. 14, ст. 4. *Онъ, вѣнкомъ свернувшись, перси обвивалъ.*

Литовцы чтили ужей, которыхъ пріучали къ дому и кормили. Іоаннъ Лазицкій (Ioannes Lasicius Polonus) говоритъ «de diis Samogittarum»: «nutriunt etiam, quasi deos penates, nigri coloris obesos et quadrupedes serpentes quosdam, givoitos vocatos». Еще и Стрыйковскій въ свое время видѣлъ остатки этихъ обычаевъ у латышей, равно какъ и Гвагнинъ, въ четырехъ миляхъ отъ Вильно.

Стр. 15, ст. 8. *Онъ — одно сегодня, завтра онъ — другое.*

Все, что говоритъ Литаворъ о Витольдѣ, есть вѣрное изображеніе мнѣній, которыя

имѣли о немъ удѣльные литовскіе князья того времени.

Стр. 15, ст. 17. *Въ глушь, на Русь, къ варягамъ, къ финнамъ — и ступай!*

Здѣсь разумѣются страны, прилегавшія къ морю Варяжскому или Нормандскому, что нынѣ Балтійское море. Въ политику великихъ князей литовскихъ входилъ обычай раздавать роднымъ земли, отнятыя у непріятеля. Монтвилъ, Мендогъ и Гедиминъ пользовались этимъ феодальнымъ правомъ.

Стр. 16, ст. 10. *У хазаръ, у финновъ — отъ моря до моря.*

Отъ Балтійскаго до Чернаго. Послѣднее называлось тогда Хазарскимъ моремъ.

Стр. 16, ст. 19. *На его столицу, гдѣ онъ панъ-владыка.*

Мѣсто съ двумя замками, изъ которыхъ одинъ построенъ былъ на острову, посреди Троцкаго озера, называлось Троки. Здѣсь была столица Кейстута, а потомъ Витольда (см. Кояловича). Развалины замка еще существуютъ.

Стр. 16, ст. 18. *Видѣлъ я всю прелесть ковенской долины.*

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ковна тянется между горами долина, испещренная цвѣтами и пересѣкаемая рѣкою. Это — одно изъ прелестнѣйшихъ мѣстъ въ Литвѣ.

Стр. 18, ст. 3. *Ударяя въ струны, вѣщій вайделотъ.*

Вайделотами, сигонотами, лингустонами назывались жрецы, которыхъ обязанностію было повѣствовать о дѣлахъ предковъ или воспѣвать ихъ при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Что литвины и пруссы любили поэзію, доказательствомъ тому служитъ множество древнихъ пѣсенъ, сохранившихся въ народѣ и донынѣ. Стрыйковскій разсказываетъ, что при погребеніи князей, вайделотъ, обыкновенно, выступалъ съ пѣснью, въ которой прославлялись дѣла почившаго. Любопытнѣйшія по этому

предмету подробности можно найти въ сочиненіи: «Versuch einer Geschichte der Hochmeister. Berlin, 1798». Авторъ этой замѣчательной книги, Беккеръ, ссылается на древнюю хронику Винцента Могунтщика, который былъ капелланомъ у великаго магистра Дусенера фонъ-Арбферга и описывалъ событія своего времени (съ 1346 г.). Тамъ между прочимъ разсказывается, что при пиршествѣ, бывшемъ по случаю избранія въ великіе магистры Винриха фонъ-Книпроде, пѣлъ одинъ нѣмецкій миннезингеръ, который за свое пѣніе былъ осыпанъ похвалами и награжденъ золотымъ кубкомъ. Такой почетъ, оказанный поэту, соблазнилъ одного прусака, которому имя было Ризелусъ: этотъ, испросивъ позволеніе пропѣть что-нибудь на своемъ литовскомъ языкѣ, прославилъ въ пѣснѣ своей дѣянія перваго короля литовскаго Вайдевута. Великій магистръ и нѣмецкіе рыцари, не понимавшіе и не любившіе языка литовскаго, осмѣяли поэта и поднесли ему въ подарокъ тарелку пустыхъ орѣховъ. Коцебу и Богушъ никакъ не шутятъ, когда говорятъ, что литовская литература была богата поэтическими произведеніями, гдѣ воспѣвались историческія событія и подвиги героевъ, хотя до насъ дошли изъ этихъ произведеній весьма немногія. Рыцари креста воспретили употребленіе языка литовскаго всѣмъ служащимъ и близкимъ ко двору, даже выгнали, вмѣстѣ съ цыганами и жидами, вайделотовъ и бардовъ литовскихъ, которые одни только и могли знать и воспѣвать все, что было тогда популярно. Да и въ самой Литвѣ, со введеніемъ христіанства и языка польскаго, древніе обычаи и національное нарѣчіе стали приходить въ упадокъ и забвеніе. Простой народъ, обращенный въ рабство и употребленный на обработываніе земли, отвыкнувъ отъ

оружія и дѣла ратнаго, забылъ и пѣсни рыцарскія, которыя замѣнились другими, болѣе соотвѣтствующими положенію народа: послѣднія имѣли уже характеръ идиллическій или элегическій. Если и оставалось еще что-нибудь отъ старыхъ народныхъ преданій и героическихъ пѣсенъ, то это имѣло мѣсто развѣ только подъ кровомъ домашнимъ или при особыхъ церемоніяхъ, и то при соблюденіи глубокой тайны. Грюнау, бывъ въ XVI столѣтіи въ Пруссіи, случайно видѣлъ празднованіе агнца и потомъ, для спасенія своей жизни, долженъ былъ дать поселянамъ клятву не открывать ничего изъ видѣннаго и слышаннаго. При этомъ празднованіи, по совершеніи извѣстнаго обряда, вайделотъ началъ воспѣвать подвиги древнихъ литовскихъ воиновъ, присоединяя къ тому молитвы и нравственныя поученія. Грюнау, совершенно понимавшій литовскій языкъ, говоритъ, что никогда не чаялъ слышать ничего подобнаго изъ устъ литвина: столько тутъ было красоты и выразительности!

Стр. 18, ст. 17. *Вдругъ спихнулъ — и только: прочь съ престола Вильны.*

Витольдъ выгналъ изъ Вильны Скиргайлу Ольгердовича и самъ завладѣлъ великимъ княжествомъ. Скиргайло былъ братъ Ягеллы.

Стр. 18, ст. 22. *Не первосвященникъ, не кривейто-жъ онъ.*

Правленіе въ древней Литвѣ было отчасти теократическое. Жрецы имѣли на дѣла сильное вліяніе. Главный жрецъ или первосвященникъ назывался криве-кривейто. Лѣтописцы, приписывавшіе литовцамъ римское или греческое происхожденіе, полагали, что это названіе возникло отъ κυρίος κυριότατος. Мѣстопребываніе этой духовной особы было въ Пруссіи, тамъ, гдѣ нынѣ селеніе Гейлигенбейль. Тамъ, подъ тѣнію святаго дуба, криве-кри-

вейто принималъ жертвы и отдавалъ повелѣнія свои вайделотамъ и сигонотамъ, которые потомъ объѣзжали всѣ мѣста со знаками своей миссіи и всюду объявляли волю первосвященника.

Стр. 21, ст. 15. *Съ бойкими стрѣльцами, на лошадкѣ жмудской.*

Жмудскія лошади считались у литовцевъ для верховой ѣзды весьма годными. Надобно полагать, что порода этихъ лошадей была прежде не такъ слаба, какъ нынѣ. Кстати помѣщаемъ здѣсь (въ переводѣ съ польскаго) старую литовскую пѣсню о конѣ князя Кейстута:

«Пусть у нѣмцевъ славны брони
У татаръ отличны кони:
Доброй коникъ есть и тутъ,
На немъ ѣздитъ князь Кейстутъ,
Да и сабелька Кейстута
Изъ желѣза тутъ-же гнута.
Жмудскій конь — неваженъ ростъ,
Видъ литовской сабли простъ;
Отъ Кейстутовой-же бурки
Бѣгутъ нѣмцы, бѣгутъ турки;
Нѣмца хитраго булатъ
Съ саблей встрѣтиться не радъ:
Булатъ славится разрѣзомъ,
Да не справится съ желѣзомъ.
На конѣ, нашъ князь, нашъ ганъ —
Убирайся, крымскій ханъ!
Отъ Кейстутовой погони
Не спасутъ татарски кони!
Знать, могучая рука
Силу льетъ въ металлъ клинка,
Съ нимъ сплавляясь въ жизнь едину,
И въ конѣ на половину
Бьется сердце ѣздока!»

Стр. 33, ст. 14. *Іисусъ! Марія! Гопъ, гопъ, гопъ; ура!*

«Hop, hop, hop! dastich und poss», кричали обыкновенно нѣмцы, кидаясь на непріятелей.

Стр. 35, ст. 2. *Повстрѣчавъ Румшиса вѣковой утесъ.*

Неподалеку отъ мѣстечка Румшишекъ, есть въ Нѣманѣ огромная, небезопасная для пловцовъ скала, называемая гигантомъ.

Стр. 39, ст. 4. *Гдѣ стоялъ богъ молній съ богомъ бурь шумливыхъ.*

Перкунасъ — богъ грома въ Литвѣ и Похвистъ — богъ бурнаго вѣтра и ненастья на Руси. Въ Новогрудкѣ до сихъ поръ показываютъ мѣсто, гдѣ стояли жертвенники этихъ идоловъ. Теперь тутъ костелъ базиліановъ.

Стр. 39, ст. 15. *Злой убійца князя, Дитрихъ фонъ-Книпроде.*

Литвины, въ честь богамъ своимъ, сжигали военноплѣнныхъ, особенно нѣмцевъ. Для такихъ жертвъ избирались изъ плѣнниковъ преимущественно тѣ, которые отличались знатностію рода или подвигами; если-же такихъ было много, то между ними дѣлали выборъ по жребію. Послѣ пораженія, которое литвины нанесли рыцарямъ въ 1315 г., по разсказу Стрыйковскаго, «литвины и жмудь, въ благодарность богамъ за одержанную ими побѣду и захваченную добычу, приступили къ совершенію молитвъ и жертвоприношеній и возвели на огромный костеръ почтеннаго воина, Герарда Рудда, бывшаго старостою (войтомъ) въ области Самбійской, вмѣстѣ съ боевымъ конемъ его. Конь былъ во всей сбруѣ, а воинъ въ полномъ вооруженіи. Рудда былъ живой преданъ пламени костра; душу его приняло небо, а вѣтры разнесли пепелъ». Въ концѣ того-же столѣтія пруссы, уже принявшіе крещеніе, разбивъ при возстаніи 4.000 нѣмцевъ, схватили и сожгли мемельскаго комтура (Лукасъ Давидъ).

Стр. 40, ст. 22. *Жертвенно ліется молоко и медъ.*

Обычай сжиганія тѣлъ, общій почти всѣмъ народамъ древности, соблюдался въ Литвѣ до самаго введенія христіанства. Лѣтописцы и въ этомъ усматривали доказательство, что литовцы происходятъ отъ грековъ или римлянъ. Стрыйковскій описываетъ подробно погребальные обряды ихъ, особенно церемоніалъ погребенія Кейстута. «Тѣло его, говоритъ онъ между прочимъ, было препровождено въ Вильну Скиргайлою, братомъ Ягеллы, со всѣми подобающими почестями. Тамъ, на обычномъ мѣстѣ, сложенъ былъ большой костеръ изъ сухаго дерева и сдѣланы всѣ приготовленія къ сожженію тѣла по языческимъ обрядамъ. Потомъ надѣли на покойнаго всѣ его княжескія облаченія, придали ему всѣ воинскіе доспѣхи: копье, саблю, лукъ и проч., и вознесли на костеръ, причемъ тутъ-же обрекли сожженію вѣрнаго его слугу, коня во всей парадной сбруѣ, пару соколовъ, пару гончихъ собакъ и разныхъ другихъ псовъ; тутъ были медвѣжьи и рысьи кости, охотничій рогъ и проч. Послѣ этого совершены были молитвы и принесены жертвы; потомъ воспѣты были подвиги покойнаго князя, а затѣмъ зажгли костеръ; когда тѣло сгорѣло, пепелъ и обгорѣлыя кости собрали и сложили въ приготовленный для нихъ гробъ. Такъ совершилось погребеніе славнаго князя Кейстута.»

Стр. 42, ст. 7. *Съ прелестію женской и геройскимъ духомъ.*

Характеръ и дѣйствія Гражины могутъ показаться фантастическими и несоотвѣтствующими духу того времени, такъ какъ историки представляютъ положеніе женщинъ древней Литвы вовсе не въ цвѣтущихъ краскахъ. Эти несчастныя жертвы варварства и утѣсненія дѣйствительно жили въ презрѣніи и осуждены

были на исполненіе рабскихъ обязанностей; но, съ другой стороны, у тѣхъ-же самыхъ историковъ мы находимъ черты, показывающія иногда совсѣмъ противное. По свидѣтельству Шютца (Kotzebue, Belege und Erläuterungen), на древнихъ монетахъ и знаменахъ прусскихъ находили изображеніе коронованной женщины, изъ чего можно заключить, что женщина была здѣсь нѣкогда владычицею края. Въ преданіяхъ болѣе достовѣрныхъ и болѣе близкихъ къ нашему времени, сохраняются имена Гезани и Кадины, двухъ знаменитыхъ жрицъ, возбуждавшихъ религіозное къ себѣ благоговѣніе. Реликвіи ихъ сохранялись потомъ въ храмахъ, обращенныхъ въ христіанскіе костелы. Свѣдущій во всемъ, что касается народныхъ древностей, П. Онацевичъ сообщаетъ, что по древней волынской хроникѣ одно изъ мѣстъ Литвы славилось женщинами, которыя, по отправленіи мужей на войну, сами защищали городскія стѣны, и, будучи наконецъ не въ силахъ противостоять непріятелю, предпочли добровольную смерть позору плѣна и рабства. Нѣчто подобное разсказываетъ Кромеръ (Polonia sive etc.), повѣствуя о замкѣ Пулленъ. Эти, по-видимому, противорѣчащія одно другому извѣстія могутъ быть соглашены, если сообразимъ, что литовцы состояли изъ двухъ искони соединенныхъ, но все-же различныхъ между собою племенъ, т. е. изъ туземцевъ и пришельцевъ, вѣроятно норманновъ; эти послѣдніе, конечно, и сохранили чувство уваженія къ женщинамъ, составлявшее коренную черту ихъ характера. Даже по древнимъ уставамъ и обычаямъ литовцевъ, женщины этого племени были особенно уважаемы. Вообще униженіе женскаго пола въ томъ краю надобно отнести ко временамъ,

предшествовавшимъ той эпохѣ, къ которой принадлежитъ повѣсть о Гражинѣ и въ которой духъ рыцарства и романическихъ похожденій имѣлъ уже значительную силу. Князь Кейстутъ нѣжно любилъ свою Бируту, которая была дѣвушкою простаго происхожденія, посвященною на служеніе богамъ. Кейстутъ, подвергая себя большой опасности, исторгнулъ ее изъ этой должности и сдѣлалъ своею женою. Въ послѣдующее время супруга Витольда своею ловкостію и неустрашимостію освободила мужа своего изъ заключенія и избавила его отъ угрожавшей ему смерти.

Стр. 42, ст. 10. *На кострѣ, объятый пламенемъ и дымомъ.*

Литвины, въ тяжкихъ болѣзняхъ или при большихъ несчастіяхъ, имѣли обычай сжигать себя живыми въ домахъ своихъ. Подобную смерть принялъ первый князь ихъ и первосвященникъ Вайдевутъ, и примѣру его слѣдовали его преемники сжигая себя на кострѣ добровольно. На такое самосожженіе народъ смотрѣлъ съ особеннымъ уваженіемъ, какъ на самый почетный родъ смерти.

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ „КОНРАДУ ВАЛЛЕНРОДУ“.

Стр. 61 ст. 1. *Ужь колоколъ гудитъ съ Маріенбургской башни.*

Маріенбургъ, укрѣпленный городъ, нѣкогда столица крестоносцевъ, присоединенный при Казимірѣ Ягеллонѣ къ польской Рѣчи-Посполитой, впослѣдствіи отданный въ залогъ маркграфомъ бранденбургскимъ, перешелъ наконецъ во владѣніе королей прусскихъ. Подъ нижними сводами маріенбургскаго замка находились гробницы великихъ магистровъ; нѣкоторыя донынѣ уцѣлѣли. Кенигсбергскій профессоръ Фойхтъ издалъ много лѣтъ тому назадъ исторію Маріенбурга, важное сочиненіе для исторіи Пруссіи и Литвы.

Стр. 61 ст. 6. *Кому воздѣть на грудь, по строгомъ совѣщаньѣ,*
Великій крестъ? Кому великій мечъ вручить?

Крестъ и мечъ знаки великихъ магистровъ.

Стр. 63 ст. 6. *Переломить копья никто съ нимъ не дерзалъ.*

Старое польское выраженіе: combattre à outrance.

Стр. 66 ст. 4. *И этимъ лишь души безсмертной талисманъ*
Безумной силѣ онъ безвредный чертитъ кругъ.

Взглядъ человѣка, говоритъ Кооперъ, когда блещетъ смѣлостью и разумомъ, производитъ сильное впечатлѣніе даже на дикихъ звѣрей. Сошлемся по этому случаю на истинное происшествіе съ американскимъ охотникомъ, который, прокрадываясь къ уткамъ, услышалъ шелестъ, поднялся и увидалъ со страхомъ огромнаго, тутъ-же лежавшаго льва. Звѣрь казался равно удивленнымъ при внезапномъ появленіи человѣка атлетическаго роста. Охотникъ не смѣлъ выстрѣлить, имѣя ружье заряженное дробью, и потому сталъ неподвижно, только грозя непріятелю взглядомъ. Левъ, съ своей стороны, сидя спокойно, не спускалъ

глазъ съ охотника: черезъ нѣсколько мгновеній отворотилъ голову и медленно удалился, но едва ушелъ на десятокъ съ небольшимъ шаговъ, остановился и вернулся снова. Найдя на мѣстѣ неподвижнаго охотника, встрѣтился съ нимъ снова глазами и наконецъ, какъ будто признавая превосходство человѣка, потупилъ глаза и ушелъ. Bibliothèque universelle, 1827. Fevrier. Voyage du capitaine Head.

Стр. 68 ст. 10. *Всѣ вышли помолясь. Архикомтуръ рѣшилъ....*

Grosskomthur — первый сановникъ послѣ великаго магистра.

Стр. 69 ст. 15. *Какая-то жена лѣтъ за десять назадъ.*

Хроники тѣхъ временъ упоминаютъ о поселянкѣ, которая, прибывъ въ Маріенбургъ, требовала, чтобы ее замуровали въ особенной кельѣ, и тамъ окончила жизнь. Могила ея славилась чудесами.

Стр. 71 ст. 17. *Повѣримъ вѣщимъ мы отшельницы словамъ.*
Конрада именемъ зовется Валленродъ!
. . . . . . Онъ пройдетъ
Въ магистры!

Во время выбора, если мнѣнія были раздѣлены или сомнительны, то подобные случаи, принимаемые за пророчество, вліяли на совѣщаніе капитула. Такимъ образомъ, Винрихъ Книпроде получилъ всѣ голоса, потому что нѣсколько братьевъ будто-бы слышали изъ могилъ магистровъ троекратное воззваніе: Vinrice! Ordo laborat (Винрихъ! Орденъ въ опасности»).

Стр. 76 ст. 26. *Есть вѣчный огонь у столповъ Свенторога.*

(Виленскій замокъ, гдѣ нѣкогда хранился Зничъ т. е. вѣчный огонь.)

Стр. 86 ст. 13. *«Веселье въ Господѣ!» и кубки заблистали.*

Лозунгъ орденскихъ пировъ того вѣка.

Къ стр. 97 Пѣснь Вайделота.

Смотри на стр. 174 объясненіе стиха «Гражин »
Ударяя въ струны, вѣщій вайделотъ....

Стр. 92 ст. 51. *Является не разъ намъ дѣва моровая.*

Простой народъ представляетъ себѣ повѣтріе въ об-

разѣ дѣвы, которой появленіе, здѣсь описанное, предшествуетъ, по народному преданію, страшной болѣзни. Привожу, по крайней мѣрѣ, въ извлеченіи, нѣкогда слышанную мною въ Литвѣ балладу: Въ деревнѣ явилась моровая дѣва и, по обычаю, просовывая руку въ двери или окно и махая краснымъ платкомъ, распространяла смерть въ домахъ. Жители запирались крѣпко, но голодъ и другія потребности принуждали вскорѣ къ пренебреженію этими мѣрами осторожности, и такъ всѣ ждали смерти. Одинъ шляхтичъ, хотя достаточно обезпеченный пищей и имѣвшій возможность долѣе всѣхъ выдерживать эту необыкновенную осаду, рѣшился, однако, посвятить себя пользѣ ближняго, взялъ саблю-сигмунтовку, на которой было имя Іисусъ и имя Марія, и, вооруженный такъ, отворилъ окно дома. Шляхтичъ однимъ взмахомъ отсѣкъ у страшилища руку и завладѣлъ платкомъ. Правда, онъ умеръ и вымеръ весь его родъ: «но съ того времени никогда не знали въ деревнѣ мороваго повѣтрія». Говорили, что этотъ платокъ хранился въ костелѣ, не помню какого мѣстечка. На Востокѣ передъ появленіемъ чумы показывается, говорятъ, привидѣніе съ крыльями летучей мыши и указываетъ пальцами на обреченныхъ смерти. Кажется, народное воображеніе хотѣло представить въ подобныхъ образахъ то тайное предчувствіе и тотъ необычайный ужасъ, который обыкновенно предшествуетъ великимъ несчастіямъ или смерти и который очень часто ощущаютъ не только отдѣльныя лица, но даже цѣлые народы. Такъ въ Греціи предчувствовали долгое продолженіе и важныя послѣдствія пелопонесской войны, въ римскомъ государствѣ — паденіе монархіи, въ Америкѣ — прибытіе испанцевъ и т. д.

Стр. 99 ст. 16. ***Вальтера имя носилъ я, а прозвище дали мнѣ Альфа.***

Walther von Stadion, нѣмецкій рыцарь, взятый въ плѣнъ литовцами, женился на дочери Кейстута и съ нею тайно уѣхалъ изъ Литвы. Часто случалось, что

пруссаки и литовцы, похищенные въ дѣтствѣ и воспитанные въ Германіи, возвращались въ отечество и становились самыми ожесточенными врагами нѣмцевъ. Такимъ былъ извѣстный въ исторіи Ордена пруссакъ Herkus Monte (Геркусъ Монте).

Стр. 125. **Война.**

Образъ этой войны начертанъ по указанію исторіи.

Стр. 129 ст. 24. *Ужасный трибуналъ совѣтъ держать идетъ.*

Въ средніе вѣка, когда могущественные герцоги и бароны очень часто дозволяли себѣ всякія злодѣйства, когда авторитетъ обыкновенныхъ судовъ былъ слишкомъ слабъ для ихъ обузданія, образовалось тайное братство, котораго члены, не будучи знакомы между собою, обязывались клятвой карать виновныхъ, не щадя собственныхъ друзей, даже родственниковъ. Какъ скоро тайные судьи изрекли приговоръ смерти, то предувѣдомляли осужденнаго, крича ему подъ окнами или гдѣ-нибудь въ его присутствіи: weh! (горе!). Это слово, трижды повторенное, было предостереженіемъ; кто его услышалъ, готовился къ смерти, которую долженъ былъ непремѣнно и неожиданно принять отъ невѣдомой руки. Тайный судъ назывался еще Vehmgericht или вестфальскимъ судомъ. Трудно опредѣлить, когда онъ получилъ свое начало; по мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ былъ учрежденъ Карломъ Великимъ. Бывъ въ началѣ необходимымъ, впослѣдствіи онъ далъ поводъ къ разнымъ злоупотребленіямъ, и правительства вынуждены были не разъ строго преслѣдовать самихъ-же судей, пока наконецъ не былъ упраздненъ совершенно этотъ институтъ.

Мы назвали нашу повѣсть историческою, потому что характеры дѣйствующихъ лицъ и всѣ разсказанныя въ ней болѣе важныя происшествія основаны на историческихъ данныхъ. Хроники того времени, въ отрывочныхъ и неполныхъ спискахъ, часто должны

быть дополняемы догадками и предположеніями, чтобы создать изъ нихъ какое-нибудь историческое цѣлое. Хотя въ разсказѣ о Валленродѣ я позволилъ себѣ догадки, однако надѣюсь оправдать ихъ правдоподобностью. Слѣдуя хроникамъ, Конрадъ Валленродъ происходилъ не отъ славнаго въ Германіи рода Валленродовъ, хотя выдавалъ себя за его члена: онъ былъ, говорятъ, чьимъ-то незаконнорожденнымъ сыномъ. Кенигсбергская лѣтопись (библіотеки Валленрода) повѣствуетъ: er war ein Pfaffenkind. О характерѣ этого страннаго человѣка читаемъ разныя и противорѣчивыя преданія. Большая часть лѣтописцевъ укоряетъ его въ гордости, лютости, пьянствѣ, жестокости къ подвластнымъ, маломъ усердіи къ вѣрѣ и даже въ ненависти къ духовнымъ. «Er war ein rechter Leuteschinder (хроника библіотеки Валленрода). Nach Krieg, Zang und Hader sein Hertz immer gestanden, und ob er gleich ein Gott ergebener Mensch von wegen seines Ordens seyn sollte, doch ist er allen frommen geistlichen Menschen Graüel gewesen» (David Lucas). «Er regiete nicht lang, denn Gott plagte ihn inwendig mit dem laufenden Feuer». Съ другой стороны, тогдашніе писатели признаютъ за нимъ величіе ума, мужество, благородство и силу характера, и дѣйствительно безъ рѣдкихъ качествъ онъ не могъ-бы сохранить своей власти среди всеобщей ненависти и бѣдствій, которыя навлекъ на Орденъ. Припомнимъ теперь поведеніе Валленрода. Когда онъ принялъ на себя управленіе Орденомъ, наступало удобное время войны съ Литвою, потому что Витольдъ самъ обѣщалъ нѣмцамъ вести ихъ на Вильну и щедро наградить ихъ за поддержку. Валленродъ однако оттягивалъ войну, мало того оттолкнулъ Витольда и такъ безразсудно ввѣрился ему, что этотъ князь, тайно помирившись съ Ягеллой, не только ушелъ изъ Пруссіи, но, входя по дорогѣ въ нѣмецкіе замки, какъ союзникъ, сжигалъ ихъ и вырѣзывалъ гарнизоны. При такой неудачной пере-

мѣнѣ обстоятельствъ надлежало отсрочить войну, или приступить къ ней очень осторожно. Великій магистръ провозглашаетъ крестовый походъ, расточаетъ сокровища Ордена на приготовленія (5,000,000 марокъ, около милліона венгерскихъ злотыхъ: сумму громадную для того времени), идетъ на Литву. Онъ могъ-бы взять Вильну, ежели-бы не потерялъ времени въ пирахъ и ожиданіи подкрѣпленій. Наступила осень; Валленродъ, оставившій лагерь безъ продовольствія, въ величайшемъ безпорядкѣ, уходитъ въ Пруссію. Лѣтописцы и позднѣйшіе историки не могутъ угадать причины столь внезапнаго отъѣзда его отъ войска, не находя въ тогдашнихъ обстоятельствахъ никакого къ этому повода. Нѣкоторые приписывали бѣгство Валленрода умопомѣшательству. Всѣ здѣсь приведенныя противорѣчія въ характерѣ и дѣйствіяхъ нашего героя примиряются, если допустить, что онъ былъ литвинъ и что вступилъ въ Орденъ, чтобы отомстить ему. Въ самомъ дѣлѣ, его правленіе нанесло самый жестокій ударъ могуществу крестоносцевъ. Мы допускаемъ, что Валленродъ былъ тѣмъ Вальтеромъ Стадіономъ, сокращая только на десять съ чѣмъ-нибудь лѣтъ время, протекшее между отъѣздомъ Вальтера изъ Литвы и появленіемъ Конрада въ Маріенбургѣ. Валленродъ умеръ въ 1394 году внезапной смертію. Странные случаи, говорятъ, сопровождали его смерть. Er starb, повѣствуетъ хроника, in Raserei ohne letzte Oehlung, ohne Priestersegen. Kurz vor seinem Tode wütheten Stürme, Regengüsse, Wasserfluthen; die Weichsel und die Nogat durchbrachen ihre Dämme... hingegen wühlten die Gewässer sich eine neue Tiefe da, wo jetzt Pilau steht». Гальбанъ, или, какъ его называетъ лѣтописецъ, докторъ Leander von Albanus, монахъ, единственный и неразлучный товарищъ Валленрода, хотя прикидывался благочестивымъ, былъ, слѣдуя лѣтописцамъ, еретикомъ, язычникомъ, а можетъ быть колдуномъ. О смерти Гальбана нѣтъ вѣрныхъ извѣстій. Нѣкоторые пишутъ, что онъ

утонулъ; другіе, что ушелъ тайно или былъ похищенъ сатаной. Мы по большей части приводили лѣтописи изъ сочиненія Коцебу: Preussens Geschichte, Belege und Erläuterungen. Гарткнохъ, называющій Валленрода unsinnig, сообщаетъ о немъ очень короткое извѣстіе.

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ „КРЫМСКИМЪ СОНЕТАМЪ“.

Стр. 147, ст. 5. *Бурьянъ*—великорослое растеніе степей Украины и Побережья; въ лѣтнее время бурьянъ цвѣтомъ своимъ придаетъ много красоты тамошней мѣстности.

Стр. 147, ст. 6. *Курганы* — высокія, надгробныя, земляныя насыпи. По берегамъ Чернаго моря ихъ много, и они нерѣдко помогаютъ путешественнику оріентироваться.

Стр. 152, ст. 6. *Дивы*, по древней миѳологіи персовъ это — злые геніи, господствовавшіе нѣкогда на землѣ, но потомъ изгнанные ангелами и обитающіе нынѣ за горою Кафъ.

Стр. 153, ст. 6. *Чатырдагъ* — высшая изъ горъ Крымскаго полуострова на южномъ берегу его. Онъ усматривается съ разныхъ сторонъ верстъ за двѣсти въ видѣ большаго облака сѣро-синеватаго или свинцоваго цвѣта. Вершины Чатырдага по захожденіи солнца въ теченіе нѣкотораго времени кажутся еще какъ-бы объятыми пламенемъ.

Стр. 154. *Бахчисарай*, нѣкогда бывшій столицею Гиреевъ—хановъ крымскихъ, расположенъ въ долинѣ, окруженной горами.

Стр. 155. Въ оригиналѣ сказано: народъ расходится изъ *джамидовъ*. Месджиды или джамиды — *магометанскія мечети*.

Эвлисъ—магометанскій люциферъ, владыка тьмы.

Фарисъ — наѣздникъ у бедуиновъ.

Стр. 156. Неподалеку отъ ханскаго дворца въ Бахчисараѣ возвышается воздвигнутая въ восточномъ вкусѣ

гробница съ полу-сферическимъ куполомъ. Есть народное въ Крыму преданіе, что памятникъ этотъ поставленъ ханомъ Керимъ-Гиреемъ надъ одною изъ плѣнницъ, которую онъ необычайно любилъ. Это, говорятъ, была полька изъ рода Потоцкихъ. Авторъ прекрасно написанной и имѣющей научное достоинство книги: «Путешествіе по Крыму», Муравьевъ-Апостолъ, утверждаетъ, что вышеприведенное сказаніе не имѣетъ исторической основы и что памятникъ поставленъ надъ какою-то умершею грузинкою; — но основательно-ли мнѣніе самого автора «Путешествія по Крыму»? По крайней мѣрѣ, доводъ его, что будто-бы татары въ половинѣ XVIII столѣтія не могли такъ легко захватывать плѣнницъ изъ дома Потоцкихъ, нельзя признать за достаточный. Извѣстны послѣднія возмущенія казацкія на Украйнѣ, откуда немало людей выселено и продано сосѣднимъ татарамъ. Въ Польшѣ многія шляхетскія фамиліи именуются Потоцкими, и упоминаемая выше плѣнница, будучи Потоцкою, могла и не принадлежать къ дому владѣтелей Умани, который былъ для наѣздовъ татарскихъ и наскоковъ казацкихъ менѣе доступенъ. Изъ народныхъ разсказовъ о бахчисарайскомъ памятникѣ Пушкинъ почерпнулъ сюжетъ для извѣстной поэмы своей: «Бахчисарайскій фонтанъ».

Стр. 157. Въ прелестномъ саду, между шелковичными деревьями и тополями, возвышаются бѣломраморныя гробницы хановъ, женъ ихъ и родныхъ. Въ боковыхъ двухъ склепахъ навалены гробы въ безпорядкѣ. Когда-то они были богато украшены, но нынѣ торчатъ только голыя доски и видны обрывки савановъ.

У мусульманъ могильные памятники мужчинъ и женщинъ вѣнчаются обыкновенно каменными чалмами, изъ которыхъ мужскія видомъ своимъ отличаются отъ женскихъ.

Гяуръ или правильнѣе — *кафиръ* — значитъ:

«невѣрный». Такъ мусульмане называютъ христіанъ.

Стр. 158. Прелестною *Байдарскою долиною* путешественники обыкновенно выѣзжаютъ на южный берегъ Крыма.

Стр. 159. *Алушта* — одно изъ самыхъ благодатныхъ мѣстъ въ Крыму. Сѣверные вѣтры сюда отнюдь уже не проникаютъ, и путешественники въ ноябрѣ мѣсяцѣ нерѣдко ищутъ здѣсь прохлады подъ тѣнью огромныхъ ореховыхъ деревъ (грецкіе орѣхи), одѣтыхъ еще зеленью.

Намазъ—молитва мусульманская: ее читаютъ сидя и кланяясь.

Мусульмане употребляютъ при молитвахъ четки, которыя дѣлаются для знатныхъ особъ изъ драгоцѣнныхъ камней. Гранатовыя и шелковичныя деревья, ярко украшенныя багрянцемъ плодовъ своихъ, весьма обыкновенны на южномъ берегу полуострова.

Стр. 161. Здѣсь употреблено имя Гавріила (Габріель), какъ наиболѣе извѣстное; но настоящій привратникъ небесный, по восточной миѳологіи, есть Рамекъ — одна изъ двухъ блестящихъ звѣздъ, называемыхъ *ас-семекеинъ* (звѣзда Арктуръ).

Стр. 162. *Салгиръ* — крымская рѣка, вытекающая изъ-подъ подошвы Чатырдага.

Стр. 163. *Чуфутъ-Кале* — мѣстечко, расположенное на высокой голой скалѣ. Домики, на краю пропасти стоящіе, похожи на гнѣзда ласточекъ. Тропинка, по которой надобно взбираться на гору, для путника затруднительна и опасна: она виситъ надъ бездною. Если взглянуть внизъ изъ окна одного изъ тѣхъ домиковъ, то взоръ падаетъ въ глубину неизмѣримую.

Лошади крымскія, при трудныхъ и опасныхъ переправахъ, обнаруживаютъ удивительный инстинктъ осторожности. Прежде, чѣмъ поставить ногу, лошадь крымская, поднявъ ее и сдерживая на воздухѣ, пробуетъ камни, гдѣ-бы можно было ступить

съ большею безопасностію, и не прежде, какъ сдѣлавъ надлежащій выборъ, *совершаетъ* шагъ свой.

Стр. 165. *Птахъ-гора* извѣстна изъ «Тысячи одной ночи». Это — славная въ персидской миѳологіи и многими восточными поэтами упоминаемая птица *симургъ:* «она величиною съ гору» (говоритъ Фирдуси въ «Шахъ-наме») «и крѣпка она, какъ твердыня, а сильна такъ, что слона поднимаетъ и уноситъ въ когтяхъ своихъ»,— и далѣе: «увидѣвъ воиновъ, симургъ рванулся, какъ туча, со скалы своей и помчался, какъ ураганъ, отбрасывая тѣнь свою на всю рать конную». См. Гаммера «Geschich derte Redekünste Persens. Wien, 1818.» стр. 65.

Съ высоты горъ, возносящихся надъ облаками, если кинуть взглядъ на плывущее надъ моремъ облако, то оно представляется лежащимъ на самой водѣ большимъ бѣлымъ островомъ. Любопытное явленіе это наблюдаемо было авторомъ «Крымскихъ сонетовъ» съ Чатырдага.

Стр. 167. Надъ Балаклавскимъ заливомъ стоятъ развалины замка, построеннаго нѣкогда греками — выходцами изъ Милета. Генуэзцы возвели потомъ на этомъ мѣстѣ укрѣпленіе «Цембало».

КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

Гете и Байронъ.

Теоретики издавна твердили, что поэзія есть плодъ древности, плодъ золотаго вѣка, что процвѣтать она могла только въ ранній періодъ развитія общества, что родъ человѣческій, совершенствуя высшія способности разума и разсудка, тѣмъ самымъ ослабляетъ творческую силу фантазіи, охладѣваетъ въ чувствахъ и наконецъ долженъ бываетъ ограничиваться въ поэзіи только подражаніемъ. Теоретики-догматики, привыкшіе выводить правила изъ произведеній, уже созданныхъ поэтами, и нимало неспособные заглянуть въ будущее, хотѣли считать древніе образцы за единственныя основы совершенства, а свои правила, выведенныя изъ этихъ образцовъ — за вѣчныя и ненарушимыя, — и тѣмъ легче впадали въ заблужденіе, свойственное всѣмъ древнимъ законодателямъ, которые тоже никакъ не могли допустить, чтобы ихъ законоположенія должны были когда-нибудь измѣниться. Нельзя однакожь не удивляться тому, что и поэты способны были также раздѣлять подобное мнѣніе. Въ прошломъ вѣкѣ во Франціи слышались жалобы на недостатокъ предметовъ для поэзіи; говорили даже, что они всѣ

уже исчерпаны. Теперь опять журналы и газеты пытаются отнять всякую надежду у поэтовъ французскихъ, доказывая, что публика теперь занята только одними важными предметами и потому будто бы не имѣетъ времени читать стихи. Въ подтвержденіе этого мнѣнія указывали въ исторіи отдѣльныхъ народовъ на эпохи дѣтства, мужества и одряхлѣнія, которыхъ печать будто бы отражалась и на литературныхъ произведеніяхъ тѣхъ народовъ. На основаніи этой теоріи, нашему вѣку выпадало на долю быть эпохой одряхлѣнія — литературнаго отцвѣта, — однимъ словомъ, прозы. Извѣстно уже, что даже и самое ложное сужденіе, повторяемое часто и притомъ диктаторскимъ тономъ, — подъ конецъ многими начинаетъ почитаться за правду: однакоже ничтожество подобнаго сужденія большею частью обнаруживается впослѣдствіи или путемъ здраваго обсужденія, или самыми фактами. Дѣло въ томъ, что если отдѣльно-взятые люди и даже цѣлые народы и подлежатъ закону, общему для всѣхъ организмовъ, и проходятъ въ развитіи своемъ всѣ эпохи отъ дѣтства до старости, однакоже все человѣчество еще слишкомъ молодо (если только можно такъ о немъ выразиться), все еще продолжаетъ развиваться, обладаетъ все тѣми же способностями, имѣетъ и теперь такое же воображеніе и такое же чувство, какъ и прежде, а слѣдовательно и органъ поэзіи. Встрѣчаются и народы, встрѣчаются и эпохи — прозаическіе; поводомъ къ развитію такого направленія - эпохъ и народовъ бываетъ не слишкомъ большая зрѣлость ихъ, а скорѣе —

недостаточность, либо ложность, либо односторонность пути, по которому народами достигалась извѣстная степень развитія. На востокѣ Европы слишкомъ большое преобладаніе философскаго мышленія истощило способность къ поэтическому творчеству въ нѣкоторыхъ народахъ; во Франціи, напротивъ того, общее стремленіе къ изученію наукъ опытныхъ и механики, а также и общій интересъ, возбуждаемый политическими событіями минуты — вотъ что ослабило и притупило строй поэтическаго вдохновенія. Но все это — такія мѣстныя и частныя условія, которыя могутъ измѣниться. Въ Англіи тоже былъ вѣкъ младенчества, вѣкъ упадка поэзіи: тотъ же путь былъ пройденъ и Германіей и Польшей; а между тѣмъ, впослѣдствіи и Германія, и Англія своими собственными силами стали развивать свою поэзію въ различныхъ направленіяхъ и даже другимъ народностямъ стали подавать примѣръ и помощь.

Важнымъ и совершенно-особеннымъ преимуществомъ нашего времени слѣдуетъ считать именно то, что если теперь въ одномъ какомъ-нибудь народѣ извѣстнаго рода обстоятельства способствовали развитію вкуса къ поэзіи или упадку ея, то въ то же самое время, благодаря мѣстному соединенію и различнымъ международнымъ сношеніямъ, можно и внѣ своего народа найти образцы для подражанія и новые пути для дальнѣйшаго развитія. Если бы грекамъ была извѣстна поэзія другихъ народовъ и они бы вздумали ею заняться, то легко могло бы быть, что и они бы нашли въ себѣ новыя силы и, быть можетъ, не остались бы, послѣ пятнад-

цати вѣковъ только холодными подражателями древнимъ образцамъ.

Лучшимъ доказательствомъ способности нашего вѣка къ поэзіи служитъ, конечно, почти одновременное появленіе двухъ первоклассныхъ поэтическихъ геніевъ: Гете и Байрона.

Историческія свѣдѣнія о народахъ, чуждыхъ намъ, въ настоящее время разработаны до статистическихъ подробностей; жизнь великихъ мужей, явившихся у нихъ, описана во многихъ и даже самыхъ подробныхъ запискахъ; произведенія этихъ великихъ мужей — лежатъ передъ нами во всей полнотѣ своей. Теперь, слѣдовательно, намъ легче, чѣмъ когда-либо, разбирать ихъ критически; однакоже, не на основаніи той школьной критики, для которой не нужно вовсе никакихъ иныхъ наукъ или свѣдѣній, кромѣ десяти листковъ Аристотеля и піитики Буало, нагло изрекающаго приговоры всему, что не подходитъ подъ его мѣрку. Нѣтъ! разбирать на основаніи критики исторической, которая разсматриваетъ поэтическія произведенія съ точки зрѣнія того народа, среди котораго они получили начало, съ точки зрѣнія времени и условій, вліявшихъ на ихъ возрастаніе и созрѣваніе; на основаніи критики, которая въ концѣ концовъ оцѣниваетъ талантъ писателя,— принимая въ соображеніе тѣ благопріятныя условія, которыя онъ встрѣтилъ при появленіи своемъ, или тѣ трудности, которыя ему пришлось побѣдить,—и въ то же самое время не изрекаетъ приговоровъ, а просто излагаетъ исторію искусства. Мы очень хорошо знаемъ, сколько нужно соединять въ себѣ

достоинствъ и способностей, чтобы удовлетворить высокому призванію историческаго критика: — вотъ почему мы нимало и не думаемъ вдаваться въ подробные разборы твореній Гёте и Байрона; мы намѣрены только высказать нѣсколько общихъ замѣчаній, касающихся характера и общаго направленія этихъ двухъ великихъ поэтовъ.

Можно бы, кажется, раздѣлить поэзію на два большихъ отдѣла, а именно: на поэзію прошлаго и на поэзію настоящаго или будущаго; каждый изъ этихъ отдѣловъ поэзіи требуетъ особаго таланта и способностей. Древніе оставили намъ много глубокихъ, символически-выраженныхъ замѣчаній. Согласно древнему преданію, Гомеръ—этотъ величайшій поэтъ прошлыхъ вѣковъ — приготовляясь воспѣть Ахиллеса, направился къ его могилѣ и сталъ вызывать тѣнь этого героя. Ахиллесъ явился. Гомеръ, ослѣпленный блескомъ его брони, утратилъ зрѣніе и создалъ Иліаду, уже будучи слѣпцомъ.

Совершенно иными являются намъ поэты лирическіе, воспѣвающіе настоящее,— т. е. тѣ чувства, которыя ихъ вдохновили на мгновенье,— или тѣ Сивиллы, которыя воспѣваютъ грядущее: — какъ тѣ, такъ и другія постоянно утверждали, что видятъ то, что сокрыто отъ другихъ, и ощущаютъ въ себѣ присутствіе какого-то неистоваго, терзающаго ихъ божества. Въ этихъ двухъ символическихъ изображеніяхъ видимъ совершенно-правильное опредѣленіе двухъ различныхъ отдѣловъ и двоякаго способа воспѣванія.

Поэтъ эпическій удаляется въ среду памятни-

ковъ, завѣщанныхъ намъ народами минувшими, окружаетъ себя дѣяніями и преданіями и пытается изъ среды ихъ воскресить духъ минувшаго; онъ вынужденъ на все закрыть глаза, не видѣть ничего изъ всего, что его окружаетъ, и создавать твореніе свое въ полномъ уединеніи. Въ противоположность ему, поэтъ, воспѣвающій современныя ему великія дѣянія, ободряющій къ битвѣ, изливающій чувства любви или восторга предъ своею возлюбленною,—раздѣляетъ вполнѣ чувства своего народа и своего времени, и самъ участвуетъ въ томъ, что служитъ предметомъ его пѣснопѣній. Такъ Пиндаръ присматривался къ играмъ олимпійскимъ.

Въ послѣднее время только у двухъ народовъ и могли вполнѣ развиться и достигнуть извѣстной высоты эти два отдѣла поэзіи: у нѣмцевъ и у англичанъ. Оба эти народа сильно подвинулись на пути цивилизаціи и обратили на себя вниманіе всей Европы; у обоихъ народовъ процвѣтали науки историческія, и занятія теоріей изящныхъ искусствъ были весьма распространены.

Эти-то стороны нѣмцевъ, среди которыхъ просвѣщеніе особенно распространилось и, одновременно съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ политикѣ, сильно преобладала страсть къ занятіямъ исторіею и древностями—эти стороны и должны были, конечно, произвести поэта, способнаго воспѣть минувшее. И дѣйствительно, у нѣмцевъ явился Гёте, одаренный такимъ именно геніемъ, какой могла произвести современная эпоха, среди условій, особенно способствовавшихъ его развитію.

Гете родился отъ родителей, не имѣвшихъ никакого политическаго значенія, въ вольномъ городѣ, жители котораго, одинаково склонные переходить на сторону французовъ и на сторону пруссаковъ, искони не обладали никакими патріотическими чувствами. Первые годы дѣтства Гете провелъ среди семьи достаточной и пользовавшейся извѣстнымъ благосостояніемъ, въ которой все дышало спокойствіемъ и счастіемъ; натура у него была страстная, но не до излишества, а притомъ ему не пришлось попасть въ среду такихъ товарищей или войти въ такія отношенія, которыя бы способны были возбудить въ немъ сильное чувство, не пришлось перенести большихъ несчастій, ни испытать чувствительныхъ потерь. Воспитаніе получилъ онъ тщательное, во-время полюбилъ поэзію, постоянно слышалъ и дома, и въ обществѣ разсужденія объ искусствѣ, еще въ дѣтствѣ ознакомился съ Клопштокомъ и видѣлъ тѣ почести, которыя ему воздавались; очень часто посѣщалъ театръ, и въ то же время умъ его уже занятъ былъ правилами искусства и Шекспиромъ. Понятно, что юноша одаренный геніемъ, развиваясь среди такихъ условій, искалъ въ поэзіи только славы и пріятности; и не видя передъ собою ничего такого, чтобы его сильно волновало и привлекало къ жизненной аренѣ, или же вдохновляло бы его впечатлѣніями настоящаго, онъ долженъ былъ обратиться къ прошедшему и въ немъ сталъ почерпать вдохновеніе. Прямымъ слѣдствіемъ такого настроенія способностей юноши было то, первое знаменитое произведеніе его—«Гетцъ фонъ-Берлинхин-

генъ» — въ которомъ поэтъ, вѣрно рисуя средніе вѣка, отгадалъ потребности и нашего вѣка, потребности исторіи, и, въ примѣненіи ихъ къ поэзіи, опередилъ Вальтеръ-Скотта.

Въ Англіи, со временъ Карла II, поэзія перестала вдохновляться воспоминаніями и чувствами народа, и обратилась въ мертвое подражаніе французамъ. Холодный Аддисонъ, остроумный Попъ — слыли великими поэтами, и наконецъ всѣ, кто только умѣлъ писать стихи, дѣйствительно уже не находя болѣе предметовъ для поэтическаго вдохновенія, обратились къ неисчерпаемому описательному роду, которымъ обыкновенно заканчивается всякая подражательная литература. Томпсонъ, богатый красками и чрезвычайно многословный въ риторическихъ декламаціяхъ, явился въ описательномъ родѣ божествомъ тѣхъ ученыхъ читателей, которые любятъ дивиться красотамъ поэзіи, хотя и зѣваютъ отъ скуки, наслаждаясь ими.

Однако, въ ту же самую эпоху могущество и просвѣщеніе Англіи возросли чрезвычайно, охватили цѣлый міръ и вынудили Англію къ вмѣшательству во всякаго рода политическія событія. Публику англійскую занимала и американская революція, и долгая, упорная война противъ Франціи, и внутренняя борьба партій въ самой Англіи; среди этой разнообразной жизни выработалось великое множество новыхъ явленій въ области мысли и чувства, и ощущался недостатокъ только въ поэтѣ, которому бы они могли служить тэмой для поэзіи. То было скопленіе огромной массы горю-

чихъ подземныхъ веществъ, которыя въ окрестныхъ горахъ искали себѣ только новаго кратера.

Лордъ Байронъ, по рожденію, принадлежалъ къ знаменитому роду, имѣвшему нѣкогда важное политическое значеніе, однакоже захудалому и живо чувствовавшему свое приниженіе. Воспитанный въ уединеніи, онъ долженъ былъ также отчасти раздѣлять чувства, волновавшія его семью, а скитаясь по шотландскимъ горамъ, имѣлъ достаточно досуга, чтобы размышлять обо всемъ, что его окружало, и о себѣ самомъ. И по вступленіи въ школу, предавшись изученію классическихъ наукъ, Байронъ, какъ кажется, не могъ быть пробужденъ отъ своихъ меланхолическихъ думъ отголосками давняго прошлаго и, постоянно волнуемый событіями настоящаго, не могъ съ искреннимъ увлеченіемъ предаться чтенію повѣствованій о давнемъ прошломъ. Байронъ писалъ подражанія и Виргилію, и Оссіану, однако же въ этихъ подражаніяхъ не выказалъ таланта, ибо талантъ его, въ то время, еще не успѣлъ пробудиться. Но вскорѣ страсть пробудила въ немъ поэтическое творчество. Байронъ привязывался къ людямъ съ юношескимъ жаромъ; и вотъ разочарованный въ любви, а, нѣсколько позже, живя въ кругу дурнаго общества, неоднократно обманутый друзьями,— онъ покидаетъ отчизну и начинаетъ свои скитанія по Европѣ, присматриваясь ближе къ убійственной войнѣ; наконецъ, онъ удаляется на Востокъ, въ страну мечтаній, и тамъ впервые оказывается поэтомъ и впервые изливаетъ въ поэзіи тѣ чувства, которыми онъ былъ вдохновленъ, и тѣ мысли, ко-

торыя были ему навѣяны его странствованіями. И то были чувства юноши, живущаго въ девятнадцатомъ вѣкѣ, то были мысли философа и политическія сужденія англичанина. Какъ въ средніе вѣка, трубадуры, отзывавшіеся въ пѣсняхъ своихъ на потребности времени, создавали произведенія, вполнѣ понятныя для всѣхъ своихъ современниковъ, такъ и поэзія Байрона оказалась вполнѣ понятною для большинства европейскихъ образованныхъ читателей и вездѣ нашла себѣ подражателей. Такъ точно и струна, зазвучавшая отъ прикосновенія умѣлой руки, пробуждаетъ звуки и въ другихъ, дотолѣ безвучныхъ, но одинаково съ нею настроенныхъ струнахъ.

Первые поэтическіе опыты Байрона подверглись суровому осужденію; молодой поэтъ принялъ къ сердцу высказанныя по поводу ихъ неправды,— и съ той минуты талантъ его пробудился окончательно, и, какъ Зевсъ Гомера, сталъ метать громы. Сатира была первымъ истинно-поэтическимъ созданіемъ Байрона; къ ней вдохновили его временныя условія его жизни, обстоятельства мимолетныя,— однимъ словомъ, то была поэзія настоящаго въ полномъ смыслѣ слова. И въ этой поэзіи молодой талантъ выказалъ себя, въ отношеніи характеру и направленію, совершенно-отличнымъ отъ того таланта, которому мы обязаны созданіемъ «Гетца фонъ-Берлихингенъ».

Посмотримъ однако же, въ чемъ состоятъ эти мысли и чувства *нашего вѣка*, и каковъ, вообще, поэтическій характеръ эпохи? Прежде всего замѣтимъ, что, по отношенію къ частной жизни,

европеецъ, какъ человѣкъ, отличается сильными и бурными страстями, которыя, впрочемъ, проявляются различно и притомъ болѣе или менѣе сильно, сообразно различіямъ въ климатѣ, въ національности и въ законахъ, управляющихъ обществомъ. Сантиментальность въ любви преобладала въ прошломъ вѣкѣ въ литературѣ и въ обществѣ самоубійства и трагическія сцены безпрестанно повторялись въ Англіи и въ Италіи: тамъ причиною ихъ была тоска, а здѣсь—ревность. Кажется, что въ наше время страсть, не утративъ нимало своей силы, однако же встрѣчая все болѣе и болѣе препятствій къ выраженію своему какъ въ законахъ, такъ въ различныхъ житейскихъ разсчетахъ и приличіяхъ, стала воздерживаться отъ звѣрскихъ проявленій и, по крайней мѣрѣ на Сѣверѣ, приняла характеръ сумрачной, сдержанной тоски, совершенно-отличной и отъ набожной рѣшимости любовниковъ въ средніе вѣка, и отъ многорѣчивой сантиментальности, которую мы видимъ въ герояхъ французскихъ и нѣмецкихъ романовъ. Такою именно и проявляется любовь въ поэзіи Байрона. Переходя отъ частной жизни на болѣе обширную сцену жизни общественной, посмотримъ, что въ послѣднее время занимало всю Европу въ отношеніи политики? Повсемѣстная и продолжительная война, вѣками утвержденныя права и убѣжденія, низвергнутыя въ прахъ великимъ народомъ,— одинъ человѣкъ, собственною своею силою достигающій высшаго могущества и подчиняющій своему игу народы: — это зрѣлище не одному философу навѣяло грустныя мысли о человѣ-

чествѣ и томъ вліяніи, которое можетъ на него оказать смѣлый и мощный геній одного человѣка. Эти-то мысли и составляютъ главную идею всѣхъ эпическихъ произведеній Байрона. Многіе вслухъ повторяли, что нѣкоторыя черты Корсара были прямо заимствованы поэтомъ у Наполеона.

Гете, какъ человѣкъ, какъ европеецъ, въ одинаковой степени съ Байрономъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ страстей, подчинялся и духу времени, изливалъ свои чувства, говорилъ точно такъ, какъ и всѣ его современники, однако же совсѣмъ не такъ, какъ говорилъ и выражалъ свои чувства Байронъ. Гете, повидимому, смотрѣлъ на страсти, какъ на вдохновляющій элементъ, который могъ оживить его произведенія искусства; страсти Байрона, напротивъ того, подобно року древнихъ, управляли всею его жизнью, физическою и нравственною. Для Гете страсти были не болѣе, какъ та чаша салернскаго вина, которою любилъ придать себѣ бодрости Горацій; а на музу Байрона онѣ дѣйствовали такимъ же одуряющимъ образомъ, какъ вѣщій дымъ треножника на Пиѳію. Гете въ запискахъ своихъ сохранилъ намъ любопытныя подробности о своемъ дѣтствѣ, указывающія не только на развитіе его таланта, но и на самое направленіе, въ которомъ онъ развивался. Еще будучи ребенкомъ, нѣмецкій поэтъ уже любилъ разсказывать своимъ сверстникамъ свои собственныя приключенія, но разукрашенныя его фантазіей, какъ въ отношеніи ко времени, такъ и къ мѣсту дѣйствія, въ которыхъ ему приходилось видѣть повѣствуемыя дѣла и чудеса, которыя ка-

зались непонятными юнымъ слушателямъ. Видимъ уже и тогда преобладаніе воображенія въ молодомъ поэтѣ и то, что онъ, выводя самого себя на сцену въ измышленныхъ имъ произведеніяхъ, уже смѣлъ придать и себѣ, и сценѣ дѣйствія характеръ вымышленный. То, что было въ ребенкѣ невинною ложью, что могло бы развиться въ человѣкѣ въ порокъ, въ произведеніяхъ генія проявилось въ видѣ поэтическаго вымысла. Когда впослѣдствіи, въ романахъ своихъ, Гете описывалъ свои собственныя дѣянія, то онъ поступалъ точно также— выводилъ себя подъ маскою другаго лица и той маскѣ придавалъ характеръ, каждый разъ болѣе вымышленный, болѣе отличный отъ своего собственнаго, пока наконецъ, забывъ о себѣ и своихъ страстяхъ, сталъ творить только идеальныя сцены. Онъ самъ сознается, что каждый разъ, какъ ему приходилось излить свою страсть въ поэзіи, онъ всегда чувствовалъ себя болѣе спокойнымъ, и едва-ли не вполнѣ исцѣленнымъ отъ своего увлеченія. Его героини, Аделаиды и Минны, заимствованы изъ міра дѣйствительности, но прикрашены поэтическимъ жаромъ. Гете не могъ бы въ нихъ узнать своихъ прежнихъ любовницъ и подругъ, ни къ какой изъ нихъ онъ не былъ привязанъ искренно, и потому именно умѣлъ съ одинаковою легкостью изображать различные характеры; повидимому, онъ находилъ даже извѣстнаго рода развлеченія въ томъ, что постоянно выводилъ на сцену новые и новые образы и придавалъ имъ искусственныя формы.

Байронъ сохранялъ до самой смерти свои чув-

ства или, по крайней мѣрѣ, живыя воспоминанія о тѣхъ женщинахъ, которыхъ онъ любилъ въ молодости; каждый разъ, когда онъ описывалъ любовь, она постоянно была у него передъ глазами и онъ не могъ удержать при этомъ порыва своихъ чувствъ. Первая женщина, которую онъ любилъ, передала характеръ свой всѣмъ героинямъ его поэзіи. Онъ не изображалъ другихъ характеровъ не потому, чтобы не могъ ихъ создать, а потому, что не желалъ занять ихъ изученіемъ. Самъ онъ говорилъ:

«Melius tui meminisse quam cum aliis versari».

Взывая къ этой первой любви въ своихъ первыхъ пѣсняхъ, онъ съ грустью говоритъ ей «прости» въ послѣднихъ пѣсняхъ «Донъ-Жуана».

«Te veniente, te decedente canebat».

Гете, можетъ быть, приказалъ бы изваять статуи своихъ героинь въ видѣ идеальныхъ красавицъ, которыя не должны были бы сохранить никакихъ чертъ и подробностей индивидуальныхъ, точь-въ-точь какъ Канова изображалъ живыхъ своихъ современницъ. Байронъ пожелалъ бы, вѣроятно, имѣть портретъ любимой имъ женщины менѣе красивымъ, нежели самый оригиналъ, но зато вѣрно передающимъ характерныя черты физіономіи,— такимъ, какъ Сенъ-При хотѣлъ имѣть портретъ Юліи.

О поэзіи романтической.

(1822 г.).

Давно установившимся и весьма спасительнымъ для художниковъ предостереженіемъ служитъ тотъ обычай, что всѣ выставляющіе свое художественное произведеніе на выставку — бываютъ обязаны спокойно и въ молчаніи ожидать суда опытныхъ знатоковъ, на основаніи котораго могли бы вывести заключеніе о достоинствѣ уже законченнаго произведенія, а для будущихъ произведеній — почерпать назиданіе и полезныя замѣчанія. Но если бы который-нибудь изъ художниковъ, наученный чужимъ опытомъ, могъ предвидѣть, что его произведеніе можетъ подвергнуться осужденію только за то, что онъ избралъ тотъ, а не другой предметъ для подражанія, что онъ придерживался той, а не другой школы, — тогда онъ долженъ былъ бы въ оправданіе свое высказать, почему именно онъ рѣшился пойти противъ общаго мнѣнія всей публики, которая на его произведенія смотритъ, ихъ слушаетъ или читаетъ. На этомъ основаніи, въ настоящую минуту, когда я выдаю въ свѣтъ нынѣшнее мое собраніе балладъ и народныхъ пѣсенъ, обыкновенно относимыхъ къ поэзіи романти-

ческой (на которой все еще тяготѣетъ проклятіе, изреченное противъ нея многими судьями поэзіи, теоретиками, и даже самими поэтами), я почувствовалъ потребность предпослать моему сборнику произведеній небольшое вступленіе, если не въ качествѣ художника, то, по крайней мѣрѣ, во имя тѣхъ художниковъ, которые посвятили труды свои тому же отдѣлу поэзіи. Думаю однако же, что удовлетворяю достаточно этой обязанности или этому требованію, когда, вмѣсто всякихъ возраженій на обвиненіе противной стороны, выставляю здѣсь самый предметъ спора въ его полной чистотѣ, когда, вмѣсто того, чтобы защищать поэзію романтическую, укажу на ея начало, обрисую ея характеръ, и тутъ же укажу на ея образцы, наиболѣе замѣчательные. Дабы, однакожь, показать съ полною ясностью, какъ произошелъ родъ поэзіи, называемый романтическимъ, какъ онъ усовершенствовался и какъ принялъ видъ особаго, вполнѣ законченнаго отдѣла, слѣдуетъ отыскать условія, вліявшія на образованіе этого рода, и отдѣлить ихъ отъ множества иныхъ условій, при помощи которыхъ создались остальные роды поэзіи. Слѣдуетъ доискаться, что именно въ этомъ родѣ произошло, какъ естественное слѣдствіе отъ извѣстной причины, и что привлечено было въ него случайно; не слѣдуетъ забывать, что вмѣстѣ съ перемѣною въ чувствахъ, въ характерѣ, въ мнѣніяхъ народныхъ, наступаетъ перемѣна и въ самой поэзіи, которая бываетъ наиболѣе яснымъ знаменьемъ вѣковаго совершенствованія людей. Этимъ путемъ наше намѣреніе — дать общій очеркъ поэзіи роман-

тической — невольно приводитъ насъ къ нѣкоторымъ общимъ замѣчаніямъ относительно прочихъ поэтическихъ родовъ, — или, лучше сказать, вынуждаетъ насъ бросить общій взглядъ на исторію поэзіи вообще, по крайней мѣрѣ, настолько, насколько того требуетъ избранный нами предметъ разсужденія, и насколько допускаетъ это объемъ настоящей статьи.

Не всѣ однако же народы могутъ въ данномъ случаѣ останавливать на себѣ наше вниманіе; изъ древнихъ, конечно, греки, прежде всего и болѣе всего заслуживаютъ нашего вниманія. Этотъ народъ, въ отношеніи къ произведеніямъ фантазіи, къ первоначальному появленію ихъ и дальнѣйшему развитію, долженъ имѣть, какъ народъ, сходство съ другими народами. Но если греки въ этомъ отношеніи и могутъ имѣть сходство съ другими народами, то лишь въ сущности самыхъ произведеній, которыя являются общимъ достояніемъ всѣхъ народовъ; что же касается до той формы, въ которую эта сущность облекалась, и до значенія ея у грековъ, то въ этомъ отношеніи греки не могутъ быть поставлены наравнѣ съ другими народами и стоятъ гораздо выше ихъ.

Всѣ народы въ дѣтствѣ обладаютъ обильнымъ запасомъ разнообразныхъ басенъ. Удивительныя, но недоступныя слабому еще понятію явленія природы объясняются по этому чудесами; измышленныя для объсненія ихъ таинственныя силы, а именно духи въ образѣ человѣческомъ и звѣриномъ, а также чувства и страсти, олицетворенныя и часто выставленныя въ дѣйствіи, даже истинныя

событія, украшенныя вымысломъ,— вотъ изъ чего состоитъ сказочный міръ, можетъ быть, общій всѣмъ народамъ. Его создаетъ юное, огненное, но необразованное воображеніе; этому помогаетъ языкъ, обыкновенно вначалѣ грубый, чувственный, рисующій отвлеченныя представленія въ вещественной формѣ. Но этотъ сказочный міръ былъ у грековъ обширнѣе, богаче и разнообразнѣе, чѣмъ у другихъ народовъ, потому-что и воображеніе греческое было живѣе и плодовитѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, и языкъ греческій гибкостью, богатствомъ и выразительностью превосходилъ другіе языки. Но этого недостаточно. Этотъ сказочный міръ вскорѣ сталъ предметомъ разнообразнымъ, неизслѣдованнымъ и весьма пригоднымъ для изящныхъ искусствъ, во всемъ высокомъ значеніи этого слова. Стеченіе счастливыхъ обстоятельствъ имѣло своимъ слѣдствіемъ, что въ Греціи появилось одновременно болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь творческихъ талантовъ, которые, побуждаемые самой природой, свойственной ихъ странѣ, направляли чувство и воображеніе къ выискиванію всего изящнаго, образнаго и прекраснаго, какъ въ поэзіи, такъ и въ музыкѣ, въ танцахъ, живописи и другихъ искусствахъ. Кромѣ того греки, давно свободные, веселые, ведущіе общественную жизнь, проникнутые чистой народностью во всемъ ея могуществѣ, имѣющіе передъ собой многочисленные примѣры величайшихъ добродѣтелей, не могли не развиться нравственно въ высокой степени и потому развивали другой отдѣлъ способностей, имѣющихъ нравственный характеръ. Наконецъ, умы греческіе, воз-

вышенные, любознательные, выносливые, начали рано искать истины, безустанно упражнялись въ разсужденіи, идя разнообразнымъ и чаще всего оригинальнымъ путемъ; такимъ способомъ пробуждался духъ философскій, привыкали мыслить последовательно и глубоко, иначе говоря, такимъ образомъ развивался, крѣпъ и устанавливался разсудокъ. Итакъ, когда всѣ умственныя способности были усовершенствованы въ строгой гармоніи, когда живое воображеніе было умѣрено утонченностью чувствъ и зрѣлостью разсудка, то оно могло въ произведеніи искусства создавать величіе при простотѣ, образность при разнообразіи, красоту при легкости. Одаренный такими свойствами, творческій талантъ греческаго художника обращался къ древнему сказочному міру и вскорѣ сумѣлъ пересоздать его за-ново. Онъ отбросилъ все грубое, чудовищное, рѣзкое, разчистилъ разнородныя и смѣшанныя представленія, связалъ ихъ и построилъ изъ нихъ стройное цѣлое. Эти же представленія, построенныя въ одно цѣлое, какъ бы отвлеченны или умственны они не были, были всегда выражены въ формѣ чувственной и вещественной, но въ вещественной формѣ такой законченной и совершенной, которая можетъ быть только представлена и понята умомъ или же, иначе говоря, идеально. Такимъ образомъ, изъ міра сказочнаго создался идеалъ міра вымышленнаго, или міръ миѳологическій. Его создалъ, какъ мы видѣли до сихъ поръ, талантъ художника, развившійся среди гармоническаго развитія всѣхъ умственныхъ силъ, уже по самой природѣ ихъ, необыкно-

венныхъ. Этотъ міръ имѣетъ цѣль и назначеніе. Мастера греческіе, выставляя въ произведеніяхъ изящныхъ искусствъ сюжеты, взятые изъ миѳологическаго міра, старались повліять на возвышеніе и усовершенствованіе во всемъ народѣ всѣхъ тѣхъ умственныхъ силъ и способностей, которыя или создавали упомянутый міръ, или же вліяли на его сотвореніе. Такъ какъ творческій талантъ греческаго художника былъ слѣдствіемъ равновѣсія между воображеніемъ, чувствомъ и разсудкомъ, то произведенія изящныхъ искусствъ у грековъ имѣли извѣстную умѣренную образность какъ въ построеніи такъ и во внѣшней обработкѣ, и это свойство изящныхъ искусствъ называется стилемъ греческимъ или классическимъ. Этотъ стиль господствовалъ въ вѣкъ Перикла и дожилъ еще до временъ Александра Великаго. Все что мы сказали вообще о талантѣ художника и характерѣ изящныхъ искусствъ у грековъ, очевидно относится и къ поэтическому таланту и къ поэзіи въ особенности; прибавимъ только, что поэтъ былъ всегда свободнѣе другихъ художниковъ въ своемъ искусствѣ и могъ влiять болѣе разнообразнымъ способомъ, да и къ тому же на бо́льшую массу народа. Въ самомъ дѣлѣ, поэты греческіе въ самую блестящую эпоху ихъ искусства всегда пѣли для толпы; пѣснопѣнія ихъ были складомъ чувствъ, мнѣній, воспоминаній народныхъ, украшенныхъ вымысломъ и привлекательной формой, и потому сильно дѣйствовали на поддержку, укрѣпленіе, вообще на образованіе народнаго характера. Впослѣдствіи, съ перемѣной обстоятельствъ, когда чув-

ства, характеръ и энергія народа начали ослабѣвать — съ теченіемъ ли времени, подъ вліяніемъ ли чужеземцевъ, или благодаря общественнымъ бѣдствіямъ, утратѣ значенія и отечественной независимости,— тогда и талантъ поэтическій переставалъ быть великимъ и поэзія теряла свой прежній характеръ и высокое назначеніе. Поэты разставались съ народомъ, ужь ничего не значущимъ въ политикѣ и презираемымъ, и переселялись во дворы самодержцевъ, гдѣ они слагали лесть или же слабо, безвкусно, скорѣе учено нежели поэтически подражали прежнимъ классическимъ образцамъ, какъ свидѣтельствуютъ примѣры изъ вѣка Птоломеевъ. Такимъ образомъ, поэзія изъ потребности народной превратилась въ забаву ученыхъ или праздношатающихся.

Послѣ грековъ, римляне являются другимъ славнымъ въ древности народомъ, котораго не слѣдуетъ обходить и въ исторіи поэзіи. Однако же намъ нечего долго останавливаться надъ этимъ народомъ въ этомъ отношеніи, потому что его первобытные обычаи и жизнь имѣли менѣе благопріятную для поэзіи форму и направленіе. Народы латинскіе, какъ по натурѣ дикіе и суровые, долгое время воинственные и хищническіе, если и имѣли народную поэзію, то она должна была оставаться въ грубой простотѣ, имѣя небольшое или никакого вліянія на цивилизацію этихъ народовъ. Не быстро, съ открытіемъ сношеній съ греками, поэзія греческая начала вліять на римское чувство; это было именно во время униженія народа и упроченія преобладанія аристократовъ, у кото-

рыхъ главнымъ условіемъ высшаго лоска стало тоже знакомство съ греческимъ языкомъ и литературой. Вскорѣ въ Римѣ появились многочисленные поэтическіе таланты, которые однако же только переводили или подражали греческимъ образцамъ, сохраняя цѣликомъ духъ и даже формы поэзіи греческой. Сами миѳологическія представленія были цѣликомъ перенесены или только перемѣшаны съ отечественными миѳами. Итакъ, читали поэзію по-латыни, но поэзію греческую, облеченную въ латинскія слова. Кромѣ того читалъ ее только одинъ классъ аристократовъ—слишкомъ крохотная частица народа. Такимъ образомъ, въ народѣ римскомъ не было собственно поэзіи народной, которая бы, вліяя на характеръ и культуру цѣлаго народа, могла выполнить свойственное ей назначеніе.

Итакъ, у римлянъ культура чужеземная, заимствованная у грековъ, прервала естественный ходъ культуры народной и поэзія греческая поставила преграду собственной поэзіи римской, которая можетъ быть еще развилась бы.

У поселившихся на развалинахъ римскаго государства и смѣшавшихся съ мѣстнымъ населеніемъ сѣверныхъ ордъ должно было когда-нибудь пробудиться, долгое время спавшее, воображеніе и создать совершенно новый родъ поэзіи. Эти орды, насколько это возможно, имѣли навѣрно своеобразныя чувства, мнѣнія, представленія миѳическія и преданія; но среди ихъ не являлись поэтическіе таланты, которые могли бы такъ блестяще, какъ нѣкогда у грековъ, воспользоваться сказочнымъ міромъ, по-

вліять на обычаи народовъ, очищать и укрѣплять народный характеръ. Развитію поэтическаго таланта въ этомъ родѣ мѣшали многочисленныя преграды. Дикая или кочующая жизнь сѣверныхъ народовъ, смѣшеніе однихъ съ другими, взаимное усвоиванье представленій, мнѣній, обычаевъ и выраженій языка, имѣли слѣдствіемъ, что миѳологія сѣверная, хотя и развившаяся въ роскошнѣйшую поэзію въ нѣкоторыхъ странахъ, однако никогда не устанавливалась, миѳическія представленія не сложились въ образное, прекрасное и гармоническое единство или систему міра миѳическаго; тамъ всегда пробивалась безформенность, чудовищность, недостатокъ порядка, связи и цѣльности. По той же самой причинѣ и языкъ этихъ народовъ долго былъ неотесаннымъ; могъ быть смѣлымъ въ выраженьяхъ, но былъ менѣе яснымъ и точнымъ. Но такъ какъ положеніе упомянутыхъ народовъ измѣнялось внезапно и быстро, всегда благопріятно для поэзіи, такъ что наконецъ онъ долженъ былъ немного установиться, то и поэзія, постоянно слѣдуя за перемѣнами, принимала все болѣе и болѣе опредѣленный характеръ. Новыя чувства и представленія, свойственныя самимъ варварамъ, такъ называемый духъ рыцарскій и соединенное съ нимъ уваженіе и любовь къ прекрасному полу, чуждые Греціи и римлянамъ, строгое соблюденіе законовъ чести, религіозныя увлеченія, миѳическія преданія и представленія народовъ варварскихъ, прежнихъ язычниковъ и недавнихъ христіанъ, смѣшанныя вмѣстѣ,— вотъ что составляетъ въ среднихъ вѣкахъ міръ романтическій, поэзія котораго тоже называется

романтической. Поэзія эта имѣла свой опредѣленный характеръ, умѣряемый только мѣстнымъ вліяніемъ угрюмыхъ и страстныхъ норманновъ, веселыхъ миннезенгеровъ и чувствительныхъ трубадуровъ. Внѣшнее выраженіе или языкъ, который былъ сліяньемъ языковъ сѣверныхъ и римскаго, прозвали *романскимъ:* отсюда произошло, что позднѣйшія поколѣнія прозвали и эту поэзію и духъ времени романтическими.

Окончательное сліяніе племенъ германскихъ и скандинавскихъ съ древнимъ племенемъ римлянъ, столкновеніе представленій и чувствъ новаго міра съ представленіями и чувствами древнихъ, опять-таки должно было повліять на характеръ человѣчества, а отсюда и на характеръ поэзіи. Освоившись лучше съ классическими образцами грековъ и римлянъ, ученые поэты не могли быть къ нимъ равнодушны и, пользуясь ими разнообразнымъ способомъ, создали различныя школы, различные роды поэзіи. Одни, бравшіе сюжеты изъ древней исторіи, хотѣли обрабатывать ихъ во всемъ, что касается сущности и формы, вполнѣ греческимъ способомъ, (Триссино), а недостаточно еще освоившіеся съ классической литературой и недостаточно проникнутые духомъ древности, умѣли только подражать построенію, подраздѣленіямъ или внѣшнимъ формамъ древнихъ; другіе, соображаясь съ настроеніемъ того вѣка, въ которомъ они жили, предпочитали брать сюжеты изъ міра романтическаго, придавать имъ соотвѣтствующую форму, стараясь однако же обрабатывать отдѣльныя части, да и къ тому же и языкъ, согласно древнимъ образцамъ

(Аріосто); третьи же, наконецъ, пошли какъ бы средней дорогой, подтягивая строго предметъ и содержаніе или матеріалъ, въ сущности романтическій, подъ классическія формы, въ особенности въ томъ, что касается размѣра въ построеніи и украшеній въ внѣшней обработкѣ (Тассо).

Среди такого разнообразія, каждый изъ поэтовъ, оцѣнивая ихъ по отношенію къ искусству, настолько достигъ своей цѣли, насколько ему дозволяли талантъ и необходимое настроеніе. Но если мы обратимъ вниманіе на народъ, для котораго они писали, то очевидно окажется, что тѣ произведенія, въ которыхъ старались сохранить греческій духъ и форму, не могли придтись всѣмъ по вкусу при мало распространенномъ знаніи древней литературы; что поэты, воспѣвающіе измышленія народныя въ привлекательной формѣ, были наиболѣе любимыми и пролагали путь для тѣхъ, которые вносили въ романтическую поэзіи все большій порядокъ, гармонію и красу.

Перечисленные нами роды поэзіи, какъ появившіеся при новомъ порядкѣ вещей въ тогдашней Европѣ, должны были быть новые и совершенно непохожіе на древніе. Прежде всего они развились у итальянцевъ, гдѣ рядомъ съ поэзіей народной рано процвѣтали и науки классическія.

Въ сосѣдней съ Италіей Франціи уже въ то время исчезла народная романтическая поэзія. Провансальскіе трубадуры переселились ко дворамъ государей и недолго удержали тамъ значеніе, пріобрѣтенное ими среди народа. Во Франціи, князья и аристократы, быстро усвоивая лоскъ общественной жизни, находили мало привлекательнаго въ пѣс-

няхъ сельскихъ и простонародныхъ, мало подходящихъ къ придворному тону. Вскорѣ, послѣ упроченія королевской власти и ослабленія феодальной системы, весь интересъ народный перенесся на королевскіе дворы. Тамъ все должно было сообразоваться съ этикетомъ, нѣсколько смягченнымъ французской легкостью; частные кружки усвоили тонъ двора, чертой котораго было соблюденіе формъ этикета, скрытность почти дипломатическая, вѣжливость, правда привлекательная, но церемоніальная и строго разсчитанная по положенію и личностямъ. Рядомъ съ общественнымъ лоскомъ, съ успѣхомъ наукъ возрастало и просвѣщеніе. Увлеченіе древностью, оживляющее Италію, сообщилось при частыхъ сно шеніяхъ и французамъ. Все болѣе и болѣе занимало ученыхъ, а за ними и весь болѣе просвѣщенный классъ, все то, что было греческимъ и римскимъ; не то чтобы они углублялись въ исторію этихъ народовъ и извлекали изъ нея важныя въ политикѣ и нравственности истины — но старались подражать грекамъ и римлянамъ; подражанье же, по понятію тогдашнихъ французовъ, состояло въ усвоеніи внѣшности и тона древнихъ.

При такомъ порядкѣ вещей тотъ, кто хотѣлъ нравиться Франціи, т. е. Парижу, долженъ былъ остроту своего личнаго характера сообразовать съ парижской модой; чтобы не показаться педантомъ и чудакомъ, долженъ былъ держать свой талантъ на уздѣ, умѣрять воображеніе и чувство, такъ какъ всякій порывъ, всякое бурное увлеченіе оскорбляло придворное приличіе, ищущее скорѣе остроумія и разсудка; наконецъ, онъ долженъ былъ въ произ-

веденіяхъ искусства, согласно модѣ и обычаю, подражать грекамъ и римлянамъ, настолько по крайней мѣрѣ, насколько придворные Генриховъ и Людовика подражали Катонамъ и Фламиніямъ.

Итакъ, поэты, слѣдуя стремленью вѣка, обратили вниманіе не столько на природу и характеръ людей, сколько скорѣе на характеръ парижскихъ обществъ; осмѣивали мѣтко и ловко уклоненія отъ приличія, обычая и моды, вводя господствующій въ аристократическомъ мірѣ этикетъ въ міръ вооображенія, подводили все подъ правила, разсудительно составленныя и красиво выраженныя; наконецъ, забавляли зрѣлищами дворъ и Парижъ. Такимъ образомъ, появились и образовались сатиры, а также и родъ дидактическій. А настолько же насколько тогдашняя культура французская, носящая на себѣ отпечатокъ лоска при возвышеніи и выработкѣ высшихъ способностей разсудка и остроумія, совершенно разнилась отъ культуры греческой и средневѣковой, настолько и французскій міръ поэтическій, созданный стеченіемъ другихъ обстоятельствъ, дѣятельностью умовъ, иначе воспитанныхъ, явился въ совершенно новой формѣ, безконечно отличающейся отъ міра миѳологическаго и романтическаго. Въ первомъ мы видѣли сосредоточенную гармонію и какъ бы равновѣсіе между чувствомъ, воображеньемъ и разсудкомъ, во второмъ преобладали низшія способности, а послѣдній, т. е. французскій, который можно бы назвать міромъ общежительныхъ сношеній, міромъ приличій или условнымъ, находился подъ управленіемъ разсудка, остроумія и формальности.

Итакъ, тамъ не могли появиться никакіе смѣлые и возносящіеся за предѣлы дѣйствительности вымыслы, не могли себѣ найти мѣста всѣ преданія, имѣющія слишкомъ сказочный характеръ. Тамъ скорѣе искали сюжетовъ историческихъ, а взявъ ихъ изъ древности или изъ среднихъ вѣковъ, ихъ всегда подгоняли подъ французскій масштабъ. Когда таланты художниковъ упражнялись въ такой сферѣ, развитіе ихъ, по отношенію къ силѣ и направленію, шло новымъ, совершенно своеобразнымъ путемъ. Въ поэзіи, на которую мы тутъ обращаемъ главное вниманіе, воображеніе французское, повидимому, не отваживалось ни на одинъ самостоятельный шагъ и только спѣшило услуживать другимъ умственнымъ способностямъ. Призванное разумомъ, оно насколько возможно украшало дидактическія правила и историческіе факты; въ родѣ описательномъ оно держалось пути, проложеннаго систематическимъ разсужденіемъ, и постоянно вращаясь близъ земли, рисовало навязанные ему предметы съ натуры, или же, выражаясь точнѣе, снимало съ этихъ предметовъ портреты, законченные правда по отношенію къ колориту, но по отношенію къ построенію слишкомъ архитектоническіе, слишкомъ похожіе на свои образцы и поэтому мертвенные; если же иногда оно возносилось выше, оно искало только въ странѣ вымысла матеріаловъ, изъ которыхъ остроуміе создавало холодныя построенія или эмблемы аллегорическія, все болѣе и болѣе приходящіяся по вкусу публикѣ. Одинаково скована была и другая способность, т. е. чувство. Въ вопросахъ, касающихся нравственности и гражданства, уста

поэтовъ французскихъ повторяли только все то, что дѣйствительно чувствовали сердца поэтовъ греческихъ, какъ риторы александрійскіе повторяли Перикла и Демосѳена тамъ, гдѣ дѣло шло о выраженіи самыхъ утонченныхъ чувствъ сердца. Отъ писателей вѣка Людовика XIV всегда вѣетъ духомъ романтической сантиментальности,—но слишкомъ изощренной, слишкомъ искусственной; въ обоихъ же случаяхъ къ страстному тону примѣшиваются разсужденія и остроты въ положеніяхъ и антитезахъ. Созданныя такимъ образомъ произведенія искусства, по сущности своей французскія, имѣли форму греческую, однако же заимствованную не у художниковъ, а у теоретиковъ древнихъ, и часто измѣненную.

Корнель, въ своей борьбѣ съ Скюдери и въ распряхъ, возникшихъ по этому поводу, никогда не цитируетъ Софокла и Еврипида, но поэтика такъ часто выступаетъ на сцену, что раздосадованный Вольтеръ восклицаетъ въ комментаріяхъ: «ахъ! какъ вы мнѣ докучаете своимъ Аристотелемъ!

Въ трагедіи, напримѣръ, основывающейся у грековъ на могущественномъ представленіи характеровъ, лирической патетичности и классической обработкѣ, въ драматикѣ французской зависитъ отъ извѣстнаго построенія и запутанности дѣйствія. И такъ простой греческій строй замѣнила, такъ называемая, драматическая интрига. Наконецъ, по отношенію къ внѣшнему украшенію, т. е. стилю, если мы постановимъ рядомъ роды классическій, романтическій и французскій, а матерію, содержаніе и строй будемъ признавать за тѣло и духъ

поэзіи,—то стиль можно приравнить къ одеждѣ, и опять окажется различіе, соотвѣтствующее характеру вѣковъ и народовъ.

Греческая одежда, величественная, а вмѣстѣ легкая и воздушная, сгибается и складывается разнообразно съ малѣйшимъ движеніемъ тѣла: поэтому-то и въ искусствахъ образныхъ такой важной частью произведенія является драпировка греческая, усвоенная всѣми художниками, придающая статуямъ или картинамъ столько выразительности и прелести. Рѣчь грековъ, обладающая тѣми же качествами, составляетъ важную часть ихъ поэзіи, или такъ называемый стиль классическій, разсматриваемый даже независимо отъ самого предмета. Средніе вѣка, не такъ изящные, все-таки поражали своимъ характеристическимъ костюмомъ. Большіе плащи шотландскихъ горцевъ, стальная одежда рыцарей, фальшивыя перья и цвѣта со знакомъ креста или же лента отличаютъ героя крестовыхъ походовъ. Въ стилѣ поэтическомъ романтическомъ точно также господствуетъ смѣлость въ построеніяхъ менѣе гибкихъ, рядомъ съ простотой — какой-то закалъ и мощь; въ выраженіяхъ — блескъ и часто кудреватость. Наконецъ, французскій костюмъ слишкомъ простъ и однообразенъ, служитъ одинаково героямъ, сановникамъ и танцорамъ и не знаетъ другихъ различій, кромѣ мелкихъ украшеній. Наиболѣе соотвѣтствующій общественнымъ требованіямъ и потому повсемѣстно принятый, онъ однако же оказался невыгоднымъ для художниковъ. Драматическіе актеры и ораторы въ костюмѣ французскомъ должны очень

умѣрять свои движенія и внѣшнія дѣйствія, такъ какъ каждый порывистый жестъ, не смягченный драпировкой, покажется слишкомъ угловатымъ и рѣзкимъ. Скульпторъ и живописецъ не смѣютъ облечь статуи или картины въ французскій костюмъ, потому-что подъ этимъ костюмомъ должны скрыться и исчезнуть вся красота сложенія и размѣровъ тѣла. Таковы же качества и недостатки рѣчи французской; ею можно выразить всякую мысль и чувство, если оно только не слишкомъ смѣло и порывисто, такъ какъ по недостатку измѣненій въ складѣ и выраженіяхъ все необыкновенное слишкомъ поражаетъ, правильная и ясная въ изложеніи точныхъ наукъ, легкая и удобная для обыкновеннаго разговора и потому повсемѣстно распространенная, она опять таки ради излишней правильности слишкомъ раболѣпна и всегда однообразна, если ею объясняется разумъ или сердце.

Наконецъ, то различіе, которое мы видѣли между мірами миѳологическимъ, средневѣковымъ и условнымъ, встрѣтимъ мы и между поэзіей французской классической и романтической. Пѣснопѣнія грековъ оживлялъ духъ общественный, романтиковъ — рыцарскій, поэтовъ Людовика XIV — придворный. Первые обращались ко всему просвѣщенному народу, вторые къ войнамъ и къ толпѣ, послѣдніе имѣли цѣлью только забаву болѣе просвѣщеннаго класса. Греки выработали поэтическую рѣчь до высшей степени совершенства, поэты романтическіе языкъ неотесанный скрасили смѣлымъ воображеніемъ и жалкимъ чувствомъ, поэзія же французская, истощенная внѣшними прикрасами, не имѣла собственнаго стиля, была всегда прозаичной.

Въ исторіи поэзіи европейской долженъ теперь по очереди выступить народъ Великобританіи, по характеру своему сильно отличающійся отъ другихъ, отрѣзанный моремъ и потому менѣе подверженный чужеземнымъ впечатлѣніямъ. Живое воображеніе и чувство воинственныхъ шотландцевъ и саксовъ не могло не заинтересоваться сильно поэзіей. Миѳологія этого народа была болѣе нежели гдѣ-нибудь выработана друидами и бардами. Хотя введеніе христіанскаго ученія уничтожило религіозныя преданія того народа, все-таки съ религіей, распространенной въ странѣ греческой и римской и перенесенной въ Англію прививкой, не перешла такъ легко поэзія грековъ и римлянъ. Въ Англіи, при ея феодальномъ устройствѣ, старинные обычаи и старинное уваженіе къ поэтамъ народнымъ сохранились дольше и чище, нежели гдѣ-нибудь. Народъ, участвовавшій уже въ политической жизни и въ воинскихъ походахъ, почти постоянныхъ, любилъ рыцарскія пѣсни, оживленныя чувствомъ народнымъ и приспособленныя къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Могучіе герцоги и властные феодалы находили въ поэзіи бардовъ исторію своихъ предковъ. Поэтому-то въ Англіи дольше нежели у другихъ народовъ вырабатывалась поэзія народная, а Шотландія сохранила ее до послѣднихъ временъ. При такомъ состояніи и настроеніи народа Великобританіи, поэты тогдашніе, соображаясь съ мнѣніемъ и потребностью общества, повторяли и вырабатывали народныя пѣсни. Такимъ способомъ создалась школа Чоусера и тѣмъ же духомъ вѣетъ также отъ произведеній драматическихъ, по-

вліявшихъ впослѣдствіи на характеръ народный. Великій Шекспиръ, справедливо прозванный дитятей чувства и воображенія, воспитанный единственн о на народныхъ образцахъ, оставилъ въ своихъ произведеніяхъ яркій слѣдъ индивидуальнаго генія и настроенія вѣка: глубокій знатокъ сердца человѣческаго, онъ рисовалъ въ смѣлыхъ, правдивыхъ чертахъ натуру человѣка въ новосозданномъ родѣ поэзіи драматической, главнымъ свойствомъ котораго является борьба страсти съ разсудкомъ, одно изъ представленій міра романтическаго. Менѣе счастливымъ былъ Шекспиръ въ обработкѣ сюжетовъ изъ римской и греческой исторіи, потому-что при мало распространенномъ тогда знаніи языковъ и литературы, невозможно было въ совершенствѣ передать характеръ и духъ двухъ древнихъ народовъ. Шекспиръ, зная человѣка, не зналъ ни грека, ни римлянина, ни англичанина. Между тѣмъ въ Англіи являлся общественный лоскъ. Во дворъ Сенъ-Джемскій былъ перенесенъ Версальскій этикетъ, а за нимъ и французскій вкусъ. Итакъ, школа Чоусера и Шекспира должна была отступить передъ разсуждающимъ Поппе, приглаженнымъ Адиссономъ и остроумнымъ Свифтомъ. Послѣдователи этихъ знаменитыхъ писателей, все худшіе, вызвали паденіе англійской поэзіи, отъ котораго она едва оправилась въ нынѣшнемъ столѣтіи съ появленіемъ двухъ геніевъ: Вальтеръ-Скотта и Байрона. Первый посвятилъ своей талантъ исторіи народной, печатая народныя повѣсти міра романтическаго, классически выработанныя, повторилъ поэмы народныя и сдѣлался для англичанъ

Аріостомъ. Байронъ, оживляя образы чувствомъ, создалъ новый родъ поэзіи, гдѣ страстный духъ пробивается въ чувственныхъ чертахъ воображенія. Байронъ въ повѣствовательномъ и описательномъ родѣ есть то же, что Шекспиръ въ родѣ драматическомъ.

Повидимому тѣ разнообразныя свойства поэзіи, которыя мы прослѣдили, всѣ развились въ школѣ нѣмецкой, какъ позднѣйшей. Съ половины прошедшаго столѣтія великіе геніи начали одновременно блистать въ Германіи. Передъ ними открылось обширное поле; невыразимо быстрый успѣхъ наукъ и всей культуры въ нѣмецкихъ странахъ, особенно сѣверныхъ, сильно облегчилъ имъ трудъ. Благодаря распространенію основательнаго знакомства съ языками, какъ древними такъ и новѣйшими, можно было пользоваться одинаково образцами греческими, итальянскими, французскими и англійскими. Итакъ, неудивительно, что нѣмецкіе поэты заимствуютъ сюжеты то изъ міра классическаго, то изъ міра романтическаго, часто бравши отъ однихъ духъ и сущность, отъ другихъ формы и выраженіе и, умѣряя все это, согласно своему личному настроенію, явились разнообразными и не похожими другъ на друга въ своихъ произведеніяхъ. Однако нѣмецкая школа имѣетъ извѣстный, опредѣленный характеръ, болѣе или менѣе яркій у различныхъ поэтовъ. Нѣмцы, особенно со временъ реформаціи, будучи склонны къ увлеченіямъ и сентиментальности, размышляя надъ улучшеніемъ нравственнаго быта людей и обществъ, философствуя благодаря большей умственной глубинѣ, на-

учились придавать чувствамъ и представленіямъ все болѣе и болѣе отвлеченную общую форму. Кромѣ того, духъ, оживляющій нѣмцевъ, космополитическій, не столько сосредоточенный на странѣ или народѣ, но скорѣе занимающійся всѣмъ человѣчествомъ; въ обрисовкѣ же нѣжнѣйшихъ чувствъ сердца, сентиментальность рыцарская возвысилась почти до чистоты идеальной. Итакъ, поэтическій міръ нѣмцевъ можно назвать идеальнымъ умственнымъ міромъ, разнящимся отъ міра миѳологическаго; характеръ его всего ярче отражается въ произведеніяхъ великаго Шиллера.

Изъ этой исторіи поэзіи, хотя мы прослѣдили ее очень кратко, и въ общихъ чертахъ можно видѣть, что родъ романтическій вовсе не является новымъ вымысломъ, которымъ нѣкоторые желаютъ его признавать, но произошелъ равно какъ и другіе роды изъ особеннаго настроенія народовъ, что произведеній собственно романтическихъ во всемъ значеніи этого выраженія слѣдуетъ искать у средневѣковыхъ поэтовъ, а всѣ позднѣйшія произведенія, названныя романтическими по сущности или складу, формѣ или стилю, принадлежатъ часто къ другимъ и весьма различнымъ родамъ поэзіи. Если, не обращая вниманія на такое разнообразіе, мы установимъ общее подраздѣленіе, то оно окажется абсолютнымъ и непригоднымъ. Нѣкоторые писатели во всей литературѣ поэтической видятъ только классицизмъ и романтизмъ и признаютъ произведенія всѣхъ поэтовъ отъ Орфея до Байрона классическими или романтическими, распредѣляя ихъ одесную и ошую. Тогда съ одной стороны «Иліада» ста-

нетъ рядомъ съ «Генріадой», гимны въ честь героевъ олимпійскихъ рядомъ съ одами французовъ къ потомству, къ времени и т. п.; а съ другой—книга героевъ и «Нибелунги» столкнутся съ «Божественной комедіей» Данта и пѣснями Шиллера. Наконецъ, трудно угадать куда было бы отнесено на этомъ страшномъ судѣ множество такихъ произведеній, какъ напр. «Мессіада», сонеты Петрарка, «Освобожденный Іерусалимъ», «Германъ и Доротея» Гете и вся французская поэзія. Такую-то пользу приносятъ для поэтики подраздѣленія общія и неопредѣленныя, однако можно ввести путаницу и въ частностяхъ, если, классифицируя поэтовъ, критикъ, какъ Несторъ Гомера, раздѣлитъ толпы на народы *), всѣхъ писателей одного племени, напр., нѣмцевъ, обзоветъ романтиками, Лессинга какъ и Шиллера, Виланда и Гете, Хагедорна и Бюргера—Tros Italusve fuat, или же одному писателю велитъ быть непремѣнно романтикомъ, напр. Гете, хота его «Ифигенія въ Тавридѣ», по суду знатоковъ, изо всѣхъ новѣйшихъ произведеній болѣе всѣхъ приближается къ классическому роду грековъ, хотя его «Тассо» соединяетъ романтическій духъ съ классическимъ стилемъ, хотя тотъ же Гете почти во всѣхъ своихъ произведеніяхъ является всякій разъ новымъ и безконечно разнообразнымъ. Вся непригодность подраздѣленій и внезапныхъ выводовъ происходитъ оттого, что пишущіе о поэзіи, подхвативши у нѣмецкихъ теоретиковъ выраженія классицизмъ и романтизмъ, подшиваютъ подъ нихъ свои собствен-

*) «Дѣли толпы на народы» (Иліада).

ныя представленія; итакъ, высказываемыя ими мнѣнія не будутъ понятными до тѣхъ поръ, пока упомянутые писатели не начнутъ употреблять выраженій техническихъ въ общепринятомъ смыслѣ или же не выяснятъ того смысла, который они имъ придаютъ. Вѣдь если мы возьмемъ классицизмъ и романтизмъ въ значеніи Шлегеля, Бутервека, Эбергарда, которые первые ввели эти выраженія въ теорію и опредѣлили ихъ, если характеромъ романтической поэзіи мы признаемъ пробивающіяся въ ней черты духа времени, образа мышленія и чувства народовъ въ средніе вѣка, въ такомъ случаѣ возстать противъ романтизма значитъ возстать не противъ поэтовъ, а объявить войну ученую народамъ рыцарскимъ, обычаи которыхъ воспѣвали поэты. Кромѣ того, въ теперешнемъ состояніи Европы сохранилось много мнѣній, отражается много чувствъ временъ рыцарскихъ, потому и во многихъ новѣйшихъ произведеніяхъ можно встрѣтить болѣе или менѣе чертъ романтизма. Желая вполнѣ уничтожить въ поэзіи эти черты, нужно сначала измѣнить характеръ народовъ, что не во власти теоретиковъ, или же доказать, что сюжеты изъ представленій и чувствъ міра романтическаго нельзя удачно обработывать поэтическимъ способомъ, что опровергается примѣрами столькихъ романтическихъ художниковъ *). Если же мы отбросимъ опре-

*) Не только въ поэзіи, но и въ другихъ искусствахъ, критика отличаетъ родъ романтическій. Напр., въ живописи итальянской школы Мадонна и изображенія ангеловъ взяты изъ міра романтическаго и возвышены до идеала.

дѣленія нѣмецкихъ теоретиковъ и свяжемъ съ романтизмомъ другое представленіе; если, напр., мы будемъ основывать сущность его на низверженіи правилъ и введеніи чертей, тогда упреки противниковъ такого романтизма будутъ справедливы и неопровержимы.

Для избѣжанія подобныхъ двусмысленныхъ мнѣній, было бы лучше при похвалахъ или порицаніи какого-нибудь рода поименовать писателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ произведенія, а также ихъ достоинства и недостатки. Вѣдь критической оцѣнкѣ недостаточно опираться на одной критикѣ правилъ. Критикъ, желающій по отрывку изъ поэтики Аристотеля произносить судъ надъ Гомеромъ, Аріостомъ, Клопштокомъ, Шекспиромъ будетъ похожъ на судью, который бы на основаніи законовъ Солона или XII таблицъ, рѣшалъ дѣло грека, итальянца, нѣмца и англичанина. Мы вовсе не хотимъ сказать, что критика изящныхъ искусствъ не имѣетъ извѣстныхъ и прочныхъ основъ: но точно такъ же какъ въ мірѣ нравственномъ есть законы, прирожденные совѣсти каждаго честнаго человѣка во всякое время и въ каждомъ народѣ, другіе законы, изданные законодателями, соотвѣтственно обстоятельствамъ, могутъ измѣняться съ духомъ времени и обычаями, такъ и въ мірѣ воображенія есть существенныя и прирожденныя искусству правила, которыя поэтическій инстинктъ умѣетъ и долженъ сохранить въ образцовыхъ произведеніяхъ какого бы ни было рода, тогда какъ дальнѣйшія критическія предписанія, извлеченныя изъ размышленій надъ произведеніями или долженствующія

еще быть извлеченными, должны измѣняться и умѣряться съ измѣненіемъ умственнаго настроенія, а слѣдовательно и съ измѣненіемъ характера произведеній искусства. Если эстетическая критика имѣетъ все это въ виду, постоянно разсматривая произведенія въ связи съ временемъ и людьми, то она избѣгнетъ пристрастнаго упорства въ выискиваніи и указаніи недостатковъ одного рода искусства; для критиковъ же, разсматривающихъ искусство не только эстетически, но также исторически, философски и нравственно, всѣ роды будутъ равно достойны вниманія, всѣ суть произведенія людей и изо всѣхъ мы вычитываемъ черты разнообразно развившагося ума людскаго, а всего ярче изъ тѣхъ, которые единственно имѣютъ своей цѣлью человѣка, рисуютъ его обычаи и чувства. Итакъ, важнымъ и крайне занимательнымъ во всѣхъ отношеніяхъ окажется какъ весь родъ романтическій, такъ и его отрасль: поэзія простонародная. Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о ней, потому что болѣе обширныя свѣдѣнія о поэзіи простонародной, а именно о поэзіи народной, мы оставляемъ до другаго раза.

Мы уже упоминали выше, что въ вѣкахъ среднихъ между народомъ вращались повѣсти и пѣсни. Характеръ ихъ долженъ былъ быть болѣе или менѣе однообразнымъ, свойственнымъ цѣлому роду, сюжеты взяты изъ исторіи рыцарской, украшены вымыслами чувства къ прекрасному полу, высказанныя въ чувствительныхъ выраженіяхъ или веселыхъ шуткахъ, рѣчь естественная и простая, приспособленная къ пѣнію строфами. Подъ этимъ общимъ понятіемъ заключалось множество отдѣль-

ныхъ отраслей различнаго названія: пѣсенки, саги, lais vire lais, sirvantes и т. п.; многочисленнѣе и распространеннѣе всѣхъ были баллады и романсы. Вѣроятно прежде всего у итальянцевъ явилось названіе баллады (canzone o ballo), даваемое всѣмъ безъ различія пѣсенкамъ обыденно-веселымъ, что означаетъ само выраженіе ballare (танцовать). У испанцевъ, гдѣ поэзія простонародная сильно процвѣтала, знали ее только подъ названіемъ романсовъ (romances). Правда, французы отличали баллады отъ другихъ родовъ, но не столько по сущности и характеру, сколько по строенію строфъ и стиха. Поэтому-то многія изъ пѣсенокъ Маро, которыя слѣдовало бы причислить къ мадригаламъ и романсамъ, назвали балладами; поэтому Буало говоритъ, что часто остроумный отрывокъ или же особенный ритмъ составляютъ всю прелесть этого рода поэзіи. Совершенно другой характеръ, ясный и опредѣленный имѣетъ баллада британская: это повѣсть, взятая изъ приключеній обыденной жизни или же изъ рыцарскихъ лѣтописей, обыкновенно оживленная чудесами изъ романтическаго міра, воспѣваемая меланхолическимъ тономъ, величественная по стилю, въ выраженіяхъ — простая и естественная. Съ горъ шотландскихъ и ирландскихъ барды и менестрели перенесли этотъ родъ на равнины Англіи, а поэты народные любили собирать баллады простолюдиновъ, исправлять ихъ или создавать подобныя же баллады по ихъ образцу. Литература англійская насчитываетъ болѣе двухъ сотъ собраній такого рода. Однако, современемъ, когда духъ лондонской поэзіи началъ измѣняться

и развиваться другимъ способомъ, появились баллады совершенно не похожія на простонародныя, веселыя и остроумныя (Коулея, Прайора) и часто пародирующія старинныя (Свифта). Однако этотъ вкусъ царилъ не долго; сначала Роу, впослѣдствіи Гей, Давидъ Меллетъ, въ особенности же Перси и Вальтеръ Скоттъ возвратили блескъ прежнему роду величественныхъ балладъ шотландскихъ. Такова же исторія баллады нѣмцевъ, гдѣ этотъ родъ поэзіи, насчитывающій много поэтовъ, не былъ, однако же, такъ распространеннымъ какъ въ Англіи и подвергался различнымъ перемѣнамъ характера и стиля. Только во второй половинѣ прошедшаго столѣтія (1773 г.) Бюргеръ своей славной «Леонорой» и многими другими образцами вызвалъ многихъ подражателей. Съ той поры нѣмецкая литература послѣ англійской наиболѣе богата балладами. Въ этомъ родѣ блестятъ отнынѣ славныя имена Штольберговъ, Козегартена, Гельте, Гете и Шиллера. Послѣдній, однако же, по мнѣнію Бутервека, нѣсколько удалился особенно въ стилѣ отъ естественностей и простоты, свойственной балладамъ шотландскимъ.

Подходящіе къ балладамъ романсы (romance, romansa), особенно распространенные во Франціи и въ Испаніи, однако же отличаются отъ баллады тѣмъ, что они посвящены чувствительности, поэтому на нихъ менѣе вліяютъ чудесные вымыслы, и форма ихъ обыкновенно драматическая, стиль же долженъ отличаться наибольшей наивностью и простотой.

О критикахъ и рецензентахъ Варшавскихъ. *)

Крикнули: Не позволяю! Удрали въ Прагу.
Возвращеніе посла.

Стихотворенія, заключающіяся въ нынѣшнемъ изданіи, почти всѣ уже ранѣе знакомые публикѣ, при первомъ ихъ обнародованіи обратили вниманіе рецензентовъ и стали предметомъ многочисленныхъ порицаній и похвалъ. Я читалъ съ одинаковымъ чувствомъ и тѣ и другія и молчалъ. Причины моего молчанія легко отгадаетъ каждый, кто знаетъ теперешнее состояніе критики въ Польшѣ и имѣетъ понятіе о людяхъ, вылѣзающихъ въ должность критиковъ. Однакоже, повторяя изданіе произведеній, столько разъ и столькими перьями разобранныхъ, и выпуская эти произведенія въ свѣтъ почти безъ всякихъ перемѣнъ, въ состояніи ихъ родимой несостоятельности, я боюсь чтобы мои читатели не подумали,

---

*) Настоящая статья была предисловіемъ къ петербургскому изданію стихотвореній 1829 года.

что я изъ зачерствѣлости сердца, свойственной критикованнымъ авторамъ, болѣзни, упрямо рѣшился не пользоваться замѣчаніями, что еще ужаснѣе, замѣчаніями, напечатанными въ газетахъ, да еще вдобавокъ въ Варшавѣ. Если я и согрѣшилъ, то не хочу оправдываться передъ рецензентами невѣдѣньемъ, да и къ тому же я обязанъ изъ вѣжливости объяснить имъ причины моего упрямаго коснѣнія въ заблужденіяхъ, потому что рецензенты, каково бы не было ихъ мнѣніе, почти всегда принадлежатъ къ классу людей, читающихъ книжки по крайней мѣрѣ польскія, а этотъ классъ немногочисленный въ нашей странѣ имѣетъ неоспоримое право на особую авторскую вѣжливость.

Первый, на сколько мнѣ извѣстно, разборъ моихъ стихотвореній былъ шесть лѣтъ тому назадъ помѣщенъ въ «Астреи», періодическомъ изданіи варшавскомъ. Редакторъ Францискъ Гжимала выразилъ лестное для поэта мнѣніе: признаетъ за нимъ талантъ, не скупится на отмѣнныя предостереженія о необходимости трудиться, остерегаться самолюбія, о послушаніи по отношенію къ критикѣ и т. п. Что же касается до достоинства и недостатковъ произведенія по отношенію къ искусству, Францискъ Гжимала, по призванію публицистъ и статистикъ, не отваживается вступить въ литературныя разсужденія и, не зная самъ, должны ли мои стихотворенія нравиться ему или нѣтъ, допрашиваетъ объ этомъ ученыхъ варшавскихъ, ожидая отъ нихъ серьезной должностной рецензіи. Впослѣдствіи появились краткія объясненія или замѣтки въ другихъ изданіяхъ, пока наконецъ не

явился ожидаемый Франциском Гжималой критикъ въ лицѣ Франциска Салезія Дмоховскаго.

Редакторъ «Библіотеки Польской» одинаково признаетъ за авторомъ талантъ и съ одинаковой щедростью надѣляетъ его общими совѣтами нравственно-литературными. Къ несчастью, художнику трудно воспользоваться общими замѣчаніями. Напр., живописцу, выставляющему свою картину на судъ критики, немного услужатъ гости, хотя они постоянно будутъ повторять, съ видомъ знатоковъ, что слѣдуетъ работать, учиться рисунку, усовершенствовать колоритъ и т. п. Однакоже были и частные упреки: меня обвиняли преимущественно въ порчѣ польскаго стиля введеніемъ провинціонализмовъ и выраженій иностранныхъ. Признаюсь, что не только не остерегаюсь провинціонализмовъ, но, можетъ быть, умышленно ихъ употребляю. Я просилъ бы обратить вниманіе на различные роды поэзіи въ моихъ произведеніяхъ и судить о каждомъ изъ нихъ согласно различнымъ правиламъ.

Въ балладахъ, пѣсняхъ и вообще во всѣхъ стихотвореніяхъ, основанныхъ на народномъ преданіи и носящихъ своеобразный мѣстный характеръ, великіе поэты древніе и новѣйшіе употребляли и употребляютъ провинціонализмы, т. е. слова и выраженія, отличающіяся отъ общепринятаго книжнаго стиля. Минуя прежнія греческія нарѣчія, достаточно бросить взглядъ на произведенія Бернса, Гердера, Гете, Скотта, Карпинскаго, Богдана Залѣскаго. Нашъ Трембецкій, будучи смѣлѣе ихъ, въ родѣ дидактическомъ описатель-

номъ, наиболѣе удаленномъ отъ поэзіи народной, употребилъ выраженія пукъ (chwost) соха (socha) и т. п. вѣроятно не по незнанію языка. Тутъ все зависитъ отъ удачнаго употребленія. Я не оспариваю, что я могъ чрезмѣрно, неумѣстно или несоотвѣтственно вводить провинціонализмы — въ этомъ каждый можетъ обвинять меня, и я не имѣю права оправдываться. Основательное и глубокое знаніе языка и вкусъ изощрившихся знатоковъ произносятъ приговоры надъ грамматическими нововведеніями; эти приговоры публика со временемъ подтверждаетъ или же отбрасываетъ. Судъ въ подобномъ дѣлѣ гораздо труднѣе, нежели это кажется рецензентамъ. Тутъ, для того, чтобы высказать свое мнѣніе, нужно литературное значеніе. Панъ Ордынецъ, теоретикъ, имѣющій за собой словарь и грамматику, подчеркиваетъ провинціонализмы или неизящныя выраженія Трембецкаго, мы, прихожане, въ спорахъ, которые разрѣшаетъ только вкусъ, болѣе склоняемся на сторону автора Софіовки. Единогласный приговоръ рецензентовъ противъ провинціонализмовъ есть слѣдствіе метода, заимствованнаго отъ старыхъ французскихъ газетныхъ писакъ. Они-то, считая себя за стражей языка, на каждомъ шагу ссылаются на академическій словарь. Дѣйствительно, рецензентамъ и извѣстнымъ читателямъ пріятно думать, что добывши словарь, они имѣютъ въ карманѣ трибуналъ, готовый разрѣшать самые щекотливые споры, касающіеся поэтическаго изложенія.

Если о моихъ прежнихъ стихотвореніяхъ были высказаны только общіе отзывы, зато сонеты

были обсуждены до малѣйшихъ подробностей до отдѣльныхъ словъ и выраженій, и даже формъ и окончаній, грамматически, риторически и эстетически. Я прочелъ болѣе двадцати рецензій, не считая сатиръ и пародій. Вотъ содержаніе этихъ общихъ отзывовъ. Поэзія польская (говоритъ г-нъ М. М.) до-нынѣ ограничивалась переводами и подражаніями французской; Мицкевичъ первый придалъ ей отпечатокъ народности, онъ сдѣлался творцомъ поэзіи оригинальной. — Поэзія польская, отвѣчаетъ г-нъ Франц.-Салезій Дмоховскій, донынѣ была народной, постоянно шествовала къ совершенству, а величайшимъ ея созданіемъ, основой и квинтэссенціей народности должна была быть поэзія о крестьянствѣ, уже десятки лѣтъ ожидаемая въ Варшавѣ. Мицкевичъ первый срываетъ и уничтожаетъ этотъ отпечатокъ народности, потрясаетъ основы вкуса, искажаетъ стиль и угрожаетъ литературѣ польской вторичнымъ паденіемъ. — Мы радуемся, воскликнулъ Львовскій, издатель моихъ сонетовъ, что Мицкевичъ пренебрегъ балладами, которыя самъ народъ лучше всего слагаетъ, а ввелъ въ нашу литературу родъ совершенно новый. Сонеты даютъ ему неоспоримое право на безсмертіе. — Мы сожалѣемъ, восклицаетъ другой рецензентъ, что Мицкевичъ, донынѣ разработавшій народную поэзію — баллады и повѣсти — пренебрегъ ею и избралъ сонеты, родъ совершенно чуждый нашей литературѣ. Форма сонета, по мнѣнію десятаго рецензента, свободна, благородна и прекрасна. Одиннадцатому она кажется рабской, трудной и неблагодарной: пятнадцатый пренебре-

гаетъ сонетами какъ выдумкой варварскихъ среднихъ вѣковъ; двадцатый доказываетъ, что даже Горацій писалъ нѣчто въ родѣ сонетовъ.

Въ частныхъ замѣчаніяхъ то же разнообразіе мнѣній. Обороты и выраженія, удивляющія однихъ возвышенностью и гармоніей рѣчи, оскорбляютъ другихъ обыденностью мнѣній и дерущимъ слухъ стихомъ. Тотъ же самый сонетъ однихъ трогаетъ, для другихъ становится предметомъ веселой пародіи; одни его не понимаютъ, другіе объясняютъ длиннымъ комментаріемъ, третьи понимаютъ автора, но жалуются на неясность комментатора.

При такомъ разнообразіи мнѣній, насъ остановилъ особенно одинъ укоръ; его повторило единогласно много рецензентовъ, а болѣе всего надъ нимъ распространяется г-нъ Францискъ Салезій Дмоховскій. Этотъ упрекъ относится къ употребленію выраженій чужеземныхъ, восточныхъ. Редакторъ «Библіотеки польской» начинаетъ по обыкновенію своему съ замѣчаній общихъ, справедливыхъ, но уже немного извѣстныхъ до обнародованія его рецензіи; наприм., что поэзіи восточной подражать трудно, очень трудно. Тотъ, кто не знаетъ тактики рецензентовъ, любящихъ о незнакомыхъ имъ предметахъ разсуждать общими мѣстами, которыя употребляются въ литературѣ вмѣсто знака *x*, можетъ подумать, что г-нъ Дмоховскій великій оріенталистъ. Однако, мы недолго остаемся въ заблужденіи, мы тотчасъ видимъ, что тотъ же г-нъ Дмоховскій не только не знаетъ настоящихъ названій горъ и рѣкъ, что доказываетъ

плохое знакомство съ географіей сосѣднихъ странъ, но и не понимаетъ выраженій: Аллахъ, драгоманъ, минаретъ, намазъ, изанъ. Намъ кажется, что даже въ Варшавѣ, гдѣ насчитывается мало лицъ, изучившихъ восточную литературу, такое невѣжество рецензентовъ должно удивлять публику. Приведенныя выраженія, арабскія или персидскія, столько разъ употреблены и объяснены въ произведеніяхъ Гете, Байрона, Мура, что европейскому читателю стыдно не знать ихъ, тѣмъ болѣе издателю періодическаго изданія. Въ поэтическомъ описаніи нашихъ городовъ кто же не вспоминалъ о храмахъ и башняхъ; Какъ же въ описаніи восточнаго города обойти минареты? Какъ перевести ихъ на польскій языкъ, или, выражаясь словами рецензентовъ, на языкъ Сарбевскихъ, Кохановскихъ, Снядецкихъ, Твардовскихъ? *).

Правда, Францискъ Салезій Дмоховскій далъ удивительный примѣръ ополяченья чужеземныхъ представленій и выраженій, когда въ стихахъ своихъ, говоря о Пелеѣ, отцѣ Ахилла, онъ называетъ его владѣльцемъ небольшаго уѣзда въ Өессаліи и такимъ образомъ дѣлаетъ одного изъ могущественнѣйшихъ королей героической Греціи нашимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Но я такого нововведенія, свойственнаго величественнымъ классикамъ, какъ начинающій романтическій писатель, употребить не смѣлъ.

---

*) Сарбевскій и не писалъ по-польски, Снядецкіе не писали стихотвореній, а въ произведеніяхъ Твардовскаго болѣе иностранныхъ выраженій, нежели во всѣхъ сонетахъ.

Провинціонализмы и чужеземщина, а сверхъ того и неправильность стиха, главнымъ образомъ поразили рецензентовъ. Отсюда повсемѣстная тревога, чтобы мы снова не погрузились въ варварство вѣка іезуитской литературы. Мы позволяемъ, восклицають наконецъ рецензенты, подражать писателямъ англійскимъ и нѣмецкимъ по отношенію къ свободѣ формы, но пусть же писатели наши подражаютъ ихъ стилю чистому и правильному. Байрона, Гете, Скотта, никто не обвинялъ въ искаженіи языка, отзывается согласно со всѣмъ хоромъ Салезій Дмоховскій. Если бы критики потрудились заглянуть когда-нибудь въ прежнія нѣмецкія и новѣйшія англійскія рецензіи, они убѣдились бы, что всѣ произведенныя ими поэмы подвергались тѣмъ же самымъ упрекамъ. Упомянутыя рецензіи уже переведены и на французскій: посмотримъ, что говоритъ «Mercure du XIX siècle»: Les poètes anglais les plus renommés parmi nous, Walter Scott, Southey, More ne daignent pas corriger leurs vers; ils bravent non seulement les règles de la mesure, mais encore celles de la grammaire; ils font de la langue anglaise une véritable polyglotte, où sont admis les mots de tous les idiomes parlés. Byron jette au hasard ses inspirations stenographiées sur le papier, sans daigner ensuite y rattacher son attention, mettant les negligences au rang des licences; système qui est sans doute celui du vrai poète; car c'est avec ce dédain que chez nous, M. de Lamartine a modulé ses méditations, que ses amis et M. Tastu son libraire sont obligés de revoir (Journal de Saint-Pétersbourg, 1828). («Меркурій XIX столѣтія»: англійскіе поэты наи-

болѣе знаменитые у насъ: Вальтеръ Скоттъ, Соути, Муръ, не удостоиваютъ исправлять своихъ стиховъ; они пренебрегаютъ не только правилами стихосложенія, но и правилами грамматики; они дѣлаютъ изъ англійскаго языка настоящую смѣсь всѣхъ языковъ, гдѣ допущены всѣ существующія нарѣчія. Байронъ небрежно набрасываетъ на бумаґу свои стенографированныя вдохновенія, не удостоивая обратить на нихъ вниманія, признавая небрежность поэтическою вольностью, — система, которой вѣроятно придерживаются всѣ истинные поэты, потому-что съ такой же небрежностью у насъ написалъ г. де-Ламартинъ свои «Размышленія», которыя приходится пересматривать его друзьямъ и его издателю, г. Тастю. (Journal de St.-Pétersbourg, 1828).

Подобныя придирки не должны никого удивлять. Риторы, школяры, со временъ Данта до Ламартина, всегда отличались однообразіемъ характера и мнѣній; читая поэтовъ, они всегда съ добродушнымъ вздохомъ жаловались на то, что поэты, имѣющіе талантъ, не обладаютъ ихъ ученостью. Крики риторовъ-алярмистовъ усиливаются періодически въ эпохи великихъ литературныхъ перемѣнъ. Въ Германіи, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, литература была чуть ли не такъ же убога, какъ у насъ. Готшедъ, славный въ то время лейпцигскій грамматикъ, гладкій риѳмоплетъ, безъ таланта, близорукій и узкоумный риторъ, признавалъ подражательную школу силезійскихъ поэтовъ классической; вирши же самого Готшеда были высшимъ созданіемъ классицизма и нѣмецкой народности. По духу его школы, Лессингъ, Клоп-

штокъ, Гете принадлежали къ неумѣлымъ и дерзкимъ новаторамъ. Эта борьба мнѣній спасла отъ забвенія имя Готшеда, о произведеніяхъ котораго уже не слышно. Ареной подобныхъ споровъ была гораздо раньше Испанія, когда итальянская школа ввела въ эту страну новую поэзію. Такіе же споры окончились передъ нашими глазами въ Англіи, и до сихъ поръ ведутся во Франціи. Итакъ, предвѣщанія о близкомъ паденіи литературы и вкуса въ Польшѣ, повидимому, являются неосновательными: по крайней мѣрѣ опасность грозитъ не со стороны романтической. Исторія всеобщей литературы убѣждаетъ насъ, что упадокъ вкуса и недостатокъ талантовъ вездѣ происходилъ отъ одной причины, т. е. оттого, что литература замыкалась въ извѣстномъ количествѣ правилъ мысли и мнѣній, по истощенію которыхъ и недостатку новой пищи являются голодъ и смерть. Такъ пала византійская литература, богатѣйшая наслѣдница памятниковъ Греціи, потому-что одинаково оградившись отъ франковъ и арабовъ, не хотѣла усвоить новыхъ формъ съ прогрессомъ вѣка. Такому же истощенію подверглась въ прошедшемъ столѣтіи литература французская. У насъ, во времена іезуитовъ, дурной вкусъ распространяли именно люди, лучше другихъ знакомые съ правилами риторики, а именно профессора риторики и проповѣдники. Всеобщее невѣжество происходило не отъ введенія чужеземныхъ наукъ, а отъ тщательнаго обереганія отъ нихъ. Когда Конарскій доказывалъ необходимость французскаго языка, ученики и приверженцы іезуитовъ вознегодовали на это нововведеніе точно

такъ же, какъ нынѣ ученики и приверженцы школы варшавской на литературы нѣмецкую и англійскую.

Читатель видитъ, что изъ многочисленныхъ недостатковъ, указанныхъ мнѣ, я хотѣлъ оправдаться только въ двухъ, т. е. въ употребленіи провинціонализмовъ и выраженій иностранныхъ. Мнѣнія рецензентовъ о красотѣ или нелѣпости моихъ мыслей, плохомъ или удачномъ выборѣ формъ, о гармоніи или жесткости стиха, я предоставляю безъ отвѣта суду публики. Далекій отъ арены литературныхъ споровъ, не принадлежащій ни къ одному кружку, я читаю рецензіи нѣсколько лѣтъ спустя послѣ ихъ напечатанія и привелъ ихъ только съ той цѣлью, чтобы показать читателямъ, что не такъ легко, какъ кажется, исправлять произведенія по указаніямъ газетныхъ писакъ. Правда, нѣкоторые рецензенты хотѣли избавить автора отъ работы и взялись сами исправлять слова, выраженія и даже и цѣлые куплеты. Такое великодушіе рецензентовъ, нынѣ безпримѣрное въ европейской періодической прессѣ, принадлежитъ къ добродѣтелямъ древнихъ, наслѣдственнымъ въ газетной варшавской прессѣ. Къ несчастію, я расхожусь съ рецензентами во мнѣніяхъ относительно поправокъ. Привожу нѣкоторыя изъ нихъ, предоставляя свободный выборъ читателю. Г-нъ С. въ сонетѣ «Утро и Вечеръ» вмѣсто: «блеснула въ окнѣ, я преклонилъ колѣни» совѣтуетъ писать «стоялъ какъ вкопанный». Г-нъ Францискъ Салезій Дмоховскій вмѣсто «холодныхъ окраинъ», желалъ бы видѣть «береговыя равнины», или же «песчаныя равнины». Жаль,

что въ описанной мною землѣ не было песчаныхъ равнинъ. П. и К. вмѣсто: «а когда сердце спокойно, въ него вонзаются когти», исправляютъ: «и когда чувства спокойны, въ сердце вонзаются когти». Эту послѣднюю поправку я долженъ былъ бы принять; необходимость ея рецензентъ достаточно оправдываетъ сначала тѣмъ, что гидра воспоминаній или дѣятельность души, вслѣдствіе пробудившихся въ ней непріятныхъ воспоминаній, затѣмъ дѣятельность ея по отношенію собственно къ чувству, является непріятной въ организаціи нашей нравственной жизни; это вещь неоспоримая... Избави Боже, чтобы авторъ сонетовъ противорѣчилъ такой ясной истинѣ, доказанной въ четырехъ одинаково ясныхъ категоріяхъ и въ длинномъ разсужденіи о гидрѣ воспоминаній; все это любопытный читатель найдетъ въ газетѣ польской за 1827 г.

Кончая настоящее предисловіе, когда я бросилъ еще разъ взглядъ на вышеприведенные разборы и замѣтки — рѣшительный тонъ варшавскихъ рецензентовъ, глубокое ихъ убѣжденіе въ собственной учености и въ значеніи всего того. что они высказываютъ значеніе, которое до нынѣ имѣютъ во мнѣніи нѣкоторыхъ читателей слова: его похвалили въ газетѣ, его разругали въ газетѣ, — безъ отношенія къ тому, кто хвалилъ или ругалъ, — все это показало мнѣ всю разницу между нашимъ унизительнымъ положеніемъ провинціальныхъ писателей и величественной іерархіей варшавскихъ рецензентовъ. Къ счастію я припомнилъ, что я имѣю нѣкоторое право на привеллегіи служащихъ въ этомъ капитулѣ. За десять лѣтъ съ небольшимъ тому на-

задъ, когда я былъ студентомъ, я тоже напечаталъ въ «Варшавскомъ Памятникѣ», дышащую классицизмомъ, рецензію, приводилъ въ изобиліи письмо къ Пизонамъ и курсъ Лагарпа, что въ этомъ капитулѣ до сихъ поръ считается необыкновенной эрудиціей и достаточной классификаціей для должности критика. Итакъ, я рѣшился, забывъ на минуту, что я сдѣлался только поэтомъ, принять мой прежній характеръ рецензента и моимъ сотоварищамъ, по крайней мѣрѣ, за общія мнѣнія и нравственныя предостереженія, отплатить такой же монетой, т. е. общими замѣчаніями и духовной пищей.

Поэтъ, безъ обширной, всесторонней учености, если и не создаетъ образцовыхъ произведеній первой величины, составляющихъ эпоху въ литературѣ, можетъ все-таки проявить удачно свои силы въ отдѣльныхъ, мелкихъ родахъ; если и не пріобрѣтетъ европейской славы, то можетъ найти въ своемъ отечествѣ, въ своей провинціи читателей и поклонниковъ. Дѣло другое теоретики: тѣ должны быть учеными по призванію, чѣмъ больше произведеній искусства создается и чѣмъ обширнѣе горизонтъ, открывающійся въ теоріи, съ тѣмъ большимъ стараніемъ они должны усовершенствовать свой критическій талантъ и постоянно идти наравнѣ съ вѣкомъ. Чѣмъ запутаннѣе общественныя отношенія, тѣмъ больше законовъ и обычаевъ, тѣмъ ученѣе должны быть юристы по профессіи и судьи. По странному противорѣчію мы имѣли въ нашей литературѣ ученыхъ поэтовъ и ораторовъ; но наши теоретики, начиная съ грамматиковъ вплоть до эстетиковъ, питались только сборниками

правилъ, вынесенныхъ изъ школы, въ остальномъ же были невѣжественны и преисполнены предразсудковъ, соединенныхъ съ невѣдѣніемъ. Исторія литературы нашей имѣетъ тутъ нѣкоторое сходство съ политической. У насъ были хорошіе солдаты, честные граждане, но, особенно въ послѣднія времена, въ законодатели и въ предводители войскъ вылѣзали люди безъ всякихъ познаній и опытности; въ такомъ же жалкомъ состояніи было правовѣдѣніе и литературная администрація. Уже Мрозинскій основательно оцѣнилъ прославленныхъ въ Варшавѣ грамматиковъ; риторы ожидаютъ еще этой печальной похоронной услуги. Сравнимъ ихъ по крайней мѣрѣ въ нѣсколькихъ словахъ съ авторами. Тренбецкій для поэта былъ ученымъ, зналъ филологически древнюю литературу, изучилъ французскую, прочиталъ отечественную Сигизмундовскаго періода и сумѣлъ ее оцѣнить. Произведенія Красицкаго показываютъ разностороннее воспитаніе на образцахъ латинскихъ, итальянскихъ и французскихъ. Нѣмцевичъ въ первыхъ же своихъ трудахъ не ограничивался подражаньемъ: создалъ самъ новыя формы исторической драмы, политической комедіи и историческихъ пѣсенъ *) не по риторикѣ Деколонія,

*) Въ началѣ XVI-го вѣка, а можетъ быть и раньше, у насъ разыгрывали діалоги, мистеріи, т. е. исторіи, заимствованныя изъ священнаго Писанія и миѳологіи. Итакъ, существовала готовая популярная форма драмы. Еслибы въ то время какой-нибудь талантливый поэтъ взялся за подобные сюжеты, выбралъ наиболѣе драматическіе изъ нихъ, усовершенствовалъ бы форму представленія и облагородилъ слогъ, то можетъ быть у насъ создалось бы постепенно народное драматическое искусство, какимъ гор-

но сообразно потребностямъ времени. Ораторы, жившіе во времена Станислава Августа, старались сравняться съ чужеземцами въ политическомъ и гражданскомъ образованіи чтобы постоянно не отставать отъ вѣка. Наоборотъ, теоретики съ состраданіемъ взывали къ ораторамъ: «Isti homines, me hercule, habent talentum, sed non docti, rhetoricam non frequentaverunt, non illuminant orationem figuris; ubi est hipotyposis, oposic peis, prosopocia, sustentatio, praetermissio? У позднѣйшихъ остались тѣ же формы, тѣ же правила, которыя царили въ Польшѣ во время упадка просвѣщенія.

дятся испанцы и англичане. Янъ Кохановскій, воспитанный въ Италіи, пренебрегъ такимъ безформеннымъ зрѣлищемъ и написалъ драмы по образцу греческому, не интересныя для народа, а благодаря дурному выбору формъ даже неблагодарныя для поэзіи. Однакоже за Кохановскимъ остается та большая заслуга, что, зная греческую древность лучше позднѣйшихъ классиковъ, онъ старался вѣрнѣе изобразить ее. Греки Кохановскаго напоминаютъ героевъ Гомера Греки нашихъ классиковъ — существа вымышленныя. Ни одинъ изъ отечественныхъ критиковъ не обратилъ на то вниманія. Радовались только тому, что «Выѣздъ пословъ» пьеса правильная. При возрожденіи наукъ, литература процвѣтала только въ одной Варшавѣ, а тамъ уже было не время воскрешать діалоги. Юліанъ Нѣмцевичъ глубокимъ размышленіемъ надъ искусствомъ или же инстинктомъ, свойственнымъ таланту, предчувствовалъ потребность вѣка и напалъ на счастливую мысль изображенія лицъ историческихъ, сохраняя мѣстный колоритъ и черты той эпохи, въ которую они жили, говоритъ даже, что для увеличенія иллюзіи, онъ придалъ древній характеръ Сигизмундовской эпохѣ (драма «Казиміръ Великій»). Съ такимъ же убѣжденіемъ написалъ Гете драму «Гёцъ фонъ Берлихингенъ» и создалъ эпоху въ литературѣ. Теперь во Франціи историческія сцены предвѣщаютъ новый для Европы драматическій родъ, отличающійся отъ формы греческой, шекспировской и кальдеронской. Нѣмцевичъ не могъ

Болѣе ученые примѣшали къ нимъ только кое-что, заимствованное изъ французскихъ элементарныхъ книжекъ. Пирамовичъ, одинъ изъ ученѣйшихъ въ то время, когда Европу занимали возвышенныя мысли объ искусствѣ Лессинга, Юма, Гутчесона, Смита, Пирамовичъ не можетъ взглянуть за предѣлы школьной риторики. Ксёндзъ Голанскій и Францискъ Дмоховскій въ прозаическихъ и риѳмованныхъ теоріяхъ подсмѣиваются себѣ надъ Шекспиромъ, какимъ-то англичанишкой, театръ котораго, какъ легко можно доказать, не былъ зна-

---

ни такъ удачно развить своей идеи, ни вызвать такихъ результатовъ, потому-что Гете уже проложили путь Лессингъ и Гердеръ, а во Франціи вліяніе нѣмцевъ, возвышеніе исторической науки, вліяніе романовъ Вальтеръ Скотта и огромное количество мемуаровъ облегчили вступленіе этому новому драматическому роду. У насъ же теперь, даже послѣ трудовъ самого Нѣмцевича, Чацкаго, Лелевеля, Бандтковъ, большое историческое сочиненіе, эпопея или драма еще на долго останется предпріятіемъ свыше силъ поэтовъ, когда еще такъ не развиты болѣе мелкіе роды народной поэзіи. Объ этихъ родахъ нѣкоторые теоретики и читатели до-нынѣ имѣютъ еще странное понятіе. Они думаютъ напримѣръ, что обыкновенныя мѣста, правила и мораль, декламируемыя съ одинаковой напыщенностью на французскомъ театрѣ греками, римлянами, турками и американцами, переведенныя на польскій языкъ гладкими стихами, если они начинаются со словъ: «Какой восторгъ меня увлекаетъ», «Муза, поддерживай мой полетъ» и т. п., то изъ этого создается народная ода; если же они раздроблены на діалоги и вложены въ уста Самборамъ, Яксамъ, то создаются народныя драмы, если же наконецъ они выходятъ въ свѣтъ въ видѣ поэмы, носящей заглавіе, оканчивающееся на «яда» и начинающееся словами «я воспѣваю» съ прибавленіемъ необходимыхъ аллегорій и такъ называемыхъ машинъ, тогда создается народная эпопея.

комъ имъ ни въ оригиналѣ, ни въ переводѣ; потѣшаются надъ Кальдерономъ, какимъ-то риѳмоплетомъ изъ снѣжныхъ Пиренеевъ и надъ Лопе де-Вега, хотя они даже и въ глаза не видали ихъ произведеній. Такая самоувѣренность происходитъ отъ до-нынѣ уцѣлѣвшаго у насъ предразсудка, что можно неизвѣстныя произведенія безъ критики судить на основаніи мнѣній Буало, а Шекспира — на основаніи сужденій Вольтера.

Не мало смѣлости, говоритъ ученый Мрозинскій, нужно для того, что бы посягнуть на грамматическое значеніе Копчинскаго. Не менѣе мужества, хотя можетъ быть не столько учености нужно для того, что бы оцѣнить критическое значеніе и дѣятельность Франциска Дмоховскаго. Это патріархъ варшавскихъ критиковъ и образецъ ихъ школы. Какъ нѣкогда въ Парижѣ называли Лагарпа Квинтиліаномъ французскимъ, а въ Варшавѣ Копчинскаго Ломондомъ (для чествованія), такъ Дмоховскій былъ прозванъ Лагарпомъ *), а въ Вильнѣ Словацкій — Дмоховскимъ. Унаслѣдованіе титуловъ по прямой и боковой линіи было въ большой модѣ.

Возстать противъ критики Франциска Дмоховскаго въ Варшавѣ, это то же, что, скажу словами Байрона, разсуждать въ Константинополѣ, въ Софійской мечети, о нелѣпости Алькорана, полагаясь на просвѣщеніе и терпимость улемовъ. Конечно, какъ переводчикъ Дмоховскій имѣетъ не

*) Собственныя мнѣнія Лагарпа о древней литературѣ не имѣли никогда значенія у ученыхъ, мнѣнія его о французской литературѣ — поверхностныя и часто ложныя — указываютъ сами французы, особенно Вильменъ.

мало литературныхъ заслугъ. Онъ принадлежитъ еще ко времени Станислава Августа, и собственно характеризируетъ эпоху перехода отъ оригинальной поэзіи къ трусливому, рабскому подражанію. Талантъ переводчика «Иліады», хотя лишенный оригинальной силы, сохранилъ извѣстную смѣлость и жизненность, по крайней мѣрѣ въ переводахъ пускается на обширныя и великія предпріятія. При посредственномъ знакомствѣ съ латынью и французской литературой, Дмоховскій, по обычаю Августовскихъ писателей, зналъ еще прежнюю отечественную литературу Сигизмундовской эпохи; хотя онъ болѣе, нежели слѣдуетъ, прилагалъ къ поэтическому языку правила французской грамматики, не вполнѣ еще ослѣпленный, онъ чувствовалъ богатство и разнообразіе стиля Сигизмундовской эпохи, удивлялся новымъ выраженіямъ Тренбецкаго и, несмотря на небольшія погрѣшности, отдавалъ справедливость великимъ и многочисленнымъ заслугамъ Карпинскаго. Въ собственныхъ сочиненіяхъ, онъ, трудомъ и стараньемъ, усовершенствовалъ свой стиль, сначала небрежный, тяжелый, жесткій. Въ этомъ отношеніи большая разница между «искусствомъ стихосложенія» и переводомъ Гомера. Въ особенности, въ послѣднихъ пѣсняхъ «Иліады», гармоническіе стихи, точные въ выраженіяхъ и хотя лишенные всякой поэтической смѣлости, не замѣняются риѳмованной прозой *).

*) Стиль Гомеровской поэзіи, тонъ разсказа, свойственный «Иліадѣ», исчезъ или совершенно измѣнился въ переводѣ. Дмоховскій не понималъ ни критически, ни миѳически, поэзіи Гомера.

Тотъ же Дмоховскій, какъ ученый, какъ критикъ, занимаетъ даже въ нашей литературѣ очень низкое мѣсто, а смѣлость, которая его побуждала въ поэтическихъ трудахъ къ высшимъ предпріятіямъ, въ критикѣ дала пагубный примѣръ все болѣе и болѣе дерзкимъ преемникамъ. Дмоховскій работалъ надъ переводомъ «Иліады» въ эпоху, когда предисловіе Вольфа о Гомеридахъ обратило всеобщее вниманіе филологовъ Великій литературный міръ, можетъ быть важнѣйшій въ исторіи новѣйшей критики, раздѣлялъ ученыхъ нѣмецкихъ и англійскихъ, занялъ даже Францію, гдѣ классическія науки были въ жалкомъ состояніи. Нашъ переводчикъ «Иліады», великаго, стоющаго многихъ лѣтъ труда, произведенія, сумѣлъ сказать въ своемъ предисловіи о Гомерѣ только то, что онъ вычиталъ въ путешествіяхъ Анахарсиса. Про всѣхъ ученыхъ, писавшихъ о Гомерѣ, начиная съ Вольфа до Бенджамена Констана, никто еще не ссылался на значеніе Бартелеми. Что же сказать о прибавленіяхъ къ «Илліадѣ», гдѣ Гомеръ сравнивается въ Виргиліемъ, Тассомъ и также съ Вольтеромъ, и. то какимъ способомъ? Это отдѣльные отрывки или стихи, вырванные, переведенные и поставленные бокъ-о-бокъ. Если дозволено отгадать намѣреніе переводчика, то онъ хотѣлъ дать понятіе о различіи таланта или стиля этихъ поэтовъ, преподнося, какъ нѣкій архитекторъ, кирпичики изъ святынь «Иліады» и «Освобожденнаго Іерусалима». Намъ кажется, что мы въ девятнадцатомъ вѣкѣ читаемъ разсужденія педантской памяти Воссія и его ребяческія мнѣнія, опирающіяся на подобныхъ основахъ. Поэтическая

школа Дмоховскаго, т. е. подражателей и переводчиковъ съ французскаго, тогдашнихъ и позднѣйшихъ, насколько она размножилась въ количествѣ, настолько утратила свою ученость и мельчала въ талантахъ, Латынь окончательно вышла изъ моды, о греческомъ перестали говорить, и чѣмъ больше защищали классиковъ, тѣмъ болѣе заброшены были классическіе языки. Наконецъ французская литература, частица литературы всеобщей, сдѣлалась альфой и омегой нашихъ ученыхъ. Вмѣсто «Иліады», «Энеиды», «Потеряннаго Рая», переводили десятилѣтніе труды Делиля, Легуве, Колардо, наконецъ различныя оды, посланія, трагедіи и комедіи, расхваленныя парижскими газетами. По истеченіи долгаго времени, когда въ Парижѣ уже забыли объ этихъ произведеніяхъ, они выходили у насъ и возбуждали восторгъ критиковъ. Что же касается до стиля, то почти всѣ переводчики долгимъ упражненіемъ дошли до того, что всѣ они хорошо пишутъ стихи, одинаково правильные, одинаково свободные отъ провинціонализмовъ и новыхъ выраженій. Эти стихи, странно похожіе другъ на друга, повидимому всѣ изъ одного металла и одного чекана. Оправдалась философская поговорка, что желая сдѣлать двѣ вещи вполнѣ похожими другъ на друга, нужно сначала отнять у нихъ жизнь. Переводы ли это Мольера, или «Иліады», Мильтона, Легуве, вездѣ мы встрѣчаемъ одинаковый строй стиха, стиль, чуть ли не одинаковыя риѳмы. Францискъ Салезій Дмоховскій называетъ это постояннымъ прогрессомъ народной поэзіи. Мы не уменьшаемъ заслугъ послѣднихъ переводчиковъ, они всѣ

вмѣстѣ чуть не довершили въ Польшѣ того, что сдѣлалъ одинъ Дефоконпре для Франціи, хотя Дефоконпре перевелъ и болѣе серьезныя произведенія и въ большемъ количествѣ.

Еще болѣе печальное зрѣлище, если только таковое можетъ существовать, представляетъ критическая школа въ эту эпоху. Ея corpus juris составляли курсы литературы, употребляемые тогда въ лицеяхъ французскихъ, предисловія, находящіяся во главѣ произведеній Корнеля, Расина и Вольтера, разборы, Examen du Cid, du Polyeucte etc. (разборъ Сида, Поліэкта и т. д.) и комментаріи, упоминающіе еще о спорахъ со Скюдери и Шапленомъ, риторическія и грамматическія замѣчанія о французскихъ стихахъ. Снабженные такими богатыми свѣдѣніями, критики начинали обыкновенно съ того, что придавали авторамъ извѣстные титулы, называя одного польскимъ Корнелемъ, другаго Пиндаромъ, третьяго же царемъ ораторовъ или поэтовъ. Счастливѣйшимъ доставалось разомъ нѣсколько даровъ и титуловъ. Кто-то изъ молодыхъ варшавскихъ рецензентовъ остроумно назвалъ это литературнымъ маскарадомъ. Въ подробной и сравнительной оцѣнкѣ авторовъ вѣчно повторялись общія школьныя мѣста, напримѣръ этотъ авторъ легкій, остроумный, забавный, тотъ унылый, печальный, выспренный и т. п. Если кто-нибудь изъ иксовъ, останавливаясь надъ трагедіей, возвышался до высшихъ размышленій, до разсужденій о трехъ единствахъ, и показывалъ, что въ пьесѣ не хватаетъ одного изъ нихъ, если онъ подмѣчалъ, что между одной сценой и другой театръ

оставался пустымъ, если же онъ, къ тому-же еще доказалъ, что въ той или другой сценѣ, слѣдуетъ воображать себѣ, вмѣсто сѣней, боковую горенку, то удивлялись таланту и познаніямъ такого икса. Въ сужденіи о стиляхъ, или же скорѣе о стилѣ, потому что знали только одинъ стиль, стремились только къ одному, исключительное значенье имѣли риторическія и грамматическія предписанія, относящіяся къ французскимъ стихамъ. Болѣе всего предпочитали также критику мелочную, потому что послѣ болтовни о трехъ единствахъ, о поэтикахъ Горація и Буало, уже не хватило общихъ замѣчаній. Итакъ, отрывки, отдѣльные стихи, выраженія, заняли все вниманье. Забавно было видѣть рецензентовъ, переворачивающихъ общими силами одно выраженіе или стихъ, часто не заслуживающій вниманья, тащущихъ его съ трудомъ на критическій форумъ, какъ муравьи Карпинскаго тушу мухи или четверть червяка, и чуть не падающихъ подъ такой громадной тяжестью *).

При такомъ состояніи критики достойно вниманія и назидательно то доброе сосѣдское согласіе **),

---

*) См. въ газетѣ Польской 1827 года, семь статей о переводѣ одного оборота изъ Лефранъ де-Помпиньяна. Лефранъ де-Помпиньянъ, со всѣми своими произведеніями, едва удостоился быть упомянутымъ во французской литературѣ.

**) Авторъ исторіи литературы не отваживается оцѣнивать произведенія. «Неужели же я», говоритъ онъ: «долженъ забыть обо всемъ уваженіи, въ особенности къ живымъ людямъ? Я, ради справедливости и сношеній, общежитейскихъ не рѣшился это сдѣлать. Вмѣсто этого привожу только въ точности общее мнѣніе, въ особенности такихъ компетентныхъ судей, какъ Людвигъ Осин-

въ какомъ критики жили между собою и съ авторами, уваженіе, съ которымъ они выслушивали взаимные приговоры, и щепетильность, съ которой они ихъ дословно, изъ устъ въ уста, съ пера на

скій, Станиславъ Потоцкій, Францъ Дмоховскій.» Выберемъ на удачу нѣкоторыя. Станиславъ Потоцкій о переводѣ «Илліады» говоритъ: «Дмоховскій перелилъ мысли автора (Гомера) очень гладко на отечественный языкъ. Еще мнѣ не случалось прочесть подъ рядъ двухъ-трехъ пѣсенъ «Илліады» въ прежнихъ переводахъ (и такъ до этого онъ не читалъ Илліады!) безъ какой-то тоски. Я прочиталъ Дмоховскаго подъ рядъ и съ удовольствіемъ.» Читалъ-ли кто-нибудь подобное мнѣніе въ какой бы то ни было исторіи литературы? Вѣдь именно одно изъ характеристическихъ свойствъ и прелестей «Илліады,» что въ ней авторъ нигдѣ не выступаетъ на сцену и не высказываетъ собственныхъ мыслей! Можно ли провозгласить, что пѣсни этой чудной эпопеи суть мысли автора (Гомера) о троянской войнѣ? Ксендзъ Бака писалъ стихами замѣчанія о неминуемой смерти; его біографъ шутливо объясняетъ, что Мильтонъ точно также стихами писалъ замѣтки о «Потерянномъ Раѣ». Я не хочу оскорблять этой замѣткой почтенной тѣни Станислава Потоцкаго. Великій ораторъ и заслуженный патріотъ не утратитъ черезъ то славы, что онъ болѣе чѣмъ слѣдуетъ вдавался въ риторику и критику. Мы уважили бы слабость заслуженнаго мужа и покрыли бы молчаніемъ его прегрѣшенія; но какъ же могъ профессоръ литературы въ Варшавѣ, Осинскій, приводить это мнѣніе какъ очень важное, а профессоръ исторіи повторять его какъ весьма важное. Стр. 306: «Тренбецкій выказалъ истинный стихотворный талантъ, потому что онъ соединяетъ въ своихъ произведеніяхъ смѣлость Пиндара со вкусомъ Горація и сладостью Сафо.» Если бы кто-нибудь сказалъ о музыкальномъ композиторѣ, что онъ, въ одно и тоже время, Моцартъ, Россини, Гуммель и Орфей, или о живописцѣ, что онъ обладаетъ стилемъ Рафаэля, Рембрандта, Давида и Апелеса! О характерѣ поэзіи Сафо мы знаемъ только по преданію, потому что изъ ея произведеній уцѣлѣли только мелкіе отрывки (Odaria duo integriora et cetera carminum

перо переливали. Мнѣніе ксендза Голанскаго приводитъ Францискъ Дмоховскій, Франциска Дмоховскаго приводитъ Людвигъ Осинскій, всѣхъ приводитъ Станиславъ Потоцкій, всѣ приводятъ

---

frustula: Grodeck). Выяснять достоинства Тренбецкаго, сравнивая характеръ его пѣсенъ съ пѣснями Сафо — это прибѣгать къ довольно запутаннымъ объясненіямъ. Прибавимъ, что сладость никогда не была особеннымъ и главнымъ свойствомъ произведеній Сафо, за ней признавали vim, gratiam и наконецъ dulcedinem. Мнѣніе о Тренбецкомъ заслуживаетъ вниманія: трудно въ меньшемъ количествѣ выраженій вмѣстить больше нелѣпостей. Стр. 303: «Княжнинъ въ писаніи пѣсенъ занимаетъ не послѣднее мѣсто. Живое воображеніе, остроумныя (?) картины, еще болѣе своей пестротой нежели смѣлостью, возбуждаютъ въ читателѣ извѣстное удивленіе, сверхъ того, раздражительная чувствительность характеризуютъ поэзію Княжнина.» Бентковскій не поименовалъ, который изъ компетентныхъ судей произнесъ такой глубоко-обдуманный приговоръ. Объ Іосифѣ Липинскомъ слова С. Потоцкаго: «онъ довѣрилъ публикѣ немного стиховъ своихъ; но это немногое такъ хорошо обработано, что перестаетъ быть немногимъ.» Мы не знаемъ хорошо языка математическаго; но намъ кажется, что то, что перестаетъ быть малымъ, переходитъ въ меньшее или ничтожество. Іосифъ Липинскій неудачно выработывалъ переводы Виргилія и Тасса. Прежде Симоновичъ подражалъ и частями переводилъ буколики, а Петръ Кохановскій — Іерусалимъ. Сравнивая прежніе переводы, менѣе правильные, но полные жизни, смѣлые и богатые выраженіями, съ сухимъ и прозаическимъ стихомъ Липинскаго, можно было бы лучше всего показать манеру новой школы и доказать какъ много вреда принесли наши переводчики, воспитанные только на французщинѣ, отечественному языку. Его лишили почти всѣхъ украшеній стиля, сняли, такъ сказать, одежду, и даже и тѣло съ мыслей и чувствъ, а стихи замѣнили рядомъ силлогизмовъ. — Другія мнѣнія лаконичнѣе, напр., на стр. 312: «Осинскій Людвигъ выказалъ себя настоящимъ лирикомъ (?)» Тамъ же. «Козміанъ оказался истиннымъ лирическимъ поэтомъ.»

Станислава Потоцкаго. Мнѣнія эти на минуту сосредоточиваются въ «Исторіи литературы» Бентковскаго, откуда, приводимыя въ разныхъ газетахъ, предисловіяхъ и похвальныхъ рѣчахъ, возвращаются къ своимъ источникамъ. Такимъ образомъ, въ Варшавѣ удерживается въ постоянномъ круговоротѣ извѣстное количество мнѣній, не имѣющихъ нигдѣ никакой цѣнности, точно какъ въ Жмуди до сихъ поръ въ ходу старые голландскіе талеры и забои.

Въ Варшавѣ до сихъ поръ существуютъ приверженцы этой критической школы, находясь все болѣе и болѣе въ непріятномъ и смѣшномъ положеніи по отношенію къ Европѣ. Все вокругъ нихъ измѣнилось въ литературѣ отъ Гибралтара до Бѣлаго моря: они же стоятъ на своей школьной поэтикѣ, какъ на якорѣ, неподвижно. Слабѣющую рѣшимость они подкрѣпляютъ чтеніемъ брошюръ и нѣсколькихъ французскихъ газетъ, менѣе всего читаемыхъ во Франціи. Ихъ можно было бы сравнить съ тѣми законодателями нашими, которые, на основаніи конституціи, не понятой ими, защищали гетманскую власть и liberum veto, и не смотря на принятую въ сосѣднихъ странахъ новую тактику, сопротивлялись заграничному уставу и были убѣждены, что за исключеніемъ народной кавалеріи — все остальное суетная нѣмецкая выдумка. Напрасно къ нимъ Красицкій, а мы съ Красицкимъ взываемъ къ такъ называемымъ классикамъ:

— Нужно учиться, улетѣло золотое время!

Уже историческая критика освѣтила нашу исторію, уже въ правовѣдѣніи историческій методъ

изгналъ прежній догматизмъ; литературная же критика осталась вполнѣ схоластической. Въ настоящее время, не говоря уже о Востокѣ, въ самой Европѣ открыто столько богатыхъ литературъ, сколько народовъ. Сами французы, отрекшись отъ вколоченной имъ школой Вольтера исключительной цивилизаціи, учатся, переводятъ, создаютъ новые роды. Наши ученые, кромѣ литературы французской первой половины восемнадцатаго вѣка, не находятъ ничего достойнаго изученія. Они разсуждаютъ, что или всѣ иностранныя литературы согласны съ поэтикой Буало и въ такомъ случаѣ онѣ не нужны, или же онѣ несогласны, и тогда вредны. Они какъ бы защищаютъ древность, классицизмъ; но какъ недобросовѣстно злоупотребляютъ они этими выраженіями! Не умѣя по-латыни, не имѣя понятія о греческомъ языкѣ, они хотятъ учить англичанъ и нѣмцевъ какъ цѣнить и понимать древнее искусство, насколько дозволено подражать его формамъ! Нынѣ, когда на столькихъ языкахъ, столько различныхъ образцовыхъ произведеній занимаютъ вниманіе Европы, чтобы судить о нихъ, чтобы высказать общія сужденія объ искусствѣ, нужны таланты и разносторонняя ученость Шлегелей, Тика, Симонда, Газлита, Гизо, Вилльмена и редакторовъ «Globe» (Глобуса). Но какъ же къ этому стремятся рецензенты изъ школы ксендза Голанского и Франциска Дмоховскаго? Одни смѣются надъ Гете, произведенія котораго читались, переводились и цѣнились во всемъ цивилизованомъ мірѣ до рогатокъ Варшавскихъ; другіе утѣшаются тѣмъ, что не знаютъ *по-*

голландски и не читаютъ Лессинга; третьи совѣтуютъ даже протянуть *санитарный кордонъ*, чтобы наука случайно не прокралась изъ заграницы. Этой блокады разума, хотя и необходимой для удержанія въ цѣнѣ варшавскихъ продуктовъ, не признаетъ публика. Противъ нея въ самой Варшавѣ высказывались нѣкоторые поэты и теоретики. Зараза иностранныхъ наукъ распространяется такъ далеко, что даже правовѣрные классики приводятъ имена Гете, Байрона, Мура; къ этимъ великимъ именамъ не слѣдовало бы взывать понапрасну, когда произведенія ихъ еще такъ мало извѣстны, такъ рѣдко пробираются за классическій кордонъ. Разсуждать же объ этихъ произведеніяхъ, а сверхъ того объ искусствахъ и поэзіи вообще съ запасомъ только школьныхъ правилъ и Лагарпомъ, можно за столомъ или въ салонѣ; но съ перомъ и въ литературной газетѣ уже не годится. Классическіе варшавскіе рецензенты, судящіе смѣло и самоувѣренно о важныхъ вопросахъ литературы, похожи на тѣхъ провинціальныхъ политиковъ, которые, не читая даже заграничныхъ газетъ, судятъ о тайнахъ кабинетовъ и дѣяніяхъ вождей. Счастливцы!....

ИЗБРАННАЯ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ МИЦКЕВИЧА *).

ПЕРЕВОДЪ

Р. И. СЕМЕНТКОВСКАГО.

*) Самое полное собраніе писемъ Мицкевича и лицъ, состоявшихъ съ нимъ въ перепискѣ, издано въ Парижѣ въ 1870—1872 г., въ двухъ томахъ, стараніями сына покойнаго поэта, подъ заглавіемъ: «Korrespondencia Adama Mickiewicza».

Мицкевичъ Ф. Малевскому.

Ковно, 22-го ноября (с. с.) 1822 г.

Ничего ты не узнаешь отъ меня ни о Вильнѣ ни о твоихъ друзьяхъ, которые рѣдко мнѣ пишутъ или, точнѣе говоря, присылаютъ только счеты, когда понадобятся мнѣ книжки или табакъ. Неужели мнѣ вѣчно придется писать только о себѣ, какъ я давно уже думаю только о себѣ? Что пользы отъ этихъ жалобныхъ іеремiадъ? Онѣ только опечалятъ тебя. Ты знаешь, гдѣ я нахожусь, и, конечно, догадываешься, какъ я живу. Однако, не сокрушайся слишкомъ обо мнѣ. Легче привыкать, чѣмъ отвыкать. Я привыкъ ко многому. Ковно становится для меня домомъ, въ Вильнѣ я только гощу, а Новогрудекъ для меня лежитъ уже, точно, заграницей. Прежде я душою жилъ въ Вильнѣ. Теперь меня туда уже не тянетъ. Я привыкаю къ урокамъ, потому что мало читаю, мало пишу, много думаю и страдаю, а слѣдовательно нуждаюсь въ упорномъ, ослиномъ трудѣ. Вечеромъ я играю въ бостонъ за деньги, никакого общества я не люблю, рѣдко слушаю музыку, карточная игра безъ денегъ меня не занимаетъ. Читаю только Байрона, книжку,

написанную въ другомъ духѣ, бросаю, потому что не люблю лжи; равнымъ образомъ, меня возмущаютъ книги, въ которыхъ описывается семейное счастіе, какъ возмущаетъ меня видъ супруговъ, дѣтей, которые составляютъ единственную мою антипатію. Вотъ я и описалъ себя съ ногъ до головы...

Ѳ. Ежовскій Ф. Малевскому.

16-го Февраля 1822 г.

Адамъ продолжаетъ до сихъ поръ преподавать въ Ковно; 20 уроковъ въ недѣлю страшно его изнуряютъ: онъ постоянно страдаетъ безсонницею. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ ко мнѣ онъ говоритъ, что работа ему надоѣдаетъ и ослабляетъ его; но въ свободные дни и въ праздники онъ не знаетъ, куда дѣваться отъ скуки....

Мицкевичъ Ф. Малевскому.

Вильно (1822 г.?

...Живу я, какъ настоящій литераторъ: дышу и питаюсь только риѳмами; не знаю, какъ пріучусь читать опять что-нибудь порядочное. Послѣ германоманіи настала британоманія; съ лексикономъ въ рукѣ я протискался черезъ Шекспира, какъ богачъ въ небо черезъ игольное ушко. За то я теперь справляюсь гораздо легче съ Байрономъ

и значительно подвинулся впередъ; *Гяура* я, навѣрное, переведу. Но этотъ, можетъ быть, величайшій поэтъ не вытѣснитъ Шиллера. Я открылъ въ новомъ изданіи нѣсколько новыхъ для меня пьесъ и долго послѣ этого не могъ вернуться къ англичанамъ...

. . . .

Мицкевичъ тому-же.

Вильно (1822).

...Дневникъ моей жизни и работъ очень однообразенъ и кратокъ: сплю и еще чаще не сплю, хожу много, пишу стихи и комментаріи (къ Зофіадѣ) или, вѣрнѣе говоря, писалъ, потому что теперь пишу все меньше. Время проходило быстро; я видѣлся нѣсколько разъ съ Маріею и прожилъ съ нею двѣ недѣли. Ея видъ и бесѣды успокоиваютъ меня болѣе всего. Что будетъ дальше, не знаю!...

Ѳома Занъ Ф. Малевскому.

14-го января 1823 г.

...Сердце Адама и все его душевное настроеніе походятъ, кажется, на лѣсъ, въ которомъ былъ пожаръ: читаетъ, живетъ, не пишетъ. Марія иногда пишетъ, полагается на мои совѣты и нѣкоторые изъ нихъ старается исполнять; я ее утѣшаю и развлекаю чтеніемъ...

Я. Чечотъ Ф. Малевскому.

21-го января 1823 г.

Постарайся пробыть подольше заграницею, потому что я не знаю, что дѣлать съ Адамомъ. Продолжать ему учительствовать нельзя: онъ окончательно разстроитъ здоровье; онъ говоритъ, что уроки обезсиливаютъ его на весь день. Хотя онъ теперь, по видимому, и спокойнѣе, но, все же, еще скучаетъ: часто страдаетъ безсонницею и живетъ только трубкою да кофеемъ. Онъ самъ жаждетъ, да и доктора совѣтуютъ ему непремѣнно предпринять путешествіе. Но куда ему ѣхать? Какое путешествіе ему нужно? Не съ образовательною-ли цѣлью? Боже сохрани! Ему надо ходить и ходить. Изъ всѣхъ твоихъ описаній Riesen-Gebirge болѣе всего его занимали. Можетъ быть, эта манія прекратится, когда онъ отмахаетъ миль сто и процесъ, хожденія не будетъ для него новинкою; тогда онъ, вѣроятно, просидитъ гдѣ-нибудь спокойно зиму. Но какъ бы то ни было, все же, ему нуженъ заграницею какой-нибудь пунктъ поближе, гдѣ онъ могъ бы зимовать и навѣдываться на всякій случай. Странно будетъ его путешествіе! Нельзя ему дать денегъ сразу и быть увѣреннымъ, что его не обокрадутъ, или что онъ ихъ не потеряетъ и не окажется безъ средствъ. А какъ тогда быть? Не знаю, кромѣ того, понравится-ли ему, при теперешнемъ его настроеніи, находиться между чужими людьми, которые думаютъ только о наживѣ. Онъ, по большей части, будетъ одинъ, потому что

интересовать его будутъ не люди, а Riesen-Gebirge. Долины, луга,— вотъ что его займетъ; но я опасаюсь, что все это будетъ имѣть вредное вліяніе на его воображеніе. Онъ, повидимому, постоянно нуждается въ ангелѣ-хранителѣ, а тамъ будутъ одни только камни. Поэтому, чѣмъ ближе ты изберешь для него пунктъ, тѣмъ ему будетъ лучше и веселѣе. Его непремѣнно нужно отсюда выпроводить; не то онъ окончательно разстроитъ здоровье...

Ѳома Занъ Ф. Малевскому.

12-го мая 1823 года.

Я старался и стараюсь придать чувствамъ Адама и Маріи болѣе спокойствія; я не увѣренъ въ полномъ успѣхѣ, но мнѣ кажется, что ихъ страданія менѣе сильны. Въ этихъ видахъ я состою въ перепискѣ и съ нею, и съ нимъ; она меня называетъ «дорогимъ» и «благодѣтелемъ»... Объ Адамѣ могу тебѣ сообщить мало; я думаю, что, можетъ быть, несвоевременное выраженіе любовныхъ чувствъ производитъ на многихъ не особенно для него лестное впечатлѣніе. Во время праздниковъ они были въ Вильнѣ почти двѣ недѣли; мои усилія успокоить ихъ остались тщетными; не знаю, что будетъ дальше. Дѣло зашло такъ далеко и приняло такой несчастный оборотъ, что я, бывъ нѣкогда защитникомъ любви, теперь охотно объявилъ бы ей войну.

Ф. Малевскій сестрамъ.

(1825 г.)

...Нѣтъ-ли у кого-нибудь изъ васъ русскаго журнала: «Телеграфъ». Въ немъ иногда печатаются анонимно статьи мои и Адама *)...

Мицкевичъ волынскому предводителю дворянства, Герману Головинскому.

Москва, 23-го іюля 1826 года.

...Вотъ уже девять мѣсяцевъ, какъ я нахожусь въ столицѣ Москвѣ и состою *чиновникомъ* въ канцеляріи е. п. г. генералъ-губернатора. Онъ былъ такъ любезенъ и позволилъ мнѣ спокойно готовиться къ службѣ до тѣхъ поръ, пока я не научусь языку и не исправлю моего почерка. Это, къ несчастію, дается мнѣ нелегко, и пройдетъ еще немало времени, пока я превращусь въ настоящаго писаку. Если бы вы, милостивый государь, соблаговолили извѣстить насъ о здоровьѣ какъ вашемъ, такъ и многоуважаемой вашей супруги, равно какъ и о нашемъ знакомомъ, В. Мировскомъ, то вы до-

*) На вопросъ, какія, именно, статьи Мицкевича помѣщены въ «Телеграфѣ», Францискъ Малевскій отвѣтилъ, что если память ему не измѣняетъ, то сотрудничество Мицкевича въ этомъ журналѣ ограничилось переговорами съ редакторомъ; дѣйствительное-же участіе въ журналѣ осталось однимъ только проектомъ.

ставили бы намъ удовольствіе, которое вполнѣ вкусить могутъ только люди, живущіе далеко отъ всего, что имъ дорого и мило. Взамѣнъ мы могли бы сообщить вамъ извѣстія о предстоящемъ величественномъ торжествѣ, которое мы, будучи вѣрноподданными и преданнѣйшими сынами Россіи, какъ вы легко можете догадаться, ожидаемъ съ большимъ нетерпѣніемъ...

Мицкевичъ Я. Чечоту и Ф. Зану.

Москва, 5-го января 1827 г.

...У меня есть тутъ знакомые; многіе относятся ко мнѣ съ расположеніемъ, нѣкоторые даже дружественно, и я охотно отблагодарилъ бы ихъ за это. *Проклятъ тотъ, кто ничего не платитъ!..* Прости, что я цитирую «Дзядовъ». Бываю я и въ салонахъ, но играю я тамъ не особенно видную роль не потому, чтобы не хотѣлъ, а просто не умѣю. Очень мнѣ иногда хочется хорошо танцовать или, вообще, танцовать, еще болѣе играть на флейтѣ, гитарѣ или пѣть; отпускать комплименты мнѣ подчасъ удается, и я не упускаю случая совершенствоваться въ этомъ дѣлѣ. Ибо поистинѣ говорю тебѣ: можно танцовать, играть, пѣть, быть любезнымъ и не превратиться въ тунеядца, напротивъ, быть полезнымъ другимъ, а это величайшая награда за всѣ труды въ такого рода пустякахъ. Правда, если бы я вернулся въ нашу Литву, то я, можетъ быть, какъ спущен-

ная пружина, опять повѣсилъ бы носъ и, еслибы мнѣ другіе люди не надоѣдали, самъ придумалъ бы себѣ какое-нибудь горе, тосковалъ бы и сокрушался. Я сталъ веселымъ у отцовъ Базиліановъ, а спокойнымъ и почти разумнымъ въ Москвѣ.

Хотѣлъ, было, я тебѣ выписать изъ твоего письма филиппику о моихъ доходахъ, потому что ты, можетъ быть, о ней забылъ; но нѣтъ у меня на это времени. Скажу только, что я не облагаю пріятелей и пріятельницъ налогами по той причинѣ, что я ни о комъ изъ нихъ ничего даже не слышу, и получаю только то, что мнѣ долженъ Завадскій. Что же касается до подарковъ, то ты помнишь, что я принялъ нѣсколько сотъ рублей еще въ Вильнѣ отъ нѣкоего князя, и этотъ подарокъ пригодился не мнѣ одному. И теперь, если бы какой-нибудь милліонеръ,— nota bene соотечественникъ и другъ, — прислалъ бы мнѣ рублей сто, то я принялъ бы ихъ безъ колебанія и подѣлился бы съ нуждающимися. Правда, я иногда транжирю деньги; но когда у меня заведется копѣйка, то каждый пріятель мой можетъ взять три четверти.

Мицкевичъ Іосифу Ковалевскому.

Москва, 9-го іюня (1827 г. ?)

...Скажу тебѣ на ушко, что я позорно лѣнюсь, такъ что меня иногда даже совѣсть мучитъ; но мы прибѣгаемъ къ софизмамъ и находимъ себѣ извиненіе: то мы ѣдимъ, то гуляемъ, то и т. д.

Къ несчастію, одинъ изъ львовскихъ типографщиковъ (чтобы чортъ попортилъ ему всѣ станки!) отпечаталъ болѣе дешевое изданіе моихъ сонетовъ и, затормозивъ продажу, уменьшилъ мои доходы. Надо, слѣдовательно, придумать что-нибудь новое, и, во что бы то ни стало, печатать, чтобы было чѣмъ платить здѣшнимъ *ванькамъ* съ ихъ пролетками и разнощикамъ съ ихъ *земляникою* и *клубникою*,— пока какой-нибудь типографщикъ меня опять не подкузьмитъ! Я надѣялся, Ося, что ты, какъ оріенталистъ, напишешь къ моимъ сонетамъ примѣчанія или, по крайней мѣрѣ, отмѣтишь, что слѣдуетъ измѣнить или выяснить въ техническихъ магометанскихъ выраженіяхъ. Всѣ варшавскія газеты долго наполнялись рѣзкими критическими статьями или преувеличенными похвалами. Одни говорятъ, что я долженъ воздерживаться отъ печатанія незрѣлыхъ плодовъ; другіе, наоборотъ, — что мои сонеты лучше сонетовъ Петрарки и что если у насъ появится оригинальная литература, то я буду ея отцомъ. Risum teneatis! Всѣ эти похвальныя и критическія статьи одна глупѣе другой...

Ф. Малевскій сестрамъ.

Москва, 10-го ноября 1827 г.

...Сообщу вамъ, что въ Москвѣ гоститъ Шимановская; она, навѣрное, будетъ давать концерты. Вчера я разсчитывалъ видѣть ее у княгини Вол-

конской, но ее не было. Эта г-жа Волконская удивительно добрая женщина: все приглашаетъ и приглашаетъ, хотя мы по цѣлымъ недѣлямъ глазъ не показываемъ. Она даетъ превосходные обѣды, поетъ и заблаговременно опять зоветъ на обѣдъ, какъ будто зная, что безъ этой приманки она насъ не скоро увидитъ. Если бы можно было ходить къ ней не въ бѣломъ галстухѣ, не въ бѣлыхъ перчаткахъ и хотя бы съ двухдневною бородою! Не знаю, писалъ ли я вамъ, что она передѣлала и перекрасила комнаты. Гдѣ былъ красный бархатъ, теперь зеленый, гдѣ зеленый, тамъ теперь голубой; вездѣ все новое. Прибавилась еще une chambre grecque, освѣщаемая русскою лампою и наполненная статуями, бюстами и разными древностями....

Б. г. Петербургъ.

...Я былъ на нѣсколькихъ утреннихъ и вечернихъ музыкальныхъ собраніяхъ, но часто мнѣ приходило въ голову, что шумъ, парадныя комнаты, изысканные туалеты, свѣтъ, звѣзды не придаютъ особеннаго достоинства искусству. У княгини Волконской собирались, безъ всего этого, вокругъ фортепіано, и музыка была лучше, имѣла больше прелести. Тамъ, дѣйствительно, были большіе таланты... Шимановской везетъ. Императрица поручила ей обучать музыкѣ свою дочь. Теперь ей отбоя не будетъ отъ уроковъ....

Н. Малевскій Лелевелю.

Петербургъ, 28-го декабря 1827 г.

...Черезъ нѣсколько дней Мицкевичъ уѣзжаетъ отсюда и возвращается въ Москву. Послѣ долгихъ лѣтъ разлуки и стольких испытаній, мы встрѣтились, глубоко тронутые, съ братскими чувствами. Наружность его нѣсколько измѣнилась: онъ отпустилъ бакенбарды, что придаетъ ему болѣе степенный видъ. Цвѣтъ лица у него здоровѣе, онъ нѣсколько возмужалъ, перемѣнился къ лучшему. Въ обществѣ онъ не проявляетъ прежней эксцентричности; напротивъ, онъ держитъ себя свободно и симпатично. Даже съ тѣми лицами, которыя не имѣютъ основанія разсчитывать на особенную предупредительность съ его стороны, онъ обращается очень любезно. Талантъ его созрѣлъ; его рѣчь, обогащенная тѣмъ, что онъ видѣлъ и читалъ, носитъ, кромѣ того, отпечатокъ его богатой фантазіи. Онъ любитъ теперь много говорить, его голосъ часто одинъ только раздается въ обществѣ, и всякій смолкаетъ, чтобы слышать его. Душа моя наполняется чувствомъ гордости, при мысли, что я былъ товарищемъ Мицкевича и состою въ числѣ его друзей. Пріѣздъ его въ Петербургъ вызвалъ небывалую сенсацію. Русскіе и поляки наперерывъ спѣшатъ проявить ему свое уваженіе. У насъ здѣсь постоянная масляница: обѣды, продолжающіеся за полночь, слѣдуютъ одинъ за другимъ, и принимать всѣ приглашенія, Мицкевичъ не

успѣваетъ. Онъ часто не знаетъ, какое приглашеніе принять. Онъ довелъ свой импровизаторскій талантъ до баснословнаго совершенства. Когда онъ въ ударѣ, стоитъ только сыграть на фортепіано знакомую ему пѣсенку, и онъ тотчасъ же начинаетъ импровизировать, и, притомъ, съ такою страстностью, что кажется, будто его внезапно обуялъ какой-то духъ, который не даетъ ему покоя, пока онъ не изольетъ всѣхъ своихъ чувствъ. Я слышалъ его уже болѣе десяти разъ. Записывать за нимъ очень трудно, потому что никто не можетъ поспѣть за быстрою его рѣчи, да, къ тому же, онъ не позволяетъ, чтобы записывали, потому что вдохновеніе его изсякаетъ, когда онъ видитъ пишущихъ. Я старался, по крайней мѣрѣ, записывать ежедевно вечеромъ содержаніе его импровизацій; пусть хоть эти неуклюжія черты чудныхъ образовъ запечатлѣются въ памяти! Мицкевичъ пріѣхалъ сюда отчасти, чтобы повидаться съ Францискомъ (Малевскимъ), отчасти чтобы лично похлопотать о разрѣшеніи ему періодическаго изданія въ Москвѣ на польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Iris.» Онъ предполагалъ посвятить это изданіе литературѣ, философіи, поэзіи. Къ величайшему нашему сожалѣнію, министръ ему отказалъ, ничѣмъ не мотивируя свой отказъ. Онъ привезъ съ собою рукопись новой своей поэмы: «Валленродъ.» Я читалъ ее много разъ отъ доски до доски; чѣмъ чаще я ее читаю, тѣмъ больше открываю въ ней красотъ. Ничего подобнаго въ польской литературѣ еще не имѣется; я рѣшаюсь предсказать, что лица, скептически относящіяся къ

славѣ Адама, принуждены будутъ умолкнуть, или что упорныя ихъ нападки будутъ отвергнуты съ презрѣніемъ. Въ поэмѣ болѣе 2,000 стиховъ; авторъ сдѣлалъ опытъ ввести въ разсказъ гекзаметръ; не знаю, какъ отнесутся къ этому нововведенію другіе; но мнѣ, освоившемуся съ стихотворнымъ размѣромъ древнихъ, оно очень нравится. Тенденція поэмы возвышенна и благородна. Во всѣ времена и всѣмъ народамъ она будетъ нравиться. Онъ не могъ приступить здѣсь къ печатанію, вслѣдствіе наступленія праздниковъ и неимѣнія изящнаго шрифта; по возвращеніи его въ Москву, вѣроятно, въ концѣ будущаго мѣсяца поэма выйдетъ въ свѣтъ.

I. У. Немцевичъ Мицкевичу.

Варшава, 8-го февраля 1828 г.

Я получилъ ваше письмо, многоуважаемый соотечественникъ, и преисполненъ благодарности за лестныя для меня, но не заслуженныя ваши похвалы. Отъ души сожалѣю, что такой прекрасный талантъ, воодушевляющій столь благородную душу, долженъ скитаться на чужбинѣ и не можетъ жить и вдохновляться сильными гражданскими чувствами. Такъ, однако, заблагоразсудилось непостижимой и ожесточенной противъ насъ судьбѣ; будемъ надѣяться, что она со временемъ смягчится. Пусть молодежь въ непогоду приготовляетъ посѣвъ для болѣе благопріятнаго времени: будемъ черпать въ чистыхъ источникахъ, vos exemplaria graeca diurna

versate manu, versate nocturna. Если семидесяти-лѣтнему старцу позволено высказать свое мнѣніе, то я скажу, что во многихъ теперешнихъ произведеніяхъ я замѣчаю какую-то склонность и расположеніе къ нѣмецкимъ метафизическимъ и романтическимъ увлеченіямъ и выраженіямъ. Я не подчиняюсь рабски классицизму, и знаю, что геній сильно стѣсняютъ слишкомъ строгія правила Аристотеля и что они лишаютъ насъ, особенно въ драматическомъ искусствѣ, сильныхъ и поражающихъ красотъ и положеній. Тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ, отрѣшившись отъ всякихъ правилъ, предоставить полную свободу Пегасамъ и гнать съ вѣтромъ по облакамъ. Можно и должно даже провозглашать въ риѳмахъ истины здравой философіи (слѣдуя примѣру Вольтера); онѣ, благодаря прелести поэзіи, пріобрѣтаютъ новую силу и лучше запечатлѣваются въ умахъ; но сохрани Боже углубляться въ метафизику и ея трудныя для пониманія соображенія То, что не ясно, неестественно, мало понятно, наврядъ ли можетъ считаться прекраснымъ и нравиться. Само собою разумѣется, что не прекрасныя ваши произведенія, а отрывочныя писанія нѣкоторыхъ изъ нашихъ стихотворцевъ дали мнѣ поводъ къ этимъ замѣчаніямъ... Безтолковое чтеніе нѣкоторыхъ нѣмецкихъ писателей часто неблагопріятно вліяло на нашъ вкусъ. Будемъ подражать рѣдкимъ красотамъ Шиллеровъ, Гете, Виландовъ, но, въ то же время, остерегаться того, что въ нихъ есть преувеличеннаго и ошибочнаго (zdrożny). Да послужатъ намъ образцами Гомеръ, Еврипидъ, Софоклъ, Горацій, Виргилій! Этимъ образцамъ подра-

жалъ и подражалъ бы и впредь нашъ Мицкевичъ, если бы его генію дана была возможность свободно расправить крылья. Будемъ надѣяться, что добрый нашъ монархъ устранитъ ненужныя теперешнія преграды и дасть талантамъ развиваться на славу собственную и подданныхъ своихъ.

Я пишу князю Вяземскому и благодарю его за всѣ услуги, оказанныя нашимъ соотечественникамъ. Да утѣшитъ, поддержитъ и хранитъ тебя, достойный юноша, на благо края, Богъ отцовъ нашихъ! Отъ души желаю...

Мицкевичъ Ѳомѣ Зану.

Москва, 3-го апрѣля 1828 г.

...Слава моя распространяется въ Москвѣ и доставляетъ мнѣ много друзей. Земляки, живущіе въ столицѣ, и пріѣзжіе устроили мнѣ роскошную *кутью*; импровизаціи, пѣніе и т. д. напомнили мнѣ увеселенія юношескихъ лѣтъ. Затѣмъ, посыпались ежедневныя приглашенія то туда, то сюда, и время прошло довольно пріятно, за исключеніемъ только печальной и тягостной встрѣчи съ братомъ Егоромъ, дурное поведеніе котораго отняло у меня много здоровья. Я познакомился въ столицѣ съ русскими литераторами: Жуковскимъ, Козловымъ и т. д., и нѣкоторые изъ нихъ отнеслись ко мнѣ съ искреннимъ расположеніемъ. Но болѣе всего меня порадовалъ неожиданный пріѣздъ Гейдателя и Соболевскаго въ столицу. Много они натерпѣлись, трудясь въ отдаленныхъ губерніяхъ; теперь

они получатъ лучшія мѣста и новый чинъ. Слоняется также по Петербургу Кривоустый, Маріанъ Кудравый, исторія котораго длинна и могла бы быть передана мною развѣ на словахъ. Онъ теперь служитъ и состоитъ, въ тоже время, моимъ уполномоченнымъ. Олесь Ходзько дополнилъ собою число моихъ знакомыхъ,—славный онъ малый! Онъ почти жилъ у меня, и мы не могли натѣшиться другъ другомъ. Онъ перевелъ греческія пѣсни изъ Форіеля и вскорѣ ихъ напечатаетъ; переводъ его очень удовлетворительный. Славу Богу, Олесь отрѣшился, наконецъ, отъ своего туманнаго слога! Не смотря на всѣ эти петербургскія удовольствія, я рвался въ Москву. Семейство Залѣскихъ также здѣсь гостило; я хотѣлъ навѣстить ихъ передъ отъѣздомъ, равно какъ и другихъ моихъ знакомыхъ; были и другія обстоятельства. Францискъ остался въ Петербургѣ, но до сихъ поръ не имѣетъ ничего опредѣленнаго въ виду. Въ апрѣлѣ я отправляюсь туда и поступлю на службу; надѣюсь вскорѣ помочь и вамъ. На лѣто у меня складываются разные проекты: можетъ быть, выберусь на Кавказъ или въ Крымъ! Иногда меня прельщаетъ и Оренбургъ; подчасъ снится Италія... Но все это пока только вертится на умѣ и осуществить трудно Какъ что-нибудь выяснится,—сообщу.

Жизнь моя течетъ однообразно и, почти могу сказать, счастливо,—такъ счастливо, что боюсь, какъ бы завистливая Немезида не наградила меня какими-нибудь новыми бѣдствіями. Спокойствіе духа (по крайней мѣрѣ, индивидуальное), иногда пріятныя развлеченія, полное отсутствіе

страстныхъ потрясеній (понятно тоже индивидуальныхъ). Надѣюсь, что лѣтомъ появится и большая охота къ труду; теперь я лѣнюсь, хотя читаю и думаю много. Дни мои проходятъ однообразно; утромъ читаю, иногда, но рѣдко пишу; въ третьемъ часу обѣдаю или одѣваюсь, чтобы отправиться куда-нибудь на обѣдъ; вечеромъ предстоитъ концертъ или другое увеселеніе; возвращаюсь домой, по большей части, поздно. Учу нѣсколькихъ дамъ польскому языку. Въ скобкахъ скажу, что здѣсь многіе учатся польскому языку, а попечитель даже намѣревался учредить каѳедру при университетѣ. Я давно могъ бы ее получить; но такъ какъ я не намѣренъ оставаться въ Москвѣ, то отношусь къ этому дѣлу спустя рукава. Образъ жизни, который я тебѣ описалъ, выровнялъ мой характеръ и имѣетъ успокоительное вліяніе на меня. Олесь Ходзько въ настоящее свиданіе очень мнѣ удивлялся; онъ превозносилъ ровность моего характера и умѣніе уживаться съ людьми, чего прежде у меня не было...

Мицкевичъ г-жѣ Бонавентурѣ Залѣской.

Петербургъ, 20-го августа (1828 г.?)

...Мой планъ съѣздить на Кавказъ или въ Одессу не осуществился; до сихъ поръ я не пріискалъ себѣ мѣста въ Петербургѣ. Я такъ усталъ, такъ мнѣ надоѣло здѣшнее пребываніе, что если черезъ мѣсяцъ ничего не устроится, то я вернусь въ Москву

и буду тамъ ожидать какой-нибудь развязки. Постоянная неопредѣленность положенія, хотя и продолжающаяся уже такъ долго, все-таки, надоѣдаетъ, и трудно къ ней привыкнуть; вотъ почему я не чувствую охоты избрать себѣ какую-нибудь работу и искренно посвятить себя ей...

Мицкевичъ Э. Одынцу.

Петербургъ, 12-го Мая 1829 г.

Я недавно вернулся по отвратительному пути изъ Москвы. Видишь, какимъ я сталъ кочевникомъ; пролетѣть сто миль по тающимъ снѣгамъ и ломающемуся льду,—для меня пустяки. Я теперь предпринимаю еще болѣе продолжительное путешествіе. Черезъ нѣсколько недѣль съ милостиваго и лестнаго для меня разрѣшенія Е. И. Величества я уѣзжаю за-границу для поправленія здоровья. Въ виду недостаточности моихъ средствъ я избираю кратчайшій путь, т. е. моремъ до Любска, а оттуда въ Дрезденъ, гдѣ буду въ концѣ русскаго мая. Затѣмъ я пробуду нѣкоторое время на водахъ и, смотря по состоянію здоровья и другимъ обстоятельствамъ, рѣшу, куда ѣхать дальше. Сообщи обо всемъ этомъ, тѣмъ временемъ, Лелевелю; впослѣдствіи я ему самъ напишу. Если ты можешь путешествовать теперь, спѣши въ Дрезденъ и ожидай меня тамъ. Ты поймешь, дорогой Эдуардъ, какъ сама мысль объ этомъ меня радуетъ. Не посѣтить-ли намъ вмѣстѣ Италію? Если мы пропустимъ этотъ случай свидѣться, то Богъ вѣсть,

встрѣтимся-ли мы опять когда-нибудь, встрѣтимся ли, вообще?...

Что касается до литературныхъ ссоръ, то я ихъ всѣ предвидѣлъ, и онѣ меня нисколько не удивляютъ. Не могу только понять, за что ты такъ сердишься на Дмоховскаго; аттакованный долженъ защищаться; въ его отвѣтѣ нѣтъ ничего, какъ ты выражаешься, подлаго; надо ожидать болѣе рѣзкихъ нападокъ со стороны классиковъ; они нападутъ на мои стихотворенія, преимущественно, на двѣ оды и, можетъ быть, будутъ даже остроумно насмѣхаться надъ многими вещами. Но что въ этомъ удивительнаго? У меня, должно быть, счастливый характеръ или слишкомъ много самолюбія, но, ей-богу, я не сержусь на критиковъ, и чѣмъ злѣе они будутъ меня донимать, тѣмъ громче я буду смѣяться. Пусть сорвутъ сердце. Я приготовилъ уже новую, болѣе сильную, филипику противъ нихъ, въ которой я разбираю ихъ вполнѣ обстоятельно. Въ моемъ интересѣ было бы никого не трогать, и ты знаешь, что я въ жизни человѣкъ снисходительный и со всѣми уживаюсь; но мнѣ надоѣла классическая ваша дрянь, и имъ я покажу, что я не боюсь ихъ всѣхъ, вмѣстѣ взятыхъ. Напиши мнѣ, что думаетъ Лелевель о предисловіи...

Ю. Словацкій А. Э. Одынцу.

Варшава, 21-го мая 1829 г.

...Какъ тебѣ нравится Петербургъ? Соотвѣтствуетъ ли онъ твоимъ ожиданіямъ? Засталъ ли ты

всѣхъ знакомыхъ? Отдай на судъ г. Мицкевича мою повѣсть; буду ему очень благодаренъ, если онъ потрудится ее прочесть. Я былъ бы ему безконечно обязанъ, если бы онъ соблаговолилъ написать о ней собственноручно нѣсколько словъ. Опасаюсь, однако, что эта просьба будетъ походить на требованіе остроумнаго Лопатты (Lopatty), поставленное тебѣ при отъѣздѣ. Обсуди, поэтому, самъ мою просьбу и не передавай ее Мицкевичу, если ты признаешь ее слишкомъ смѣлою. .

Будь здоровъ, дорогой Эдуардъ, обними отъ меня дорогаго Александра Ходзько и Шпицнагеля. Г. Мицкевичу, котораго я имѣлъ счастіе, по крайней мѣрѣ, видѣть нѣсколько разъ, передай мой нанинижайшій поклонъ...

М. Шимановская Мицкевичу.

Май 1829 г.

Мы поспѣшили на заводъ Берта, но за полчаса передъ тѣмъ ушелъ уже пароходъ, который увезъ нашего добраго и дорогаго Мицкевича...

Целина сильно плакала, а когда я ей сказала: уѣхалъ, кто тебѣ теперь будетъ говорить правду? то она такъ горько залилась слезами, что у нея даже кровь пошла изъ носу.. Малевскій и Одынецъ находятся у насъ. Первый держитъ себя философомъ, а второй реветъ, какъ баба. Я стараюсь подражать Малевскому. Будьте здоровы и счастливы. Мнѣ будетъ теплѣе, когда я узнаю, что вы въ Италіи. Ваше счастіе—наше счастіе: и наши

сердца всецѣло принадлежатъ вамъ. Живите спокойно.

Я уже отправилъ письмо. Затѣмъ я зашелъ къ Шим., гдѣ вспомнилъ, что ничего не ѣлъ. Вездѣ слезы: у однихъ уже засыхаютъ, у другихъ струятся. Хотя мы съ Одынцемъ старались ободриться виномъ и портеромъ, но онъ реветъ, и я, глядя на плачущихъ дѣвушекъ, не могу удержаться отъ слезъ. Что за отвратительное изобрѣтеніе эти пароходы! Напрасно я говорилъ, что такъ плакать по уѣзжающимъ не годится, что это значитъ не вѣрить въ безсмертіе души, но все это не помогаетъ, и слезы не унимаются. Точно, это твое семейство, плачущее о тебѣ. Да благославитъ тебя Богъ! Векселя я послалъ черезъ Волконскаго.

Малевскій.

Много разъ благодарю васъ за хорошіе совѣты, которые вы мнѣ давали, и вы можете быть увѣрены, что я буду стараться слѣдовать имъ. Шлю вамъ много поклоновъ и желаю благополучнѣйшаго пути. Напоминаю вамъ о моей лошадкѣ и посвященіи.

Целина.

Княгиня З. Волконская Мицкевичу.

Римъ, 5-го іюня 1829 г.

Вѣроятно, вы теперь въ Дрезденѣ, и я на всякій случай пишу вамъ это письмо, которое, мо-

жетъ быть. до васъ дойдетъ. Я тотчасъ-же уѣзжаю въ Неаполь и Исхію и предупреждаю васъ, что намѣрена вернуться въ Римъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Если вы посѣтите Италію, то пріѣзжайте прямо въ Римъ и остановитесь у меня, гдѣ васъ примутъ съ распростертыми объятіями. Я наняла домъ на продолжительный срокъ, via monte di Brianzo, № 20, Palazzo Ferrucci. Францискъ остается. Если даже я не успѣю вернуться, онъ предупрежденъ и укажетъ вамъ вашу комнату. Графъ Риччи, свиданіе съ которымъ преисполнило мое сердце радости, ожидаетъ васъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ... Я пишу г. Барклаю-де-Толли и предупреждаю моего друга Перукини о вашемъ пріѣздѣ. Если бы вы мнѣ сообщили вашъ маршрутъ, я снабдила бы васъ рекомендательными письмами во всѣ города, въ которыхъ я имѣю друзей...

М. Шимановская Мицкевичу.

Петербургъ, 10-го іюня 1829 г.

Письмо изъ Гамбурга, которое мы ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ, наконецъ, пришло. Какъ мы счастливы, что вы о насъ помните, дорогой и, добрый другъ, что вы не дали соловьямъ предпочтенія предъ моимъ фортепіано, а готическимъ башнямъ предъ домами Іохима и Пентешева... Мы очень тоскуемъ. За столомъ кого-то недостаетъ, звонокъ наводитъ уныніе, съ Целиной никто не ссорится для ея добра, Гельцю никто не пріучаетъ къ порядку, Юльцу никто не утѣшаетъ ..

Я узнала только теперь, что во Флоренціи живетъ chargé d'affaires, князь Горчаковъ, хорошій мой лондонскій знакомый. Прошу васъ непремѣнно навѣстить его и сказать ему, чтобы онъ меня не забывалъ. Онъ принадлежитъ къ числу честныхъ людей, которыхъ такъ мало на свѣтѣ...

По недостатку мѣста поблагодарю васъ въ двухъ словахъ за память обо мнѣ, за добрые совѣты и кланяюсь вамъ много разъ.

Целина.

...Я еще не видѣла Никифора *). Кто бы могъ подумать, que cette entrevue sera attendrissante.

М. Ш.

Петербургъ, 11-го іюня 1829 г.

...Видѣла Никифора. Онъ съ умиленіемъ вспоминаетъ объ Адамѣ Николаевичѣ...

М. Шимановская.

Ф. Малевскій сестрамъ.

Петербургъ, 14-го сентября 1829 г.

...Отъ Мицкевича получены недавно письма, но залежавшіяся въъ Дрезденѣ. Я знаю, хотя и не отъ него лично, что онъ былъ въ Карлсбадѣ, въ Маріенбадѣ, пилъ воды, а въ Веймарѣ видѣлся съ Гете.

---

*) Бывшій лакей Мицкевича.

Ноябрь.

За послѣднее время я получилъ письма отъ Мицкевича изъ Венецiи. Папаша, вѣроятно, знаетъ, что знаменитый Гете пожелалъ имѣть его портретъ и нарочно присылалъ съ этою цѣлiю живописца.

Мицкевичъ Ф. Малевскому.

Римъ, декабря 1829 г.

...Изъ Венецiи мы отправились черезъ Феррару и Болонью во Флоренцiю, гдѣ пробыли три недѣли. Римъ оглушилъ меня; куполъ св. Петра послужилъ вѣнцомъ для всѣхъ итальянскихъ воспоминанiй... По музею я промаршировалъ быстрымъ шагомъ, бросая по сторонамъ бѣглые взгляды и еле останавливаясь передъ Аполлономъ, Лаокоономъ и Бойцомъ. Это шествiе продолжалось два часа. Еслибы собрать всѣ статуи и гипсы дрезденскiе, венецiанскiе и даже флорентинскiе, то ихъ можно было бы помѣстить въ какомъ-нибудь уголкѣ Ватикана. Здѣшнiй музей — настоящiй городъ статуй, заваленный саркофагами и оштукатуренный надписями. Видѣвъ Римъ, ты навсегда потеряешь охоту любоваться другими собранiями статуй и картинъ, и станешь краснѣть за энтузiазмъ, который въ тебѣ вызывало то, что ты прежде видѣлъ. Римскiе ученые развѣ только по наслышкѣ знаютъ нѣмцевъ и англичанъ, а надъ Байрономъ они смѣются. Они имѣютъ своихъ великихъ людей, слава которыхъ

проникла за Тибръ; въ Ломбардіи больше жизни, и оттуда грозно приближается новая литература, которая уже стоитъ у Рубикона. Ливій имѣетъ здѣсь, на мѣстѣ, совершенно особую прелесть, потому что вечеромъ можно видѣть мѣсто, гдѣ произошли событія, о которыхъ ты утромъ читалъ. О Римѣ нелегко писать. Байронъ, подобно Горацію Коклесу, большими шагами занялъ мостъ на Тибрѣ: ingenti gradu occupavit pontem...

Мицкевичъ г-жѣ Анастасіи Хлюстинъ. *)

Римъ, 1830 г.

Тысячу разъ благодарю васъ за ваше любезное приглашеніе. Если мы и не отобѣдаемъ на Парнасѣ, то я навѣрное встрѣчу у васъ музу, которая внушила вамъ милую вашу записочку.

---

*) Мы помѣстили здѣсь эти записочки, которыя сами по себѣ не имѣютъ никакого значенія, потому что онѣ свидѣтельствуютъ о веселомъ расположеніи духа Мицкевича во время его путешествія по Италіи. Поэтъ часто повторялъ, что это были послѣдніе, совершенно безоблачные, дни въ его жизни... Русское общество, находившееся тогда заграницею, относилось очень дружелюбно къ полякамъ, вообще, и Мицкевичъ сдѣлалъ не мало пріятныхъ знакомствъ. Ноябрьская ночь совершенно измѣнила положеніе вещей: прежнія отношенія прервались; но были и исключенія. До конца своей жизни Мицкевичъ причислялъ къ самымъ задушевнымъ своимъ друзьямъ, русскую, графиню Хлюстинъ, которая стояла выше междуплеменныхъ ссоръ. *(Примѣчаніе парижскаго издателя).*

Римъ, 1830 г.

Шлю вамъ два: здравствуйте за ваши двѣ записочки, въ которыхъ мнѣ пріятно видѣть двойное доказательство вашей памяти обо мнѣ. Что же касается до предположенныхъ прогулокъ пѣшкомъ или верхомъ, по морю или на сушѣ, то я всегда нахожусь въ вашемъ распоряженіи. Я зайду въ двѣнадцать часовъ, чтобы выслушать ваши приказанія.

Игнатій Домейко Мицкевичу

Заполе, 31-го октября 1830 г.

Вчера ко мнѣ пріѣхала Марія; сегодня въ Заполѣ мы праздновали «Дзядовъ»; сегодня же я вручилъ Маріи присланныя тобою четки. Мало я провелъ такихъ пріятныхъ часовъ въ жизни, какъ сегодня въ Заполѣ: мы развели большой огонь, усѣлись вокругъ него и бесѣдовали о тебѣ и о нашихъ друзьяхъ...

Мицкевичъ Л. Ходзьк**ъ**.

Флоренція, 10-го іюля 1830 г.

Я разсчитывалъ быть осенью въ Парижѣ и, поэтому, откладывалъ до личнаго свиданія многіе вопросы, о которыхъ я хотѣлъ съ вами поговорить, но которые я не люблю передавать на письмѣ Но маршрутъ мой, вѣроятно, измѣнится. Поэтому мнѣ

приходится хоть вкратцѣ познакомить васъ съ положеніемъ какъ моимъ, такъ и друзей моихъ, чтобы вы имъ мимовольно не вредили. Имѣя въ Парижѣ связи съ редакторами и посвящая себя, насколько мнѣ извѣстно, газетному труду, вы могли бы оказывать немаловажныя услуги своимъ соотечественнымъ, еслибы вы дѣйствовали и писали, сообразуясь съ общимъ благомъ, а не съ личнымъ усмотрѣніемъ. Я всегда былъ убѣжденъ, что иностранныя газеты больше намъ вредятъ, чѣмъ приносятъ намъ пользы. Въ самомъ дѣлѣ, кто у насъ ихъ читаетъ: въ Варшавѣ два-три лица, въ Вильнѣ еще того меньше. Слѣдовательно, онѣ не имѣютъ никакого вліянія на общественное мнѣніе и только раздражаютъ людей, которые мстятъ тѣмъ, кто у нихъ подъ рукою, за погрѣшности живущихъ вдали. Съ нѣкоторыхъ поръ помѣщены въ газетахъ страшныя для насъ статьи, преисполненныя невѣрностей и лжи. «Общество лучезарныхъ» протрубили имѣющимъ важное политическое значеніе. Это, именно, доказывали и доказываютъ наши враги, а мы, напротивъ, протестовали противъ этого, стараясь выяснить правительству истинное положеніе дѣла. Эти статьи даютъ нашимъ гонителямъ оружіе въ руки и послужатъ уликами, потому что писаны, повидимому, нашими друзьями. Не слѣдовало говорить о ненависти правительства къ отдѣльнымъ лицамъ и обществу, потому что правительство было введено въ заблужденіе интригами нѣсколькихъ негодяевъ. Помните, что, кромѣ меня, всѣ друзья находятся въ изгнаніи и что выставлять ихъ людьми опасными значитъ навсегда

лишить ихъ возможности вернуться на родину. Не понимаю, кто сообщилъ обо мнѣ эти подробности, но онъ поставилъ меня въ очень непріятное положеніе, изобразивъ всѣхъ моихъ русскихъ друзей и покровителей людьми, недовольными правительствомъ, что является ложью и лишитъ моихъ товарищей покровительства. Мнѣ нельзя будетъ показаться на глаза знакомымъ, если они повѣрятъ, что фанфаронское заявленіе о томъ, будто бы мнѣ надоѣлъ придворный этикетъ, исходитъ отъ меня: вѣдь, на самомъ дѣлѣ, я при дворѣ никогда не бывалъ. Вы, навѣрное, не принимали никакого участія въ составленіи и напечатаніи подобныхъ статей, но заклинаю васъ любовью къ родинѣ и состраданіемъ къ невинно-преслѣдуемымъ изгнанникамъ впредь предостерегать нашу пылкую молодежь, которой дай Богъ исправиться отъ давнишняго ея недостатка, отъ привычки *много шумѣть, но мало дѣлать*...

Мицкевичъ г-жѣ Анквичъ. *)

Римъ, (183о г.)

Тысячу разъ извиняюсь передъ вами за мое мараньe. Обыкновенно,— могу сказать безъ самохвальства,—пишу лучше, если у меня есть хорошіе

---

*) Приписка къ письму Одынца, въ которомъ послѣдній благодаритъ за присланныя ему конфекты и добавляетъ: «Отвѣчаю на вашъ вопросъ, что онъ при полученіи письма, не имѣлъ на себѣ цвѣта надежды.»

чернила и перо. Не нахожу словъ, чтобы поблагодарить графиню за прекрасный портфель. Паннѣ Генріеттѣ имѣю честь заявить, что у насъ, въ Литвѣ, во время поста не принято играть съ дамами въ какую-бы то ни было игру. Когда бы ей ни вздумалось увѣриться въ моей памяти, она можетъ приказать мнѣ явиться лично, и клянусь всѣмъ, что есть зеленаго, начиная съ мирта и кончая крапивою, что она всегда и всюду найдетъ на мнѣ цвѣтъ надежды. Одынцу нельзя вѣрить: благодаря вашей любезности, онъ только-что обесхарилъ себѣ уста, слѣдовательно, онъ — подкупленный свидѣтель. Мы надѣемся, что у васъ всѣ здоровы и, по прежнему, къ намъ милостивы. Наинижайшій и наизеленѣйшій слуга.

Мицкевичъ графинѣ Анастасіи Сиркуръ, урожденной де-Хлюстинъ.

Римъ, 31-го декабря 1830 г.

Нижеслѣдующія строки покажутся вамъ очень печальными для перваго письма къ новобрачной, помѣченнаго ея медовымъ мѣсяцемъ. Но что дѣлать! Напрасно я ждалъ минуты веселія или, по крайней мѣрѣ, спокойствія. Съ нѣкоторыхъ поръ я не въ состояніи связать двухъ мыслей. Прежде одно намѣреніе писать вамъ наполняло мое сердце какою-то дѣтскою радостью, которую вы внушали всѣмъ, кто только встрѣчался съ вами въ жизни. Нынѣ воспоминаніе о васъ уже безсильно расше-

велить мою мысль. Поэтому не ожидайте отъ меня краснорѣчивыхъ поздравленій. Но прошу васъ вѣрить, что я искренно и глубоko сочувствую вашему счастію. Вы не можете представить, kakъ сладостно радоваться счастію друзей человѣку, которому судьба рѣдko даетъ даже и это утѣшеніе Я, вѣроятно, вскорѣ разстанусь съ Римомъ и Италіею,— быть можетъ, очень скоро. Я просилъ г. Симона прислать мнѣ тотчасъ же деньги или переводъ на Торлонія, по адресу княгини Зинаиды. Весь день я безцѣльно слоняюсь, а вечеромъ размышляю. Напишите мнѣ нѣсколько словъ. Потрудитесь поцѣловать отъ меня ручки у вашей дорогой матери, которую я люблю и уважаю не менѣе собственной. Попросите ее благословить меня; я, несомнѣнно, въ этомъ буду нуждаться.

Напомните о мнѣ вашему мужу. У него здѣсь много соперниковъ: со всѣхъ сторонъ спрашиваютъ меня о немъ. Если я не злословилъ на него, то это было очень великодушно съ моей стороны. Мои слушатели относились ко мнѣ съ такимъ расположеніемъ, что достаточно было немного язвительности, чтобы составить себѣ репутацію остроумнаго человѣка; но я предпочитаю репутацію преданнаго вамъ обоимъ друга.

Мицкевичъ брату своему Франциску.

Конаржево подъ Равичемъ, 20-го ноября 1831 г.

Пѣткевичъ сообщаетъ мнѣ, что онъ встрѣтилъ тебя при арміи передъ вступленіемъ ея на прус

-скую территорію. Ты легко представишь себѣ, какъ я былъ удивленъ и обрадованъ. Если бы я зналъ, гдѣ ты находишься, я поѣхалъ бы тебя отыскивать. Я очень безпокоюсь о твоемъ здоровьѣ; ты, вѣроятно, вынесъ много бѣдъ и находишься теперь въ денежныхъ затрудненіяхъ. Я тотчасъ же вышлю тебѣ нѣсколько сотъ талеровъ, какъ только узнаю гдѣ ты находишься. Пиши мнѣ немедленно въ нѣсколькихъ копіяхъ, чтобы письмо твое вѣрнѣе дошло. Пока ты не получишь отвѣта, не трогайся съ мѣста, а если бы васъ вздумали высылать, то сошлись на болѣзнь. Если же тебѣ позволятъ ѣхать въ Познань, то пріѣзжай прямо ко мнѣ. Первый помѣщикъ, къ которому ты заѣдешь, дастъ тебѣ лошадей. Но лучше дождись моего отвѣта. Не безпокойся на счетъ будущаго; оно, можетъ быть, и къ лучшему, что ты пріѣхалъ. Ахъ, дорогой Франусь, еслибъ я увидѣлъ тебя только здоровымъ!

Я гощу здѣсь уже нѣсколько мѣсяцевъ, здоровъ, ни въ чемъ не нуждаюсь и, кромѣ бѣдствій, общихъ намъ всѣмъ, не могу жаловаться на мою судьбу. Весною я послалъ тебѣ съ сыномъ полковника Раецкаго двѣсти франковъ; не знаю, получилъ ли ты ихъ. Нашъ братъ Александръ здоровъ и живетъ, попрежнему, въ Кременчугѣ. Отвѣчай немедленно. Мой адресъ: Dem Hochwohlgebornen Herrn von Bojanowski bei Rawicz, Konarzewo. Прибавь въ сторонкѣ: pour monsieur Adam.

Княгиня Волконская Мицкевичу.

Римъ, 24-го ноября 1831 г.

Спѣшите, пріѣзжайте къ намъ. Поселитесь у насъ: мы устроимся. Вы убѣдитесь, что ваши друзья преданы вамъ всею душою до гробовой доски. Я очень безпокоилась о васъ и о вашемъ здоровьѣ; благодарю Бога, что онъ васъ сохранилъ. Пріѣзжайте немедленно или, по крайней мѣрѣ, сообщите мнѣ о вашихъ планахъ. Я проведу здѣсь, не трогаясь съ мѣста, только зиму, а весною я поѣду въ Женеву за моимъ Александромъ и почтеннымъ Шевыревымъ и свезу ихъ въ Москву. Я не хочу лишиться удовольствія васъ видѣть. Какъ я скучаю безъ моего Александра, но его занятія требовали разлуки. Я уѣду изъ Рима въ апрѣлѣ. Какъ мы часто бесѣдуемъ о васъ! Какъ обрадуется вамъ дорогой графъ Риччи! Сестра моя, Владиміръ, Розалина много разъ вамъ кланяются. Ваше письмо было для насъ бальзамомъ. Скамейка и виды въ моемъ виноградникѣ васъ ожидаютъ. Я страдаю вмѣстѣ съ вами, — этимъ все сказано. Много тысячъ пожеланій и дружба вѣчная, какъ наши души!

Мицкевичъ І. Лелевелю.

Дрезденъ, 23-го марта 1832 г.

...Вы поймете, почему я не смѣлъ бомбардировать васъ письмами во время революціи, требуя

новостей или предлагая совѣты, которые такъ легко давать издали и когда время прошло и такъ трудно пріискать на мѣстѣ, въ разгарѣ событій. Богъ не далъ мнѣ принять какое-либо участіе въ дѣлѣ, столь важномъ и плодотворномъ для будущаго. Я живу только надеждою, что не сложу бездѣятельно рукъ въ могилѣ. Вы не повѣрите, какъ сильно мнѣ хочется повидаться съ вами, и я готовъ, исключительно съ этою цѣлью, ѣхать въ Парижъ, которымъ я гнушаюсь, какъ адомъ. Вы выяснили бы мнѣ много непонятныхъ для меня эпизодовъ, такъ какъ объясненіямъ перваго встрѣчнаго я не вѣрю. Но это принадлежитъ уже прошлому, исторіи, а я призванъ дѣйствовать для будущаго и очень хотѣлъ бы знать, какъ вы смотрите на него.

Здѣсь всѣ жалуются на раздоры, которые легко было предвидѣть, такъ какъ они начались еще въ Варшавѣ и только дозрѣваютъ во Франціи. Мнѣ кажется, что одни разсчитываютъ на французское правительство, другіе на народъ или людей du mouvement. Я смотрю на обѣ эти партіи, какъ на шайку деморализированныхъ эгоистовъ и ничего отъ нихъ не ожидаю. По моему мнѣнію, Франція — Аѳины времень Демосѳена; французы будутъ шумѣть, замѣнять однихъ ораторовъ и вождей другими, но они не исцѣлятся отъ своего недуга, потому что червь подтачиваетъ ихъ сердце. Я возлагаю большія надежды на нашъ народъ и на ходъ событій, которыхъ никакая дипломатія предвидѣть не можетъ. Впрочемъ, вы въ этомъ вопросѣ опытнѣе и проницательнѣе; совѣтуйте и

дѣйствуйте, какъ вамъ кажется лучше. Мнѣ думается только, что нашимъ стремленіямъ слѣдуетъ придавать характеръ религіозно-нравственный, не имѣющій ничего общаго съ финансовымъ либерализмомъ французовъ, и что основою долженъ служить католицизмъ. Знакомы ли вы съ сочиненіями Ламеннэ? Это единственный французъ, который проливалъ искреннія слезы надъ нами; его слезы были единственныя, которыя я видѣлъ въ Парижѣ. Мое пребываніе въ Познани и то, что я слышалъ о Силезіи, подтвердили меня въ моихъ убѣжденіяхъ. Быть можетъ, нашъ народъ призванъ проповѣдывать другимъ народамъ евангеліе національности, нравственности и религіи, презрѣнія къ бюджетамъ, — единственнаго принципа теперешней чисто-таможенной политики. Самые просвѣщенные французы лишены патріотизма и любви къ свободѣ; они только резонерствуютъ.

Я пишу теперь много, но вещи, не имѣющія прямаго отношенія къ злобамъ дня. Революція родила своего поэта, до сихъ поръ еще неизвѣстнаго. Это — Гарчинскій. Я былъ съ нимъ знакомъ въ теченіе двухъ лѣтъ въ Римѣ, но онъ мнѣ ничего не прочелъ; я даже не зналъ, что онъ пишетъ. У него большой талантъ, и онъ пойдетъ далеко; онъ уже теперь занялъ точку зрѣнія, которая легла въ основаніе послѣднихъ моихъ произведеній... У меня есть идея для Леонарда Ходзьки. Не составитъ-ли онъ «Польскую Мартирологію», — алфавитный каталогъ народныхъ мучениковъ, начиная со времени Барской конфедераціи; слѣдуетъ строго придерживаться истины, безъ

всякаго преувеличенія. Отдѣльныя семьи доставятъ матеріалы. На сколько я знакомъ со шляхтою, эта книжка находилась бы въ каждомъ домѣ: всякій отыскивалъ бы въ ней своихъ родственниковъ и знакомыхъ. Ходзько написалъ бы ее хорошо; если онъ примется за это дѣло, то я сообщу ему свои идеи и постараюсь доставить ему матеріалы. Какъ вы думаете объ этомъ? Писать слѣдуетъ по-французски.

Мицкевичъ графу Іосифу Грабовскому въ Луковъ.

Дрезденъ, 26-го апрѣля 1832 г.

Среди столь многочисленныхъ заботъ вы помните о преданныхъ вамъ друзьяхъ; мы умѣемъ цѣнить вашу доброту и вѣчно вамъ будемъ благодарны. Я очень радуюсь, что мнѣ хоть на минуточку удастся повидаться съ вами въ Дрезденѣ. Я прогощу здѣсь еще долго. Я превратился въ Schreib-maschine и въ теченіе послѣднихъ недѣль не выпускаю пера изъ рукъ*). Я еще не все окончилъ, что началъ, а пока не окончу, не выѣду изъ Дрездена, если только меня не выгонятъ, чего нельзя ожидать. Куда я потомъ поѣду,—пока не знаю,

*) Въ это время Адамъ писалъ «Пана Тадеуша», мысль котораго у него зародилась въ Луковѣ. (*Пр. Градовскаго.*)

да и правду говоря, я теперь объ этомъ вовсе и не думаю, такъ какъ сочинительство своего рода тетерева пѣсенка, отъ которой человѣку трудно очнуться даже при пушечной пальбѣ. Я вовсе не выхожу изъ дома, сходки меня страшно разочаровали: онѣ ни къ чему не ведутъ. Я хочу зарыться въ прошломъ, пока не блеснетъ какая-нибудь надежда на будущее. Нѣкоторыя изъ моихъ мараній я велѣлъ переписать для васъ и пришлю ихъ вамъ оказіей. Примите ихъ милостиво на память моего пребыванія въ вашемъ домѣ и какъ единственное доказательство благодарности, доступное поэту. Я получилъ отъ Франциска двѣсти талеровъ. Догадываюсь, что они отъ васъ. Благодарю васъ за эту ссуду. Теперь я, впрочемъ, не нуждаюсь, такъ какъ жизнь здѣсь мнѣ не дорого стоитъ. Я приготовилъ нѣсколько вещей, которыя могутъ быть напечатаны въ Познани. Надѣюсь ихъ продать Мунку; это значительно поправитъ мои финансы. Я сохраню упомянутую сумму на непредвидѣнный случай, напр., если меня выгонятъ изъ Дрездена. Прошу васъ увѣдомить меня впослѣдствіи, куда ихъ отослать или кому вручить. Не намѣреваетесь ли вы и ваша супруга посѣтить Дрезденъ? Мы на это немного надѣемся. Потрудитесь передать мой поклонъ г-жѣ Людвигѣ. Гарчинскій и Домейко пробудутъ здѣсь еще нѣсколько мѣсяцевъ. Одынецъ уѣзжаетъ въ Пруссію по семейнымъ дѣламъ....

Мицкевичъ брату своему Францisку.

Дрезденъ, 22-го апрѣля 1832 г.

Я такъ усиленно работаю, что иногда даже некогда побриться. Я столько написалъ, что число скомпонованныхъ мною за этотъ мѣсяцъ стиховъ равняется третьей части, а можетъ быть, и половинѣ всего, что мною напечатано до сихъ поръ. Не все еще окончено и пока не окончу, не уѣду изъ Дрездена. Я здоровъ, веселъ, и, насколько можно, счастливъ. Что это за двѣсти талеровъ, которые ты мнѣ прислалъ? Я припряталъ ихъ на всякій случай, но особенно въ нихъ теперь не нуждаюсь. Пожалуйста, не заботься обо мнѣ. Я справлюсь самъ. Если эти деньги отъ г. Грабовскаго, то поблагодари его; я буду ихъ считать ссудою; но если они получены тобою изъ складчины или — Боже сохрани! — изъ комитета, то, пожалуйста, увѣдомь меня объ этомъ, и я тотчасъ же возвращу ихъ, потому что я въ такого рода пособіи не нуждаюсь и принять его не могу, не имѣя на него права, какъ лицо, не замѣшанное въ нынѣшнюю революцію. Отвѣть мнѣ какъ можно скорѣе. Не знаю, зачѣмъ ты такъ много хлопочешь о справкахъ въ Петербургѣ. О твоемъ возвращеніи въ Литву нечего и думать, а я никогда не вернусь въ Россію; никогда, никогда у меня не было этого намѣренія. Александръ самъ за себя постоитъ. Тѣмъ не менѣе, чтобы тебя успокоить, я готовъ написать Пржецлавскому, но объясни мнѣ точно, что и какъ дѣлать. Будь здоровъ.

Давидъ Мицкевичу.

Парижъ, 8-го іюня 1832 г.

Давно уже я нахожусь въ поискахъ за вашимъ адресомъ, и вотъ, наконецъ, Ходзько мнѣ сообщаетъ, что письмо мое васъ, вѣроятно, еще застанетъ въ Дрезденѣ, но что надо торопиться, такъ какъ вы собираетесь совершить поѣздку въ Египетъ. Я пишу, чтобы вамъ сообщить, что вашъ бюстъ изъ мрамора оконченъ, и чтобы спросить васъ, кому и гдѣ его передать. Примите его, дорогой другъ, какъ слабую дань удивленія, которое мнѣ внушаетъ вашъ геній....

Мицкевичъ гр. І. Грабовскому.

Дрезденъ 16-го іюня 1832 г.

Я отложилъ отвѣтъ на ваши два письма, потому что мнѣ нечего было писать; я могъ только вздыхать и жаловаться, а этого вы наслушались, вѣроятно, вдоволь. Я выжидалъ, не зная самъ, что съ собою предприму, и только теперь отъѣздъ мой можетъ осуществиться. Понемногу нашихъ отсюда выживаютъ, спроваживая ихъ вѣжливо. Меня до сихъ поръ оставляютъ въ покоѣ, но я самъ не хочу дождаться, пока до меня дойдетъ очередь, и имѣю личныя причины направиться во Францію, такъ какъ я не довѣряю прежнимъ моимъ покровителямъ, зная, какія у нихъ длинныя руки.

Кромѣ того, я долженъ съѣздить въ Парижъ для своихъ дѣлъ, которыхъ устроить гдѣ-нибудь, въ другомъ мѣстѣ, нельзя. Такимъ образомъ, я пущусь въ путь около 22-го; сожалѣю, что мнѣ не удастся проститься съ вами, дорогой другъ. Богъ знаетъ, когда мы опять встрѣтимся! Если всполошатъ Франциска, то пусть онъ ѣдетъ за мною въ Дрезденъ: здѣсь ему сообщатъ мой адресъ. Стефанъ (Гарчинскій) остается еще, чтобы пить воды и устроить свои дѣла; быть можетъ, онъ дождется вашего пріѣзда: но и на это разсчитывать нельзя, такъ какъ полиція каждую минуту можетъ его выпроводить вслѣдъ за нами. Вѣроятно, вамъ уже извѣстно о парижскихъ безпорядкахъ. Республиканцы начали слишкомъ рано. Оппозиція, которая ихъ подстрекнула, сидѣла дома съ обычной ей трусостью, выжидая событій, точно такъ, какъ въ іюльскіе дни, но на этотъ разъ не удалось, и оппозиціонные депутаты постыдно проиграли игру. Le Juste-milieu воспользовался этимъ поводомъ, что бы насъ поносить: кажется, эта система продолжится еще нѣсколько мѣсяцевъ. Дольше она наврядъ-ли продержится; но тѣмъ временемъ намъ надѣлаютъ не мало зла. Наши возлагаютъ большія надежды на парламентскія пренія, которыя, какъ мнѣ сдается, кончатся пустяками. Я что-то не слыхалъ, чтобы можно было воскресить народъ преніями и дипломатическими нотами! Впрочемъ, такъ какъ у нихъ другаго дѣла нѣтъ, то пусть себѣ болтаютъ. Жаль только, что они возлагаютъ на дипломатію ложныя надежды, которыя стоили намъ уже такъ дорого! Я самъ надѣюсь

только на Бога; онъ разстроитъ всѣ ихъ соглашенія, а потомъ мы ударимъ въ сабли, если только удалось бы ихъ еще разъ обнажить...

Мицкевичъ тому-же.

Парижъ, 13-го сентября 1832 г.

Со времени моего отъѣзда изъ Дрездена со мною случились разныя непріятности, и имѣлъ я не мало хлопотъ. Начались они еще во время моего пребыванія въ Познани, а когда кончатся, — не знаю. Поэтому я не могъ думать о дѣлахъ и только теперь собрался написать вамъ. Считаю долгомъ сообщить, что деньги у меня есть. Я, слѣдовательно, могу возвратить вамъ двѣсти талеровъ; потрудитесь только сообщить мнѣ вашъ адресъ въ Познани или указать здѣсь кого-нибудь. Если же я со временемъ буду нуждаться, то вы позволите мнѣ, почтенный другъ, опять обратиться къ вамъ...

Мицкевичъ брату своему Францисху.

Парижъ, 1832 г.

...У меня было много непріятностей и личныхъ огорченій, такъ что я даже расхворался, но теперь я здоровъ, окончилъ печатаніе моихъ стихотвореній и имѣю средства къ безбѣдному существованію на нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ Богъ опять дастъ: я всегда надѣюсь на Провидѣніе...

Гарчинскій Мицкевичу.

Дрезденъ, 25-го октября 1832 г.

...Здѣшнія власти до сихъ поръ меня не выгоняютъ. Началъ-ли ты печатать? Я кончилъ первую часть *Вацлава*, надо только мѣстами поправить, заручиться твоимъ одобреніемъ и, если деньги будутъ, пущу въ обращеніе... Г-жа Потоцкая усердно тебѣ кланяется. Можешь себѣ представить: мужъ заставилъ эту слабую и болѣзненную женщину выѣхать изъ Дрездена и велѣлъ ей тащиться безъ лакея и служанки въ Страсбургъ въ дилижансѣ. Она передъ отъѣздомъ падала въ обморокъ по три раза въ день. Богъ знаетъ, доѣдетъ-ли она. Она выѣхала вчера... Если увидишь генерала Уминскаго, кланяйся ему и спроси его, пожалуйста, можно-ли мнѣ будетъ, живя въ Парижѣ, получать пенсію? Нужно-ли непремѣнно, чтобы получать ее, ходить въ dépôt? Какъ она ни ничтожна, но я предпочитаю отдать ее нищему, чѣмъ подарить...... правительству.

Тотъ-же Мицкевичу.

Дрезденъ, 26-го ноября 1832 г.

...Несказанно меня порадовало, что ты здоровъ. Ты долженъ очень беречь себя, дорогой Адамъ, потому что ты у Польши одинъ. Не забывай ее! Прошлое не принимай къ сердцу, — достаточно

намучились. Я переписалъ мои стихотворенія. *Вацлавъ* вышелъ длинный, но не знаю, понравится ли онъ тебѣ: мѣстами встрѣчаются идеи, но, но.... переписывая, не знаю почему, я его разлюбилъ. Въ концѣ концовъ, я пришлю тебѣ всѣ мои стихотворенія, если ты только и, притомъ, поскорѣе сообщишь, что не отказываешь мнѣ въ содѣйствіи при печатаніи и назначишь кого-нибудь, кто спеціально занялся бы этимъ дѣломъ. Тогда я доставилъ бы деньги, а для начала ты могъ бы дать нѣсколько десятковъ талеровъ....

Мицкевичъ Гарчинскому.

Парижъ, 12 января 1833 г.

Вчера только я получилъ твою рукопись и даже не знаю, какимъ путемъ она до меня дошла. Я весь вечеръ читалъ *Вацлава*. Онъ произвелъ на меня такое сильное впечатлѣніе, какого я себѣ и представить не могъ. Когда ты читалъ мнѣ нѣкоторые отрывки, они казались мнѣ незаконченными или туманными, но теперь они гармонизируютъ и составляютъ нераздѣльное цѣлое; поэтому я уже не совѣтую тебѣ измѣнять то, о чемъ говорилъ раньше. Только-что прочелъ нѣкоторыя части одному другу, который много занимался философіею и сенсимонизмомъ; они произвели на него болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ мои новые «Дзяды». Очевидно, ты больше передумалъ, чѣмъ я, хотя многія мысли я лучше разработалъ. Какъ много сти-

ховъ встрѣчается въ «Вацлавѣ», надъ которыми я размышляю, какъ надъ дорогами въ Помпеѣ; сколько нужно было колесъ, чтобы образовать такую колею! Ты можешь быть вполнѣ увѣренъ, что твое произведеніе насквозь современно и чудеснымъ образомъ отражаетъ въ себѣ состояніе души многихъ людей. Я чрезвычайно радъ, что и въ нравственномъ отношеніи оно окажетъ спасительное дѣйствіе, потому что сразу двинетъ молодежь впередъ, избавивъ ее отъ многихъ безплодныхъ размышленій. Я никогда, какъ поэтъ, не былъ склоненъ къ зависти, но мнѣ кажется, что если бы *Вацлавъ* не былъ твоимъ произведеніемъ, я сталъ бы завидовать его автору; но такъ, я люблю его, какъ наше общее дитя. Посвященіе надо измѣнить, т. е. первыя три слова съ титуломъ выкинуть по многимъ основаніямъ, но, главнымъ образомъ, потому, что сердце мнѣ это подсказываетъ. Пѣсню о блохѣ желательно было бы замѣнить чѣмъ-нибудь народнымъ: мнѣ не нравится, что она напоминаетъ Фауста. Можетъ быть, я отыщу или сочиню, если позволишь, какую-нибудь пѣсенку, которая соотвѣтствовала бы дальнѣйшему, такъ что не придется выбросить ни одного стиха. Крысы превосходны! Послѣднюю строфу я бы выкинулъ; смыслъ остался бы темнымъ и былъ бы тѣмъ интереснѣе. Кое-гдѣ я намѣреваюсь для созвучія переставить слова, можетъ быть, я измѣню нѣкоторыя слова, но, будь увѣренъ, не стану злоупотреблять. Печатать я начну вскорѣ: сегодня у насъ состоится совѣщаніе съ Домейко. Давно уже, съ тѣхъ поръ, какъ я читалъ Шиллера и Байрона,

мнѣ не попадалась вещь, которая меня бы такъ живо заинтересовала!...

Мицкевичъ Одынцу.

Парижъ, 28-го января 1833 г.

...Живется мнѣ здѣсь, среди чужихъ элементовъ, не особенно хорошо. Одни меня ненавидятъ, другіе смотрятъ на меня косо, доктринеры считаютъ меня сумасшедшимъ: всѣ напыщенно глупы, шумливы и неумѣлы. Работы у меня немного, но, при моей лѣни, она мнѣ надоѣдаетъ. Стихотворенія Гарчинскаго я теперь готовлю къ печати, кое-гдѣ измѣняю или смягчаю выраженія. *Вацлавъ* мнѣ очень понравился. Кромѣ этой работы, у меня есть другія поменьше и поскучнѣе. Парижъ мнѣ такъ опротивѣлъ, что я съ трудомъ могу здѣсь выдержать. Что ты сдѣлалъ съ *Корсаромъ* и *Муромъ?* Я переписываю теперь Гяура и, къ величайшему своему сожалѣнію, долженъ былъ отложить шляхетскія поэмы....

Немцевичъ Мицкевичу.

Лондонъ, 3-го февраля 1833 г.

Не могу удержаться, чтобы не выразить вамъ, дорогой соотечественникъ, моей благодарности за прекрасный вашъ подарокъ *). Это вещь прекрас-

*) Рѣчь идетъ о 3-й части «Дзядовъ».

ная, возвышенная, трогательная, остроумная, историческая,— словомъ, она превыше всякихъ похвалъ. Надо, чтобы она получила самое широкое распространеніе и передала потомству вѣрную, хотя и ужасную картину нашихъ страданій и жестокости варваровъ. Еслибъ всѣ наши соотечественники пользовались такъ хорошо своимъ талантомъ (который Богъ имъ далъ), какъ нашъ знаменитый Мицкевичъ! Но увы! мы предпочитаемъ ссориться между собою и чернить другъ друга передъ чужими. И я, несмотря на то, что мнѣ уже 76 лѣтъ, все еще маракую не столько по вдохновенію, сколько по страсти, отъ которой не могу отдѣлаться, хотя и дряхлъ Я послалъ вамъ мое кропаніе: простите старика, который самъ не знаетъ, что плететъ. Я никого, кромѣ Мицкевича, не вижу, кто бы могъ написать *эпическую поэму* о нашемъ возстаніи, въ родѣ Данта. Я поощряю васъ къ этому, почтенный и дорогой соотечественникъ. Вашъ геній исполнитъ эту задачу со славою для себя, а это принесетъ пользу и нашему несчастному отечеству. Да хранитъ васъ Всемогущій на долгія лѣта, какъ украшеніе польскихъ музъ. Вы увидите еще дорогую Польшу, я — ужъ нѣтъ. Vale et nos ama.

Мицкевичъ Гарчинскому.

Парижъ, 5-го марта 1833 г.

Тебѣ, вѣроятно, извѣстна причина медленнаго печатанія, выводящаго тебя изъ терпѣнія. Я вполнѣ

понимаю это чувство, хотя, какъ отецъ многихъ дѣтей, я самъ уже меньше забочусь о появленіи ихъ на свѣтъ и объ ихъ крестинахъ; но твой *Вацлавъ* меня больше занимаетъ, чѣмъ собственныя дѣти. Мы выжидали основанія собственной типографіи, въ которой печатаніе обходилось бы дешевле; если въ теченіи этой недѣли она не откроется, мы начнемъ у Пинара. Не пиши теперь ничего, пока окончательно не поправишься: Гете сказалъ, что не слѣдуетъ портить силъ и расходовать ихъ an ein Bild des Lebens. На судъ публики не обращай вниманія; какъ бы мнѣ хотѣлось удѣлить тебѣ хотя половину моего равнодушія! Меня готовятся страшно пробрать во французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ. Говорятъ, что Гуровскій и т. д., чтобы дискредитировать меня, собираются доказать, что я глупъ, предвидя, что поляки повѣрятъ, когда прочитаютъ это сужденіе въ иностранныхъ газетахъ; а иностранцы вѣдь не могутъ его провѣрить. Вся эта исторія сердитъ моихъ друзей, а меня смѣшитъ. На дняхъ я переселяюсь и буду жить съ Домейко; не помню нумеръ дома, потомъ сообщу адрссъ. Много времени и труда отняло у меня переписываніе и исправленіе *Гяура*, до сихъ поръ еще неоконченнаго; надо кончить и начать продавать; я вынужденъ былъ прервать мои сельскія поэмы, которыя я очень люблю; *Гяуръ* мнѣ уже опротивѣлъ. Очень мнѣ непріятно слышать о сплетняхъ по поводу продажи IV тома! Казалось, я имѣлъ дѣло съ порядочными людьми, а они такъ лгутъ. Валерьянъ жалуется на политическую мою неумѣлость: признаюсь откровенно, что я не люблю играть въ жетоны и

пустые орѣхи: я говорилъ Лелевелю, чтобы онъ тотчасъ-же устранился; онъ тогда обидѣлся, но теперь видитъ, что я былъ правъ. Наши, по большей части, забываютъ о польскомъ вопросѣ и ведутъ дрязги изъ-за политической риторики, формъ, скелета какого-то будущаго народа, не задаваясь вопросомъ, дѣйствительно-ли родится ребенокъ, члены котораго они уже распредѣляютъ между собою.

Мицкевичъ брату своему Франциску.

Парижъ 14-го февраля 1833 г.

....Есть вѣроятіе, что я продамъ право собственности на мои стихотворенія за пожизненную пенсію, правда, ничтожную, но вѣрную: около 1000 злотыхъ, можетъ быть, и больше. Если тебѣ нельзя будетъ вернуться, то я переведу пенсію на твое имя и вполнѣ тебѣ уступлю ее, потому что самъ я найду какія-нибудь средства къ существованію; къ тому же я могу еще что-нибудь написать...

Гарчинскій Мицкевичу.

Дрезденъ, 17-го апрѣля 1833 г.

....Твои «Дзяды», какъ говорятъ, ходятъ въ Варшавѣ по рукамъ, и полиція назначила 50 злотыхъ награды тому, кто выловитъ экземпляръ; по слухамъ, въ обращеніи болѣе 20 экземпляровъ...

Мицкевичъ Одынцу.

Парижъ, 20-го апрѣля 1833 г.

....Перо у меня не отдыхаетъ. Кромѣ мелкихъ вещей, я написалъ нѣсколько отрывковъ для «Дзядовъ». Переписываніе и исправленіе противнаго *Гяура* ужасно меня мучило, надоѣдало мнѣ и вызвало перерывъ въ болѣе существенныхъ работахъ. Наконецъ, я кончилъ; я долженъ былъ кончить, потому что мнѣ обѣщали за него деньги, которыхъ, однако, до сихъ поръ не присылаютъ. Я опять принялся за сельскую поэму, которая въ настоящее время является моимъ баловнемъ. Я пишу ее, и мнѣ кажется, что я нахожусь въ Литвѣ. Еслибы не *Гяуръ*, можетъ быть, я бы ее уже кончилъ. Хотя и медленно, но она подвигается впередъ. Какъ мнѣ недостаетъ тебя и Стефана!... Втроемъ намъ было такъ хорошо! Быть можетъ, и вы были бы дѣятельнѣе. Здѣсь всѣ поглощены злобами дня, и часто мнѣ разбиваютъ душу на части, а потомъ въ одиночествѣ мнѣ приходится склеивать ее...

Мицкевичъ И. Домейко.

Бэ (Bex), 8-го іюля 1833 г.

Я пріѣхалъ сюда во вторникъ, выѣхавъ въ пятницу изъ Парижа. Для скорости я миновалъ Женеву и направился прямо на Лозанну. Засталъ я Стефана въ лучшемъ положеніи. Кажется, какъ

будто болѣзнь его пріостановилась; говорятъ, что онъ, можетъ быть, предолѣетъ ее, но это извѣстно одному Богу. Доктора мало знаютъ. Послали они его въ Бэ, гдѣ о сывороткѣ никто не слыхалъ, а чахоточныхъ никогда не видѣли. Наше свиданіе было печальное, душу раздирающее. Когда я смотрѣлъ на прекрасное лицо Стефана, блѣдное и печальное, сердце у меня разрывалось. Состояніе его здоровья таково, что мнѣ нельзя будетъ не только предпринимать экскурсій въ горы, но даже выходишь изъ дому. Сидимъ мы себѣ въ гостиницѣ, а дождь такъ и льетъ. Когда я ѣхалъ изъ Лозанны, я встрѣтился на пароходѣ, на Женевскомъ озерѣ, съ г-жею Потоцкою, которая, какъ ангелъ-хранитель, поддерживаетъ жизнь Стефана. Эта женщина примиряетъ съ родомъ человѣческимъ и можетъ вдохнуть въ насъ вѣру въ существованіе добродѣтели на землѣ. Кажется, что жизни у нея хватитъ всего на нѣсколько часовъ; а, между тѣмъ, она постоянно находитъ въ себѣ достаточно силы, чтобы служить другимъ. Вскорѣ она уѣзжаетъ отсюда, и я не знаю, что тогда съ нами станется.

Лафайетъ Мицкевичу.

Парижъ, 17-го іюня 1833 г.

Генералъ Дверницкій взялся передать вамъ, что герцогъ Брольи проситъ васъ зайти къ нему какъ-нибудь утромъ, чтобы устроить дѣло, о которомъ нашъ другъ, г. Куперъ, писалъ мнѣ

до своего пріѣзда. Я имѣю полное основаніе полагать, что оно не встрѣтитъ затрудненій и прошу васъ впредь до пріятнаго свиданія въ Лагранжѣ принять выраженіе моей дружбы и благодарности.

Мицкевичъ И. Домейко.

Женева, 2-го августа 1833 г.

Мы уже двѣ недѣли въ Женевѣ. Стефанъ былъ такъ слабъ, что ежедневно, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, мы были свидѣтелями всѣхъ симптомовъ предсмертной агоніи. Можешь себѣ представить мое положеніе. Теперь ему значительно лучше; но я, по крайней мѣрѣ, не питаю никакой надежды. Лекарства поддержатъ его жизнь, можетъ быть, только до осени. Я нигдѣ не могъ бывать и часто по нѣскольку дней не выхожу изъ дому. Застали мы здѣсь Кляудину Потоцкую; навѣстить кого бы то ни было, мнѣ некогда. Сжалься и хотя для того, чтобы успокоить Стефана, прикажи отпечатать корректурные листы, въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Надо знать его болѣзнь, чтобы понять, какъ каждая опечатка приводитъ его въ отчаяніе; какіе онъ мнѣ дѣлаетъ упреки и какія у него странныя подозрѣнія! Онъ узналъ, что есть экземпляры въ Дрезденѣ и одинъ тутъ, въ Женевѣ. Отсюда новое горе и догадки; пришли намъ сюда поскорѣе нѣсколько экземпляровъ. Ахъ, кабы эта возня съ печатаніемъ кончилась! Она мнѣ надѣлала столько бѣдъ. Что касается до новостей, то могу тебѣ только сообщить, что въ одномъ изъ

кантоновъ дѣло дошло до сраженія между партіями; что отсюда произойдетъ, — уяснить себѣ не могу, потому что не поспѣваю прочесть газету; а видѣться съ кѣмъ-нибудь и поговорить, — объ этомъ и думать нечего. Хотѣлось бы на нѣсколько дней выбраться въ деревню, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ; не знаю, удастся-ли... Работы мои прерваны. Ты легко поймешь, что, слыша постоянно кашель и видя страданія Стефана, я и думать не могу о томъ, чтобы писать или хотя бы читать. Если бы я могъ, по крайней мѣрѣ, переписать четвертую пѣсню; попробую, можетъ быть, удастся. Мы пробудемъ здѣсь еще съ мѣсяцъ.

. . . .

Мицкевичъ тому-же.

Женева, 12-го августа 1833 г.

...Переписываешь ли ты *Тадеуша?* Когда Стефану было немного лучше, я съ грѣхомъ пополамъ переписалъ четвертую пѣсню, но когда буду продолжать, не знаю: я еле держусь на ногахъ...

Мицкевичъ тому-же.

Авиньонъ, 7-го сентября 1833 г.

Я перевезъ Стефана изъ Женевы въ Авиньонъ: доктора и друзья посылаютъ его все дальше. Намъ живется очень плохо. Ты легко представишь себѣ всѣ невзгоды путешествія съ больнымъ, котораго приходится нести на рукахъ изъ экипажа въ домъ,

въ странѣ, гдѣ содержатели гостиницъ, заглянувъ больному въ глаза и видя, что въ нихъ жизни уже мало, не хотятъ его принимать! Далеко ли мы уѣдемъ, не знаю. Велѣно намъ ѣхать въ Марсель, а оттуда въ Италію; такъ хотятъ доктора, хотя они и прибавляютъ на ухо, что больной умретъ въ Марселѣ или на морѣ. Можетъ быть, мы остановимся въ Монпелье. Въ такомъ случаѣ, я тебя увѣдомлю и приглашу туда. Будь здоровъ. Всѣ деньги, которыя у меня были, я издержалъ во время пути: пять миль въ сутки и въ странѣ, такой дорогой, какъ Швейцарія! Г-жа Потоцкая прислала мнѣ денегъ въ Парижъ, но я ихъ ей возвратилъ; пока есть свои, не беру чужихъ. Будь здоровъ.

Мицкевичъ Одынцу.

Авиньонъ, 22-го сентября 1833 г.

Нашъ Стефанъ уже два дня тому назадъ,, какъ пересталъ страдать. Когда я вернулся изъ Марсели, куда я ѣздилъ, было, за паспортомъ въ Италію, я убѣдился, что въ нашемъ другѣ, за время моего отсутствія, произошла большая перемѣна. Подъ утро, въ шесть часовъ онъ пересталъ дышать; онъ заснулъ такъ легко, что этой краткой минуты перехода въ лучшій міръ нельзя назвать смертною агоніею. Страдалъ Стефанъ много въ Бэ и въ Женевѣ; потомъ физическія боли прекратились, мучило его только нетерпѣніе, желаніе переѣзжать

съ мѣста на мѣсто и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувство возроставшей слабости. Онъ часто предсказывалъ свою смерть, но столь же часто онъ надѣялся, а въ послѣдніе дни больше, чѣмъ когда-нибудь. Я везъ его изъ Женевы въ Авиньонъ съ большими трудностями. Тутъ, къ счастію, догналъ насъ старый знакомый Стефана, Понговскій, достойный человѣкъ. Онъ выручилъ меня въ моихъ хлопотахъ и остался при больномъ, когда я ѣздилъ въ Марсель. Мы отговорили Стефана ожидать въ Авиньонѣ паспорта, но, на самомъ дѣлѣ, нельзя было и думать о дальнѣйшемъ путешествіи.

За нѣсколько дней до его смерти пріѣхала также г-жа Потоцкая и усладила послѣднія минуты его земнаго существованія. Въ ночь, когда онъ умеръ, я оставался при немъ долго; потомъ, утомленный дорогою и безсонницею, я пошелъ спать. Понговскій остался у постели. Испуганный тихимъ сномъ больнаго, онъ приблизился и убѣдился, что Стефанъ умеръ. Ты поймешь, почему я не писалъ тебѣ съ дороги. Я самъ былъ въ очень печальномъ положеніи. Я ѣду въ Ліонъ, а оттуда, вѣроятно, вернусь въ Парижъ. Здоровье мое сильно пошатнулось, но надѣюсь, что оно поправится...

Мицкевичъ Домейко.

22-го сентября 1833 г.

...Я теперь похожу на француза, возвращающагося на родину изъ кампаніи 1812 г.; я деморализованъ, слабъ, окончательно обтрепанъ, почти безъ

сапогъ. Ни о чемъ и думать теперь не въ состояніи, но современемъ отдохну, и здоровье, надѣюсь, вернется. Понговскій по прошествіи недѣли потерялъ аппетитъ и сонъ, а я былъ цѣлыхъ два мѣсяца въ такомъ положеніи. Богъ надо мною сжалился и послалъ мнѣ Понговскаго и Потоцкую; безъ ихъ помощи я, можетъ быть, слегъ бы въ постель. Будь здоровъ.

К. Потоцкая Мицкевичу.

Женева, 18 февраля 1834 г.

...Говорятъ, Словацкій печатаетъ четвертый томъ съ предисловіемъ, въ которомъ онъ окончательно убѣдитъ публику, что она жестоко заблуждалась, думая, что въ Европѣ есть одинъ только геній и что этотъ геній — не Словацкій.

Мицкевичъ Одынцу.

Парижъ, февраля 1834 г.

Съ тѣхъ поръ, какъ я тебѣ писалъ, я много страдалъ отъ зубной боли, флюса и упорнаго кашля. Все это прошло съ новымъ годомъ; теперь мнѣ лучше, и я вернулся къ работѣ. Новогоднее твое письмо очень грустное; я предвидѣлъ, что ты много выстрадаешь въ жизни. До сихъ поръ ты, повидимому, только блуждалъ у ея береговъ, не приставая нигдѣ окончательно. Теперь ты начинаешь жить серьезно. Вѣдь ты счастливѣе другихъ,

находя, какъ мужъ и въ религіозныхъ твоихъ чувствахъ, защиту и утѣшеніе. Ты никогда не былъ дурнымъ человѣкомъ; потому легче тебѣ стать вполнѣ добродѣтельнымъ. А вѣрь мнѣ, что въ этомъ основа счастія и что, кромѣ собственныхъ ошибокъ, другаго несчастія нѣтъ. Ни на кого не обращать вниманія, кромѣ себя, мало заботиться о людскихъ толкахъ, — это единственная мораль, которую легко повторять, но которая лишь поздно даетъ себя чувствовать во всей силѣ. Я живу здѣсь почти въ полномъ одиночествѣ; съ людьми мнѣ все труднѣе уживаться, и чѣмъ меньше я ихъ вижу, тѣмъ для меня лучше. Я убѣждаюсь, что слишкомъ много жилъ и работалъ, исключительно, для свѣта, для суетныхъ похвалъ и мелочныхъ цѣлей. Мнѣ кажется, что я уже никогда не буду пользоваться перомъ для пустяковъ. Только то произведеніе имѣетъ цѣну, которое можетъ исправить человѣка и научить его мудрости. Можетъ быть, я бросилъ бы и *Тадеуша*, но приближался уже къ концу. Вчера я его кончилъ. Огромныя двѣнадцать пѣсенъ! Много суетнаго, но и много хорошаго. Прочтешь. Черезъ нѣсколько недѣль начну печатать Много труда при переписываніи. Лучше всего удались картинки нашего края съ натуры и нашихъ домашнихъ нравовъ. Еле успѣлъ окончить, потому что духъ увлекалъ меня уже въ другую сторону, къ продолженію «Дзядовъ», отрывки которыхъ я написалъ мимоходомъ. Изъ нихъ я хочу сдѣлать единственное мое произведеніе, достойное чтенія, если Богъ только позволитъ кончить его. Живу почти исключительно съ

Стефаномъ и Антоніемъ; съ Стефаномъ З., играю въ шахматы, а съ Богданомъ иногда спорю *). Отвѣть мнѣ и пришли адресъ. У Софіи твоей цѣлую ручки. Я о ней часто думалъ, когда изображалъ героиню моей поэмы, Зосю. Однако, лучше глядѣть на живую, чѣмъ рисовать, хотя бы и восхитительнѣйшую, въ поэмѣ. Еловицкій уже объявилъ о печатаніи *Корсара* и ожидаетъ только рукописи. Будь здоровъ. Читаю я очень мало, по большей части Сенъ-Мартена, произведенія котораго, если они тебѣ попадутся, читай внимательно и усердно.

Мицкевичъ брату своему Франциску.

Парижъ, 19-го апрѣля 1834 г.

...Мое новое произведеньеце, которое я теперь печатаю, разыгрывается въ Литвѣ: ты въ немъ найдешь описаніе домашней жизни, охотъ, чиновничьи остроты, охоты и т. д. Писаніе этихъ вещей меня чрезвычайно занимало, перенося меня въ нашу милую родину...

Мицкевичъ Э. Одынцу.

Парижъ, 19-го апрѣля 1834 г.

...Всю зиму я хворалъ, а теперь опять ожилъ и весь поглощенъ корректурою. Первый томъ *Та-*

*) Рѣчь здѣсь идетъ о Стефанѣ Витвицкомъ, Антоніѣ Горецкомъ, Стефанѣ Занѣ и Богданѣ Залескомъ.

деуша скоро выйдетъ изъ печати, но мы его не выпустимъ въ свѣтъ, пока второй не будетъ оконченъ. Писаніе меня развлекало, а теперь въ корректурѣ нахожу contre-coup сильнѣйшему сплину, сверлящему мнѣ сердце, точно буравомъ. Но ты знаешь, что я свою тоску оставляю при себѣ, и никто не знаетъ, какъ мнѣ иногда тяжело жить. Не знаю, останусь ли я здѣсь на лѣто или поѣду куда-нибудь въ деревню подъ Парижемъ. Мнѣ хотѣлось бы начать какое-нибудь постоянное прозаическое произведеніе, чтобы занять мысль. Жегота здоровъ. Стефанъ З. живетъ теперь со мною и утромъ мнѣ варитъ кофе. Вообще, я мало кого вижу и чувствую себя лучше всего, когда никого не вижу...

Мицкевичъ Э. Одынцу.

Парижъ, 2-го іюля 1834 г.

Ты, вѣроятно, съ нетерпѣніемъ ожидаешь моего отвѣта. Скажу тебѣ коротко и ясно: я женюсь на Целинѣ. Долго было бы писать о томъ, какъ я въ послѣднее время скучалъ и какъ бремя жизни меня тяготило. Посмотримъ, будетъ-ли мнѣ теперь легче или тяжеле. Впослѣдствіи я тебѣ напишу обстоятельнѣе; ты догадываешься, что мнѣ теперь некогда. Целина вскорѣ сама будетъ вамъ писать.

Мицкевичь И. Домейкѣ.

Парижъ, 21-го іюля 1834 г.

Милостивый государь. Завтра моя свадьба. Облачись, поэтому, во фракъ и отправься въ половинѣ девятаго утра къ Зану, а, вмѣстѣ съ нимъ, не позже десяти къ Воловскимъ, откуда мы поѣдемъ на церемонію. Не говори объ этомъ никому и смотри — не опоздай.

Сегодня — понедѣльникъ, 21-го. Завтра — вторникъ, 22-го.

Мицкевичъ брату своему Франциску.

Парижъ, августъ 1834 г.

...Съ грустью я вижу, что положеніе твое не только не улучшается, но становится для тебя все тягостнѣе. Особенно меня испугала послѣдняя твоя приписка о новыхъ прискорбныхъ твоихъ бѣдствіяхъ, о которыхъ я могу только догадываться, но, къ несчастію, средствъ помочь тебѣ не имѣю. Ты пишешь, что Александръ не можетъ тебѣ оказать никакого содѣйствія. Если тебѣ нужна денежная помощь, то почему ты не обратился ко мнѣ: у меня немного, но я всегда готовъ послѣднимъ подѣлиться съ тобою. Тебѣ теперь удобнѣе писать въ Дрезденъ: напиши, пожалуйста, обстоятельно о твоихъ заботахъ, здоровьѣ и надеждахъ. О себѣ я сообщу тебѣ неожиданную для тебя новость:

двѣ недѣли тому назадъ я женился. Жена моя, Целина Шимановская — дочь умершей въ Петербургѣ артистки. Я знавалъ ее ребенкомъ въ домѣ матери. Когда она подросла, она потеряла родителей и, приглашенная мною, пріѣхала сюда раздѣлить мою невѣрную судьбу. Весь прошлый годъ былъ для меня очень печаленъ. Болѣзнь, потомъ какая-то тоска *) постоянно меня угнетали. Я искалъ утѣщенія въ семейномъ счастьѣ, пока можно жить дома. Хотя мы оба не имѣемъ состоянія, но, пока живемъ, въ хлѣбѣ нуждаться не будемъ. О будущемъ, какъ тебѣ извѣстно, я мало думаю, и счастіе мое нисколько не отравляется мыслью, что я не знаю, какъ продолжительно оно будетъ. Целина, именно, такая жена, какую я искалъ, готовая идти на встрѣчу всякимъ невзгодамъ, довольствующаяся малымъ, всегда веселая. Живемъ мы теперь собственнымъ хозяйствомъ. Если судьба тебя забросить во Францію, то ты найдешь у насъ любящую тебя семью, комнатку, польскій борщъ и кашу.

Мицкевичъ Э. Одынцу.

Парижъ, осенью 1834 г.

Вотъ уже третья недѣля, какъ мы живемъ съ Целиной собственнымъ хозяйствомъ. Поймешь, въ качествѣ стараго мужа, что у меня не хватало

*) Слово написано неразборчиво.

времени писать тебѣ. Распространяться о теперешнемъ счастіи еще слишкомъ рано; скажу тебѣ только, что вотъ уже три недѣли, какъ я ни разу не былъ не въ духѣ, а часто бывалъ веселъ и легкомысленъ, какъ давно не случалось. Пожелай мнѣ только, чтобы всегда такъ было. Целина также говоритъ, что она вполнѣ счастлива, и радуется, какъ ребенокъ. Три недѣли счастья, — и это не мало!... Сообщу тебѣ еще о нашемъ хозяйствѣ. Мы живемъ далеко отъ центра города въ захолустьѣ, почти какъ въ деревнѣ. У насъ всего три комнаты, собственная мебель, вскорѣ будетъ фортепіано. Утромъ Целина варитъ кофе, потомъ хозяйничаетъ себѣ, вертится по комнатамъ, щебечетъ и смѣется до самаго вечера. Послѣ первыхъ скучныхъ визитовъ мы почти совсѣмъ не выходимъ. Вечеромъ прежняя компанія; Домейко и нѣсколько другихъ лицъ иногда заглядываютъ къ намъ. Но мои знакомые еще не совсѣмъ освоились съ новою моею мебелью; они чувствуютъ себя еще нѣсколько стѣсненными. Постепенно я, однако, вернусь къ прежнему образу жизни и начну что-нибудь дѣлать; все это время я только лѣнился и наслаждался жизнью. — Меня злитъ, что не могу тебѣ еще послать *Тадеуша*...

Нѣмцевичъ Мицкевичу.

Монморанси, 18 сентября 1834 г.

Только-что узналъ отъ г. Витвицкаго о появленіи на свѣтъ Божій ея высокоблагородія г-жи

Мицкевичъ, и хотя мнѣ все труднѣе подняться съ мѣста, но, тѣмъ не менѣе, отъ всей души поспѣшу оказать ей христіанскую услугу, къ которой меня призываетъ почтенный ея отецъ. Надѣюсь быть въ Парижѣ въ будущій вторникъ и тотчасъ же направлюсь къ вамъ для полученія инструкцій...

Альфредъ де-Виньи Мицкевичу.

Парижъ, 1-го апрѣля 1837 г.

Ничто не могло помѣшать мнѣ, м. г., прочесть и перечитывать вашу драму съ величайшимъ вниманіемъ. Я совѣтую вамъ представить ее въ одну изъ театральныхъ дирекцій, но долженъ вамъ сказать, что у меня есть нѣсколько серьезныхъ возраженій. Если вы окажете мнѣ честь и зайдете завтра или послѣзавтра ко мнѣ въ двѣнадцать часовъ, то я сочту себя счастливымъ поговорить съ вами и служить вамъ всѣмъ, что только отъ меня зависитъ.

Э. Рачинскій Мицкевичу.

Познань, 9-го іюня 1837 г.

...Перехожу теперь къ болѣе важному предмету. Не согласитесь ли вы меня сдѣлать своимъ издателемъ. Пишите, что вамъ угодно, но только по-польски, о Польшѣ и такъ, чтобы берлинская цензура (не особенно строгая) пропустила. Я буду

издавать ваши произведенія. Примите это, какъ доказательство уваженія отъ соотечественника, который гордится честью издавать то, что пишетъ Мицкевичъ...

Мицкевичъ Э. Одынцу.

Парижъ, 16 августа 1837 г.

...Я писалъ тебѣ прежде о французскомъ произведеніи *). Сообщу тебѣ теперь, что я сочинилъ драму. Если бы представленіе ея состоялось, то это было бы чрезвычайно выгоднымъ финансовымъ предпріятіемъ; но дѣло это не легкое. До сихъ поръ мнѣ удалось только добиться того, что драма прочитана въ одной изъ театральныхъ дирекцій. Слѣдовательно, дѣло только-что начато; до цѣли еще далеко. Однако, нѣсколько знаменитыхъ французовъ одобрили произведеніе. Долженъ тебѣ даже похвастаться, что г-жа Зандъ похвалила мой слогъ, назвавъ меня *un auteur supérieur dans notre langue*. Этотъ похвальный отзывъ болѣе всего удивилъ Витвицкаго, который никогда не былъ высокаго мнѣнія о моихъ познаніяхъ во французскомъ языкѣ и понять не могъ, какъ иностранецъ рѣшается покушаться на драматическій слогъ. А теперь онъ самъ пишетъ и пробуетъ счастія на другомъ театрѣ; все это оставь при себѣ, потому что Богъ вѣсть, удастся ли намъ. Я буду дебютировать въ театрѣ Porte St.-Martin,

*) Drames Polonais, впервые изданныя въ 1867 г.

а если встрѣтятся препятствія, то буду ожидать новаго французскаго театра, гдѣ принятіе моего произведенія обезпечено; но открытіе его послѣдуетъ еще не скоро. Все это я дѣлаю просто для хлѣба; если удастся, то мнѣ потомъ можно будетъ долго спокойно себѣ странствовать по нивамъ отечественной литературы. Теперь я работаю надъ польскою исторіею *). Первый томъ скоро окончу, но работа быстро возрастаетъ, и я убѣждаюсь, какъ трудно составить что-нибудь хорошее! Какой ужасный подлогъ у насъ совершается съ исторіею...

Мицкевичъ Одынцу.

Парижъ, декабрь 1837 г.

...Я боролся съ денежными затрудненіями, но Провидѣніе меня не оставляетъ, и годы пополамъ съ грѣхомъ проходятъ. Я пишу теперь вещь на французскомъ языкѣ; если она удастся и понравится публикѣ (она уже написана), то наши дѣла могутъ поправиться. Помолись при случаѣ за успѣхъ. У меня уже задумано второе произведеніе этого рода, если первое пойдетъ хорошо, а затѣмъ я вернусь къ польскимъ вещамъ. Долго я ничего не могъ писать, но два мѣсяца тому назадъ вернулась охота... Что касается до новостей изъ эмигрантскаго міра, то ты, вѣроятно, слы-

*) Рѣчь идетъ тутъ о «первыхъ вѣкахъ польской исторіи», — трудѣ, изданномъ въ 1868 г.

шалъ о католикахъ, іезуитахъ, барашкахъ и т. д. Чтобы ты могъ оріентироваться въ этихъ сплетняхъ, я сообщаю тебѣ (но никому не говори объ этомъ), что, дѣйствительно, среди эмигрантовъ Евангеліе дѣлаетъ быстрые успѣхи и люди возвращаются въ лоно Церкви, что́ однихъ злитъ, другихъ удивляетъ, а меня радуетъ. Нѣсколько очень способныхъ лицъ поступили въ семинарію, другіе живутъ въ домѣ, устроенномъ наподобіе монастыря или, лучше сказать, братства, гдѣ они работаютъ сообща и воспитываютъ нѣсколькихъ мальчиковъ... Не знаю, читалъ ли ты *Иридіона* того же автора, что и *Небожественная комедія*. Тѣ же недостатки, но встрѣчаются дивныя страницы...

Мицкевичъ Домейкѣ.

Парижъ, 4-го сентября 1837 г.

...Мы тутъ, слава Богу, здоровы и также находимся на пути къ обогащенію. Правительство назначило мнѣ пенсію въ 80 франковъ и единовременное пособіе въ 1000 франковъ, но драма моя, на которую я разсчитывалъ какъ на Чили, до сихъ поръ остается безъ движенія и не принята въ Porte St.-Martin...

Жоржъ Зандъ Мицкевичу.

Вторникъ (1837 г.?)

Желаете ли, чтобы я въ теченіе тѣхъ немногихъ дней, которые я здѣсь пробуду, перечитала еще

разъ вашу драму? Если она для сцены окажется непригодною, то почему бы вамъ ее не напечатать? Я помню, что она прекрасна. Довѣрьте мнѣ ее. Зачѣмъ оставлять ее безъ движенія? Вы не можете написать вещь безполезную или посредственную.

Жоржъ Зандъ Мицкевичу,

(1837?)

Я позволила себѣ сдѣлать *перомъ* нѣсколько замѣтокъ возлѣ тѣхъ, которыя сдѣланы *карандашемъ* на поляхъ вашей рукописи. Не знаю, кому онѣ принадлежатъ, но онѣ мнѣ представляются, по большей части, невѣрными, и я думаю, что вы гораздо лучше знакомы съ силою и энергіею нашего языка, чѣмъ лицо, которому вы поручили сдѣлать поправки. Я не рѣшаюсь произнести общаго сужденія о вашемъ трудѣ; въ драматическихъ произведеніяхъ я не считаю себя компетентнымъ судьею. Къ тому же, я преисполнена такого удивленія и симпатіи ко всему, что вамъ принадлежитъ, что я не замѣтила бы погрѣшности вашего новаго труда, еслибы даже онѣ были. Я буду говорить только о слогѣ. Въ мѣстахъ, гдѣ онъ господствуетъ надъ дѣйствіемъ, онъ не уступаетъ слогу лучшихъ нашихъ старыхъ писателей. Въ мѣстахъ, гдѣ неизбѣжно преобладаетъ дѣйствіе (за исключеніемъ нѣсколькихъ неточностей, которыя было бы безполезно перечислять, — такъ легко вы можете сами ихъ устранить), слогъ мнѣ

показался такимъ, какимъ онъ долженъ быть, но онъ нѣсколько отрывистъ (trop brisé), особенно, при своеобразномъ характерѣ роли воеводы, энергія въ способѣ выраженія котораго, именно, и заключается въ отсутствіи всякой искусственности (dont l'énergie d'expression est précisement dans l'omission de l'expression). Можетъ быть, по той же причинѣ, всѣ остальныя дѣйствующія лица должны были бы быть воздержнѣе въ пресѣченіяхъ и умолчаніяхъ. Духъ нашего языка не допускаетъ ихъ въ такомъ обиліи, и хотя наши современные драматическіе писатели очень щедры въ этомъ отношеніи, но старые и знаменитые наши писатели, которыхъ я считаю вашими предками по генію, наоборотъ, прибѣгаютъ къ нимъ очень умѣренно.

Мнѣ стыдно, м. г., что я позволила себѣ сдѣлать эти замѣчанія такому авторитету (supériorité), какъ вы. Я воздержалась бы отъ нихъ, еслибы вы сами ихъ не потребовали, по добротѣ своей, у меня, недостойной, но искренней почитательницы вашего мощнаго таланта (puissance). Что касается до успѣха драмы, то я предсказать тутъ ничего не могу. Французская публика нынѣ такъ пошло тупоумна (ignoblement stupide), она рукоплещетъ такимъ смѣшнымъ побѣдамъ, что я считаю ее на все способною, даже освистать вещь Шекспира, если она предложена будетъ подъ другимъ названіемъ. Могу только сказать, что если прекрасное, великое и сильное должно быть увѣнчано, то судьба эта ожидаетъ ваше произведеніе.

Э. Рачинскій Мицкевичу.

(1837 г.?)

...Посылаю вамъ гонораръ въ 1000 франковъ за стихи, въ которыхъ вы мнѣ не откажите. Когда вы ихъ отошлете, сожгите черновую, потому что я желалъ бы, чтобы они когда появятся въ свѣтъ, были свѣжи и для всѣхъ новы.

...Не знаю, писалъ ли я вамъ, что имѣю обыкновеніе читать послѣ обѣда, въ видѣ десерта, стиховъ двѣсти изъ *Тадеуша*. Недавно мнѣ кто-то сказалъ: «Знаете ли, что вы стали должникомъ автора за это?» Не оспариваю долга и посылаю вамъ двѣсти таллеровъ. Да хранитъ васъ Богъ!

Мицкевичъ ксендзу Кайсевичу.

Парижъ, 29-го января 1838 г.

...Исторія моя подвигается лѣниво и туго, потому, вѣроятно, что я принялся не за свое дѣло. Многое мнѣ приходится учить наизусть. У меня такой ужь умъ, что я не въ состояніи написать то, чего не знаю наизусть...

Мицкевичъ Штатлеру.

Парижъ, 1838 г.

...Жаль, что ты ничего не прислалъ къ намъ на выставку; не забудь объ этомъ въ будущемъ году.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ не стоило показывать парижанамъ твоихъ работъ, потому что они не оцѣнили бы ихъ по достоинству; но теперь происходитъ переворотъ въ искусствѣ... Художники начинаютъ понимать, что только христіанская живопись имѣетъ будущность и что всѣ другіе жанры являются игрушкою... Еслибы ты прислалъ «Маккавеевъ» и написалъ бы что-нибудь новозавѣтнаго! Я не о томъ забочусь, чтобы въ Парижѣ тебя признали великимъ художникомъ: газетнаго диплома тебѣ не нужно въ глазахъ знатоковъ. Но похвалы парижанъ доставятъ тебѣ авторитетъ въ самомъ краѣ: вѣдь тебѣ извѣстно, что мы до сихъ поръ выписываемъ мнѣніе изъ Парижа.

Эдгаръ Кинэ Мицкевичу.

Шароль, 10-го мая 1838 г.

...Вы мнѣ обѣщали иногда подавать признаки жизни о себѣ. Вы не повѣрите, какъ я дорожу этимъ обѣщаніемъ. Говорю вамъ откровенно, что я желалъ бы пріобрѣсти вашу дружбу. Разставаясь съ молодостью, я нашелъ въ васъ глубину чувствъ, которая плѣнила меня болѣе, чѣмъ я это выразить могу. Мнѣ показалось, что въ исходѣ первой половины моей жизни, я встрѣтился въ одною изъ тѣхъ мужественныхъ (viril) душъ, къ которой я долженъ примкнуть на всю остальную часть моей жизни. Ваша вѣра, которую я желалъ бы раздѣлить съ вами, привлекаетъ меня: она возноситъ меня надъ этимъ печальнымъ міромъ. Тутъ вы

имѣете рѣшительное превосходство надо мною. Ваши совѣты могутъ мнѣ быть чрезвычайно драгоцѣнны, и я испрашиваю ихъ у васъ съ полною искренностью. Взамѣнъ я вамъ дамъ сердце, жаждущее истины и симпатіи. Если этотъ обмѣнъ не слишкомъ неровенъ, то отвѣчайте мнѣ. Я жажду дружбы и возвышенныхъ идей. Время проходитъ, а я еще такъ мало знаю изъ того, что мнѣ слѣдуетъ знать. Дорогой другъ, помогите мнѣ выйти изъ этого состоянія невѣжества или переносить его.

Мицкевичъ Богдану и Іосифу Залѣскимъ.

Парижъ, май 1838 г. (?)

... Исторія моя подвигается туго; я измѣняю раздѣлы, а это служитъ доказательствомъ незрѣлости идей,—словомъ, надо выждать болѣе благопріятнаго времени и вдохновенія. Относительно работъ, которыя мы предприняли сообща въ пользу братства *), я также похвалиться не могу. Вит-

*) Братство, о которомъ упоминаетъ тутъ Адамъ, мы учредили, пріобщившись св. таинъ, въ Парижѣ, 19-го декабря 1834 года, подъ названіемъ «Соединенные братья» (Bracia Zjednoczeni) съ христіанскою и польскою цѣлью сообща упражняться въ набожности, равно какъ и побуждать къ ней другихъ эмигрантовъ-соотечественниковъ... Одинъ изъ братьевъ, Богданъ Янскій, расширилъ дѣятельность братства, распространивъ ее на младшую братію въ стѣнахъ такъ называемаго *монастырчика*. Изъ избранниковъ этого монастырчика... образовался впослѣдствіи благословенный орденъ отцевъ воскресенцевъ (Ojców Zmartwychwstańców) (*Примѣчаніе Богдана Залѣскаго*).

вицкій одинъ только дѣятеленъ, о другихъ я этого сказать не могу. Самъ я надѣюсь современемъ догнать другихъ. Я намѣренъ перевести Діонисія Ареопагита или кого-нибудь изъ отцевъ церкви. Вы видите, слѣдовательно, что я въ ваше дѣло не вмѣшиваюсь. Очень мнѣ бы, однако, хотѣлось, чтобы кто-нибудь изъ *васъ* занялся переводомъ новѣйшихъ полемическихъ трудовъ. Прекрасно, напр., было бы перевести «Путешествіе ирландца съ цѣлью открыть религію», Мура, Исторію Кабэ и т. п. Намъ не слѣдуетъ забывать, что мы трудимся не для людей набожныхъ и совершенныхъ, а для такихъ-же свѣтскихъ бродягъ, какъ мы сами, что теперь ужь рѣдко кто нападаетъ на вѣру при помощи философскихъ аргументовъ, ибо вся артиллерія невѣрующихъ давно сбита и приведена къ молчанію. Они приступили теперь къ партизанской перестрѣлкѣ: болтаютъ, острятъ, шумятъ, обстрѣливая церковь то съ той, то съ другой стороны. Противъ этихъ застрѣльщиковъ хорошо было бы выступить съ сочиненіями, болѣе легкими и популярными. Обсудите это мое предложеніе. Впрочемъ, что бы вы ни выбрали, вы всегда окажете народу большую услугу...

Самый важный вопросъ я оставилъ напослѣдокъ; о немъ я много думалъ и хочу посовѣтоваться съ вами. Вы знаете, что въ Алжирѣ и Оранѣ находится нѣсколько десятковъ поляковъ. Что съ ними тамъ творится? Неужели никто изъ васъ (особенно, Іосифъ, какъ старшій и болѣе опытный) не имѣетъ охоты и случая навѣстить ихъ? Префектъ навѣрно не откажетъ въ паспортѣ. Мы могли бы

отправить отсюда книги для учрежденія читальни. А, можетъ быть, удалось бы организовать что-нибудь лучше, напр., какое-нибудь братство для взаимнаго вспомоществованія на случай болѣзней, для совмѣстнаго совершенія религіозныхъ обрядовъ и т. д. Я не пишу здѣсь инструкціи. Если бы кто-нибудь изъ васъ поѣхалъ, то ему было бы на мѣстѣ виднѣе, что дѣлать. Вѣдь и товарищество лазаретныхъ сидѣльцевъ имѣло такое скромное начало! Еслибы со временемъ всѣ католики-эмигранты почувствовали потребность организовать одно цѣлое и выбрать старшаго, то этотъ старшій долженъ былъ бы избрать себѣ столицу въ Ирландіи или въ Африкѣ. Это мечты, которыя, можетъ быть, никогда не осуществятся, но тотъ поступитъ по-христіански, кто навѣститъ алжирскихъ братьевъ. Если онъ навратитъ хотя одного изъ нихъ на путь истины, то съ избыткомъ вернетъ путевыя издержки...

Мицкевичъ тѣмъ-же.

Августъ, 1838 г.

....Сообщу вамъ, между прочимъ, новость, или пророчество, или приключеніе, потому что не знаю, какъ это назвать,— словомъ, вещь любопытную и даже отчасти политическую. Случайно я узналъ объ одной француженкѣ *), которая пишетъ какія-

*) Рѣчь идетъ о г-жѣ Паранъ, ясновидящей того времени. (*Прим. Б. Залѣскаго*).

то пророчества. Мною овладѣло чисто-эмигрантское любопытство узнать что-нибудь болѣе обстоятельнаго объ этомъ. Нѣсколько дней спустя я узнаю, что *мнѣ* разрѣшено прочесть часть этихъ пророчествъ. Отправился я за городъ, видѣлъ француженку, даже немного говорилъ съ нею. Это особа уже не молодая и, какъ говорятъ, очень набожная. Кажется, что она считаетъ себя призванной возвѣщать великія вещи и даже содѣйствовать ихъ осуществленію, но не знаю какимъ образомъ,—коротко говоря, я прочелъ все предисловіе къ пророчеству. Содержаніе этого предисловія заключается въ томъ, что настаетъ время великихъ политическихъ перемѣнъ, что эти перемѣны изойдутъ не отъ одного человѣка, а отъ цѣлаго народа, что этимъ народомъ, избраннымъ *для священства* и всемірнаго царства,—Польша, что она является колыбелью, въ которой родится политическій мессія и т. д. Хотя эти мысли не вполнѣ новы, но, тѣмъ не менѣе, меня сильно поражаетъ, что иностранка, которая не знакома съ нашею исторіею и не знаетъ нашего народа, говоритъ такія вещи. Какой-то полякъ, съ которымъ она знакома, человѣкъ почтенный, но нисколько не посвященный въ такого рода мысли и которому прежде такія вещи даже и во снѣ не снились, не могъ ей ничего сказать о Польшѣ особенно умнаго. Прибавлю еще, что, кромѣ предисловія, мнѣ сообщено нѣсколько пророчествъ объ очень благопріятныхъ для насъ событіяхъ, которыя должны наступить *вскорѣ*. Но объ этомъ мнѣ запрещено распространяться, такъ что самаго любопытнаго вы пока еще

не узнаете. Я невѣрно выразился: есть еще болѣе любопытное пророчество, касающееся *организаціи Польши*, но оно и мнѣ не сообщено. Оно будетъ обнародовано въ свое время. Приходится ждать. Я не имѣю никакого основанія вѣрить въ пророчества этой женщины; однако, я долженъ вамъ сознаться, что они сильно меня занимаютъ. Пусть это останется между нами; не говорите чужимъ, пока мы не разузнаемъ все точнѣе, тѣмъ болѣе, что меня просили сохранить это дѣло въ тайнѣ...

Мицкевичъ женѣ.

Веве, 20-го октября 1838 г.

Я счастливо и въ добромъ здравіи пріѣхалъ въ Женеву.... Разскажу тебѣ, какъ обстоитъ дѣло. Не дурно; какъ разъ передъ моимъ пріѣздомъ (въ Лозанну) кандидатъ на каѳедру латинской словесности провалился: вакансія въ академіи свободна. Уроковъ шесть или семь въ недѣлю, содержанія около 2800 фр., а у кого больше уроковъ, тотъ и получаетъ больше. По здѣшнимъ цѣнамъ мы могли бы жить за эти деньги хорошо. Страна — настоящая картинка. Женева въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды... На каникулы мы могли бы ѣздить въ Италію. Словомъ, намъ было бы здѣсь очень хорошо; вопросъ въ томъ, какъ справлюсь съ экзаменами и пробными лекціями. Прошу тебя, сходи тотчасъ-же исповѣдаться и помолись о благополучномъ окончаніи этого дѣла. Вотъ такъ счастіе, что

швейцарцы, которые заботятся только о цѣнахъ на сыръ и вино, прослышали обо мнѣ...

Мицкевичъ женѣ въ Ванвръ

1838 г.

Ты знаешь, мой другъ, что болѣзнь твоя ничто иное, какъ сильное нервное возбужденіе. Чѣмъ больше ты будешь раздражаться и мучиться, тѣмъ дольше тебѣ придется жить въ разлукѣ со мною и дѣтьми. Будь совершенно спокойна въ теченіе нѣсколькихъ дней, и тебя пустятъ къ намъ. Наше счастіе, слѣдовательно, зависитъ отъ тебя. Старайся заниматься чѣмъ-нибудь: начни для меня какую-нибудь работу, которая, въ то же время, будетъ служить памятью о времени нашей разлуки, займись музыкой...

1838 г.

Старайся, дорогая моя Целина, чтобы на душѣ у тебя было такъ же спокойно, какъ у меня. Ты должна довольствоваться теперь моею любовью, которая потомъ тебя исцѣлитъ. Я пишу это, макая перо въ сердце. Гг. Вуазена, Фалере и ихъ товарищей люби и уважай, какъ лицъ, меня заступающихъ, чѣмъ ты докажешь, что меня любишь. Это будетъ для тебя испытаніемъ. Если тебѣ сдѣлаютъ что-либо непріятное, скажи себѣ:

Адамъ такъ велѣлъ. Ты была неискренна, когда писала послѣднее письмо весело и игриво; на самомъ дѣлѣ, ты была печальна. Будь искренна. Ты страдаешь за притворство. Исправься отъ этого грѣшка.

Сенъ-Бёвъ Мицкевичу.

28-го ноября 1838 г.

Я получилъ письмо отъ моихъ друзей Оливье. Лозаннская академія приняла относительно васъ рѣшеніе: она единогласно постановила ходатайствовать у государственнаго совѣта о предоставленіи вамъ курса на самыхъ выгодныхъ условіяхъ и съ высшимъ окладомъ. Вы видите, слѣдовательно, м. г., что если лучъ поэзіи пробивается и поздно, то все-таки, пробивается. Примите, — это мой совѣтъ. Лозанна — прекрасный городъ; вы найдете тамъ (если это не слишкомъ смѣлая мысль) отечество.... какъ многіе изгнанники. Нравственная, преданная, патріотическая тамошняя молодежь отнесется къ вамъ съ расположеніемъ. Но, въ особенности, я вамъ рекомендую домъ нашихъ дорогихъ друзей Оливье, какъ средоточіе поэзіи, любви и самыхъ симпатичныхъ добродѣтелей. Нигдѣ вы не найдете болѣе прочной опоры. Если г-жа Мицкевичъ поѣдетъ съ вами, то вы найдете тамъ все, что можетъ вамъ помочь и васъ облегчить. Словомъ, м. г., я желалъ бы очень для васъ, для Лозанны, чтобы вы поселились въ этомъ городѣ. И

такъ отвѣчайте, отвѣчайте поскорѣе либо г. М. Моннару, ректору академіи, либо Оливье, который, какъ вы знаете, живетъ въ улицѣ Мартерэ.

Мицкевичъ И. Домейкѣ.

Лозанна, 1-го августа 1839 г.

... Въ прошломъ году я получилъ мѣсто профессора латинской словесности въ Лозаннской академіи. Упорная болѣзнь жены долго не позволяла мнѣ поселиться здѣсь. Теперь я переѣхалъ сюда со всѣмъ семействомъ, и мѣсто, навѣрное, останется за мною; буду учительствовать. Жена и дѣти здоровы. Мися сильно подросла. Владзіо перенесъ продолжительную и тяжкую болѣзнь, но теперь начинаетъ ползать; мальчикъ будетъ худой; онъ пошелъ въ меня, какъ Мися въ мать. Живемъ мы здѣсь довольно сносно и платимъ 80 фр. въ мѣсяцъ; домъ меблированъ. Окна мои выходятъ на Женевское озеро и на Альпы; жаль только, что до озера далеко. Я предпочитаю наши литовскіе ландшафты, на которые можно тотчасъ-же лечь и выспаться, этому отдаленному сверканію, утомляющему глазъ, какъ camera obscura. Городъ Лозанна, впрочемъ, довольно скучный. Жители относятся къ намъ дружелюбно, и намъ было бы здѣсь хорошо, еслибъ мы могли привыкнуть къ чужой странѣ! Но увы! мы, какъ цыгане, вездѣ только въ гостяхъ... У насъ теперь политики за-

няты событіями на востокѣ. Французы и англичане благоразумны, а наши мудрецы дѣлаютъ, что имъ вздумается. Однако, событія приведутъ къ чему-нибудь важному и для насъ. Я постоянно молю Бога, чтобы москале взяли Константинополь. Тогда положеніе дѣлъ въ Европѣ измѣнится. Но что дѣлать? Москале — не глупы: они не торопятся, а французы — дураки: мѣшаютъ имъ, если не чѣмъ-нибудь другимъ, то крикомъ...

Мицкевичъ Б. Залѣскому.

Лозанна, 20-го сентября 1839 г.

...Жизнь моя здѣсь довольно сносная, но возня съ мѣстомъ безконечная... Когда все устроится и я займу каѳедру, можетъ быть, меня прогонитъ русское посольство или революція. Мы здѣсь ожидаемъ революціи въ ноябрѣ, а до сихъ поръ всякая революція отражалась на мнѣ. Послѣдняя, лозаннская, чуть было не смела каѳедру латинской словесности. Но что дѣлать? Буду спокойно ждать и читать de re metrica, de asse romano, de siglio etc., etc. Подчасъ я становлюсь сентиментальнымъ, читая обо всемъ этомъ, потому что вспоминаю студенческіе годы. Я принадлежу къ людямъ, которые не переносятъ продолжительнаго благополучія и, когда прожили три дня счастливо, начинаютъ брыкаться. Вотъ почему Провидѣніе обходится со мною сурово, иногда такъ сурово, что становится почти невмоготу...

Мицкевичъ И. Домейкъ.

Лозанна, 8-го ноября 1839 г.

...Годъ тому назадъ я уѣхалъ изъ Парижа въ Лозанну, чтобы похлопотать здѣсь о мѣстѣ профессора латинской словесности. Дѣло было уже улажено, какъ вдругъ получаю письмо о болѣзни жены. Возвращаюсь и застаю жену въ ужаснѣйшемъ положеніи, покинутую, почти безъ доктора, сынишку — умирающимъ, Мисю — у чужихъ, все — въ полномъ разстройствѣ. Послѣ долгихъ мѣсяцевъ, наконецъ, жена пришла немного въ себя и выписалась изъ дома *умалишенныхъ*. Она выздоровѣла только какимъ-то чудомъ; ребенокъ тоже поправился. Мы уѣхали въ Швейцарію, а тутъ вдругъ революція, перемѣна правительства, удаленіе моихъ покровителей. Начались снова переговоры. Однако, мѣсто я получилъ, хотя и на менѣе выгодныхъ условіяхъ. Впрочемъ, я надѣюсь, что меня назначатъ ординарнымъ, потому что моими лекціями не недовольны. Я читаю курсъ по-французски, какъ ты по-испански *), а мой братъ въ Харьковѣ по-русски. На такое-то вавилонское столпотвореніе мы обречены! Получаю содержаніе 2,700 фр.; лекцій у меня шесть въ недѣлю, работы въ началѣ много. Первая лекція напугала меня не мало, но удалась, и молодежь устроила мнѣ по окон-

---

*) И. Домейко состоялъ въ то время профессоромъ естественныхъ наукъ въ Чили.

чаніи ея серенаду. Есть нѣкоторая надежда, что я получу мѣсто въ Парижѣ... Наши все продолжають политиканствовать: одни хотятъ провозгласить князя Чарторыскаго королемъ, другіе — республику... Что касается до литературныхъ новостей, то г-жа Зандъ только-что напечатала сравненіе фантастическихъ драмъ Гете и Байрона съ «Дзядами». Можешь себѣ представить, какъ наши удивляются, видя, что меня ставятъ такъ высоко...

Мицкевичъ Б. Залѣскому,

Лозанна, 20-го ноября 1839 г.

...Ты не повѣришь, какъ я иногда злюсь, что ты до сихъ поръ ничего не напечаталъ; какъ это было бы нужно, особенно для Познани! Хорошій знакъ, что тамъ тебя полюбили и называютъ великимъ художникомъ, потому что нѣтъ ничего болѣе антиберлинскаго, какъ твоя муза. Мои произведенія въ этомъ отношеніи безсильны. Они, какъ ты знаешь, ближе подходятъ къ нѣмецкимъ, особенно, тѣ, которыя охотно читаются въ Познани, т. е. менѣе удачныя. Лучшія тамъ не особенно нравятся. Сдѣлай, поэтому, милость и печатай...

Леонъ Фоше Мицкевичу.

Парижъ, 7-го марта 1840 г.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, я ни на минуту не упускаю изъ виду вашихъ интересовъ.

Я знаю, что жители Лозанны цѣнятъ пріобрѣтеніе, которое они сдѣлали, и что они улучшаютъ ваше положеніе; но все это не особенно соблазнительно, тѣмъ болѣе, что васъ заставляютъ добывать себѣ хлѣбъ въ потѣ лица. Преподаваніе, на которое васъ обрекаютъ, не соотвѣтствуетъ вашимъ вкусамъ; у васъ не хватаетъ времени заняться поэзіею, и, вообще, это не поле дѣятельности, которое вамъ подходитъ. Я говорилъ съ г. Кузеномъ, еще до назначенія его министромъ, о необходимости учредить каѳедру славянскихъ языковъ и литературъ въ «Collège de France» и представилъ васъ, какъ единственнаго человѣка, пригоднаго для нея. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ назначенъ министромъ, онъ вновь возбудилъ этотъ вопросъ и пригласилъ меня составить записку о пользѣ этой каѳедры. — Мнѣ надо заручиться вашимъ согласіемъ, чтобы сдѣлать дальнѣйшій шагъ;. если вы согласны, то я надѣюсь на успѣхъ.— Каѳедра въ «Collège de France» мнѣ представляется очень для васъ желательною. Профессора въ этомъ учрежденіи несмѣняемы, курсъ продолжается всего семь мѣсяцевъ, лекцій не болѣе двухъ въ недѣлю. Содержаніе составляетъ 5000 франковъ въ годъ; но вы поймете, что не трудно будетъ впослѣдствіи вамъ доставить какое-нибудь добавочное мѣсто въ одной изъ библіотекъ, чтобы увеличить ваши доходы.—Кромѣ того, учрежденіе каѳедры славянскихъ языковъ имѣло бы еще другое важное значеніе: оно создало бы центръ для поляковъ-изгнанниковъ. За неимѣніемъ политическаго отечества, оно доставило бы имъ отечество

литературное. Быть орудіемъ такой миссіи — заманчиво...

Мицкевичъ Л. Фоше.

Лозанна, 9-10 марта 1840 г.

...Я получилъ ваше письмо очень кстати, потому что и лозаннское правительство дѣлаетъ мнѣ окончательное предложеніе. Оно назначаетъ мнѣ содержанія 3500 фр., что, въ виду здѣшней дешевизны, составляетъ не меньше 5000 фр. въ Парижѣ. Но у меня будетъ 6 уроковъ въ недѣлю; уменьшить число ихъ нельзя, такъ какъ мои товарищи даютъ по 10 уроковъ; легко сказать! Поэтому неудивительно, что я подчасъ сожалѣю о прежнихъ занятіяхъ. Къ тому же, этотъ трудъ нисколько не обезпечиваетъ моей будущности. Революція можетъ унести всю нашу академію, вмѣстѣ съ моею латынью. Это еще не все или, лучше сказать, эта политическая опасность ничто въ сравненіи съ угрожающею мнѣ патологическою опасностью. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что въ Ваадскомъ кантонѣ очень распространенъ зобъ. Я этого не зналъ. Почти всѣ женщины имѣютъ зобъ; его схватываютъ здѣсь, какъ у васъ, въ Парижѣ, насморкъ. Наши врачи уже дѣлаютъ какіе-то опыты надъ шеею нашей Маріи. Я дрожу при мысли, что моя дѣвочка запасется такимъ ожерельемъ. Это было бы прекраснымъ приданымъ для дочери эмигранта, у которой другаго нѣтъ. Поэтому я рѣшился принять каѳедру въ Парижѣ, если только г. Кузену

вздумается учредить ее. Окажите содѣйствіе этому дѣлу...

Мицкевичъ тому-же.

Лозанна, 13 марта 1840 г.

Я нахожусь въ большомъ затрудненіи. Я только-что получилъ депешу государственнаго совѣта, которую я при семъ прилагаю. Мое содержаніе повышено до 3,500 швейцарскихъ франковъ, что равняется 4,500 французскимъ. Для меня создали исключительное положеніе; я получаю 1,500 фр. больше, чѣмъ остальные профессора. Какова бы ни была судьба академіи, мнѣ обѣщано, что я не лишусь моихъ правъ. Въ мою пользу нарушены всѣ уставы. Если я теперь откажусь, будетъ назначенъ новый конкурсъ. Вы не можете представить себѣ, какое значеніе здѣсь придаютъ этимъ мѣстамъ. Первый предсѣдатель суда и знаменитѣйшій адвокатъ кантона участвовали въ конкурсѣ для полученія каѳедры. Вы видите, что рѣчь идетъ о мѣстѣ, котораго добиваются Дюпены и Барро нашей республики. Моимъ отказомъ обидятся. На меня посмотрятъ, какъ на человѣка, исполненнаго чудовищной гордости.... Но, по правдѣ сказать, зобъ въ этомъ дѣлѣ главенствуетъ надъ всѣми политическими, соціальными, литературными и экономическими соображеніями. Тѣмъ не менѣе, вы могли бы напомнить г. Кузену о жертвахъ, которыя я приношу, отказываясь отъ здѣшняго мѣста. Можетъ быть, при ловкомъ ве-

деніи дѣла, вы этимъ путемъ добьетесь выгодныхъ условій для меня....

Кузенъ Мицкевичу.

Парижъ, 10-го апрѣля 1840 г.

Г. Фоше, вѣроятно, писалъ вамъ, что я намѣренъ испросить еще въ текущемъ году у палаты разрѣшеніе на открытіе въ «Collège de France» курса славянскихъ языковъ и литературъ. Зная васъ только по славѣ, которою пользуется ваше имя, и слыхавъ о васъ отъ нѣсколькихъ общихъ друзей, я намѣтилъ васъ для этого курса. — Занятіе вами каѳедры въ Парижѣ было бы уже само по себѣ довольно важнымъ политическимъ событіемъ; но я долженъ заботиться и, дѣйствительно, забочусь, исключительно, о наукѣ и литературѣ. Я думаю только о литературѣ и больше ни о чемъ. Я говорю съ вами, м. г., какъ честный человѣкъ съ честнымъ же человѣкомъ. Поляки образуютъ въ Парижѣ партію, которая, по всей справедливости, возбуждаетъ благородныя симпатіи молодежи. Эти симпатіи естественно обратятся на васъ; но я горячо желаю, чтобы направленіе вашего преподаванія, согласно высокому уваженію, котораго вы заслуживаете, не нарушало чисто-литературнаго характера, присвоиваемаго новой каѳедрѣ. Я льщу себя надеждою, м. г., что вы поймете мои опасенія и не посмотрите косо на нихъ: они обусловливаются моими обязанностями.

Вотъ положеніе, которое васъ здѣсь ожидаетъ.

Всѣ профессора въ «Collège de France» получаютъ по 5.000 фр. въ годъ. Не будучи еще натурализованнымъ во Франціи, вы не можете быть немедленно назначены штатнымъ профессоромъ; пока вы числились бы исправляющимъ должность съ полнымъ окладомъ. По истеченіи законнаго срока, вы легко можете быть натурализованы, если пожелаете. Вы встрѣтите здѣсь, кромѣ горячихъ поклонниковъ вашего таланта, людей серьезныхъ, знающихъ, умѣренныхъ, которые поспѣшатъ горячо привѣтствовать такого человѣка, какъ вы. Я принадлежу къ ихъ числу и сочту за честь для себя, если мнѣ удастся пріобрѣсти васъ для Франціи.

Вы видите, какъ откровенно я съ вами объясняюсь; послѣдуйте моему примѣру, м. г., и говорите со мною также вполнѣ откровенно....

Фоше Мицкевичу.

Парижъ, 19-10 апрѣля 1840 г.

...Вслѣдствіе дипломатическихъ соображеній министръ сильно настаиваетъ на русской литературѣ, равно какъ и на литературномъ движеніи, очагомъ котораго нынѣ служитъ Прага... Законопроектъ (объ учрежденіи каѳедры) вчера подписанъ королемъ, а сегодня будетъ внесенъ въ палату. Прочтите изложеніе мотивовъ въ завтрашнемъ нумерѣ «Moniteur'a». Пришлось взять крѣпость штурмомъ. Законопроектъ вызвалъ въ субботу, въ совѣтѣ министровъ, сильную оппозицію.

Въ воскресенье Кузенъ умолялъ меня еще разъ поговорить о немъ въ засѣданіи совѣта, предполагавшемся въ тюльерійскомъ дворцѣ, съ президентомъ совѣта министровъ, который какъ будто охладѣлъ къ законопроекту. Я поспѣшилъ къ нему, и онъ мнѣ обѣщалъ горячо защищать проектъ; ожидали противодѣйствія со стороны короля. Однако, все обошлось благополучно.

Мицкевичъ Б. Залѣскому.

Лозанна, 24-го апрѣля 1840 г.

...Витвицкій говоритъ, что ты печатаешь въ Страсбургѣ. Радуюсь, что ты приступилъ къ печатанію, но жаль, что ты избралъ Страсбургъ, когда можно было печатать на родинѣ. Я убѣжденъ, что эмиграція мало будетъ читать твои произведенія, что она ихъ не оцѣнитъ, что первая попавшаяся брошюра противъ Дверницкаго или какого-нибудь тамъ комитета больше займетъ нашихъ, чѣмъ твои гимны. Кромѣ того, эмиграція бѣдна и довольно глупа, слѣдовательно, мало расположена наслаждаться пѣснями. Я не признаю тебя поэтомъ эмиграціи, и ты никогда имъ не будешь. Ея поэтъ родится въ ней самой, а мы этого не дождемся. Пиши для народа. — Мы здѣсь всѣ здоровы. Я, попрежнему, даю уроки. Получилъ я письмо отъ министра съ предложеніемъ мѣста въ Парижѣ. Веду объ этомъ переговоры. Однако, мнѣ жаль Лозанны, гдѣ у меня теперь есть кровъ и хлѣбъ, жаль мѣста, которое я добылъ собствен-

нымъ трудомъ, безъ всякой посторонней помощи (за исключеніемъ Божьей), хотя препятствій было не мало. Люди здѣсь хорошіе. Но за Парижъ говорятъ важныя соображенія...

Мицкевичъ Л. Фоше.

Лозанна, 25-го мая 1840 г.

Я предвидѣлъ роль, которую отведутъ русской литературѣ на ряду съ другими славянскими. Ей предоставили львиную часть; поэтому я былъ очень сдержанъ въ моемъ отвѣтѣ министру...

Мицкевичъ Б. Залѣскому,

Лозанна, 2-го іюля 1840 г.

Здѣсь до сихъ поръ всѣ ко мнѣ расположены: и правительство, и публика. Жаль мнѣ будетъ разстаться съ Лозанной. Законопроектъ о славянской каѳедрѣ еще не прошелъ черезъ палату пэровъ. Я долженъ буду принять ее, чтобы какой-нибудь нѣмецъ не взлѣзъ на нее и оттуда не сталъ бы насъ поносить.

Адамъ Чарторыскій Мицкевичу

Парижъ, 24-го іюля 1840 г.

Мнѣ показалось, что г. Кузенъ безпокоится о томъ, какъ вы будете излагать свой предметъ. Онъ

говорилъ, что не желаетъ подвергнуться упрекамъ со стороны московскаго и австрійскаго пословъ и короля Филиппа, чрезвычайно робкаго въ этого рода вопросахъ. Я старался успокоить министра, увѣривъ его, что вы отлично съумѣете быть умѣреннымъ въ своемъ изложеніи и что вы не будете ни вдаваться въ политику, ни затрогивать щекотливыхъ или опасныхъ вопросовъ. Я ему указалъ на то, что если онъ, съ одной стороны, желаетъ избѣгнуть слишкомъ *польскаго и возбуждающаго* изложенія, то, съ другой, противится и тому, чтобы каѳедру эту *эксплоатировали* въ пользу москалей или австрійцевъ, и что, слѣдовательно, вашъ выборъ представляется самымъ безопаснымъ съ точки зрѣнія его отвѣтственности. Министръ съ этимъ вполнѣ согласился... Польская литература, которую Ганке въ своей грамматикѣ польскаго языка называетъ лучшею между всѣми славянскими, не нуждается, особенно, съ тѣхъ поръ, какъ она обогащена вашими произведеніями, въ пристрастномъ къ ней отношеніи. Будетъ лучше всего, если полякъ въ своемъ курсѣ воздастъ, такъ сказать, должное другимъ отраслямъ славянскаго племени и излагать ихъ литературы con amore. Какія великія и благодѣтельныя послѣдствія будетъ имѣть для польскаго вліянія фактъ, что всѣ, безъ исключенія, братья-славяне, ихъ поэты, ученые останутся единодушно довольны справедливостью, оказанною имъ вами предъ просвѣщенною Европою! — Высказывать всѣ наши мысли не слѣдуетъ, и, особенно въ началѣ, надо быть осторожнымъ. Но объ этомъ нечего вамъ писать; вы

сами лучше, дальше, яснѣе видите все это... По моему мнѣнію, вы обязаны не только для эмиграціи, но и для всей Польши, скажу даже для всего славянскаго міра, принять это мѣсто, на которомъ вы принесете много пользы, а предотвратите еще больше зла...

Мицкевичъ А. Чарторыскому.

Лозанна, 31-го іюля 1840 г.

Не знаю, какъ благодарить вашу свѣтлость за постоянную заботливость обо мнѣ и за послѣднія извѣстія, сообщенныя мнѣ съ такою поспѣшностью. Я хотѣлъ было писать министру и представить ему нѣкоторыя объясненія. Во-первыхъ, во время преній въ палатѣ мнѣ сдѣланъ упрекъ, что я владѣю однимъ только славянскимъ нарѣчіемъ; польскимъ; между тѣмъ, я могу представить доказательства, что и русскій языкъ знаю хорошо, а чешскій недурно. Во-вторыхъ, министра спрашивали, имѣю-ли я понятіе о литературныхъ трудахъ чеховъ? Я могъ бы отвѣтить на это, что въ 1829 г. я нарочно ѣздилъ въ Прагу, чтобы познакомиться съ тамошними филологами и ихъ трудами... Тѣмъ не менѣе, я не могу дать министру никакихъ увѣреній и обѣщаній. Я посылаю вамъ статью, написанную мною въ 1837 г, на французскомъ языкѣ, по поводу смерти Пушкина. Статья эта, наскоро набросанная, не имѣетъ никакого литературнаго значенія, но она можетъ дать нѣкоторое понятіе о томъ, какъ я смотрю

на москалей. Если ваша свѣтлость признаете это нужнымъ, то передайте статью отъ себя министру. Этимъ путемъ вы его убѣдите, что хотя я и писалъ анонимно, но съумѣлъ сохранитъ литературное безпристрастіе... Жаль мнѣ Лозанны; но рѣчь идетъ не столько о пользѣ, которую я могу принести въ Парижѣ, сколько о вредѣ, который я могу предотвратить: могутъ посадить на каѳедру нашего врага.

Кузенъ Мицкевичу.

Парижъ, 9-го сентября 1840 г.

Честь имѣю васъ увѣдомить, м. г., что постановленіемъ отъ 8-го сентября 1840 г. я вамъ временно поручилъ чтеніе курса славянскаго языка и литературы въ Collège de France. Распоряженіе объ окончательномъ вашемъ назначеніи будетъ предложено королю для подписи, какъ только вы исполните условія, необходимыя для натурализаціи, т. е. по прошествіи перваго года вашего пребыванія во Франціи и по исполненіи нѣкоторыхъ несложныхъ формальностей. Какъ я васъ уже увѣдомилъ, тѣмъ-же постановленіемъ, содержаніе, присвоенное всѣмъ каѳедрамъ въ Collège de France, обезпечено за вами со дня вашего вступленія въ должность. Наконецъ, другимъ постановленіемъ отъ того-же числа я возложилъ на васъ составленіе толковаго каталога разныхъ славянскихъ рукописей, находящихся въ Королевской библіотекѣ. Начиная съ 1-го января 1841 г. вы бу-

дете получать ежегодно сумму въ 1000 фр. изъ фонда для содѣйствія и поощренія наукъ и литературъ. Прошу васъ представлять мнѣ каждое полугодіе отчетъ о вашихъ работахъ, чтобы я могъ слѣдить за результатами, вами достигнутыми, и сообщать о нихъ при случаѣ палатамъ и публикѣ.

Фоше Мицкевичу.

Парижъ, 19-го сентября 1840 г.

Политика занимаетъ и поглощаетъ меня болѣе, чѣмъ вы себѣ это можете представить. Я не вѣрю въ возможность войны, но будьте увѣрены, что мы ее будемъ вести энергически, если насъ къ ней вынудятъ. Въ сегодняшнихъ газетахъ сообщается о предложеніяхъ паши, который требуетъ отъ насъ умѣренности. Если соглашеніе состоится, планы Россіи будутъ разстроены, и могущество Франціи усилится; если-же оно не состоится, ожидайте войны весною будущаго года. У насъ 500,000 солдатъ, 300,000 мобилизованныхъ національныхъ гвардейцевъ, 1300 орудій, а укрѣпленіе Парижа въ полномъ ходу...

Мицкевичъ И. Домейкѣ.

Парижъ, 1-го ноября 1840 г.

Я долженъ былъ вернуться въ Парижъ, иначе каѳедра попала бы въ московскія или нѣмецкія руки.

Вотъ я и пріѣхалъ сюда съ женою и тремя дѣтьми, впрочемъ, не безъ препятствій, и состою теперь профессоромъ въ Collège de France. Первая моя лекція была довольно удачна, хотя я былъ въ дурномъ настроеніи. Она вышла не блестящею, но приличною; прослушали меня со вниманіемъ, и о ней очень лестно отозвались люди, мнѣніе которыхъ имѣетъ вѣсъ и значеніе... Среди эмигрантовъ происходитъ постоянная борьба изъ-за избранія Чарторыскаго королемъ. Новая партія поддерживаетъ его страстно, а прежніе сторонники, пораженные и встревоженные, держатся въ сторонѣ. Князь хотя и очень почтенный человѣкъ, но не всегда дѣйствуетъ искусно; онъ позволилъ выбить медали съ надписью: „*Боже возврати намъ короля*“, что приводитъ его противниковъ въ бѣшенство. Я, попрежнему, люблю князя, но не понимаю и не одобряю всѣхъ его дѣйствій...

Президентъ государственнаго совѣта (ваадскаго кантона), Мюре Мицкевичу.

Лозанна, 9-го ноября 1840 г.

Когда вы сообщили государственному совѣту, что обязанности высшаго порядка заставляютъ васъ разстаться съ нашею академіею и уѣхать изъ нашей страны, вы выразили желаніе сохранить что-нибудь на память о слишкомъ быстро

прошедшемъ времени, которое вы прожили среди насъ, въ качествѣ нашего согражданина и друга. Эти ваши чувства не могли не возбудить въ насъ живой симпатіи. Мы, съ своей стороны, также желаемъ, м. г., чтобы ваадскій кантонъ, его республиканскія учрежденія и, въ особенности, его народное образованіе, которое вы освѣтили такимъ яркимъ, но, къ сожалѣнію, кратковременнымъ блескомъ, иногда воскресали въ вашей памяти. Съ этою надеждою, мы предлагаемъ вамъ званіе *почетнаго профессора* нашей академіи и препровождаемъ при семъ дипломъ, выданный государственнымъ совѣтомъ. Этотъ документъ нашего правительства не будетъ для васъ простымъ листомъ бумаги. Онъ вамъ будетъ напоминать маленькій уголокъ земли, гдѣ радовались васъ имѣть хоть короткое время, гдѣ вашъ благородный характеръ оцѣненъ по достоинству, гдѣ ваше преподаваніе, столь же краснорѣчивое, какъ и глубокое, оставило слѣды, которые не скоро изгладятся. Наша любовь и наше удивленіе сопровождаютъ васъ, м. г., на новомъ вашемъ поприщѣ и наши пожеланія всего лучшаго будутъ съ вами всюду, куда божественное Провидѣніе васъ поведетъ.

Мицкевичъ К. Островскому.

Парижъ, 13-го ноября 1840 г.

Почтенный товарищъ! Когда вы мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ говорили о переводѣ моихъ

сочиненій, я, вѣроятно, невѣрно понялъ, о чемъ шла рѣчь: я имѣлъ въ виду только «Книги скитальчества» (Księgi Pielgrzymstwa), которыя какой-то книгопродавецъ *) намѣревался выпустить въ свѣтъ съ спекулятивными цѣлями. Это мнѣ не нравилось, потому что упомянутое сочиненіе я издалъ на собственный счетъ и, по большей части, роздалъ безплатно. Я не желалъ пустить его въ продажу. Что же касается до других сочиненій, то я продавалъ ихъ издателямъ и былъ бы очень радъ, еслибы они доставили *моему переводчику* прибыль. Но я сильно сомнѣваюсь, чтобы это было возможно, и, поэтому, я удерживалъ всѣхъ переводчиковъ отъ такого предпріятія, чтобы не обречь ихъ на долгій и безплодный трудъ. Я убѣжденъ, что изданіе всѣхъ моихъ сочиненій во Франціи, особенно въ настоящій моментъ, не имѣло бы успѣха. Для васъ они имѣютъ прелесть воспоминанія; для поляковъ они могутъ имѣть значеніе, такъ какъ принадлежатъ исторіи ихъ литературы; но французамъ они на что? Два перевода „Валленрода" уже пошли на оберточную бумагу; поэтому надо быть осторожнымъ...

Мицкевичъ Б. Залѣскому.

Парижъ, 25-го декабря 1840 г.

... Стефанъ Витвицкій докладывалъ тебѣ уже о моей лекціи. Изъ того, что онъ мнѣ говорилъ, я

*) Рандюэль.

вижу, что докладъ его точенъ. Изложеніе мое было тяжеловато, но прилично, ясно и, въ стилистическомъ отношеніи, удачно. Я шелъ на лекцію безъ малѣйшей тревоги, но и безъ вдохновенія, кислый и печальный. Французамъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, лекція очень понравилась; Монталамберъ, Фоше, Кергорлай и др. нашли ее слишкомъ отвлеченной для обыкновенныхъ слушателей. Многое ей недоставало, но писать объ этомъ было бы слишкомъ длинно. Мы впослѣдствіи потолкуемъ. Первое испытаніе, слѣдовательно, за спиною, но это только начало. Каждая лекція все равно что сраженіе: Богъ одинъ знаетъ, какъ удастся. Старый солдатъ, Іосифъ, вѣроятно, лучше, чѣмъ кто-либо, пойметъ мои чувства въ этомъ дѣлѣ. Молитесь за меня. Только благодаря Богу я не провалился со срамомъ. Нѣкоторые французы и москали затѣваютъ какую-то подписку для найма стенографовъ. Иду сегодня этому воспрепятствовать. Положеніе мое у правительства и въ Collège стало значительно лучше. Вчера мы были на роскошномъ ужинѣ у Евстафія Янушкевича. Вызванный импровизаціею Словацкаго, я отвѣтилъ съ такимъ вдохновеніемъ, какого не испыталъ съ тѣхъ поръ, какъ писалъ «Дзядовъ». Это было хорошо, потому что люди разныхъ партій расплакались, очень насъ полюбили и на время всѣ преисполнились любви. Въ эту минуту духъ поэзіи былъ со мною. Я хотѣлъ бы знать, что ты вчера дѣлалъ и думалъ, потому что мнѣ постоянно кажется, что въ насъ двухъ одинъ только духъ и что одновременно мы не можемъ быть поэтами на землѣ. Хотя духъ и вѣ-

ченъ, но онъ временно ограничиваетъ себя, когда воплощается въ одномъ изъ насъ.

Мицкевичъ брату своему Франциску.

Парижъ, 3-го марта 1841 г.

... Главнымъ образомъ, мое положеніе непріятно потому, что я нахожусь въ средѣ эмигрантовъ. Ты не можешь представить себѣ, какая бѣда съ людьми, обреченными на такое печальное положеніе. Всякій днемъ и ночью составляетъ политическіе проекты и выходитъ изъ себя, когда ему не удастся привлечь другихъ на свою сторону. Наши ходятъ на мой курсъ, но только чтобы узнать, къ какой я принадлежу партіи? Аристократъ-ли я или демократъ, и сердятся, что я имъ ничего не говорю о политикѣ. Теперь, кажется, они немного успокоились. Въ будущемъ году, если я здѣсь останусь, будетъ мнѣ легче какъ съ курсомъ, такъ и съ эмиграціею, которая, надѣюсь, оставитъ меня въ покоѣ. Можетъ быть, мнѣ удастся получить званіе профессора безъ натурализаціи; мнѣ жаль перестать быть оффиціально литвиномъ и непріятно лѣзть въ французы...

Секретарь историческаго отдѣла Сенкевичъ Мицкевичу.

3-го августа 1841 г.

М. Г. Совѣтъ историческаго отдѣла, желая заручиться послѣ безвременной кончины своего пред-

сѣдателя, Юліана Урсына Немцевича, достойнымъ преемникомъ его, постановилъ предложить вамъ предсѣдательство въ занятіяхъ отдѣла. Получивъ согласіе отдѣла и убѣжденный, что вы не откажете ему, онъ имѣетъ честь пригласить васъ на постъ президента историческаго отдѣла.

Мицкевичъ Б. Залѣскому.

Парижъ, 15-го августа 1841 г.

Богданъ! Когда ты прочтешь это письмо, стань на колѣни и благодари Господа. Здѣсь происходятъ великія событія. Эмигранты примирились. Пріѣзжай, не медля, тотчасъ-же, къ намъ, чтобы утѣшиться, развеселиться, расцвѣсти.... У меня въ домѣ цвѣты, а въ сердцѣ и въ духѣ весна. Вотъ ужь нѣсколько дней, какъ я пишу тебѣ по всѣмъ направленіямъ, не зная, гдѣ ты находишься. Іосифа немедленно зови въ Парижъ. Больше писать нельзя.

Соловко мой, лети и пой!
На разставаньѣ сладко пой
Былымъ слезамъ, свершеннымъ снамъ,
И пѣснѣ, конченной тобой!

Соловко мой, смѣни перо,
Сокольи крылья припаси,
И златострунныя въ когтяхъ
Давида гусли къ намъ неси!

Гласъ прозвучалъ, и жребій палъ,
И бремя сокровенныхъ лѣтъ

Дало ужь плодъ! Насъ чудо ждетъ!
Теперь возрадуется свѣтъ!

Братья ждутъ съ нетерпѣніемъ.

С. Витвицкій Мицкевичу.

Тулуза, 28-го августа 1841 г.

....Вчера я былъ на исповѣди, сегодня съ двумя другими поляками причащался св. таинъ; мы прослушали обѣдню, чтобы поблагодарить Бога. Что у васъ произошло, не знаю, не понимаю, такъ какъ ни ты, ни Горецкій, отъ котораго я получилъ письмо третьяго дня, ничего опредѣленнаго мнѣ не сообщаете. Я, однако, вѣрю и благодарю Бога, какъ умѣю, взывая изъ глубины души: «да будетъ воля Твоя!».... Большая ваша новость получена здѣсь разными путями.... Кого изъ поляковъ ни встрѣтишь, всѣ говорятъ только объ этомъ, разспрашиваютъ, дѣлаютъ невозможныя предположенія, по большей части, разсуждаютъ объ этомъ по-дѣтски и по-уличному. Я вначалѣ молчалъ или отзывался только общими фразами, что о Польшѣ получена большая и счастливая новость, что надо благодарить Бога за нее и т. п. Теперь я высказываюсь яснѣе, потому что всѣ уже называютъ васъ троихъ: Горецкаго, Собанскаго и тебя. О *Гостѣ* я ничего не слыхалъ, самъ, понятно, не говорю ни слова, но и это, вѣроятно, получитъ огласку, потому что мнѣ уже сдѣланъ въ одномъ письмѣ намекъ, что въ Парижъ пріѣхалъ *нѣкто,*

мистическая личность (выраженіе письма) и т. д., *которая вызвала въ Мицкевичѣ великій переворотъ и пробудила въ немъ убѣжденіе о вѣрномъ и близкомъ возвращеніи въ Польшу;* но фамилія не названа и, повидимому, автору письма неизвѣстна. Писалъ изъ Парижа одному изъ здѣшнихъ поляковъ Онуфрій Корженевскій. Онъ повторяетъ въ этомъ длинномъ и хорошемъ, хотя и нѣсколько многословномъ письмѣ разговоръ, который онъ имѣлъ съ Собанскимъ и Горецкимъ. Онъ, между прочимъ, говоритъ, что Собанскій сказалъ: «*вождь нашъ нарождается, онъ можетъ родиться не сегодня, такъ завтра, а когда это наступитъ, начнется движеніе*»...

Виллеменъ Мицкевичу.

27-го октября 1841 г.

Мнѣ пришлось отсрочить отвѣтъ на письмо, въ которомъ вы меня увѣдомляли о намѣреніи вашемъ отказаться отъ обязанностей, возложенныхъ на васъ моимъ предшественникомъ, т. е. отъ порученія составить толковый каталогъ славянскихъ рукописей, находящихся въ королевской библіотекѣ. Вслѣдствіе чрезмѣрной вашей добросовѣстности вы опасаетесь, что вамъ нельзя будетъ усидчиво заняться этою работою. Но, съ другой стороны, я увѣрился, что скромное вознагражденіе, которое вы получали за исполненіе этой работы, вамъ необходимо. Я желалъ бы, чтобы вы сохранили его до тѣхъ поръ, пока мнѣ не удастся замѣнить его чѣмъ-нибудь болѣе выгоднымъ для васъ. Я буду

искать подходящаго случая съ тѣмъ живымъ интересомъ, который возбуждаетъ ваше имя.

Мицкевичъ генералу Скржынецкому.

Парижъ, 23-го марта 1842 г.

Ксендзъ Александръ Еловицкій былъ на дняхъ у меня и прочелъ мнѣ письма, которыя вы ему писали и въ которыхъ содержится явное порученіе ко мнѣ. Въ этомъ порученіи я вижу доказательство вашего особеннаго ко мнѣ расположенія. Моя вѣра въ слова Андрея *) является результатомъ всей моей жизни, всѣхъ моихъ склонностей и умственныхъ работъ. Всякій, кто прочтетъ мои сочиненія, убѣдится въ этомъ. Не буду говорить о мелкихъ стихотвореніяхъ, напечатанныхъ въ молодые годы *(Романтизмъ, Ода къ молодежи)*; позднѣйшія мои произведенія, преимущественно. *Книги скитальчества и IV часть Дзядовъ*, свидѣтельствуютъ о томъ, что я предчувствовалъ то, что нынѣ происходитъ. Всѣ мои знакомые знаютъ, что я никогда не говорю о моихъ стихотвореніяхъ и никогда ихъ не цитирую, но въ столь важномъ вопросѣ я долженъ отрѣшиться отъ всѣхъ соображеній, диктуемыхъ свѣтскою тактикою. Я знаю, что въ вещахъ этого рода вы умѣете мыслить, что вы понимаете важное ихъ значеніе; поэтому я вамъ скажу, что я предсказывалъ здѣсь эмигран-

---

*) Товіанскій.

тамъ публично и ясно появленіе Андрея. Въ прошломъ году здѣшніе поляки устроили въ мою честь банкетъ, я чувствовалъ въ себѣ сильный подъемъ духа и сказалъ имъ, «что всѣ находятся на ложномъ пути, что ихъ разсужденія и хлопоты ни къ чему не приведутъ, что если Богъ сжалится надъ ними, то пришлетъ человѣка, который будетъ для насъ *живымъ правомъ*, слова, поступки и дѣйствія (gesta) котораго будутъ для насъ статьями закона (artykul)». Я не помню словъ стихотворенія, но таково было его содержаніе; я заклиналъ ихъ не забывать его! Многіе уже забыли. Когда Стефанъ Занъ (котораго вы, генералъ, видѣли) пришелъ ко мнѣ на другое утро, онъ сказалъ съ глубокою скорбью, что еслибъ меня тогда не прервали, я провозгласилъ бы великую вещь; но на другой день я ужь не могъ возвыситься до этого. Меня тогда прервали: одни протестовали во имя разума, другіе думали, что я говорилъ о князѣ Чарторыскомъ, когда взывалъ, что только такой *провиденціальный человѣкъ можетъ родить священниковъ, королей и гетмановъ*. Около того-же времени, въ декабрѣ мѣсяцѣ (дня не помню), когда я присутствовалъ на приготовленіяхъ къ панихидѣ по Наполеонѣ, я имѣлъ среди бѣлаго дня видѣніе: я увидѣлъ человѣка, ѣхавшаго изъ глубины страны (z głębi kraju) въ одноколкѣ, по грязи и въ туманѣ, и я почувствовалъ, что этотъ человѣкъ везетъ величіе, великія вещи. Я не принялъ этого видѣнія за пророчество, счелъ его просто за чрезвычайно живой поэтическій образъ и хотѣлъ его разсказать; но замѣтилъ, что оно мало правдоподобно, и бросилъ

эту мысль. Познакомившись съ Андреемъ, я не тотчасъ-же узналъ подробности его путешествія, но когда узналъ, то убѣдился въ истинности видѣнія. Я не стану вамъ приводить другихъ свидѣтельствъ и доводовъ; многіе изъ нихъ чисто-личнаго свойства, и постороннимъ людямъ могутъ показаться неправдоподобными. Вы видите, слѣдовательно, что Андрей меня не ввелъ въ заблужденіе разсказами о своей личности и что для меня безразлично, видитъ-ли онъ самъ духовъ или кто-нибудь за него. Объ этомъ я его никогда даже не спрашивалъ. Еще безразличнѣе для меня неустойчивые и противорѣчивые слухи о немъ, которымъ люди, однако, одинаково вѣрятъ! Вы видите, кромѣ того, что выздоровленіе моей жены не было причиной моей вѣры. Жена моя еще была въ больницѣ, и я, на основаніи словъ Андрея (который ее не видѣлъ), объявилъ роднымъ, что она поправится. Я выписалъ ее изъ больницы противъ желанія докторовъ и не смотря на ихъ усиленныя просьбы; они утверждали, что ее тотчасъ-же придется доставить обратно и что придется прибѣгнуть для этого къ насилію надъ ней. Я взялъ жену въ совершенно безсознательномъ состояніи, во время каникулъ, въ жаркій лѣтній день, когда разразилась гроза. Въ тотъ-же день она пришла въ себя. До сихъ поръ она продолжаетъ быть здоровой, и надежда на окончательное ея выздоровленіе все увеличивается. Выздоровленіе моей жены сопровождалось *сверхъестественными обстоятельствами*. Описывать ихъ было бы слишкомъ долго. Богу извѣстно, что я пишу правду. Я вернулся сегодня

съ приготовленія къ исповѣди у оо. іезуитовъ и пишу это послѣ исповѣди и пріобщенія св. таинъ.

Генералъ Скржынецкій Мицкевичу.

Брюссель, 3-го апрѣля 1842 г.

. . .Что касается до Андрея, то никто его лучше меня не знаетъ, такъ какъ я прожилъ съ нимъ нѣсколько лѣтъ, по нѣсколько мѣсяцевъ, на чешскихъ водахъ. Въ обыденной жизни онъ мнѣ казался хорошимъ, обходительнымъ и честнымъ человѣкомъ, но что касается до его религіозныхъ убѣжденій, то съ тѣхъ поръ, какъ я его знаю, я его никогда не считалъ католикомъ. Потомъ я убѣдился даже въ томъ, что онъ не вѣритъ въ божественность Іисуса Христа. Когда онъ пріѣхалъ сюда, онъ училъ, что католицизмъ нуждается въ обновленіи, но Христа онъ никогда ясно не признавалъ Богомъ. Остальное вы сами знаете, но вѣрно то, что онъ никогда не былъ вполнѣ католикомъ. Больше двадцати лѣтъ онъ не ходилъ на исповѣдь; жена его, какъ говорятъ, не ходила уже года три, я его подозрѣваю даже въ шарлатанствѣ, — скажу больше, я въ этомъ увѣренъ. Когда я, въ концѣ концовъ, добродушно и ласково представилъ обоимъ ихъ положеніе, далъ имъ совѣтъ быть осторожными въ подобнаго рода вещахъ и увѣщевалъ ихъ исповѣдаться, они накинулись на меня съ такимъ гнѣвомъ и негодованіемъ, что не дали мнѣ сказать ни слова, и я долженъ былъ уйти, оставивъ ихъ

въ такомъ состояніи; это было мое послѣднее свиданіе съ ними. Что касается до моихъ отношеній къ Андрею, то, когда онъ мнѣ разсказалъ, стоя на колѣняхъ, о цѣли своего путешествія, я принялъ этотъ разсказъ сначала довольно холодно, но потомъ повѣрилъ ему по той простой причинѣ, что я ему, вообще, довѣрялъ. Каждая вѣра имѣетъ свое основаніе, и, проще всего, признать то, которое указывается самимъ вѣрующимъ. Это принципъ, на которомъ основывается наша вѣра въ Христа. Спросите себя, отчего мы вѣримъ? Остальное было бы слишкомъ длинно разсказывать. Скажу вамъ только, что я виноватъ въ томъ, что не вступилъ въ обсужденіе его вѣры, которая предъ лицомъ здраваго смысла, просвѣщеннаго католицизмомъ, устоять не можетъ...

Мицкевичъ женѣ.

Парижъ, 1843 г.

....Посылаю тебѣ семьдесятъ франковъ, — больше у меня нѣтъ; того, что ты оставила, не хватило до конца мѣсяца. Я заложилъ покрышку отъ часовъ; больше мнѣ нечего закладывать. Въ этомъ мѣсяцѣ я получилъ уже только половинное содержаніе. Заплативъ за хлѣбъ, молоко, пиво и т. д., у меня осталось денегъ на одну недѣлю; затѣмъ я начну хлопотать, хотя и не знаю, куда обратиться. Впрочемъ, ты знаешь, что меня это безпокоитъ не болѣе, чѣмъ слѣдуетъ; будь же и ты спокойна...

Жоржъ Зандъ Мицкевичу.

1843 (?).

Г. Ходзько написалъ мнѣ записочку, въ которой прощается со мною и проситъ меня отъ вашего имени о свиданіи. Если вы его сегодня увидите, то передайте ему мой прощальный поклонъ. Что же касается до свиданія, то назначьте время сами. Я не могу употребить время полезнѣе, какъ слушая васъ. Предупредивъ меня въ два часа, вы всегда меня застанете дома послѣ обѣда

С. Витвицкій Мицкевичу.

1-го марта 1843 г.

...Одинъ Богъ можетъ насъ примирить. Пусть Онъ насъ, по крайней мѣрѣ, примиритъ, когда мы вырвемся изъ заблужденій земной жизни, когда мы разстанемся съ міромъ непостоянства и печали. Мы служили Ему вмѣстѣ одно мгновеніе на землѣ, хотя несовершенно и неполно. О, еслибы намъ суждено было на вѣки и въ совершенствѣ, присущемъ святымъ, служить Ему на небѣ чрезъ Господа нашего Іисуса Христа. Аминь.

Я прощаюсь съ тобою, дорогой Адамъ, прощаюсь съ этимъ десятилѣтіемъ, которое мы прожили душа въ душу и рука объ руку въ рѣдкомъ единодушіи, какъ христіане, поляки и поэты; прощаюсь съ заходящимъ солнцемъ нашей молодости,

которое освѣщало насъ вмѣстѣ послѣдними своими лучами. Благодарю Бога, что Онъ утѣшилъ меня, сироту и бездомнаго странника, твоею дружбою и позволилъ посвятить эту дружбу на служеніе Ему. Благодарю тебя за всѣ доказательства дружбы, какія ты мнѣ давалъ, за любсвь и довѣріе, которыя ты мнѣ оказывалъ вплоть до перемѣны, происшедшей въ тебѣ, за всѣ услуги, за посѣщенія во время болѣзни, за молитвы Марыси, которыя меня такъ глубоко трогали и вызывали во мнѣ такую благодарность. Да благословитъ Богъ васъ всѣхъ! Прости и позволь мнѣ передъ тѣмъ, какъ я стану, по твоему настоятельному требованію, для тебя совершенно чужимъ, еще разъ поцѣловать тебя, рыдая, отъ всей души.

Мицкевичъ С. Гощинскому.

Брюссель, 28-го іюня 1843 г.

... Наша дѣятельность религіозно-политическая, нашъ тонъ — христово-наполеоновскій. Зло стремится къ тому, чтобы раздвоить этотъ тонъ, и дозволило бы намъ опять политически окрѣпнуть, если бы ему удалось выставить насъ въ глазахъ милліоновъ еретиками. Папская благодать признаетъ неизбѣжное единство этихъ двухъ тоновъ. Мы не составляемъ вѣтвей церкви, а выростаемъ изъ одного ствола, имѣя ту же сердцевину. Осуждая до сихъ поръ всѣхъ еретиковъ, церковь дѣйствовала согласно съ мыслію Господа. Учитель пришелъ не для того, чтобы разрушить законъ,

но чтобы исполнить его въ предѣлахъ, предназначенныхъ для данной эпохи. Мы не рукава, а русло церкви... Наполеонъ совершилъ ту ошибку, что хотѣлъ идти не съ папою, а пройти мимо него. Папа находился на его пути. Наше дѣло, будучи самымъ могущественнымъ, разъ приведенное въ движеніе, будетъ самымъ законнымъ и этимъ отличается отъ всякой ереси и революціи. Нѣтъ власти, которая могла бы упрекнуть насъ въ чемъ-нибудь, потому что мы ко всѣмъ взываемъ съ любовію.

Секретарь историческаго отдѣла Мицкевичу.

Парижъ, 3-го апрѣля 1844 г.

Спѣшу увѣдомить васъ, многоуважаемый президентъ, что протоколъ засѣданія отъ 6-го марта т. г. съ вашими замѣчаніями, который вы мнѣ прислали, мною полученъ и что я немедленно увѣдомилъ предсѣдательствующаго въ совѣтѣ отдѣла, князя Чарторыскаго, о необходимости созвать членовъ совѣта для его прочтенія. (Въ поясненіе этого письма мы приводимъ извлеченіе изъ протокола историческаго отдѣла. Въ засѣданіи отъ 6-го марта 1844 г. президентъ отдѣла (т. е. Мицкевичъ), по выслушаніи текущихъ дѣлъ, заявилъ слѣдующее: «Вы вспомните, товарищи, что въ прошломъ году, почти въ то же время, какъ и теперь, я вамъ изложилъ трудность моихъ къ вамъ отношеній.

Главнымъ поводомъ послужило то, что нѣкоторыя лица, а, въ особенности, газета «Третье Мая», выступили рѣшительно противъ меня. Вы вспомните, что я потребовалъ замѣнить меня кѣмъ-нибудь другимъ. Начались объясненія, и оказалось, что князь не зналъ объ этихъ газетныхъ статьяхъ и что о нихъ равнымъ образомъ, какъ кажется, не зналъ и графъ Замойскій, покровитель отдѣла, который своими совѣтами и кошелькомъ помогалъ упомянутой газетѣ и, конечно, отвѣтственъ за ея содержаніе. Я остался у васъ на службѣ. Теперь, однако, всѣ эти обстоятельства не только не перемѣнились, но, напротивъ, ухудшились. Поносятъ учителя, подавно ученика. Газета, о которой идетъ рѣчь, нападаетъ на меня все рѣзче, какъ вы можете убѣдиться изъ послѣдняго ея нумера. Газета эта въ Польшѣ всѣми признается органомъ князя; приближенные князя также нападаютъ на дѣло, которому я служу. Нѣкоторые изъ нихъ подозрѣваютъ меня въ томъ, что я превратно толкую католическую вѣру. Г. Яблоновскій первый зашелъ ко мнѣ и заявилъ, что онъ опасается за католическую вѣру, которой я-де угрожаю. Графъ Замойскій выразилъ впослѣдствіи то-же опасеніе. По видимому, и князь согласенъ съ этимъ мнѣніемъ, а я принялъ мѣсто предсѣдателя, главнымъ образомъ, по его настоянію. При такомъ существенномъ различіи во взглядахъ, не мирится съ достоинствомъ князя и не приличествуетъ, чтобы я принадлежалъ къ обществу, въ которомъ онъ засѣдаетъ. Такимъ образомъ, я рѣшительно вынужденъ нынѣ покончить съ этимъ тягостнымъ

положеніемъ. Поэтому я повторяю мое прошлогоднее требованіе, слагаю съ себя должность предсѣдателя и возобновлю письменно мою просьбу объ отставкѣ. Я представлю ее князю, равно какъ и вамъ, и приложу къ ней мой курсъ въ «Collège de France», чтобы вы могли убѣдиться, нападаю-ли я, дѣйствительно, на вѣру; время покажетъ, кто и какъ служилъ общему дѣлу. — *Г. Морозевичъ.* Обстоятельства нынѣ, какъ мнѣ кажется, нисколько не измѣнились противъ прошлаго года. Тогда я, не принадлежалъ къ числу лицъ, пожелавшихъ объясненія, но разъ отдѣлъ заявилъ предсѣдателю объ общемъ довѣріи къ нему, то это мнѣ представляется вполнѣ достаточнымъ. Беру голосъ, возобновляю выраженіе довѣрія и прошу предсѣдателя не подавать прошенія объ отставкѣ, по крайней мѣрѣ, до прочтенія отдѣломъ предполагаемаго доклада. Впрочемъ, я категорически спрашиваю президента, кому мы служимъ: князю, который состоитъ только нашимъ товарищемъ, или отдѣлу? — *Президентъ,* поблагодаривъ г. Морозевича за довѣріе, замѣтилъ: «Если бы лица, окружающія князя, хотѣли, они, безъ сомнѣнія, могли бы прекратить нападки «Третьяго Мая». Но при настоящихъ обстоятельствахъ я не вижу другаго средства, какъ выйти въ отставку, потому что вы, конечно, князя считаете не простымъ членомъ общества. Колега Морозевичъ говоритъ о довѣріи отдѣла, а тутъ присутствуетъ колега Витвицкій, который сочинилъ противъ меня какую-то брошюру, обвиняющую меня въ ереси и доказывающую, что я — еретикъ; онъ даже самъ заявилъ

мнѣ объ этомъ. — *П. К. Нѣмцевичъ.* «Третье Мая» не служитъ органомъ ни отдѣла, ни даже князя.— *Предсѣдатель.* Однако, таково общее мнѣніе, и князь его не опровергаетъ. — *Г. Блотницкій.* Я не принадлежу къ составу «Третьяго Мая» и, по большей части, не читаю его; признаюсь даже, тонъ этой газеты мнѣ часто не нравится; я глубоко уважаю и люблю нашего предсѣдателя, и поэтому меня сильно опечалило, когда мнѣ сказали, что предсѣдатель возсталъ противъ католической вѣры. — *Предсѣдатель.* Надо было обратить вниманіе на то, изъ какого источника распространяется этотъ слухъ. Я удивляюсь, какъ лица, дорожащія моимъ мнѣніемъ или, по крайней мѣрѣ, увѣряющія меня въ этомъ, сами не пришли ко мнѣ, чтобы лично убѣдиться. Были лица, которыя ходили къ какой-то ясновидящей, къ г-жѣ Ленорманъ, но не пришли къ человѣку, о которомъ я вамъ говорилъ въ своемъ мѣстѣ и въ свое время, чтобы убѣдиться въ дѣлѣ, столь важномъ, близко васъ касающемся и предсказанномъ имъ. *Г. Сенкевичъ* спросилъ, политическаго-ли или религіознаго содержанія статья «Третьяго Мая»? Отвѣтили, что политическаго. Тогда онъ продолжалъ: «Что касается до политической клеветы, до упрековъ въ москалефильствѣ, то отдѣлъ ихъ отвергнулъ и отвергаетъ съ презрѣніемъ. Но по отношенію къ религіозному вопросу не только отдѣлъ, но и вся Польша встревожена, какъ мы знаемъ, извѣстіями о предсѣдателѣ. Въ религіозныя пренія мы не можемъ вступать; церковь уже все разрѣшила. Признаюсь, что я прибавилъ въ только-что про-

читанномъ отчетѣ, подписанномъ председателемъ, для успокоенія отдаленныхъ читателей, нѣсколько фразъ о томъ, что председатель отдѣла не является религіознымъ новаторомъ. *Г. предсѣдатель*. Тщетно ждутъ объясненій тѣ, кто не хочетъ или не можетъ видѣть. Тотъ только, кто носитъ данное дѣло въ душѣ, можетъ понять его проявленіе. Когда вспыхнуло возстаніе въ Варшавѣ, лица, жившія въ провинціи, не спрашивали, что это значитъ, и повстанцы не требовали объясненій, ибо они жаждали и ожидали того, что будетъ. Фарисеи и книжники также постоянно спрашивали Христа, кто Онъ и зачѣмъ пришелъ, и отъ чьего имени Онъ дѣйствуетъ: но Онъ никогда имъ не отвѣчалъ, ибо они спрашивали, чтобы поймать Его на словѣ... *Г. Витвицкій*. Христосъ одинъ; поэтому сравнивать съ Нимъ никого нельзя. — *Предсѣдатель*. Христосъ — одинъ, но фарисеевъ безчисленное множество, и работа ихъ всегда одна и та же: убивать духъ, т. е. распинать Христа. Христосъ не иногда только, а постоянно распинается людьми. — Послѣ этихъ словъ предсѣдатель оставилъ собраніе.)

Мицкевичъ Г-жѣ Хлюстинъ.

10-го апрѣля 1844 г.

Господи! Я твердо вѣрю, что ты даешь тѣмъ, кто ищетъ царствія твоего, силу побѣдить зло, — этого царя мрака, котораго можно было бы избѣгнуть, лишь обращаясь въ бѣгство. Удостой меня

этой новой милости! Во имя того, который приноситъ эту милость Іисуса Христа на землю, дай мнѣ силу, о Боже!

А. Чарторыскій Мицкевичу.

Парижъ, 18-го апрѣля 1844 г.

Совѣтъ историческаго отдѣла въ собраніи, состоявшемся 15-го апрѣля, прочитавъ вторично протоколъ засѣданія отъ 6-го марта т. г. съ приписками и замѣчаніями предсѣдателя, нашелъ въ нихъ нѣкоторыя мнѣнія, касающіяся религіи, несогласныя съ собственными убѣжденіями, и пришелъ къ заключенію, что, дѣйствительно, это различіе во мнѣніяхъ въ вопросѣ, столь святомъ, нарушило бы гармонію, которая должна существовать между обществомъ и его начальникомъ. Поэтому совѣтъ уже не можетъ болѣе настаивать, чтобы г. Мицкевичъ оставался на будущее время предсѣдателемъ отдѣла. Было бы излишне распространяться о томъ, какую прискорбную потерю это составляетъ для общества. (Въ поясненіе и этого письма мы приводимъ извлеченіе изъ протокола засѣданія совѣта отъ 15-го апрѣля: «Согласно постановленію совѣта, секретарь послалъ президенту протоколъ засѣданія отдѣла отъ 6-го марта; протоколъ этотъ былъ возвращенъ предсѣдателемъ на другой день секретарю съ измѣненіями и замѣчаніями, равно какъ и съ присоединеніемъ письма, касавшагося протокола. Секретарь отвѣтилъ предсѣдателю, что онъ немедленно представитъ эти до-

кументы совѣту. По ихъ прочтеніи совѣтъ постановилъ принять отставку предсѣдателя и попросить князя Чарторыскаго лично вручить г. Мицкевичу письмо объ отставкѣ, снабдивъ его предварительно своею подписью, въ качествѣ предсѣдателя совѣта. — Въ засѣданіи отъ 3-го мая 1844 г. князь Чарторыскій сообщилъ, что онъ, согласно желанію совѣта, заявилъ г. Мицкевичу о томъ, какъ ему тяжело было принять на себя порученіе покончить съ вопросомъ, двукратно возбужденнымъ въ отдѣлѣ имъ самимъ, тѣмъ болѣе, что тутъ шла рѣчь о вѣрѣ, которая является основою нашей національности, ревностнѣйшими защитниками которой всегда были знаменитѣйшіе поляки и которую нынѣ всячески стараются сокрушить отъявленнѣйшіе наши враги. Г. Мицкевичъ отвѣтилъ на это, какъ и въ прошломъ засѣданіи отдѣла, что онъ и не думалъ нападать на католическую вѣру; напротивъ, онъ утверждалъ, что онъ и его сторонники — лучшіе католики, чѣмъ тѣ, кто ихъ порицаетъ, но, въ то же время, заявилъ, что онъ непоколебимо вѣритъ въ то, что въ наши дни состоялось новое воплощеніе слова Божья Послѣ этихъ словъ князь вручилъ г. Мицкевичу письмо объ отставкѣ.)

Монталамберъ Мицкевичу.

1-го мая 1844 г.

Искренно благодарю васъ, дорогой другъ, за вашъ драгоцѣнный подарокъ. Я съ живою симпа-

тіею прочитаю эти лекціи лѣтомъ, когда буду немного свободнѣе. Очень жалѣю, что не могу ничѣмъ отблагодарить васъ, по крайней мѣрѣ, въ этомъ родѣ. Взамѣнъ предлагаю вамъ, въ видѣ помощи, какъ бы незначительна она ни была, молитвы души, которая всегда будетъ относиться къ вашей съ нѣжнымъ и глубокимъ участіемъ. Нашъ недавній разговоръ глубоко меня опечалилъ. Вы находитесь на пути къ пропасти,—къ той пропасти, въ которую падаютъ съ большимъ или меньшимъ блескомъ и шумомъ, но изъ которой человѣкъ, разъ въ нее попавъ, никогда не возвращается. Ахъ, еслибы вы никогда не были католикомъ, васъ тогда можно было бы извинить Но вы извѣдали и узнали истинный свѣтъ; и нынѣ, потому что облака, какія всегда были и будутъ, прошли между вами и солнцемъ, вы хотите преобразовать и замѣнить безсмертное солнце нашей церкви! Ахъ, вы принесли бы гораздо больше пользы вашему отечеству и вашему вѣку, еслибы вы, какъ всѣ великіе геніи, прониклись покорностью и послушаніемъ. Vir obediens loquetur victoriam, — говоритъ писаніе. — Прощайте! Да благословитъ, просвѣтитъ и спасетъ васъ Богъ! Болѣе горячагжеланія у меня нѣтъ.

Мицкевичъ брату своему Францйску

Парижъ, 2-го мая 1844 г.

Мы здѣсь всѣ здоровы, а я лично здоровѣе, бодрѣе и счастливѣе, чѣмъ былъ когда-либо. Мое положеніе трудно и хлопотливо по отношенію какъ

къ французамъ, такъ и къ соотечественникамъ. Между тѣмъ, я могъ бы солидно устроиться. Скажу тебѣ (и только тебѣ одному), что здѣшнее министерство назначило бы мнѣ больше жалованья и уволило бы меня отъ работъ, еслибы я только самъ хотѣлъ перестать служить дѣлу, которому себя посвятилъ *). Я могъ бы дорого

*) Какъ Мицкевичъ смотрѣлъ на международныя отношенія своего времени, видно изъ слѣдующаго отрывка бесѣды его, имѣвшей мѣсто 10-го августа 1844 г. и записанной полковникомъ Каменскимъ: «Я началъ разговоръ съ газетныхъ извѣстій, упомянулъ о бомбардированіи Тангера принцемъ Жуанвильскимъ. Адамъ отвѣтилъ: «Изъ этого ничего серьезнаго выйти не можетъ, потому что министры сами не знаютъ, чего они хотятъ. Французы постръляютъ и вернутся, а потомъ имъ снова придется предпринять экспедицію... Они сами не знаютъ, какъ далеко зайдутъ, потому что въ этихъ дѣлахъ бываетъ то, что случается съ человѣкомъ, фалды котораго попадутъ въ колесо экипажа или машины: онъ самъ не знаетъ, что съ нимъ будетъ. Хотя я и увѣренъ, что потребуются еще большія усилія, потери и расходы, но, въ концѣ концовъ, Франція не удержится въ Алжирѣ, потому что это не ея дѣло. Два только государства нынѣ способны къ завоеваніямъ: Англія и Россія. Только эти два государства руководствуются извѣстною идеею, идеею нехорошею, но духовною, потому что только духъ, каковъ бы онъ ни былъ, рождаетъ истинное могущество... Знаете ли, что Россія охотно отказалась бы отъ Кавказа; но она должна, увлеченна духомъ земли (duchem ziemi), завоевать его съ величайшими жертвами. Независимый Кавказъ поддерживалъ бы агитацію среди черноморскихъ и донскихъ казаковъ, что впослѣдствіи повело бы къ ослабленію и распаденію государства. Недавно Николай сказалъ окружавшимъ его придворнымъ въ глубокой задумчивости: «Нѣтъ людей» Въ началѣ, Англія, когда у нея были только факторіи въ Индіи, назначая вице-королей, строжайшимъ образомъ имъ наказывала ни подъ какимъ предлогомъ не дѣлать новыхъ завоеваній, — но тщетно. Сцѣпленіе

продать себя. Но совѣсть, которая не позволила мнѣ искать карьеры въ Россіи и въ Лозаннѣ, не даетъ мнѣ остановиться на полпути. А я увѣренъ, что если я останусь вѣренъ внутреннему голосу, то со мною не случится ничего дурнаго, какія бы опасности мнѣ ни грозили въ будущемъ. Мы съ тобою, братъ, ужь состарились, жизнь прошла, какъ мигъ, и вскорѣ придется дать отчетъ въ томъ, какъ мы воспользовались ею на благо ближняго и отечества. Я надѣюсь еще увидѣться съ тобою на землѣ и при лучшихъ обстоятельствахъ, и мнѣ хотѣлось бы, чтобы и ты вѣрилъ, что Богъ дастъ намъ еще увидѣть Литву, но уже нашею, а не московскою. Этимъ я живу, для этого живу и до этого, дастъ Богъ, доживу. — Встрѣчался я здѣсь съ разными соотечественниками, но они идутъ по иному пути; время покажетъ, чей лучше. Поэтому не вѣрь тому, что обо мнѣ говорятъ; я ни съ кѣмъ не могъ и не долженъ былъ говорить вполнѣ откровенно. Ты знаешь, что и передъ возстаніемъ было у насъ много патріотовъ; всякій былъ патріотомъ, но когда ты осѣдлалъ коня, ты не всѣмъ могъ довѣриться, а были и такіе, которые считали тебя сумасшедшимъ. Я

условій приводило къ тому, что одна экспедиція порождала другую, и теперь Англія дошла до Афганистана. Такимъ образомъ, эти два государства вынуждены постоянно расширяться. Это господство духа земли, пока высшая идея не отрѣжетъ нитей, которыя связываютъ ее съ этимъ болѣе низменнымъ духомъ. Господство низшаго не прекратится до тѣхъ поръ, пока высшій не займетъ его мѣста.»

здѣсь морально въ такомъ же положеніи. Великъ Богъ, и познанскому уму далеко до него.—Посылаю тебѣ, братъ, мой портретъ. Увидишь, каковъ я теперь послѣ столькихъ лѣтъ; узнаешь ли ты меня? Посылаю тебѣ рѣчь Кинэ въ «Collège de France», въ которой онъ упоминаетъ обо мнѣ, чтобы ты зналъ, что здѣсь французамъ приходится защищать меня противъ соотечественниковъ, которые провозгласили меня еретикомъ (благочестивые!) и москалемъ. Но настанетъ время и скоро, когда и у соотечественниковъ откроются глаза...

Виллеменъ Мицкевичу.

Парижъ, 10-го октября 1844 г.

Я имѣлъ честь получить письмо, въ которомъ вы просите меня о шестимѣсячномъ отпускѣ. Я приказалъ, чтобы, по вашей просьбѣ, отпускъ этотъ вамъ былъ данъ. Я увѣдомляю объ этомъ администрацію «Collège de France».

Мишлэ Мицкевичу.

28-го февраля 1845 г.

Я васъ читалъ, перечитывалъ, комментировалъ, пожиралъ, когда я получилъ вашу книгу. Я ее все еще перечитываю; она меня глубоко трогаетъ. Мы столько же сходимся въ чувствахъ, какъ расходимся въ методѣ. Различіе заключается въ методѣ,

я это вижу, а не въ основномъ принципѣ. Вѣрьте моей преданной, неизмѣнной дружбѣ.

Тотъ-же Мицкевичу.

11-о марта 1845 г.

...Соединенные дружбою соединенные еще и искренними поисками за истинною, нравственною жизнью, мы, однако, существенно расходимся въ методѣ, можетъ быть, въ принципѣ. Послѣдняя моя книга, которую вы должны были получить, составляетъ то, чего требуютъ данная страна и данныя условія; она внушена *раціонализмомъ*. — Можемъ-ли мы, соединивъ наши изображенія на одной медали *), дать понять будущимъ поколѣніямъ, что мы были единодушны въ вопросахъ религіозныхъ и соціальныхъ? Мнѣ во многихъ отношеніяхъ тягостно возбуждать подобное сомнѣніе. Что можетъ быть болѣе сладостнаго, болѣе славнаго для меня, какъ быть присоединеннымъ къ вашему безсмертному имени?

Салванди Мицкевичу.

Парижъ, 5-го сентября 1845 г.

Имѣю честь увѣдомить васъ, что, согласно намѣреніямъ, выраженнымъ вами г. начальнику канце-

---

*) Медаль эта была отчеканена съ изображеніями Мицкевича, Мишлэ и Кинэ и поднесена первому депутаціею отъ слушателей «Col. de Fr.».

ляріи ученаго общества, которому я поручилъ вамъ передать просьбу г. С. Робера, я постановилъ, что, начиная съ 1-го сентября, содержаніе по славянской каѳедрѣ въ «Collège de France» будетъ распредѣляться въ равныхъ частяхъ между вами и вашимъ помощникомъ (т. е. г. Роберомъ).

Ксендзъ Губе Мицкевичу.

Парижъ, 3-го января 1846 г.

Если то, что вы мнѣ говорили вчера о вашей покорности католической церкви, вѣрно, то вы должны искренно сожалѣть о соблазнѣ, который вы подаете соотечественникамъ, провозглашая себя сторонникомъ такъ называемаго «Собесѣдованія Товіанскаго», и не откажетесь отъ публичнаго заявленія, которое, по крайней мѣрѣ, на будущее время предотвратитъ этотъ соблазнъ. Поэтому я надѣюсь, что вы исполните то, чего я требую, т. е. пришлете мнѣ письменное заявленіе, что вы безусловно отрекаетесь отъ всего, что въ «Собесѣдованіи Товіанскаго» и въ курсѣ, читанномъ вами въ «Collège de France», противорѣчитъ ученію католической церкви, и что вы признаете церковь, а не Товіанскаго истиннымъ учителемъ въ дѣлахъ вѣры и нравственности. Отъ отвѣта, который я получу на это письмо, будетъ зависѣть дальнѣйшій нашъ образъ дѣйствія по отношенію къ вамъ. Впредь мы будемъ допускать къ св. причастію только тѣхъ изъ васъ, которые подпишутъ означенное заявленіе...

Мцикевичъ ксендзу Губе.

Парижъ, 5-го января 1846 г.

Призванные въ дни Божьяго милосердія къ дѣятельному служенію истинѣ, заключающейся въ словѣ Іисуса Христа, мы призывали и призываемъ къ живому воспринятію этой истины и къ дѣятельному служенію ей всѣхъ нашихъ братьевъ и, прежде всего, священниковъ, поставленныхъ св. католической церковію для служенія Духу. Съ этою цѣлію мы съ братомъ Каролемъ были у васъ, для достиженія ея мы соединились съ вами, къ ней мы стремимся и будемъ стремиться. Зло, противившееся послѣднему нашему свиданію, предпринятому въ духѣ христіанской любви, только и выжидало, чтобы разрушить плодъ этого свиданія. Каждое духовное лицо обязано защищаться противъ тѣхъ людей, которые стремятся заглушить христіанское движеніе Духа и хотятъ всецѣло посвятить себя земному. Кто изъ насъ далъ или дастъ вырвать изъ своей души чувство, съ которымъ мы сошлись въ день Обрѣзанія Господня, тотъ отвѣтитъ за это передъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, присутствующимъ тамъ, гдѣ собираются люди во имя Его. Господь нашъ Іисусъ Христосъ потребуетъ плодовъ святыхъ жертвъ, а человѣку воздастся по плодамъ его.

Мицкевичъ графу І. Грабовскому.

Батиньолъ-Монсо, 22-го января 1847 г.

...Кто не знаетъ, какъ больно, когда лучшими чувствами вашими къ народу пренебрегаютъ и отвѣчаютъ на нихъ неблагодарностью! Но мнѣніе тѣхъ или другихъ людей, даже цѣлаго поколѣнія, еще не мнѣніе народа. Надо теперь проникнуться убѣжденіемъ, что полякъ долженъ руководствоваться только собственной совѣстью въ своихъ дѣйствіяхъ, въ ней искать награды за нихъ и вѣрить, что Провидѣніе поддержитъ чистыя начинанія. Горе тому, кто нынѣ обращаетъ вниманіе на мнѣніе и сужденія людей или на то, что происходитъ за нимъ *).

*) Въ бесѣдѣ, записанной полковникомъ Каменскимъ, отрывокъ изъ которой приведенъ нами выше, мы находимъ еще слѣдующее мѣсто: Въ этотъ день (6-е августа 1844 г.) я привелъ къ Адаму г-жу Х., только-что пріѣхавшую изъ Варшавы. Она жаловалась на несчастія, постигшія ея семейство, и, особенно, на самоубійство брата своего. Адамъ отвѣтилъ на эти жалобы:

«Убѣдитесь, сударыня, что во всемъ этомъ виноватъ свѣтъ, въ которомъ вы воспитывались; онъ — причина всему злу у насъ и даже паденію самой Польши. Какой примѣръ для подражанія давали вы низшимъ общественнымъ классамъ и чѣмъ вы гордились? Чему, напримѣръ, могъ научиться у васъ мужикъ, взятый вами въ лакеи? Онъ видѣлъ, что господа только разговариваютъ: баринъ — объ охотѣ, собакахъ, лошадяхъ, экипажахъ; барыня — о модахъ, чепчикахъ, платьяхъ, новыхъ романахъ, но, главнымъ образомъ, о Паскевичѣ. Что онъ дѣлаетъ? На какую барыньку нѣжно взглянулъ? Эта великая милость вызывала то, что барынька начинала уже смотрѣть свысока и на другихъ, стоявшихъ выше

Существующія условія сами заставятъ всякаго человѣка искать точки опоры въ другомъ мірѣ. Тогда мы признаемъ всю окружающую насъ суматоху за неизбѣжное послѣдствіе продолжительныхъ нашихъ нравственныхъ бѣдствій... Я до сихъ поръ состою при «Collège de France», но на половинномъ содержаніи. Я могъ создать себѣ здѣсь выгодное и даже блестящее положеніе, но подъ условіемъ отреченія отъ жизненной своей задачи. Хотѣли, чтобы я *успокоился.* Покой хорошъ для мертвыхъ и счастливыхъ. Мы неизбѣжно тревожили и должны тревожить міръ. Поэтому я пойду своей дорогой...

А. Товіанскій Мицкевичу.

Цюрихъ, 1-10 мая 1847 г.

Начинаю май съ тебя, братъ Адамъ! Прежде чѣмъ представить тебѣ твой разсчетъ съ Богомъ, а

нея. Пока вы не придете къ убѣжденію, что Богъ и въ Варшавѣ больше значитъ, чѣмъ Паскевичъ, ничего путнаго не выйдетъ. Вотъ въ чемъ заключается наше спасеніе! Вѣрьте мнѣ, что у васъ и Богъ является парижскою модою, а религія—игрою, которою общество забавляется. Этимъ и объясняется, что многіе молодые люди, видя вокругъ себя душевную пустоту и суетность, тоскуютъ, скучаютъ и прибѣгаютъ одни къ самоубійству, а другіе бросаются, очертя голову, въ нетрезвую жизнь и развратъ. На насъ лежитъ обязанность исправить грѣхи прошлаго, посвящая себя задачамъ современной эпохи. — Во время французской революціи большая часть дворянства была умерщвлена. Богъ милостивъ, потому что еслибы и у насъ массы пришли въ движеніе, то произошла бы худшая рѣзня и разрушеніе. Еще время; Богъ еще призываетъ насъ къ себѣ, допуская гнетъ и страданія собственнаго нашего духа».

это я сдѣлаю, когда Богъ прикажетъ и допуститъ, я шлю тебѣ, какъ твой братъ, совѣтъ. — Въ эти майскіе дни, столь дорогіе для насъ, оставь, о братъ мой, все и займись, исключительно, спасеніемъ духа твоего; сознай и покинь кривой путь, на который Богъ допустилъ тебѣ вступить, но который Онъ тебѣ не предназначилъ. А достигнуть ты этого можешь содроганіемъ (drgnięcie), съ какимъ ты принялъ медаль въ Нантеррѣ. Только этимъ содроганіемъ ты обрѣтешь вновь тонъ духа твоего и станешь дѣйствовать согласно требованію, которое ставитъ тебѣ нынѣ Богъ, т. е. займешь положеніе, въ которомъ только можетъ проявиться милость Божія чрезъ тебя, и дать міру плодъ твоихъ многолѣтнихъ усилій и трудовъ, — плодъ, страшный для ада и потому имъ до сихъ поръ въ тебѣ задержанный. Милосердіе Божіе избавитъ тебя отъ криваго пути, отъ дальнѣйшаго метанія, а Матерь Божія поддержитъ тебя въ дальнѣйшихъ твоихъ шагахъ на прямомъ пути. Майская милость окружитъ тебя, въ Тонѣ правды, всѣмъ тѣмъ, что слѣдуетъ за тобою, и этимъ облегчитъ въ будущемъ счеты твои за себя и за братьевъ твоихъ. — Въ майскіе эти дни Іисусъ Христосъ въ послѣдній разъ призываетъ своего слугу, дабы умеръ старый человѣкъ въ тебѣ, слуга земнаго духа, а обновился «во Христѣ» новый человѣкъ, дабы заглушенное право духа твоего воскресло и проявилось въ человѣкѣ и въ дѣйствіяхъ. А это будетъ высшимъ плодомъ твоей любви къ Богу, превосходящимъ плодъ, который ты поднесъ Богу въ теченіе твоей минувшей

мученической жизни, подготовлявшей тебя только къ теперешнему вѣнцу истиннаго мученичества, къ истинному кресту духа, къ христіанской жертвѣ.— Никогда я не забуду прошлаго, братъ Адамъ! Ты первый оповѣстилъ Польшу о Божьемъ дѣлѣ и Божьемъ слугѣ. Польша видѣла въ тебѣ нѣчто необычайное и утѣшительное. А это былъ первый лучъ новой эпохи, который сперва блеснулъ въ пророкѣ Польши; признавая и цѣня въ тебѣ этотъ Божій лучъ, Польша готовилась воспринять слово высшей эпохи, Божье слово. Ты постоянно пробуждалъ своими вдохновенными словами польскихъ скитальцевъ, предсказывая имъ приближающуюся эпоху и слугу ея, — а когда ты увидѣлъ предъ собою слугу твоего, ты не колеблясь призналъ въ немъ волю Божію и подчинился этой волѣ. Этимъ ты много помогъ и Божьему слугѣ, и братьямъ твоимъ. — Хотя вслѣдствіе усилій зла покрылось тучами то, что зародилось съ такимъ блескомъ, мой страждущій духъ не теряетъ надежды, что адъ не восторжествуетъ, что покрывшееся тучами небо вновь прояснѣетъ и что мы, товарищи по святой службѣ, подадимъ другъ другу руки и не предстанемъ предъ судомъ Божіимъ, какъ духи, разобщенные между собою. — Съ этою надеждою я, въ эти майскіе дни, призываю на тебя, брата моего, Божье благословеніе, призываю покровительство Божьей Матери. — Къ братьямъ моимъ, находящимся въ одинаковомъ положеніи съ тобою, я не обращаюсь съ воззваніемъ: забота о нихъ лежитъ на тебѣ; они послѣдуютъ твоему примѣру...

Мицкевичъ А. Товіанскому.

Парижъ, 12-го мая 1847 г.

Учитель и господинъ! Видъ твоего посланія возбудилъ во мнѣ ту радость, которую возбуждаетъ въ насъ обыкновенно твое слово. Но радость моя была неполная, и Богу одному извѣстно, будетъ ли она продолжительна. Она была бы полна, еслибы проявилась въ той степени и такимъ образомъ, какъ ты этого требуешь; а продолжительною она можетъ быть только, когда выразится въ плодахъ, въ дѣйствіяхъ. — Ты призываешь меня, братъ, къ тому содроганію, которое увлекло насъ въ Нантеррѣ, когда мы окружали тебя... Уже до Нантерра, послѣ первыхъ нашихъ свиданій, возгорѣлся духъ мой, и другіе братья порывались возвѣщать Дѣло. Твоя сила, проистекающая изъ жертвы, соединила всѣ эти искры въ одно пламя. Это пламя и впослѣдствіи неоднократно съ силою вырывалось изъ насъ и горѣло долго. До сихъ поръ въ каждомъ изъ насъ сохранилась искра его: въ одинокомъ трудѣ или отъ прикосновенія оно вновь вспыхиваетъ. О еслибы все занялось прежнимъ пламенемъ! Это наше общее стремленіе, этого мы ожидаемъ, для этого работаемъ... Но результатовъ до сихъ поръ не видно. Увеличились ли наши силы, не знаю, а положеніе наше стало гораздо труднѣе. — Когда ты объявился намъ, еще никто не стоялъ между тобою и избраннымъ Народомъ. Все переходило изъ духа въ души, а изъ душъ тотчасъ же возвращалось въ твой духъ. Впослѣд-

ствіи мы прочіе, состоящіе въ разныхъ должностяхъ, стали между тобою и твоимъ кружкомъ. Мы морили (morzyliśmy) братьевъ. Твое управленіе морило наше отечество. Всякій разъ, когда мы учительствовали, лишенные духа учителя, мы морили другихъ. Духъ этотъ вступалъ въ насъ и дѣйствовалъ минутами, а мы управляли годами; поэтому мы оживали на одинъ мигъ, а морили постоянно. Управленіе, слуга духа земли, или, точнѣе говоря, рабъ (потому что на службу онъ не нанимался и содержанія не требовалъ и не получалъ), управленіе рабъ произносило рабское слово, увивалось около духа земли, кланяясь ему, и, вслѣдствіе этого, высказывало слово не вполнѣ. А высказать его оно вполнѣ не могло, не будучи полнымъ ни по духу, ни по формѣ; это дано тебѣ одному. Оно могло составлять заговоры противъ духа земли, тревожить его, но поколебать его престолъ оно не могло. А въ этомъ его назначеніе; къ этому взываешь ты и этого требуютъ другіе. Доживемъ ли мы до этого? — Богу одному извѣстно; но что управленіе дѣлаетъ успѣхи, не смотря на уклоненія, это оно знаетъ и этого сознанія у него никто не отниметъ. — Этимъ сознаніемъ мы живемъ. Чѣмъ другимъ могли бы мы жить? — Къ содроганію, которое ты вызвалъ жертвою твоею, принадлежащему только Богу и врученному тебѣ, мы стремились. За мигъ водушевленія проявленнаго, когда мы были возлѣ тебя, — воодушевленія скоро проходящаго, а подчасъ *притворнаго*, мы хотѣли купить это содроганіе. Мы думали, что твое благословеніе, общеніе съ то-

бою освобождаетъ насъ отъ обязанностей къ отечеству. Мы выставляли содроганіе душъ напоказъ, прикрывая имъ нашу суетность; мы передавали это содроганіе одинъ другому, какъ какую-нибудь вещь. Мы заставляли братьевъ радоваться или печалиться, любить или ненавидѣть, часто не раздѣляя сами горя или радости, къ которымъ взывали! Многочисленность приказывавшихъ умножала воззванія, часто противорѣчивыя, а на каждое велѣно было отвѣчать. — Мы, взывавшіе, сами страдая недостаткомъ вѣры, суетностью, не будучи въ состояніи перенести одиночество, которое, предоставляя насъ самихъ себѣ, обнаруживало наше ничтожество, — нападали на братьевъ, заставляли ихъ страдать, чтобы трагически развлекаться ихъ муками. Дѣло дошло до того, что взывавшіе стали походить на обезсилѣнныхъ тирановъ, которые могутъ согрѣться, лишь купаясь въ крови. Мы купались въ духѣ братьевъ нашихъ! Чѣмъ менѣе мы чувствовали въ себѣ свободы, силы, жизни, тѣмъ больше мы требовали жизни. Мы вызывали искусственную жизнь; мы заставляли братьевъ дѣлать движенія, часто несогласныя съ ихъ внутреннимъ настроеніемъ; мы лишили братьевъ послѣдней свободы, уважаемой всякимъ деспотомъ,—свободы *молчанія*... Братья дали доказательство страха Божьяго и уваженія къ тебѣ, перенося все это для тебя, чтобы только остаться въ кружкѣ.... Каждаго, кто, когда-нибудь и въ чемъ бы то ни было, не соглашался съ нами или не былъ нашимъ эхомъ, мы объявляли мятежникомъ. Мы ввели власть, самую печальную на зем-

номъ шарѣ,—власть, которою пользуются въ Польшѣ ключницы, прикащики, дворовые люди и барчуки-гости надъ мужиками, — власть, самую печальную, потому что она знаетъ одни доносы, наказанія, потому что не допускаетъ ни жалобы, ни защиты, ни свидѣтельскихъ показаній, ни суда, ни приговора, — власть, которую Провидѣніе уже упраздняетъ даже въ славянскихъ земляхъ.— Вотъ эту-то власть мы хотѣли узаконить, соединяя ее съ духовною властью. Съ этою цѣлью мы повторяли, что говоримъ, что приказываемъ, руководствуясь духомъ, хотя его въ насъ не было. Пораженныхъ подобными приказаніями братьевъ мы устрашали небесными карами; мы вызывали эти кары, радовались, когда брата постигала боль или нищета, отталкивали его, топтали. Мы стали походить на стадо волковъ, которые разрываютъ и пожираютъ раненаго товарища. — Всѣ злоупотребленія, которыя встрѣчаются въ древней израильской синагогѣ, и въ которыхъ провинилось церковное управленіе въ теченіе вѣковъ, внѣдрились среди насъ... Учитель и господинъ! Послѣ всего этого намъ трудно возвратиться къ тому довѣрію, къ той искренности, съ какою мы сошлись нѣсколько лѣтъ тому назадъ; а безъ нихъ нѣтъ пламени, нѣтъ дѣйствія. И не вернемся мы къ нему, пока каждый изъ насъ не придетъ къ сознанію своей вины, внутренно не откажется отъ своего заблужденія и не принесетъ братьямъ своимъ духа, свободнаго отъ суда, приговора и подозрѣнія. Надъ этимъ мы трудимся. . Отецъ небесный неожиданно навѣщаетъ грѣшныхъ дѣтей

своихъ и радуетъ ихъ внезапнымъ утѣшеніемъ. Такъ Онъ насъ навѣстилъ и порадовалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ твоимъ появленіемъ среди насъ. И теперь мы вѣримъ, что въ минуту, Ему извѣстную, и способомъ, Ему также извѣстнымъ, Онъ насъ снова посѣтитъ и утѣшитъ, чѣмъ Ему заблагоразсудится.

Мицкевичъ г-жѣ Водполь.

28-го октября 1847 г.

Читалъ я ваше письмо къ Михаилу и съ сожалѣніемъ узнаю о новыхъ вашихъ несчастіяхъ. Надѣюсь, что ваша свадьба, которая, вѣроятно, уже съиграна, положитъ конецъ всѣмъ толкамъ. Выдерживайте характеръ, но, въ то же время, прощайте отъ души вашихъ враговъ. Препятствія, встрѣченныя вашимъ бракомъ, вызываются аристократическими, барскими предразсудками, глубоко укоренившимися въ старой Польшѣ. Еслибы вы вышли замужъ за князя моденскаго, который, какъ говорятъ, дурной человѣкъ, то этому браку радовались бы тѣ же люди, которые васъ теперь преслѣдуютъ. Помните и то, что противодѣйствіе исходитъ отъ вашей семьи, т. е. отъ лицъ, на которыхъ вы такъ долго имѣли вліяніе. Обратите вниманіе на то, въ какихъ понятіяхъ у насъ выросло даже молодое поколѣніе. Что было бы, еслибы ему была предоставлена власть? Они составляютъ, какъ я говорилъ, остатки старой Польши, — остатки тѣхъ временъ, когда сестеръ заключали въ мона-

стырь, чтобы увеличить состояніе или значеніе братьевъ. И нынѣ еще хотятъ повторить то же. Я знавалъ многихъ изъ этихъ современныхъ фарисеевъ, которые расхваливали матерямъ и сестрамъ набожную, тихую и уединенную монастырскую жизнь, хотя они сами не вѣрили не только въ монастыри, но и въ самого Бога или, по крайней мѣрѣ, никогда о Немъ не думали. — Фарисеи навсегда лишились власти. Міръ нуждается въ свободѣ. И барчуки наши любятъ свободу, но только для *себя*. Имъ придется, однако, предоставить ее и другимъ... Намѣреніе ваше напечатать обстоятельства вашего брака я признаю хорошимъ, полезнымъ.. Такая брошюра была бы подвигомъ, объявленіемъ войны устарѣвшимъ понятіямъ о рабствѣ женщинъ...

Мицкевичъ Карно.

Миланъ, 27-го мая 1848 г.

Господинъ министръ! Я вынужденъ былъ павшимъ правительствомъ прервать курсъ славянскихъ литературъ, который я читалъ въ «Collège de France». Вслѣдствіе установленія нынѣшняго правительства я фактически возстановленъ въ прежней моей должности и опять нахожусь въ вашемъ распоряженіи. Я былъ бы уже на мѣстѣ, если бы меня не удерживали въ Миланѣ важныя обязанности. Какъ только я окончу мои здѣшнія занятія, я поспѣшу объяснить вамъ причины моего отсутствія и теперешнее положеніе славянской

каѳедры въ «Collège de France». Событія, предстоящія въ славянскихъ странахъ, придаютъ этой каѳедрѣ важное значеніе и оправдываютъ всѣ мои прежнія ожиданія. Тѣмъ временемъ, соблаговолите, господинъ министръ, считать меня членомъ профессорской корпораціи «Collège de France». Въ то же время, я испрашиваю у васъ мѣсячный отпускъ *).

Мицкевичъ полковнику Н. Каменскому.

Парижъ, 17-го іюля 1848 г.

Замойскій уѣхалъ съ деньгами, но солдатъ у него не будетъ. У насъ теперь средства есть, и люди будутъ,—не теряйте только терпѣнія, полковникъ. Скажите молодымъ солдатамъ, прибывшимъ изъ Рима, что если кто-нибудь изъ нихъ, по слабости здоровья или по другимъ причинамъ,

*) Мицкевичъ, дѣйствительно, хотѣлъ опять возвратиться на каѳедру славянскихъ литературъ, но республика поступила съ нимъ по примѣру правительства Людовика-Филипа. Послѣ февральской революціи Мишле и Кинэ, бывшіе совершенно въ томъ же положеніи, что и Мицкевичъ, воспользовались побѣдою народа. 6-го марта 1848 года молодежь собралась въ большой залѣ Сорбонны, и, въ присутствіи министра Карно, на возвышеніи были поставлены три кресла; два изъ нихъ заняли Мишле и Кинэ, а третье осталось свободнымъ. Мишле въ своей рѣчи далъ по этому поводу слѣдующее объясненіе: «Это свободное кресло принадлежитъ Польшѣ, принадлежитъ нашему дорогому и великому Мицкевичу, народному поэту пятидесяти милліоновъ людей, слово котораго, казалось, объединяло весь міръ, созидало союзъ востока и запада и, раздаваясь въ «Collège de France», проникало въ глубину Азіи».

захочетъ уѣхать, то можетъ это сдѣлать, какъ только мы восполнимъ роту новоприбывшими, что состоится вскорѣ. Увѣдомьте меня, кто изъ вашихъ солдатъ оставилъ здѣсь жену и семью; я имъ окажу содѣйствіе. Для молодыхъ солдатъ, прибывшихъ изъ Рима и Парижа, я посылаю пособія, вскорѣ опять пришлю и позабочусь о будущемъ. Въ тоже время, сообщите оффиціально правительству въ Миланѣ и начальству въ главной квартирѣ, что роты вашего батальона уже выступаютъ, что онѣ ни въ чемъ не будутъ нуждаться отъ правительства и что есть вѣроятіе, что онѣ прибудутъ даже съ собственнымъ оружіемъ.

Мицкевичъ г-жѣ Водполь.

Парижъ, іюль 1848 г.

.. Все напрасно думали, что я хотѣлъ ѣхать на войну: я — не военный, и другіе успѣшнѣе могутъ меня тамъ замѣнить. Моя обязанность, какъ народнаго вождя, заключалась въ томъ, чтобы достигнуть соглашенія съ итальянскимъ правительствомъ и устранить все, что могло препятствовать сформированію легіона. Но наибольшія препятствія мы встрѣтили со стороны земляковъ. Мы имѣли противъ себя и аристократическую партію, и ксендзовъ, и демократовъ. Дошло до того, что, когда первые отдѣлы уже выступили въ походъ, а здѣшнее французское правительство дозволило сформированіе новой роты, земляки наши говорили и писали, что легіона вовсе не существуетъ...

Кн. А. Чарторыскій Мицкевичу.

Парижъ, 12-го октября 1848 г.

На этихъ дняхъ я получилъ извѣстіе, что король сардинскій принялъ на свою службу кадры польскаго легіона въ Ломбардіи, сформированные по вашему вдохновенному почину, и что онъ рѣшилъ увеличить легіонъ до двухъ батальоновъ и одного эскадрона... Нельзя думать, чтобы правительство не воспользовалось своимъ правомъ назначенія начальника и офицеровъ легіона. Но кто бы его ни повелъ въ бой, мы не забудемъ, кому мы обязаны первоначальнымъ его сформированіемъ.— Вамъ принадлежитъ эта заслуга...

Мицкевичъ ректору краковскаго университета, доктору Майеру.

Батиньоль, 5-го января 1849 г.

Ваше, столь для меня лестное, приглашеніе я принимаю. Заявляю вамъ о моей готовности служить соотечественникамъ по мѣрѣ силъ. Вы хорошо знаете, какъ важна эта служба въ настоящее время и въ нашемъ положеніи; я, съ своей стороны, вполнѣ сознаю честь, которую вы мнѣ дѣлаете: большей для поляка-преподавателя быть не можетъ *)..

---

*) Это отвѣтъ Мицкевича на сдѣланное ему черезъ Штатшлера отъ имени ректора краковскаго университета предложеніе занять каѳедру польской литературы въ этомъ университетѣ.

Г. Бюрнуфъ Мицкевичу.

Парижъ, 13-го января 1849 г.

Спѣшу сообщить вамъ, что письмомъ отъ 11-го января т. г. г. министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ меня, что вы въ текущемъ году будете, по-прежнему, замѣнены г. Сипріеномъ Роберомъ. Въ то же время, министръ рѣшилъ, что г. Роберу за его труды будетъ назначено 2000 фр. и что остальные 3000 фр. будутъ предоставлены вамъ.

Мицкевичъ г-жѣ Водполь.

Парижъ, 27-го августа 1849 г.

...Если вы будете въ Остенде, то постарайтесь какъ-нибудь свидѣться съ нами. Во многихъ отношеніяхъ я былъ бы за это вамъ очень благодаренъ. Я, съ своей стороны, могъ бы выѣхать до Амьена. Однако, не безъ затрудненій. Если газета, въ которой я работаю («Tribune des peuples», пріостановленная 14-го іюня 1849 г. и возобновившаяся 1-го сентября того же года по снятіи осаднаго положенія), начнетъ выходить, то мнѣ придется найти кого-нибудь, кто могъ бы меня замѣнить, а это очень не легко, такъ какъ я ни на одинъ день отлучиться не могу. Есть и другія препятствія... Надѣюсь, что ваша холера уже прошла. Со мною было нѣсколько разъ нѣчто въ этомъ родѣ; лучшее лекарство—нравственная сила, подавленіе болѣзни твердою рѣшимостью выздоровѣть.

Мишле Мицкевичу.

19-го ноября 1849 г.

Всякая ваша книга (рѣчь идетъ о лекціяхъ Мицкевича, вышедшихъ въ трехъ томахъ) составляетъ событіе въ моей жизни. Я нахожу въ нихъ для себя откровеніе. Вашъ востокъ освѣтилъ мой западъ неожиданными лучами. Я остаюсь *самимъ собою*, но я освѣщаю себя и становлюсь плодовитѣе. Вашъ въ этой жизни и въ тѣхъ, которыя послѣдуютъ за нею. Нѣтъ, не было книги, въ которой я вычиталъ бы столько!

Тотъ-же Мицкевичу.

14-го января 1850 г.

Если я до сихъ поръ не былъ у васъ, то потому, что надѣюсь занести вамъ мой первый томъ Конвента. Я кончаю его. Я не упускалъ случая говорить о васъ по душѣ ни въ «Collège de France.» ни въ «National'»ѣ, въ замѣткѣ де-Жерандо. Я намѣревался еще подвергнуть въ моихъ лекціяхъ серьезному и обстоятельному анализу и критикѣ ваши лекціи, отъ которыхъ я въ восторгѣ, не смотря на крайнюю противоположность нашихъ точекъ зрѣнія. Но время, какъ мнѣ кажется, для этого неблагопріятно. Этотъ *варварскій* моментъ неудобенъ.

Мицкевичъ, дочери Маріи.

Парижъ, 19-го декабря 1858 г.

Я очень радъ, что Римъ произвелъ на тебя сильное впечатлѣніе. Всякій человѣкъ долженъ испытывать такія впечатлѣнія; если великія вещи его не волнуютъ, онъ начинаетъ предаваться низкимъ и подлымъ чувствамъ. Римъ до сихъ поръ — величайшее твореніе рукъ человѣческихъ. Не многимъ удалось бывать въ немъ; въ молодости я не смѣлъ объ этомъ мечтать. Въ мое время это было такъ же трудно (изъ Новогрудка), какъ попасть съ земли на луну. Ты представить себѣ не можешь, какъ мы тосковали по немъ, читая Ливія, Светонія и Тацита... До сихъ поръ его право и понятія господствуютъ въ мірѣ. Читай, пожалуйста, Ливія и размышляй надъ нимъ на мѣстѣ. Полька, польская женщина можетъ и обязана размышлять; женщины другихъ народовъ не несутъ этого долга... О христіанскомъ Римѣ я тебѣ буду писать впослѣдствіи. На первый разъ вникни въ вопросъ, кто были этотъ Петръ и этотъ Павелъ, выходцы изъ маленькаго еврейскаго городка, которые побѣдили величайшее въ мірѣ государство, болѣе могущественное, чѣмъ царство императора Николая, и водрузили на его развалинахъ крестъ. Франція до сихъ поръ подражаетъ языческому Риму, но сравняться съ нимъ не можетъ. Ты видѣла Парижъ и убѣждаешься нынѣ, какъ онъ малъ сравнительно съ Римомъ. Польша, призванная за-

мѣнить христіанскій Римъ, пока не начинаетъ подавать признаковъ жизни въ этомъ направленіи...

Бартелеми Сентъ-Илеръ Мицкевичу.

Парижъ, 14-го апрѣля 1852 г.

Имѣю честь препроводить при семъ копію декрета президента республики отъ 12-го апрѣля 1852 г., которымъ вы увольняетесь отъ должности въ «Collège de France». Очень сожалѣю о мѣрѣ, которая наноситъ вамъ такой чувствительный ударъ, и прошу васъ принять какъ выраженіе искренней моей симпатіи, такъ и увѣреніе въ глубокомъ моемъ почтеніи.

Мицкевичъ министру народнаго просвѣщенія, г. Форту.

Парижъ, 18-го апрѣля 1852 г.

... Равнымъ образомъ, я считаю своею обязанностью объяснить вамъ еще разъ, почему я въ своихъ лекціяхъ неоднократно выходилъ изъ рамокъ программы и нарушилъ характеръ чисто-научнаго преподаванія. Объясненіе мое можетъ быть дано въ нѣсколькихъ словахъ. — Излагая свой предметъ, я долженъ былъ коснуться отношеній, существую-

щихъ между славянскими народами и французскою націею. Мнѣ пришлось взять личность Наполеона и идею, которую онъ собою представляетъ, за центръ и символъ этихъ отношеній. Вліяніе наполеоновской идеи на славянъ было страннымъ предметомъ для французскихъ слушателей, и то, что я сказалъ о жизненности этой идеи во Франціи и о ея будущности, должно было возбудить недовѣріе правительства и удивленіе аудиторіи. Исключительное мое положеніе вызывало тѣмъ большія усилія съ моей стороны, что мнѣ пришлось имѣть дѣло съ аудиторіею, скептическою, недоброжелательною и находившеюся подъ вліяніемъ неблагонамѣренныхъ газетъ.—Между тѣмъ, событія послѣднихъ лѣтъ и окончательное установленіе во Франціи національнаго и наполеоновскаго правительства, по большей части, подтвердили мои мнѣнія, признанныя фантастическими. Такимъ образомъ, мотивы, которые заставили меня, какъ профессора, нарушить букву программы, принадлежали, г. министръ, къ разряду тѣхъ, которые иногда заставляютъ самыхъ щепетильныхъ государственныхъ людей нарушить букву закона, чтобы сохранить духъ его. Французское учебное вѣдомство, по всей справедливости, гордится тѣмъ, что создало большое число ученыхъ, одаренныхъ этимъ рѣдкимъ мужествомъ; между этими учеными вы, г. министръ, занимаете, несомнѣнно, одно изъ первыхъ мѣстъ. Это соображеніе позволяетъ мнѣ надѣяться, что вы дружелюбно отнесетесь къ этому моему выясненію сокровенныхъ мотивовъ, руководившихъ мною...

Мицкевичъ г-жѣ Водполь.

Парижъ, 30-го апрѣля 1852 г.

... Вы, вѣроятно, уже слышали, что меня лишили того мѣста, которое я занималъ въ «Collège de France». Надѣюсь, однако, что это къ лучшему. Буду ждать, тѣмъ болѣе, что у меня есть средства, чтобы существовать съ семействомъ, не прибѣгая даже къ пособіямъ отъ правительства. Поэтому не безпокойтесь о насъ на этотъ счетъ. Пишу объ этомъ, потому что знаю, какъ вы живо интересуетесь всѣмъ, что до насъ касается. Если представится случай, сообщите и брату моему, что мое положеніе нисколько не ухудшилось...

Форту Мицкевичу.

Парижъ, 31-го октября 1852 г.

Спѣшу сообщить вамъ, что распоряженіемъ отъ 30-го т. м. я васъ назначилъ библіотекаремъ въ библіотекѣ при Арсеналѣ. Я счастливъ, что мнѣ такимъ образомъ удалось дать вамъ доказательство интереса, который принимаетъ въ васъ его императорское высочество...

Мицкевичъ Форту.

Парижъ, 2-го ноября 1852 г.

Я получилъ сообщеніе, въ которомъ вы, г. министръ, соблаговолили увѣдомить меня о постанов-

леніи, въ силу котораго я назначенъ библіотекаремъ при Арсеналѣ. — Это назначеніе, которымъ я обязанъ вашему благоволенію ко мнѣ, тѣмъ дороже для меня, что ваше превосходительство уполномочиваете меня видѣть въ немъ доказательство интереса, который принимаетъ во мнѣ его императорское высочество принцъ президентъ. — Прошу васъ, г. министръ, повергнуть къ стопамъ его императорскаго высочества выраженіе глубочайшей моей благодарности. Новое положеніе, мнѣ доставленное, вполнѣ соотвѣтствуетъ моимъ желаніямъ, позволяя мнѣ продолжать служить правительству; но оно нисколько не увеличиваетъ моей преданности его высочеству и его августѣйшей семьѣ. Эти чувства, которыя дозволено теперь громко провозглашать во Франціи, всегда воодушевляли мое отечество: я почерпнулъ ихъ въ національныхъ традиціяхъ, я нахожу ихъ въ сокровеннѣйшемъ уголкѣ моего благодарнаго сердца.

Мицкевичъ брату Франциску.

Парижъ, ноябрь 1852 г.

... Наши домашнія дѣла нѣсколько поправились. Послѣ цѣлаго ряда преслѣдованій мнѣ дали мѣсто въ библіотекѣ. Жалованья я получаю всего 2000 фр., — это для Парижа почти ничего. Надѣюсь, впрочемъ, на увеличеніе содержанія. Къ тому-же, у меня есть постоянная и хорошая квартира, а на нее у насъ выходило 1200 фр. Не знаю до сихъ поръ, оставятъ-ли мнѣ содержаніе, которое я по-

лучаю изъ «Collège de France». Впрочемъ, теперь будущее представляется намъ уже менѣе тревожнымъ. Пишу это письмо въ канцеляріи библіотеки, гдѣ теперь служу. Мѣсто это мнѣ дано по приказанію принца Наполеона, нынѣ уже императора. Но лица, мнѣ не доброжелательствующія, урѣзали, на сколько могли, то, что было выгоднаго для меня въ этомъ приказаніи.

Мицкевичъ г-жѣ Водполь.

1-го марта 1853 г.

...Я уже сообщалъ вамъ, кажется, о моихъ теперешнихъ занятіяхъ, болѣе скучныхъ, чѣмъ трудныхъ. Я нисколько не жалуюсь, но слышу, что многіе относятся презрительно къ такого рода службѣ и признаютъ ее унизительною: хотя мы уже такъ давно бѣдствуемъ на чужбинѣ, но барская спѣсь, а также и барскія понятія, все еще процвѣтаютъ у насъ. Даже мой старшій сынъ, рожденный на чужбинѣ, начинаетъ скучать въ школѣ и говоритъ, что хочетъ поступить куда-нибудь въ другое заведеніе, совершенно въ томъ же тонѣ, въ какомъ, помню, большіе господа въ Литвѣ объявляли о намѣреніи своемъ переселиться въ помѣстье, находящееся въ другомъ уѣздѣ. Я убѣждаюсь такимъ образомъ, что барство нашъ первородный грѣхъ, и начинаю относиться снисходительно къ тѣмъ, которые наслѣдовали эту болѣзнь съ своими помѣстьями или лавками; но въ эмигрантахъ барство меня всегда удивляетъ...

Мицкевичъ г-жѣ Хлюстинъ.

Парижъ, 1-го мая 1853 г.

Я не могу лично воскликнуть: *аллилуіа* и словесно поздравить васъ: *Христосъ воскресъ.* Я былъ боленъ и чувствую себя еще слабымъ...

Мицкевичъ брату Франциску.

6-го ноября 1854 г.

...Мое положеніе нисколько не измѣнилось. Все здѣсь какъ бы пріостановилось и ожидаетъ политическихъ событій, отъ направленія которыхъ зависитъ общая наша судьба. Тѣмъ временемъ, и то хорошо, что я не подвергаюсь болѣе подозрѣніямъ, которыя неоднократно грозили мнѣ опасностью. Удивительно, что люди, на пользу которыхъ я искренно и энергично трудился, преслѣдовали меня почти столько же, какъ въ молодости прежніе мои враги. Тѣ, признаюсь, были правы...

Мицкевичъ г-жѣ К. Водполь.

18-го мая 1855 г.

Никакъ не могъ собраться написать вамъ за это время. Хотя я и здоровъ, но чувствую себя сильно потрясеннымъ и измученнымъ. Болѣзнь покойной Селины была продолжительна, и страданія ея очень велики. Въ такихъ мукахъ она, бѣдная, добивалась лучшаго душевнаго состоянія, котораго,

дѣйствительно, и добилась, но только въ послѣднія недѣли своей жизни. Умерла она въ полномъ сознаніи, спокойная и почти веселая. Когда она узнала отъ меня, что нѣтъ ужь никакой надежды, она сдѣлала всѣ домашнія распоряженія, простилась со всѣми знакомыми, точно отправляясь въ путь Словомъ и дѣйствіемъ она тутъ подтвердила истины, которыя мы предчувствовали и предвидѣли на счетъ будущей жизни. Послѣднія ея минуты, отчасти, послужили разгадкою многихъ печальныхъ лѣтъ Можно сказать, что въ эти минуты разлуки мы соединились въ первый разъ. Она мнѣ обѣщала, что душою будетъ при мнѣ и что будетъ мнѣ помогать въ жизни. Отчего этого не было при жизни? Не хочу распространяться объ этихъ тяжкихъ минутахъ...

Мицкевичъ гр. І. Грабовскому.

Парижъ, 2-го сентября 1855 г.

...Надѣюсь, что меня уволятъ отъ службы въ библіотекѣ и что министръ дастъ мнѣ заграничную командировку съ научною цѣлью. Если это состоится, то я уѣду въ далекія страны и побываю въ Стамбулѣ и въ Греціи...

Мицкевичъ министру юстиціи.

Парижъ, 11-го сентября 1855 г.

...Я предпочиталъ оставаться иностранцемъ, исправляя только должность профессора въ «Collège

de France». Но послѣ 2-го декабря 1852 г. и окончательнаго установленія наполеоновскаго правительства, я подалъ г. хранителю печати просьбу о натурализаціи, такъ какъ правительство Наполеона, по моему убѣжденію, является единственнымъ правительствомъ, которому полякъ можетъ присягнуть въ вѣрности, не оскорбляя національной чести... Состоя теперь чиновникомъ, я вторично обращаюсь съ прошеніемъ этого содержанія къ е. п. г. хранителю печати *)...

Мицкевичъ кн. А. Чарторыскому.

Константинополь, 25-го октября 1855 г.

По пріѣздѣ сюда, мнѣ тотчасъ-же сказали, что вопросъ о сформированіи польскихъ войскъ рѣшенъ въ англо-французскомъ министерствѣ и что, слѣдовательно, отношенія между Садыкъ-пашей **) и генераломъ Замойскимъ окончательно установлены. Мнѣ нечего было писать вашей свѣтлости, такъ какъ я думалъ, что всѣ замѣчанія или предостереженія съ моей стороны уже запоздаютъ. Но нынѣ, когда я узналъ, что переговоры съ правительствами еще продолжаются, я считаю себя обязаннымъ

*) На эту просьбу Мицкевичу отвѣтили, «что если иностранецъ, прожившій во Франціи десять лѣтъ и подавшій соотвѣтственное заявленіе, *можетъ* быть натурализованъ, то это не значитъ, что онъ *долженъ* быть натурализованъ» и т. д. Такимъ образомъ, Мицкевичъ и оффиціально остался полякомъ.

**) Чайковскій.

передать вашей свѣтлости впечатлѣнія, которыя я здѣсь вынесъ. — Я засталъ Садыка исполненнымъ тѣхъ же чувствъ къ Польшѣ и къ особѣ вашей свѣтлости, какія я въ немъ прежде знавалъ; всѣ остальныя лица, находящіяся около него, воодушевлены тѣми же чувствами. Я провелъ двѣ недѣли съ ними. Я часто и обстоятельно бесѣдовалъ почти со всѣми офицерами. Навѣщалъ я также и солдатъ. Часто я думалъ о томъ, какъ вы порадовались бы, князь, если бы были съ нами... Вы, вѣроятно, знаете, что у Садыка есть разныя сотни; наряду съ украинскою, есть добруджскія и кубанскія. У иррегулярныхъ казаковъ дисциплина строже, но я убѣдился, что она не уменьшаетъ ихъ любви къ полку и начальнику. Второй полкъ я меньше знаю, потому что жилъ въ первомъ; всѣ, однако, говорятъ, что онъ состоитъ изъ бравыхъ солдатъ (это видно по ихъ осанкѣ) и что онъ хоть сейчасъ могъ бы выступить въ походъ. Такая организація, если бы она расширилась и насчитывала бы больше полковъ, стала бы могучимъ орудіемъ для польскаго дѣла. Она находитъ себѣ элементы въ самой Турціи (казаковъ) и пользуется симпатіями болгаръ, валаховъ, не говоря уже объ Украинѣ. Чѣмъ живѣе я все это чувствую, тѣмъ болѣе меня печалитъ раздоръ между элементами, которые сами такъ успѣшно стали соединяться. Виновникомъ этихъ раздоровъ является генералъ Владиславъ Замойскій. Не теперь только началъ онъ дѣйствовать въ этомъ направленіи; но я ничего не зналъ объ этомъ въ Парижѣ...

Мицкевичъ Садыкъ-пашѣ.

Константинополь, 5-го ноября 1855 г.

До сихъ поръ я не получалъ отвѣта отъ князя Адама на письмо, въ которомъ я ему изложилъ все здѣшнее дѣло съ полною искренностью. Кн. Владиславъ былъ разъ у меня. Я ему повторилъ то, что уже раньше говорилъ. Какъ слышно, онъ жалуется на меня, говоря, что я нахожусь въ состояніи *раздраженія*. Я не имѣю ни желанія, ни надобности сдѣлать ему визитъ. Мнѣ говорили что онъ уѣзжаетъ черезъ недѣлю въ Парижъ. Не вижу, что онъ можетъ сдѣлать для польскаго дѣла, оставаясь подъ вліяніемъ г. Замойскаго. — Дѣло г. Леви съ евреями развивается успѣшно *). Многіе

*) Мицкевичъ продиктовалъ г. Леви докладную записку турецкому правительству, которая бросаетъ свѣтъ на этотъ вопросъ. Въ ней, между прочимъ, говорится: «Въ отрядѣ оттоманскихъ казаковъ есть евреи; главный начальникъ Мегеметъ-Садыкъ-паша засвидѣтельствовалъ хорошее ихъ поведеніе. Было бы выгодно увеличить ихъ число; они послужили бы новою силою для Турціи и источникомъ большой опасности для непріятеля. Евреи очень многочисленны въ русской имперіи, и они тамъ такъ много страдали, особенно въ послѣдніе годы, что враги Россіи могутъ быть увѣрены найти въ нихъ надежную опору. Когда евреи были изгнаны изъ всѣхъ странъ, они нашли въ Турціи и Польшѣ пріютъ и покровительство; они не забыли объ этомъ. Пусть турки и поляки обращаются нынѣ съ ними, какъ съ братьями по оружію, и это военное братство не замедлитъ дать плоды... Въ этихъ видахъ на усмотрѣніе Блистательной Порты повергается слѣдующій законопроектъ: «Фирманъ, касающійся военной организаціи евреевъ Оттоманской имперіи, постанов-

обѣщаютъ помочь. Они радуются, что мы сдѣлали первые шаги при содѣйствіи паши, симпатизирующаго евреямъ. Это вопросъ для насъ чрезвычайно важный...

Мицкевичъ кн. Вл. Чарторыскому.

Константинополь, 19-го ноября 1855 г.

Ваше сіятельство. Со времени моего возвращенія изъ Бургаса я не чувствовалъ себя въ силахъ зайти къ вамъ для объясненій. Разговоръ безъ взаимной искренности былъ бы пустою болтовнею, если не чѣмъ-нибудь худшимъ; впрочемъ, я повторилъ бы вамъ только то, что уже говорилъ вамъ, и прибавилъ бы вамъ вещи, которыя вы неохотно слушаете, отвѣчая на нихъ только свойственнымъ вамъ дипломатическимъ молчаніемъ. То, что я прежде говорилъ, вы просили сообщить князю, вашему отцу. Чувства, которыя я къ нему питаю, вмѣстѣ со многими соотечественниками, возлагали на меня обязанность высказать всю правду; я записалъ для него нашъ послѣдній разговоръ; я ничего не скрылъ. Я прибавилъ мои замѣчанія о ва-

---

ляетъ: Въ еврейскомъ населеніи имперіи будетъ набранъ полкъ въ тысячу человѣкъ. Провіантъ, одежду и экипировку ему будетъ давать Порта, жалованье — единовѣрцы. Онъ будетъ состоять подъ начальствомъ Мегемета-Садыкъ-паши, главнаго начальника оттоманскихъ казаковъ; онъ будетъ пользоваться отдыхомъ по субботамъ и правомъ исполнять свои обрядности. Евреямъ будетъ предоставлено право на чины»...

щемъ здѣшнемъ образѣ дѣйствій. Этотъ образъ дѣйствій находился въ постоянномъ противорѣчіи съ надеждами, которыя вызвалъ вашъ пріѣздъ во многихъ соотечественникахъ. Вы выказали себя здѣсь, князь, не представителемъ или однимъ изъ представителей польскаго дѣла, но интимнымъ агентомъ г. Владислава Замойскаго, присланнаго сюда, чтобы вредить Садыку-пашѣ. Когда я замѣтилъ, къ чему клонилось дѣло, я указалъ вамъ въ палаткѣ, въ Бургасѣ, на необходимость *искренно* объясниться съ Садыкомъ-пашею. На это вы отвѣтили молчаніемъ. Видя все яснѣе, въ чемъ дѣло, я заявилъ вамъ, что со стороны г. Замойскаго и вашей проявляется очевидное намѣреніе вытѣснить Садыка-пашу и его полкъ изъ положенія, въ которомъ онъ вамъ оказалъ столько услугъ и могъ быть такъ полезенъ Польшѣ, что вы стремитесь къ тому, чтобы отнять у Садыка-паши всякую возможность дѣйствовать въ Турціи и, въ то же время, лишить его покровительства другихъ правительствъ. На это вы опять отвѣтили молчаніемъ. Не могло быть уже сомнѣнія, что вы пріѣхали съ готовою инструкціею отъ г. Замойскаго и съ отточеннымъ ножемъ противъ Садыкъ-паши. Въ такомъ случаѣ, слѣдовало выступить противъ него открыто. Если вы его признавали безполезнымъ или вреднымъ, надо было пригласить его уступить мѣсто болѣе способному лицу. Вы могли объясниться съ Садыкомъ-пашей, спорить, бороться съ нимъ; но не слѣдовало подъ его кровомъ и у его стола замышлять удары противъ него. Поляки такъ не поступаютъ. Арабы въ палаткѣ, гость противъ хозяина не за-

мышляетъ заговора.—Вы пріѣхали на востокъ, гдѣ теперь открывается широкое поле многимъ надеждамъ. Взоры соотечественниковъ были обращены на васъ. Подмостки, на которыя вы вступили, возвышали васъ, но въ первомъ извѣстіи, которое вы напечатали о себѣ, вы сообщаете, что *женщина, вами привезенная,* принесла тѣ или другія услуги. Если рѣчь шла о лазаретныхъ реформахъ, то слѣдовало ихъ предоставить врачамъ или сидѣлкамъ, назначивъ нужныя суммы на это. Во всякомъ случаѣ, не слѣдовало требовать пожертвованій отъ офицеровъ, не получающихъ жалованья. Заботы ваши о помѣщеніи въ монастырѣ другихъ женщинъ *безвозмездно* показались мнѣ странными, а иностранцы увидѣли въ этомъ соблазнъ. Лагерь — не мѣсто, исключительно предназначенное для благотворительности. *Бѣдные,* говоритъ евангеліе, *всегда будутъ между вами.* А лагеря у насъ давно не было, и Богъ знаетъ, будетъ-ли онъ у насъ всегда такой, какимъ былъ, когда мы его видѣли полнымъ жизни и надежды. Прибавлю къ этому, что *таимовъ* или пайковъ, которые отпускаются г. Замойскому, какъ генералу, было бы достаточно, чтобы прокормить цѣлый госпиталь. Г. Замойскій получаетъ ежедневно 90 пайковъ, а больныхъ въ лазаретѣ было 19. Идеаломъ г. Замойскаго, очевидно, было стать англійскимъ генераломъ, и этой цѣли онъ достигъ. Честолюбіе его вполнѣ удовлетворено. Но каково ваше положеніе подъ начальствомъ этого генерала, какова будущность народа? Не вижу никакой!

———

Это, насколько извѣстно, послѣднее письмо Мицкевича. 8 дней спустя его не стало. Въ заключеніе приводимъ письмо полковника Кучинскаго, въ которомъ описываются послѣднія минуты жизни Мицкевича:

«26-го ноября, въ понедѣльникъ, въ 10 часовъ утра Мицкевичъ получилъ благопріятныя извѣстія отъ Садыка-паши и передавалъ ихъ Арману Леви, когда вошелъ полковникъ Кучинскій. Мицкевичъ, хворавшій ночью передъ тѣмъ, чувствовалъ себя лучше и былъ веселъ. Онъ долго бесѣдовалъ съ Кучинскимъ и, между прочимъ, сказалъ: «Знаешь, Кучинскій, я началъ учиться по-турецки; боюсь только, какъ бы со мною не случилось то, что случилось съ однимъ изъ нашихъ королей, о которомъ лѣтописецъ говоритъ, что онъ уже не дурно читалъ по складамъ, когда его застигла внезапно смерть.» Потомъ онъ говорилъ много о войнѣ и замѣтилъ, что каждый польскій эмигрантъ долженъ въ ней участвовать. — О себѣ онъ сказалъ: «Я въ этомъ убѣжденіи уѣхалъ изъ Франціи; я говорилъ себѣ: еслибы я даже зналъ, что мнѣ суждено умереть гдѣ-нибудь въ Турціи отъ холеры, то все-таки поѣду, потому что тамъ теперь мои обязанности; я предпочитаю быть писцомъ въ какомъ-нибудь польскомъ казачьемъ полку, чѣмъ канцлеромъ французской академіи.» Затѣмъ, онъ много говорилъ о своихъ дѣтяхъ и, въ заключеніе, упомянулъ о младшемъ своемъ ребенкѣ, въ которомъ онъ подмѣтилъ многія черты, поразительныя для его возраста. Около половины двѣнадцатаго съ нимъ случился припадокъ обморока,

легкій понось, и онь легь въ постель; но ни онъ самъ, ни его друзья не встревожились. Вошелъ кто-то другой. Около половины втораго г. Леви ушелъ по дѣлу Мицкевича. Полковникъ Кучинскій оставался до трехъ часовъ. Мицкевичъ чувствовалъ себя лучше и пожелалъ отдохнуть. Генрихъ Служальскій былъ дома. Около половины пятаго Леви вернулся и узналъ на лѣстницѣ, что Мицкевичъ умираетъ. Входя въ квартиру, онъ, дѣйствительно, услышалъ, какъ Генрихъ сказалъ: ,,Мой бѣдный другъ погибъ!»—«Что такое!»— «Да, это холера.» Военный докторъ, полякъ, сидѣлъ на диванѣ, а когда его спросили, есть ли надежда? онъ отвѣтилъ: «Не знаю.»— Мицкевичу дали лауданумъ и всячески старались его согрѣть. Увидѣвъ входящаго Леви, Мицкевичъ забылъ о собственныхъ страданіяхъ и спросилъ его: «Какъ ты себя чувствуешь?» Леви также былъ боленъ наканунѣ. — Генрихъ сказалъ Леви: «Онъ меня спрашивалъ, что говоритъ докторъ, и требовалъ, чтобы я ему сказалъ правду. Я отвѣтилъ: они говорятъ, что ты можешь умереть.» Тутъ Мицкевичъ сказалъ: «Пригласи ко мнѣ ксендза Лавриновича, литвина; возьми перо!» А когда я приблизился, онъ сказалъ: «Не въ силахъ. Скажи моимъ дѣтямъ, чтобы они всегда любили другъ друга.» Подошли два другихъ польскихъ врача и, наконецъ, докторъ Дроздовскій. Они признали состояніе больнаго опаснымъ. Мицкевичъ не хотѣлъ болѣе принимать лауданумъ; подумали, что хорошо было бы ему уснуть; всѣ вышли изъ комнаты. Мицкевичъ задержалъ Леви, сказавъ Служальскому. «Ему здѣсь хорошо». Онъ успокоился

немного и сказалъ Леви: «Они не знаютъ, что со мною: хотятъ меня согрѣть, а я весь въ огнѣ.» Потомъ онъ немного заснулъ. Подошелъ ксендзъ; Мицкевичъ замѣтилъ его, но ничего не сказалъ. Колики возобновились. Дроздовскій приступилъ къ сильнымъ натираніямъ. Мицкевичъ вскричалъ: «Они сдерутъ съ меня кожу, какъ съ бѣднагѣ полковника Идзиковскаго; а она у меня снова не выростетъ». Ему дали опять лауданумъ; ничего не помогало; боли усилились; больной молча метался. Полковникъ Кучинскій подъ вліяніемъ грустнаго предчувствія вернулся въ шесть часовъ. Мицкевичъ узналъ его и передъ самою смертью сказалъ ему: «Кучинскій, полкъ оттоманскихъ казаковъ». Въ 9 часовъ онъ умеръ въ полномъ сознаніи, съ печальнымъ взоромъ, не произнося ни слова. Ксендзъ въ послѣднюю минуту помазалъ его св. мvромъ, а Леви закрылъ ему глаза. — Когда всѣ собрались разойтись, возникъ вопросъ, что остается сдѣлать? Леви сказалъ: «Я велю набальзамировать его тѣло и свезу его въ Парижъ». Всѣ согласились на это, а Генрихъ, обнимая Леви и Кучинскаго, воскликнулъ: «Мы теперь осиротѣли и навсегда должны оставаться друзьями.» — Леви спросилъ Генриха: «Не хочешь-ли ѣхать въ Парижъ?» — «Я сдѣлаю все, что хотите».— Леви сказалъ: «Мы проводили его сюда вдвоемъ, и мы оба должны его отвезти.» Кучинскій присоединился къ этому мнѣнію; такъ и было рѣшено. Ночь мы провели втроемъ въ сильномъ горѣ, обѣщая другъ другу оставаться вѣрными мысли Мицкевича и исполнить его проектъ, который заклю-

чался въ сформированіи польско-еврейскаго полка, о чемъ Кучинскій говорилъ съ нимъ за послѣднее время. Этимъ объясняются и послѣднія слова Мицкевича къ нему. По прошествіи 24-хъ часовъ бальзамированіе было окончено; Леви присутствовалъ. Два дня спустя, Кучинскій уѣхалъ въ Египетъ. Вотъ что я слышалъ и видѣлъ.»

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ II ТОМА.

СТР.

Гражина, перев. В. Бенедиктова 1

Конрадъ Валленродъ, перев. Н. Семенова 51

Крымскiе сонеты:

I. Акерманскiя степи, перев. А. Майкова 147

II. Морская тишь, перев. В. Бенедиктова 148

III. Переѣздъ по морю, перев. его-же 149

IV. Буря, перев. В. Бенедиктова 151

V. Видъ горъ изъ степей Козлова, перев. М. Лермонтова 152

VI. Бахчисарай, перев. В. Бенедиктова 154

VII. Бахчисарай ночью, перев. Н. Луговскаго 155

VIII. Гробница Потоцкой, перев. В. Бенедиктова . . . 156

IX. Могилы гарема, перев. его-же 157

X. Байдарская долина, перев. А. Майкова 158

XI. Алушта днемъ, перев. его-же 159

XII. Алушта ночью, перев. его-же 160

XIII. Чатырдагъ, перев. П. Петрова 161

XIV. Пилигримъ, перев. его-же 162

XV. Дорога надъ пропастью въ Чуфутъ-кале, перев. В. Бенедиктова 163

XVI. Гора Кикинейсъ, перев. его-же 165

СТР.

XVII. Развалины замка въ Балаклавѣ, перев. Н. Луговскаго 167

XVIII. Аюдагъ, перев. С. Дурова 168

. Критическія статьи:

Гете и Байронъ, переводъ П. Полевого 195

О поэзіи романтической, перев. его-же 209

О критикахъ и рецензентахъ Варшавскихъ, перев. его-же 236

Избранная корреспонденція Мицкевича, перев. Р. Сементковскаго 263

СОЧИНЕНІЯ
А. МИЦКЕВИЧА.

Томъ III.

СОЧИНЕНІЯ

А. МИЦКЕВИЧА.

РУССКІЙ ПЕРЕВОДЪ

В. БЕНЕДИКТОВА, Н. СЕМЕНОВА

И ДРУГИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ П. Н. ПОЛЕВОГО.

ТОМЪ III.

Поминки.—Изъ курса славянской литературы.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА,

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, №№ 17 и 18.

МОСКВА, Петровка, д. Михалкова.

1883.

Типографія М. О. Вольфа (Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5).

ПОМИНКИ

(DZIADY).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

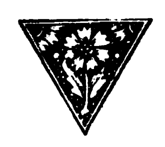
ПЕРЕВОДЪ

Д. Д. МИНАЕВА.

Поминки (Dziady).

Это названіе обычая, донынѣ еще существующаго въ простомъ народѣ, во многихъ мѣстностяхъ Литвы, Пруссіи и Курляндіи, на поминкахъ усопшихъ предковъ или родителей. Обычай этотъ ведетъ начало свое отъ временъ языческихъ и нѣкогда назывался козловымъ пиршествомъ, на которомъ предводителемъ или корифеемъ былъ козляръ, гусляръ, вмѣстѣ и жрецъ и поэтъ (Gęślarz). Въ позднѣйшія времена, христіанское духовенство и мѣстныя власти неоднократно силились искоренить обычай, перемѣшанный съ странными затѣями и нерѣдко съ языческими обрядами, однакожь простой народъ празднуетъ дзяды скрытно въ часовняхъ или запустѣлыхъ домахъ близъ кладбища. Тамъ ставится общая тризна изъ разныхъ яствъ, питья и плодовъ, и вызываются души усопшихъ. Достойно замѣчанія, что обычай угощать умершихъ, кажется, былъ общій всѣмъ языческимъ народамъ: и въ древней Греціи, во времена гомеровскія, и въ Скандинавіи, и на Востокѣ, и даже на островахъ

Новаго свѣта. Литовскіе дзяды отличаются тѣмъ, что въ нихъ языческіе обряды смѣшаны съ понятіями христіанскими; ибо день церковнаго поминовенія умершихъ приходится обыкновенно около того времени, въ которое выполнялся этотъ обычай. Простой народъ думаетъ, что кушаньемъ, питьемъ и пѣснями приносится отрада душамъ, находящимся въ чистилищѣ. Столь важный, по наружности, предметъ празднества, уединенныя мѣста, время ночи и мечтательные чудные обряды, нѣкогда сильно говорили моему воображенію; я вслушивался въ разсказы, повѣсти и пѣсни о покойникахъ, приходящихъ съ того свѣта съ просьбами или угрозами; и во всѣхъ этихъ вымыслахъ можно было найти цѣль нравственную и достичь науки — простонароднымъ способомъ представлять понятія умственныя. Слѣдующая поэма представляетъ образецъ сочиненій въ такомъ духѣ; обрядныя пѣсни, суевѣрія и чарованія, по большей части, переданы вѣрно, а иногда слово въ слово взяты изъ простонародной поэзіи.

Упырь.

Ужь сердце не бьется, и грудь не согрѣта,
Глаза закатились, дыханью — конецъ.
Онъ въ свѣтѣ, пожалуй, но онъ не для свѣта...
Кто-жь сей земнородный? — Мертвецъ.

Изъ гроба зоветъ его духъ упованій,
Лучъ памяти въ черепъ проникъ мертвеца;
Встаетъ онъ, идетъ онъ въ край юныхъ мечтаній
И милаго ищетъ лица.

Грудь сызнова дышитъ, но грудь не согрѣта,
Уста и глаза раздвигаются въ ширь;
Онъ въ свѣтѣ, пожалуй, но онъ не для свѣта...
Кто-жь этотъ усопшій? — Упырь.

Кто жилъ близъ кладбища, тотъ вѣдалъ, что точно
Упырь каждый годъ изъ могилы своей
На праздникъ поминокъ встаетъ въ часъ урочный
И бродитъ, какъ тѣнь, межъ людей.

Свершились поминки — и, вѣренъ условью,
Упырь утомленный обратно спѣшитъ,
И съ грудью пронзенной, обрызганный кровью,
Ложится въ могилу и спитъ.

И носятся слухи о немъ постоянно,
Иной еще живъ, кто его хоронилъ.
Молва есть, что сгибнулъ онъ въ юности рано,
Что самъ онъ себя умертвилъ.

И, вѣрно, сталъ жертвой небесной онъ кары:
Все стонетъ,— и пламень во рту у него.
Случилось, что какъ-то дьячокъ одинъ старый
Недавно подслушалъ его.

Тотъ страшный упырь изъ могилы лишь вышелъ,—
Къ звѣздѣ онъ восходной глазами приросъ,
Сталъ руки ломать, и — дьячокъ тутъ услышалъ —
Какъ этотъ упырь произнесъ:

«О духъ! Будь ты проклятъ! Средь праха земнаго
Зачѣмъ искру жизни ты вновь шевелишь?
Денница проклятая! Ты еще снова
Зачѣмъ съ вышины мнѣ блестишь?

Мученье, сужденное мнѣ, безысходно:
Увидѣться съ ней, чтобъ разстаться опять!
Что разъ претерпѣлъ, то терпѣть ежегодно
И тѣмъ же концомъ все кончать!

Гдѣ встрѣтить ликъ милый? Толпа его кроетъ.
Тѣснись тутъ, подъемлясь изъ ямы нѣмой!
Какъ мертваго примутъ — и думать не стоитъ:
Всего натерпѣлся живой!

Бывало, чуть взглянетъ — я прячу, несчастный,
Глаза, какъ преступникъ. Бывало, звучитъ
Вседневно тотъ голосъ, я-жь долженъ, безгласный,
Молчать, какъ могила молчитъ.

Безумецъ! Безумецъ! — друзья мнѣ кричали,
Я былъ для нихъ — злѣйшихъ насмѣшекъ предметъ,
А старшіе только плечми пожимали
Иль мудрый давали совѣтъ.

Насмѣшникамъ злымъ и совѣтникамъ думнымъ
Махалъ я рукой.... А быть можетъ, и самъ
Такого страдальца я счелъ-бы безумнымъ,
Смѣялся-бъ нелѣпымъ мечтамъ!

Одинъ-же любовью моей оскорбился;
Могу-ль я быть знатному пану родня?
Однако онъ былъ такъ учтивъ: притворился,
Какъ будто не понялъ меня.

За гордость я гордостью съ нимъ расплатился;
Я вызвалъ отвѣтъ, не спросивъ ничего,—
Когда-жь отвѣчать онъ сталъ, — я притворился,
Какъ будто не понялъ его.

Простить не могли мнѣ: бывало, обиду
И въ самой улыбкѣ людей тѣхъ прочтешь,
Натянутой такъ лишь — для свѣтскаго виду,
И въ милости выглядишь ложь.

И я-жь не прощалъ имъ: безъ пеней, безъ жалобъ
И даже безъ горькихъ презрѣнья рѣчей
Я съ ними спокойно встрѣчался лобъ-нà-лобъ,
Терзалъ ихъ улыбкой своей

Посмотримъ! Теперь вдругъ я выставлюсь глухо
Изъ царства, мракъ смерти гдѣ вѣчно лежитъ:
Кто встрѣтитъ меня, какъ нечистаго духа,
А кто, пораженъ, убѣжитъ.

Тотъ вскочитъ, тотъ скажетъ: ахъ, онъ изъ убо-
гихъ!
Тотъ станетъ съ гримасой лукаво мигать....
Къ одной вѣдь иду я: зачѣмъ-же столь многихъ
Я долженъ смущать иль пугать?

Что бъ ни было — путь мой рѣшенъ. Презирая
И тѣхъ, и другихъ, и на нихъ не смотря,
Пройду средь обидъ я,— лишь ты, дорогая,
Попрежнему встрѣть упыря!

И, молвивъ словечко, яви мнѣ участье!
Прости, что минувшаго призракъ возникъ,
Привлекся къ тебѣ и обычное счастье
Твое возмущаетъ на мигъ!

Глаза твои, свычные съ областью свѣта,
На мигъ обрати къ головѣ мертвеца,
И слухъ свой склонивъ къ завыванью скелета,
Дослушай его до конца!

И мысли его прослѣди гробовыя:
Онѣ все къ минувшему жмутся и льнутъ.
Такъ цѣпкія зелья и травы глухія
По камнямъ развалинъ ползутъ».

Съ правой стороны сцены въ уединенной комнатѣ сидитъ дѣвушка. — Книга; фортепіано. — Съ лѣвой стороны окно въ поле; съ правой – большое зеркало.—На столѣ горитъ свѣча и развернута книга:— «Валерія», романъ баронессы Крюденеръ.

ДѢВУШКА *(встаетъ изъ-за столa).*

Свѣча недобрая, погасни! Бросивъ чтенье,
Могу-ль теперь заснуть, забыться на мгновенье?
Валерія! Густавъ! Здѣсь, въ этой тишинѣ,
Такъ часто на-яву мерещились вы мнѣ,
Что васъ и въ снахъ своихъ я долго видѣть буду
И милыхъ образовъ, любя ихъ, не забуду.

(Послѣ паузы).

Къ чему читать? Могу я угадать впередъ,
Что въ близкомъ будущемъ героевъ книги ждетъ
Но все-жь завидовать, Валерія, должна я
Твоей судьбѣ: была любима ты. Иная
Несчастная всю жизнь любви напрасно ждетъ.

При видѣ новыхъ лицъ мечтаетъ, что придетъ
Желанный милый другъ, и сердце въ немъ забьется
И на любовь ея любовью отзовется...
Но люди мрачны, какъ Медузы голова,
И холодны, какъ дождь осенній, ихъ слова.

Припоминая дни несчастія былаго,
Въ уединеніе я возвращаюсь снова,
Такъ странникъ, брошенный въ степи глухой, грус-
титъ,
Едва настанетъ день — вокругъ себя глядитъ
И ищетъ существа живаго въ той пустынѣ,
А ночь придетъ — и нѣтъ конца его кручинѣ.
Безумецъ! Долженъ онъ къ неволѣ привыкать,
Не шевелить цѣпей, чтобъ ранъ не раздражать.

Мнѣ дорогъ мой пріютъ. Чтобъ не вернуться
къ людямъ,
По волѣ собственной мы плѣнниками будемъ.
Что помѣшаетъ намъ? Алхимикъ взаперти
Ядъ тонкій добывалъ, хотѣлъ произвести
Сокровища, а мы сумѣемъ, можетъ быть,
Въ себѣ послѣднюю надежду отравить.
А если въ гробъ сойти еще намъ рано въ свѣтѣ,
Могилой для души послужатъ книги эти.
По смерти той должны воскреснуть мы опять
И предъ собой эдемъ прекрасный увидать,
Гдѣ посреди тѣней, за гранью райской двери,
Вознаградятся всѣ утраты и потери.

Тѣней?... Но развѣ нѣтъ среди толпы людской
Тѣней влюбленныхъ въ смерть и въ гробовой
покой?

Иль всѣ они — мечта поэтовъ, ихъ созданья?
Ихъ формы только словъ прекрасныхъ сочетанье?
Подобной мыслью я природы оскорблять
Не смѣю, не могу себя я унижать.

Въ природѣ, какъ въ отчизнѣ душъ нашихъ, безъ сомнѣнья,
Существъ себѣ подобныхъ имѣютъ всѣ творенья;
Въ ней звукъ созвучья ищетъ, лучъ—равнаго луча,
Въ гармоніи вселенной блистая и звуча.
Ничтожная былинка лишь къ одному стремится,
Чтобъ съ атомомъ подобнымъ себѣ соединиться,
Такъ неужели сердце, какъ аппаратъ пустой,
Должно въ семьѣ твореній остаться сиротой?
Мнѣ Богъ далъ это сердце. Пускай его не знаетъ
Никто въ толпѣ житейской, никто не понимаетъ,
Но есть, должно быть, кто-то на свѣтѣ, кто ко мнѣ
Въ своихъ мечтаньяхъ рвется и грезитъ мной во снѣ!

О, если-бъ хоть предъ смертью вдругъ тучи разступились,
Что насъ разъединяютъ, и мы соединились,
И словомъ обмѣнялись, иль взглядомъ лишь на мигъ —
Довольно! Только-бъ каждый всю глубь любви постигъ.
Тогда-бъ душа, что долго была такъ одинока,
Которая способна такъ чувствовать глубоко,
Изъ темнаго пріюта въ рай обратилась вдругъ.
Какъ было-бы отрадно, освободясь отъ мукъ,
Читать другъ друга мысли и тайныя движенья

Намъ дорогаго сердца и честныя стремленья
Угадывать порою во взорахъ существа
Намъ милаго... На свѣтѣ нѣтъ выше торжества!
Тогда-бъ могли и въ прошломъ мы жить въ вос-
поминаньяхъ
И думать о грядущемъ, о будущихъ дѣяньяхъ
И счастье въ настоящемъ умѣя уловить,
Могли-бы жизнью полной и совершенной жить.
Мы были-бы подобны благоуханьямъ розы,
Когда они въ часъ утра, незримыя, какъ грезы,
Душистыми волнами стремятся къ небесамъ
И звѣздочкою новой заблещутъ скоро тамъ.

Лѣвая сторона театра. — Входятъ старикъ и ребенокъ.

РЕБЕНОКЪ.

Вернемся лучше въ хату. Тамъ у костела что-то
Какъ будто вдругъ блеснуло. Боюсь: въ лѣсу есть кто-то.
Мы завтра на кладбище пойдемъ. Тамъ сядешь ты
Задумавшись, я-жь буду рвать для могилъ цвѣты...
Сегодня въ ночь, болтаютъ, увидимъ мертвыхъ; я же
Ихъ никогда не видѣлъ, не помню мамы даже.—
Ты, дѣдушка, слабъ зрѣньемъ. Днемъ и когда темно
Не узнаешь людей ты, которыхъ зналъ давно.
Слухъ у тебя плохъ тоже. Назадъ лишь двѣ недѣли
Родные и сосѣди собравшись захотѣли
Отпраздновать рожденье твое, но ты сидѣлъ
Безмолвно, имъ ни слова отвѣтить не хотѣлъ.
Потомъ спросилъ: «въ день будній зачѣмъ сталъ собираться

Народъ?...» Потомъ прибавилъ: «ужь начало смеркаться?»
А мы тебя поздравить пришли, какъ и всегда:
День твоего рожденья былъ, дѣдушка, тогда...

СТАРИКЪ.

Ахъ, съ того дня на свѣтѣ я перенесъ не мало,
Моя нога гдѣ только, какъ вспомню, не бывала!
Всѣхъ дорогихъ людей мнѣ нѣтъ болѣе въ живыхъ,
А ваши лица, рѣчи и ласки — что мнѣ въ нихъ!
Тѣ лица, что я съ дѣтства любить привыкъ сердечно,
Тѣ ласки, отъ которыхъ былъ счастливъ безконечно,
Гдѣ, гдѣ они? Исчезли безслѣдно и — конецъ.
Не знаю, мертвецы-ли кругомъ иль я мертвецъ,
Но, въ жизни измѣнивши и вѣрѣ, и надеждѣ,
Міръ этотъ я кидаю инымъ, чѣмъ былъ онъ прежде.
Меня лишь утѣшаетъ твой голосъ, милый внукъ,
Какъ отъ умершей пѣсни знакомый сердцу звукъ
И сердцу говорящій про дни намъ дорогіе...
Но ты меня покинешь, какъ кинули другіе.

Пойду. Кто днемъ не слышитъ живыхъ людскихъ рѣчей,
Тотъ видитъ ночью, чуткій при тишинѣ ночей.
Не заблужусь. Вѣдь каждый годъ здѣсь я появлялся,
Сперва какъ ты, мой крошка, отъ страха задыхался,

Потомъ сгоралъ, какъ мальчикъ, отъ любопытства я,
Потомъ съ тоскою шелъ я: теперь душа моя
Тоски не знаетъ прежней, не знаетъ сожалѣнья.
Такъ что-жь мной руководитъ? — Какое-то влеченье,
Предчувствіе, быть можетъ,— кладбище я найду
И, мнѣ сдается, снова обратно не пойду.
Но наградить тебя я желаю до разлуки.
Склони, дитя, колѣни, сложивъ крестъ-на-крестъ руки.

О, Боже, повелѣвшій, чтобъ осушилъ до дна
Я чашу долгой жизни, какъ ни горька она,
Когда твой рабъ достоинъ награды за терпѣнье,
Съ какимъ вкушалъ я горечь житейскаго мученья,
То милости единой прошу я въ свой чередъ:
Пусть внучекъ мой любимый въ дни юности умретъ.

Прости! Еще дай руку ты дѣду на прощанье
Дай голосъ твой послушать и мнѣ въ часъ разставанья
Любимую спой пѣсню, ту пѣснь былыхъ временъ
О юношѣ, который былъ въ камень обращенъ.

РЕБЕНОКЪ *(поетъ).*

Разбивши входъ въ замокъ, гдѣ только встрѣчалъ
Развалинъ чернѣвшую груду,
Твардовскій по всѣмъ подземельямъ блуждалъ:
Слѣды чародѣйства повсюду.

Въ одномъ подземельѣ, въ цѣпяхъ, осужденъ
На кару особаго рода,
Стоялъ передъ зеркаломъ юноша; онъ
Забылъ, что такое свобода.

Онъ силу невѣдомыхъ чаръ познавалъ,
Онъ медленно съ жизнью прощался
И съ каждой минутой часть тѣла терялъ
И въ камень нѣмой обращался.

По самую грудь уже камнемъ онъ былъ,
Но все еще жизнь въ немъ кипѣла
Избыткомъ безстрашнаго мужества, силъ,
Хоть тѣло его каменѣло.

«Кто ты, онъ спросилъ, какъ попалъ ты сюда,
Въ развалины этого зданья,
Гдѣ сломано столько мечей, гдѣ вражда
Не разъ поселяла страданье?»

«Кто я? Заставлялъ трепетать цѣлый свѣтъ
Посредствомъ меча я и слова;
По силѣ и славѣ мнѣ равнаго нѣтъ.
Я рыцарь — пришлецъ изъ Твардова.»

«Твардова?... Не помню. Въ мои времена
Не зналъ я такого названья —
Ни въ годы, когда насъ сзывала война,
Ни въ дни нашихъ игръ и ристанья.

Давно-ли сижу я въ неволѣ — тебѣ
Сказать не могу, чтобъ не сбиться,
Но ты былъ свободенъ въ житейской борьбѣ, —
Скажи мнѣ, что въ мірѣ творится?

Все также-ль Литву дорогую свою
    Ольгердъ въ дни войны охраняетъ,
Попрежнему-ль нѣмцевъ онъ рубитъ въ бою
    Въ монгольскихъ степяхъ разъѣзжаетъ?»

«Ольгердъ? Двѣсти лѣтъ миновало, повѣрь,
    Съ тѣхъ поръ какъ его нѣтъ на свѣтѣ;
Изъ внуковъ его лишь Ягелло теперь
    Въ Литвѣ чтутъ и старцы и дѣти».

«Что слышу?... Какъ время-то мчится впередъ!
    Постой-же, еще два, три слова:
Бывалъ-ли въ мѣстахъ, гдѣ нашъ Свитезь течетъ,
    Ты, рыцарь — пришлецъ изъ Твардова?

Ужели, скажи, тамъ народъ позабылъ
    Могучую силу Порая,
Который когда-то Марилю любилъ,
    Отъ страстной любви къ ней сгорая?»

«Нѣтъ, юноша, рыцарь ему отвѣчалъ;
    Отъ Нѣмана и до Днѣпра я
Нигдѣ не слыхалъ, чтобы кто вспоминалъ
    Марилю и имя Порая.

Но времени нечего тратить! Когда
    Я выведу изъ заточенья
Тебя, то дорогу ты самъ безъ труда
    Найдешь въ тѣ мѣста, безъ сомнѣнья.

Я знаю науку таинственныхъ чаръ —
    Онѣ въ этомъ зеркалѣ скрыты.
Его разобью я: единый ударъ —
    И смѣло изъ замка иди ты».

Тогда обнажилъ онъ свой мечъ боевой
Для этой послѣдней услуги,
Но юноша съ поднятой вверхъ головой
«Стой!» рыцарю крикнулъ въ испугѣ.

«Сними это зеркало ты со стѣны
И дай поскорѣе мнѣ въ руки.
Упасть съ меня цѣпи неволи должны,
Я самъ прекращу свои муки».

Когда-же, вздохнувши, онъ зеркало взялъ,
То, горько заплакавъ, смутился,
Къ стеклу съ поцѣлуемъ устами припалъ
И — въ камень вдругъ весь обратился.

ГУСЛЯРЪ.

Всюду мрачно, всюду глухо.
Съ зоркимъ окомъ, съ чуткимъ слухомъ
Въ тишинѣ необычайной
Совершимъ обрядъ свой тайный.
Не колядку мы справляемъ,
Пѣснь печали напѣваемъ,
И не новый годъ встрѣчаемъ,
А, спѣша къ гробамъ, рыдаемъ.

ХОРЪ.

Всюду глухо, мрачно. Надо
Собираться для обряда.

ГУСЛЯРЪ.

Мы покойниковъ жилище
Посѣтимъ на ихъ кладбищѣ..

Ксендзъ за гусли насъ осудитъ,
Пана хоръ ночной разбудитъ.
Мертвецамъ однимъ понятна
Рѣчь гусляра, вѣроятно:
Ихъ погостъ внѣ власти пана,
Божій храмъ — вотъ ихъ охрана.

ХОРЪ.

Въ тишинѣ необычайно,
Совершимъ обрядъ свой тайный.

ХОРЪ ЮНОШЕЙ *(дѣвушкѣ).*

Не ломай рукъ бѣлыхъ, ты, краса-дѣвица,
Не роняй слезъ горькихъ, нашихъ думъ царица
Загорятся страстью эти глазки снова,
Эти ручки будутъ руку жать другаго.

Голубь и голубка неразумно мчатся,
А за ними орликъ началъ увиваться
И ударилъ сверху съ несдержимой силой....
Гдѣ-жь, скажи, голубка, мужъ твой сизокрылый?
Не вздыхай, не плачь ты въ безутѣшномъ горѣ,
Новаго супруга ты увидишь вскорѣ:
Шпорами гремитъ онъ, — воина примѣта —
Ходитъ онъ при лентѣ радужнаго цвѣта.

Тянется къ жасмину роза полевая,
Въ полѣ ароматъ свой чистый разливая,
Но жасминъ съ другою скошенъ былъ травою,
И осталась роза бѣдною вдовою.
Не горюй, не плачь ты въ безутѣшномъ горѣ:

Ужь нарцисъ влюбленный въ полевомъ просторѣ
Шлетъ тебѣ поклонъ свой, въ суженые мѣтитъ,
А межъ звѣздъ на небѣ ярко мѣсяцъ свѣтитъ.

Не ломай, невѣста юная, рукъ бѣлыхъ
И не плачь о мертвыхъ: ужь таковъ удѣлъ ихъ.
Тотъ, о комъ ты плачешь, болѣе не встанетъ,
Не пожметъ рукъ милыхъ, на тебя не взглянетъ.
Держитъ темный крестикъ онъ въ рукѣ холодной,
Ищетъ мѣста въ небѣ духъ его свободный.
На его поминки ленту дай, вдовица,
Намъ-же молви слово доброе, дѣвица.

(Старцу).

Не скучай ты, старецъ, скажемъ старику мы:
Скука сушитъ сердце и тревожитъ думы.
Насъ примѣрамъ добрымъ учитъ сердце это,
Въ этихъ думахъ ищемъ мудраго совѣта.

Старый дубъ одежды легкія роняетъ,
Травка проситъ тѣни, онъ-же отвѣчаетъ:
«Нѣтъ, я васъ не знаю, чуждыя мнѣ дѣти,
Стоите-ли тѣни вы на бѣломъ свѣтѣ?
Не такая травка встарину, бывало,
Подъ моей охраной въ полѣ выростала».
Не ворчи, на юность не смотри уныло:
Поросло быльемъ все, что когда-то было;
Помни, что въ природѣ сила есть благая:
Травка увядаетъ — выростетъ другая....
Охраняй, люби насъ, молодое племя,
Вспоминая тоже и былое время.

Не вздыхай-же, старецъ! Потерялъ ты много,
Но не все. Напрасно не гнѣви-же Бога,
Счастье не въ единой смерти и могилѣ:
Въ ней еще не всѣ мы на землѣ почили.
Ты о насъ припомни — мы тобой забыты —
И среди живущихъ мертвыхъ поищи ты.

ГУСЛЯРЪ.

Кто путей вѣрныхъ въ жизни искалъ
И стремился къ добру, а не къ худу,
Хоть въ скитаньяхъ житейскихъ встрѣчалъ
Только волчцы да терніи всюду
И потомъ, послѣ долгой борьбы
Многолѣтнихъ заботъ и тревоги,
Покоряясь капризамъ судьбы,
Наконецъ сбился съ вѣрной дороги;
Кто на солнце лишь только смотрѣлъ,
Мыслью вмѣстѣ съ орлами носился
И потомъ, свой оплакавъ удѣлъ,
Въ безразсвѣтную тьму погрузился;
Кто напрасно хотѣлъ воскресить
Все, что скрылось въ прошедшемъ далекомъ,
Кто грядущаго тайны открыть
Порывался, быть думалъ пророкомъ;
Кто не во время и не вполнѣ
Сознавать сталъ свои заблужденья
И, закрывши глаза, въ сладкомъ снѣ
Упивался часами забвенья;
Кто мечталъ цѣлый вѣкъ, жизнь губя,
Для себя создавая мученья
И напрасно искалъ вкругъ себя
Грезъ безумныхъ своихъ воплощенья,

Кто душею въ прошедшемъ витаетъ
И о будущемъ темномъ мечтаетъ—

Тотъ отъ свѣта въ могилу сходи,
Тотъ отъ мудрыхъ къ гусляру иди.
Мракъ таинственный насъ окружаетъ,
Пѣсня вѣры намъ путь освѣщаетъ;
Тотъ, кого втайнѣ горе гнететъ
Поспѣшитъ пусть за нами впередъ.

ХОРЪ ЮНОШЕЙ.

На полпути гусляръ велитъ
Намъ всѣмъ остановиться;
Тамъ на горѣ село стоитъ,
Погостъ въ лѣсу таится.

Межъ колыбелью и доской
Отъ гроба — всѣ мы, Боже!
Между весельемъ и тоской
Есть середина тоже.

Въ деревню не вернемся мы,
О хатѣ позабудемъ,
И здѣсь среди полночной тьмы
Справлять поминки будемъ.

Проѣзжему пошлемъ привѣтъ,
Два добрыхъ слова скажемъ,
Дадимъ прохожему совѣтъ
И путь ему укажемъ.

Дѣтей и старцевъ не видать
Подъ тьмой ночною крова,
Но солнце явится опять:
Мы ихъ увидимъ снова.

Пока ребенокъ до сѣдинъ
Дойдетъ, а дѣдъ до гроба,
День красный въ жизни не одинъ
Они увидятъ оба.

Но кто изъ насъ бѣжалъ труда
И, праздность полюбившій,
Единымъ сердцемъ жилъ всегда,
Тотъ человѣкъ погибшій.

Кто прячется, какъ звѣрь, отъ всѣхъ,
Какъ филинъ, свѣтъ забывшій,
Кто мраченъ какъ упырь, какъ грѣхъ
Тотъ человѣкъ погибшій.

Кто смолоду печаль таилъ,
Тотъ ввѣкъ не улыбнется.
Кто заблудился межъ могилъ —
Оттуда не вернется.

Всѣ дѣти и отцы идти
Должны: ихъ ждутъ въ костелѣ,
А мы, друзья, на полпути
Ночуемъ въ чистомъ полѣ.

ГУСТАВЪ *(поетъ).*

По холмамъ и по полянамъ,
По тропинкамъ горъ, лѣсовъ,
Въ рогъ трубя: впередъ пора намъ!
Посреди ретивыхъ псовъ,

На конѣ, что обгоняетъ
Даже сокола полетъ,
И съ ружьемъ, что заглушаетъ
Громъ, когда пальба идетъ,

Чтобъ охотой насладиться,
Развеселый, какъ дитя,
Удалой охотникъ мчится,
Съ рѣзкимъ гиканьемъ свистя.

Нивъ зеленыхъ повелитель,
Несдержимый, какъ потокъ,
Царь лѣсовъ, звѣрей властитель, —
Нашъ привѣтъ тебѣ, стрѣлокъ!

Вверхъ-ли цѣлиться онъ станетъ,
Иль, склонясь, курокъ взведетъ,
Птица, падая, не вспрянетъ
И потокомъ кровь течетъ

Кто загнать кабана можетъ
Въ пустышь, всякій страхъ забывъ?
Мишку на смерть кто уложитъ,
Косолапаго сразивъ?

Кто пернатыхъ гонитъ ловко
Въ лѣсъ до самаго гнѣзда?
Чья завѣтная винтовка
Бьетъ безъ промаха всегда?

Нивъ зеленыхъ повелитель,
Несдержимый, какъ потокъ,
Царь лѣсовъ, звѣрей властитель —
Нашъ привѣтъ тебѣ, стрѣлокъ!

Дальше, дальше, маршъ въ галопъ,
По слѣдамъ, слѣдамъ горячимъ
Дальше, дальше, гопъ-гопъ-гопъ!
За тобой и мы поскачемъ.

Есть пѣсенка! Меня охотники простятъ,
Когда безъ дичи я домой вернусь назадъ:
Я пѣсню имъ спою, она для нихъ новинка.

Куда-же я зашелъ? Гдѣ вѣрная тропинка?
Эй!... Что за глушь.... Въ лѣсу охоты не слыхать
Я заблудился.... Нѣтъ, невыгодно мечтать
За музою своей гоняясь. .. О, какъ стало
Морозить! Разведу костеръ скорѣй и мало-
По-малу дымъ его поднявшись, приведетъ
Кого-нибудь сюда и я могу впередъ
Отправиться.

Такъ гдѣ-жь, поэтъ, дорога?
Такихъ охотниковъ, какъ ты, у насъ немного.
Они не захотятъ глазѣть на облака,
Пейзажъ не привлечетъ охотника-стрѣлка.

У нихъ одна есть цѣль, единое стремленье,—
Добычу находить... Безъ всякаго сомнѣнья,
Усталые, вполнѣ довольные собой,
Они теперь сидятъ веселою гурьбой,
За трапезой свою охоту вспоминаютъ,
Удачей хвалятся, другъ-друга укоряютъ
За промахи, шумятъ,— конца веселью нѣтъ.
И лишь одинъ отецъ молчитъ, иль старый дѣдъ.
А если надоѣстъ подобная бесѣда,
Найдется подъ рукой сосѣдка у сосѣда:
Пойдетъ обмѣнъ рѣчей любовныхъ глазъ-на-глазъ,
И млѣютъ дѣвушки... Такъ пробѣгаетъ часъ,
Недѣля и года. Все, что вчера случилось,
То нынче вечеромъ навѣрно повторилось.
Счастливые!...

А я... зачѣмъ я не таковъ?
Къ чему сегодня я попалъ въ толпу стрѣлковъ?
Забавъ я не ищу, но отъ тоски скрываюсь,
Я трудъ люблю, а самъ среди псарей скитаюсь,
Мѣняя, какъ они, съ охотою мѣста.
Я знаю, что не тѣмъ толпа ихъ занята,
Чтобъ наблюдать за мной, ловить мои мечтанья
И слезы подмѣчать и скрытыя страданья
И вдохновенія бездѣльныя... Куда
Летѣть они хотятъ? Не знаю.

Иногда
Мнѣ кажется теперь, что кто-то, какъ видѣнье,
Паритъ вокругъ меня со вздохомъ сожалѣнья.

Не разъ мнѣ чудилось, что по травѣ весной
Скользила чья-то тѣнь. Взгляну — передо мной
Колеблятся цвѣты, поднявъ головки, словно
Ихъ тронули слегка... Не разъ, когда безмолвно
Кругомъ царила ночь, изъ рукъ своихъ ронялъ
Я книгу: въ зеркалѣ передо мной мелькалъ,
Одеждами шурша, какой-то призракъ милый.—
Задумаюсь порой, печальный и унылый,
Вздохну, и близъ меня какъ будто кто вздохнетъ,
И тѣнь незримая ко мнѣ съ любовью льнетъ.
А люди говорятъ, что я безчувственъ... Боже!
Кто-жь научилъ меня бояться чувства, кто-же,
Какъ не они?

Въ тѣ дни, когда мои мечты
Рождали образы небесной красоты,
Когда подъ внѣшностью блестящей я старался
Найти свой идеалъ, безумно увлекался,
Къ созданью милому съ тревогой подходилъ,
То съ первыхъ словъ не разъ разочарованъ былъ.
Считая ангеломъ красавицу иную
Въ ней только находилъ статую ледяную.
О, сколько разъ, когда всѣ тайники души
Хотѣлось мнѣ раскрыть довѣрчиво въ тиши,
Когда въ другихъ глазахъ всѣ ищемъ мы привѣта,
И голосъ сердца ждетъ сердечнаго отвѣта,
А божество мое не поднимаетъ глазъ,
Не слушаетъ меня, какъ будто устыдясь,
Иль только вторитъ мнѣ, какъ эхо, иль краснѣетъ,
Иль улыбается и только лишь умѣетъ
Вести одинъ пустой, обычный разговоръ.
И что-же ждетъ ее? Блистательный позоръ:

Ее купивъ, богачъ супружеское ложе
Раздѣлитъ скоро съ ней и, наконецъ, во что-же,
Въ невинности своей, невѣдѣнья полна,
Преобразится вдругъ въ чужой средѣ она?

О люди, жалкіе бездушіемъ скелета!
Ихъ нравственность въ однихъ пустыхъ приличьяхъ
свѣта,
Ихъ радость и печаль и цѣлый рядъ заботъ
Сосредоточились давно въ законахъ модъ.
Какъ леденцы, ихъ лесть, блескъ вѣжливаго тона
Завернуты въ стишки блестящаго салона,
И лепетъ ихъ пустой, къ которому я глухъ,
Какъ мухи перелетъ, щекочетъ только слухъ.

Я, кажется, уснулъ... Неясное видѣнье,
Безъ очертанья формъ, сверкнуло впереди,
Но чудныхъ глазъ его я вижу выраженье...
О, гостья милая, приди ко мнѣ, приди!

Блесни земною красотою,
На время въ тѣло облекись,
Прикройся тучкой золотою
Иль въ хрусталѣ ручья явись.

Пусть блескомъ твоего покрова
Согрѣюсь я, самъ просвѣтленъ,
И звукомъ неземнаго слова
Пусть слухъ мой будетъ упоенъ.

Гори, какъ въ небѣ солнце мая,
И жги меня до слѣпоты.

О, пой, сирена, и, внимая
Тебѣ, я погружусь въ мечты....

Но гдѣ тебя искать? Ты не даешь отвѣта....
Ахъ, будь со мною ты, отрекся-бъ я отъ свѣта.

ЧЕРНЫЙ ОХОТНИКЪ *(поетъ)*.

Беззаботно, пташка, въ небѣ ты летаешь,
Силу своихъ крыльевъ, пташка, ты не знаешь.
Посмотри на землю: тамъ — пойми меня —
Что ни шагъ — приманка или западня.

ГУСТАВЪ.

Эй! слышно пѣніе... Ау! Теперь кого-же
Мнѣ шлетъ судьба? Ты кто такой?

ОХОТНИКЪ.

Охотникъ тоже
И я, какъ ты, повѣрь, мой милый, издавна.
Межъ мною и тобой лишь разница одна:
Ты днемъ охотишься, ночь для меня — находка.
Звѣрь нуженъ для тебя, а мнѣ нужна красотка.

ГУСТАВЪ.

Охотятся не здѣсь за ними, а въ избѣ,
Но не хочу мѣшать... Счастливый путь тебѣ!...

ОХОТНИКЪ.

Эге, да ты спѣсивъ, товарищъ, оказался...
Ты развѣ грубіанъ, иль просто испугался?
Самъ звалъ меня и вдругъ — готовъ бѣжать въ
кусты.

ГУСТАВЪ.

Я звалъ тебя?... Когда?

ОХОТНИКЪ.

Да, слышалъ я, какъ ты
Кого-то звалъ — зачѣмъ? — Мнѣ это непонятно,
Но жалобы твои я слышалъ очень внятно.
Охотникъ я, какъ ты; какъ ты, я молодъ былъ,
И юношескихъ дней до нынѣ не забылъ.
Какія у тебя, признайся, есть заботы?
Иль звѣря прозѣвалъ, отбился отъ охоты?
Я самъ люблю бродить; звѣрей на четырехъ,
На двухъ ногахъ встрѣчалъ. Иль какъ стрѣлокъ,
ты плохъ?
Иль ты въ лѣсу не могъ добычи доискаться?
Съ пустою сумкою нельзя-же возвращаться,
И стыдно молодцу не разрядить ружья
Съ успѣхомъ... Что-жь, помочь готовъ собрату я.

ГУСТАВЪ.

Спасибо, но скажу безъ всякаго укора:
Я дружбы не свожу въ глухую ночь такъ скоро
И темныхъ словъ твоихъ я не могу понять.

ОХОТНИКЪ.

Коль непонятливъ ты, могу яснѣй сказать
И откровененъ я съ тобой, молодчикъ, буду:
Куда-бъ ты ни пошелъ, вслѣдъ за тобой повсюду —
Запомни-жь это ты — незримый духъ слѣдитъ,

И посѣтитъ тебя, земной принявши видъ,
Лишь только ты свое исполни обѣщанье....

ГУСТАВЪ.

Не подходи ко мнѣ, ужасное созданье!...

. . . .
. . . .

ПОМИНКИ

(DZIADY)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПЕРЕВОДЪ

В. БЕНЕДИКТОВА.

Заклинатель духовъ. — Старецъ (первый въ хорѣ). — Хоръ поселянъ и поселянокъ. — Часовня. — Вечеръ.

There are more things in Heaven and Earth
Than are dreamt of in your Philosophy.

SHAKESPEARE.

ХОРЪ.

Мрачно всюду, глухо всюду,
Что-то будетъ? Что-то будетъ?

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Дверь часовни на замокъ!
Становитесь всѣ въ кружокъ
На могильномъ страшномъ мѣстѣ!
Да не броситъ здѣсь луча
Ни лампада, ни свѣча!
Въ окнахъ саваны развѣсьте!
Пусть и блѣдный свѣтъ луны
Не проникнетъ въ щель стѣны!
Будь законъ — мое вамъ слово!

СТАРЕЦЪ.

Ты сказалъ — и все готово.

ХОРЪ.

Мрачно всюду, глухо всюду,
Что-то будетъ? Что-то будетъ?

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Изъ подземныхъ вашихъ норъ
На призывъ нашъ, коль не глухи,
Выходите на просторъ
Вы, чистилищные духи!
Гдѣ-бъ кто ни былъ — кто во мглѣ,
Кто въ клокочущей смолѣ,
Въ тинѣ-ль хладной дна рѣчнаго,
Въ щелкѣ-ль дерева сухаго,
Гдѣ иной въ печи трещитъ,
Въ лютомъ пламени пищитъ!
Память дѣдовъ мы справляемъ
И на пиръ васъ приглашаемъ
Въ поминальный этотъ часъ.
Здѣсь — молитвы, и въ избыткѣ
Мы и явства и напитки
Приготовили для васъ.

ХОРЪ.

Мрачно всюду, глухо всюду.
Что-то будетъ? Что-то будетъ?

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Принесите льну мнѣ клокъ:
Я зажгу его... Зажегъ!

Пламя пышетъ. Не зѣвайте!
Дуйте въ пламя! Поддувайте!
Такъ! Еще! Пусть догоритъ
И на воздухъ все взлетитъ!

ХОРЪ.

Мрачно всюду, глухо всюду.
Что-то будетъ? Что-то будетъ?

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Къ вамъ начальный вызовъ мой,
Духи воздуха, эѳира —
Къ вамъ, что въ горнихъ сферахъ міра
Надъ убогою землей
Вьетесь легкою семьей!
Къ вамъ, что въ жизни чуть блеснули —
И во мракѣ утонули,
И въ небесный свѣтъ стремясь,
Все объяты тѣмъ-же мракомъ!
Симъ огнемъ — симъ свѣтлымъ знакомъ
Призываемъ нынѣ васъ.

ХОРЪ.

Что вамъ надо? — объявите!
Голодъ, жажду утолите!

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Вверхъ смотри теперь, народъ!
Вверхъ — туда — подъ самый сводъ!
Тамъ два ангела надъ вами
Вѣютъ свѣтлыми крылами; —
Какъ на вѣтрѣ два листка,

Зыблясь, вьются крошки-дѣтки,
Въ дружной парѣ, какъ на вѣткѣ
Два игривыхъ голубка.

ЗАКЛИНАТЕЛЬ и СТАРЕЦЪ.

Какъ на вѣтрѣ два листка,
Зыблясь, вьются крошки-дѣтки,
Въ дружной парѣ, какъ на вѣткѣ
Два игривыхъ голубка!

АНГЕЛЪ *(къ одной изъ поселянокъ)*.

Къ мамѣ мы летимъ. Я — Коля.
Вотъ моя сестричка — Леля.
Мама! Ты не узнаешь?
Я — твой Коля, я – тотъ самый!...
Здѣсь намъ лучше, чѣмъ у мамы:
Рай такъ свѣтелъ, такъ хорошъ!
Видишь: все у насъ обновки!
Въ звѣздныхъ вѣнчикахъ — головки; —
Мы одѣты — посмотри —
Въ пурпуръ утренней зари!
Видишь – крылышки какія,
Золотистыя, цвѣтныя
Мы успѣли пріобрѣсть!
Каждый день любуясь раемъ,
Тамъ мы рѣзвимся, играемъ —
Что ни вздумай — все тамъ есть.
Ступишь — травка изъ-подъ ножки
Выплываетъ вдоль дорожки;
Тронешь что — изъ-подъ руки
Все идутъ цвѣтки, цвѣтки.
Но и тамъ, средь игръ и шутокъ,

Все тоска намъ давитъ грудь.
Для твоихъ дѣтей-малютокъ,
Мама, труденъ къ небу путь.

ХОРЪ.

Но и тамъ, средь игрь и шутокъ,
Все тоска имъ давитъ грудь.
Для твоихъ дѣтей-малютокъ,
Мама, труденъ къ небу путь.

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Объяви-жь свою потребу:
Что тебѣ въ стремленьѣ къ небу
Нужно, дѣтская душа?
Разскажи намъ! Мы, спѣша
Облегчить тебѣ дорогу,
Обратимся съ гимномъ къ Богу.
Здѣсь запасъ у насъ готовъ
Молока, сластей, плодовъ.
Объяви свою потребу:
Жертвъ какихъ, молитвъ, даровъ
Ждешь отъ насъ въ стремленьѣ къ небу?

АНГЕЛЪ.

Ничего не надо намъ —
Ничего; — а только тамъ
Оттого теперь намъ грустно,
Что средь вашей дольной тьмы,
Что ни пробовали мы —
Было сладко, было вкусно;
Нѣжа, лакомили насъ
И ласкали каждый часъ;

Я все пѣлъ, рѣзвился въ полѣ,
Пробѣгалъ съ цвѣтами къ Лелѣ,
А она, бывало, въ нихъ
Рядитъ куколокъ своихъ.
Въ жизни горькаго не вѣдавъ,
На священный праздникъ дѣдовъ,
Здѣсь являемся мы въ часъ
Поминальнаго обряда
Не молитвъ просить у васъ —
Намъ сластей земныхъ не надо —
Не плодовъ, не молока,
А пожертвуйте пока
Для меня да для сестрицы
Два лишь зернышка горчицы:
Эта малость мнѣ и ей
Всѣхъ молитвъ и жертвъ нужнѣй.
Такъ въ законѣ своемъ Царь небесъ указалъ:
Пусть-же каждый изъ васъ и пойметъ и разсудитъ!
Въ этой жизни кто горькаго вовсе не зналъ —
Отживетъ: ему на небѣ сладко не будетъ.

ХОРЪ.

Такъ въ законѣ своемъ Царь небесъ указалъ:
Пусть-же каждый изъ насъ и пойметъ и разсудитъ!
Въ этой жизни кто горькаго вовсе не зналъ —
Отживетъ: ему на небѣ сладко не будетъ.

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Ваша просьба не о многомъ,
Ангельчикъ съ сестрицей! Ну —
Вотъ — возьмите по зерну,
И теперь идите съ Богомъ!

Кто-жь по просьбѣ не уйдетъ,
Будетъ заклятъ нами тотъ!
Имя Троицы святое
Призовемъ мы. Вотъ и крестъ!
Кто ни пьетъ у насъ, ни ѣстъ —
Пусть оставитъ насъ въ покоѣ
И идетъ куда-нибудь!
Въ путь! Въ путь!

ХОРЪ.

Кто-жь по просьбѣ не уйдетъ,
Будетъ заклятъ нами тотъ!
Имя Троицы святое
Призовемъ мы. Вотъ и крестъ!
Кто у насъ ни пьетъ, ни ѣстъ,
Пусть оставитъ насъ въ покоѣ
И идетъ куда-нибудь!
Въ путь! Въ путь!

(Видѣніе исчезаетъ).

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Полночь, полночь наступаетъ;
Душу страхъ одолѣваетъ,
Страшно, люди! Дверь на крюкъ!
Да смолистыхъ прутьевъ пукъ
Всякъ зажги, а посередкѣ
Котелокъ поставьте водки,
Да и станьте всѣ вокругъ!
Я — поодаль. Знака ждите:
Лишь махну я вамъ — зажгите
Эту жидкость разомъ, вдругъ!
Будь законъ — мое вамъ слово!

СТАРЕЦЪ.

Ты сказалъ — и все готово.

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Ну, смотрите-жь: вотъ вамъ знакъ!

СТАРЕЦЪ.

Пламя вспыхнувъ закрутилось,
Поднялось и прекратилось, –
И опять повсюду мракъ.

ХОРЪ.

Мрачно всюду, глухо всюду.
Что-то будетъ? Что-то будетъ?

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Къ вамъ теперь взываемъ мы —
Къ вамъ, что въ сферѣ грѣшной тьмы
Крѣпко такъ срослись съ землею,
Что и смертью не могли
Оторваться отъ земли!
Къ вамъ, чью душу грузъ тѣлесный
Въ самомъ тлѣніи гнететъ,
Хоть давно ужь въ край небесный
Ангелъ Божій васъ зоветъ!
Появитесь, жертвы ада,
И скажите: что вамъ надо
Отъ людей? — Мы васъ зовемъ,
Вамъ готова помощь наша.
Вѣдь огонь — стихія ваша:
Заклинаемъ васъ — огнемъ.

ХОРЪ.

Что вамъ надо? Объявите!
Голодъ, жажду утолите!

ГОЛОСЪ *(изъ окна).*

Укроти свой жадный клевъ,
Стая коршуновъ и совъ!
Злыя птицы! Не терзайте!
Подступить къ часовнѣ дайте!

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Посмотрите! Страшный видъ!
Подъ окномъ упырь стоитъ:
Видъ такой костякъ имѣетъ,
Что безъ гроба въ полѣ тлѣетъ
Молній пламя онъ и дымъ
Извергаетъ ртомъ своимъ,
И зрачки скитальца рдѣютъ
Посреди полночной мглы,
Словно угли, что краснѣютъ
Изъ-подъ пепла и золы,—
И гора волосъ такого
Блеска надъ челомъ полна:
Груда хвороста сухого,
Мнится, вдругъ подожжена,—
И чело подъ этимъ блескомъ
Такъ и сыплетъ искры съ трескомъ!

ЗАКЛИНАТЕЛЬ и СТАРЕЦЪ.

И гора волосъ такого
Блеска надъ челомъ полна:
Груда хворосту сухого,

Мнится, вдругъ подожжена,—
И чело надъ этимъ блескомъ
Такъ и сыплетъ искры съ трескомъ!

ВИДѢНІЕ *(изъ-за окна).*

Это — я. Иль міръ забылъ
Обо мнѣ? Узнайте, дѣти!
Я недавно въ этомъ свѣтѣ
Господиномъ вашимъ былъ.
Было тутъ мое владѣнье,
И теперь лишь третій годъ,
Какъ мое здѣсь погребенье
Справилъ добрый мой народъ.
Страшны казнь моя и муки:
Злому духу отданъ въ руки,—
Отъ дневнаго свѣта прочь,
Въ холодъ, въ бурю, въ непогоду,
Я иду туда, гдѣ ночь,
И конца, конца нѣтъ ходу!
Голодъ, жажду я терплю,—
Дайте что-нибудь, молю.
Хоть крупицу удѣлите!
Я истерзанъ, посмотрите,
Лютой стаей хищныхъ птицъ.
Кто простретъ мнѣ въ помощь руку?
Выношу я злую муку:
Нѣтъ конца ей, нѣтъ границъ.

ХОРЪ.

Онъ истерзанъ стаей птицъ:
Кто простретъ на помощь руку?
Онъ выноситъ злую муку:
Нѣтъ конца ей, нѣтъ границъ.

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Что-жь тебѣ для облегченья
Столь ужаснаго мученья
Нужно, бѣдная душа?
Мы, помочь тебѣ спѣша,
Умолять готовы небо;
Въ поминальный этотъ часъ
Вдоволь ты найдешь у насъ
Меду, овощей и хлѣба,
Молока, сластей, плодовъ.
Жертвъ какихъ, какихъ даровъ
Ждетъ душа для входа въ небо?

ВИДѢНІЕ.

Въ небо? Шутка! Никогда
И не мыслю я туда.
Поскорѣй бы лишь успѣла
Вырваться душа изъ тѣла!
Все готовъ-бы я сносить....
Ахъ, душа была-бы рада
Утонуть хоть въ безднѣ ада,
Только-бъ вѣчно не бродить
Здѣсь въ толпѣ душонокъ грязныхъ
И слѣдовъ не находить
Бывшихъ оргій безобразныхъ!
Страшно то, что я терплю:
Дни и ночи, часъ я каждый,
Мучась голодомъ и жаждой,
Хищныхъ птицъ собой кормлю; —
И влачить свой духъ дотолѣ
Долженъ я въ плотской неволѣ,

Не придетъ покуда часъ,
Что хоть кѣмъ-нибудь изъ васъ,
Подъ моею бывшихъ властью,
Подкрѣпленъ здѣсь буду я
Удѣленною мнѣ частью
Вашей пищи и питья.
Жажда жжетъ меня: водицы
Хоть-бы капля лишь одна!
Какъ я голоденъ! Пшеницы
Хоть-бы только два зерна!

ХОРЪ.

Жажда жжетъ его: водицы
Хоть-бы капля лишь одна!
Какъ онъ голоденъ! Пшеницы
Хоть-бы только два зерна!

ХОРЪ НОЧНЫХЪ ПТИЦЪ.

Тщетно просишь, панъ суровый!
Тщетно стонешь! Птицы тьмы —
Враны, коршуны и совы —
Весь твой кормъ склюемъ здѣсь мы.
Здѣсь, нашъ панъ, владѣлъ ты нами;
Были мы тебѣ слугами;
Намъ ты много зла творилъ,
Насъ ты голодомъ морилъ.
Враны, коршуны и совы —
Все теперь мы съѣсть готовы!
На тебя, вналетъ, внаскокъ,
Клевъ и когти мы разинемъ,
Мы твой кормъ изъ глотки вынемъ,
Вырвемъ изо рту кусокъ!

Вспомни: самъ ты былъ жестокъ.
Ты былъ золъ — и мы суровы,
Враны, коршуны и совы:
Все, что здѣсь тебѣ дадутъ —
Наши клевы расклюютъ;
Здѣсь ты жертва нашей злости:
Мы, отнявъ ѣду, питье,
Станемъ тѣло рвать твое,
Обнажимъ тебѣ всѣ кости!

ВОРОНЪ.

Что? Не любо голодать?
Не легко околѣвать
Въ мукахъ голода и жажды?
А припомни-ка: однажды
Здѣсь осеннею порой
Въ панскій садъ вошелъ я твой,
А предъ тѣмъ я — бѣдный, нищій —
Трое сутокъ былъ безъ пищи;
Вдругъ гляжу: передо мной
Въ изобильѣ груши спѣютъ,
Пышно яблочки алѣютъ;
Деревцо я покачнулъ,
Два-три яблочка стряхнулъ....
Не успѣлъ я сдѣлать шагу —
Сторожъ всталъ изъ-за кустовъ,
И давай травить бѣднягу,
Словно волка, стаей псовъ!
Какъ уйти? Смотрю: облава!
Набѣжалъ дворовый людъ,
Обступили слѣва, справа,
Повели на панскій судъ....

Судъ — за что? За плодъ древесный,
Что на пользу всѣхъ людей
Даровалъ Отецъ небесный
Въ дивной благости своей,
Какъ всему земному роду
Даровалъ огонь и воду.
На судѣ былъ гнѣвенъ панъ:
«Надо, чтобъ примѣръ былъ данъ!»
Закричалъ онъ на прислугу.
Я былъ взятъ, привязанъ къ плугу
И средь бѣшеныхъ угрозъ
Передъ всѣмъ селомъ, открыто,
На спинѣ моей избито
Десять связокъ гибкихъ лозъ.
Казнь кровавая свершалась,
Кость отъ шкуры отбивалась
Подъ ударами тогда.
Такъ бываетъ, панъ, отбито
Молотьбою иногда
Отъ сухихъ колосьевъ жито!
Такъ отъ лопнувшихъ стручковъ,
Долго зрѣвъ подъ ихъ корою,
Отстаетъ горохъ порою!
Вотъ ты, панъ нашъ, былъ каковъ!

ХОРЪ ПТИЦЪ.

Ты былъ золъ — и мы суровы,
Враны, коршуны и совы;
Все, что здѣсь тебѣ дадутъ,
Наши клевы расклюютъ;
Здѣсь ты — жертва нашей злости:
Мы, отнявъ ѣду, питье,

Станемъ тѣло рвать твое,
Обнажимъ тебѣ всѣ кости!

СОВА.

Что? не любо голодать?
Не легко околѣвать
Въ мукахъ голода и жажды?
А припомни-ка: однажды
У твоихъ я, панъ, воротъ
Съ малымъ дѣтищемъ стояла,
На морозѣ я рыдала:
«Сжалься! Призри насъ — сиротъ!
Я — вдова; брожу едва я;
Въ хатѣ мать лежитъ больная;
Взялъ во дворъ мою ты дочь;
Мерзну я въ плохой избенкѣ,
При грудномъ еще ребенкѣ:
Помоги! Мнѣ жить — не въ мочь »
Ты-жь, бездушный панъ, съ гостями
Пировалъ во весь разгулъ
И, упитанный сластями,
Гайдуку тогда шепнулъ:
«Кто тамъ стонетъ? Намъ не любы
Эти стоны. Дай ей въ зубы!» —
И послушная рука
Негодяя-гайдука
Вдругъ мнѣ въ волосы вцѣпилась,
И подъ злымъ его толчкомъ
Я, несчастная, ничкомъ
Въ снѣгъ съ ребенкомъ повалилась.
Не могла потомъ найти
Уголка я для ночлега,

И съ малюткой въ глыбахъ снѣга
Мы замерзли на пути.
Не хотѣлъ ты насъ спасти!

ХОРЪ ПТИЦЪ.

Ты былъ золъ — и мы суровы,
Враны, коршуны и совы;
Все, что здѣсь тебѣ дадутъ,
Наши клевы расклюютъ.
Здѣсь ты — жертва нашей злости;
Мы, отнявъ ѣду, питье,
Станемъ тѣло рвать твое,
Обнажимъ тебѣ всѣ кости!

ВИДѢНІЕ.

Нѣтъ мнѣ льготы. Что дадутъ —
Стая птицъ все уничтожитъ.
Мнѣ — таковъ верховный судъ —
Праздникъ дѣдовъ не поможетъ.
Такъ въ законѣ своемъ Царь небесъ указалъ:
Пусть то каждый замѣтитъ и ввѣкъ не забудетъ!
Человѣкомъ ни разу кто самъ не бывалъ,
Для того человѣкъ ужь полезенъ не будетъ.

ХОРЪ.

Такъ въ законѣ своемъ Царь небесъ указалъ:
Пусть то каждый замѣтитъ и ввѣкъ не забудетъ!
Человѣкомъ ни разу кто самъ не бывалъ,
Для того человѣкъ ужь полезенъ не будетъ.

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Праздникъ нашъ тебѣ не въ благо, —
Такъ ступай себѣ, бѣдняга!

Кто-жь по просьбѣ не уйдетъ,
Будетъ заклятъ нами тотъ;
Имя Троицы святое
Призовемъ мы. Вотъ и крестъ!
Кто у насъ ни пьетъ, ни ѣстъ —
Пусть оставитъ насъ въ покоѣ!
Прочь! Иди куда-нибудь!
Въ путь! Въ путь!

ХОРЪ.

Кто-жь по просьбѣ не уйдетъ —
Будетъ заклятъ нами тотъ;
Имя Троицы святое
Призовемъ мы. Вотъ и крестъ!
Кто у насъ ни пьетъ, ни ѣстъ —
Пусть оставитъ насъ въ покоѣ!
Прочь! Иди куда-нибудь!
Въ путь! Въ путь!

(Видѣніе исчезаетъ).

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Изъ священныхъ травъ вѣнокъ
Вы теперь мнѣ, други, бросьте,
Подхватить его чтобъ могъ
Я концомъ вотъ этой трости
И зажечь огнемъ святымъ.
Взвѣйся, пламя! Взвѣйся, дымъ!

ХОРЪ.

Мрачно всюду, глухо всюду.
Что-то будетъ? Что-то будетъ?

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Къ вамъ, о духи, вызовъ мой,
Что межъ нами хоть родились,
Но и въ жизни сей носились
Между небомъ и землей.
Нѣтъ на васъ, о духи, пятенъ;
Нѣтъ на васъ людскихъ примѣтъ;
Чуждъ вамъ былъ нашъ дольній свѣтъ,
Зовъ житейскій былъ невнятенъ.
Не оставили слѣда
Вы средь насъ своимъ явленьемъ,
Тѣмъ подобные растеньямъ,
Отъ которыхъ никогда
Нѣтъ ни цвѣта, ни плода, —
Тѣмъ растеньямъ, что являютъ
Ароматъ и красоту,
Но людей не утѣшаютъ,
И пировъ не украшаютъ,
И на кормъ нейдутъ скоту,
А въ вѣнокъ идутъ, чтобъ въ храмѣ,
При служебномъ ѳиміамѣ,
Тотъ вѣнокъ висѣлъ потомъ
Надъ священнымъ алтаремъ, —
И во храмѣ одиноко
Такъ подъемлется высоко
Этотъ праздничный уборъ,
Какъ вздымались здѣсь, о дѣвы,
О младыя дщери Евы,
Ваша грудь и свѣтлый взоръ.
Тѣхъ, кому изъ васъ, о дщери,
Не отверзты неба двери,

Этимъ дымомъ и огнемъ
Мы на пиръ къ себѣ зовемъ.

ХОРЪ.

Что вамъ надо? Объявите!
Голодъ, жажду утолите!

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Посмотрите: чудный видъ!
Ликъ съ небеснымъ ликомъ схожій!
Дѣва, точно ангелъ Божій,
И несется и блеститъ,
Всю часовню освѣтила:
Мнится, радуга спустила
Свой изгибъ по облакамъ
Къ чистымъ озера водамъ.
Въ бѣломъ вся краса-дѣвица;
Вѣтромъ взвѣянъ шелкъ кудрей;
Устъ улыбка, что денница, —
Но — слеза въ очахъ у ней.

ЗАКЛИНАТЕЛЬ И СТАРЕЦЪ.

Въ бѣломъ вся — краса-дѣвица;
Вѣтромъ взвѣянъ шелкъ кудрей;
Устъ улыбка, что денница, —
Но — слеза въ очахъ у ней.

ЗАКЛИНАТЕЛЬ И ДѢВА.

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Въ ручкѣ дѣвы хлыстикъ — тонокъ,
На головкѣ алъ-вѣнокъ;

Впереди бѣжитъ ягненокъ,
Сверху вьется мотылекъ; —
И спѣшитъ она вдогонку
Непослушному ягненку,
И зоветъ, — а онъ далекъ;
Машетъ хлыстикомъ, хлопочетъ,
Мотылька схватить все хочетъ:
Не дается мотылекъ

ДѢВА.

У меня и хлыстикъ тонокъ,
У меня и алъ-вѣнокъ;
Впереди бѣжитъ ягненокъ,
Сверху вьется мотылекъ; —
Я спѣшу, спѣшу вдогонку
Непослушному ягненку,
Я зову: онъ все далекъ; —
Гибкимъ хлыстикомъ машу я,
Мотылька поймать хочу я:
Не дается мотылекъ.

ДѢВА *(поетъ)*.

Всѣхъ милѣй собой на взглядъ —
Катя розою алѣла,
На лугахъ пасла ягнятъ,
И скакала все и пѣла,
Веселясь и веселя
Всѣхъ собою......ля-ля-ля!

Катѣ пару голубей
Ѳедоръ — Катинъ обожатель —
Подарилъ, прося у ней

Поцѣлуя лишь, да кстати-ль?
Посмѣялась, удаля —
Эту просьбу......*ля-ля-ля*!

Ленты ей дарилъ Ипатъ,
Сердце отдалъ ей Филатъ:
Объ Ипатѣ и Филатѣ
Не хотѣлось думать Катѣ;
Погнала ягнятъ въ поля
И запѣла — *ля-ля-ля*!

(говоритъ)

Всѣхъ, бывало, я отрину.
Узнаете-ль Катерину?
Такъ, средь этого села
Поселянкой я была,
Молода красой блестѣла,
А замужства не хотѣла.
Мнѣ пошелъ двадцатый годъ,
Не принявъ ни въ комъ участья,
Я не вѣдала заботъ,
Я не вѣдала и счастья;
Вѣчно мысль моя была
Гдѣ-то въ воздухѣ, въ эѳирѣ;
Не для міра я, хоть въ мірѣ,
Окрыленная жила.
Не скрѣпляясь жизнью съ міромъ,
Я гонялась за зефиромъ,
Любовалась я цвѣткомъ,
Украшалась я вѣнкомъ,
Мотылькомъ я легкокрылымъ
Увлекалась иногда:
Никого лишь другомъ милымъ

Не звала я никогда.
Пѣсни, пѣсни слушать рада,
Я свое гоняла стадо
Чаще въ сторону лишь ту,
Гдѣ хвалой меня встрѣчали.
Пастухи гдѣ величали
Юной Кати красоту;
Но тогда, какъ это было,
Никого я не любила.
Смерть пришла, мой путь земной
Конченъ: что-жь теперь со мной —
И сама не понимаю,
Отъ какого жару таю
И какимъ огнемъ горю,
Нѣту горя, нѣту боли;
Сь вѣтеркомъ кружусь я въ полѣ,
Чудеса себѣ творю:
Тку изъ радуги покровы,
Шью изъ нихъ себѣ обновы,
Я росу беру съ листковъ
И изъ этихъ слезъ небесныхъ
Создаю себѣ прелестныхъ
Мотыльковъ и голубковъ, —
Но томлюсь какой-то жаждой,
Жду кого-то; шелестъ каждый
Душу мнѣ мутитъ до дна:
Погляжу — одна! одна!
Вѣтерокъ меня уноситъ,
Словно пухъ — и я лечу;
Я къ чему-нибудь хочу
Прикоснуться: онъ отброситъ
Вправо, влѣво, кверху, вкось,

Чтобъ ничто мнѣ не далось.
Суждено мнѣ такъ томиться,
Отъ всего, отъ всѣхъ вдали;
Не могу ни къ небу взвиться,
Ни коснуться до земли.

ХОРЪ.

Суждено ей такъ томиться
Отъ всего, отъ всѣхъ вдали;
Ей нельзя ни къ небу взвиться,
Ни коснуться до земли.

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Объяви-жь свою потребу:
Что тебѣ въ стремленьѣ къ небу
Нужно, женская душа?
Разскажи намъ! Мы, спѣша
Облегчить тебѣ дорогу,
Обратимся съ гимномъ къ Богу;
Здѣсь запасъ у насъ готовъ
Молока, сластей, плодовъ.
Объяви свою потребу:
Жертвъ какихъ, какихъ даровъ
Ждешь отъ насъ въ стремленьѣ къ небу?

ДѢВА.

Одного прошу лишь я:
Слухъ къ мольбѣ моей склоня,
На меня пусть парни взглянутъ,
Схватятъ за руки меня
И къ землѣ, къ себѣ притянутъ,
Да хоть нѣсколько минутъ
Подышать съ собой дадутъ!

Такъ Всевышній въ законѣ своемъ указалъ:
Пусть-то каждый замѣтитъ, пойметъ и обсудитъ!
Кто ни разу при жизни земнымъ не бывалъ,
Тотъ по смерти небеснымъ не будетъ.

ХОРЪ.

Такъ Всевышній въ законѣ своемъ указалъ:
Пусть то каждый замѣтитъ, пойметъ и обсудитъ
Кто ни разу при жизни земнымъ не бывалъ,
Тотъ по смерти небеснымъ не будетъ.

ЗАКЛИНАТЕЛЬ (*къ нѣкоторымъ поселянамъ*).

Не бѣгите къ ней! Она —
Только призракъ, тѣнь, видѣнье.
Тщетно руки средь моленья
Тянетъ къ вамъ; тоски полна,
Тщетно васъ, бѣдняжка, проситъ:
Вѣтерокъ ее отброситъ.
Ты-жь, въ небесный міръ спѣша,
Потерпи, не плачь, душа!
Посреди земнаго быта
Мнѣ грядущее открыто:
Для тебя нашъ пиръ теперь
Не откроетъ Божью дверь;
До желаемаго входа
Проблуждаешь ты два года
Одиноко, и потомъ
Впустятъ дѣву въ Божій домъ:
Тамъ ты станешь за порогомъ, —
А теперь отправься съ Богомъ!
Кто-жь по просьбѣ не уйдетъ,
Будетъ заклятъ нами тотъ;

Имя Троицы святое
Призовемъ мы. Вотъ и крестъ!
Кто у насъ ни пьетъ, ни ѣстъ —
Пусть оставитъ насъ въ покоѣ!
Въ даль лети — куда-нибудь!
Въ путь! Въ путь!

ХОРЪ.

Кто-жь по просьбѣ не уйдетъ,
Будетъ заклятъ нами тотъ;
Имя Троицы святое
Призовемъ мы. Вотъ и крестъ!
Кто у насъ ни пьетъ, ни ѣстъ —
Пусть оставитъ насъ въ покоѣ!
Въ даль лети — куда-нибудь!
Въ путь! Въ путь!

(Видѣніе исчезаетъ).

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Всѣхъ теперь я вызываю.
Души всѣ! Явитесь вразъ!
Здѣсь я каждую изъ васъ
Мелкимъ кормомъ осыпаю:
Чечевицу я и макъ
По угламъ мечу горстями:
Тѣшьтесь пищей и сластями!
Будьте нашими гостями!
Скоро минетъ ночи мракъ.

ХОРЪ.

Что вамъ надо — все берите!
Голодъ, жажду утолите!

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Дверь часовни отмыкай!
Свѣчи, лампы зажигай!
Чу! Пѣтухъ запѣлъ. Обряда
Гробоваго минулъ часъ.
Жизнь теперь припомнить надо
Дѣдовъ, жившихъ здѣсь до насъ.
Но..... постойте на мгновенье!

ХОРЪ.

Что тамъ, что?

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Еще видѣнье —
Образъ бѣдственной души.
Кто зажегъ свѣчу — туши!

ХОРЪ.

Мрачно всюду, глухо всюду.
Что-то будетъ? Что-то будетъ?

ЗАКЛИНАТЕЛЬ *(къ одной изъ поселянокъ).*

Ты, пастушка!... Трауръ твой
Отчего? — Пусть люди взглянутъ!
Я — иль зрѣніемъ обманутъ,
Иль — на плитѣ гробовой
Ты сидишь тутъ: встань! Открыты
Двери гроба; изъ-подъ плиты
Здѣсь упырь къ тебѣ идетъ,
Ставъ съ могильнаго ночлега;
Ликъ, покровъ — бѣлѣе снѣга,

Что напалъ подъ новый годъ.
Посмотрите, люди: вотъ онъ!
Къ этой женщинѣ идетъ онъ,
Молчаливо подступилъ,
Сталъ, и въ ширь раздвинувъ око,
Дикій взглядъ свой весь — глубоко
Ей въ глаза онъ погрузилъ.
А на грудь его взгляните!
Какъ извивъ пунцовой нити,
Какъ коралловый шнурокъ,
У него отъ самой груди
Что-то тянется до ногъ:
Это что такое, люди,
Не пойму я. Вотъ онъ — вотъ —
Руку на сердце кладетъ;
Вотъ прикладываетъ снова
Руку къ сердцу, но — ни слова.

ХОРЪ.

Непонятно! Вотъ онъ — вотъ —
Руку на сердце кладетъ;
Вотъ прикладываетъ снова
Руку къ сердцу, но — ни слова.

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Молви, юная душа,
Чѣмъ тебѣ служить мы можемъ?
Пособить тебѣ спѣша,
Угощенье мы предложимъ:
Молоко тутъ есть у насъ,
Ягодъ, овощей запасъ,
Есть не мало меду, хлѣба,

Что тебѣ для входа въ небо
Нужно, юная душа?

ХОРЪ.

Мрачно всюду, глухо всюду.
Что-то будетъ? Что-то будетъ?

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Отвѣчай намъ, бѣдный духъ!
Онъ молчитъ. Онъ нѣмъ и глухъ.

ХОРЪ.

Онъ молчитъ. Онъ нѣмъ и глухъ.

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Ты не внемлешь предложеньямъ,
Такъ ступай съ благословеньемъ!
Кто-жь по просьбѣ не уйдетъ,
Будетъ заклятъ нами тотъ;
Имя Троицы святое
Призовемъ мы. Вотъ и крестъ!
Кто у насъ ни пьетъ, ни ѣстъ —
Пусть оставитъ насъ въ покоѣ!
Прочь! Иди куда-нибудь!
Въ путь! Въ путь!

ХОРЪ.

Кто-жь по просьбѣ не уйдетъ,
Будетъ заклятъ нами тотъ;
Имя Троицы святое
Призовемъ мы. Вотъ и крестъ!
Кто у насъ ни пьетъ, ни ѣстъ —

Пусть оставитъ насъ въ покоѣ!
Прочь! Иди куда-нибудь!
Въ путь! Въ путь!

(Видѣніе остается)

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Это — ужасъ! Это ново:
Не уходитъ и — ни слова.

ХОРЪ

Не уходитъ и – ни слова.

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Наши святы здѣсь мѣста.
Духъ проклятый иль блаженный!
Прочь! Оставь нашъ храмъ священный!
Видишь: въ твой подвалъ плита
Для тебя приподнята.
Сгинь туда, пришелъ откуда!
Въ гробовую глубину
Скройся! Я тебя кляну.
Не уходитъ. Что за чудо?

(Послѣ молчанія)

Въ волны рѣкъ! Въ лѣса иди!
Сгинь на вѣки! Пропади!

(Видѣніе остается)

Этотъ призракъ страхъ наводитъ:
Все молчитъ и не уходитъ.

ХОРЪ.

Все молчитъ и не уходитъ.

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Заклиналъ, но упыря
Все никакъ не могъ прогнать я:
Не боится онъ заклятья.
Дайте-жь мнѣ изъ алтаря
Со святой водой кропило!...
Нѣтъ,—не дѣйствуетъ ничто:
Страшное видѣнье то
Ни на шагъ не отступило.
Тотъ-же все недвижный видъ!
Словно камень средь кладбища —
Изъ подземнаго жилища
Этотъ выходецъ стоитъ.

ХОРЪ.

Тотъ-же все недвижный видъ!
Словно камень средь кладбища —
Изъ подземнаго жилища
Этотъ выходецъ стоитъ.
Мрачно всюду, глухо всюду.
Что-то будетъ? Что-то будетъ?

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Умъ концовъ не можетъ свесть.
Это странное явленье
Превышаетъ разумѣнье.
Тайна страшная тутъ есть.
Ты — цвѣтущее созданье,
Ты — что въ траурѣ своемъ
Привлекла его вниманье!...
Носишь трауръ ты по комъ?

Мужъ здоровъ? Родня здорова?
Что-же ты не скажешь слова?
Взоръ на призракъ обратя
И вопросамъ не внимая,
Что стоишь ты, какъ нѣмая?
Ты жива-ль, мое дитя?
Усмѣхнулась! Что-жь такого
Ты находишь въ немъ смѣшного?

ХОРЪ.

Усмѣхнулась! Что-жь такого
Ты находишь въ немъ смѣшного?

ЗАКЛИНАТЕЛЬ.

Предалтарную свѣчу
И святое облаченье
Мнѣ подайте! Я хочу
Уничтожить привидѣнье,
Гимнъ служебный соверша. ..
Нѣтъ, проклятая душа
Не уходитъ. Такъ возьмите
Эту женщину теперь,
И сейчасъ ее за дверь
Изъ часовни уведите!
Ты-жь зачѣмъ, пастушка, взглядъ
Уходя стремишь назадъ?
Что глядишь на проклятóго?
Что въ немъ милаго такого?

ХОРЪ.

Что глядишь на проклятóго?
Что въ немъ милаго такого?

ЗАКЛИНАТЕЛЬ

Чудо! Лишь пастушка вонъ —
Съ мѣста тронулся и онъ.
Вслѣдъ за ней онъ все стремится,
Что-то будетъ здѣсь твориться?

ХОРЪ.

Вслѣдъ за ней онъ все стремится,
Что-то будетъ здѣсь твориться?

ПОМИНКИ

(DZIADY)

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ПЕРЕВОДЪ

В. БЕНЕДИКТОВА.

Жилище ксендза. — Накрытый столъ. — Вечерняя трапеза только-что кончилась. — Ксендзъ. — Пустынникъ. — Дѣти. — На столѣ двѣ свѣчи. — Лампада передъ образомъ Богоматери. — На стѣнѣ часы съ боемъ.

КСЕНДЗЪ.

Ну, дѣти, встанемъ отъ стола,
И за кусокъ насущный хлѣба
Помолимся Владыкѣ неба:
Хвала Всевышнему, хвала!
Сегодня — день поминовенья,
И церковь молится о тѣхъ,
Кто за совершенный въ жизни грѣхъ
Несетъ чистилища мученья.
И вы молитесь, дѣти!

(Раздаетъ дѣтямъ книги)

Вотъ —
Тутъ все, что насъ къ добру ведетъ.
Читать вамъ надо и учиться.

ДѢТИ *(читаютъ)*.

«Во время оно....»

(Стукъ за дверьми).

КСЕНДЗЪ.

Кто стучится?

(Входитъ пустынникъ, странно одѣтый).

ДѢТИ.

О Господи! Помилуй насъ!

КСЕНДЗЪ *(въ сторону)*

Кто-бъ это былъ?

(Въ смущеніи къ пустыннику).

Въ такой неранній часъ
Зачѣмъ ты здѣсь, гость моего жилища?
Кто ты таковъ, невѣдомый пришлецъ?

ДѢТИ.

Ай, ай! Мертвецъ пришелъ съ кладбища.

ПУСТЫННИКЪ *(уныло)*.

Да, дѣти, да: мертвецъ! мертвецъ!

КСЕНДЗЪ.

Кто-жь ты таковъ?

ПУСТЫННИКЪ.

Кто я? —Ты требуешь отвѣта?
Мертвецъ... но не совсѣмъ; мертвецъ... но лишь для свѣта;

Для этой лишь земли пресѣклась жизнь моя.
Понятно-ли тебѣ? — Пустынникъ, странникъ я.

КСЕНДЗЪ.

Откуда-жь, странникъ, ты такъ поздно?.. Говори-же
И какъ тебя зовутъ? — Постой! Теперь поближе
Присматриваюсь я — и все сдается мнѣ:
Тебя я въ этой сторонѣ
Видалъ. Не здѣшняго-ль ты рода?

ПУСТЫННИКЪ.

Такъ; былъ я здѣсь — давно, давно,
Еще до смерти за три года.
Что въ имени моемъ? Зачѣмъ тебѣ оно?
Откуда родомъ я — не все-ль тебѣ равно?
О бѣдныхъ мертвецахъ, быть можетъ, жертвахъ ада
Разспрашивай живыхъ и съ ними говори!
А впрочемъ — незачѣмъ. И спрашивать не надо:
Молитву сотвори!
Я тоже — человѣкъ ужь не живой для свѣта.
Зачѣмъ-же спрашивать и требовать отвѣта?
Молитву сотвори!
Какъ любопытно смертныхъ племя!
Все знать хотятъ, — а для чего?
Какъ имя мнѣ!

(Смотритъ на часы)

Постой! Теперь еще не время,
Покамѣсть не могу сказать тебѣ его;
Иду — не знаю самъ — изъ аду иль изъ раю —
Опять туда-жь, къ тому-же краю.
Ксендзъ! Если можно — услужи!

КСЕНДЗЪ.

Чѣмъ?

ПУСТЫННИКЪ.

Мнѣ дорогу укажи!

КСЕНДЗЪ.

Не намъ указывать въ кромѣшный адъ дорогу —
Дорогу мукъ и вѣчной тьмы!
Мы — пастыри людей, и Богу служимъ мы,
Заблудшихъ обращая къ Богу.

ПУСТЫННИКЪ.

Да, — сбиться трудно-ли дорожному съ пути?
А вѣдь иные, ксендзъ, блуждаютъ взаперти
Въ своемъ уютномъ, тихомъ домѣ!
Миръ межъ народами иль вся земля въ крови,
Гдѣ рушится престолъ, кто гибнетъ отъ любви —
Ты ничего не знаешь, кромѣ
Камина, комнаты, гдѣ ты сидишь съ семьей; —
А я — блуждаю въ тьмѣ ночной,
Брожу при молніяхъ и громѣ.
Вотъ — буря и теперь; я тамъ былъ — подъ грозой.
Благословенна жизнь въ уютномъ, тихомъ домѣ!

(поетъ)

Блаженъ, кто не тронутъ любовнымъ огнемъ;
Легко ему ночью и весело днемъ....

(говоритъ)

Въ уютномъ, тихомъ домѣ.

(поетъ)

Изъ чертога приходи,
Дѣва, въ домикъ мой убогій!

У меня цвѣтовъ здѣсь много,
У меня — огонь въ груди.

Здѣсь бьетъ рѣчка серебромъ,
Много пташекъ, много пѣсенъ,
А съ любовью намъ не тѣсенъ
И пустыннический домъ.

КСЕНДЗЪ.

Когда такъ нравится тебѣ мой кровъ убогій
Да мой каминъ — тебѣ отказа нѣтъ:
Садись, погрѣйся тутъ да отдохни немного!

ПУСТЫННИКЪ.

Погрѣться? —Добрый ксендзъ! Какой благой совѣтъ!
(Поетъ указывая на сердце)
Ты не знаешь, какъ тутъ пышетъ.
Кто разскажетъ, кто опишетъ,
Въ дождь и въ холодъ какъ тутъ жжетъ,
Какъ рука моя хватаетъ
Ледъ и снѣгъ,— и снѣгъ и ледъ
Крѣпко, крѣпко къ сердцу жметъ:
Нѣтъ прохлады! Таетъ, таетъ
Снѣгъ и ледъ,
Пронятъ жаромъ,
Всходитъ паромъ
Этотъ снѣгъ и этотъ ледъ.
Могъ-бы этотъ страшный пламень
Растопить металлъ и камень.
Что мнѣ всѣ твои огни?
(Указываетъ на огонь камина)
Ихъ сильнѣй мой жгучій пламень,
Хоть весь міръ воспламени!

Во сто тысячъ разъ онъ ярче,
Въ милліоны разъ онъ жарче.
Если-бъ зналъ ты, kakъ тутъ жжетъ,
Kakъ тутъ пышетъ, kakъ пылаетъ!
Нѣтъ прохлады; таетъ,таетъ
Снѣгъ и ледъ,
Пронятъ жаромъ,
Всходитъ паромъ
Этотъ снѣгъ и этотъ ледъ.

(Говоритъ)

Ты понялъ-ли, мой kсендзъ, kakъ тутъ горитъ и пышетъ?

КСЕНДЗЪ *(въ сторону)*.

Онъ все свое несетъ,— не видитъ и не слышитъ!

(Къ пустыннику)

Однако ты до нитки перемокъ,
И утомился, и продрогъ.
Кто-бъ ни былъ ты,— чай, путь прошелъ немалый.

ПУСТЫННИКЪ.

Кто я? Повремени: потомъ скажу, пожалуй.
Пришелъ издалека на вашъ я бѣлый свѣтъ,
Не знаю только самъ — изъ аду иль изъ раю;
Теперь иду опять kъ тому-же kраю;
Межъ тѣмъ хочу тебѣ полезный дать совѣтъ.

КСЕНДЗЪ *(въ сторону)*.

Не стану возражать. Сойдемся понемногу.

ПУСТЫННИКЪ.

Ксендзъ! Укажи въ тотъ міръ мнѣ лучшую дорогу!

КСЕНДЗЪ.

Изволь. Не откажусь ни отъ какихъ услугъ.
Но — въ этомъ возрастѣ, мой другъ,
Путь дальній здѣсь еще лежитъ передъ тобою.

ПУСТЫННИКЪ *(какъ-бы самъ къ себѣ).*

И этотъ дальній путь, мнѣ заданный судьбою,
Такъ быстро мною совершенъ!

КСЕНДЗЪ.

Вотъ оттого-то, другъ, ты такъ и изнуренъ.
Постой! я принесу тебѣ поѣсть, напиться.

ПУСТЫННИКЪ *(дико).*

А послѣ — и пойдемъ туда?

КСЕНДЗЪ *(съ улыбкою).*

Къ дорогѣ надобно сначала подкрѣпиться:
Не правда-ли?

ПУСТЫННИКЪ *(разсѣянно).*

Пожалуй,— да.

КСЕНДЗЪ *(къ дѣтямъ).*

Я, дѣти, отлучусь; а вотъ — нашъ гость! Смотрите:
Займитесь съ нимъ, поговорите!
(Уходитъ)

ОДИНЪ ИЗЪ МАЛЬЧИКОВЪ *(оглядывая пустынника).*

Зачѣмъ вы, дядюшка, одѣты такъ смѣшно?
Охота-жь вамъ была такъ странно нарядиться!

Вѣдь словно бука вы, что въ сказкѣ говорится.
Какое пестрое сукно!
Тутъ цвѣта одного, а здѣсь оно — другого,
Тамъ — вытерто, тутъ — ново —
Изъ разныхъ лоскутковъ! — А ваша голова?
На ней какіе-то все листья да трава....
А это что блеститъ? Позвольте взять мнѣ въ руку,
Да разсмотрѣть.....
(Хватается за кинжалъ пустынника; тотъ прячетъ)
Привязано шнуркомъ,
Обшито бисеромъ, и ленточка кругомъ.
(Съ хохотомъ)
Ну право, дядюшка, похожи вы на буку.

ПУСТЫННИКЪ *(какъ будто опомнясь)*.

Не смѣйтесь, дѣти, надо мной!
Послушайте: когда я былъ моложе,
Знавалъ я женщину, прекрасную собой,
Но жалкую, убитую судьбой,
Несчастную, какъ я – и оттого-же.
Такой-же, какъ на мнѣ, былъ и на ней нарядъ.
Трава на головѣ да листья. Чуть, бывало,
Она войдетъ въ село — всѣ выбѣгутъ, кричатъ,
Ругаются надъ нею какъ попало,
Всѣ щиплютъ бѣдную, толкаютъ, тормошатъ.
Я разъ лишь пошутилъ – и вѣчно не забуду!
Отъ Божьихъ каръ не избѣжалъ никто.
Быть можетъ, я теперь — за то....
А въ счастьѣ ждалъ-ли я, что самъ таковъ-же буду!
(поетъ)
Блаженъ, кто не тронутъ любовнымъ огнемъ:
Легко ему ночью и весело днемъ.

(Ксендзъ входитъ съ мискою, тарелками и бутылкою вина)

ПУСТЫННИКЪ *(къ ксендзу, съ принужденной веселостью)*

Охотникъ-ли ты, ксендзъ, до заунывныхъ пѣсенъ?

КСЕНДЗЪ.

Наслушался я вдоволь ихъ,
А все-жь, какъ жизни путь ни тѣсенъ —
Живешь не безъ надеждъ земныхъ.

ПУСТЫННИКЪ *(поетъ)*.

Трудно мнѣ съ тобой встрѣчаться,
Тяжко, больно разлучаться,
Красна дѣвица-душа!

(говоритъ)

Иная пѣсенка проста, а хороша;
Простое слово къ сердцу близко.

КСЕНДЗЪ *(приглашая пустынника къ закускѣ)*.

Потомъ поговоримъ. Присядь-ка тутъ. Вотъ миска!

ПУСТЫННИКЪ.

Есть чудные романсы: ты слыхалъ?
(Съ усмѣшкою подходитъ къ шкафу и перебираетъ книги)
Руссо и Гете ты заглядывалъ въ созданья?
Ксендзъ! «Элоизу» ты читалъ?
Ты знаешь «Вертера страданья?»

(поетъ)

Такъ много терпѣлъ я, такъ страстно любилъ!
И если моей недостойной любовью

Небесную дѣву — тебя оскорбилъ,
Готовъ оскорбленье я смыть моей кровью.
(Вынимаетъ кинжалъ)

КСЕНДЗЪ *(удерживая его).*

Кинжалъ!... Иль у тебя разсудокъ омраченъ?
Богъ развѣ далъ тебѣ надъ жизнью самовластье?
Ты христіанинъ-ли? Ты знаешь-ли законъ
Евангельскій?

ПУСТЫННИКЪ.

А знаешь ли несчастье?
(прячетъ кинжалъ)
Но пусть до времени порывы замолчатъ!
Десятый только часъ, и три огня горятъ.
(поетъ)
Такъ много терпѣлъ я, такъ страстно любилъ!
И если моей недостойной любовью
Небесную дѣву — тебя оскорбилъ,
Готовъ оскорбленье я смыть моей кровью.

Зачѣмъ-же страдалъ я, такъ много любя?
Зачѣмъ тебя встрѣтилъ я въ жизни печальной?
Изъ множества женщинъ я выбралъ тебя:
Избранницу перстень сковалъ обручальный.
(говоритъ)
О, если-бъ въ Гете мечты
Проникъ влюбленнымъ сердцемъ ты,
Да слышалъ сладкій голосъ дѣвы
Въ волшебномъ пѣньѣ.... Боже мой!
Но нѣтъ,— тебѣ назначено судьбой
Одни церковные выслушивать напѣвы.

Ты не читаешь книгъ мірскихъ.

(Разсматривая книги)

А! — Да, онѣ тутъ есть: такъ ты не прочь отъ нихъ.

Тутъ все — любовь, волненія, интриги!
Эхъ, ксендзъ, разбойницкія книги!
Въ нихъ рай и адъ безумныхъ дней
Погибшей юности моей.
Мучительные вымыслы! Не вы-ли
Меня къ заоблачнымъ предѣламъ унесли
И крылья думъ моихъ такъ кверху заломили,
Что я уже не могъ спускаться до земли?
Средь горнихъ образовъ и неземныхъ видѣній
Воображеньемъ я леталъ;
Не въ области земныхъ, вещественныхъ твореній
Подруги сердца я искалъ —
Нѣтъ! Я искалъ небеснаго созданья,
Искалъ не здѣшней красоты,
Какую въ сферѣ обаянья
Творятъ изъ радугъ и сіянья
Однѣ безумныя мечты;
Но, видя на землѣ земные лишь предметы,
Я залетѣлъ далеко отъ земли —
Въ то небо мнимое, которое поэты
На гибель намъ изобрѣли,
И тамъ гонялся я на распаленныхъ крыльяхъ
За призракомъ,— и изнурясь въ усильяхъ,
Ужь былъ готовъ упасть измученный гонецъ,
Ужь къ грязной чашѣ я разврата прикоснулся, —
Но, падая, еще кругомъ я оглянулся —
И что-жь? —Чего искалъ, нашелъ я наконецъ,
Она была вблизи — и близко было горе:

Я только для того нашелъ ее, чтобъ вскорѣ
Ее утратить — и на вѣкъ.

КСЕНДЗЪ.

Мнѣ, право, жаль тебя, несчастный человѣкъ.
Давно-ль ты пораженъ болѣзнію своею?

ПУСТЫННИКЪ.

Болѣзнію?

КСЕНДЗЪ.

Ну, да. — Утратой роковой?

ПУСТЫННИКЪ.

Давно-ль? — Сказать нельзя; запрещено; не смѣю.
Пусть скажетъ кто-нибудь другой —
Вотъ, напримѣръ, мой другъ; ему-бъ оно сподручно.
Онъ знаетъ все. Со мной онъ ходитъ неразлучно.
Насъ горе общее свело.

(Осматривается)

Здѣсь въ комнатѣ такъ хорошо, тепло,
А на дворѣ и вихрь, и вьюга:
Мнѣ, право, совѣстно здѣсь отдыхать безъ друга,
Тогда какъ, бѣдный, онъ тамъ дрогнетъ за дверьми!
Мы вмѣстѣ съ нимъ всѣ переносимъ нужды,
Такъ сжалься, добрый ксендзъ: ужь и его прими!

КСЕНДЗЪ.

Пускай войдетъ! Мнѣ странники не чужды.
Ужель ненастною порой
Я зябнуть бѣднаго заставлю?

ПУСТЫННИКЪ

Такъ вотъ — сейчасъ.... Постой! Постой!
Я самъ его введу и самъ тебѣ представлю.

(Поспѣшно уходитъ)

ДѢТИ.

Папаша! ахъ, какой-же онъ смѣшной!

КСЕНДЗЪ.

На бѣдняка смотрѣть вамъ надобно съ участьемъ;
Не смѣйтесь, дѣти, надъ несчастьемъ!
Онъ жалокъ; боленъ онъ.

ДѢТИ.

Да онъ такой живой!
Онъ, кажется, здоровъ.

КСЕНДЗЪ.

Да, это такъ лишь съ виду,
На взглядъ — какъ будто ничего,
А между тѣмъ понесъ онъ отъ судьбы обиду,
И въ сердцѣ язва у него.
(Пустынникъ входитъ, втаскивая съ собою елку).

ДѢТИ *(къ ксендзу).*

Что это тащитъ онъ? Нѣтъ, право, онъ потѣшенъ.

ПУСТЫННИКЪ *(къ елкѣ)*

Сюда, мой другъ, сюда!

КСЕНДЗЪ *(тихо къ дѣтямъ).*

Онъ, видите, помѣшанъ.

ПУСТЫННИКЪ *(къ елкѣ).*

Сюда, мой другъ, войди да поклонись!
Ксендзъ — добрый старичекъ. Знакомься! Не дичись!

ДѢТИ *(къ отцу)*.

Каковъ-же онъ! Сказалъ, что онъ—покойникъ,
А самъ на насъ идетъ съ дубиной, какъ разбойникъ.

ПУСТЫННИКЪ *(къ ксендзу, указывая на ель)*.

Какъ странникъ, я въ лѣсу пріятеля нашелъ.
Онъ съ виду страненъ.

КСЕНДЗЪ.

Кто?

ПУСТЫННИКЪ.

Пріятель.

КСЕНДЗЪ.

Этотъ колъ?

ПУСТЫННИКЪ.

Несвѣтскій человѣкъ! Все дикаремъ глядитъ онъ.
Неловокъ! Я сказалъ, что онъ въ лѣсу воспитанъ.
(къ ели)
Да кланяйся-жь, мой другъ! Поближе подойди!
(подноситъ ель къ ксендзу и наклоняетъ ее, какъ-бы заставляя кланяться).

ДѢТИ *(въ испугѣ)*.

Разбойникъ! ты убьешь папашу: прочь поди!

ПУСТЫННИКЪ

Да, да, разбойникъ я, злодѣй ожесточенный,
Убійца; — но убилъ себя лишь самого.

КСЕНДЗЪ.

Опомнись! Эту ель принесъ ты для чего?

ПУСТЫННИКЪ.

О, голова! О, ксендзъ ученый!
Да развѣ это ель? Одумайся! Всмотрись!
Не стыдно-ль? Посвященъ ты въ высшія науки
И говоришь, что ель. Вѣдь это — кипарисъ,
Знакъ памяти, символъ разлуки.
(указывая на книги)
Вотъ книги! Прочитай о томъ,
Что дѣлалось въ былые вѣки:
Два дерева святили греки,—
Счастливецъ миртовымъ украшенъ былъ вѣнкомъ....
(задумывается)
Вѣтвь кипарисная дана мнѣ на прощанье
Отъ милой. Эта вѣтвь на всемъ моемъ пути
Напоминаетъ мнѣ послѣднее «прости». —
Какъ дорогое завѣщанье,
Какъ благъ божественныхъ залогъ,
Я эту вѣтку взялъ и спряталъ, и сберегъ.
Она безчувственна, но все-же
Для страждущей души моей
Она, холодная, дороже
Такъ называемыхъ чувствительныхъ людей.
Я на̀ смѣхъ людямъ слезы трачу,
А ей... ей не смѣшно, когда я горько плачу:
Вотъ мой послѣдній другъ изъ всѣхъ моихъ друзей!
Ему извѣстно все, чѣмъ это сердце ноетъ,
Все, что лежитъ въ его завѣтной глубинѣ,
И если хочешь ты развѣдать обо мнѣ —

Спроси пріятеля: онъ все тебѣ откроетъ;
Пожалуй, можешь съ нимъ побыть наединѣ.

(къ ели)

Товарищъ! Говори: давно-ль я жертвой муки
Съ моей утратой горькой сталъ?
Я думаю — давно. Я помню: въ часъ разлуки,
Когда изъ рукъ ея я взялъ
Ту вѣтку-стебелекъ, да зелени немножко,
Былъ этотъ стебелекъ, — вотъ этакая крошка!
Далеко я его далеко въ глушь занесъ,
Въ песочекъ посадилъ, рѣкой горючихъ слезъ
Я поливалъ тотъ стебель кипарисный —
И выросъ крѣпкій стволъ съ одеждой темнолистной,
Когда-жь я довлачу послѣдній тяжкій день
И неба гнѣвнаго не захочу я видѣть,
Не дать чтобъ солнцу мой могильный холмъ обидѣть.
Надъ нимъ кудрей своихъ онъ разбросаетъ тѣнь.

(съ усмѣшкою)

Да! Кудри у *нея* такія-жь были цвѣтомъ,
Какъ темная кора на кипарисѣ этомъ.
Цвѣтъ тѣхъ волосъ могу тебѣ я показать:
Изъ нихъ сплетенъ снурокъ....

(старается вытащить изъ-за пазухи волосяной снурокъ)

Эхъ! Трудно отвязать.
Прядь, нѣжно свитая изъ локона дѣвицы,
Лишь къ сердцу приложилъ, змѣей въ него вошла,
И пуще рѣзкой власяницы
Въ грудь въѣлась, врѣзалась, вросла,
И глубже, глубже все впивается, и давитъ,
Задушитъ наконецъ и все окончитъ вмигъ.
Боль велика, да вѣдь и грѣхъ великъ.

КСЕНДЗЪ.

Утѣшься: нами Богъ всемилосердый правитъ;
Всю тяжесть мукъ твоихъ Онъ взвѣситъ въ день
суда,
И за грѣхи твои Онъ тяжесть казни сбавитъ
И облегчитъ тебя тогда.

ПУСТЫННИКЪ.

Грѣхи! Да гдѣ-жь они? Не самъ-ли Богъ намъ
роздалъ
Дары всѣхъ нашихъ чувствъ? Любовь — въ числѣ-ль
грѣховъ?
Уже-ль и за нее намъ вѣчный адъ готовъ?
Но Богъ, когда Онъ прелесть создалъ,
Не самъ-ли создалъ и любовь?
Для двухъ союзныхъ душъ еще до дня рожденья
Сковалъ Онъ цѣпь соединенья —
До роковаго дня, когда Онъ ихъ извлекъ
Изъ вѣчной бездны мощнымъ словомъ
И тѣла грѣшнаго покровомъ
На жизнь, какъ трауромъ, облекъ.
Хоть разлучили насъ, та цѣпь не разомкнулась,
Не порвалась она — нѣтъ, только растянулась,
Вѣдь души тѣ-же все у ней и у меня;
По колеямъ земнаго круга
Мы розно колесимъ, а все слѣдимъ другъ-друга.
Цѣпь наша, вѣчный даръ упругости храня,
Все общей цѣлью намъ осталась
Затѣмъ, что нѣкогда ковалась
Подъ общимъ молотомъ, у одного огня.

КСЕНДЗЪ.

Тому, что Богъ связалъ, нѣтъ на землѣ разрыва.
Все можетъ кончиться, по вашему, счастливо....

ПУСТЫННИКЪ.

Не здѣсь, а развѣ тамъ, тогда,
Какъ души вырвутся изъ бренныхъ тѣлъ — не прежде,
А здѣсь — все кончено, здѣсь мѣста нѣтъ надеждѣ:
Я съ милою моей разстался навсегда.

(послѣ минутной задумчивости)

Я помню этотъ часъ жестокій:
Въ саду, средь осени глубокой,
Предъ утромъ, какъ уѣхать мнѣ,
Бродилъ я ночью, при лунѣ,
И возсылалъ къ Творцу моленья,
Чтобъ Онъ на грудь мою желѣзный щитъ простеръ
И сердцу, мягкому съ рожденья,
Далъ твердость выдержать ея послѣдній взоръ.
Я шелъ куда глядѣли очи;
Я помню: дождь предъ тѣмъ лишь окропилъ поля,
И въ перлахъ вся, подъ дымкой ночи,
Лежала сонная земля;
Вдали, какъ снѣжнымъ океаномъ,
Все было залито туманомъ;
Вотъ съ этой стороны тянулось пеленой
Густое облако, а этой стороной
Шелъ мѣсяцъ, и лучи сквозь тучку выступали
И, совершивъ свой путь ночной,
Въ лазури звѣзды утопали.

Гляжу: одна звѣзда сверкаетъ надо мной —
Заря предвѣстница! — Съ тѣхъ поръ знакомъ я
съ нею,
Съ ней вижусь каждый разъ и кланяюсь. Потомъ
Я, обведя глаза кругомъ,
Сталъ всматриваться въ даль сквозь длинную аллею...
Глядь! — У бесѣдки — тамъ — между деревъ — *она*
Въ одеждѣ, облаку подобной,
Какъ мраморъ высится надгробный —
Вся въ бѣломъ. — Вдругъ, окрылена,
Какъ легкій вѣтерокъ въ неслышимомъ стремленьѣ,
Помчалась... не глядитъ... потупила глаза...
Я прямо посмотрѣлъ: блѣдна, какъ привидѣнье!
Я съ боку заглянулъ: слеза въ глазахъ! слеза!
Едва достало силъ промолвить ей: «срокъ вышелъ; —
Съ зарей я ѣду въ дальній путь.
Прости! — Живи! — Счастлива будь!» —
Прости! — сказала такъ, что я едва лишь слышалъ,
Такъ тихо, — а потомъ примолвила: — забудь!
Забудь! Сказать не трудно было.
Забудь! Какъ? Мнѣ забыть? Нѣтъ, милая моя,
Ты прикажи, чтобъ тѣнь твоя
За тѣломъ слѣдовать забыла!
Скажи ей: пропади! не будь!
Сказать не трудно было:
Забудь!

(поетъ)

Полно плакать! Что терзаться?
Для чего себя губить?
Намъ судьба велитъ разстаться:
Буду вѣкъ тебя....

(киваетъ головою)

Любить.

Нѣтъ! не любить, а вспоминать — не болѣ.

(поетъ)

Память сердца сберегу:
Быть твоею — не могу.

(говоритъ)

Да, — только вспоминать осталось намъ на долю.
«Прости! — Живи! — Счастлива будь!»
Сказалъ, — взялъ за руку, и вотъ сюда — на грудь!

(поетъ)

Дѣва — ангелъ, предстоящій
Нашей сумрачной землѣ!
Взоръ твой — солнца лучъ блестящій
Въ чистомъ водномъ хрусталѣ.

Сладость жизни — неразлучность!
Поцѣлуй небесный даръ!
Двухъ звенящихъ струнъ созвучность!
Двухъ огней единый жаръ!

Съ грудью грудь, уста съ устами
Сжались. пламень свой дѣля;
Перекатными волнами
Ходятъ небо и земля.

(говоритъ)

Ксендзъ! Понялъ? Иль тебѣ до этого нѣтъ нужды?
Тебѣ дѣла такія чужды.
Ты предоставилъ намъ — проказникамъ мірскимъ —
И милыхъ цѣловать, и прилѣпляться къ нимъ.
Тебя окаменили годы,
И сталъ ты глухъ на зовъ природы,
А я, какъ въ первый разъ къ устамъ *ея* прильнулъ —
Я весь въ блаженствѣ утонулъ.

(поетъ)

Сладость жизни — неразлучность!
Поцѣлуй — небесный даръ!
Двухъ звенящихъ струнъ созвучность!
Двухъ огней единый жаръ!

(схватываетъ одного изъ сыновей ксендза и хочетъ поцѣловать; тотъ вывертывается)

КСЕНДЗЪ *(къ сыну).*

Къ чему-жь бѣжать отъ человѣка
Подобнаго тебѣ?

ПУСТЫННИКЪ.

Таковъ обычай вѣка!
Всѣ отъ несчастнаго уходятъ, какъ отъ зла,
Какъ отъ страшилища. Такъ и *она* ушла:
«Прости!» — вдоль улицы мелькнула,
И вмигъ, какъ молнія, во мракѣ потонула.
(обращаясь къ дѣтямъ)
За что-жь прогнѣвалась? Или мои слова
Обидны были ей? Иль дерзко въ очи милой
Я посмотрѣлъ? — Припомню все, какъ было....
(стараясь вспомнить)
А трудно вспомнить.... такъ кружится голова! ...
Да! Вспомнилъ! Слушайте! Готово.
• Всего я три, четыре слова
Сказалъ *ей*, снарядившись въ путь:
«Прости! Живи! Счастлива будь!» —
Прости — она мнѣ прошептала,
Отъ кипариса вѣтку сорвала
И половину мнѣ той вѣтки подала. —

Вотъ все, что на землѣ осталось намъ — сказала,
И такова была! —
Прости! — по улицѣ мелькнула
И, словно молнія, во мракѣ потонула.

КСЕНДЗЪ.

Сочувствую всему, что ты мнѣ объяснилъ.
Намъ всѣмъ присуждено лишаться кровныхъ, милыхъ, —
И самъ ужь сколько я мнѣ близкихъ схоронилъ!
Отецъ и мать мои давно уже въ могилахъ;
Два маленькихъ сынка — и тѣ ужь тамъ — въ раю, —
И вслѣдъ затѣмъ жену мою,
У счастья моего стоявшую на-стражѣ,
Я съ плачемъ отпустилъ туда-же.
Что-жь дѣлать? — Богъ мнѣ далъ, Богъ взялъ ихъ у меня.
Пусть будетъ, какъ Его святой угодно волѣ.

ПУСТЫННИКЪ.

Жену, ты говоришь?

КСЕНДЗЪ.

Безъ страшной сердца боли
И вспомнить не могу.

ПУСТЫННИКЪ.

Вотъ, гдѣ ни сунусь я —
Вездѣ объ женахъ плачъ. Но здѣсь, въ твоемъ лишеньѣ,
Повѣрь, что нѣтъ на мнѣ вины:
Вѣдь я не зналъ твоей жены.
Однако, знаешь, что тебѣ я въ утѣшенье

Могу сказать, коль рѣчь о томъ зашла?
Конечно, ты въ женѣ лишился друга;
Но — слушай ксендзъ — твоя супруга
Еще до смерти умерла.

КСЕНДЗЪ.

Какъ?

ПУСТЫННИКЪ.

Точно такъ; когда дѣвицѣ
Прелестной скажутъ: «ты — жена» —
Все кончено; она уже въ гробницѣ
И за-живо погребена.
При мужѣ, строгою обязанностью сжата,
Она должна отречься для него
Отъ матери, отца и брата,
И... понимаешь?... отъ всего,—
Жить, чуждый бытъ себѣ усвоя
И на чужомъ порогѣ стоя!

КСЕНДЗЪ.

Неясно сквозь печаль текутъ твои слова.
Однако-жь та... твоя избранница — жива?

ПУСТЫННИКЪ *(иронически)*.

Жива? — Всевышнему могу хвалу воздать я.
Жива? Ты думаешь? Не вѣришь мнѣ? — Но вотъ
Тебѣ я клятву дать готовъ въ виду распятья,
Что умерла и вновь не оживетъ.
(послѣ минутнаго молчанія)
Есть смерти разныя на свѣтѣ:
Одна — смерть общая. Всѣ люди тамъ и тутъ —

Отцы, мужья, ихъ жены, дѣти
Ежеминутно этакъ мрутъ.
Вотъ — Зося, что со мной встрѣчалась,
Такою-жь смертію скончалась.

(поэтъ)

Тамъ, гдѣ бархатъ луговъ виденъ вдоль береговъ
Есть курганъ посрединѣ долины.
И терновничкомъ онъ, какъ вѣнкомъ, окруженъ,
И обсаженъ кустами малины.

(говоритъ)

Ахъ, больно видѣть, какъ страдая
Дѣвица-прелесть, въ цвѣтѣ лѣтъ,
Отходитъ, свѣтъ сей покидая,
Когда еще такъ милъ ей свѣтъ.
Вообрази: надежды нѣтъ —
И Зося, средь роднаго круга,
На ложѣ смертнаго недуга
Тумановъ утреннихъ блѣднѣй.
Печальный духовникъ при ней,
Еще печальнѣе — прислуга,
Еще печальнѣе — подруга,
Еще печальнѣй — Зоси мать,
И всѣхъ печальнѣе — безгласный,
Убитый скорбію, несчастный....
Не знаю, какъ его назвать.
На щечкахъ Зоси нѣтъ ужь краски
Цвѣтущей жизни; впали глазки;
Гдѣ рдѣли розами уста,
Тамъ губокъ тонкая черта,
Какъ лепестокъ піона сжатый —
Проходитъ струйкой синеватой.
Въ послѣдній разъ, полу-жива,

Приподнялась она, вздохнула,
Въ послѣдній разъ на всѣхъ взглянула,
Лицо покрыла синева,
И, перевѣсясь, голова
Свинцомъ въ подушкахъ утонула;
Оледенѣли руки; грудь,
Дыханьемъ двигаясь чуть-чуть,
Все тише, тише,— притаилась....
Хотѣла разъ еще дохнуть.
И — не могла... остановилась.
Не стало Зоси. Страшный часъ!
Подумаешь: изъ этихъ глазъ
Какой былъ жизни яркій пламень!
А тутъ... вотъ перстень! Въ немъ алмазъ
Хоть и блеститъ, а все-жь онъ — камень.
Такъ и у ней тогда въ очахъ
Хоть оставался свѣтъ, но безъ души небесной;
Они свѣтились, но какъ прахъ
Гнилаго дерева въ потьмахъ,
Или какъ въ зелени древесной
Блестятъ безжизненно порой-
Остатки влаги дождевой.

ОДИНЪ ИЗЪ МАЛЬЧИКОВЪ.

Такъ умерла? Какъ жаль! Кто-жь та была дѣвица?
Знакомая твоя иль младшая сестрица?
Что-жь дѣлать? Богъ хотѣлъ къ себѣ ее позвать.
Не плачь! Ее мы станемъ поминать
И каждый день о ней молиться.

ПУСТЫННИКЪ.

Ахъ! Это, дѣти, смерть одна,
А есть ужаснѣе — другая.

Не вдругъ свершается она,
Но длится, долго длится, злая,
Страдальца медленно терзая.
Та смерть сражаетъ вдругъ двоихъ
И не даетъ имъ даже гроба; —
И вотъ — *она* и я, мы оба
Той смертью умерли. Моихъ
Златыхъ надеждъ какъ не бывало!
А ей-то что? И горя мало!
Она и нынче, какъ всегда,
Встаетъ по-утру и глазами
Все тѣми-жь смотритъ; иногда
Поплачетъ мелкими слезами
И — ничего! Привѣтъ гостямъ!
Здорова. Жизнь ее лелѣетъ,
А чувства ржавѣютъ, — а тамъ
Она и вся окаменѣетъ,
И станетъ — хладная скала.
Она въ живыхъ, а умерла.
Но кто *она* — я не открою.
О, эта смерть страшнѣй, лютѣй
(Согласны-ль, дѣти, вы со мною?)
Простыхъ, извѣстныхъ вамъ смертей.
Тамъ — гробовыми пеленами
Покойникъ осѣненъ — лежитъ,
А тутъ — съ открытыми глазами
Предъ вами хладный трупъ дрожитъ —
Вотъ этакъ!

(дѣти въ испугѣ убѣгаютъ)

Да! — А все-же умерла!
Когда въ порывахъ страшной муки,
Стирая хладный потъ съ чела,

Я въ бѣшенствѣ ломаю руки, —
Народъ сбѣгается кругомъ:
Глядятъ, вытягиваютъ шею;
Иной зоветъ меня лжецомъ;
Шумъ, крикъ.... Надъ головой моею
Звучатъ насмѣшниковъ слова:
«Смотри, глупецъ, она жива!»
Нѣтъ, ксендзъ, внимай съ холодностью безвѣрца
Тому, что говоритъ и повторяетъ свѣтъ,
И вѣрь лишь голосу растерзаннаго сердца:
Ея ужь нѣтъ! Маріи нѣтъ! *(помолчавъ)*
Еще есть смерть въ житейскомъ морѣ;
О ней писаніе гласитъ:
О, горе человѣку, горе
Кого смерть вѣчная сразитъ!
Быть можетъ, я и самъ погибну смертью тою,
Зане мой грѣхъ тяжелъ предъ всеблагимъ Отцомъ!

КСЕНДЗЪ.

Едва-ль твой грѣхъ предъ міромъ и собою
Не тяжелѣй грѣха передъ Творцомъ?
Не для своихъ лишь слезъ то радости, то горя,
Для службы ближнему изъ праха ты возникъ.
Не забывай, съ судьбой враждебной споря,
Какъ малъ, ничтоженъ ты, какъ Божій міръ великъ!
Мысль высшая забыть все мелкое принудитъ;
Мужъ правды доброе для вѣчности творитъ,
Безумный лишь себя заранѣе мертвитъ
И спитъ, пока его гласъ судный не пробудитъ.

ПУСТЫННИКЪ *(съ удивленіемъ).*

Не постигаю, ксендзъ: ты вѣрно — чародѣй!
(въ сторону)
Все знаетъ! Этакой злодѣй!
Колдунъ! да, да, колдунъ! Нѣтъ способа иного!
Или подслушалъ насъ и помнитъ слово въ слово.
(къ ксендзу)
Да, ксендзъ, во всемъ, что ты сейчасъ мнѣ говорилъ,
Ты мнѣ *ея* слова буквально повторилъ.
Я слышалъ отъ нея всѣ эти поученья
Въ ту ночь прощальную, въ минуты разлученья.
(ироническимъ тономъ)
Да! Проповѣдь чудесную прочла,
И часъ для этого такъ кстати избрала —
Часъ роковой на вѣкъ разлуки!
И сколько звонкихъ словъ въ ту проповѣдь ввела!
Гремучія слова! Ораторскіе звуки!
«Отечество, — друзья, — и слава — и науки!»
Но тщетно билась ты съ тупымъ ученикомъ:
Слова и фразы — все пропало!
Возьми назадъ! Все цѣликомъ,
Какъ отъ стѣны горохъ, отпало.
Я все себѣ дремлю. — А вѣдь и я мечталъ
О славныхъ подвигахъ измлада;
Не разъ во снѣ тріумфъ я видѣлъ Мильтіада —
И вскакивалъ, и трепеталъ!
(поетъ)
Къ солнцу свой полетъ орлиный,
Юность бурная, стреми!
Человѣчества пучины
Взоромъ солнца обними!

(говоритъ)

Въ громадныхъ образахъ тогда мнѣ жизнь являлась,
Какъ высшимъ зодчествомъ воздвигнутый чертогъ;
Она дохнула: все распалось;
Весь храмъ обрушился; осталась
Лишь пыль, которую-бы могъ
Унесть на крыльяхъ мотылекъ.
Толкуй потомъ: «отечество и слава!»
На слоѣ мелкой пыли той,
Сыпучаго песку на грудѣ остальной
Ставь памятникъ вѣкамъ, строй замокъ величавый!
Ты требуешь, чтобъ я орломъ парилъ — пора!
Чтобъ огнь и громъ металъ съ молніеносныхъ крылій:
Предъ тѣмъ сама-жь меня не ты-ли
Преобразила въ комара?

Одна могуществомъ природы
Таланта искра намъ дана,
Но только разъ въ младые годы
Въ насъ разгарается она.
Сперва она незримо тлѣетъ,
И коль Минерва на нее
Дыханьемъ мудрости повѣетъ
И къ жизни вызоветъ ее —
Она взлетитъ до небосклона,
И въ ней — ярка и высока —
Звѣзда безсмертнаго Платона
Блеснетъ на дальніе вѣка.

Коль эту искру духъ немирный
Одушевитъ, тогда она
Грозой является всемірной
И движетъ въ браняхъ племена;

Могучій вождь сотретъ границу —
Земель и царствъ земныхъ предѣлъ;
Путемъ великихъ, добрыхъ дѣлъ,
А чаще злыхъ — пойдетъ, десницу
На все наложитъ, багряницу
Захватитъ, все перевершитъ
Въ основахъ трепетной вселенной,
И троны древніе мгновенно
Движеньемъ ока сокрушитъ.

Когда-жь та искра отъ зеницы
Красотъ исполненной дѣвицы
Воспламенится — тутъ она
Себѣ лишь свѣтитъ и одна
Горитъ, какъ лампа средь гробницы,
Лучами свѣта своего
Не озаряя никого.

КСЕНДЗЪ.

Мечтатель страждущій! Изъ словъ твоихъ мнѣ ясно,
Что въ сердцѣ у тебя не мало доброты,
И что прекрасная, кѣмъ обезумленъ ты,
Не по одной наружности прекрасна.
Послѣдуй-же тому, что слышалъ ты отъ ней,
Съ такимъ-же рвеніемъ, съ какимъ ты къ ней стремился!
Питая къ ней любовь, исправился-бъ злодѣй;
Ты, добрый, полюбивъ, съ пути прямаго сбился.
Пусть сотни, тысячи преградъ
Горами между васъ лежатъ —
Надѣйся! — Тамъ — къ звѣздѣ любимой
Сквозь тучу мглы непроходимой

Идетъ союзная звѣзда;
Настанетъ срокъ: та мгла густая
Пройдетъ, исчезнетъ, — и блистая
Онѣ сомкнутся навсегда.
Такъ и для васъ земли преграды
Исчезнутъ, — и въ лучахъ отрады
Тамъ души, сближенныя вновь,
Сольются въ нѣгѣ безтѣлесной,
И имъ проститъ Отецъ небесный
Земли безумную любовь.

ПУСТЫННИКЪ.

И это знаешь ты? — Такъ все тебѣ извѣстно?
(принoравливаясь къ голосу и тону ксендза)
«Прелестная собой — и по душѣ прелестна.
«Преграды сильныя исчезнутъ въ оный часъ».
Измѣнникъ! Ты подслушалъ насъ.
Иль хитростью, или случайно
Ты овладѣлъ завѣтной тайной.
Мы, руки возложивъ — одну на кипарисъ,
На грудь другую,—поклялись
Ту тайну сохранить святѣй всего святаго;
Ее во глубинѣ мы сердца своего
Носили, берегли, — и никому ни слова!
Ближайшіе друзья не знали ничего.

Да! Разъ—я помню—разъ былъ случай:
Наитьемъ творческимъ согрѣтъ,
Однажды кистію летучей
Я набросалъ *ея* портретъ.
Несу его къ друзьямъ въ совѣтъ,
Чтобъ показать имъ это чудо,

Заранѣ торжествую я —
И что-жь? Для нихъ едва не худо,
Что такъ изящно для меня!
Для ихъ холоднаго разсудка,
Святыня чувства — прихоть, шутка!
И какъ такихъ друзей толпа
Душою въ душу мнѣ заглянетъ?
И какъ смотрѣть душа ихъ станетъ,
Когда она у нихъ слѣпа?
Они линейкою провѣрить
Хотятъ небесныя черты
И хладнымъ циркулемъ измѣрить
Святую область красоты...
Иной, къ числительнымъ пріемамъ
Привыкнувъ, цифры лишь слѣдитъ;
Тотъ закоснѣлымъ астрономомъ,
Тотъ волкомъ на небо глядитъ.
Таковъ-ли взглядъ мечтателя, поэта?
Нарисовавъ *ее*, изображенье это
Святыней я считалъ, предъ нимъ благоговѣлъ,
И беззащитныхъ устъ портрета
Прижать къ устамъ своимъ не смѣлъ.
Сказавъ ему, бывало: «доброй ночи!» —
Я платья не сниму, пока свѣча горитъ
Иль мѣсяцъ къ намъ въ окно глядитъ,
Но прежде дѣвственныя очи
И этотъ взоръ, который я
Представилъ кистью живописной,
Прикрою вѣткой кипарисной.

А тутъ.... О, жалкіе друзья!
Одинъ въ слезахъ моихъ нашелъ себѣ потѣху,

Грызъ зубы и едва держаться могъ отъ смѣху;
Другой, зѣвая и шутя,
Назвалъ меня душонкой слабой,
Плаксивой женщиною, бабой,
А тотъ прибавилъ: вотъ — дитя!
(Приходя въ помѣшательство)
А! вѣрно тотъ старикъ всезнающій насъ предалъ!
На рынкѣ разболталъ предъ праздными людьми,
Передъ повѣсами, гуляками, дѣтьми,
А ты отъ нихъ потомъ развѣдалъ!
Вѣдь ты — ихъ духовникъ! Не хитрость ли твоя
Меня-же самого заставила искусно
Все передать тебѣ изустно,
Когда былъ у тебя на исповѣди я?

КСЕНДЗЪ.

Мой другъ! Не нужны тутъ ни хитрость, ни искусство.
Печаль твоя хоть мудрена,
Хоть въ сердцѣ заперлась и спряталась она, —
Но тотъ легко постигнуть можетъ чувство
И другу въ сердце заглянуть,
Кто чувства тайный ходъ знавалъ когда-нибудь.

ПУСТЫННИКЪ.

Такъ вотъ что: иногда болѣзнь день цѣлый бродитъ
Все тутъ — въ сердечной глубинѣ,
А на ночь въ голову недугъ тотъ переходитъ
И, самъ не зная — какъ, все выскажешь во снѣ.
Однажды.... ужь давно.... со мной такой припадокъ
Случился. Видѣлся тогда я въ первый разъ

Съ Маріей.... Прихожу домой въ извѣстный часъ,
Во всемъ соблюлъ обычный свой порядокъ,
Легъ спать, — ни слова никому!
Вдругъ, къ удивленью моему,
Поутру лишь пришелъ къ родимой
Сказать ей: добрый день! — та на меня глядитъ:
«Что это значитъ? — говоритъ —
Откуда набожность? Вѣдь какъ неутомимо
Всю эту ночь ты напролетъ
Молился! — Слушаю: идетъ
Пречистой Дѣвы литанія;
Марія! — слышится — Марія!
Вдругъ стонъ возгласы тѣ прерветъ,
А тамъ опять-таки: Марія!»

Я все смекнулъ, — и съ этихъ поръ
Лишь ночь — я двери на запоръ
Ну, — а теперь нельзя такъ осторожно
Мнѣ поступать; ложусь, гдѣ можно,
Куда пришелъ, тамъ и ночлегъ;
Во снѣ и выскажу.... затѣмъ, что тутъ тревожно.
(указываетъ себѣ на голову)
Вдругъ въ этой головѣ, гдѣ такъ темно, темно,
Какъ будто молнія нечаянная вспыхнетъ, —
И снова мракомъ все густымъ поглощено;
Вдругъ буря зашумитъ, и снова все затихнетъ, —
И вотъ — наперегонъ полетомъ круговымъ
Начатки образовъ въ глазахъ моихъ несутся;
Я жду: вотъ — въ цѣлое сомкнутся:
Нѣтъ! Всѣ разсѣялись какъ дымъ.
Одинъ лишь образъ неотъемный,
Хоть легъ я ницъ, челомъ во прахъ,

Всегда, вездѣ — въ моихъ глазахъ.
Такъ лунный кругъ на зыби темной
Блеститъ, по лону водъ скользя:
Онъ близокъ, а достать нельзя.
Едва я въ небо взоръ мой вскину —
Во слѣдъ за взоромъ образъ тотъ
Взнесется въ звѣздную пучину,
И съ неба ангелъ мнѣ блеснетъ.
Видалъ-ли въ небѣ ты орлицу?
Видалъ-ли царственную птицу —
Подругу хищную орла,
Когда на парусѣ крыла
Плывя въ воздушномъ океанѣ,
Она, средь синихъ волнъ его,
Звѣрка земнаго бьетъ заранѣ
Стрѣлою взгляда своего, —
Виситъ на облакѣ и рѣетъ,
Подъ перья крылій вѣтерь вѣетъ,
Сама-жь недвижима она,
Какъ будто съ воздухомь спаялась,
Иль въ сѣть незримую попалась,
Иль къ небесамъ пригвождена?.
Такъ и *она* тамъ въ небѣ блещетъ,
А тутъ — звѣрекъ земной трепещетъ.

(поетъ)

Солнца-ль огненный щитъ надъ землею горитъ,
Или сумракъ ложится ночной —
Все я къ милой стремлюсь, все за нею гонюсь:
Хоть при мнѣ, но она — не со мной.

(говоритъ)

Такъ вотъ когда *она*, при мнѣ, хоть не со мной,
Когда мнѣ видится тотъ образъ неземной —

Нельзя-жь мнѣ, бѣдному, молчанья не нарушить
И милой отъ души словечка не сказать;
Ее по имени сердечно не назвать—
Нельзя.... А тутъ иной и радъ меня подслушать.
И вѣрно утренней порой
Сегодня-же меня подслушали.... Разгадку
Я нахожу теперь всему, всему... Постой,
Я разскажу все по порядку.
Послушай: дождь предъ тѣмъ лишь окропилъ поля,
И словно перлами покрытая земля
Лежала сонная. Вдали сѣдымъ туманомъ
Все было залито, какъ снѣжнымъ океаномъ;
Ужь мёркли группы звѣздъ, окончивъ путь ночной;
Гляжу: одна звѣзда сверкаетъ надо мной —
Зари предвѣстница. Мы подружились съ нею....
Потомъ — смотрю черезъ аллею....
(опомнясь и начиная хохотать)
Ха, ха, ха, ха! Не то загородилъ я ... Нѣтъ!
Вѣдь то совсѣмъ другое утро было.
Романовъ чтенье своротило
Мнѣ голову. Проклятый бредъ! *(припоминая)*
Я сызнова начну. Рѣдѣла ночь глухая;
Зарей румянился востокъ;
Я съ милою въ лѣсу бесѣдовалъ вздыхая.
Вдругъ — дождь какъ изъ ведра; все небо мракъ облекъ
И сильный вѣтеръ рѣзко дунулъ.
Какъ быть? Я скорчился, прилегъ,
Подъ кустикъ голову подсунулъ,
И съ *нею* разговоръ веду свой.... Не замай!
Вотъ тутъ-то онъ меня подслушалъ — негодяй!
Подслушалъ — вѣрно, но на сколько —

Не знаю: слышалъ-ли мои онъ вздохи только,
Иль слышалъ онъ и то, какъ дерзкія уста
Ее по имени — Маріей — называли.
Все могъ онъ слышать: онъ едва-ли
Былъ не у самаго куста.

КСЕНДЗЪ.

Скиталецъ бѣдный и несчастный!
Да кто-жь тебя подслушать могъ?

ПУСТЫННИКЪ.

Кто могъ подслушать? — Это ясно:
Тутъ былъ блестящій червячекъ
Свято-Ивановскій — творенье
Предоброе! — Онъ что-нибудь
Хотѣлъ мнѣ вѣрно въ утѣшенье
Изъ состраданія шепнуть,
И вотъ — подползъ мнѣ прямо къ уху
И говоритъ: зачѣмъ вздыхать?
Грѣхомъ отчаянія духу
Къ чему погибель накликать?
Кто виноватъ, что безконечно
Обворожительна *она*,
А ты — чувствителенъ сердечно?
Конечно — не твоя вина!
Взгляни на этотъ изумрудный,
Во мнѣ блестящій огонекъ!
— (Такъ говорилъ мнѣ червячекъ) —
И знай, что въ этой искрѣ чудной —
Моей погибели залогъ.
Сначала я, безвѣстенъ, теменъ,
Спокойно жилъ, но сталъ нескроменъ:

Мнѣ захотѣлось поблестѣть —
И сталъ любить я, сталъ горѣть....
А тутъ опасность вотъ какая:
Подобнымъ огонькомъ сверкая,
Ужь не одинъ товарищъ мой,
Враговъ голодныхъ привлекая,
Былъ съѣденъ ящерицей злой.
Теперь кляну свой блескъ опасный:
Мнѣ страшно жертвой быть врагу,
Хочу угаснуть, но напрасно!
Хочу угаснуть: не могу!
(указывая себѣ на сердце)
Да, не могу угаснуть — не могу.
Неутолимъ огонь моей горящей груди.

ДѢТИ *(къ отцу)*.

Папаша! Какъ-же это такъ?
Ну, слыхано-ль, чтобы червякъ
Могъ такъ же говорить, какъ люди?

ПУСТЫННИКЪ *(къ одному изъ мальчиковъ)*.

А почему-же нѣтъ? — Поди сюда, мой другъ!
Вотъ, наклонись-ка на сундукъ
Да приложи ушко: послушай!
Есть неочищенныя души
Во всѣхъ углахъ, по всѣмъ мѣстамъ.
Одна изъ нихъ — ты слышишь? — тамъ
Стучится; за грѣхи тамъ казнь она выноситъ,
Томится подъ замкомъ, заключена внутри, —
И лишь прислушайся — попроситъ:
«Молитву трижды сотвори!»

МАЛЬЧИКЪ.

Тикъ-такъ! тикъ-такъ! Неужели бѣдной душки
Жилищемъ этотъ сталъ сундукъ?
Какъ будто маятникъ часовъ изъ-подъ подушки
Стучитъ. Скажи, папа, что значитъ этотъ стукъ?

ПУСТЫННИКЪ.

Я говорю тебѣ: то стукъ души тревожной.
Теперь изъ той души возникъ
Кузнечикъ, червячекъ ничтожный,
А прежде это былъ великій ростовщикъ,
Скупецъ и человѣкъ безбожный.
(наклонясь къ сундуку)
Душа несчастная! Что нужно? — Говори!
(измѣнивъ голосъ)
«Молитву трижды сотвори!»
(своимъ голосомъ)
А, скряга! Такъ ты здѣсь? — Когда-то съ этимъ дѣдомъ
Я былъ знакомъ. Онъ былъ моимъ сосѣдомъ,
По горло въ золотѣ — ругалъ онъ нищету,
Гналъ отъ дверей своихъ вдову и сироту,
И нищему во имя неба
Полушки не далъ онъ, не бросилъ корки хлѣба.
Еще при жизни у мѣшка
Всегда душа его гнѣздилась
На днѣ роднаго сундука; —
Теперь, пока не заключилась
По непреложному суду
На муки вѣчныя въ аду,

Здѣсь въ сундукѣ она томится,
Грызетъ тамъ дерево, стучится,
И, сжата въ западнѣ своей,
Насъ проситъ всѣхъ, кто сжалится надъ ней,
Заступницѣ небесной помолиться.

(Ксендзъ приноситъ стаканъ воды)

ПУСТЫННИКЪ *(болѣе и болѣе приходя въ помѣшательство. къ ксендзу).*

Ты не оглохъ? Ты слышишь этотъ вой —
Вой злаго духа?

КСЕНДЗЪ.

Богъ съ тобой!
Мерещится тебѣ. Вездѣ такъ тихо, глухо,
Что, травка шевельнись, такъ слышно-бы и то.

ПУСТЫННИКЪ.

Такъ у тебя нѣтъ вовсе слуха!
(къ одному изъ дѣтей)
Поди сюда, дитя! Прислушивайся: что?

МАЛЬЧИКЪ.

Да, слышу: воетъ.

ПУСТЫННИКЪ *(къ ксендзу).*

Что-жь ты скажешь въ возраженье?

КСЕНДЗЪ.

Пустое! Вздоръ! Игра воображенья!
Ступайте, дѣти, спать. Господь хранитъ нашъ домъ.
Листъ не шелохнется: такая тишь кругомъ!

ПУСТЫННИКЪ *(къ дѣтямъ съ улыбкою).*

Что тутъ мудренаго? — Старикъ, отжившій годы,
Не слышитъ голоса природы.

КСЕНДЗЪ.

Вотъ, я принесъ воды. Ты пышишь какъ огонь,
Любезный гость мой. Ради Бога,
Прошу тебя: возьми водицы на ладонь,
Да освѣжи чело немного!

(Пустынникъ беретъ воды и освѣжается; въ это время часы начинаютъ бить; послѣ нѣскольких ударовъ пустынникъ роняетъ стаканъ и говоритъ, стоя неподвижно, съ мрачнымъ взоромъ).

ПУСТЫННИКЪ.

Чу! Прошелъ десятый часъ.
(Слышно пѣніе пѣтуха)
Часъ за часомъ льется.
Пѣтелъ крикнулъ въ первый разъ.
(Одна изъ свѣчъ гаснетъ сама собою)
Первый свѣтъ въ глазахъ угасъ.
Полночь лишь пробьется —
Вмигъ сокроюсь я отъ глазъ.
Я одинъ здѣсь пробылъ часъ:
Два мнѣ остается.
(Начинаетъ дрожать)
Какъ я озябъ, продрогъ! Какъ холодно у васъ!
Скажите: гдѣ я?

КСЕНДЗЪ.

Въ домѣ друга.

ПУСТЫННИКЪ *(жалобнымъ тономъ).*

Я думаю, приходъ мой въ поздній часъ
Надѣлалъ вамъ тревоги и испуга.
Не званъ, не жданъ — являюсь въ первый разъ.
Вамъ незнакомъ, и такъ одѣтъ убого,
И говорилъ, быть можетъ, слишкомъ много!
Не надобно объ этомъ разглашать —
Пожалуйста. — Я долженъ вамъ сказать,
Что странникъ я, пришедшій издалека,
Обкраденный, ограбленный жестоко.
Въ пути моемъ однажды встрѣтилъ я
Крылатаго разбойника; крылами
Онъ замахалъ, и прямо на меня
Напалъ съ своимъ колчаномъ и стрѣлами:
Ограбилъ онъ меня — злодѣй,
Лишилъ всего, что было прежде
Въ богатой юности моей.
Пришлось ходить — въ такой одеждѣ!

КСЕНДЗЪ *(который передъ этимъ съ недоумѣніемъ посматривалъ на потухшую свѣчу).*

Ну, успокойся-же! — Я только знать хочу,
Не изъ дѣтей-ли кто тутъ погасилъ свѣчу?

ПУСТЫННИКЪ.

Въ природѣ, ксендзъ, на каждое явленье
Ты думаешь найти причину, объясненье:
Изволь допрашивать свой жалкій разумъ! — Нѣтъ!
Нейдетъ твой разумъ на отвѣтъ.
Природа тайнами весь міръ нашъ обвиваетъ,
И этихъ дивныхъ тайнъ она не открываетъ
Не черни лишь одной глазамъ,
Но даже въ мудрость облеченнымъ
Не открываетъ ихъ ученымъ,
(съ яростію)
Не открываетъ и ксендзамъ.

КСЕНДЗЪ *(беретъ его за руку).*

Мой сынъ!

ПУСТЫННИКЪ.

Твой сынъ? — О, слово это разомъ,
Подобно молніи, мой озарило разумъ.
(Вглядывается въ ксендза и во все его окружающее)
Такъ! Узнаю и домъ, и это мѣсто я:
Ты — мой второй отецъ. Здѣсь — родина моя.
Какъ измѣнилось все! Какъ выросли малютки!
И ты — учитель старый мой —
Запорошился сѣдиной?

КСЕНДЗЪ.

Меня ты знаешь?—Нѣтъ? къ чему пустыя шутки?
(Беретъ свѣчу и всматривается)
Онъ! — Неужели онъ? — Не призракъ-ли одинъ
Передо мной?

ПУСТЫННИКЪ.

Густавъ.

КСЕНДЗЪ.

Мой ученикъ? Мой сынъ!
(Роняетъ свѣчу; дѣти поднимаютъ ее, зажигаютъ и ставятъ на столъ).

ГУСТАВЪ *(обнимая ксендза и посматривая на часы).*

Обнимемся-жь, отецъ! — Потомъ — и скоро даже —
Пойду далеко: близокъ часъ.
Потомъ — и ты пойдешь туда-же:
Обнимемся-жь въ послѣдній разъ!

КСЕНДЗЪ.

Густавъ! Откуда ты? — И я не зналъ — не вѣдалъ
Такъ долго о тебѣ! — Въ теченье столькихъ лѣтъ
Ты о себѣ мнѣ вѣсти не далъ!
Мнѣ думалось: въ живыхъ тебя ужь нѣтъ.
Хоть строчку-бъ написалъ! — Да что, скажи, съ тобою?
Обиженъ, можетъ быть, судьбою,
А можетъ быть — и самъ себя сгубилъ?
Ты пищей былъ моей учительской надеждѣ;
Ты школы былъ краса; я такъ тебя любилъ!
И вдругъ передо мной ты въ нищенской одеждѣ!

ГУСТАВЪ.

Старикъ! А если я взаимно упрекать
Тебя начну? — науки проклинать,

Которыми мой умъ ты просвѣщалъ когда-то?
Вѣдь ты жь меня училъ и грамотѣ проклятой
И тѣмъ сгубилъ меня? Не ты ль мнѣ средства далъ,
Чтобъ жизни въ пламенные годы
Я столько книгъ прелестныхъ прочиталъ
Съ прелестной книгою природы?
И вотъ, соблазнами мой разумъ охмѣля,
Земля моимъ явилась взглядамъ
Сначала раемъ, послѣ — адомъ,
А тутъ ни рай, ни адъ, а только лишь земля.

КСЕНДЗЪ.

Какъ? Неужели я — всѣхъ бѣдъ твоихъ причина?
Я ждалъ ли этого? — Предъ образомъ Христа
Здѣсь говорю, что я любилъ тебя, какъ сына,
И совѣсть у меня чиста.

ГУСТАВЪ.

Я въ томъ увѣренъ — и за это
Ты мной уволенъ отъ отвѣта.

КСЕНДЗЪ.

Усердно Бога я молилъ,
Чтобъ Онъ хоть разъ еще намъ видѣться судилъ.

ГУСТАВЪ.

Твою молитву Богъ услышалъ.
Ну, обними жь меня, покуда срокъ не вышелъ.
На свѣчи посмотри: погасла ужь одна,
Погаснетъ скоро и другая;
Кружится стрѣлка роковая, —
Вѣдь поздно ужь, а мнѣ дорога — охъ, длинна.

КСЕНДЗЪ.

Хотѣлъ бы я твои прослушать похожденья,
Но ты, не малый сдѣлавъ путь,
Усталъ и хочешь отдохнуть,
Да надобно жь тебѣ для подкрѣпленья
Перехватить чего-нибудь; —
А завтра мы....

ГУСТАВЪ.

Нѣтъ! — Угощенья
Я не приму: мнѣ нечѣмъ заплатить.

КСЕНДЗЪ.

Не стыдно ли тебѣ объ этомъ говорить?

ГУСТАВЪ.

Нѣтъ! Проклятъ, кто беретъ безъ платы; —
Убоги мы или богаты —
За все должны платить. Кто бродитъ подъ грозой
Безъ крова, тотъ плати хоть чувствомъ, хоть слезой,
А въ благодарность кто слезу свою истратитъ,
Тому за ту слезу Всевышній самъ заплатитъ.
Но я, съ тѣхъ поръ какъ Богъ сюда меня занесъ,
На каждый уголокъ потратилъ столько слезъ,
Что ни одной ужь нѣтъ въ запасѣ къ новой тратѣ,
А въ долгъ я не вхожу, гдѣ средства нѣтъ къ уплатѣ.

(помолчавъ)

Недавно посѣтилъ я домъ
Покойной матери: нашелъ лишь тѣнь строенья;

Едва узналъ. Какая глушь кругомъ!
Разобранъ частоколъ; разбросаны каменья;
Подъѣздъ заросъ полынью, мхомъ,
И тихо все окрестъ, какъ въ полночь на кладбищѣ.
Когда-то не таковъ былъ въѣздъ мой въ то жилище:
Бывало, ѣду я — у городскихъ воротъ
Меня моя прислуга ждетъ;
Въѣзжаю въ городъ — сестры, братья
Толпой на встрѣчу мнѣ стремглавъ
Бѣгутъ, кричатъ: «Густавъ! Густавъ!»
И простираютъ мнѣ объятья;
Съ благословеніями мать
Идетъ родимаго встрѣчать;
Товарищи меня глушатъ заздравнымъ кликомъ.....
А тутъ — одинъ, въ ночной тиши,
Угрюмо, въ запустѣньѣ дикомъ
Бродилъ, бродилъ я: ни души!
Вдругъ — слышу лай: А! Это ты — старинный
Стражъ дома, нашъ слуга и другъ —
Барбосъ! — Остался ты единый
Отъ множества друзей и слугъ;
Старъ, голоденъ и тощъ — ты все не измѣнился:
Несчастный! Ты хранишь въ безмолвіи ночномъ
И двери безъ замка, и безъ хозяевъ домъ.
Поди ко мнѣ, Барбосъ!—Пошелъ... остановился....
Смотрѣлъ... смотрѣлъ... узналъ! — Ко мнѣ остаткомъ ногъ
Рванулся, — полизалъ мнѣ руку — и издохъ.

Глядь! Въ окнахъ свѣтъ мелькнулъ. Чу! Слышны отголоски.
Я любопытствую — вхожу.

И что жь? Грабителей свирѣпыхъ нахожу:
Разносятъ кирпичи, выламываютъ доски,
И ужь занесъ топоръ одинъ злодѣй
Надъ мѣстомъ тѣмъ.... я весь затрясся.... Боже!
Надъ мѣстомъ, гдѣ стояло ложе
Покойной матери моей.
«Прочь, хищникъ!»—грянулъ я—и на него кидаясь,
Какъ разъяренная гроза,
Такъ сжалъ его, что онъ отпрянулъ задыхаясь,
И страшно выкатилъ злодѣйскіе глаза.
Ужь утро брежжилось. Я на-земь сѣлъ — и больно,
Охъ, больно было мнѣ и плакалось невольно.
Вдругъ вижу: движется во мглѣ
Старуха въ рубищѣ: — блѣдна, на костылѣ
Бредетъ — и на меня наткнулась,
Увидѣла меня и ужаснулась,
Хотѣла вскрикнуть — не могла
И тощею рукой креститься начала.
Не знаю, кто изъ насъ страшнѣе былъ; но духу
Я не терялъ и ободрилъ старуху:
«Не бойся!—я сказалъ—не бойся! Богъ съ тобой!
Старуха добрая! Скажи, кто ты такая?
Не здѣшняя ли ты? Тутъ сторона глухая,
И этотъ домъ совсѣмъ пустой.
Коли не здѣшняя — откуда спозаранья,
Да и зачѣмъ ты забрела сюда?» —
«Я тутъ убогая, — она мнѣ сквозь рыданья
Отвѣтила, — мои тутъ жили господа,
Такіе добрые! Они на томъ ужь свѣтѣ.
Дай Богъ тамъ царство имъ небесное! — А здѣсь
Имъ счастья не судилъ Всевышній. Родъ ихъ весь
Перевелся; повымерли всѣ дѣти;

Никто по нихъ слезы въ поминки не прольетъ.
Несчастные! Домъ пустъ теперь, гніетъ.
Изъ всей семьи, тутъ жившей вмѣстѣ,
Остался баринъ молодой,
Да и о томъ давно нѣтъ вѣсти, —
И тотъ ужь, чай, въ землѣ сырой!»
Я выслушалъ. Такъ все свершилось въ полной мѣрѣ!
Казалось, все вокругъ меня тряслось;
Едва я устоялъ, схватясь за раму двери —
И кровью сердце залилось,
Съ землей всѣ связи распаялись.
Погибло все!

КСЕНДЗЪ.

Душа и Богъ остались.
Земное все пройдетъ — и счастье, и бѣды.
Земля сама сотретъ всѣхъ дѣлъ своихъ слѣды.

ГУСТАВЪ.

А сколько здѣсь воспоминаній
Мнѣ оживляетъ этотъ домъ!
Свое я помню дѣтство въ немъ
И школу.... Сколько начинаній,
Себѣ невидѣвшихъ конца!
Здѣсь росъ я межъ дѣтьми другими,
И помню, какъ бывало — съ ними
Въ пескѣ я рылся у крыльца,—
И съ ними же потомъ я бѣгалъ въ лѣсъ недальній:
Тамъ гнѣзда птичекъ разорялъ;
Подъ окнами рѣка служила намъ купальней;
Потомъ — бѣгъ взапуски, гдѣ всѣхъ я обгонялъ.
Бывало, утреннимъ или вечернимъ часомъ,

Я съ книгой въ поле ухожу,
И тамъ бесѣдую съ Гомеромъ или Тассомъ,
Глотаю каждый стихъ и наизусть твержу, —
Иль, лежа на травѣ въ прохладномъ перелѣскѣ,
Читаю, какъ врагамъ былъ страшенъ Годофредъ,
Иль какъ нашъ Іоаннъ—нашъ храбрый Собіесскій—
Подъ Вѣной турокъ билъ, дивя геройствомъ свѣтъ,—
И Собіесскимъ я себя воображаю,
Зову товарищей,—затѣялась игра:
Полки я къ битвѣ выставляю
И знакъ даю — впередъ! Ура!
Тотъ лѣсъ мнѣ кажется колонной войскъ нѣмецкихъ
А въ томъ кустарникѣ являются рога
Мнѣ полу-мѣсяцевъ турецкихъ —
И мы несемся на врага:
Маршъ-маршъ! Посыпались удары —
И, какъ снопы, валятся янычары,
Съ чалмами головы летятъ,
Ихъ топчутъ въ прахъ коней копыты,
А сабли польскія блестятъ,
Какъ молніи.... Враги разбиты,—
И вотъ — гора: то вѣнскій валъ.
«Туда! За мной!» — Я восклицалъ —
И въ высь мы ринулись, какъ тигры....

Она тутъ вышла, чтобъ на насъ
И наши бѣшеныя игры
Полюбоваться,— и какъ разъ
Пришлось ей надо мной высоко
Стоять, гдѣ знамя лже-пророка
Мнѣ представлялось.... Я взглянулъ.—
Заныло сердце, я вздохнулъ —

И вмигъ — прощай, моя побѣда!
Прощай, война и ратный станъ!
Прощай! — Не стало Годофреда;
Погибъ воитель — Іоаннъ.

Съ тѣхъ поръ питаемыя мною
Желанья, чувства — все мое
Пошло дорогою одною:
Отъ *ней* и къ *ней* черезъ *нее.*
Здѣсь для меня все дышитъ ею:
Тутъ въ первый разъ явилась мнѣ она;
Тутъ съ лаской ангельской своею
Мнѣ слово молвила. Здѣсь виденъ изъ окна
Пригорокъ, гдѣ Руссо читали мы. Бесѣдку
Тутъ я устроилъ ей, сплетая съ вѣткой вѣтку.
Тамъ — дальше — изъ-подъ тѣхъ кустовъ,
Изъ рощицъ тѣхъ, донынѣ цѣлыхъ,
Я набиралъ и лучшихъ ей цвѣтовъ,
И сочныхъ ягодъ, самыхъ спѣлыхъ,
Тамъ близъ меня она, нагнувшись надъ рѣкой,
Бросала удочку жилицамъ влаги зыбкой
И вдергивала вдругъ трепещущей рукой
Крючекъ съ подхваченной серебряною рыбкой; —
А здѣсь....

(Плачетъ)

КСЕНДЗЪ.

Уйми порывъ рыданья своего!
Къ чему напрасныя стенанья?
Тебя снѣдающій недугъ воспоминанья
Лишь сердце растравитъ, не облегчивъ его.

ГУСТАВЪ.

Въ теченье этихъ лѣтъ переворотъ ужасный!
Въ счастливѣйшихъ мѣстахъ здѣсь самый я несчастный.
Нельзя не плакать мнѣ: подумай, не шутя!
Пусть камнемъ тѣшится дитя
И пусть растетъ, не покидая
Того же камня,—въ край изъ края
Съ нимъ переходитъ,—цѣлый вѣкъ
Съ нимъ неразлученъ: такъ иль этакъ—
Онъ все съ тѣмъ камнемъ; напослѣдокъ—
Ужь старецъ—пусть въ послѣдній часъ,
Съ послѣднимъ вздохомъ жизни тщетной
Падетъ онъ, головой склонясь
На тотъ же камень свой завѣтный.
Послушай: ежели тогда
Слезъ не прольетъ и самый камень,
Возьми его, и безъ суда
Повергни прямо въ адскій пламень!

КСЕНДЗЪ.

Не осуждаю слезъ я чистыхъ и святыхъ,
Гдѣ съ горечью земной отрады неба слиты:
Пускай онѣ текутъ! — Но много слезъ иныхъ:
При горечи своей тѣ слезы ядовиты.

ГУСТАВЪ.

Послушай, что еще тебѣ я разскажу:
Недавно... осенью —.я по саду хожу;
Ужь время къ утру; даль въ туманѣ;
Тамъ — туча темная; тамъ — мѣсяцъ золотой,—

И звѣзды, кончивъ путь ночной,
Въ лазурномъ тонутъ океанѣ,
А надо мной одна звѣзда
Блеститъ, какъ нѣкогда блистала,
И — словомъ — тутъ все было, какъ тогда —
Въ ту ночь прощальную: *ея* недоставало!
Что если бъ.... Боже мой!... Чу! Шорохъ.... неужель?
Нѣтъ! Пожелтѣлый листъ, зашелестивъ, свалился.
Вотъ и бесѣдка та — блаженства колыбель
И гробъ блаженства!.. Здѣсь я съ нею объяснился,
Съ ней сердцемъ сблизился и навсегда простился.
Здѣсь я прочувствовалъ всю сладость бытія
И муки страшныя. Быть можетъ, думалъ я,
На этомъ мѣстѣ былъ ея вчерашній роздыхъ
И не остылъ еще ея волшебный слѣдъ,
Она сидѣла тутъ, вдыхала этотъ воздухъ....

Смотрю — прислушиваюсь... нѣтъ!
На тонкой нити надо мною
Висѣлъ паукъ: и я, какъ онъ,
Въ то время съ жизнію земною
Лишь слабой нитью былъ скрѣпленъ.
Вдругъ вижу — на скамьѣ — тамъ — въ уголку бесѣдки
Лежитъ — оставленный, забытый стебелекъ
И зелень кипарисной вѣтки —
Послѣдняго «прости» таинственный залогъ; —
И я къ ней кинулся со всѣмъ порывомъ страсти:
Вѣдь эта часть — сестра моей завѣтной части!
И *ею* брошена! — Какъ друга прошлыхъ дней,
Ту вѣтку обнялъ я, и обо всемъ у ней

Давай разпрашивать! Все, все хотѣлъ узнать я:
Какъ незабвенная живетъ?
Здорова ль? Рано ли встаетъ?
Какія у нея въ часъ утренній занятья?
Романсы прежніе, иль новые поетъ?
Въ которой изъ своихъ бываетъ чаще комнатъ?
И помнитъ ли меня? Когда жь случайно вспомнитъ—
Она краснѣетъ ли попрежнему тогда?
Не вспоминаетъ ли невольно иногда?
И часто это или рѣдко?
И что жь открыла мнѣ оставленная вѣтка?
Ужасно вымолвить! Увы!
О, какъ насъ любопытство губитъ.

Эхъ, женщина!
(къ дѣтямъ)
Ребята! Вы
Составьте хоръ для пѣсни: «какъ полюбитъ» —
Споемъ!
(поетъ)

Какъ полюбитъ не на шутку
Красна дѣвица кого —
Вновѣ каждую минутку
Вспомнитъ друга своего.

ХОРЪ ДѢТЕЙ.

То-то любитъ, поминутно
Вспоминаючи его!

ГУСТАВЪ.

Послѣ — гдѣ жь ловить минутки? —
Вспоминаетъ каждый часъ,

А потомъ — однажды въ сутки,
А потомъ — въ недѣлю разъ.

ХОРЪ ДѢТЕЙ.

Все же любитъ, разъ въ недѣлю
Вспоминаючи о насъ.

ГУСТАВЪ.

Дальше — вспомнитъ мѣсяцъ каждый,
То съ почину, то съ хвоста,
А ужь тамъ — и въ годъ однажды —
Въ дни великаго поста,—
Въ дни великаго поста,
Передъ праздникомъ Христа.

ХОРЪ ДѢТЕЙ.

И за то еще спасибо:
Не забыла до-чиста.

ГУСТАВЪ *(показывая вѣтку)*.

Вотъ ею брошенный минувшаго залогъ!
Ужь ей воспрещены тѣхъ дней воспоминанья!
Изъ саду вышелъ я: передо мной — чертогъ,
И тысячи огней, и звуки ликованья,
Средь мглы ночной ярчайшій свѣтъ,
Толпа народу, стукъ каретъ.
Я тихо вдоль стѣны неслышными шагами,
Какой-то силою невѣдомой влекомъ,
Пробрался, сталъ между столбами,
Приникъ къ стеклу дверей глазами,
Гляжу: столы накрытые кругомъ;

Всѣ двери замкнуты; сіяньемъ тріумфальнымъ
Облито все внутри; — и оглашенъ весь домъ
И пѣніемъ, и громомъ музыкальнымъ.
Ну, думаю — обрядъ какой-нибудь!... Гляжу:
Провозглашаютъ тостъ, съ виномъ бокалы носятъ...
Чей тостъ? — Тутъ имя произносятъ...
Чье имя? — Страшно! Не скажу.
Какой-то незнакомый голосъ
«Да здравствуетъ!» — при кликахъ произнесъ,
Музыка грянула... Я вздрогнулъ... дыбомъ волосъ...
Казалось мнѣ: все зданье потряслось.
«Да здравствуетъ!» — И я тутъ мысленно поздравилъ
И вслѣдъ за тѣмъ «прости» вполголоса прибавилъ.
Благодарятъ... Чья это рѣчь слышна?
Она?.. Возможно ли... Она?
Нѣтъ! нѣтъ? Не знаю... За гостями
Не видно было мнѣ... Съ померкшими очами
На стѣну зданія всей силой я налегъ,
Перехватилъ столбы — и мощными плечами
Хотѣлъ я сдвинуть ихъ и развалить чертогъ...
Но, уступивъ изнеможенью,
На землю, бездыханный, палъ.
(Задумывается)
Я думалъ: жизни я лишился, — къ сожалѣнью,
Я только разумъ потерялъ.

КСЕНДЗЪ.

Ты эти муки самъ навлекъ себѣ, безумный.

ГУСТАВЪ.

Какъ трупъ, близъ этой сходки шумной,
Лежалъ я на землѣ подъ небомъ, полнымъ тучъ;.
Когда жь очнулся я — зари кровавый лучъ
Ужь проступалъ. Кругомъ все тихо было
И холодно, и пусто... Я дрожалъ...
Казалось: вкругъ меня — могила.
Не знаю, долго ль такъ еще я пролежалъ,
Быть можетъ — только мигъ, но мигъ тотъ былъ
не малъ:
Преображенный въ безконечность,
Разящъ, какъ молнія,—неизмѣримъ, какъ вѣчность,
Былъ этотъ мигъ, мной прожитый тогда:
Не повторится ль онъ въ день страшнаго суда?
Тутъ ангелъ смерти мнѣ явился, и изъ саду
Онъ вывелъ грѣшника за райскую ограду.

КСЕНДЗЪ.

Вотъ видишь: самъ себѣ ты горя прибавлялъ!
Зачѣмъ ты рану растравлялъ,
Когда она едва закрылась?
Простая истина, извѣстная давно:
Нельзя перемѣнить того, что совершилось.
Знать, Богомъ вамъ не суждено
Сойтись въ чертѣ земнаго круга.

ГУСТАВЪ.

Нѣтъ, Богъ насъ создалъ другъ для друга:
Мы Имъ во всемъ уравнены;
Мы были подъ одной звѣздою рождены.

И въ склонностяхъ и въ мысляхъ сходны,
Однимъ огнемъ оживлены,
Въ душѣ, во всемъ — одноприродны.
Все, что природа намъ дала,
На связь служило намъ залогомъ,
Но связь, основанную Богомъ,
Ты, женщина, разорвала!

(Приходя въ ярость).

Ты, женщина, ты — прахъ созданья,
Ты — пыль земли, ты — пухъ, ты — дымъ, —
И прелесть, прелесть — ты! О, тутъ безъ состязанья
Тебѣ уступитъ херувимъ.
Свѣтлѣй ты ангела снаружи —
Свѣтлѣй!.. Но сердцемъ, но душой
Ты хуже, нежели... о, хуже!
Какъ ослѣпило — Боже мой! —
Тебя, сіявшую какъ звѣздочка въ эѳирѣ,
Богатство, золото — тщета земныхъ владыкъ!
О, если бъ все, къ чему ты въ мірѣ
Ни прикоснешься, въ тотъ же мигъ
Являлось золотомъ подъ нѣжными перстами!
Хватай его и торжествуй!
Къ чему ни приложись устами —
Все — только золото: цѣлуй!
Въ своихъ объятьяхъ сладострастныхъ
Сжимай его на ложѣ сна!

О, если бъ мнѣ была дана
Свобода — выбрать изъ прекрасныхъ,
И дивной женской красоты
Я встрѣтилъ образъ непорочный —
Милѣй, чѣмъ райскія мечты,

Свѣтлѣй, чѣмъ солнца лучъ восточный,
Обворожительнѣй... чѣмъ ты,—
И будь она — вѣнецъ творенья,
И будь въ ней высшихъ благъ залогъ,
И если бъ только мановенья
Мнѣ стоило — и я бы могъ...
Я и тогда бы обладанью
Всѣмъ этимъ счастьемъ предпочелъ
Твой взоръ одинъ! — Къ очарованью
Вдобавокъ — будь за ней престолъ, —
Неси въ приданое та дѣва
Съ собой Америку,— будь съ солнцемъ на челѣ —
Царица міра на землѣ
И надъ вселенной королева —
Она пошла бы прочь, отвергнутая мной!
И если бы она неслыханной цѣной,
Всей роскошью дворцовъ, всѣмъ золотомъ вселенной
Замыслила купить для радости мгновенной
Хоть нѣсколько моихъ пустыхъ и праздныхъ дней —
Частицу бытія съ ея минутнымъ жаромъ,
Я бъ отказалъ и въ этомъ ей,
И цѣлую бы жизнь тебѣ я отдалъ даромъ
Со всѣмъ огнемъ души моей!
И если бы она всей силой обольщенья
Просила году лишь, недѣли, только дня —
Нѣтъ! нѣтъ! И одного мгновенья
Взять не могла бы у меня!

(Сурово)

А ты — безчувственна какъ камень,
Мнѣ приговоръ произнесла;

Своимъ вѣнчальнымъ «да» ты вѣчный, адскій пламень
Между собой и мной зажгла,
И цѣпь, которая для насъ Творцомъ ковалась,
Подъ этимъ пламенемъ расплавилась, распалась.
Измѣнница! Меня сгубила ты.
Постой! Съ небесной высоты
Нависли грозные удары.
Дрожи, преступница: я самъ
Не отпущу тебя безъ кары.
Казнь! Казнь! Предатели! Я — къ вамъ!
(Вынимаетъ кинжалъ и говоритъ съ злобной иронiей)
Забаву славную, блестящую игрушку
Съ собой почтеннѣйшимъ гостямъ
Несу на брачную пирушку.
Бокалы ваши всѣ осушены до дна.
На новый пирный тостъ придется мнѣ, какъ видно,
Вамъ нацѣдить багрянаго вина.
О, рода женскаго зловредная эхидна!
Вѣнцомъ могильнымъ я чело твое повью
И въ адъ тебя возьму, какъ собственность свою!
(Задумывается)
Нѣтъ! Если бъ кто убiйцей плавалъ
Въ ея крови, кто бъ могъ ту кровь пролить,
Тотъ первый дьяволъ долженъ быть...
Нѣтъ! Больше тотъ, чѣмъ первый дьяволъ.
(Прячетъ кинжалъ)
Желѣзо совѣсти пусть *ей* пронзаетъ грудь —
И только. Прочь, кинжалъ ненужный!
Я къ ней пойду, но мирный, безоружный,
Пойду, чтобъ на нее взглянуть.
Тамъ — пиръ у молодыхъ. Въ блестящихъ одѣяньяхъ

Тамъ гости пьютъ вино при шумныхъ восклицаньяхъ,
Толпа разгульна, весела,
Повсюду говоръ громогласный;
Я, въ этомъ рубищѣ, несчастный,
Съ соломеннымъ вѣнкомъ вкругъ блѣднаго чела,
Войду и стану у стола.
Всѣ смотрятъ на меня — тѣ кротко, тѣ сурово,
Одни смѣются, тѣ встаютъ
И за мое здоровье пьютъ.
Мнѣ предлагаютъ сѣсть; но я стою: ни слова!
На томъ-же мѣстѣ, у стола,
Я нѣмъ и хладенъ, какъ скала.
Тутъ пѣнья, музыки живые льются звуки;
Тѣ, въ танцѣ свивъ гирляндой руки,
Въ свой кругъ зовутъ меня: «войди!»
А я... одна рука притиснута къ груди,
Въ другой — та вѣтка — знакъ разлуки,
Въ лохмотьяхъ, изможденъ, подавленъ грузомъ муки,
Съ соломеннымъ вѣнкомъ вкругъ блѣднаго чела,
Стою — недвижный, какъ скала.
Вотъ и *она* меня, какъ гостя дорогого,
Привѣтствуетъ, со мной заводитъ разговоръ;
«Кто ты? Откуда ты?» — А я стою: ни слова!
А между тѣмъ вперю въ глаза ея мой взоръ.
О! это будетъ взглядъ змѣиный,
Пронзающій насквозь, молніеносный взглядъ!
Да! Я въ глаза свои и въ этотъ взглядъ единый
Изъ сердца подниму всѣхъ демоновъ, весь адъ,—
И будь она слѣпа, будь хладный трупъ, будь камень —

Какъ ѣдкій адскій дымъ, какъ острый адскій пламень,
Подъ вѣки глазъ ея прорѣжется мой взглядъ,
Проникнетъ въ голову и въ мозгъ ея вопьется,
И будетъ цѣлый день всѣ мысли въ ней мутить,
И въ ночь отъ сна ее будить,
И сызнова терзать, когда она проснется —
Терзать! — Пусть мучится она
Отъ свѣта и до тьмы, отъ мрака и до свѣта!
(Съ чувствомъ жалости)
Терзать!.. А какъ она нѣжна,
Чувствительна! Творецъ мой! — Это —
Пушокъ на гибкомъ стебелькѣ
Весенней утренней былинки,
Который рвется налегкѣ
При чуть-дохнувшемъ вѣтеркѣ,
И, сжавшись, гибнетъ отъ росинки!
Бывало, въ нашъ бесѣдный часъ
Ее пугало каждый разъ
Мое нежданное движенье,
И какъ, бывало, больно ей
При каждомъ обращенномъ къ ней
Неосторожномъ выраженьѣ!
Тончайшій сумракъ думъ моихъ
Уничтожалъ ея веселость разомъ;
Неуловимое для нашихъ глазъ земныхъ
Умѣли мы читать всезрящимъ сердца глазомъ.
Случалось: мысль мелькнетъ лишь въ головѣ моей —
Ту мысль мой взглядъ одинъ ей прямо въ душу вноситъ,
А изъ ея божественныхъ очей

Мнѣ взглядъ ея ту мысль обратно перебросить.
Любовь моя была такъ нѣжно-горяча!
И нѣжность ту въ себѣ могу-ль я уничтожить?
Пойду-ль теперь я милую тревожить,
Скрывъ обожателя подъ маской палача?
(Послѣ минутной задумчивости)
Прочь, ревность низкая! Чего отъ *ней* хочу я?
За что ее казнить пойду я?
Старалась-ли меня она завлечь,
Со мною заводя кокетливую рѣчь
И сердце юноши обдуманно волнуя
Улыбкой хитрою, соблазномъ томныхъ глазъ?
Ее измѣнницей зову я,—
Да развѣ мнѣ она клялась?
Иль мой дразнила жаръ надеждою лукавой?
Нѣтъ! Самъ во всемъ я виноватъ.
Самъ населилъ себѣ чудовищами адъ,
Самъ опоилъ себя отравой.
Чего-жь ты бѣсишься, шальная голова?
Ты разсуди: ну, гдѣ твои права?
И что ты? Гдѣ твой санъ, достоинства и слава?
Гдѣ подвиги, свершонные тобой?
Любовь — твое единственное право,
Въ ней все — твой санъ и подвигъ твой.
(Минутное молчаніе)
Да, правда! — Но вѣдь я, средь скромнаго сознанья,
Не простиралъ далеко притязанья,
Не требовалъ взаимности прямой:
Просилъ лишь нѣсколько вниманья,
Да, только будь она со мной!
Я не промолвилъ-бы и слова слишкомъ вольно.

Будь какъ съ роднымъ своимъ, какъ съ братомъ —
и довольно!
Лишь только-бъ каждый день я могъ себѣ сказать
Сегодня съ нею я, вчера былъ тоже съ нею,
И буду завтра съ ней опять!
Вотъ было что мечтой верховною моею!
Поутру первому привѣтъ ей принести,
Послѣднему сказать вечернее «прости!» —
И счастливъ былъ-бы я! О, счастливъ!

Стой! Далеко
Въ мечтахъ ты залетѣлъ. Завистливое око
Ее ревниво стережетъ.
Ужь ей нельзя со мной и повидаться!
Мнѣ скажутъ: прочь поди! — и намъ велятъ раз-
статься,
Велятъ мнѣ умереть... Эхъ, каменный народъ!
Вы вникните въ конецъ пустынника жестокій:
На Божій міръ въ послѣдній разъ
Онъ взглянетъ, бѣдный, одинокій —
И некому закрыть его померкшихъ глазъ.
Онъ всѣми брошенъ. Трупъ остынетъ,
Никто за прахомъ не пойдетъ,
Никто песку на гробъ не кинетъ,
Никто слезинки не прольетъ.

(Съ умиленіемъ)

Когда-бъ я могъ, какъ гость случайный,
Тебѣ явиться хоть во снѣ!
Когда-бъ хоть на день, съ грустью тайной,
Надѣла трауръ ты по мнѣ,
Иль свой нарядъ цвѣтно-узорный
Ты оттѣнила лентой черной,

Да отвернувшись какъ-нибудь
И внемля чувства отголоску,
Вздохнула — и себѣ на грудь
Хоть-бы одну сронила слезку,
Промолвивъ мысленно: онъ былъ
Такъ сердцемъ преданъ мнѣ! Онъ такъ меня любилъ!

(Съ дикою ироніей)

Стой! Стой! Разнѣжился опять!
Довольно, птенчикъ, щебетать!
Уймитесь, женскія стенанья!
Прочь, жалобный, плаксивый тонъ!
Въ минуту съ жизнью разставанья
Счастливцу лишь приличенъ стонъ.
Всего судьба меня лишила
По злобной прихоти своей,
Но не отниметъ эта сила
Остатка гордости моей.
Я чуждъ людскаго сожалѣнья
Былъ въ этой жизни до конца
И не унижусь до моленья,
Чтобъ пожалѣли мертвеца.

(Съ рѣшимостью)

Какъ хочешь — я тебѣ помѣхою не буду.
Свободно избирай какой угодно путь!
Ты хочешь все забыть? — Пожалуй, позабудь!
Мнѣ все равно. И я забуду,—
Забуду, какъ страдалъ, любилъ....
Забуду все... ужь позабылъ,

(Погружается въ задумчивость)

Ея черты въ моемъ воображеньѣ
Стираются... блѣднѣютъ... ихъ ужь нѣтъ —

Изгладились. —Любовь — земное заблужденье,
Безумной суетности бредъ!
Все это времени уноситъ скоротечность:
Я выше сталъ. Передо мной —
Бездонный океанъ, безоблачная вѣчность:
Прочь этотъ мелкій прахъ земной!
(Вздыхаетъ)
Но — я вздохнулъ. Ужель вздыхаютъ и въ могилахъ?
Ужели сердца жизнь и тамъ сохранена?
Нѣтъ! Нѣтъ! Ее забыть и мертвый я не въ силахъ.
Вотъ этотъ образъ! Вотъ — мнѣ видится *она.*
Вотъ надо мной чело склоняетъ
И горько, горько слезы льетъ.
Плачь, милая! — Конецъ! Густавъ твой умираетъ.
(Рѣшительно)
Но — далѣе, Густавъ! — Впередъ! — Смѣлѣй впередъ!
(Съ жалостью)
Что плачешь, милая? Напрасно! Успокойся!
Не плачь! Онъ не возьметъ — не бойся! —
Съ собою ровно ничего.
Оставитъ все тебѣ, всѣ жизни наслажденья,
Весь этотъ міръ и всѣ его волненья,
И даже... даже — твоего...
Не проситъ ничего — и слезъ твоихъ не проситъ.
(Къ ксендзу, который въ это время входитъ съ служителями)
Послушай, ксендзъ: коль въ жизни встрѣтишь ты
Дѣвицу... женщину небесной красоты,
И ежели она тебя случайно спроситъ,
Какъ приключилась смерть моя —
Не сказывай, что умеръ я

Въ отчаяньѣ отъ смертной раны,—
Нѣтъ! Ты скажи, что я, веселый и румяный,
О той, кого любилъ, совсѣмъ не вспоминалъ,
Съ друзьями бражничалъ, игралъ,
Любилъ разгулъ, вино, тревогу,
И какъ-то разъ хмѣльной, среди развратныхъ дѣлъ,
Переломилъ себѣ въ безумной пляскѣ ногу—
И тутъ-же, пьяный, околѣлъ.
(Закалывается)

КСЕНДЗЪ.

Густавъ! возможно-ль? Какъ? Вѣдь ты отчетъ дашь
Богу!
(Хватаетъ его за руку; Густавъ стоитъ неподвижно; часы начинаютъ бить)

ГУСТАВЪ *(смотря на часы, въ смертномъ томленіи).*

Одиннадцать.

КСЕНДЗЪ.

Густавъ! О, сынъ мой!
(Слышно пѣніе пѣтуха)

ГУСТАВЪ.

Что, отецъ?
Пѣтухъ еще пропѣлъ: исходитъ жизнь земная.
(Другая свѣча гаснетъ)
Погасла и свѣча вторая.
Теперь — страданіямъ конецъ.
(Прячетъ кинжалъ)

КСЕНДЗЪ.

Нельзя-ль еще извлечь бѣднягу изъ напасти?
Страдалецъ! Самъ себѣ могилу ископалъ!
Самоубійцею, несчастной жертвой страсти,
Онъ палъ, въ безуміи.

ГУСТАВЪ *(съ холодною улыбкою).*

Однако-жь — не упалъ.

КСЕНДЗЪ.

Густавъ! Какое преступленье!
Какой ужасный грѣхъ! Ты тяжко согрѣшилъ.

ГУСТАВЪ.

Оставь пустое опасенье!
Все, что ты видѣлъ здѣсь, давно я совершилъ —
И осужденъ за то. Теперь для поученья
Я сцену прошлаго безумства повторилъ.

КСЕНДЗЪ.

Какъ?

ГУСТАВЪ.

Театральное тутъ было представленье,
Фантасмагорія.

КСЕНДЗЪ.

Я весь дрожу... нѣтъ силъ...
Мнѣ все непостижимо это.

ГУСТАВЪ.

Я былъ здѣсь два часа: сперва былъ часъ любви,
Потомъ — отчаянья, омытаго въ крови;
Насталъ послѣдній часъ — часъ добраго совѣта.

КСЕНДЗЪ.

Да сядь! Господь съ тобой!
Иль лучше — лягъ! Брось ножъ проклятый свой!
Осмотримъ-ка да перевяжемъ рану.
Я вылечу.

ГУСТАВЪ.

Повѣрь: до страшнаго суда
Ужь я не обнажу кинжала никогда
И впредь безумствовать не стану.
О ранахъ не тужи! Не трать напрасно словъ!
Ты видишь: я совсѣмъ здоровъ.
Не нужно мнѣ твое лекарство.

КСЕНДЗЪ.

Что-жь видѣлъ я сейчасъ?

ГУСТАВЪ.

Безуміе мое,
Похожее, пожалуй, на фиглярство.
Повѣрь: кинжалы есть, которыхъ остріе
Хоть въ бренномъ тѣлѣ намъ злыхъ ранъ не производитъ,
За то мучительно, глубоко въ душу входитъ.
Ихъ два: я оба испыталъ.

При жизни — женскій взоръ — одинъ такой кин-
жалъ, —
Порукой въ томъ—моихъ страданій повѣсть,—
Другой-же.... надъ моей душой
И тотъ испробованъ.... другой—
По смерти — грѣшника терзающая совѣсть.

КСЕНДЗЪ.

Во имя Троицы святой!...
Ты блѣденъ, какъ мертвецъ; ужасной бѣлизной
Заволоклись глаза. *(Беретъ Густава за руку)*
Не бьется пульсъ твой. Руки
Какъ ледъ,—и словъ твоихъ могилой вѣютъ звуки.

ГУСТАВЪ.

Объ этомъ — въ слѣдующій разъ!
Теперь, какъ я сказалъ, идетъ послѣдній часъ.
Хочу тебя спросить: послушай, — какъ явился
Я въ домъ твой, ты съ дѣтьми молился
За души грѣшниковъ?

КСЕНДЗЪ.

Да, да,—
И мы не кончили. Подите-ка сюда
Вы, дѣти!

ГУСТАВЪ.

Нѣтъ, — постой! скажи мнѣ откровенно:
Ты вѣруешь въ чистилище и въ адъ?

КСЕНДЗЪ.

Во все я вѣрую смиренно,
О чемъ священныя мнѣ книги говорятъ,
Во что мнѣ церковь вѣровать велѣла.

ГУСТАВЪ.

Да,—и во что твои отцы
Сердечно вѣровали: дѣло!
Однако-жь не во всемъ ты взялъ ихъ въ образцы:
Обрядъ торжественный — обрядъ поминовенья
Почившихъ въ сѣни гробовой,
У нихъ справлявшійся, тобой
Не удостоенъ отправленья.
А почему?

КСЕНДЗЪ.

То былъ — языческій обрядъ! —
А истреблять временъ тѣхъ нравы
Съ ихъ суевѣріемъ — велятъ
Мнѣ церкви строгіе уставы,
Чтобъ тьму земную уяснить
Отраднымъ христіанскимъ свѣтомъ.

ГУСТАВЪ.

Однако — просятъ тамъ — *(указываетъ на землю)*
И я пришелъ съ совѣтомъ
Вновь тотъ обрядъ для насъ возстановить.
Повѣрь: коль нашу смерть хоть рабъ одинъ оплачетъ,
Когда хоть нищему насъ жаль —
Одна его слеза предъ Богомъ больше значитъ,
Чѣмъ многихъ пышная, парадная печаль,
Гдѣ столько вычурныхъ, тщеславныхъ разглашеній
И столько созванныхъ притворно-грустныхъ лицъ,
И столько факеловъ, гербовъ и украшеній,
И модныхъ, трауромъ обитыхъ колесницъ.

Убогая свѣча слуги и земледѣльца
Надъ прахомъ добраго владѣльца —
Предъ трономъ Вѣчнаго, повѣрь, горитъ яснѣй
Всѣхъ факеловъ и лампъ и тысячи огней,—
И если медъ, млеко на мѣсто погребенья
И горсть муки бѣдняга принесетъ
Почтить покойника — о, это приношенье
И самый пышный пиръ далеко превзойдетъ.

КСЕНДЗЪ.

Согласенъ, — но обрядъ поминокъ тѣхъ справлялся
Въ развалинахъ, въ пещерахъ, въ пустыряхъ;
Народъ въ нихъ по ночамъ толпами собирался,
Являлись колдуны, питался ложный страхъ,
И въ видѣ гибельной заразы
Росли нелѣпые разсказы
О выходцахъ изъ-за могилъ.
Отсюда возникали слухи,
Что будто-бы то тамъ, то здѣсь мертвецъ бродилъ
И будто-бъ есть въ природѣ души....

ГУСТАВЪ.

А что-жь? По твоему ихъ нѣтъ?
Какъ тупо смотришь ты на свѣтъ!
Весь міръ — по твоему — скелетъ,
Съ пружиной автоматъ бездушный
Иль заведенные часы?
Гдѣ только тяжесть въ вѣчномъ ходѣ
Качаетъ въ видимой природѣ
Міровъ огромные вѣсы?
Ужель такъ мыслишь ты о мірѣ?
Часы? — А кто-жь привѣсилъ гири?

Наука, можетъ быть, вамъ разъяснитъ вопросъ
О силѣ ихъ пружинъ, вращеніи колесъ,
О томъ, какъ маятникъ движеньемъ мѣрнымъ ходитъ; —
Но гдѣ-жь рука, гдѣ ключъ, что тѣ часы заводитъ?
Земную отъ очей повязку отрѣша,
Ты вдругъ увидѣлъ-бы, какъ всюду шевелится
Давно умершее и снова въ жизнь тѣснится,
И изъ недвижныхъ массъ вездѣ глядитъ душа.

(Къ дѣтямъ, которыя входятъ)

Вотъ, дѣти! Подойдите! — Снова
Мы спросимъ.

(Наклонясь къ сундуку)

Эй, душа! Одѣнься въ звуки слова!
Чего ты требуешь, родная, говори!

ГОЛОСЪ ИЗЪ СУНДУКА.

Молитву трижды сотвори!

КСЕНДЗЪ.

Святая Троица! — Возможное-ли дѣло?
Будите всѣхъ! Сейчасъ чтобъ собрались!
Вѣщаютъ мертвые, могилы потряслись,
И слово превратилось въ тѣло.

ГУСТАВЪ.

Гдѣ-жь разумъ? Вѣра гдѣ? — Стыдись, отецъ! Стыдись!
Крестомъ ты долженъ оградиться—
И только. Крестъ сильнѣй всего.
Кто Бога истинно боится,
Тотъ не страшится ничего.

КСЕНДЗЪ.

Я трепещу.... Мнѣ измѣняютъ силы....
Что надобно тебѣ, пришлецъ изъ-за могилы?

ГУСТАВЪ.

Мнѣ ничего не надобно. Одинъ
Иду, куда ведетъ дорога;
Но есть нуждающихся много...
(Ловитъ летающаго около свѣчи мотылька)
А! Вотъ крылатый господинъ —
Почтенный мотылекъ! — Подобные кружатся
Роями цѣлыми — и все къ огню стремятся.
При жизни это былъ тотъ баринъ, что, туша
Все свѣтлое дыханьемъ запрещенья,
Былъ ненавистникъ просвѣщенья —
Гонитель — темная душа,
И сгибнетъ въ судный день онъ, вѣчной тьмой объятый,
А между тѣмъ онъ носится, крылатый,
До всерѣшающаго дня
И рвется въ самый пылъ огня.
Онъ этой ясности не любитъ,
Но не-хотя влетаетъ въ жгучій кругъ,
А тутъ-то этотъ блескъ его разитъ и губитъ....
О, для подобныхъ душъ нѣтъ выше этихъ мукъ!

А тамъ — другой мотыль крутитъ, собравъ усилья,
Большія, пестрыя, раскрашенныя крылья,
И тоже мучится, и также ждетъ суда.
Вельможа это былъ, царекъ земной — когда-то
Давилъ людей онъ, жилъ богато,

И, крылья распустивъ тогда,
Онъ ими помрачалъ повѣты, города.

А этотъ пыльный червь въ какихъ-то грязныхъ
пятнахъ
Былъ глупымъ критикомъ. Онъ книги разбиралъ
И прелести ему созданій непонятныхъ
Онъ, ползая по нимъ, маралъ.
Поэзіи въ цвѣтахъ онъ рылся ароматныхъ
И ихъ подтачивалъ, и съ ними заодно
Науки выгрызалъ онъ сочное зерно.

А этотъ жадный рой, что тучею клубится,
Есть рой нахлѣбниковъ иль рой чернильныхъ душъ.
Бывало, чуть-лишь обнаружь,
Что можно тѣмъ иль этимъ поживиться —
Весь рой накинется, покоситъ все съ плеча
И все проклятая повыѣстъ саранча.
Презрѣнны, низки души эти.
За нихъ и не молитесь, дѣти!
Не стóютъ! — Мало-ль есть другихъ,
Вполнѣ достойныхъ сожалѣнья?
Во многихъ, можетъ быть, изъ нихъ
Узнать ты могъ бы, ксендзъ, учениковъ своихъ,
Въ которыхъ ты раздулъ огонь воображенья,
Въ которыхъ тѣмъ развилъ способность ты
Въ мечтаньяхъ вознестись до страшной высоты
Для страшнаго потомъ паденья. —
И сколько мукъ пришлось имъ на себя навлечь —
О томъ дать знать тебѣ, тебя предостеречь
Я въ долгъ себѣ вмѣнилъ и этотъ долгъ я справилъ.
Изъ области могилъ явился я къ тебѣ

И вкратцѣ — въ трехъ часахъ — всю жизнь мою
представилъ.
О тѣхъ страдальцахъ ты ходатайствуй въ мольбѣ,
А мнѣ ты посвяти одно воспоминанье!
За жизнь при жизни я понесъ ужь наказанье:
Теперь не знаю самъ объ участи моей,
Что душу ждетъ мою, гдѣ будетъ мѣсто ей.
Кто въ мірѣ предвкусилъ уже задатокъ рая,
Съ кѣмъ встрѣтилась душа, его душѣ родная,
Кто въ милой той душѣ весь утонулъ, и кто
Съ ней мысль и сердце слилъ, тотъ безъ нея —
ничто;
Утративъ самъ себя, онъ черезъ эту слитность
И въ вѣчности свою теряетъ самобытность.
Вездѣ прикованный къ возлюбленной своей —
Ея, и *здѣсь*, и *тамъ*, онъ слѣдуетъ стремленью;
И здѣсь, и тамъ — неотдѣлимъ отъ ней —
Ея становится онъ постоянной тѣнью.
Кто связанъ съ добрымъ существомъ,
Тотъ съ нимъ войдетъ и въ двери рая,—
А кто съ недобрымъ, — мука злая —
Его удѣлъ въ союзѣ томъ.
По счастью, мой союзъ сердечный
Скрѣпился съ ангеломъ — и область жизни вѣчной
Мнѣ улыбается, блаженство ждетъ меня.
Но до послѣдняго, рѣшительнаго дня —
Носясь надъ этимъ дольнимъ краемъ,
То адски мучусь я, то упиваюсь раемъ.
Когда въ саду, гуляя при лунѣ,
Она вздохнетъ, помысливъ обо мнѣ,
И въ глазкахъ задрожитъ слеза воспоминанья,
Лечу къ ея устамъ я легкимъ вѣтеркомъ,

Сливаюсь съ нектаромъ возлюбленной дыханья,
Взвѣваю кудри ей, надъ нею вьюсь вѣнкомъ,
Слезу съ рѣсницъ ея глотаю
И, полный радости, кругомъ
Мечусь — и въ нѣгѣ утопаю.
Когда жь... Ахъ! — знаетъ, кто любилъ,
Какъ жгучъ ревнивый сердца пылъ!
Такъ, можетъ быть, еще я долго проблуждаю, —
Но милосердый Богъ велѣніемъ своимъ
Земнаго ангела лишь въ свѣтлый рай свой кликнетъ—
Скользя украдкой вслѣдъ за нимъ,
Туда и тѣнь моя проникнетъ.

(Часы начинаютъ бить полночь. Густавъ поетъ)

Такъ Всевышній въ законѣ Своемъ указалъ!
И пусть каждый изъ васъ и пойметъ, и разсудитъ:
Кто при жизни хоть разъ въ небесахъ побывалъ,
Тотъ не сразу по смерти допущенъ въ нихъ будетъ.

(Бой часовъ оканчивается. Пѣтухъ поетъ въ третій разъ. Лампада передъ образомъ гаснетъ. Густавъ исчезаетъ).

ХОРЪ.

Такъ Всевышній въ законѣ Своемъ указалъ!
Пусть же каждый изъ насъ и пойметъ, и разсудитъ:
Кто при жизни хоть разъ въ небесахъ побывалъ,
Тотъ не сразу по смерти допущенъ въ нихъ будетъ.

ИЗЪ КУРСА

СЛАВЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

ЧИТАННАГО ВЪ „COLLÈGE DE FRANCE“.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Р. СЕМЕНТКОВСКАГО.

Предисловіе автора къ нѣмецкому переводу.

Я признаю себя авторомъ этого труда, хотя онъ и не написанъ мною. Сложился онъ при обстоятельствахъ, которыя я считаю долгомъ выяснить читателямъ.

Французское правительство учредило при «Collège de France» каѳедру славянскихъ нарѣчій и литературъ и поручило мнѣ занять ее. Вслѣдствіе этого призыва, я уѣхалъ изъ Лозанны, къ которой меня привязывало все, чѣмъ можетъ дорожить изгнанникъ на чужбинѣ; я принялъ профессуру въ Парижѣ, какъ долгъ человѣка, посвятившаго себя служенію Польшѣ и славянскимъ землямъ,— служенію Франціи.

Не располагая, по большей части, историческими документами, нужными для справокъ, я долженъ былъ довольствоваться для начала тѣмъ, что сохранила моя память. Я дѣлился съ аудиторіею чувствами и наблюденіями, вынесенными во время моего пребыванія въ славянскихъ земляхъ, результатами прежнихъ моихъ работъ надъ ихъ исторіею и литературою, воспринятымъ мною духомъ этихъ народовъ. Вотъ все, чѣмъ я располагалъ. Задача

курса литературы въ «Collège de France» заключается скорѣе въ изложеніи общихъ результатовъ, добытыхъ наукою, чѣмъ въ изслѣдованіи деталей. Между лицами, посѣщающими «Collège de France», встрѣчаются такія, которыя не хуже профессора знаютъ детали и не нуждаются въ такомъ преподаваніи, какое обыкновенно предлагается студентамъ. Слушателями моими были, преимущественно, славяне. Всѣ эти соображенія сильно повліяли на внѣшнюю форму моего изложенія.

Я являлся въ аудиторію безъ заранѣе подготовленной рѣчи, часто даже безъ всякихъ замѣтокъ. Коснувшись того или другаго предмета, я проникалъ часто въ самую глубь связанныхъ съ нимъ литературныхъ или философскихъ вопросовъ и, импровизируя, излагалъ результаты моихъ прежнихъ изслѣдованій и сокровеннѣйшія мои чувства.

Нѣкоторые изъ моихъ слушателей стали дѣлать замѣтки; потомъ они пригласили стенографа. На основаніи этихъ замѣтокъ и записаннаго стенографомъ они составили и напечатали польскій переводъ, который, въ свою очередь, былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ моимъ другомъ и соотечественникомъ, Густавомъ Зигфридомъ.

Въ польскомъ текстѣ, а слѣдовательно, и въ нѣмецкомъ, многія неточныя цыфры или названія, а иногда невѣрныя выраженія прошли незамѣченными. Эти погрѣшности, весьма ощутительныя для такой строгой публики, какова нѣмецкая, возлагаютъ на меня обязанность замѣтить, что я не имѣлъ времени просмотрѣть съ надлежащимъ тща-

ніемъ польское изданіе и что оно составлено, главнымъ образомъ, польскими эмигрантами, которые, будучи постоянно заняты важными и жизненными интересами своего отечества, могутъ посвятить литературѣ и филологіи только часть своего вниманія. Тѣмъ не менѣе, несмотря на ошибки въ частностяхъ, общая идея, положенная въ основаніе моихъ лекцій, передана вѣрно.

Въ той части моего курса, которая вошла въ послѣдніе два тома, особенно мною рекомендуемые вниманію читателей, я старался ясно показать, какъ идея мессіанизма, зародившаяся среди славянскихъ народовъ и вызванная на свѣтъ Божій духовною жизнью польской націи, нынѣ переступаетъ первые предѣлы, становится религіозною и политическою потребностью Франціи и, проникая сквозь хаосъ нѣмецкой философіи, становится идеею европейскою.

Поэтическіе и философскіе труды, разобранные въ этомъ курсѣ, и даже предлежащая книга являются ничѣмъ инымъ, какъ отдѣльными лучами, исходящими изъ этой идеи и начинающими разсѣевать мракъ нашей политической, философской и литературной атмосферы.

5-го апрѣля 1843 г. Парижъ.

Моимъ читателямъ.

Годы, выставленные мною въ заголовкѣ этой книги (1840—1841), обозначаютъ время, когда я началъ курсъ и вынужденъ былъ его кончить. Можетъ быть, мнѣ слѣдовало бы измѣнить нѣкоторыя частности въ настоящее время; но въ основной мысли моего труда мнѣ нечего измѣнять.

До сихъ поръ у меня не хватало времени полнѣе и лучше обработать мои лекціи: мнѣ, какъ поляку, пришлось исполнить новыя обязанности по отношенію къ моему отечеству. Въ теченіе восьми лѣтъ я былъ озабоченъ идеею, которую я старался развить въ моемъ курсѣ; нынѣ же я весь поглощенъ событіями, которыя вызваны этою идеею въ обширной области политики.

Тѣмъ не менѣе, французское изданіе болѣе исправно, чѣмъ предшествовавшія ему польское и нѣмецкое.

А. Мицкевичъ.

Парижъ, 31-го мая 1849 г.

I.

(Слушатели привѣтствуютъ профессора горячими рукоплесканіями.)

Гг. Сочувствіе, съ которымъ вы меня встрѣчаете, мнѣ очень дорого; но я не заблуждаюсь относительно его значенія. Ваши рукоплесканія показываютъ мнѣ, что вы ощущаете потребность поощрить меня въ виду препятствій, которыми окружена моя задача. Даже если вы забыли бы впечатлѣнія, вынесенныя вами изъ лекцій знаменитыхъ профессоровъ этого учебнаго заведенія, а я самъ закрылъ бы глаза на трудности, присущія предмету моего изложенія, то какъ заставить мнѣ умолкнуть внутреннее чувство, вызываемое сознаніемъ несовершенствъ собственной моей личности?

Я — иностранецъ, господа, а между тѣмъ мнѣ приходится говорить на языкѣ, который, по своему происхожденію, по своимъ формамъ и характеру не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ языкомъ, на которомъ я привыкъ выражать мои мысли. Мнѣ приходится не только буквально воспроизводить мои мысли и чувства въ чуждой мнѣ рѣчи, но, до передачи ихъ вамъ, совершенно видоизмѣнять способъ ихъ выраженія. Эта внутренняя, столь труд-

ная работа, между тѣмъ, неизбѣжна въ курсѣ литературы. Тутъ нельзя слѣдовать заранѣе избранному методу, придерживаться формулы, допускающей развитіе мысли помимо стиля, какъ это возможно въ наукахъ точныхъ. Когда мы кончимъ изученіе грамматики и филологіи, мнѣ придется знакомить васъ съ памятниками письменности, съ художественными произведеніями; но знакомить слушателей съ памятникомъ искусства или письменности—значитъ передавать энтузіазмъ, который вдохновилъ его. Могутъ ли подготовительныя занятія, допуская даже, что у насъ хватитъ времени на нихъ, дать намъ способность извлечь изъ художественнаго произведенія ту таинственную и скрытую жизнь, которая составляетъ истинный секретъ искусства? Нѣтъ, господа! Чтобы эта скрытая жизнь, этотъ лучъ могъ сверкнуть, надо умѣть произнести творческое слово; а произноситъ такое слово только тотъ, кто обладаетъ тайнами языка, на которомъ онъ говоритъ. Можетъ ли иностранецъ достигнуть этого? Къ тому же, еслибы ему это и удалось, онъ встрѣтитъ еще другое, не менѣе серьезное препятствіе: ему придется точно передать внѣшнюю форму, составляющую неразрывную и часто самую существенную часть художественнаго произведенія. Неумѣстнаго, невѣрнаго или дурно-произнесеннаго слова иногда достаточно, чтобы разрушить все впечатлѣніе.

Все это мнѣ извѣстно, господа. При каждомъ движеніи моей мысли я чувствую тяжесть цѣпи, какъ вы слышите ея звонъ. Еслибы я руководствовался только моимъ писательскимъ самолюбіемъ,

еслибъ я дорожилъ только моими интересами, какъ художника, и чувствомъ собственнаго достоинства, я отказался бы отъ опасной чести говорить въ этой аудиторіи. Тягостно выходить на каѳедру, когда не обладаешь тою силою, которая дается умѣньемъ говорить легко и красно. Но важныя соображенія заставляютъ меня дорожить этою каѳедрою. Я призванъ поднять голосъ отъ имени тѣхъ народовъ, съ которыми тѣсно связаны прошлое и будущее Польши; я призванъ возвысить голосъ въ такое время, когда слово пріобрѣло большую силу, и въ городѣ — будучи иностранцемъ, я могу это сказать — который является столицею слова. Поэтому никакія соображенія не должны меня останавливать.

Одна изъ характеристическихъ чертъ нашего времени—это чувство взаимности, которое побуждаетъ народы сближаться. Всѣми признано, что Парижъ является очагомъ, пружиною и орудіемъ этого стремленія; при посредствѣ этого великаго города народы знакомятся другъ съ другомъ, а иногда познаютъ самихъ себя. Для Франціи лестно обладать такою притягательною силою. Она свидѣтельствуетъ о прогрессѣ, ею совершенномъ, такъ какъ сила эта всегда пропорціональна внутреннему движенію, количеству умственной теплоты и свѣта, который ее порождаетъ. Превосходство Франціи, какъ старшей дщери церкви, какъ хранительницы произведеній науки и искусства, такъ очевидно и возвышенно, что другіе народы не считаютъ для себя униженіемъ признать ея первенство въ этомъ отношеніи.

Желаніе сблизиться съ остальною Европою и вступить въ тѣсныя сношенія съ западными народами чрезвычайно живо чувствуется славянами и распространено между ними.

Одни изъ нихъ приняли капитуляріи, другіе до сихъ поръ руководствуются кодексомъ Наполеона I; Европа имъ всѣмъ дала религію, военную организацію, промышленность; они, съ своей стороны, также вліяли на нее. А между тѣмъ умственная и нравственная ихъ жизнь до сихъ поръ остается неизвѣстною. Европейскій духъ не пускаетъ ихъ дальше порога и не даетъ имъ вступить въ общеніе съ христіанами. Но неужели они не обладаютъ своеобразными элементами цивилизаціи? Неужели они не внесли своей лепты въ общую сокровищницу духовныхъ и нравственныхъ благъ христіанскаго міра? Сомнѣніе тутъ является большою несправедливостью по отношенію къ славянамъ.

Чтобы доказать свое право на общеніе съ христіанскимъ міромъ, славяне съ нѣкоторыхъ поръ пытаются сами возвысить голосъ, говорить на вашемъ языкѣ и присвоить свои произведенія вашей литературѣ. Но такъ какъ эти попытки, предпринятыя въ интересахъ отдѣльнаго лица, мнѣнія или партіи, остались безуспѣшными, то славяне начинаютъ приходить къ сознанію, что западные народы, отвлекаемые многообразными интересами, обратятъ вниманіе на славянскую литературу только, когда она станетъ имъ доступною во всей ея совокупности. Французское правительство, учреждая эту каѳедру, исполнило завѣтное желаніе славянъ.

Мнѣ не приличествовало бы задерживать осуществленіе этой великой цѣли.

Къ тому же, я полагаю, что нѣкоторыя обстоятельства моей прошлой жизни позволяютъ мнѣ принять возложенное на меня порученіе. Продолжительное пребываніе въ разныхъ славянскихъ земляхъ, симпатіи, встрѣченныя мною тамъ, воспоминанія, навсегда запечатлѣвшіяся въ моей памяти,— все это убѣдило меня въ единствѣ славянскихъ народовъ болѣе, чѣмъ могли бы меня убѣдить чисто-теоретическіе труды и соображенія. Причины нашихъ раздоровъ въ прошломъ и средства объединенія въ будущемъ никогда не переставали меня занимать. Такимъ образомъ, планъ моего курса готовъ, и я полагаю, что мнѣ легче, чѣмъ всякому другому славянину, избѣжать вліянія предразсудковъ и пристрастія и стать выше узкой и исключительной точки зрѣнія данной партіи. Пристрастіе служило бы препятствіемъ къ осуществленію нашей великой національной задачи и, кромѣ того, оно шло бы вразрѣзъ съ намѣреніями правительства, учредившаго эту каѳедру.

Въ славянскихъ нарѣчіяхъ и литературѣ болѣе всего поражаетъ, если можно такъ выразиться, обширная ихъ географическая поверхность. На этомъ нарѣчіи говорятъ шестьдесятъ милліоновъ людей, занимающихъ половину Европы и треть Азіи. Если провести линію отъ Венеціи къ устьямъ Эльбы, то по ту сторону этой линіи, во всю ея длину, мы находимъ остатки славянскихъ народностей, оттиснутыхъ къ сѣверу германскими и романскими племенами. Посмертное ихъ существованіе всецѣло

принадлежитъ здѣсь прошлому; но дальше, по направленію къ Карпатамъ — этому вѣковому оплоту славянскаго міра — въ двухъ концахъ Европы, славянскія племена ведутъ ожесточенную борьбу. На Адріатическомъ морѣ они враждуютъ съ исламизмомъ, а на Балтійскомъ, подпавши первоначально подъ власть чуждаго имъ народа, они воспрянули и нынѣ берутъ верхъ. Между этими двумя крайними пунктами, стволъ славянскаго дерева находится во всей своей силѣ и пустилъ два отпрыска, изъ которыхъ одинъ доходитъ до Америки, а другой, пробиваясь сквозь монгольскія и кавказскія народности, проникаетъ въ самое сердце Персіи и достигаетъ Китая, вознаграждая себя, такимъ образомъ, въ этой части свѣта за то, что онъ утратилъ въ Европѣ.

Славянскіе народы соединяютъ нынѣ въ себѣ все разнообразіе политическихъ и религіозныхъ формъ, встрѣчающихся въ древней и новой исторіи. Я упомяну, прежде всего, о древнихъ черногорскихъ народностяхъ, которыя своими нравами напоминаютъ шотландскихъ горцевъ; но имъ болѣе посчастливилось: онѣ отстояли свою независимость противъ турокъ, грековъ, нѣмцевъ, французовъ, даже, быть можетъ, противъ римской имперіи. Рагуза представляетъ собою славянскую Венецію, соперницу той могущественной Венеціи, которая — замѣтимъ въ скобкахъ — обязана славянамъ своимъ возникновеніемъ. Славяне же встрѣчаются въ древней Иллиріи, въ Босніи, Герцеговинѣ, въ Богеміи, въ нѣкоторыхъ частяхъ Венгріи, въ большинствѣ австрійскихъ земель, въ Россійской

имперіи и во всемъ бывшемъ Польскомъ королевствѣ. Если мы прибавимъ къ этому длинному перечню Сербію и Болгарію и упомянемъ еще о славянскихъ элементахъ, разсѣянныхъ среди романскихъ народностей Молдавіи и Валахіи, то получимъ полную картину всѣхъ славянскихъ земель или, лучше сказать, всѣхъ славянскихъ народовъ.

Языкъ этихъ народовъ, понятно, распадается на значительное число нарѣчій; тѣмъ не менѣе, нарѣчія эти сохраняютъ характеръ единства. Это одинъ и тотъ же языкъ, представляющій разныя формы и находящійся на различныхъ ступеняхъ развитія. Мы тутъ встрѣчаемъ мертвый и священный древнеславянскій языкъ, языкъ законодательства и командованія — русскій, разговорный и литературный языкъ — польскій, научный языкъ — чешскій, наконецъ, языкъ поэзіи и музыки — нарѣчія иллирійцевъ, черногорцевъ и босняковъ. Такимъ образомъ, русскій юристъ, разрабатывающій законодательство, которое, по своей обширности и глубинѣ, напоминаетъ законодательство Юстиніана, понимаетъ украинскаго поэта, который, въ свою очередь, напоминаетъ собою, по вдохновенію, блеску и художественности, грековъ и римлянъ, соединяетъ въ себѣ свѣжесть молодаго и богатаго воображенія съ наиболѣе законченною формою. Онъ сумѣлъ оживить все прошлое націи: всякій отгадалъ, что я говорю о нашемъ Богданѣ Залѣскомъ. На ряду съ законодателями и поэтами, чешскіе ученые предпринимаютъ и доводятъ до благополучнаго конца научные труды, которые можно было бы сравнить съ трудами александрій-

ской школы, если бы они не носили на себѣ печать національнаго энтузіазма, граничащаго съ боговдохновенностью, какой встрѣчается въ трудахъ древнихъ комментаторовъ Библіи. Укажемъ, наконецъ, еще на иллирійскихъ и сербскихъ поэтовъ, на слѣпыхъ старцевъ, распѣвающихъ, подъ звуки гусель, рапсодіи, которыя изумили такихъ критиковъ, какъ Гриммъ и Экштейнъ, и были переведены Гете и Гердеромъ, — и мы убѣдимся, что нарѣчія одного языка исполнили всѣ роли, которыя обыкновенно распредѣляются между различными языками, какъ, напримѣръ, на востокѣ между санскритскимъ, турецкимъ, арабскимъ и персидскимъ языками. Это — странное, единственное въ своемъ родѣ явленіе. Знаніе такого языка можетъ бросить свѣтъ на многіе философскіе и историческіе вопросы, на происхожденіе языковъ и народовъ, на сущность и истинное значеніе нарѣчій, наконецъ, на естественное развитіе языка, вообще.

Не имѣетъ ли для исторіи умственной жизни человѣчества такой языкъ столь же важное значеніе, какое представило бы, для уясненія себѣ законовъ происхожденія міра, открытіе органическаго существа, которое, прошедши черезъ всѣ фазисы развитія, сохранило бы въ себѣ растительную, животную и человѣческую жизнь и, притомъ, каждую изъ нихъ во всей ея цѣлостности, въ полномъ ея развитіи?

Въ изложеніи, къ которому мы сегодня приступаемъ, мы не ограничимся однимъ изъ славянскихъ языковъ: мы имѣемъ въ виду не только при-

бавить новую главу къ всемірной грамматикѣ, обогатить лингвистическій музей новымъ индивидомъ, но и изучить цѣлое семейство языковъ.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію литературы въ собственномъ смыслѣ, я считаю нелишнимь указать на нѣкоторые выводы, которые можно сдѣлать изъ нашихъ работъ по отношенію къ всемірной исторіи, исторіи точныхъ наукъ и исторіи наукъ моральныхъ и политическихъ. Я замѣтилъ уже, что славянскіе народы вліяли на Европу. Чешскій поэтъ Колларъ сказалъ: «Всѣ народы произнесли послѣднее свое слово; теперь, славяне, очередь за нами!» Мнѣ кажется, что славяне не разъ уже произносили свое слово: они говорили посвоему, пушечными выстрѣлами и копіями. Не мѣшало бы уяснить себѣ смыслъ ихъ слова. Политикѣ уже приходится считаться съ этими народами, бороться съ этою силою или дать ей желательное направленіе; благоразуміе повелѣваетъ уяснить себѣ ея исходную точку, измѣрить путь, который она прошла; оцѣнить ея напряженіе, отгадать ея цѣль. Рядъ наблюденій, которыя могутъ выяснить этотъ вопросъ, входятъ въ область исторіи. Теперь вполнѣ установлено, что понять исторію народа невозможно, не проникнувъ въ самое сердце его литературы. Просвѣщенныя націи несутъ передъ потомствомъ долгъ направить свѣтъ исторіи на народы, менѣе ихъ цивилизованные. Все, что намъ извѣстно о варварахъ, мы почерпнули у грековъ и римлянъ. Въ эпоху величія римской имперіи, Тацитъ составилъ краткое сочиненіе о германцахъ. Трудъ его въ

наше время служитъ источникомъ драгоцѣнныхъ и многообразныхъ свѣдѣній. Разсужденія и комментаріи, написанныя по поводу немногихъ строкъ Тацита, составили бы цѣлую библіотеку. Мы, бывшіе варвары, занявъ нынѣ мѣсто грековъ и римлянъ, жалуемся на лаконизмъ послѣднихъ касательно нашихъ предковъ. Не будемъ же подвергать себя тому же упреку со стороны нашего потомства! Славяне вліяли и вліяютъ еще на западную Европу. Изъ страны ихъ вышли тѣ толпы, которыя разрушили Римъ, — Римъ, не хотѣвшій и знать варваровъ, между тѣмъ какъ варвары жадно слѣдили за всѣмъ, что происходило въ Римѣ. Не будемъ же подражать вѣчному городу и пренебрегать варварами!

Исторія славянъ тѣсно связана съ исторіею западныхъ народовъ. Недавно еще мы видѣли славянскую армію (русскую) на всѣхъ поляхъ битвы, во всѣхъ столицахъ Европы. Эта армія, гдѣ бы она ни появлялась, встрѣчала другую славянскую армію (польскіе легіоны), которая, выростая изъ земли, какъ призракъ мщенія, давала ей отпоръ въ Италіи, слѣдовала за нею съ Нѣмана до Москвы, и затѣмъ возвращалась, чтобы преградить ей путь на Березинѣ или подъ стѣнами Парижа. И послѣ паденія героя вѣка, когда въ Европѣ вездѣ царствовала тишина, она вдругъ опять воспрянула, поражала русскую армію въ мѣстахъ ея расположенія, вступила съ нею въ страшную борьбу, оглушила весь міръ, потрясла народы, внушила врагамъ жгучую вражду, а друзьямъ—еще болѣе горячую симпатію и, наконецъ, исчезла, оставивъ

послѣ себя продолжительный отголосокъ боли и славы. Вездѣ русскій орелъ встрѣчался съ польскимъ орломъ; всегда вслѣдъ за русскимъ «ура!» раздавался бранный кличъ поляковъ. Если обратиться къ прошлому, то что слышится оттуда, какъ не повторяющееся эхо этой борьбы, въ которой двѣ арміи сражаются за дѣло, повидимому, имъ чуждое, не выставляя своего знамени, но въ которой онѣ узнаютъ другъ друга, какъ сказалъ поэтъ, по мощности ударовъ, — этой борьбы, которую одинъ русскій, именно князь Вяземскій, назвалъ «Ѳиваидою безъ конца»?

Чѣмъ объясняется этотъ антагонизмъ и къ чему онъ приведетъ? Не мѣшало бы уяснить себѣ его происхожденіе и истинный характеръ; но мы не можемъ здѣсь заниматься политикою. Нашего вниманія заслуживаютъ не однѣ войны славянъ, ихъ нашествія въ варварскія времена, ихъ подвиги въ защиту христіанства, ихъ вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ.

Западъ думаетъ, что сѣверъ ему обязанъ всей своей цивилизаціею. Дѣйствительно, славяне, живущіе растительною жизнью, въ соотвѣтствіи съ характеромъ почвы, многимъ ему обязаны. Но онъ могъ бы признать, что нѣкоторыя открытія, которыя онъ считаетъ исключительно своими, сдѣланы славянами. Нашъ естественникъ, Залузянскій, наблюдалъ сто пятьдесятъ лѣтъ до Линнея полъ у растеній. Вителліо еще въ XIII вѣкѣ создалъ въ оптикѣ теорію, основанную на математикѣ. Я прохожу молчаніемъ другія знаменитости и перехожу прямо къ тому изъ нашихъ ученыхъ, который

извѣстнѣе другихъ, къ Николаю Копернику, открывшему законы солнечной системы.

Мы постараемся выяснить, какъ въ странѣ, столь мало еще цивилизованной, могли появиться такіе видные мыслители и какъ то, что вездѣ составляетъ результатъ долгаго и упорнаго труда и рождается только послѣ безчисленныхъ научныхъ изысканій, является у славянъ какъ бы откровеніемъ и возникаетъ на зарѣ научной жизни. Такъ какъ славяне—земледѣльческій народъ, то ботаника усиленно ихъ занимала. Вителліо говоритъ въ предисловіи къ своему труду, что первая мысль его системы пришла ему на умъ въ часы лѣтняго отдыха, когда онъ смотрѣлъ на сверкающія волны рѣки, протекавшей мимо его дома. Великій французскій писатель замѣтилъ, что Коперникъ открылъ истинную солнечную систему, читая библію. Эта догадка, можетъ быть, не лишена основанія. Но одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ былъ правъ, когда сказалъ, что Коперникъ открылъ законы физическаго міра, подобно тому, какъ польская нація предчувствовала законы нравственнаго міра. Коперникъ разрушилъ прежніе предразсудки, показавъ, что солнце является центромъ планетъ; польская нація заставила свое отечество вращаться вокругъ великаго единства (a lancé sa patrie autour d'une grande unité); то же вдохновеніе, благодаря которому Коперникъ сталъ великимъ философомъ, сдѣлало польскую націю Коперникомъ нравственнаго міра.

Всѣ эти соображенія несомнѣнно заслуживаютъ вниманіе иностранцевъ и возбуждаютъ законное

ихъ любопытство. Они желаютъ узнать народы, до сихъ поръ мало извѣстные, тѣмъ болѣе, что народы эти считаютъ себя призванными принять дѣятельное участіе въ жизни Европы и что вѣра въ это призваніе проявляется съ каждымъ днемъ сильнѣе.

Я указалъ на точки зрѣнія, поставилъ вопросы. которые я вынужденъ оставить безъ отвѣта. Я постараюсь рѣшить ихъ, слѣдуя самому простому и краткому пути, какимъ мнѣ представляется литература. Она является полемъ, на которое всѣ славянскіе народы приносятъ плоды своей нравственной и умственной дѣятельности и гдѣ они встрѣчаются, не подавляя и не ненавидя другъ друга. Дай Богъ, чтобы мирная встрѣча на этой благородной почвѣ послужила провозвѣстницею будущаго ихъ союза на другой почвѣ!

II—V.

(Выяснивъ важное значеніе славянскаго міра для изученія соціальныхъ и политическихъ вопросовъ, исторіи, вообще, и истиннаго характера великаго переселенія народовъ, Мицкевичъ подробно останавливается на борьбѣ русскихъ съ татарами и поляковъ съ турками и указываетъ на вліяніе, которое имѣла эта борьба на характеръ русской, польской и малороссійской поэзіи. Затѣмъ онъ послѣдовательно выясняетъ, въ общихъ чертахъ, древнюю исторію Сербіи, Богеміи и другихъ славянскихъ странъ, стараясь установить связь между нею и характеромъ поэзіи

славянскихъ народностей. Наконецъ, въ пятой лекціи онъ опровергаетъ возраженія, сдѣланныя ему разными лицами относительно плана и нѣкоторыхъ частностей его изложенія. Между прочимъ, отмѣчаемъ слѣдующее мѣсто отвѣта Мицкевича на эти возраженія:)

Меня упрекаютъ въ томъ, что я отвелъ въ представленной мною картинѣ борьбы славянскаго народа съ варварствомъ слишкомъ много мѣста Россіи. Говорятъ, что я прошелъ молчаніемъ войны поляковъ и литовцевъ съ татарами. Но, во-первыхъ, литовцы, одержавъ побѣду надъ татарами, часто, пользуясь починомъ послѣднихъ, опустошали славянскія земли. Они долгое время были союзниками варварства и противодѣйствовали цивилизаціи. Только впослѣдствіи Польша ихъ присоединила къ христіанскому обществу. Литовцы, слѣдовательно, стоятъ внѣ вопроса.

Что же касается, во-вторыхъ, до сраженій между поляками и монголами, то они никогда не были рѣшительными. Русской политикѣ принадлежитъ честь окончательной побѣды надъ татарами, такъ какъ русскіе князья ловко воспользовались противъ нихъ ихъ же орудіемъ. Россія, напримѣръ, обуздывала татарскія полчища могуществомъ крымскихъ хановъ; затѣмъ, она уничтожила и тѣхъ и другихъ. Московскіе великіе князья опрокинули золотую орду, сибирское царство, крымское ханство. Такимъ образомъ, Россія одна побѣдила эти народы, постоянно раздѣляя ихъ и мѣшая имъ соединяться въ одну грозную силу. Ей даже удалось ассимилировать ихъ; въ наши дни она заставляетъ ихъ служить себѣ.

Перехожу теперь къ литературнымъ вопросамъ. Меня упрекаютъ въ томъ, что я опредѣлилъ характеръ главныхъ славянскихъ литературъ произвольно или даже впадая въ несправедливость.

Я сказалъ, что русскій языкъ является языкомъ законодательства и командованія. Я нисколько не отрицаю его поэтическихъ достоинствъ и не могу пройти молчаніемъ замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ. Но я констатирую постоянно встрѣчающійся фактъ, когда говорю, что значительное число славянскихъ народностей было подчинено русскому законодательству и что русскій языкъ обязательно изучается, какъ языкъ административный; слѣдовательно, таковъ его характеръ въ настоящее время. Между современными русскими литературными произведеніями, самымъ замѣчательнымъ и важнымъ, несомнѣнно, является сводъ законовъ, обнародованный законодательною коммиссіею.

Я, кромѣ того, сказалъ, что польскій языкъ можно назвать языкомъ разговорнымъ и литературнымъ. Можетъ ли быть иначе? Польша давно уже не имѣетъ политической трибуны, съ которой высказывались бы желанія и симпатіи народа; у нея даже нѣтъ научныхъ каѳедръ. Польскій языкъ изгнанъ изъ школъ и лишенъ національнаго театра. Онъ, слѣдовательно, проявляется только въ литературѣ, въ живомъ словѣ, т. е. въ томъ, что есть у народа самаго задушевнаго и прочнаго, въ домашней жизни и исторіи; вотъ гдѣ польская литература еще можетъ существовать.

(Затѣмъ, конецъ лекціи V посвященъ физіологиче-

скимъ особенностямъ, территоріи славянскихъ народовъ и вліянію физическаго міра на ихъ литературу и религію.)

VI.

Всѣмъ извѣстно, какъ важно точное знакомство съ религіозными идеями даннаго народа для уясненія себѣ его цивилизаціи. Эти идеи резюмируютъ прошлое, выясняютъ настоящее, раскрываютъ будущее. Къ сожалѣнію, самая интересная, несомнѣнно, часть исторіи славянскаго народа недостаточно выяснена; чувствуется недостатокъ въ матеріалахъ для изученія древней миѳологіи и въ дѣльныхъ работахъ по этому вопросу со стороны современныхъ ученыхъ.

Греки давали сѣвернымъ народамъ очень неопредѣленныя названія. Византійцы вступили въ непосредственныя сношенія съ славянами, начиная съ VI в.; но византійскіе писатели, будучи администраторами, занимались болѣе соціальнымъ и политическимъ устройствомъ славянъ и ихъ религіею. Лица, проникавшія въ славянскія земли, приблизительно въ то же время, изъ западной Европы, собрали болѣе полныя свѣдѣнія. Западные писатели были, по большей части, монахами, епископами, апостолами. Они, такъ сказать, оффиціально были обязаны знакомиться съ религіозными идеями, съ миѳологіею народовъ, которыхъ они собирались обратить въ христіанство. Къ сожалѣнію, они вездѣ искали только религіозную систему грековъ и римлянъ, которая одна имъ была извѣстна. Такъ,

они упорно переводили на латинскій и греческій языки имена славянскихъ боговъ, вездѣ находили Юпитеровъ, Меркуріевъ, Венеръ и лишили миѳологію сѣверныхъ народовъ всякой оригинальности.

Современные ученые, историки, миѳографы, почти всѣ, безъ исключенія, придерживались системы ученыхъ XVIII вѣка, т. е. французскихъ энциклопедистовъ. Они смотрятъ на миѳологію, какъ на собраніе произвольныхъ басенъ, лишенныхъ всякаго смысла; они не вѣрятъ въ возможность отыскать въ нихъ какіе-либо законы, и имъ никогда не приходило на умъ признавать ихъ источниками національной исторіи. Подчасъ эти басни цитируются, ими пользуются для уясненія себѣ домашней жизни или нравственнаго состоянія народа, но никогда къ нимъ не прибѣгаютъ для освѣщенія его политическихъ и соціальныхъ установленій.

Тѣмъ не менѣе, между учеными господствуетъ единодушіе относительно главныхъ пунктовъ славянской миѳологіи, выясненныхъ мною въ предшествующей лекціи. Извѣстно, что славяне вѣровали во единаго Бога — строгаго Судью и Мстителя; что они признавали существованіе начала добра, находящагося въ борьбѣ со зломъ; что они, наконецъ, вѣрили въ загробную жизнь. Этимъ тройственнымъ догматомъ они отличались отъ политеистическихъ грековъ, деистическихъ кельтовъ, вѣровавшихъ въ духовъ, и отъ уральскихъ народностей, не имѣвшихъ никакой религіозной идеи.

Религія славянъ, не знавшихъ откровенія, всегда сохраняла свою первоначальную простоту; но, не

содержа въ себѣ прогрессивныхъ элементовъ, она постоянно оставалась безплодною. Въ каждой миѳологіи предполагается связь между Богомъ и людьми; нѣтъ религіи, въ основѣ которой не лежало бы выясненіе этой связи. Греческая философія, философія индійцевъ и другія древнія философіи занимались исключительно рѣшеніями вопроса, поставленнаго истиннымъ или вымышленнымъ откровеніемъ. Такого рода философія не зародилась у славянъ. Народы эти не могли заниматься рѣшеніемъ вопросовъ, которые для нихъ вовсе не существовали. Религія у нихъ была скорѣе мнѣніемъ, чѣмъ закономъ. У нихъ встрѣчаются религіозныя идеи и стремленія, но нѣтъ *слова*, — слова, которымъ провозглашаются истины высшаго порядка и которое всегда признается внушеннымъ сверхестественными силами. Такимъ образомъ, въ виду невозможности сгруппировать славянскіе народы около одного *слова*, никогда не удавалось заставить ихъ дѣйствовать въ опредѣленномъ направленіи, предпринимать войны или экспедиціи для достиженія обширнаго и таинственнаго плана. Это одна изъ причинъ, почему славяне никогда не были воинственнымъ народомъ и не стремились къ завоеваніямъ. Всѣ великія экспедиціи варваровъ внушались и приводились въ исполненіе лишь благодаря идеямъ высшаго порядка, каковы религіозныя идеи. Я знаю, что средневѣковые лѣтописцы и современные ученые объясняютъ это явленіе иначе. Средневѣковые лѣтописцы считаютъ готскихъ и остроготскихъ царей, равно какъ Аттилу и Чингисъ-хана, странствующими рыцарями, склон-

ными къ рискованнымъ похожденіямъ и романическимъ опасностямъ. Современные философы объясняютъ экспедицію уральскихъ вождей чистоличными стремленіями, внушенными честолюбіемъ и духомъ завоеванія. Грандіозныя переселенія варваровъ они приписываютъ голоду и нищетѣ. Но достаточно познакомиться съ памятниками поэзіи варваровъ, чтобы убѣдиться, что эти экспедиціи всегда предпринимались во имя какого-нибудь пророчества или откровенія, которыя указывали народамъ на отдаленныя земли или новыя королевства, какъ на цѣль завоеваній. Чингисъ-ханъ, котораго мы будемъ часто называть, потому что въ немъ воплотилась исторія всѣхъ уральскихъ вождей, Чингисъ-ханъ, говорю я, собираясь приступить къ опустошенію части земнаго шара, уединяется на вершинѣ горы и прерываетъ всякія сношенія съ людьми; затѣмъ онъ спускается съ горы и провозглашаетъ, что, призванный божествомъ совершить актъ мщенія, онъ поразитъ міръ, — слѣдовательно, онъ признаетъ себя судьею, назначеннымъ самимъ Богомъ. Когда бухарскій народъ, насчитывавшій 200,000 душъ, падая ницъ передъ нимъ, спрашиваетъ его, отчего онъ собирается его уничтожить, онъ отвѣчаетъ, что самъ этого не знаетъ, но что народъ, вѣроятно, согрѣшилъ, если Богъ шлетъ Чингисъ-хана на него.

Признавъ вѣрною мысль, что всѣ великія передвиженія народовъ были внушены религіознымъ чувствомъ и предпринимались по непосредственному приказанію божества, мы легко поймемъ, почему славянскіе народы, которые не допускали сверх-

естественной силы, никогда не приступали къ подобнымъ экспедиціямъ.

Я сказалъ, что славянская религія исключала всякую іерархію; когда общеніе между Богомъ и людьми не признается, нѣтъ священнаго сана, а слѣдовательно и религіозной іерархіи.

Короли, по понятіямъ грековъ, кельтовъ и скандинавовъ, были сынами боговъ, друзьями ихъ или высшими существами; королевская и аристократическая идеи покоились, слѣдовательно, на одинаковомъ основаніи. У славянъ даже не было слова, чтобы выразить понятіе о кастѣ; названія, которыми обозначались у нихъ привиллегированныя сословія, заимствовались ими у иностранцевъ.

Равнымъ образомъ, славяне не знали рабовъ, потому что рабство предполагаетъ со стороны господина сознаніе его нравственнаго превосходства. Вы знаете, что у индійцевъ рабы составляютъ отдѣльный классъ и что у современныхъ народовъ существуетъ рабство негровъ, которое весьма трудно отмѣнить, потому что негры признаются или, дѣйствительно, являются нисшими существами.

Славяне мягко обходились съ плѣнными; они позволяли имъ откупаться или предоставляли имъ, по истеченіи извѣстнаго срока, всѣ права гражданства, т. е. права сельскихъ жителей.

Теперь, когда мы знаемъ, чего недоставало религіи этихъ народовъ, мы можемъ составить себѣ понятіе о соціальномъ строѣ славянъ, — строѣ, столь оригинальномъ, что мы ничего подобнаго не находимъ ни у кельтовъ, ни въ обширныхъ восточ-

ныхъ царствахъ, ни у индусовъ, ни, наконецъ, въ государствахъ западной Европы.

Дѣйствительно, мы тутъ имѣемъ дѣло съ своеобразнымъ обществомъ, для котораго даже трудно прибрать названіе. Зародышами, основнымъ началомъ этого общества является не городъ, какъ у грековъ и римлянъ, не дворецъ или храмъ, а село. Деревня — вотъ первоначальный типъ славянскаго общества, родъ соединенія людей (espèce de réunion), общины, сельско-хозяйственнаго лагеря.

Славянскія колоніи появлялись всегда въ мѣстностяхъ, благопріятствовавшихъ земледѣлію; онѣ возникали на берегахъ рѣкъ, въ долинахъ, среди лѣсовъ, но никогда не въ горахъ. Не ранѣе XII вѣка славяне, подражая нѣмцамъ, стали селиться на возвышенностяхъ.

Когда одна колонія была основана и заселена, приступали къ основанію другой. Это была не вооруженная экспедиція въ непріятельскую страну, а мирное, медленное переселеніе въ мѣстности, ожидавшія руки земледѣльца. Новыя поколѣнія, отдѣляясь отъ прежнихъ, постепенно завладѣвали мѣстами, годными для воздѣлыванія, и незамѣтнымъ образомъ заселяли пустыни.

Внутренняя организація этихъ колоній заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Она во многомъ напоминаетъ соціальный строй древнихъ жителей Греціи и Лаціума. Въ ученомъ изслѣдованіи г. Баланша о римскихъ древностяхъ мы находимъ объясненіе многихъ темныхъ сторонъ древне-славянскаго соціальнаго строя. Весьма вѣроятно, что болѣе глубокое изученіе обычаевъ сѣверныхъ на-

родовъ можетъ послужить къ болѣе точному уясненію себѣ древне-римскихъ памятниковъ. Часто, когда чувствуется недостатокъ въ историческихъ документахъ, нѣсколько наблюденій надъ обычною жизнью, какая-нибудь народная пѣсня дополняютъ недостаточныя наши свѣдѣнія.

Повидимому, вопросъ о колонизаціи всегда рѣшался совѣтомъ старцевъ; на него никогда не вліяли экономическія или чисто-административныя соображенія.

Когда старцами было избрано новое мѣсто для поселенія, въ плугъ запрягали двухъ воловъ, одного бѣлаго и другаго чернаго, и проводили границы новой деревни. Это называлось *загономъ*, т. е. начертаніемъ законныхъ границъ новой общины. Все, что лежало за этой границею, признавалось чужимъ. Всякая независимая деревня носила названіе *свободы* или *слободы;* названіе это сохранилось и по настоящее время.

Въ каждомъ новомъ поселеніи встрѣчались, какъ у древнихъ грековъ и римлянъ, заповѣдныя мѣста, воздѣлываніе которыхъ не допускалось. Таковы были *священныя рощи*, въ которыхъ совершались религіозные обряды, производился судъ, обсуждались общественныя дѣла. Въ случаѣ непріятельскаго нашествія, въ священной рощѣ срѣзывались вѣтви и посылались другимъ общинамъ, въ знакъ призыва къ оружію для совмѣстной защиты страны. Этотъ обычай долго сохранялся у поляковъ. Около священной рощи находилось другое заповѣдное мѣсто, называвшееся *городищемъ*, нѣчто въ родѣ *капитолія поселенія*. Оно было окружено валомъ и

служило убѣжищемъ на случай неожиданнаго непріятельскаго нашествія или сборнымъ пунктомъ, гдѣ жители общины вооружались, чтобы отразить непріятеля. Наконецъ, третье заповѣдное мѣсто соотвѣтствовало Палатинской горѣ римлянъ: здѣсь совершались жертвоприношенія, производились казни и сожигались тѣла умершихъ; это мѣсто называлось *жилищемъ*.

Такое поселеніе, совершенно разобщенное съ остальными, составляло самостоятельное государство; дѣлами его управляли старцы или, лучше сказать, они руководили ими, такъ какъ не сохранилось никакихъ слѣдовъ правильной власти. Отъ старцевъ требовали знанія установленныхъ обычаевъ, тайнъ земледѣлія, религіозной обрядности,— словомъ, они должны были обладать свѣдѣніями по всѣмъ политическимъ и религіознымъ вопросамъ.

Деревня, руководимая совѣтомъ старцевъ, сообща воздѣлывала земли. Наслѣдственность, въ томъ смыслѣ, какое мы придаемъ этому слову, не существовала у славянъ. Землю, которую они воздѣлывали, они не признавали собственностью человѣка, составною частью его индивидуальности. Этотъ своеобразный фактъ установленъ однимъ изъ нашихъ юристовъ, г. Губе. Земледѣльческія орудія и скотъ, при смерти собственника, переходили къ его наслѣдникамъ въ нисходящей или восходящей линіи; но земля всегда оставалась собственностью общины. Всякой семьѣ предоставлялся въ отдѣльное пользованіе участокъ земли, прилегавшій къ ея дому и служившій огородомъ; вся остальная

земля обработывалась сообща. Общинные амбары, барщины и многіе другіе обычаи, сохранившіеся въ Россіи и Польшѣ, вполнѣ подтверждаютъ наше мнѣніе объ этой древней организаціи славянской деревни; но все, что нынѣ принадлежитъ въ польскихъ и русскихъ деревняхъ правительству или помѣщику, въ тѣ времена было собственностью общины.

Познакомившись съ первоначальною организаціею славянъ, мы бросимъ теперь взглядъ на историческое ихъ прошлое. Мы видимъ, какъ они сперва мирно двигаются изъ глубины Азіи въ Европу, основывая маленькія поселенія по всѣмъ направленіямъ. Часто опрокидываемые кочевыми и воинственными племенами, они встаютъ и продолжаютъ свое шествіе, но никакъ не могутъ образовать государство, политическое цѣлое. Общины пытались отразить непріятеля, каждая отдѣльно; поэтому имъ никогда не удавалось отстоять свою самостоятельность. Совершенно невѣренъ взглядъ, что до установленія христіанства сѣверныя страны представляли собою обширную пустыню; собранныя историческія данныя убѣждаютъ въ противномъ; въ странахъ этихъ найдены слѣды очень древней культуры. Уральскія, кавказскія и скандинавскія кочевыя племена жили, исключительно, на счетъ этихъ мирныхъ земледѣльцевъ. Постоянно подавляемые врагомъ, славяне долго оставались неизвѣстными цивилизованнымъ націямъ: ихъ земли перемѣняли названіе всякій разъ, какъ подвергались новому завоеванію. Хотя ихъ религія и не содержала догмата, который могъ бы вызвать обра-

зованіе великаго политическаго цѣлаго, но въ ней заключались основанія для установленія прочнаго соціальнаго порядка, обезпечивавшаго общинную собственность и развитіе домашняго быта.

Славянскіе народы съ незапамятныхъ временъ посвящали себя земледѣльческому труду. Названіе ржи—*жито*, по гречески σῖτος—славянскаго происхожденія. Греческое преданіе гласитъ, что искусство воздѣлывать поля проникло въ Грецію съ сѣвера. Славяне умѣли ткать полотно, сукно, выдѣлывать земледѣльческія орудія, — словомъ, все, что имѣетъ связь съ сельскимъ хозяйствомъ. Философъ Гердеръ говоритъ объ этомъ народѣ, что онъ былъ благословеніемъ для земли, которая расцвѣтала отъ радости вездѣ, гдѣ появлялись славяне. Онъ упрекаетъ западныхъ европейцевъ, особенно своихъ соотечественниковъ, нѣмцевъ, за вѣчныя несправедливости по отношенію къ славянамъ. Но славянская организація, не смотря на всѣ свои достоинства и на свою оригинальность, должна была потерпѣть крушеніе, потому-что она была лишена элементовъ жизненности и прогреса. Она не могла дать отпоръ дѣятельному организму народовъ, которые ея окружали. Ясно, что славяне не избѣгли бы окончательной гибели даже въ глубинѣ своихъ болотистыхъ лѣсовъ, если бы они не приняли въ свою среду нѣсколькихъ воинственныхъ племенъ, которыя впослѣдствіи составили зерно могущественныхъ государствъ, и еслибъ христіанская вѣра не вырвала ихъ изъ состоянія неподвижности,—этого рокового послѣдствія безжизненныхъ догматовъ ихъ религіи.

Слѣдовательно, исторія обширныхъ странъ, лежащихъ между Чернымъ и Балтійскимъ морями, начинается, собственно, только со времени введенія христіанства. До этой эпохи у славянъ не было настоящей исторіи, такъ какъ народъ начинаетъ жить историческою жизнію, только когда онъ создалъ государство, а славяне дошли только до образованія разбросанныхъ поселеній. Было бы, однако, невѣрно считать ихъ варварами, какъ это часто дѣлаютъ иностранцы, въ особенности нѣмцы, которые сравниваютъ ихъ съ дикими племенами Америки, чтобы извинить или оправдать насилія. совершенныя надъ ними. Средневѣковые и древніе писатели совершенно иначе смотрятъ на нихъ; они съ похвалою отзываются о мягкости ихъ нравовъ и характера. Греки говорятъ, что въ ихъ языкѣ не было словъ: *коварство* и *измѣна* и что они были такъ гостепріимны, что оставляли двери своихъ домовъ открытыми, дабы не лишить проходившаго путешественника пристанища и пищи. Кромѣ того, они признаютъ ихъ храбрость, но прибавляютъ, что они не умѣли повиноваться и что всякій легко ихъ обманывалъ. Изъ исторіи намъ извѣстно, что греческая политика была направлена на то, чтобы вызывать раздоры между славянами и возстанавливать ихъ другъ противъ друга.

Западно-европейскіе монахи, старавшіеся пріобщить ихъ къ христіанству, правда, обвиняютъ ихъ во многихъ порокахъ, но отдаютъ дань справедливости ихъ душевнымъ качествамъ и прямотѣ; они утверждаютъ, что изъ всѣхъ народовъ имъ извѣст-

ныхъ, славяне легче и скорѣе всего проникаются евангельскимъ словомъ.

Теперь, когда мы имѣемъ понятіе о религіозныхъ вѣрованіяхъ и соціальномъ строѣ славянъ, намъ не трудно будетъ убѣдиться, что народъ, названный Геродотомъ Скиѳами-земледѣльцами, въ отличіе отъ кочевыхъ Скиѳовъ, жившихъ на счетъ первыхъ, были, именно, славяне. Равнымъ образомъ, намъ слѣдуетъ признать славянъ въ тѣхъ добродѣтельныхъ жителяхъ сѣвера, которыхъ греки на своемъ поэтическомъ языкѣ называли *безсмертными*, т. е. вѣрящими въ безсмертіе души.

Что же касается до названій славянъ, встрѣчающихся у древнихъ историковъ, то установить ихъ невозможно, потому что славянскія племена заимствовали свои названія то у земель, на которыхъ они селились, то у народности, которая ихъ покоряла. Въ глубокой древности слявяне были извѣстны въ Азіи и Европѣ подъ именемъ Генетовъ или Венетовъ; позднѣе, ихъ называли Скиѳами, Сарматами, Ѳракійцами, смѣшивая, такимъ образомъ, ихъ названія съ названіями племенъ, ихъ покорившихъ. Римляне обозначали ихъ родовыми именами: Selvi, Silvi, Slavi, Servi. Отсюда, вѣроятно, происходитъ латинское слово esclavus. Это тѣмъ правдоподобнѣе, что германскіе и романскіе народы употребляли это слово для обозначенія славянскихъ племенъ, которыя они покорили и превратили въ рабовъ.

Славянскія поселенія встрѣчаются во всей Европѣ. Мы находимъ слѣды ихъ во Франціи и въ Англіи; но, уничтоженныя или оттиснутыя, всюду, они

удержались только на сѣверѣ, т. е. въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ народовъ, которые пользовались болѣе прочною организацiею и были цивилизованнѣе.

VII—XI.

(Выяснивъ значенiе религiи славянъ и ихъ первоначальный бытъ, Мицкевичъ останавливается, главнымъ образомъ, въ слѣдующихъ лекцiяхъ на ихъ языкѣ. Онъ старается установить его происхожденiе и признаетъ его изученiе чрезвычайно важнымъ для филологiи, вообще. Распадается славянскiй языкъ, по его мнѣнiю, на двѣ главныя вѣтви: русскую и польско-чешскую и на многiя нарѣчiя, причемъ самымъ древнимъ языкомъ слѣдуетъ считать польско-чешскiй. Въ подтвержденiе этого взгляда Мицкевичъ указываетъ на «Любушинъ Судъ». Одиннадцатую и начало двѣнадцатой лекцiи онъ посвящаетъ разбору «Краледворской рукописи», изъ которой дѣлаетъ длинныя выписки).

XII.

Мы видѣли уже, что славяне образовали два государства. Это событiе внесло новую жизнь въ славянскiй мiръ, который, такъ сказать, перешелъ отъ растительной жизни къ жизни животной. Только христiанство могло вдохнуть въ него жизнь человѣческую.

Обстоятельства, при которыхъ появилось хри-

стіанство, характеръ духовенства, отношенія, установившіяся между церковью и народнымъ самодержавіемъ,— все это различно въ этихъ двухъ государствахъ. Поляки, наравнѣ съ южными и западными славянами, были вынуждены политическою жизнью къ принятію христіанства. Еслибы они его не приняли, то ни одно правительство не могло бы окончательно упрочиться у нихъ, а впослѣдствіи они не были бы въ состояніи дать отпоръ нашествіямъ иноземцевъ. Дѣйствительно, уже при королѣ Дагобертѣ франки вели борьбу съ славянами на берегахъ Дуная; вскорѣ славянамъ сталъ угрожать еще болѣе страшный врагъ въ лицѣ германскихъ императоровъ. Обширное германское государство не отличалось большою внутреннею силою; это была имперія, покоившаяся на феодализмѣ, видоизмѣненномъ привиллегіями свободныхъ городовъ и сдерживаемомъ могуществомъ церкви. Но государство это было всесильно, когда оно дѣйствовало во имя идеи той эпохи, во имя христіанства. Извѣстно, съ какою энергіею германскіе императоры отражали мавровъ. Для торжества христіанства вольные города, корпораціи, бароны спѣшили подъ знамена и соединяли свои силы. Вотъ почему это государство всею своею тяжестью давило славянъ: церковь его поощряла. Впрочемъ, отдѣльныя личности были заинтересованы въ процвѣтаніи феодальныхъ учрежденій. Не слѣдуетъ, однако, полагать, что онѣ руководствовались меркантильными соображеніями; ничто не было имъ болѣе чуждо, какъ стремленіе къ наживѣ. Бароны покидали богатыя страны, на-

примѣръ, прирейнскія, и селились въ бранденбургскихъ пескахъ, въ Великопольшѣ, въ прусскихъ болотахъ и лѣсахъ. Тамъ ихъ ожидала трудовая и тяжелая жизнь, лишенія, постоянная борьба, насильственная смерть.

Что же побуждало ихъ подвергать себя всѣмъ этимъ опасностямъ? Та же причина, которая побуждаетъ въ наше время богатыхъ людей принимать участіе въ политической борьбѣ: идея вѣка, сознаніе великаго будущаго.

Борьба была слишкомъ неравна для славянъ, такъ какъ нѣмцы приносили съ собою военную организацію, а славяне могли имъ противопоставить только плохо дисциплированныя полчища.

Бароны не питали къ славянамъ особой ненависти; заставивъ ихъ принять христіанство, они оказывали имъ то же покровительство, что и своимъ соотечественникамъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на это покровительство, славяне чувствовали себя несчастными. Появленіе въ ихъ странѣ феодальнаго замка ихъ раздражало. При этихъ замкахъ существовали кузницы, въ которыхъ ковалось оружіе для господъ, затѣмъ, нѣмецкіе каменьщики сооружали церковь, и вокругъ нея вскорѣ возникало товарищество, удовлетворявшее всѣ нужды вѣрныхъ сыновъ церкви. Постепенно расширяясь, эта ассоціація людей превращалась въ городъ.

Такимъ образомъ, славянамъ приходилось довольствоваться деревнею, гдѣ ихъ, однако, тоже принуждали подчиняться порядкамъ, противорѣчившимъ ихъ природѣ. Изнывая въ этой чуждой имъ

атмосферѣ, они постепенно забывали свой языкъ, свои нравы и обычаи. Хотя бароны и церковь всячески старались обезпечить имъ свободную и легкую жизнь, но они исчезали вездѣ, гдѣ только водворялся феодализмъ.

Какъ же было остановить это нашествіе нѣмцевъ? Одинъ изъ историковъ замѣтилъ, что водруженіе креста на границѣ отняло бы у нѣмецкихъ императоровъ ихъ могущества по отношенію къ славянамъ. Дѣйствительно, вступленіе славянъ въ христіанское общество лишало ихъ политическіе споры съ имперіею религіознаго характера; современемъ, славянскіе князья, вступивъ въ союзъ съ баронами и путемъ браковъ и договоровъ, вліяли на внутреннія дѣла Германіи и даже угрожали императорамъ. Вотъ какую услугу оказало христіанство Польшѣ и Богеміи.

Но Россія была въ иномъ положеніи; ей приходилось только отражать кочевыя племена, обрушившіяся на нее. Безпокойные варяги, управлявшіе ею, нападали на Византію; греки старались обратить ихъ въ христіанство, чтобы обезпечить границы своего государства. Владиміръ, современникъ Болеслава Великаго и послѣдній изъ русскихъ князей, который призывалъ новыя дружины изъ Швеціи и Норвегіи, хотѣлъ оживить язычество, подтачиваемое христіанскою вѣрою; но впослѣдствіи онъ одумался, женившись на греческой княжнѣ. Разсказываютъ, что прежде, чѣмъ принять христіанство, онъ долго изучалъ обѣ вѣры. Онъ призывалъ даже къ себѣ раввиновъ и ученыхъ католическихъ богослововъ; онъ посылалъ

приближенныхъ своихъ во всѣ страны, чтобы собрать свѣдѣнія о разныхъ религіяхъ; наконецъ, онъ рѣшился принять православіе. Преданіе гласитъ, что на его окончательное рѣшеніе повліялъ умный грекъ описаніемъ страшнаго суда.

Восточная церковь вскорѣ обнаружила стремленіе отдѣлиться отъ католической; она прежде руководствовалась постановленіями соборовъ, но когда перестала прибѣгать къ этому авторитету, ей оставалось только опереться на правительство; такимъ образомъ, она была поставлена въ полную зависимость отъ него и оказывалась уже не въ силахъ дать отпоръ захватамъ свѣтской власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прекратились всякія церковныя пренія и синоды уже не созывались, потому что богословскіе споры нельзя было болѣе подвергать на усмотрѣніе римскихъ епископовъ. Впослѣдствіи правительство, руководствуясь тѣми же соображеніями, запретило церковную проповѣдь: такъ какъ оно не могло, въ качествѣ верховнаго авторитета, вести всюду надзоръ за подчиненнымъ ему духовенствомъ, то оно предпочло совершенно упразднить церковную каѳедру. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы обрѣсти свободу, которую восточная церковь думала найти, порывая связи съ папскою властью, она утратила всякую независимость: она была обречена на безмолвіе и бездѣйствіе.

Вотъ, въ эту-то эпоху Россія приняла православіе. Восточные епископы были люди очень благочестивые, преданные своему дѣлу и стоявшіе внѣ политическаго и соціальнаго движенія; они

очень походили на католическое духовенство нашего времени; на нихъ смотрѣли, какъ на администраторовъ, правительственныхъ чиновниковъ.

Они рѣдко вступали въ сношенія съ епископами западной Европы, которые, будучи писателями, законодателями и даже воинами, составляли въ средніе вѣка самый дѣятельный общественный классъ. Черное духовенство православной церкви было столь же мало вліятельно, какъ и бѣлое. Духовныя - установленія, имѣвшія такое важное значеніе въ германскихъ и романскихъ странахъ, встрѣчались очень рѣдко въ этой церкви. Она располагала всего однимъ орденомъ,— орденомъ св. Василія — всецѣло посвятившимъ себя ученымъ трудамъ и созерцательной жизни. Въ западной Европѣ, наоборотъ, новые ордены возникали соотвѣтственно потребностямъ даннаго времени; рыцарскіе ордены, которымъ суждено было совершить коренной переворотъ на сѣверѣ, уже зарождались, и одинъ изъ нихъ положилъ основаніе прусскому королевству.

Политическая свобода сѣверныхъ славянскихъ племенъ является твореніемъ рукъ западной церкви. Одинъ изъ польскихъ королей, убившій епископа, лишился короны, и съ тѣхъ поръ личность епископовъ считалась неприкосновенною; привиллегія эта перешла и на свѣтскихъ вельможъ, засѣдавшихъ въ сеймѣ рядомъ съ епископами. Въ Россіи остатки первоначальной свободы сосредоточивались въ городахъ, между тѣмъ какъ въ Польшѣ политическая свобода развивалась сперва въ королевскомъ совѣтѣ, а затѣмъ въ сеймѣ, гдѣ она пріобрѣла могущественное вліяніе.

Мы видимъ, слѣдовательно, что личное значеніе духовенства представляетъ большое различіе въ двухъ церквахъ. Въ Польшѣ епископъ является священною особою, въ Россіи же, несмотря на мудрость духовенства, которое нерѣдко стояло выше западнаго духовенства по святости своей жизни, епископу приходится много переносить отъ князей и народа. Въ сѣверныхъ католическихъ странахъ не встрѣчаются примѣры дурнаго обращенія съ священниками, и если иногда польскіе писатели и поэты ненавидятъ монаховъ, то и ненависть эта заключаетъ въ себѣ уваженіе.

Русскіе князья, воспретившіе епископамъ проповѣдь, по тѣмъ же соображеніямъ не позволяли имъ составлять лѣтописи. Долгое время монахи, будучи одни грамотны, писали хроники. Но этотъ обычай показался русскому правительству опаснымъ и противорѣчащимъ государственнымъ видамъ, потому что онъ давалъ личности возможность критиковать дѣйствія правительства. Онъ долженъ былъ прекратиться.

Самымъ древнимъ славянскимъ лѣтописцемъ является, именно, одинъ изъ такихъ монаховъ: онъ назывался Несторомъ. Родившись въ мѣстности, лежащей между Бугомъ и Днѣпромъ, носящей названіе *страны русинской* и оспариваемой поляками и русскими другъ у друга, Несторъ былъ совершенно незнакомъ съ западною литературою; онъ не зналъ латинскаго языка и руководствовался исключительно византійскими историками, усвоивъ себѣ всецѣло ихъ духъ и слогъ. Вдали отъ всякой политической борьбы, совершенно чуждый ей, онъ въ

своей кельѣ записывалъ преданія и новости дня, сообщенныя ему другими монахами. Какъ извѣстно, разсказъ его начинается съ завоеванія Руси варягами. Самъ онъ родился въ половинѣ XI вѣка, т. е. двѣсти лѣтъ спустя. Прежняя исторія славянъ его нисколько не интересуетъ; что же касается до исторіи варяговъ, то онъ передаетъ ее съ чрезвычайною простотою. Тѣмъ не менѣе его замѣтки очень важны въ географическомъ отношеніи. Подражая греческимъ историкамъ, онъ предпосылаетъ своему изложенію предисловіе, въ которомъ старается установить связь между исторіею славянъ и остальнаго міра. Отсутствіе всякаго увлеченія, всякой общей идеи или возвышенной точки зрѣнія въ лѣтописи Нестора прельстило писателей XVIII вѣка, которые выставляли его образцовымъ исторіографомъ. Простота его изложенія такъ ихъ ослѣпила, что они не рѣшались исправить его хронологическіе или географическіе промахи. Между тѣмъ, его трудъ является лишь отраженіемъ византійской литературы, а, какъ извѣстно, греческіе писатели того времени далеко не могутъ считаться выдающимися историками. Несторъ только освѣжилъ прелестью своей славянской наивности сухость изложенія византійцевъ.

Почти въ то же время, въ Польшѣ появляется лѣтописецъ, по имени Галлусъ. Его происхожденіе спорно; нѣкоторые полагаютъ, что онъ былъ галломъ; но лица, придерживающіяся этого мнѣнія, не принимаютъ во вниманіе ни ритма, ни размѣра его стиха, въ которомъ, подъ прозрачнымъ покро-

вомъ латинской оболочки, ясно просвѣчиваютъ обороты и складъ чисто-польскаго языка. Галлусъ былъ духовникомъ короля Болеслава III. Въ военное и мирное время онъ велъ дѣятельную жизнь при особѣ короля; онъ бывалъ въ чужихъ краяхъ и даже посѣтилъ св. мѣста. По всему видно, что у него была подвижная натура и что онъ обладалъ поэтическимъ даромъ. Его твореніе составляетъ нѣчто среднее между хроникою и поэмою. Онъ разсказываетъ о рожденіи и подвигахъ своего монарха, но не доходитъ до его смерти. Всякая глава его книги начинается съ поэтическаго обращенія къ читателю и кончается молитвою. Онъ перемѣшиваетъ изложеніе воинственными пѣснями нѣмцевъ и славянъ. По большей части онъ веселъ, игривъ, остроуменъ; иногда онъ грѣшитъ противъ истины преувеличеніями, но онъ никогда не теряетъ изъ виду единства своего разсказа; его твореніе составляетъ географическое и историческое цѣлое. Хотя онъ и пишетъ на латинскомъ языкѣ, но ему постоянно слышится польская рѣчь. На стихѣ его отразилось вліяніе церковныхъ нашихъ національныхъ пѣсенъ. Слово *отечество* постоянно подвертывается ему подъ перо, и онъ понимаетъ его уже въ самомъ обширномъ смыслѣ. Одинъ польскій критикъ, рѣдко понимающій исторію своего народа, тѣмъ не менѣе, подмѣтилъ, что «отечество» у Галла не означаетъ исключительно польской *земли;* и, дѣйствительно, Галлусъ совмѣщаетъ въ этомъ словѣ всѣ стремленія польскаго народа, всѣ его вольности, всю его славу. Исторія Польши, ея плодородныя нивы, густые лѣса, рослые

люди, многочисленныя стада,— все это у него — отечество; онъ говоритъ обо всемъ этомъ съ любовью и гордостью, какъ полякъ, восторгающійся своею страною. Нѣтъ никакого сходства между нимъ и Несторомъ, который сухо разсказываетъ вещи, о которыхъ онъ знаетъ лишь по наслышкѣ; его скорѣе можно сравнить съ однимъ изъ тѣхъ западныхъ поэтовъ, которыхъ называютъ трубадурами или миннезингерами.

XIII.

Характеристическія черты различія между двумя государствами, возникшими въ славянскомъ мірѣ, проявляются въ ихъ историческихъ памятникахъ, въ духѣ и формѣ ихъ хроникъ. Подъ какими же вліяніями сложился характеръ этихъ двухъ народовъ? Вотъ вопросъ, которымъ мы теперь займемся.

Мы знаемъ уже, при какихъ обстоятельствахъ варяжская Русь и Польша приняла христіанство. Чтобы восполнить картину этой эпохи, мы скажемъ еще о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ, которымъ подверглись догматы и каноническія правила въ этихъ двухъ странахъ.

Варяжскія князья, управлявшіе Русью, приняли внезапно христіанство по греческой обрядности; навязавъ его своимъ подданнымъ, они пріобрѣли значительное вліяніе на церковь и превратили ее въ орудіе для своей политики. Поэтому въ этой странѣ христіанство распространялось медленно и хотя сѣяло сѣмена, которыя современемъ должны были

дать плоды, но не проникало глубоко въ соціальную жизнь.

Въ Польшѣ, въ чисто-польскихъ и чешскихъ странахъ, распространеніе христіанства встрѣчало препятствія другаго рода. Лехи и чехи составляли вооруженную касту, нѣчто въ родѣ рыцарскихъ орденовъ или аристократической милиціи. Христіанство имъ представлялось грознымъ, во-первыхъ, потому, что оно давало санкцію королевской власти и придавало ей могущество, несовмѣстимое съ ихъ преданіями, а во-вторыхъ, потому что въ его догматахъ содержалось обѣщаніе, касавшееся всей народной массы,— обѣщаніе, инстинктивно угадываемое этою аристократіею. Поэтому послѣдняя охотно принимала христіанство, когда оно обезпечивало ея права противъ захватовъ королевской власти, но тормозила его успѣхи всякій разъ, когда приходилось его примѣнить къ массѣ. Къ этимъ двумъ препятствіямъ присоединялось третье, вызванное племенными особенностями. Лехитскіе и чешскіе рыцари были люди предпріимчивые и храбрые, но, въ то же время, непостоянные и легкомысленные (такъ, по крайней мѣрѣ, описываютъ византійскіе писатели кавказскихъ леховъ); смѣшавшись съ славянами, они переняли у послѣднихъ грубость нравовъ и чувственность. Христіанское духовенство, среди такого общества, постепенно подчинялось національнымъ нравамъ и утратило аскетическія свои стремленія, нравственный авторитетъ и, въ особенности, тотъ энтузіазмъ, который составлялъ характеристическую черту средневѣковаго монаха.

Нравственное состоянiе Польши въ эту эпоху очень хорошо описано тогдашнимъ хроникеромъ, который разсказываетъ о посольствѣ, отправленномъ однимъ изъ польскихъ князей къ папѣ, чтобы испросить у него королевскую корону. Папа готовъ былъ исполнить это ходатайство, корона была уже на лицо, какъ вдругъ верховному первосвященнику явился ангелъ и возвѣстилъ ему, что поляки еще недостойны имѣть вождемъ помазанника Божьяго. Польское дворянство,—прибавляетъ лѣтописецъ:—предпочитаетъ насилiе справедливости; лѣса и охота его болѣе прельщаютъ, чѣмъ земледѣлiе и законодательство; оно больше любитъ своихъ охотничьихъ собакъ, чѣмъ людей; словомъ, оно болѣе склонно драться, чѣмъ строить церкви.

Какъ бы то ни было, но папы, дѣйствительно, долго отказывали польскимъ великимъ князьямъ въ королевской коронѣ.

Католическiе епископы въ этой странѣ бывали часто и польскими вельможами; въ своихъ дѣйствiяхъ они проявляли всѣ достоинства и всѣ пороки этой касты. Нисшее духовенство, набираемое изъ мелкой шляхты, отличалось патрiотизмомъ, воинственными стремленiями, гостепрiимствомъ и благорасположенiемъ къ народу; но оно мало занималось дѣлами вѣры.

Поэтому поляки не дѣлали никакихъ усилiй, чтобы прiобщить своихъ варварскихъ сосѣдей къ христiанскому мiру; они, такимъ образомъ, не исполнили главной своей миссiи, которая, въ то время, состояла въ томъ, чтобы распространять христiанство между язычниками. Забвенiе этого

долга послужило для Польши источникомъ многихъ несчастій.

Короли, правда, набирали арміи и отправлялись въ походъ съ этого цѣлью, но они не встрѣчали поддержки со стороны апостоловъ и мучениковъ. Апостолами были чужеземцы; за ними посылали въ Германію и Богемію. Одинъ изъ нихъ, великій мужъ, св. Адальбертъ, сталъ покровителемъ Польши. Онъ создалъ цѣлую эпоху въ исторіи этой страны.

Св. Адальбертъ родился въ Богеміи, на границѣ Польши, въ высокопоставленной лехитской семьѣ. Отецъ его былъ графомъ, а мать—родственницею владѣтельнаго великаго князя. Семья эта имѣла обширныя связи и пользовалась большимъ вліяніемъ въ Польшѣ. Съ дѣтства его прочили въ духовное званіе. Посланный въ Германію для довершенія своего образованія, онъ впослѣдствіи посѣтилъ Францію и Италію. Вернувшись на родину, онъ былъ рукоположенъ въ пражскіе епископы. Народъ встрѣтилъ его съ энтузіазмомъ, потому что онъ хорошо говорилъ по-славянски и даже писалъ стихи на этомъ языкѣ. Вельможи любили его за его кротость и милосердіе. Но вскорѣ надъ нимъ разразилась страшная гроза. Его обвинили въ томъ, что онъ вводитъ новые обычаи, потому что приглашалъ къ своей трапезѣ всѣхъ христіанъ, безъ различія ихъ общественнаго положенія. Онъ боролся противъ торговли рабами (польскіе и чешскіе евреи покупали и продавали людей). Наконецъ, онъ старался искоренить многоженство. Все это возмущало поляковъ, и они прогнали

своего епископа. Вскорѣ призванный обратно, онъ снова подвергся преслѣдованіямъ и чуть было не погибъ во время народнаго бунта. Домъ его былъ сожженъ, а нѣкоторые изъ его братьевъ умерщвлены. Когда бунтъ былъ подавленъ, его всячески хотѣли склонить обѣщаніями вернуться, но онъ остался непреклоненъ въ своемъ рѣшеніи навсегда покинуть епархію. Онъ чувствовалъ себя призваннымъ къ болѣе высокой миссіи: къ апостольскому служенію. Съ этою цѣлью онъ прибылъ въ Гнѣзно, ко двору Болеслава Великаго, и объявилъ здѣсь, что онъ намѣренъ посвятить себя дѣлу обращенія въ христіанство литовско-прусскихъ народностей, бывшихъ опасными сосѣдями для Польши. Король принялъ его съ большими почестями. Онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изучалъ языки народовъ, которымъ собирался нести евангельскій свѣтъ. Затѣмъ онъ спустился по Вислѣ къ Данцигу и оттуда уже направился въ восточную Пруссію. Сначала пруссы не оказали ему никакого противодѣйствія; но, когда онъ однажды ночью рѣшился проникнуть въ священную рощу и, служа молебствіе, завладѣть, во имя Христа, этимъ сѣдалищемъ язычества, мѣстные жрецы напали на него и умертвили его. Король выкупилъ тѣло мученика и похоронилъ его въ Гнѣзнѣ. Вѣсть о смерти епископа и о чудесахъ, происходившихъ на его могилѣ, распространилась во всемъ христіанскомъ мірѣ и привлекала многихъ паломниковъ въ польскую столицу. Императоръ Оттонъ III, человѣкъ набожный и добрый, лично знавшій и любившій св. Адальберта, велъ тогда войну съ Польшею.

Но, узнавъ о горестномъ событіи, тотчасъ же заключилъ миръ, чтобы совершить паломничество и поклониться праху мученика. Онъ торжественно пріѣхалъ въ Познань и оттуда босой пошелъ въ Гнѣзно. Дружелюбно встрѣченный Болеславомъ, онъ снялъ съ головы императорскую корону и, возложивъ ее на Болеслава, провозгласилъ его королемъ (польскіе монархи носили до того времени титулъ князей). Съ тѣхъ поръ Польшу стали признавать страною христіанскою. Оттонъ, кромѣ королевскаго титула, предоставилъ Болеславу большія политическія и религіозныя привиллегіи. Онъ даровалъ ему право учреждать епархіи и управлять своею церковью, — право, которое папы рѣдко предоставляли даже императорамъ.

Такимъ образомъ, центръ религіозной жизни польскаго государства, находившійся прежде въ Германіи, въ Магдебургѣ, былъ перенесенъ во внутрь страны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Польша обрѣла и политическій центръ, такъ какъ въ тѣ времена духовная столица соединяла въ себѣ всѣ національные элементы. Св. Адальбертъ, слѣдовательно, стяжалъ Польшѣ королевскую корону и начерталъ ей путь будущихъ завоеваній. Кромѣ того, онъ оставилъ стихотворный памятникъ, который сохранился до нашихъ дней. Поляки и чехи не имѣютъ болѣе древняго литературнаго произведенія, авторъ котораго былъ бы извѣстенъ. Это — бранная пѣснь, составленная самимъ епископомъ. Пѣсню эту поляки пѣли во время сраженій вплоть до XVI в., когда они перестали завоевывать чужія страны.

Мы приведемъ нѣсколько строфъ этой знаменитой пѣсни, о которой такъ часто упоминаютъ польскіе историки. Покажется, можетъ быть, страннымъ, что она своимъ содержаніемъ нисколько не напоминаетъ бранныхъ пѣсней нашихъ дней; это скорѣе наивное и благочестивое воззваніе къ Богородицѣ. Вотъ какъ она начинается:

«Богоматерь, святая Дѣва, возлюбленная Марія, во имя Господа, Сына Твоего, даруй намъ, ниспошли намъ царствіе Его, внемли моленіямъ нашимъ, исполни наши мысли!»

Затѣмъ, черезъ нѣсколько строфъ, мы читаемъ:

«Ты, Адамъ, старѣйшій подданный Бога, засѣдаешь въ Его совѣтѣ (намекъ на прежнее соціальное положеніе славянъ). Веди насъ туда, гдѣ царствуютъ ангелы, радость, любовь и никогда не прерывающееся лицезрѣніе ангеловъ. Здѣсь, на землѣ, царство сатаны. Богъ выкупилъ насъ отъ осужденія не золотомъ и не серебромъ, а Своимъ всемогуществомъ. Онъ позволилъ прободать себѣ ребра, руки и ноги, ради всѣхъ людей.»

Пѣснь заключается подготовленіемъ къ смерти, молитвою:

«Настало время, насталъ часъ заслужить отпущеніе грѣховъ, прославить нашего Бога. Возьми насъ, веди насъ, о Господь нашъ, дабы мы были у Тебя! Аминь! О, Боже, допусти насъ быть въ раю, гдѣ царствуютъ ангелы!»

Голосъ смерти преобладаетъ въ словахъ мученика, оросившаго своею кровью землю.

Польскіе короли, однако, не приняли къ сердцу наставленій апостоловъ. Послѣдніе постоянно на-

правлялись въ варварскія страны, въ Пруссію, Литву, Померанію; короли же, наоборотъ, предпринимали, въ то же время, экспедиціи въ Малороссію и Богемію, т. е. въ страны, уже обращенныя въ христіанство, или же вмѣшивались въ дѣла Германіи. Не смотря на блескъ завоеваній Болеслава Великаго, они оставались безплодными для Польши. Король этотъ владѣлъ почти всею Богеміею, значительною частью Венгріи, всѣми славянскими землями между Одеромъ и Днѣпромъ; но, послѣ его смерти, Польша все это утратила, между тѣмъ какъ странамъ, недавно обращеннымъ въ христіанство, суждено было превратиться въ составную часть Польши.

Послѣ того, что мы сказали о положеніи духовенства въ двухъ главныхъ славянскихъ государствахъ и о разнообразныхъ препятствіяхъ, которыя встрѣтили въ нихъ успѣхи христіанства, не трудно уяснить себѣ противоположный характеръ русскихъ и польскихъ лѣтописцевъ.

Мы уже упомянули о Несторѣ, объ этомъ монахѣ, уединенно жившемъ въ своей кельѣ, который разсказываетъ событія, не преслѣдуя ни общей идеи, ни политической тенденціи, ни плана какого-нибудь, ни опредѣленной цѣли. Онъ старается только сохранить преданія, которымъ грозило забвеніе; даже со стороны формы его лѣтопись не представляетъ ничего законченнаго, яснаго, точнаго: фразы слѣдуютъ одна за другой, безъ всякой связи. Когда онъ говоритъ о монастыряхъ, монахахъ, церквахъ, онъ вдается въ большія подробности: видно, что онъ отлично по-

нимаетъ духовный міръ, знаетъ его интересы, что его симпатіи принадлежатъ ему. Но когда ему приходится говорить о сраженіяхъ, онъ отмѣчаетъ только ихъ результаты; онъ не подвергаетъ критикѣ дѣйствія князей, рѣдко ихъ хвалитъ, никогда не порицаетъ. Чувствуется, однако, что онъ желаетъ преобладанія великихъ князей, представлявшихся ему олицетвореніемъ Руси, потому что онъ предвидѣлъ бѣдствія, грозившія ей отъ варваровъ.

Вотъ образчикъ слога Нестора: «Иларіонъ, іерей въ с. Берестовѣ, молодой и грамотный мужъ, покинувъ свою церковь, отправился на берегъ Днѣпра, на гору, гдѣ теперь находится печерскій монастырь и гдѣ тогда стоялъ большой лѣсъ; онъ вырылъ себѣ тамъ пещеру, глубиною въ два фута, и часто тамъ молился въ уединеніи. Когда въ 1050 г. великій князь Ярославъ приказалъ своему духовенству возвести его въ санъ митрополита (до тѣхъ поръ архіепископовъ назначали константинопольскіе патріархи), пещера была заброшена.» Таково происхожденіе Кіева.

Затѣмъ, лѣтописецъ разсказываетъ о величіи Кіева, вызванномъ постройкою монастырей у пещеры, существующей и теперь еще и содержащей мощи нѣсколькихъ мучениковъ.

Кіевъ, такимъ образомъ, обязанъ своимъ возникновеніемъ монахамъ, и, благодаря религіознымъ воспоминаніямъ, связаннымъ съ этимъ городомъ, онъ получилъ значеніе столицы древней Руси. Народъ привыкъ видѣть въ немъ центръ своей религіозной жизни. Когда образовалось великое княжество, оно постоянно стремилось къ сохраненію

Кіева, подобно тому, какъ Польша, чтя память св. Адальберта, приписывала Гнѣзну первенство надъ всѣми польскими городами.

Польскіе лѣтописцы, жившіе при дворѣ, дѣлили съ своими монархами всѣ опасности и потому не могли по слогу и языку походить на Нестора. У послѣдняго не было другаго источника, другаго образца, кромѣ византійскихъ историковъ. Греческая литература въ это время была уже заброшена, не смотря на эрудицію Фотія, самаго ученаго человѣка своего времени.

Россію освѣтилъ только отблескъ слабаго свѣта писателей временъ Комненовъ; греческіе классики не оказали никакого вліянія на русскихъ лѣтописцевъ, между тѣмъ какъ въ западной церкви латинскій языкъ былъ всегда языкомъ живымъ. Польскіе и чешскіе писатели знали Цицерона, Виргилія, Ювенала, Тацита. Они, насколько можно было, пользовались этими образцами и восторгались классическою поэзіею, исторіею, краснорѣчіемъ, смѣшивая въ своихъ произведеніяхъ всѣ эти виды словесности. И могло ли быть иначе? Въ вѣкъ великаго броженія, великихъ политическихъ начинаній, могли ли они подражать холодному слогу византійскихъ лѣтописцевъ или слогу писателей римской имперіи? Напрасно критики ставятъ имъ въ упрекъ смѣшеніе разныхъ видовъ словесности: оно прекрасно характеризуетъ общество, начинающее слагаться изъ разнородныхъ элементовъ.

Галлусъ, какъ мы уже замѣтили, начинаетъ каждую главу своего труда стихотвореніемъ; затѣмъ слѣдуетъ самъ разсказъ, который кончается чѣмъ-то

въ родѣ элегіи или молитвы. Вотъ примѣръ. Онъ посвящаетъ свой трудъ польскимъ епископамъ, своимъ покровителямъ.

«Какъ,— говоритъ онъ:—мнѣ рѣшиться пустить мой утлый челнъ по огромному океану исторіи? Но мореплаватель можетъ безопасно разсѣкать бѣшеныя волны, когда онъ имѣетъ искуснаго кормчаго, умѣющаго управлять судномъ по звѣздамъ. Я не избѣгъ бы крушенія между Сциллами и Харибдами, если ваше доброжелательство не предоставило бы мнѣ помощь вашихъ веселъ. Теперь я не страшусь болѣе опаснаго пути исторіи, такъ какъ мнѣ предшествуютъ люди, проницательность которыхъ сверкаетъ молніею болѣе яркою, чѣмъ дневной свѣтъ.»

Есть лица, полагающія, что латинскій языкъ заглушалъ въ средневѣковыхъ писателяхъ мѣстный національный колоритъ и что только народный языкъ могъ выразить патріотическія чувства; но въ этомъ упрекать Галлуса нельзя. Онъ часто насилуетъ латинскій языкъ, чтобы дать полное выраженіе своимъ славянскимъ чувствамъ и всему, что онъ почерпнулъ въ національныхъ пѣсняхъ; нѣтъ другаго средневѣковаго писателя, который сохранилъ бы лучше мѣстный колоритъ.

Онъ чрезвычайно тщательно отмѣчаетъ древніе обычаи; упоминая о данномъ лицѣ, онъ рисуетъ его портретъ, описываетъ его привычки, манеры, передаетъ его шутки. Стоитъ только сравнить описанія Галлуса съ описаніемъ Нестора или другаго его современника, чтобы убѣдиться въ громадномъ его превосходствѣ.

Вотъ, напримѣръ, какъ онъ описываетъ войну поляковъ съ нѣмцами.

Императоръ Оттонъ вторгся въ Польшу съ многочисленною и отлично дисциплированною арміею. Поляки не рѣшались принять сраженія; они старались только безпокоить армію императора, чтобы уничтожить ее по частямъ. Галлусъ прекрасно рисуетъ эту картину:

«Болеславъ,—пишетъ онъ: — не отставалъ отъ германскаго цезаря, точно онъ былъ его спутникомъ. Какъ только императоръ разбивалъ гдѣ-нибудь лагерь, польскій король былъ уже по сосѣдству. Куда бы императоръ ни направился, онъ всюду встрѣчалъ короля, который бродилъ около него, какъ волкъ, и ежедневно бралъ въ плѣнъ нѣсколькихъ нѣмцевъ. Послѣдніе такъ боялись его, что Болеславъ былъ у нихъ постоянно на мысли и на языкѣ. Проходя мимо лѣса или куста, они говорили другъ другу, что Болеславъ навѣрно тамъ скрывается.»

Галлусъ прибавляетъ нѣсколько шутокъ, которыя мы вынуждены опустить. Затѣмъ, онъ продолжаетъ:

«Не чувствуя себя отъ усталости, не видя исхода изъ этой войны, находясь среди лѣсовъ и болотъ, окруженные жестоко кусавшими мухами, стрѣлами, не менѣе многочисленными, чѣмъ мухи, и молодцами, столь же несносными, какъ мухи и стрѣлы, императоръ и его армія, въ концѣ концовъ, заключили миръ.»

Всѣми достоинствами самостоятельнаго писателя Галлусъ обязанъ распространившемуся въ Польшѣ

христіанству. Аристократія пріобрѣла уже своеобразный характеръ; уже на подмосткахъ исторіи стали появляться высокія фигуры вельможъ, которыя вступали въ борьбу съ королевскою властью и иногда одерживали даже побѣды надъ нею.

Жизнеописаніе одного изъ такихъ вельможъ, котораго лѣтописецъ сравниваетъ съ Югуртою, занимаетъ нѣсколько главъ его хроники. Такимъ образомъ, Галлусу приходится подвергать критикѣ политическія отношенія, установившіяся между королемъ и народомъ. Онъ оцѣниваетъ монарховъ по достоинству; онъ не проходитъ, подобно Нестору, молчаніемъ нравственную сторону ихъ дѣйствій: онъ ихъ порицаетъ или хвалитъ, согласно собственнымъ религіознымъ и политическимъ убѣжденіямъ. Его герой, Болеславъ, приказалъ умертвить одного изъ своихъ незаконнорожденныхъ братьевъ. Этотъ братъ вызывалъ волненія въ странѣ; побѣжденный и изгнанный, онъ постоянно возвращался, чтобы начинать новые заговоры. Галлусъ, тѣмъ не менѣе, старается извинить монарха. «Оправдывать ли мнѣ Болеслава? — спрашиваетъ онъ. — Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ!» Тѣмъ не менѣе, онъ старается смягчить осужденіе, перечисляя всѣ преступленія бунтовщика, и прибавляетъ: «Мы видѣли великую скорбь нашего монарха; мы видѣли, какъ онъ, посыпавъ голову пепломъ, предавался отчаянію.» Затѣмъ, онъ разсказываетъ о добрыхъ дѣлахъ, которыми король хотѣлъ искупить свой грѣхъ, о его паломничествахъ, богоугодныхъ учрежденіяхъ. Это свидѣтельствуетъ уже о чрезвычайно развитомъ нравственномъ чувствѣ среди поляковъ,

и, въ особенности, въ правящемъ классѣ, между рыцарями. Подобно тому, какъ убіеніе епископа Станислава было послѣднимъ политическимъ убійствомъ въ нашей исторіи, преступленіе Болеслава было послѣднимъ убійствомъ, совершеннымъ надъ членомъ царствовавшей семьи въ видахъ династическихъ. Это доказываетъ, что вліятельное общественное мнѣніе успѣло уже сложиться.

Но охотнѣе всего нашъ историкъ разсказываетъ о пиршествахъ, охотахъ, турнирахъ, военныхъ празднествахъ, королевскихъ милостяхъ, значительномъ обиліи золота и серебра, такъ что, если вѣрить ему, деньги складывались въ скирды, какъ сѣно.

Различіе между Галлусомъ и Несторомъ бросается еще болѣе въ глаза, если сравнить ихъ съ другими, современными имъ, лѣтописцами, напримѣръ, съ знаменитымъ нѣмецкимъ историкомъ, Дитмаромъ мерзебургскимъ, или съ чешскимъ писателемъ, Косьмою пражскимъ.

Дитмаръ, предшествуя Нестору, родился въ могущественной семьѣ; онъ былъ сынъ саксонскаго вельможи, графа Зигфрида фонъ-Вальдека. Будучи мерзебургскимъ епископомъ, онъ написалъ мемуары своего времени, касаясь исторіи Богеміи и Польши. Но Дитмаръ, какъ человѣкъ набожный и восторженный, никогда не упускаетъ изъ виду интересовъ религіи; онъ, прежде всего, является историкомъ католической церкви, вообще, и своей епархіи, въ частности. Отличаясь необыкновеннымъ безпристрастіемъ, онъ часто порицаетъ императора, своего покровителя и родственника. По-

добно Галлусу, онъ не прощаетъ своему монарху, когда тотъ дѣйствуетъ противъ интересовъ церкви. Новѣйшіе историки не сумѣли оцѣнить безпристрастіе Дитмара; они обвиняютъ его въ томъ, что онъ клевещетъ на чешскаго и польскаго королей и является неблагодарнымъ по отношенію къ императору; на самомъ же дѣлѣ, онъ не былъ ни клеветникомъ, ни человѣкомъ неблагодарнымъ; но онъ всецѣло былъ преданъ католицизму.

Каждая книга его лѣтописи (ихъ всего 8) начинается съ молитвы. Онъ любитъ отмѣчать добрыя дѣла, рѣдко говоритъ о сраженіяхъ и почти всегда кончаетъ жалобами на собственныя слабости и ошибки. Такъ какъ онъ писалъ для монастырей, то, въ видѣ награды за свой трудъ, требуетъ, чтобы молились за упокой его души. Возвышенною точкою зрѣнія, энергіей и энтузіазмомъ онъ далеко превосходитъ и Нестора, и Галлуса

Косьма пражскій, потомокъ польской семьи, поселившейся въ Богеміи, напоминаетъ по тону и формѣ своихъ произведеній гораздо болѣе втораго изъ этихъ лѣтописцевъ; но историческаго таланта у него меньше. Изложеніе его лишено послѣдовательности и единства. Галлусъ, сообщивъ географическія свѣдѣнія, разсказываетъ о сраженіи, даетъ понятіе о гражданскомъ и политическомъ состояніи страны, разнообразитъ изложеніе стихами, передаетъ разговоры; затѣмъ, возвращаясь къ сраженію, развлекаетъ читателя описаніями празднествъ, охотъ и пиршествъ. Несмотря, однако, на это чрезвычайное разнообразіе, общій планъ имъ не упускается изъ виду. Косьма, напротивъ,

упоминаетъ съ тою же безпорядочностью, какую мы встрѣчаемъ у Нестора, обо всѣхъ фактахъ, какъ бы мимоходомъ, безъ опредѣленной цѣли; кромѣ того, у него не встрѣчается того политическаго энтузіазма, который воодушевляетъ Галлуса.

Въ этихъ четырехъ лѣтописцахъ мы находимъ всѣ характеристическія черты, которыя встрѣчаются впослѣдствіи у другихъ нѣмецкихъ, чешскихъ, польскихъ и русскихъ историковъ.

Нѣмецкій лѣтописецъ является большимъ бариномъ, человѣкомъ набожнымъ и важнымъ, строгимъ судьею надъ собою и другими; онъ серьезенъ и ученъ. Чешскій лѣтописецъ — труженикъ, щеголяетъ своими познаніями и старается поразить своею эрудиціею. Полякъ, прежде всего, патріотъ; онъ самъ сознается въ томъ, что не особенно глубоко изучилъ евангеліе; ему доставляетъ, очевидно, удовольствіе разсказывать о насильственныхъ дѣйствіяхъ и преступленіяхъ королей, когда эти преступленія, совершенныя надъ иностранцами, считаются имъ полезными для отечества. Онъ передаетъ, что Владиславъ, отецъ его героя, приказалъ, умирая, польскимъ вельможамъ избрать изъ числа своихъ сыновей королемъ того, который проявитъ наибольшую любовь къ отечеству и славѣ. Онъ, слѣдовательно, ставитъ честь выше пользы и подвергаетъ оцѣнкѣ права кандидатовъ на корону. Ничего подобнаго не можетъ встрѣтиться у Нестора.

Что же касается до языка, то у славянскихъ лѣтописцевъ совершенно ясно виденъ отличительный характеръ разныхъ нарѣчій.

Ученые несогласны въ томъ, слѣдуетъ ли признать разныя нарѣчія даннаго языка прогрессивнымъ его развитіемъ или вѣтвями одного и того же дерева, которыя одновременно растутъ на общемъ стволѣ. Лица, придерживающіяся послѣдняго мнѣнія, доказываютъ, что исторія нарѣчій начинается вмѣстѣ съ исторіею самого языка, что въ зародышѣ они встрѣчаются у самаго источника и что они составляютъ богатство языка. Такъ, напримѣръ, они восторгаются греческимъ языкомъ, распадающимся на три главныхъ нарѣчія. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ ученыхъ, наоборотъ, утверждаютъ, что всякій языкъ подлежитъ извѣстному ряду измѣненій и что можно почти предсказать, какого рода нарѣчіе станетъ современемъ преобладающимъ.

Изученіе славянскаго языка, однако, насъ убѣждаетъ въ томъ, что онъ въ самой глубокой древности уже распадался на цѣлую группу нарѣчій, сліяніе или смѣшеніе которыхъ не могло состояться. Нѣкоторые археологи были того мнѣнія, что славянскій языкъ превратился въ чешскій, который, въ свою очередь, подвергаясь измѣненіямъ, образовалъ польскій и что, такимъ образомъ, польскій языкъ можетъ подвергнуться дальнѣйшимъ измѣненіямъ. Памятники, однако, противорѣчатъ этой гипотезѣ; пражскіе пергаменты, пѣсни св. Адальберта, лѣтопись Нестора убѣждаютъ въ томъ, что славянскія нарѣчія успѣли уже сложиться въ отдаленнѣйшія времена и что они тогда уже носили, каждое, совершенно своеобразную печать, были, слѣдовательно, способны къ дальнѣйшему развитію, но окончательно видоизмѣниться не могли. Совер-

шенно вѣрно, что нарѣчія, выросшія на одной почвѣ, могли влiять другъ на друга. Дѣйствительно, въ пѣсняхъ св. Адальберта чувствуются слѣды чешскаго языка; новѣйшая польская поэзія сильно вліяла на чеховъ и сербовъ, а въ древней русской литературѣ замѣтно вліяніе сербской; но отличить спеціальный характеръ каждой вѣтви всегда возможно. Можно даже сказать, что славянскій языкъ распадается на языки, а не на нарѣчія.

Каково же различіе между языкомъ и нарѣчіемъ?

Французы говорятъ, что нарѣчіемъ является способъ выраженія жителей данной провинціи или города, что оно никогда не является языкомъ государственнымъ, представляющимъ всю исторію даннаго народа и удовлетворяющимъ всѣмъ духовнымъ потребностямъ націи. Утверждаютъ, что въ языкѣ должно воплотиться наслѣдіе прошлой цивилизаціи и что онъ долженъ быть способнымъ усвоить себѣ и будущую цивилизацію.

Спрашивается, почему встрѣчаются очень совершенныя и богатыя нарѣчія, которыя уже исчезли или исчезаютъ? Они умерли, потому что перестали развиваться. Такъ, напримѣръ, во Франціи южныя нарѣчія, отличающіяся разнообразіемъ формъ, звучностью и изяществомъ, заняли теперь скромное мѣсто сельскаго говора. Произошло это оттого, что нарѣчія эти не усвоили себѣ цивилизацію классической древности, отвергли вліяніе латинскаго языка, думая этимъ путемъ сохранить мѣстныя преданія, что они обособились отъ всякаго историческаго движенія и, такимъ образомъ, сами обрекли себя на гибель. Наоборотъ, сѣверное французское

нарѣчіе, выработанное схоластическою философіею, усовершенствованное воспринятіемъ классическихъ образцовъ, воплощаетъ къ себѣ не только французскую цивилизацію, но и все то, что проникло въ нее изъ классической древности.

По той же причинѣ древнее славянское нарѣчіе, невѣрно называемое славянскимъ, по преимуществу, т. е. церковное нарѣчіе не пережило перевода Библіи и нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ. Не развиваясь вмѣстѣ съ успѣхами христіанства, оно не имѣло выраженій для новыхъ потребностей славянскаго общества; оно жило въ прошедшемъ и, такимъ образомъ, оказалось изгнаннымъ изъ общей жизни.

Изъ трехъ главныхъ языковъ славянъ, русскій одинъ принялъ наслѣдіе византійской цивилизаціи; онъ давно пересталъ бы существовать, еслибъ, такъ сказать, не прицѣпился къ новѣйшей цивилизаціи, подражая сперва польскому и почерпнувъ, затѣмъ, нѣкоторую силу во французской литературѣ.

Чешскую литературу заглушила нѣмецкая; у нея, какъ мы уже замѣтили, не хватило силъ ассимилировать иностранные элементы; она сама утратила національный характеръ.

Польская литература, будучи менѣе оригинальною, чѣмъ литература нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ народовъ, напримѣръ, сербская, развивалась, тѣмъ не менѣе, съ большою энергіею. Не подпавъ окончательно подъ вліяніе латыни, она усвоила себѣ въ значительной степени французскій духъ и часто подражала нѣмцамъ, нисколько отъ этого не утрачивая первоначальнаго своего характера.

XIV—XVII.

(Разобравъ подробно «Слово о Полку Игоря», Мицкевичъ останавливается въ слѣдующихъ лекціяхъ на древней исторіи Болгаръ и Сербовъ, подвергая обстоятельному анализу памятники ихъ письменности того времени: «Бракъ короля Лазаря», сербскія рапсодіи и «Битву на Коссовомъ полѣ»).

XVII.

Поэты приписываютъ крушеніе придунайскихъ славянъ то измѣнѣ своихъ вождей, то коварству турокъ или несмѣтной ихъ рати. Но истинныя причины бѣдствій и рабства славянъ еще не достаточно выяснены. Можно утверждать, что на ихъ политическую судьбу повліяли своеобразная организація этихъ народовъ и ихъ географическое положеніе между Турціею, западною Европою и Греціею.

Въ исторіи среднихъ вѣковъ, равно какъ и въ историческихъ судьбахъ византійской имперіи встрѣчаются нѣкоторыя темныя стороны, разъяснить которыя могутъ намъ только славянскіе памятники; это можно сказать и объ исторіи турокъ. Когда въ послѣднее время восточный вопросъ занялъ всѣ умы, нѣкоторые иностранные писатели, въ томъ числѣ и французскіе, старались обратить вниманіе Европы на исторію славянъ, доказывая, что восточный вопросъ является вопросомъ не турецкимъ

или арабскимъ, а вопросомъ христіанскимъ, главнымъ же образомъ славянскимъ. Эти писатели убѣдились, что сказать что-нибудь вѣское о будущности мусульманскихъ странъ нельзя, не ознакомившись предварительно съ прошлымъ славянъ.

Я вамъ уже сказалъ, что до VI в. даже существованіе славянскихъ народовъ оставалось неизвѣстнымъ. Поэтому невозможно возсоздать послѣдовательно ихъ исторію. Но современная критика дѣлаетъ остроумныя сближенія, которыя, повидимому, основаны на исторической вѣроятности. Такъ, съ нѣкоторыхъ поръ восходятъ до самаго источника происхожденія народностей, заселявшихъ Грецію, стараются выяснить, кто были самыми древними народами этихъ мѣстностей, и приходятъ къ заключенію, что пеласги, которые уже во времена Гомера считались народомъ древнимъ, были народомъ славянскимъ. Кажется, что это племя продолжало существовать подъ разными названіями, хотя и подпало подъ власть воинственныхъ народовъ. Самымъ интереснымъ племенемъ между пеласгами является, несомнѣнно, лаконское, подвластное спартанцамъ въ знаменитой спартанской республикѣ. Оно пережило своихъ господъ и въ средніе вѣка встрѣчается на томъ же мѣстѣ, занимая все тѣ же позиціи у горы Тенаросъ и на Евротасѣ. По сосѣдству съ лаконами жили маиноты, также превращенные спартанцами въ рабовъ. Остатки этихъ двухъ народностей существовали еще, когда давно уже не было спартанцевъ.

Между Навпліею и Монтбазисомъ встрѣчается еще народность, извѣстная подъ именемъ заkkоновъ,

которую нѣмцы, неизвѣстно почему, называютъ зіеконами. Эта народность уже въ средніе вѣка удивляла греческихъ императоровъ, которые не знали древней исторіи своей страны. Однако, средневѣковые писатели, Несторъ, Грегоріусъ и др., утверждаютъ, это эти заkконы были потомками лаконовъ. Позднѣе, новѣйшіе ученые, какъ Виллуасонъ во Франціи и одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ нѣмецкихъ филологовъ, г. Тиршъ, старались установить связь между исторіею заkконовъ и пеласговъ, доказывая, что лаконы являются потомками первичныхъ жителей древней Греціи. Англійскій туристъ, г. Ликъ, также напечатавшій изслѣдованіе по этому вопросу, придерживается того же мнѣнія. Но, главнымъ образомъ, названіе городовъ и другихъ мѣстностей не оставляютъ никакихъ сомнѣній относительно связи, существующей между славянами и лаконами, т. е. между всѣми земледѣльческими народностями Греціи и пеласгами. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только прочесть на картѣ названія городовъ, напримѣръ, Варсова или Полоница. Византійскіе писатели полагали, что эти народности поселились въ Греціи въ VI—VII в., но новѣйшія изслѣдованія убѣждаютъ въ томъ, что онѣ гораздо древнѣе.

Слѣдовательно, вы видите, господа, что славянскіе народы населяли не только сѣверную Грецію, гдѣ они встрѣчаются теперь, не только Македонію и Ѳракію, но и весь Пелопонесъ, въ качествѣ земледѣльческаго народа и рабовъ ахеянъ и эллиновъ.

Когда федерація грековъ стала утрачивать свое могущество, въ эпоху Александра Великаго, сла-

вянскіе народы, вмѣстѣ съ арнаутами и албанцами, составили ядро военнаго могущества завоевателя. Но они снова были покорены римскою имперіею, установившею свою мощную военную организацію въ греческихъ земляхъ. Византійская имперія, принявъ наслѣдство римлянъ, продолжала ихъ дѣло. Исторія этой имперіи, мало извѣстная и сильно искаженная, представляетъ большой интересъ, особенно для выясненія исторіи сѣвера, такъ какъ нѣкоторыя правительственныя формы и народный духъ нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ всецѣло византійскаго происхожденія.

Византійская имперія, несомнѣнно, представляетъ одну изъ наиболѣе умно-задуманныхъ правительственныхъ системъ, которыми когда-либо люди управлялись на основаніи чисто-раціональныхъ началъ: это была нація, приносившая себя въ жертву своему правительству. Государство это не было автократіею, такъ какъ императоры сами по себѣ располагали незначительною властью; но центръ всей правительственной системы все-таки, сосредоточивался въ особѣ императора. Какъ представитель государства, императоръ былъ самодержавенъ: государство — это былъ онъ. Онъ управлялъ и творилъ судъ. Но, какъ къ индивиду, къ нему относились безразлично: его не любили и не ненавидѣли; у него не было сторонниковъ. Свергнутый съ престола, онъ не имѣлъ ни враговъ, ни друзей. Ему отрѣзывали носъ или уши, заключали въ монастырь и болѣе о немъ и не думали. Затѣмъ слѣдовала цѣлая іерархія администраторовъ. бюрократовъ, раздѣленныхъ на классы. Это были лов-

кіе и чрезвычайно свѣдущіе люди. До вступленія въ должность они получали тщательное образованіе и долго подготовлялись къ исполненію своихъ административныхъ и судебныхъ обязанностей. Отлично дисциплированная и послушная армія безпрекословно исполняла приказанія своего начальства. Администрація руководствовалась римскимъ законодательствомъ, совершенство и глубина котораго всѣми признаны. Въ этой правительственной организаціи личность исчезала; всѣ люди были равны передъ закономъ или, лучше сказать, передъ правительствомъ; все приносилось въ жертву холодному и многосложному государственному механизму. Всякое проявленіе самостоятельной жизни отсутствовало; подданные, повинуясь правительству, нравственно нисколько не были заинтересованы въ томъ, чтобы оказывать ему поддержку. Поэтому, когда императорскія арміи оказывались вытѣсненными изъ какой-нибудь территоріи, населеніе ея предпочитало подчиниться иноземному завоевателю, чѣмъ продолжать жить подъ властью неумолимыхъ и незримыхъ византійскихъ императоровъ. Конечно, вожди варваровъ были свирѣпы, но въ ихъ страстности было нѣчто человѣческое, вызывавшее симпатію народа. Къ тому же, варвары не были хорошими финансистами и довольствовались незначительными налогами, между тѣмъ какъ совершенство греческихъ финансовъ позволяло легко собирать налоги, которые постоянно увеличивались и, по мѣрѣ возрастанія потребностей имперіи, должны были привести народъ къ полному разоренію.

На западѣ подобный порядокъ вещей никогда не могъ упрочиться. Кельтскій духъ энергически ему противился. Но греки, которые еще во времена римской республики разрушили свободныя свои политическія учрежденія, проложили дорогу деспотизму. Утративъ вѣру въ себя, они превратились въ самыхъ покорныхъ рабовъ римской имперіи. Они подвергали тщательному обсужденію новый строй и старались обосновать его на логическихъ и національныхъ началахъ. Уже во времена Сципіона, Полибій, первый между греками, предсказалъ будущее единство римлянъ; впослѣдствіи греческіе законовѣды нашли средство научно оправдывать всѣ мѣропріятія императоровъ. Такимъ образомъ славянскія народности Греціи и сосѣднихъ странъ, прилегавшихъ къ Дунаю, очутились между византійскою и западною имперіями, но не могли слиться съ первою или войти въ составъ второй. Мы уже сказали, что феодализмъ разрушилъ соціальную организацію славянъ. Нѣкоторые славяне были епископами, полководцами, даже императорами; но способъ управленія этою имперіею, не исключая военнаго званія, которое требовало строгой дисциплины и продолжительной службы, противорѣчилъ ихъ природѣ. Они могли стать рабами этой имперіи, но не могли чувствовать себя ея гражданами. Какъ только имперія стала колебаться (въ VI и VII вѣкахъ), тотчасъ же обратили вниманіе на славянъ и убѣдились, что они встрѣчаются вездѣ въ Греціи и на востокѣ. Въ VIII вѣкѣ они пытаются свергнуть греческихъ императоровъ, но терпятъ пораженіе; многочисленные славяне, посланные въ

Малую Азію, чтобы сражаться съ турками, переходятъ на сторону послѣднихъ; славянская армія въ 120—150,000 ч. селится въ Малой Азіи, и, наконецъ, исторія намъ передаетъ, что славянскій вождь, по имени Θома, принявъ сторону турокъ, причинилъ грекамъ не мало вреда.

Крушеніе византійской имперіи — этого обширнаго агрегата государствъ, заключавшаго въ себѣ всю Грецію, Сирію и Египетъ, но не бывшаго въ силахъ дать отпоръ нѣсколькимъ тысячамъ арабовъ — объясняется равнодушіемъ, съ какимъ относились къ ней народы, ее заселявшіе. Извѣстно, что еще до завоеванія, народности эти враждовали между собою вслѣдствіе религіозныхъ несогласій и что арійцы, манихеи, копты тяготѣли къ исламизму; но матеріальная причина крушенія исходила отъ славянъ. Такъ какъ славяне сперва въ Малой Азіи, а затѣмъ въ Греціи сроднились съ турками или, по крайней мѣрѣ, терпѣли ихъ, то имперія оказалась безсильною въ борьбѣ съ ними. Съ тѣхъ поръ турки опирались, главнымъ образомъ, на славянъ. Амуратъ, организовавъ янычаръ, приказалъ христіанскимъ народностямъ ставить въ армію пятую часть своихъ дѣтей. Этотъ контингентъ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ: греки поступали во флотъ, а славяне составляли отрядъ янычаръ. Это была первая регулярная пѣхота въ Европѣ: янычаръ насчитывалось сперва 40, а затѣмъ 50—60,000 ч.; они были главною силою турецкой арміи. 15—16-лѣтніе юноши, обращенные въ магометанство и обученные военному искусству, исполняли роль тѣлохранителей султана и, въ то же

время, составляли могущественную армію, которую султанъ противопоставлялъ безпорядочнымъ европейскимъ полчищамъ.

Этотъ порядокъ вещей продолжался до нашихъ дней. Пользуясь греками и славянами для дипломатической, морской и сухопутной службы, сами турки становились постепенно безсильными, а греки и славяне опять оказались поставленными лицомъ къ лицу. Эти частности вопроса мало извѣстны. Вообще, европейскіе государственные люди, даже въ тѣ моменты, когда, главнымъ образомъ, были заняты борьбою съ турками, не уяснили себѣ прежняго состоянія имперіи и ея рессурсы. Нынѣ болѣе зрѣлые умы начинаютъ вникать въ этотъ вопросъ.

Одинъ французъ недавно основалъ повременное изданіе, посвященное восточному вопросу. Въ этомъ изданіи онъ обсуждаетъ восточный вопросъ съ той точки зрѣнія, которую я самъ избралъ. Вы позволите мнѣ привести здѣсь одно мѣсто его разсужденій:

«Греки и славяне, — говоритъ онъ: — являются самыми древними господами Турціи. Даже въ наше время, хотя и находясь подъ игомъ турокъ, они занимаютъ почти всю территорію. Бѣдные славяне живутъ въ безплодныхъ горахъ внутри страны. Богатые греки владѣютъ плодородными равнинами. Греки предаются въ прекрасныхъ городахъ торговлѣ, искусству, веселію; славяне въ деревняхъ обработываютъ почву, посвящаютъ себя тяжелому труду и переносятъ не менѣе тяжкія страданія. Понятно, что послѣдніе, будучи гораздо многочисленнѣе, чѣмъ ихъ братья-эллины, старалиьс вы-

тѣснить ихъ, чтобы завладѣть ихъ богатствами. Отсюда происходитъ антипатія между этими двумя народами, съ которою мы встрѣчаемся еще въ средніе вѣка.

«Турки явились въ страну, какъ впослѣдствіи нѣмцы въ Венгрію, не въ качествѣ господъ, а покровителей. Греки съ радостью привѣтствовали новыхъ союзниковъ, которые,. какъ водится, злоупотребили своею силою и превратились въ завоевателей.»

Въ заключеніе авторъ старается доказать, что восточный вопросъ — по преимуществу, вопросъ славянскій и что онъ не можетъ быть рѣшенъ иначе, какъ путемъ грандіозной революціи, путемъ реорганизаціи востока, которая глубоко затронетъ политическое положеніе Европы. По его соображеніямъ, исходъ восточнаго вопроса не трудно предвидѣть. Такъ какъ греки вынуждены опираться на православныхъ славянъ и такъ какъ, съ другой стороны, католическіе славяне и народности католической Сиріи не находятъ опоры въ Европѣ, то восточный вопросъ естественно долженъ находиться въ зависимости отъ Россіи.

Положеніе славянъ, ненавидящихъ грековъ, опасающихся латинскихъ народовъ, угнетаемыхъ турками, изображено въ исторіи сказочной личности Марка, сына короля Вукошина. Согласно исторіи, Марко принялъ магометанство и погибъ въ битвѣ съ христіанами; но онъ всегда ненавидѣлъ турокъ. Этотъ герой напоминаетъ собою, вообще, славянъ, обратившихся въ магометанство: они ненавидятъ турокъ наравнѣ съ албанцами, босняками, турецкими

славянами, которые, исповѣдуя коранъ, пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы возстать противъ султана.

Марко — гордъ, онъ держитъ себя вызывающимъ образомъ противъ султана, убиваетъ визиря,— словомъ напоминаетъ собою, вообще, янычаръ. Однажды, находясь на охотѣ съ турками и видя, что одинъ изъ пашей убилъ его сокола, онъ расплакался, сознавая себя безпомощнымъ, будучи одинъ между врагами; затѣмъ, онъ громко сталъ оплакивать участь сербовъ и, наконецъ, убилъ визиря. Султанъ, вмѣсто того, чтобы разсердиться, далъ ему денегъ и сказалъ:

— Другаго визиря я скоро пріищу; но найти такого храбраго воина, какъ ты, не легко!

Вотъ политика, которой, вообще, придерживались султаны по отношенію къ янычарамъ: они позволяли имъ убивать своихъ начальниковъ, чтобы не вызывать въ нихъ неудовольствія.

Марко путешествовалъ на востокѣ; онъ сражался въ Египтѣ. Это напоминаетъ судьбу мамелюковъ, между которыми встрѣчались славяне, и судьбу славянскихъ полковъ, посылавшихся въ Малую Азію. Смерть этого героя носитъ такой же сказочный характеръ, какъ и вся жизнь его. Въ ней содержится намекъ на исторію: она объясняетъ положеніе славянъ и ихъ будущность. Марко жилъ 300 лѣтъ. Слѣдовательно, онъ умеръ въ началѣ XVIII вѣка, т. е. именно, въ то время, когда дунайскіе славяне окончательно лишились самостоятельности. Но Марко не былъ умерщвленъ турками. Ему нанесла ударъ рука Божія. Онъ ски-

тался, по словамъ поэта, въ горахъ, когда вдругъ онъ увидѣлъ вѣдьму, которая, стоя на горѣ, крикнула ему, что ему пора разстаться съ лошадью. Марко разсердился, отвѣтилъ вѣдьмѣ, что она лжетъ, и прибавилъ, что ему нѣтъ надобности разставаться съ лошадью, на которой онъ такъ долго ѣздилъ по разнымъ странамъ. Вѣдьма на это замѣтила, что если онъ хочетъ узнать свою судьбу, то ему стоитъ только взглянуть въ воду. Марко приближается къ ручью и видитъ въ немъ свою судьбу: онъ убѣждается, что насталъ его послѣдній часъ. Онъ убиваетъ свою лошадь, чтобы она не досталась туркамъ, ломаетъ саблю вдребезги и пишетъ свое завѣщаніе. Онъ отказываетъ три кошелька съ золотомъ, которые онъ всегда носилъ съ собою: одинъ — тому, кто его похоронитъ, другой — церкви и священникамъ, третій — слѣпымъ пѣвцамъ, сербскимъ рапсодамъ, которые ходятъ по деревнямъ и воспѣваютъ подвиги предковъ. Марко проситъ ихъ никогда не забывать о немъ. Затѣмъ, онъ скрывается и умираетъ въ горахъ. Нѣкоторыя преданія гласятъ, что онъ все еще живъ и опять покажется людямъ. Сербская нація угасла почти также, или, лучше сказать, *заснула* въ горахъ. Дѣйствительно, сербское государство не удержалось въ равнинѣ, потерпѣло полное крушеніе, и только независимыя племена въ Черногоріи и нѣкоторыхъ приморскихъ мѣстностяхъ сохранили историческія и поэтическія преданія славянъ.

Когда борьба съ турками кончилась, зарождается новая поэзія. Этотъ новый циклъ литературныхъ

произведенiй состоитъ изъ романовъ, въ которыхъ разсказываются воинственныя или любовныя похожденiя нѣкоторыхъ историческихъ личностей. Лучшая и самая длинная поэма, на сербскомъ языкѣ, принадлежитъ къ этого рода произведенiямъ. Она состоитъ приблизительно изъ 1,300 стиховъ, распѣваемыхъ слѣпыми старцами, которые твердо ее помнятъ отъ начала до конца. Поэма эта, слѣдовательно, не короче Иліады. Форма ея чрезвычайно проста; сверхъестественный элементъ въ ней совершенно отсутствуетъ; изображенъ въ ней не цѣлый міръ или эпоха—это разсказъ, въ которомъ дѣйствіе стоитъ на первомъ планѣ. Трудно было бы найти у другаго народа столь же совершенное и выдержанное во всѣхъ подробностяхъ поэтическое произведеніе, какъ поэма о бракѣ сына Ивана.

Иванъ,—боснійскій вождь, по женской линіи, происходящій отъ королевской семьи,—преслѣдуемый турками, ищетъ убѣжища въ Черногоріи. Въ поэмѣ разсказывается о бракѣ сына этого Ивана и вызванныхъ этимъ бракомъ ссорахъ и войнахъ.

Что бы вы могли вполнѣ понять эту поэму, изъ которой я позволю себѣ привести вамъ нѣкоторыя мѣста, я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о домашнемъ бытѣ черногорцевъ. Поэма сложилась въ Черногоріи, т. е. въ странѣ, которая впослѣдствіи заступила мѣсто Сербіи въ политической жизни и литературѣ славянъ.

Страна эта, столь близкая къ Европѣ по географическому своему положенію, остается наименѣе извѣстною. Невѣжество иностранцевъ относи-

тельно славянъ такъ велико, что г. Прадтъ, бывшій членомъ дипломатическаго корпуса, говоритъ въ своемъ трудѣ о Греціи и Турціи, что первая изъ этихъ странъ простиралась до Дуная, забывая такимъ образомъ, что между Дунаемъ и Греціею жилъ славянскій народъ, болѣе многочисленный, чѣмъ всѣ греки, вмѣстѣ взятые.

Другой писатель, путешествовавшій въ Черногоріи, французскій полковникъ Віолла, напечаталъ подъ заглавіемъ «Живописное путешествіе по Черногоріи» (Voyage pittoresque dans le Montenegro), трудъ, въ которомъ онъ утверждаетъ, что черногорцы говорятъ на греческомъ нарѣчіи, и что еще удивительнѣе — прибавляетъ, что онъ самъ отлично говоритъ на этомъ языкѣ.

Черногорія лежитъ между Рагузою и Босніею, отдѣляющею ее отъ турецкихъ провинцій. Это гористая страна, почти прилегающая къ морю, отъ котораго она отдѣлена узкою полосою земли, австрійскою Албаніею. Почва ея безплодна. Черногорцы разсказываютъ, что, когда Богъ создавалъ міръ, онъ носилъ съ собою мѣшокъ, наполненный камнями, изъ которыхъ онъ воздвигалъ горы; дойдя до Черногоріи, онъ обронилъ мѣшокъ, и всѣ камни выпали. Такъ они объясняютъ геологическое строеніе своей страны. Что же касается до ея протяженія, то оно остается неизвѣстнымъ, такъ какъ ни одинъ географъ не проникалъ въ Черногорію. Полагаютъ, однако, что ея поверхность составляетъ 50 квадр. миль. Еще большее разногласіе существуетъ относительно числа ея жителей. Нѣкоторые статистики оцѣниваютъ его въ 50,000

душъ; путешественники говорятъ о 100,000. Во всякомъ случаѣ, Черногорія насчитываетъ 20,000 ружей, т. е. 20,000 воиновъ. Эта маленькая страна дала отпоръ туркамъ, австрійцамъ и въ послѣднее время даже французамъ. Благодаря мѣстнымъ условіямъ и мужеству своихъ жителей, ей всегда удавалось отстоять свою независимость. Ея исторія имѣетъ большое значеніе для славянъ, такъ какъ въ этой странѣ вполнѣ сохранился соціальный строй славянъ. Черногорія представляетъ царство полной свободы и равенства людей.

Черногорцы, вообще, не признаютъ никакой власти соціальной, по происхожденію или богатству; у нихъ не встрѣчается даже никакой іерархіи; это — нація безъ всякаго правительства. Страна распадается на четыре округа, изъ которыхъ каждый населенъ 24 семьями, имѣющими своихъ наслѣдственныхъ вождей; но эти вожди лишены всякой правительственной власти. Существуетъ также наслѣдственный знаменосецъ, который въ военное время обязанъ носить знамя и пользуется, благодаря этому, нѣкоторымъ почетомъ; но онъ не имѣетъ никакого военнаго авторитета. Когда сербская династія, царствовшая въ этой странѣ, угасла, самое вліятельное лицо въ странѣ, владыка, наслѣдовалъ князю. До сихъ поръ его считаютъ вождемъ черногорскаго народа, но политическое его вліяніе ничтожно. Владыка призываетъ народъ къ оружію, когда приближаются турки. Иногда онъ предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ, но, собственно, онъ управляетъ только духовенствомъ, организація котораго вполнѣ соотвѣтствуетъ славянскому духу.

Священники иногда содержатъ гостиницы, торгуютъ виномъ и распѣваютъ пѣсни. Они ни по нравамъ, ни по костюму ничѣмъ не отличаются отъ крестьянъ. Черногорцы вооружены ружьями и саблями; голова у нихъ выбрита; они носятъ усы.

Но, не смотря на полное отсутствіе начальства, жизнь и имущество черногорцевъ вполнѣ обезпечиваются установившимися обычаями. Месть у нихъ сложилась въ цѣлую систему, имѣющую силу закона. Если человѣкъ убилъ своего сосѣда, семья послѣдняго или даже все его колѣно обязано мстить, т. е. убить не непремѣнно убійцу, но кого-нибудь изъ его семьи или колѣна; обыкновенно избираютъ даже самаго выдающагося члена семьи, чтобы придать мести больше значенія. За голову люди платятся головою. Вся семья, все колѣно обязано мстить. Иногда, впрочемъ, когда семья убійцы слишкомъ могущественна, дѣло кончается полюбовнымъ соглашеніемъ. За голову платятъ деньгами. Обыкновенная цѣна — сто червонцевъ. Что касается до воровства, то, при полномъ отсутствіи полиціи, болѣе ловкимъ людямъ, знающимъ весь ходъ дѣла, приходится принять на себя преслѣдованіе вора. Они разыскиваютъ его и выдаютъ его за опредѣленную плату. Вора заставляютъ возвратить украденное или ему мстятъ ружейными выстрѣлами; въ послѣднемъ случаѣ начинается кровавая месть. Но воровство въ Черногоріи встрѣчается очень рѣдко.

Послѣдній черногорскій владыка ѣздилъ въ Петербургъ; русскій императоръ назначилъ ему пенсію. Съ своей стороны, владыка старался организовать

правительство и раздавалъ своимъ соотечественникамъ деньги, которыя онъ получалъ изъ Россіи.

Черногорія играла въ XVII в. дѣятельную роль въ войнахъ Австріи и Россіи съ Турціею. Австрія не разъ пользовалась ея содѣйствіемъ, но, заключая миръ съ Портою, она забывала о черногорцахъ и не включала въ мирный договоръ статьи въ ихъ пользу.

Россія придерживалась той же политики; всякій разъ, когда она нападала на Турцію, она отряжала эммиссаровъ въ Черногорію, чтобы заручиться ея содѣйствіемъ. Но, вслѣдъ за тѣмъ, она забывала о черногорцахъ, которые подвергались всѣмъ ужасамъ мусульманской мести. Недавно еще, въ 1834 г., большая турецкая армія проникла въ Черногорію, но не могла удержаться въ горахъ.

Послѣдній владыка, обязанный престоломъ Россіи, пытался дать своему отечеству основные законы, учредить сенатъ и суды, организовать жандармерію. Его предшественникъ считается знаменитымъ человѣкомъ и пользуется между славянами ореоломъ святости. Онъ умеръ въ 1830 г., нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ іюльской революціи. Его знали въ Европѣ; нѣсколько монарховъ вступали съ нимъ въ переговоры. Это былъ человѣкъ необыкновенно честный, очень вліятельный и пользовавшійся любовью своихъ соотечественниковъ. Послѣднія минуты этого князя очень интересны, представляя вѣрную картину черногорскихъ нравовъ. Чувствуя себя очень слабымъ, владыка призвалъ къ себѣ вождей своего народа. Такъ какъ было

холодно и владыка не имѣлъ печки въ своей комнатѣ, то велѣлъ перенесть себя въ кухню. Сидя у огня и окруженный вождями, онъ имъ объявилъ, что послѣдній часъ его приближается, умолялъ ихъ не ссориться, не допускать иноземцевъ въ страну, и велѣлъ имъ присягнуть, что въ знакъ траура они заключатъ перемиріе на нѣсколько мѣсяцевъ. Вожди дали присягу. Тогда владыка, согрѣвшись, приказалъ перенести себя въ постель и скончался безъ всякихъ страданій. Тѣло его покоится въ церкви; его чтутъ, какъ святаго.

Его преемникъ, человѣкъ очень ловкій, учредилъ сенатъ и жандармерію; но пользовался меньшимъ авторитетомъ. Сенатъ собирается въ большомъ домѣ, часть котораго отведена подъ конюшню. Членъ сената получаетъ 200 франковъ и муку на хлѣбъ. Онъ приноситъ съ собою ружье и, постановивъ приговоръ, обязанъ содѣйствовать его исполненію вооруженною рукою. Но такъ какъ всѣ желаютъ быть сенаторами, прельщаясь жалованьемъ (въ Черногоріи нѣтъ платныхъ должностей), то владыкѣ пришлось издать законъ, въ силу котораго всѣ черногорцы становятся сенаторами по очереди. До сихъ поръ судебныя учрежденія дѣйствовали очень неудовлетворительно. Трудно судить виновнаго, котораго скрываетъ семья, считающая для себя величайшимъ позоромъ выдавать преступника. Судя по всему, реформа не осуществится, а страна возвратится къ первоначальнымъ своимъ обычаямъ. Другія реформы, касающіяся администраціи, имѣютъ столь же мало шансовъ на успѣхъ. Когда правонарушеніе совершено, присту-

пають къ избранію судьи. Избранный судья, прежде всего, договаривается о платѣ за приговоръ. Затѣмъ, онъ обязуется исполнить его. Избираютъ сильнаго человѣка, хорошаго стрѣлка, имѣющаго много друзей; этимъ путемъ достигается уваженіе къ приговору. Своеобразное географическое положеніе этой гористой страны, нравы народа, впрочемъ, добраго и гостепріимнаго, обезпечили его независимость; но внѣшняго вліянія онъ до сихъ поръ пріобрѣсти не могъ. Вѣроятно, всѣ славянскіе народы продолжали бы вести такую жизнь, если бы они, какъ черногорцы, были бы защищены горами или соперничествомъ своихъ сосѣдей, венеціанцевъ, австрійцевъ, турокъ; сосѣди эти сами защищаютъ независимость черногорцевъ, и обезпечиваютъ безопасность ихъ границъ.

Содержаніе черногорской поэзіи исчерпывается домашними событіями и борьбою съ турками. Всякое колѣно имѣетъ право самостоятельно объявлять войну и заключать миръ.

Кромѣ того, въ поэтическихъ произведеніяхъ черногорцевъ описываются обряды домашней жизни, разныя торжества и, особенно, браки. Женщина у сербовъ лишена всякой независимости. Она работаетъ не только въ домѣ, но и въ полѣ, такъ какъ мужчины, исключительно, заняты военнымъ дѣломъ. Молодые люди сами не выбираютъ себѣ невѣстъ—это дѣло главы семейства, который иногда устраиваетъ бракъ лѣтъ за двадцать до его заключенія. Когда рѣшено отпраздновать свадьбу, женихъ созываетъ всѣхъ друзей и устраиваетъ торжественное шествіе. Воспоминаніе о свадьбѣ сохра-

няется иногда цѣлые вѣка, и ее воспѣваютъ, какъ чрезвычайное событіе. Ближайшій родственникъ ведетъ невѣсту. Онъ обязанъ свято ее охранять и потомъ передавать мужу. Кромѣ того, въ брачномъ обрядѣ участвуютъ еще другія оффиціальныя лица, которымъ присвоены разныя названія и костюмы. Между прочимъ, встрѣчается шутъ, который поетъ ироническія пѣсни и выкидываетъ разныя колѣнца. Празднованіе свадьбы напоминаетъ военное торжество; всѣ мужчины являются на нее вооруженными. Черногорцы ни дома, ни на работѣ никогда не разстаются съ ружьемъ и саблею.

Таковы нравы черногорцевъ.

XIX.

Чтобы вполнѣ васъ познакомить съ славянскими нравами, я вамъ прочту отрывокъ изъ эпической поэмы «Бракъ сына Ивана». Въ ней мы встрѣчаемъ характеристическія черты славянъ, иллюстрированныя событіями, которыя въ поэмѣ очень хорошо разсказаны. Я долженъ сдѣлать здѣсь немаловажную оговорку о томъ, что всѣ эпосы, дѣйствительно заслуживающіе этого названія, какъ, напримѣръ, гомеровскій, содержатъ драгоцѣнныя подробности изъ частной жизни народа, котораго они воспѣваютъ. Въ произведеніяхъ настоящихъ эпическихъ поэтовъ не встрѣчается ничего произвольнаго или фантастическаго. Даже чудесное въ нихъ является подражаніемъ дѣйствительности, иногда же—пародіею на древнее религіозное сказаніе и, во вся-

комъ случаѣ, не можетъ считаться вымысломъ поэта. Вспомнимъ Иліаду, вспомнимъ контрастъ между осажденнымъ городомъ, который защищаетъ свою независимость, и непріятельскимъ лагеремъ, опирающимся на флотъ; мы тутъ имѣемъ два правительства, двѣ цѣли, два различныхъ дѣйствія. Все это исторически вѣрно: поэтъ только воспроизвелъ дѣйствительность.

Въ этомъ заключается и главное достоинство разбираемаго нами эпоса, который представляетъ вѣрную картину положенія Сербіи и воинственнаго характера ея жителей.

Мы уже разсмотрѣли политическія отношенія балканскихъ славянъ къ западу и востоку. Поэзія взглянула на вопросъ съ другой точки зрѣнія: Греція не существуетъ для сербскихъ поэтовъ; они знаютъ только императора, котораго они всегда изображаютъ человѣкомъ мудрымъ и серьезнымъ. О греческихъ воинахъ они не упоминаютъ, но много говорятъ о греческой вѣрѣ. Аѳонская гора, окруженная турками, — мѣсто священное; это нѣчто въ родѣ славянскаго Лесбоса или Дельфъ. Гора эта, какъ извѣстно, покрыта монастырями; она, исключительно, заселена монахами, которыхъ насчитываютъ до 6000. Сербскіе вожди сооружаютъ на свой счетъ церкви на этой горѣ и признаются ея покровителями. Русскіе императоры заняли впослѣдствіи мѣсто сербскихъ князей въ этомъ отношеніи и распространили свое покровительство на всѣ страны, которыя находятся въ зависимости отъ восточной церкви.

Древніе сербскіе короли, когда ихъ постигало

несчастіе, принимали монашество и переселялись въ эту таинственную страну. Знаменитый Симеонъ погребенъ въ одной изъ аѳонскимъ церквей; но ему не соорудили памятника, опасаясь, оскверненія со стороны турокъ.

Уже въ средніе вѣка на славянахъ отразилось вліяніе запада; крестовые походы вызвали и въ ихъ средѣ движеніе: страна ихъ лежала на пути крестоносцевъ. Первый крестовый походъ прошелъ черезъ Сербію; нѣкоторые германскіе вожди предводительствовали славянами, шедшими сражаться съ турками. За исключеніемъ немногихъ стычекъ, происходившихъ между безпорядочными толпами крестоносцевъ и сербскими горцами, первые постоянно оставались довольны встрѣчею, которую имъ оказывали славяне.

Но въ ту эпоху, которую мы изучаемъ, крестоносцы уже болѣе не появлялись въ славянскихъ странахъ, и настроеніе сербовъ кореннымъ образомъ измѣнилось. Прежде олицетвореніемъ запада были императоры и французскіе рыцари; теперь о нихъ забыли. Венеція замѣнила собою императора и рыцарей; городъ этотъ служилъ для славянъ олицетвореніемъ западныхъ богатствъ и искусства: это была для нихъ героическая страна, надъ которою царствовалъ дожъ; его сыновья, дяди,—словомъ, все его семейство было окружено ореоломъ славы и блеска. Дожъ всегда былъ баснословно богатъ, онъ начальствовалъ надъ флотомъ; въ его распоряженіи находилась армія наемниковъ, состоявшая иногда изъ славянскихъ воиновъ. Словомъ, Венеція была

тогда для славянъ воплощеніемъ всемогущества и всѣхъ богатствъ запада.

Въ поэмѣ, которую мы разбираемъ, независимый вождь, Иванъ Зерноевичъ (столица его — крѣпость Жаблякъ, на Скутарійскомъ озерѣ) предпринимаетъ экспедицію въ Венецію, чтобы пріискать невѣсту своему сыну.

«Иванъ Зерноевичъ, собравъ несмѣтныя богатства, отправляется по ту сторону синяго моря; онъ идетъ сватать дочь венеціанскаго дожа за своего любимаго сына, Максима. Иванъ сватаетъ, дожъ отказываетъ; но Иванъ не унываетъ, онъ сватаетъ три года, не щадя денегъ. Наконецъ, латиняне уступаютъ; происходитъ обмѣнъ обручальныхъ колецъ».

Затѣмъ, слѣдуетъ описаніе обрядовъ, которыми сопровождался отъѣздъ славянскаго князя. Но передъ самымъ отъѣздомъ Иванъ совершаетъ ошибку. Онъ мудръ, но подъ вліяніемъ непомѣрной гордости и не помня себя отъ радости, онъ произноситъ безумныя слова.

«— Другъ мой, — говоритъ онъ венеціанскому дожу: — подожди меня здѣсь; я вернусь съ отборнымъ войскомъ,—съ войскомъ, по меньшей мѣрѣ, въ тысячу человѣкъ, а если захочу, и больше. И, когда я, переѣхавъ черезъ море, выйду на берегъ, пришли мнѣ на встрѣчу тысячу латинянъ. Изъ этихъ тысячи сербовъ и латинянъ, самый статный и красивый юноша будетъ Максимъ, твой возлюбленный зять.»

Дожъ слышалъ эти слова; слышали ихъ также оба его сына и бывшіе тутъ латинскіе вельможи.

Венеціанскій князь, весь сіяя отъ радости, обнялъ Ивана и поцѣловалъ его въ лицо.

«— Спасибо за твою сладкую рѣчь; если Богъ дастъ мнѣ такого красиваго зятя, то онъ будетъ мнѣ дороже зѣницы ока моего, и я буду любить и жаловать его, какъ собственнаго сына. Но если сынъ твой и не такъ красивъ,—все-таки, пріѣзжай; но отъѣздъ твой отсюда можетъ быть тебѣ не особенно пріятнымъ.»

Замѣчательно, что въ этой народной поэмѣ дожъ выражается чрезвычайно сдержанно. Онъ угрожаетъ, но, какъ дипломатъ, нѣсколько туманно; онъ говоритъ, что если князь не сдержитъ своего слова, то онъ можетъ испытать непріятности. Всѣ критики, разбиравшіе эту поэму, единодушно отмѣчаютъ эту черту спокойствія, сдержанности и мудрости, даже во время страстнаго разговора. Слова иногда жестки, но въ каждой бесѣдѣ замѣчается извѣстный порядокъ и логика.

Въ современной поэзіи, наоборотъ, страсть преобладаетъ: даже когда поэтъ выражается спокойно, не смотря на наружную холодность рѣчи, чувствуется внутренняя безпорядочность мысли. Спокойствіе и серьезность въ славянской поэзіи объясняются народнымъ характеромъ. Путешественники говорятъ, что сербы, особенно живущіе въ горахъ, сохраняютъ это безстрастіе во время своихъ совѣщаній и походятъ въ этомъ отношеніи на героевъ Купера. Ораторы иногда прямо взываютъ къ страстямъ слушателей, утверждаютъ, что противники ихъ лгутъ, говорятъ имъ дер-

зости, но никто ихъ не прерываетъ. О чувствахъ, которыя волнуютъ слушателей, можно судить лишь по густымъ облакамъ дыма, выпускаемаго ими изъ трубокъ; но они всегда выслушиваютъ оратора до конца. Всякій участникъ этихъ совѣщаній, вынужденный самъ защищать себя, всегда вооруженъ и, слѣдя внимательно за своими товарищами, постоянно находится на-сторожѣ.

Заручившись обѣщаніемъ дожа, Иванъ возвращается въ Сербію. Сынъ его, Максимъ, выбѣгаетъ къ нему на встрѣчу и приноситъ отцу серебряный стулъ, чтобы тотъ могъ отдохнуть и снять сапоги. Едва усѣлся отецъ, какъ ищетъ уже взглядомъ сына и, увидѣвъ его, продолжаетъ смотрѣть на него съ ужасомъ.

О горе! Во время отсутствія отца ужасная болѣзнь (оспа) разразилась надъ Жаблякомъ. Максимъ, красавецъ-Максимъ, сталъ такимъ уродомъ, что нѣтъ человѣка безобразнѣе его. Иванъ вспоминаетъ гордыя слова, которыя онъ произнесъ, прощаясь съ дожемъ. Онъ падаетъ духомъ; чело его омрачается, а черные усы падаютъ на плечи. Онъ угрюмо молчитъ, вперивъ взоръ въ землю. Жена, видя его горе, цѣлуетъ ему руки и колѣни.

«— О, господинъ и супругъ мой, скажи, отчего ты глядишь на меня такъ мрачно? Дожъ не далъ тебѣ дочери или тебѣ жаль твоихъ сокровищъ?»

Тутъ Иванъ обстоятельно объясняетъ, въ чемъ дѣло; онъ признается, что далъ безумное обѣщаніе: онъ не знаетъ, какъ выпутаться изъ бѣды. Предвидя гнѣвъ дожа и вспоминая его угрозу, онъ

опасается, чтобы между сербами и венеціанцами не вспыхнула война.

Жена, выслушавъ его, говоритъ:

«— О господинъ мой, не заслужилъ ли ты этого наказанія за свою спѣсь? Зачѣмъ было тебѣ, господину Дульциньо, Антивари, семи горъ и семи племенъ, искать невѣстки за моремъ?»

Когда Иванъ услышалъ эти слова, онъ задрожалъ, какъ яркое пламя:

«— Нѣтъ, я никогда тамъ не былъ; я никогда не сваталъ дѣвушки! Тому, кто мнѣ напомнитъ объ этомъ путешествіи или придетъ меня поздравить, я вырву глаза!»

Прошелъ годъ, и этотъ годъ удвоился, утроился и превратился въ девять лѣтъ. Тутъ Иванъ получаетъ письмо отъ новаго своего родственника, который сталъ уже старымъ, потому что девять лѣтъ прожить—не поле перейти. Дожъ упрекаетъ его въ томъ, что онъ не сдержалъ слова; онъ усердно проситъ его прислать жениха или освободить его отъ обязательства. Иванъ внимательно читаетъ письмо; онъ въ отчаяніи; около него нѣтъ никого изъ его мудрыхъ совѣтниковъ, кому онъ могъ бы сообщить о своемъ горѣ. Онъ съ грустью глядитъ на жену. Та ему говоритъ:

«— О, господинъ мой! Давала ли женщина когда либо хорошій совѣтъ, можетъ ли она его дать? У насъ волосъ длиненъ, да умъ коротокъ. Но если ты желаешь услышать отъ меня совѣтъ, — я дамъ его. Великій грѣхъ передъ Господомъ, стыдъ и клятвопреступленіе лишать эту латинскую дѣвушку счастія и обречь ее на вѣчное затворничество.

Правда, болѣзнь ужасно обезобразила Максима, но венеціанцы—добрый народъ. Къ тому же, они уже твои родственники; не бойся ихъ упрековъ. Скажу тебѣ еще, что всякій страшится смерти и рабства. Если ты предвидишь для себя непріятности за моремъ, то не забудь, что у тебя здѣсь кошельки набиты золотомъ, погреба наполнены хорошимъ виномъ, а амбары—хлѣбомъ. Будетъ чѣмъ заплатить свадебнымъ гостямъ Ты хотѣлъ собрать тысячу воиновъ, собери двѣ тысячи, выбери лучшихъ воиновъ и лучшихъ лошадей. Латиняне же, видя твою многочисленную рать, не осмѣлятся обидѣть тебя, даже если бы нашъ сынъ былъ слѣпъ.»

Иванъ громко вскрикиваетъ отъ радости, услышавъ этотъ мудрый совѣтъ жены. Онъ спѣшитъ увѣдомить дожа о скоромъ своемъ пріѣздѣ. Затѣмъ, онъ созываетъ своихъ писцовъ и диктуетъ имъ распоряженія ко всѣмъ подчиненнымъ вождямъ. Онъ объясняетъ имъ, какъ они должны вооружить и снарядить своихъ людей, чтобы не осрамиться въ Венеціи. Затѣмъ онъ пишетъ Милошу, вождю сосѣдняго племени, и своему племяннику Ивану, черногорскому полководцу. Онъ назначаетъ этого племянника главнымъ распорядителемъ на свадьбѣ, которую онъ описываетъ во всѣхъ подробностяхъ.

Поэтъ продолжаетъ:

«Ахъ, еслибъ вы могли видѣть собственными глазами и слышать собственными ушами, какъ сербскіе вожди, получивъ эти письма, стали собираться и вооружаться во всей странѣ отъ моря до Лима, вожди и знатныя лица, приглашенныя на свадьбу,

и всѣ, вообще, знатные воины! Тутъ старцы и крестьяне бросаютъ плуги и упряжь и спѣшатъ присоединиться къ торжественному шествію, направляющемуся къ Жабляку. Пастухи бросаютъ свои стада, такъ что на десятки стадъ остается развѣ одинъ. Все населеніе стремится въ Жаблякъ, чтобы присутствовать на свадьбѣ своего князя. Вокругъ палатокъ вождей образуется огромный лагерь, и всѣ ждутъ въ теченіе цѣлаго дня.»

Исключительность XVIII в. доходила до того, что нашлись поэты, которые осмѣяли Иліаду, описывающую могущество Пріама и богатства троянъ. Особенно ѣдко насмѣхался Вольтеръ надъ этими богатствами. Конечно, если сравнить ихъ съ капиталами современныхъ банкировъ, они кажутся ничтожными. Но не съ этой узкой точки зрѣнія слѣдуетъ взирать на поэзію; надо мысленно перенестись на мѣсто дѣйствія. Уваженіе внушаютъ намъ не размѣръ капиталовъ и не сила, а чувства, которыя они возбуждали, которымъ поэтъ далъ выраженіе и которыми мы проникаемся и теперь еще, перечитывая его произведеніе.

Когда Иванъ увидѣлъ свою рать во всемъ ея блескѣ и величіи, онъ почувствовалъ такую гордость, какую испытываетъ могущественнѣйшій монархъ Европы при видѣ своей арміи. Поэтъ продолжаетъ:

«Настала ночь. И вотъ, до восхода солнца, встаетъ сербскій вождь, тотъ, который называется Иваномъ, полководецъ черногорцевъ, распорядитель на свадьбѣ.

«Онъ уходитъ изъ стана и направляется къ крѣ-

пости. Онъ обходитъ деревни одинъ, сопровождаемый въ почтительномъ отдаленіи двумя молчаливыми воинами. Иванъ не говоритъ имъ ни слова; брови у него насуплены, чело наморщено, усы опущены на плечи. Онъ расхаживаетъ печальный, осматриваетъ пушки, бросаетъ взглядъ на черногорскія свои владѣнія, на земли султана и долго глядитъ на станъ, раскинутый вокругъ крѣпости. Князь Иванъ видитъ его издали, здоровается съ нимъ и съ безпокойствомъ спрашиваетъ его, отчего онъ одинъ гуляетъ такъ рано и почему у него взглядъ такой печальный.

«Черногорскій вождь проситъ его сперва отказаться отъ своего намѣренія; турки могутъ воспользоваться его отъѣздомъ и напасть на Сербію. Но старикъ не хочетъ внять этимъ увѣщаніямъ. Тогда вождь прибавляетъ:

«— Я предвижу несчастія и бѣдствія, о дорогой дядя! Я сообщу тебѣ о причинахъ моей тревоги. Вчера вечеромъ, когда я легъ спать, мои слуги прибѣжали, накрыли меня шубою и тщательно обвязали мнѣ голову. Не успѣлъ я глаза сомкнуть, какъ вижу сонъ,—ужасный сонъ, который я тебѣ разскажу. Мнѣ снилось, что я гляжу на небо. Вдругъ надъ Жаблякомъ собираются черныя тучи и неподвижно стоятъ надъ крѣпостью. Раздаются раскаты грома и молнія ударяетъ въ прекрасный дворецъ, въ которомъ живутъ вельможи. Пламя охватываетъ стѣны. Бѣлая бесѣдка, возвышающаяся по серединѣ башни, рушится на плечи Максима, но онъ остается здравъ и невредимъ. О, дорогой дядя, Иванъ Зерноевичъ, я не смѣю толковать тебѣ

этотъ сонъ, но я его понимаю. Свадьба принесетъ тебѣ несчастіе, меня навѣрно убьютъ или тяжко ранятъ. О дядя, Богъ тебя накажетъ, если со мною случится несчастіе. Убьютъ ли меня или ранятъ, ты раскаешься; ты вѣдь знаешь свирѣпость моихъ черногорцевъ; всѣ пятьсотъ воиновъ принадлежатъ къ одному роду; всѣ они повинуются мнѣ, какъ одинъ человѣкъ. Если я скажу: горе! они всѣ за мною повторятъ: горе! Если меня убьютъ, всѣ они будутъ искать смерти.

«Князь отвѣчаетъ, что онъ не можетъ отказаться отъ задуманнаго путешествія, что онъ сталъ бы общимъ посмѣшищемъ, еслибы вздумалъ это сдѣлать, что онъ отправится въ Венецію, даже еслибъ ему пришлось погибнуть.—Немыслимо, — прибавляетъ онъ: — оставить бѣдную дѣвушку въ затворничествѣ у родителей.

«— О, племянникъ! — говоритъ онъ. — У тебя былъ нехорошій сонъ; Богъ одинъ знаетъ, что онъ означаетъ. Но если у тебя бываютъ дурные сны, то зачѣмъ ихъ разсказывать въ такое время, когда всѣ наши друзья собираются въ путь? Знай, племянникъ, что сонъ—ложь, а Богъ—истина. Взойди на башню и прикажи громкимъ голосомъ прислугѣ зарядить мои тридцать пушекъ. Позови старика Недѣльку, съ бородою до пояса, который одинъ умѣетъ обращаться съ моими молодцами: Зеленкомъ и Керніомъ.»

Эти знаменитыя пушки воспѣвались всѣми славянскими поэтами. До сихъ поръ славяне смотрятъ на пушки, какъ на какія-то чудодѣйственныя машины. Русскій народъ и до сихъ поръ посѣщаетъ

царь-пушку въ Москвѣ и разсказываетъ чудеса объ опустошеніяхъ, произведенныхъ ею въ рядахъ французской арміи, хотя она никогда не была въ дѣйствіи.

Иванъ описываетъ свои пушки и говоритъ, что гулъ ихъ раздается изъ Албаніи до самой Венеціи (крѣпость Жаблякъ находилась на албанской территоріи).

«— Такихъ пушекъ нѣтъ ни въ нашей странѣ, ни въ семи христіанскихъ царствахъ, ни у султана. Позови же Недѣльку, пусть онъ зарядитъ ихъ свинцомъ и порохомъ и цѣлитъ въ облака: пусть небо задрожитъ! Но сперва предупреди нашихъ друзей, чтобы они собрались съ силами и увели лошадей подальше отъ рѣки, а не то лошади отъ грохота орудій понесутъ и кинутся въ рѣку, а друзей моихъ затреплетъ лихорадка.»

Черногорскій вождь исполняетъ эти приказанія зычнымъ голосомъ, раздающимся во всемъ станѣ; онъ велитъ палить изъ пушекъ; потомъ, весь станъ отправляется въ походъ. Слѣдуетъ прекрасное описаніе похода. Устраиваются конскіе бѣга и всякаго рода военныя игры. Наконецъ, славянское войско приближается къ Венеціи. Но прежде, чѣмъ вступить въ городъ:

«Иванъ созываетъ всѣхъ своихъ людей. Подъ нимъ его боевый конь, Цапля, а по бокамъ у него два сокола, его сынъ, Максимъ, и Милошъ. Онъ совѣтуется съ вождями и, опасаясь показать уродливаго сына, предлагаетъ Милошу, первому красавцу въ станѣ, выдать себя за Максима. Хотя вожди и возмущены этимъ предложеніемъ, но они

не возражаютъ изъ опасенія обидѣть князя Ивана, бѣшеный нравъ котораго всѣмъ извѣстенъ. Милошъ, не колеблясь, принимаетъ предложеніе.

«— Иванъ, вождь сербовъ, — отвѣчаетъ онъ: — зачѣмъ было созывать совѣтъ? Дай мнѣ правую свою руку. Присягни, что, устраняя временно твоего сына, ты не наносишь ему кроваваго оскорбленія. Съ своей стороны, я клянусь, что я приведу тебѣ невѣсту безпрепятственно и не вызывая никакихъ ссоръ. Но даромъ я этого не сдѣлаю. Пусть всѣ, безъ исключенія, подарки, предназначенные жениху, достанутся мнѣ.

Это — характеристическая черта героической поэзіи. Какъ извѣстно, у Гомера ссора начинается изъ-за раздѣла добычи между Агамемнономъ и Ахилломъ. Сербскій вождь смѣется надъ требованіемъ Милоша и замѣчаетъ, что у него цѣлая башня наполненная золотомъ, что онъ не только предоставитъ ему всѣ подарки, которые ему будутъ даны, но прибавитъ еще три сапога червонцевъ (это обыкновенная мѣра у славянъ).

Договоръ заключенъ; славяне въѣзжаютъ въ Венецію. Дожъ встрѣчаетъ ихъ съ большими почестями. Онъ въ восторгѣ отъ красоты Милоша и приноситъ ему подарки. Прежде всего сынъ дожа подводитъ ему коня, который еле ступаетъ подъ ношею золота и серебра, возложенною на него. Затѣмъ, ему даютъ золотую саблю, за которую, какъ говоритъ поэтъ, можно было бы купить цѣлый городъ. Подходитъ братъ дожа, воспитавшій невѣсту; онъ плачетъ и приноситъ съ собою крошечный свертокъ. Онъ развертываетъ его, и ока-

зывается, что это плащъ, покрывающій Милоша съ головы до ногъ. Подкладка стоила 30 кошельковъ золота, а цѣну самой матеріи никто опредѣлить не можетъ.

Но самый цѣнный подарокъ — это рубаха; она соткана изъ тончайшаго золота собственноручно невѣстою. Въ воротѣ рубахи выткана золотая змѣя, точно живая, которая, кажется, ужалитъ всякаго, кто до нея дотронется. Вмѣсто глаза, у нея такой чудный и блестящій алмазъ, что новобрачные, уходя въ свою комнату, могутъ обойтись безъ свѣчи.

Милошъ принимаетъ подарки, и, послѣ цѣлаго ряда празднествъ, всѣ возвращаются въ Жанеблякъ. На пути Милошъ приближается къ невѣстѣ и заводитъ съ нею рѣчь. Она, по установленному обычаю, еще не видѣла жениха и, пораженная его красотой снимаетъ покрывало и протягиваетъ ему руку. Иванъ, возмущенный этимъ, сердится и раскрываетъ невѣстѣ всю правду: «Вотъ тотъ молодой человѣкъ, — говоритъ онъ: — который находится во главѣ всего войска, — твой женихъ.» Но дочь дожа, не отличающаяся самоотверженіемъ и робостью, свойственными славянскимъ женщинамъ, къ великому изумленію старика, твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ горячо упрекаетъ его.

«— Отчего, батюшка, ты разрушилъ счастіе твоего сына, принося его въ жертву Милошу? Богъ тебя накажетъ! Если онъ безобразенъ, то я достаточно благоразумна, чтобы понять, что это несчастіе можетъ случиться со всякимъ. Если у него и черное лицо, то глаза его блестятъ и

болѣзнь не испортила его сердца. Я ждала его девять лѣтъ и я могла еще ждать, какъ прилично честной дѣвушкѣ. Никто ни въ чемъ не можетъ меня упрекнуть. Умоляю тебя, возврати сыну сокровища, которыя ему принадлежатъ. Въ противномъ же случаѣ я останусь здѣсь, хотя бы меня изрѣзали на куски.»

Удивленный этими упреками, Иванъ велитъ позвать Милоша и умоляетъ его успокоить гордую женщину, возвративъ ей подарки. Онъ созываетъ и другихъ вождей; но тѣ не рѣшаются вмѣшаться въ дѣло, такъ какъ договоръ правильно заключенъ. Милошъ, тронутый просьбами старика, изъявляетъ готовность возвратить подарки.

«— Но, — прибавляетъ онъ: — вѣдь ты мнѣ ихъ обѣщалъ. Слушай же! Если ты не любишь сдерживать слова, я уступаю. Изъ уваженія къ старому другу я возвращаю тебѣ и невѣсту, и коня со всѣмъ золотомъ и серебромъ; возьми и этого сѣраго сокола и сними съ меня, если хочешь, саблю, которую я уже надѣлъ; я все это тебѣ возвращаю! Но трехъ вещей я тебѣ не отдамъ: ни этого длиннаго плаща, ни пера, развѣвающагося на моей шляпѣ, ни рубахи. Клянусь Богомъ и его святою церковью, что я не возвращу этихъ вещей.»

Всѣ надѣются, что дѣло удастся уладить полюбовно; но невѣста ничего и слышать не хочетъ, она громкимъ голосомъ зоветъ Максима и обращается къ нему съ слѣдующими роковыми словами:

«— Максимъ, ты единственный сынъ своей матери! Да не увидитъ она тебя никогда больше, да не будетъ ей суждено цѣловать твоего лица, да не будетъ у

тебя другаго дерева для гроба, кромѣ копій,— другаго могильнаго камня, кромѣ твоего щита, да предстанетъ твоя душа передъ Господомъ такою-же черною и уродливою, какъ твое лицо, если ты тотчасъ-же не вступишь въ бой съ Милошемъ. Зачѣмъ моимъ сокровищамъ быть въ чужихъ рукахъ? Если имъ суждено стать добычею Милоша, пусть онъ самъ станетъ добычею несчастія. Болѣе всего мнѣ жаль золотой рубахи. Я сама ткала ее съ тремя моими подругами цѣлые три года, день и ночь, и чуть не ослѣпла. Я хотѣла надѣть ее на моего мужа,— ты не оставишь ее въ рукахъ чужаго человѣка! Максимъ, женихъ мой, слушай меня: потребуй эти сокровища, а если ты этого не смѣешь, клянусь Богомъ, я останусь здѣсь и не сдѣлаю ни одного шага. Или я кинусь на своей лошади къ берегу, вырву у кого-нибудь копіе, вонжу его себѣ въ грудь, напишу собственною кровью письмо къ отцу и вручу это письмо моему вѣрному соколу. Отецъ мой придетъ съ войскомъ, сокрушитъ Жаблякъ и отомститъ за мою обиду.»

Максимъ ничего не отвѣчаетъ на эти страстныя слова, но наноситъ лошади могучій ударъ кнутомъ Конецъ кнута три раза обвиваетъ ее и до крови разрѣзываетъ ей кожу. Лошадь дѣлаетъ скачекъ вышиною въ три копья; Милошъ иронически замѣчаетъ, что Максимъ, вѣроятно, хочетъ упасть. Но, въ туже минуту, тотъ оборачивается, наноситъ ему могучій ударъ, убиваетъ его, отрубаетъ ему голову и увозитъ ее въ Жаблякъ.

Тутъ сербы, горячо преданные своему убитому вождю, даютъ общій залпъ, и начинается, какъ го-

воритъ поэтъ, раздача подарковъ изъ свинца и желѣза. Сраженіе описано превосходно: это своего рода исполинская борьба, напоминающая пресловутую битву центавровъ, которая происходила въ той же мѣстности. Крови столько, что она доходитъ лошадямъ до колѣнъ; наконецъ, сражающіеся исчезаютъ въ облакахъ пыли.

Старикъ поспѣшно обходитъ поле битвы и ищетъ своего сына. Онъ проходитъ мимо черногорскаго вождя, покрытаго ранами, того самаго, который видѣлъ зловѣщій сонъ. Вождь останавливаетъ его: «Больно спѣсивъ сталъ: не узнаешь своихъ друзей!» Старикъ приближается къ нему и, спросивъ его, нельзя ли ему чѣмъ-нибудь помочь, освѣдомляется о сынѣ. Вождь отвѣчаетъ ему, что Максимъ ускакалъ по направленію къ Жабляку. Старикъ, не теряя ни минуты, ѣдетъ туда же. Онъ застаетъ сына сидящимъ у воротъ крѣпости и пишущимъ письмо, которое тотъ тутъ же отправляетъ къ дожу.

«— Дожъ, — пишетъ онъ: — счастію моему насталъ конецъ; возвращаю тебѣ дочь, оставшуюся дѣвушкой; и ѣду къ туркамъ. Я приму мусульманство и до скончанія вѣка буду преслѣдовать сербовъ и всѣхъ христіанъ.

Братъ Милоша, услыхавъ эти слова, понимаетъ, въ чемъ дѣло. — «Теперь — говоритъ онъ про себя: — онъ будетъ нашимъ заклятымъ врагомъ. Чтобы спасти родину, я долженъ принести себя въ жертву.»

Онъ также ѣдетъ къ туркамъ и принимаетъ мусульманство, чтобы противодѣйствовать Максиму. Султанъ его допускаетъ во дворецъ, гдѣ онъ ве-

детъ упорную борьбу съ своимъ заклятымъ врагомъ. Девять лѣтъ онъ служитъ султану, который награждаетъ его пашалыкомъ, но туже честь онъ оказываетъ и Максиму. Два серба ведутъ борьбу въ теченіе всей своей жизни, одинъ, нападая на христіанъ, другой, защищая ихъ. Это поэтическое указаніе на причину ненависти, существующей между сербами, мусульманами и христіанами.

XX—XXII.

(Слѣдующія двѣ лекціи посвящены разбору сербской поэзіи и дальнѣйшей характеристикѣ нравовъ балканскихъ славянъ. Въ XXII лекціи Мицкевичъ переходитъ къ исторіи Россіи до XIII в.; коснувшись происхожденія Пруссіи, онъ останавливается на борьбѣ тевтонскаго ордена съ язычниками, преимущественно съ литовцами и вторично выясняетъ вліяніе, которое имѣло нашествіе татаръ на исторію Россіи и Польши).

XXIII.

Мы вступили въ XII в. Три факта характеризуютъ эту эпоху. Поэзія прекращается; лѣтописи пріостанавливаются; умы поглощены политическимъ движеніемъ. Не трудно уяснить себѣ паденіе поэзіи и краснорѣчія, если мы вспомнимъ, что сѣверные славяне вели, начиная съ XI в., постоянныя междуусобныя войны. Событія слѣдовали одно

за другимъ, не находясь, повидимому, въ связи; исторія походила на борьбу микроскопическихъ насѣкомыхъ, которыя, уничтожая другъ друга, все снова возраждаются. Но постепенно, начиная съ половины XII в., это движеніе принимаетъ болѣе опредѣленный характеръ.

Князь Юрій Долгорукій былъ основателемъ новой Россіи или, лучше сказать, Московскаго княжества; онъ разстался съ славянскими народами, бросилъ ихъ и, при содѣйствіи финновъ, началъ влiять на югъ и сѣверъ.

Съ этого момента ходъ событій выясняется. Мы видимъ борьбу сперва князей съ своими родственниками, затѣмъ династіи этихъ князей со всѣми другими славянскими династіями на югѣ и сѣверѣ. Родъ Юрія ведетъ борьбу на жизнь и смерть со своими соотечественниками. Война эта начинается со взятія Кіева въ половинѣ XII в. и кончается новгородскою рѣзнею и полнымъ крушеніемъ сѣверныхъ республикъ.

Въ XV в. новое Московское государство окончательно устанавливается на развалинахъ всѣхъ славянскихъ элементовъ.

Князю Юрію наслѣдовалъ его сынъ, Андрей, — человѣкъ, одаренный рѣдкою энергіею, храбрый воинъ, который умѣлъ побѣждать хитростью тамъ, гдѣ у него не хватало силы. Онъ далъ окончательное направленіе политикѣ финско-русскихъ князей. Его наслѣдники перенесли столицу въ Москву и, пользуясь покровительствомъ татаръ, довершили начинанія своихъ предковъ. Но новая политика московскихъ князей встрѣтила энергическій отпоръ

со стороны городовъ и нѣкоторыхъ могущественныхъ личностей, равно какъ и со стороны религіи и нравовъ жителей. Не трудно уяснить себѣ, почему патріархи и епископы противились этому движенію, которое мы назовемъ московскимъ и которое исходило изъ владимірскихъ лѣсовъ. Доказательство этого противодѣйствія мы находимъ въ лѣтописяхъ.

Восточная церковь была порабощена варяжскими князьями; но жизнь и личность духовенства считались неприкосновенными. Когда владимірскіе князья встрѣчали отпоръ со стороны епископовъ, они обвиняли ихъ въ ереси и изгоняли изъ своихъ владѣній. Нѣкій епископъ Левъ, который противился захватамъ князя Андрея, былъ низложенъ и выгнанъ за ересь. Его обвинили въ томъ, что онъ не постился въ установленное время.

До тѣхъ поръ удѣлы распредѣлялись между младшими членами княжеской семьи; князья, лишенные удѣловъ, старались примириться въ великимъ княземъ и получали отъ него новыя земли или извѣстное содержаніе. Теперь московскіе князья начинаютъ придерживаться другой системы. Объ удѣлахъ нѣтъ болѣе рѣчи. Древній обычай, установившійся въ славянскихъ земляхъ, требовалъ, чтобы всякій разъ, когда, послѣ смерти князя, выбирали ему преемника, первыми были спрошены вліятельныя общины. Къ древнимъ общинамъ, именно, въ силу ихъ древности, относились съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Такъ, въ самомъ Московскомъ княжествѣ были деревушки, которыя пользовались этою привиллегіею. Славяне не придавали значенія

мнѣнію Владиміра, Суздаля, Костромы и впослѣдствіи Москвы, такъ какъ даже названія этихъ городовъ были имъ совершенно чужды. Но это противодѣйствіе было, въ концѣ концовъ, побѣждено искусною политикою царствовавшихъ князей или силою.

Нѣкоторые потомки Рюрика стали во главѣ національнаго движенія, чтобы отстоять государственную идею славянскихъ странъ. Самымъ блестящимъ и извѣстнымъ представителемъ древней норманской Руси является князь Мстиславъ Мстиславовичъ, заявившій о себѣ впервые лѣтъ за пятнадцать до нашествія монголовъ и кончившій свою карьеру въ битвѣ на Калкѣ. Этотъ князь, типъ странствующаго рыцаря, владѣлъ небольшими землями въ сѣверной Россіи, въ окрестностяхъ Полоцка и Смоленска, т. е. въ мѣстности, гдѣ старинные обычаи дольше всего сохранились. Онъ умѣлъ внушать довѣріе своимъ воинамъ, объѣзжалъ съ ними всю Россію, защищалъ города противъ захватовъ князей, низлагалъ послѣднихъ и замѣнялъ ихъ другими. Онъ наказывалъ возмущавшіе города. Мы встрѣчаемъ его въ Новгородѣ, гдѣ онъ организуетъ войска; черезъ мѣсяцъ онъ уже въ окрестностяхъ Владиміра. Онъ сражался съ князьями лѣсной полосы и унижалъ ихъ. Наконецъ, его призываютъ въ Галицію. Тамъ онъ нѣкоторое время управлялъ государственными дѣлами, въ качествѣ опекуна малолѣтняго князя. Но, при вѣсти о появленіи монголовъ, онъ спѣшитъ на Донъ, гдѣ и кончается его поприще. Историки, однако, обвиняютъ его въ томъ, это онъ своею

гордостью повредилъ интересамъ Россіи; онъ не выждалъ прибытія князей и далъ татарамъ сраженіе при Калкѣ съ недостаточными силами; онъ, какъ говорятъ, былъ главною причиною этого ужаснаго пораженія. Но болѣе вѣроятно, что московскіе князья, понимая выгоды, которыя они могли извлечь для себя отъ появленія татаръ, не пожелали принять участіе въ борьбѣ славянъ съ полчищами Батыя. Съ княземъ Мстиславомъ кончается норманская Русь.

Подведемъ итоги. Мы видѣли, что въ сѣверной Россіи финскіе народы заняли все пространство отъ Бѣлаго моря до Урала. Затѣмъ въ доисторическое время, вѣроятно, въ IV и V вв., славяне покоряютъ и приводятъ финскія племена въ разстройство. Въ IX в., приходятъ норманны и устанавливають свое правительство. Страна становится норманскою. Въ эпоху, которую мы теперь изучаемъ, норманскій духъ уже подавленъ, и мы видимъ, какъ образуется новое государство, въ которомъ славяне, бывшіе господа финновъ, а впослѣдствіи товарищи и подданные нормановъ, вмѣстѣ съ послѣдними, подчиняются не новому народу-завоевателю, а новому духу, царству, княжеству, являющемуся носителемъ финскаго и славянскаго духа, вмѣстѣ взятыхъ.

Не слѣдуетъ обвинять, по примѣру нѣкоторыхъ историковъ, московскихъ князей во всѣхъ бѣдствіяхъ, наступившихъ въ эту эпоху. Причина этого грандіознаго переворота кроется не въ ихъ личностяхъ или способностяхъ. Политика ихъ, преисполненная эгоизма и духа захватовъ, не можетъ быть

исключительно признана продуктомъ ихъ воли. Финскій духъ удержался, не смотря на полное разстройство, постигшее этотъ народъ. Исторія нерѣдко представляетъ примѣры подобнаго превращенія. Духъ народа, утратившаго свою политическую самостоятельность, просачивается въ тотъ народъ, который его замѣщаетъ и порождаетъ новое общество. Такъ, британцы имѣли сильное вліяніе на саксовъ, а впослѣдствіи на норманновъ, которые замѣнили саксовъ. Точно также въ сѣверной Россіи финны, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ славянами, вступили съ ними въ тѣсный союзъ; и если вы вспомните то, что мы раньше говорили о характерѣ этого народа, вы легко уясните себѣ ходъ исторіи государства, въ которомъ финны являются важною составною частію. Несчастный и мрачный финнъ рожденъ для послушанія или разрушенія. Онъ встрѣтилъ въ славянинѣ высшее существо и соприкосновеніемъ своимъ унизилъ его. Финнъ, взятый въ отдѣльности, всегда рабъ: какъ орудіе въ рукахъ болѣе могущественнаго фактора, онъ становится деспотомъ и разрушителемъ. Для исторіи большая потеря, что пѣсни сѣверныхъ финновъ не сохранились: они одни между соплеменниками своими иногда пѣли. Монголъ, т. е. финнъ-всадникъ, не имѣетъ поэзіи. Остатки поэзіи сѣверныхъ финновъ, сохраненные русскою народною традиціею, даютъ намъ понятіе о томъ, кѣмъ былъ этотъ народъ въ отдаленное время. Я разумѣю нѣкоторыя великорусскія пѣсни, носящія на себѣ явный финскій отпечатокъ. Въ одной изъ нихъ выведена дѣ-

вушка, покинутая своимъ любовникомъ и предлагающая своимъ подругамъ родъ загадки. Она имъ говоритъ: «Милый мнѣ измѣнилъ, онъ меня бросилъ, но любовь его при мнѣ. Я наряжаюсь въ его любовь, и ею освѣщаю избу.»

Чтобы разгадать эту загадку, надо знать, чѣмъ для финновъ служитъ олень. Они ѣдятъ его мясо, изготовляютъ себѣ изъ его шкуры одежду, а жиръ его жгутъ въ лампадкахъ. Финская дѣвушка задушила своего любовника, а трупъ его употребила въ дѣло. Въ лампадкѣ у нея горѣлъ жиръ ея любовника. Вотъ смыслъ этой варварской загадки.

Если сравнить эту ужасную поэзію, которая напоминаетъ Америку и страну Караибовъ, съ нѣжными и граціозными сербскими мотивами, то громадная разница между финнами и славянами станетъ для всѣхъ очевидною. Вотъ этотъ-то народъ преобладалъ въ новомъ княжествѣ, и въ его средѣ установилось русское государство.

Русскимъ князьямъ, Юрію и Андрею, пришлось только воскресить подавленный финскій духъ и стать во главѣ движенія. Ихъ встрѣтили въ славянскихъ земляхъ съ сочувствіемъ, потому что всѣ стремились къ объединенію. Но если народы стремились къ объединенію, то князья думали только объ угнетеніи и завоеваніяхъ.

За первыми князьями, дѣйствовавшими еще неувѣренно, вслѣдствіе сопротивленія, которое они встрѣчали со стороны народа, отдѣльныхъ личностей и городовъ, слѣдуетъ новый рядъ князей, уже подчиненныхъ монголамъ. Эти князья, въ лицѣ

Ивана Калиты, его сына и потомковъ, перенесли столицу въ Москву. Они проводятъ жизнь въ ордѣ, изучая тамъ тайны татарской политики и, въ то же время, стремятся къ упроченію великокняжеской власти. Сынъ Калиты, ловкій и хитрый человѣкъ, становится посредникомъ между монголами и славянами; онъ принимаетъ на себя собираніе дани по всей Россіи и изъявляетъ готовность вносить ее въ ханскую казну. Онъ, такимъ образомъ, становится общерусскимъ сборщикомъ податей. Это первый шагъ московскихъ князей на пути установленія единаго деспотическаго государства. Они начинаютъ съ того, что завладѣваютъ финансами. Ханы имъ поручаютъ взиманіе податей. Впослѣдствіи они наказываютъ бунтовщиковъ; ханы поручаютъ имъ правосудіе. Они становятся ханскими верховными судьями. Въ концѣ концовъ, они замѣняютъ собою хановъ.

Послѣ трехвѣковой то открытой, то тайной борьбы, московскій князь Иванъ III принимаетъ титулъ царя, который онъ заимствуетъ у татаръ (такъ называли славяне хана). Тутъ начинается новый періодъ русской исторіи.

Самымъ важнымъ моментомъ слѣдуетъ признать 1150 г., когда князь Юрій Долгорукій образовалъ самостоятельное княжество и отдѣлился отъ остальныхъ славянъ. Сто лѣтъ спустя, около 1250 г., татары завладѣваютъ всею Россіею. Это эпоха, когда династія князя Юрія, съ одной стороны, обманываетъ татаръ, а съ другой, подчиняетъ себѣ русскихъ. Еще сто лѣтъ спустя, въ 1350 г., династія упрочивается въ Москвѣ и пробуетъ свои силы въ борьбѣ съ та-

тарами. Вслѣдъ затѣмъ, князь Дмитрій даже одерживаетъ надъ ними побѣду. Онъ, однако, не пользуется своимъ успѣхомъ, снова подчиняется татарамъ и платитъ имъ дань, выжидая болѣе удобнаго случая. Наконецъ, черезъ новыя сто лѣтъ, около 1450 г., московскіе князья принимаютъ титулъ царя, и Московское государство можетъ считаться уже окончательно установленнымъ. Послѣ этого громаднаго переворота, мы видимъ, какъ центральная Россія, съ одной стороны, расширяется по направленію къ Уралу и противодѣйствуетъ татарамъ, стараясь ихъ раздѣлить и уничтожить, съ другой, сокрушаетъ еще съ большею ненавистью южную Русь, кіевскую и червонную, и ведетъ упорную борьбу съ новгородскою республикою, чтобы образовать изъ этихъ завоеванныхъ земель новое государство.

Возстановить всѣ эти историческіе факты нелегко за недостаткомъ памятниковъ; лѣтописцы, какъ мы уже замѣтили, безмолвствуютъ съ самаго начала XIII в. Ничего не понимая въ этомъ сложномъ движеніи, оглушенные событіями, они заносятъ только нѣкоторые года, отрывочные факты, но не произносятъ никакихъ сужденій.

Для характеристики ихъ слога и манеры, я прочту вамъ нѣсколько строкъ одного изъ послѣдователей Нестора; всѣ хроники составлены по тому же образцу.

«Благочестивая княгиня Елена перевезла останки князя Ярополка въ церковь св. Андрея. — Князь Иванъ скончался въ томъ же году. — Митрополитъ Михаилъ ѣздилъ въ Царьградъ. — Князья пошли

на помощь полякамъ противъ другихъ поляковъ, враждовавшихъ съ ними.—Въ этомъ году былъ пожаръ въ Кіевѣ.—Всеволодъ примкнулъ къ братьямъ и пошелъ на Владиміръ.»

И такъ далѣе.

Остается неизвѣстнымъ, почему поляки враждовали между собою; чью сторону держали князья; отчего они такъ часто вступаютъ въ союзъ, даютъ другъ другу клятву хранить дружбу, а годъ спустя, ведутъ борьбу на жизнь и смерть. Лѣтописецъ, разсказывая также просто и безстрастно о звѣрскихъ преступленіяхъ князя, прибавляетъ: «Въ этомъ году такой-то князь, добрый, великодушный и благочестивый, скончался.»

Тѣмъ не менѣе, современнымъ историкамъ удалось установить, при помощи этихъ неясныхъ фразъ, важные факты. Такъ, напримѣръ, въ нижеслѣдующихъ строкахъ заключается вся исторія Московскаго княжества:

«Въ 1162 г. князь Андрей, желая быть самодержавнымъ господиномъ Суздальскаго княжества, изгоняетъ епископа Льва, трехъ братьевъ, двухъ племянниковъ, равно какъ и знатнѣйшихъ вельможъ, служившихъ его отцу.»

Это мѣсто отмѣчено всѣми историками, потому что въ немъ передаются неслыханныя событія: князь изгоняетъ епископа, своихъ родственниковъ и даже ихъ сторонниковъ. Всякій объясняетъ это мѣсто по своему. Русскіе историки и, между ними, Карамзинъ, который только перефразировалъ лѣтописцевъ, усмотрѣлъ въ немъ заговоръ противъ государства. Между тѣмъ, государственная

идея, положенная въ основаніе исторіи Карамзина, въ то время еще не существовала. Этотъ писатель смѣшиваетъ средневѣковую Россію съ Россіею петербургскаго періода: ему представляется царствующій монархъ, безпокойные граждане, составляющіе заговоры, и суды, карающіе преступниковъ.

Польскіе историки, наоборотъ, какъ мнѣ кажется, совершенно вѣрно толкуютъ слова: «Князь Андрей, желая быть самодержавнымъ господиномъ» признавая ихъ указаніемъ на перемѣну въ русской политикѣ. Слова эти встрѣчаются только одинъ разъ у лѣтописца; это единственная фраза, въ которой упоминается о самодержавной власти. Отъ послѣдователей Нестора, отъ всей исторической литературы, отъ всего законодательства осталось всего нѣсколько фразъ. Какъ нѣкоторыя древнія надписи и монеты, находимыя въ землѣ, онѣ пригодны только для установленія времени, когда случилось то или другое событіе; въ этомъ весь ихъ смыслъ.

Между тѣмъ какъ Москва идетъ на встрѣчу новымъ судьбамъ, въ Польшѣ происходитъ также важный переворотъ, но въ совершенно противоположномъ направленіи. Послѣ смерти Болеслава, страна распадается на нѣсколько частей, изъ которыхъ суждено было образоваться новой Польшѣ. Въ прежней Польшѣ церковь стремилась сохранить старые порядки, а нѣкоторыя вліятельныя и могущественныя лица упорно старались пріобщить страну къ общеевропейской жизни. Церковь поддерживала старшихъ въ родѣ, слѣдуя обычаю,

установившемуся во всемъ христіанскомъ мірѣ. Старшій сынъ Болеслава, находясь въ дружбѣ съ австрійскими императорами, хотѣлъ ввести феодализмъ, т. е. организовать Польшу, чтобы создать изъ нея могущественную страну. Его жена, нѣмка, женщина большаго ума, ненавидѣла славянскую неурядицу, заклинала своего мужа положить ей конецъ и говорила ему о прекрасныхъ порядкахъ, съ которыми она сроднилась при дворѣ германскаго императора. Старшій въ родѣ, Владиславъ, рѣшился прогнать своихъ братьевъ, оправдывая свой поступокъ государственными соображеніями и разсчитывая на сочувствіе духовенства. Насиліе его, однако, оскорбило духовенство и народъ и, особенно, сильно возмутило вельможъ, уже тогда очень могущественныхъ. Князь лишился своихъ земель и вынужденъ былъ искать убѣжища у императора.

Ему наслѣдовалъ братъ его, прозванный Мечиславомъ Старымъ. Онъ придерживался той же политики; но, не рѣшаясь прибѣгнуть къ насилію, старался дѣйствовать увѣщеваніями, указывая на всю необходимость объединенія. Четыре раза онъ овладѣвалъ престоломъ, и столько же разъ братья изгоняли его изъ столицы. Ему не удалось установить въ Польшѣ единую власть.

Вельможи въ эту эпоху опирались на духовное завѣщаніе короля, какъ на законъ, который они защищали противъ притязаній старшаго въ родѣ. Они инстинктивно чувствовали, что раздѣлъ страны между князьями, въ концѣ концовъ, вызоветъ родъ олигархіи съ сенатомъ во главѣ. Вотъ почему выс-

шее дворянство и духовенство держали впослѣдствіи сторону младшаго въ родѣ.

Время упрочило эту перемѣну въ порядкѣ престолонаслѣдія и, какъ это случилось также и въ Россіи, верховная власть въ Польшѣ перешла къ младшей линіи. Но въ Россіи младшая линія постепенно поглощаетъ всѣ виды политической власти, между тѣмъ какъ польскіе князья, наоборотъ, вынуждены, чтобы удержаться на престолѣ, даровать привиллегіи высшему дворянству, духовенству, а затѣмъ и мелкой шляхтѣ.

Въ Россіи первоначально все творится отъ имени князей, впослѣдствіи же отъ имени монголовъ: всѣ исполняютъ приказанія хана. Въ Польшѣ же на первый планъ выступаютъ интересы государства; въ эту эпоху начинаетъ зарождаться идея объ отечествѣ. Отечество — это не княжество. Въ Россіи лѣтописцы разсказываютъ событія, совершающіяся въ ихъ странѣ, и только мелькомъ упоминаютъ о другихъ княжествахъ, которыя ихъ интересуютъ лишь потому, что и тамъ царятъ Рюриковичи; въ нравственной связи, существующей между всѣми частями Россіи, они не даютъ себѣ никакого отчета. Въ Польшѣ же, наоборотъ, нѣкоторые князья отдѣляются отъ главной королевской власти; они не находятся въ феодальныхъ отношеніяхъ къ своимъ монархамъ; они не платятъ имъ налоговъ, не повинуются имъ, не присягаютъ имъ даже въ вѣрности. Иногда они, въ качествѣ феодальныхъ князей, даже вступаютъ въ отношенія съ монархами другихъ странъ. Тѣмъ не менѣе, общественное мнѣніе постоянно ихъ признаетъ польскими

князьями. Единство создано и установлено церковью. Столь простая, повидимому, идея объ единствѣ осуществляется вездѣ лишь медленно. Церковь, вѣнчая польскаго князя, воплотила въ его лицѣ государство. Король, въ свою очередь, вступая въ семью христіанскихъ монарховъ, смотрѣлъ уже на себя, какъ на представителя страны, единство которой онъ начиналъ понимать; впослѣдствіи, въ удѣльное время, епископы не переставали собираться для обсужденія общихъ вопросовъ. Въ разгаръ ссоръ, борьбы и войнъ между князьями, епископы и вельможи собирались и заставляли даже князей участвовать въ сvнодѣ. Этотъ сvнодъ принималъ характеръ представительства Польши, политическое единство которой еще не было установлено, но въ принципѣ всѣми признавалось. Такъ, въ Помераніи епископы, послѣ бунта померанскихъ князей, постоянно съѣзжались и обсуждали польскія дѣла подъ предсѣдательствомъ польскихъ примасовъ; впослѣдствіи этому примѣру послѣдовали силезскіе епископы, равно какъ и епископы нѣкоторыхъ прусскихъ провинцій, подъ предсѣдательствомъ гнѣзненскаго епископа.

Такимъ образомъ, возникла незыблимая идея о польскомъ государствѣ.

На этихъ сvнодахъ разрабатывались также и законы. Русскіе законы нормируютъ отношенія между господиномъ и рабами, и между господиномъ и княземъ. Польскіе законы устанавливаютъ отношенія между государствами; это—политическіе законы. Въ Россіи имѣется только уголовное и гражданское законодательства; поляки въ эту эпоху

создали уже законодательство политическое. Сv-нодъ беретъ земледѣльца подъ свое покровительство; онъ воспрещаетъ царедворцамъ, т. е. слугамъ монарха, взимать произвольные наборы; онъ придаетъ приговорамъ санкцію, и всякій законъ кончается религіозною формулою: «Тотъ, кто нарушитъ законъ, будетъ проклятъ.»

Законодательство это имѣетъ силу для всей Польши; оно признается обязательнымъ для независимыхъ померанскихъ князей, впослѣдствіи для силезскихъ князей и, наконецъ, для духовенства и Галиціи, которая вступаетъ постепенно въ тѣсныя отношенія къ Польшѣ.

Въ Россіи судоговореніе, принадлежавшее общинамъ, поручается чиновникамъ, назначаемымъ князьями; въ Польшѣ, наоборотъ, оно сосредоточивается въ рукахъ собранія воиновъ, на разсмотрѣніе котораго поступаетъ всякое болѣе или менѣе важное уголовное или гражданское дѣло; чиновникъ предсѣдательствуетъ только въ этомъ собраніи, но не имѣетъ въ немъ рѣшающаго голоса.

Въ Польшѣ все стремится къ свободѣ; въ Россіи же — къ объединенію власти. Этимъ государствамъ угрожаетъ двоякая опасность: Россіи деспотизмъ, Польшѣ—анархія. Польскіе историки этого времени, которыхъ такъ часто осмѣиваютъ нѣмцы, гораздо интереснѣе русскихъ историковъ XIII в. Насколько одни безплодны и однообразны, настолько другіе характерны, каждый въ своемъ родѣ.

За эпохою религіозныхъ лѣтописцевъ, послѣ

Дитмара и Галлуса, слѣдуетъ эпоха политическихъ лѣтописцевъ; они пишутъ прагматическую исторію; ихъ можно даже признать первыми и самыми древними историками-прагматиками. Ихъ слогъ, хотя они и пишутъ по-латыни, чисто-польскій; это славянскій языкъ, покрытый легкимъ латинскимъ флёромъ. У нихъ постоянно встрѣчаются не только польскіе обороты, но и польскія поговорки и риѳмы. Въ общемъ, ихъ творенія по слогу напоминаютъ нѣкоторые русскіе памятники этой эпохи, найденные въ архивахъ и представляющіе относительно слога большое различіе съ лѣтописями. Въ этихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ степенную простоту, присущую «Слову о полку Игоря». Однимъ изъ такихъ памятниковъ служитъ духовное завѣщаніе великаго князя Владиміра Мономаха. Привожу нѣсколько отрывковъ. Мономахъ говоритъ о своихъ занятіяхъ, о способѣ управленія страною и даетъ совѣты своему сыну:

«Я самъ наблюдалъ за церковью и богослуженіемъ, домашнимъ распорядкомъ, конюшнею, охотою, ястребами и соколами... Я заключилъ съ половцами 19 мирныхъ договоровъ, взялъ въ плѣнъ болѣе ста лучшихъ ихъ князей... а болѣе двухсотъ казнилъ и потопилъ въ рѣкахъ.»

Затѣмъ онъ много говоритъ о своихъ княжескихъ охотахъ.

«Два раза буйволъ металъ меня на рогахъ, олень бодалъ, лось топталъ ногами; вепрь однажды разорвалъ мнѣ бедро, медвѣдь прокусилъ мнѣ руку. Сколько разъ я падалъ съ лошади въ юные годы, не обращая вниманія на опасности, которымъ я

себя подвергалъ, и разбивалъ себѣ голову, повреждалъ руки и ноги.»

Онъ совѣтуетъ сыну подражать ему и не страшиться ни медвѣдей, ни половцевъ.

Какая огромная разница между этимъ разсказомъ и сухими хрониками той же эпохи! Объясняется эта разница тѣмъ, что предметомъ разсказа является домашняя жизнь, не утратившая еще славянскаго характера, а хроники касаются новыхъ княжескихъ порядковъ, въ которыхъ не было ничего славянскаго.

Польскіе лѣтописцы по духу родственны автору этого завѣщанія. Ихъ слогъ отличается такою же простотою и тѣмъ же глубокимъ пониманіемъ природы. На каждомъ шагу встрѣчаются метафоры, заимствованныя у природы, изъ жизни животныхъ; иногда цѣлая политическая рѣчь состоитъ изъ басни.

Я говорилъ вамъ уже о войнѣ, вызванной, еще при жизни Болеслава, его незаконнорожденнымъ братомъ. Этотъ братъ, взятый въ плѣнъ на полѣ сраженія, судится въ княжескомъ судѣ. Лѣтописецъ, описывая этотъ судъ, заставляетъ судей однихъ обвинять князя, другихъ защищать его.

Вотъ какъ начинается обвинительная рѣчь:

«Печальное зрѣлище представляетъ растеніе, корень котораго подтачивается червями! Если привить къ ивѣ отростокъ грушеваго дерева, плодъ будетъ горекъ. Всѣмъ извѣстно, что пантера рождается отъ тигрицы и льва и что оборотень рождается отъ львицы и тигра. Обвиняемый напоминаетъ характеромъ своимъ василиска: въ немъ есть

нѣчто, напоминающее цикуту; кромѣ того, онъ походитъ на змѣю. Василискъ убиваетъ силою своего взгляда; чѣмъ слаще цикута, тѣмъ она ядовитѣе; что же касается до змѣи, то нельзя отрицать, что видъ у нея бываетъ иногда величественный, царскій.»

Чтобы понять всѣ эти сравненія, надо быть знакомымъ съ естество-историческими понятіями народа, бывшими въ ходу въ то время и сохранившимися до сихъ поръ въ преданіяхъ славянъ, напримѣръ, о происхожденіи пантеръ, объ оборотнѣ и о змѣѣ, признанной даже въ древности царемъ пресмыкающихся.

Этими намеками на народныя преданія обвинитель указываетъ на незаконнорожденность князя; затѣмъ онъ говоритъ о его воспитаніи:

«Такой характеръ могъ сложиться только подъ вліяніемъ нѣмцевъ и началъ, которыхъ придерживаются пражскіе ученые.»

Очевидно, эти ученые пользовались въ Польшѣ дурною славою.

«Кто не знаетъ нравственныхъ правилъ пражскихъ ученыхъ!»

Слѣдуетъ перечень чешскихъ народныхъ пословицъ.

«Протягивай руку, о сынъ мой, но, въ то же время, подставляй ножку.

«Если ты хочешь убить кого-нибудь навѣрняка, то явись къ нему въ качествѣ врача.»

«Безполезный человѣкъ походитъ на дерево, не дающее плодовъ.»

«Не скупись на обѣщанія, они обязываютъ лю-

дей, но тебя самого ни къ чему не обязываютъ». Такихъ пословицъ приводится еще съ двадцать.

Тотъ же лѣтописецъ начинаетъ слѣдующимъ образомъ четвертую книгу, въ которой онъ говоритъ о чрезмѣрномъ честолюбіи князя, воспитаннаго матерью:

«Есть странная птица, которую называютъ *враницею;* она живетъ уединенно и допускаетъ къ себѣ другихъ птицъ только разъ въ году. Она свиваетъ для своихъ птенцовъ гнѣзда на высокихъ деревьяхъ, для каждаго птенца по одному. Затѣмъ она предоставляетъ, подобно кукушкѣ, другимъ птицамъ заботу объ ихъ воспитаніи. Птенецъ, какъ только вылупится изъ яйца, покидаетъ своихъ товарищей и, довѣряя силѣ своихъ крыльевъ, взлетаетъ надъ деревьями и горами и исчезаетъ въ воздухѣ. Иногда вѣтеръ мѣшаетъ ему спуститься на землю для пріисканія себѣ пищи. Тогда онъ умираетъ съ голода, и, такимъ образомъ, кончается его воздушная жизнь.»

Это означаетъ, что мать князя отличалась такимъ же честолюбіемъ, какъ эта птица, что она внушила сыну то же честолюбіе и что онъ погибъ вслѣдствіе того, что не могъ примѣниться къ требованіямъ практической жизни.

Критики часто издѣвались надъ этимъ слогомъ; но трудно не признать въ немъ чисто-національной славянской черты. Позднѣе мы встрѣтимся съ тѣмъ же языкомъ въ преніяхъ польскихъ сеймовъ и найдемъ его слѣды даже въ произведеніяхъ авторовъ новѣйшаго времени.

XXI—XL.

(Слѣдующія лекціи посвящены, главнымъ образомъ „золотому вѣку" польской литературы. Коснувшись вкратцѣ исторіи Богеміи въ XV в. и паденія тевтонскаго ордена, Мицкевичъ переходитъ къ характеристикѣ эпохи Ягеллоновъ и подробно останавливается на царствованіи короля Сигизмунда-Августа, сопоставляя и сравнивая его съ царствованіемъ Ивана Грознаго. Изъ писателей этого времени онъ отводитъ наиболѣе мѣста бытописателю польской шляхты, Николаю Рею, котораго онъ сравниваетъ съ Монтеномъ, и поэту Яну Кохановскому. Поэта этого онъ, по горячему патріотизму, его воодушевляющему, ставитъ на ряду съ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, котораго Мицкевичъ признаетъ идеальнымъ польскимъ королемъ. XL лекція посвящена польскому оратору и проповѣднику Скаргѣ).

XLI.

Скаргою завершается славянская или, точнѣе говоря, польская литература временъ Ягеллоновъ. Онъ воплощаетъ въ себѣ прошлое и даетъ предчувствовать будущее польской націи.

Но если принимать во вниманіе политическія событія, то этотъ періодъ славянской литературы слѣдуетъ продолжить до Вестфальскаго мира, который открываетъ собою новую эру исторіи Европы и вводитъ славянскіе народы на сцену европей-

скихъ событій. Промежутокъ времени между смертью Скарги и заключеніемъ Вестфальскаго мира, однако, наполняется, исключительно, военными и политическими событіями, служащими выраженіемъ тенденцій, нами уже выясненныхъ; въ литературномъ отношеніи онъ не представляетъ ничего выдающагося.

Мы остановились на критическомъ моментѣ въ исторіи славянъ. Династія, управлявшая Москвою, потерпѣла полное крушеніе, а домъ Ягеллоновъ въ Польшѣ угасаетъ. Въ Московскомъ царствѣ господствуетъ страшная анархія; оно, какъ будто, обречено на вѣрную гибель. Польша, наоборотъ, развиваетъ всѣ свои духовныя и политическія силы и, повидимому, готова возстановить прежнее славянское единство. Какъ нѣкогда домъ Ягеллоновъ, воцарившись въ Богеміи и въ Венгріи, казалось, собирался принять на себя роль представителя всѣхъ славянъ, такъ теперь польскіе вельможи, наслѣдники и соправители своихъ королей, какъ будто, призваны продолжить ихъ миссію. Не забудемъ, что подъ вельможами я разумѣю всѣхъ талантливыхъ и вліятельныхъ людей, управлявшихъ польскимъ государствомъ

Гетманы, т. е. военачальники, пользуются содѣйствіемъ мелкой шляхты; они предпринимаютъ экспедиціи, заключаютъ договоры; они дѣйствуютъ въ качествѣ королей, хотя и не принимаютъ этого титула.

Такъ, начальникъ ливонской арміи, Ходкевичъ, при содѣйствіи своихъ родственниковъ и сосѣдей,

вступаетъ въ борьбу со шведами, побѣждаетъ ихъ и сохраняетъ Ливонію за Польшею.

Другой полководецъ, Замойскій Великій, содержитъ на собственныя средства маленькій шляхетскій отрядъ. дастъ отпоръ туркамъ и сдерживаетъ татаръ. Онъ побѣждаетъ властителей Молдавіи и Валахіи и, въ послѣдній разъ, заставляетъ молдавскаго господаря платить дань Польшѣ.

Магнатъ Язловецкій, воевода червонной Руси, собирается завоевать Крымъ, выгнать изъ этой сильной позиціи столь опасныхъ для Польши татарскихъ хановъ и создать крымское воеводство. Этотъ вельможа умираетъ въ моментъ, когда уже готовъ стать во главѣ своей арміи и осуществить задуманный имъ полезный планъ.

Наконецъ, сандомірскій воевода Мнишекъ организуетъ отрядъ изъ своихъ родственниковъ, друзей, сосѣдей и наемниковъ, чтобы свергнуть Годунова и сдѣлать свою дочь московскою царицею.

Всѣ эти магнаты чрезвычайно легко собирали арміи; Польша казалась неистощимою; на зовъ магнатовъ шляхта стекалась со всѣхъ сторонъ; немногочисленная ея конница пользовалась еще славою непобѣдимости, разсѣевала громадныя московскія арміи, приводила въ разстройство шведскіе батальоны; даже турки не могли противиться ей.

Французъ Бопланъ *), служившій въ то время въ польскомъ войскѣ, оставилъ намъ описаніе всадника:

---

*) Description d'Ukraine par le sieur de Beauplan. Rouen, 1660, p. 102, 103 и 104.

«Когда люди (польскаго короля) идутъ въ походъ, они представляютъ такое странное зрѣлище, что еслибы у насъ встрѣчались подобные воины, то скорѣе можно было бы глазѣть на нихъ, чѣмъ ихъ опасаться, хотя они и навьючиваютъ на себя массу оружія, годнаго для нападенія. Я вамъ опишу одного изъ нихъ, въ лицѣ г. Дечинскаго, начальника отряда, который былъ вооруженъ слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, надъ кольчугой онъ былъ опоясанъ саблею, на головѣ у него была желѣзная шапочка съ висячими концами съ боковъ и сзади, состоявшими изъ того же матеріала, что и кольчуга, и покрывавшими ему спину и плечи, за спиною карабинъ или лукъ и колчанъ; на поясѣ у него висѣли шило, тесакъ, служившій ему и для оттачиванія сабли, ножикъ, шесть серебряныхъ ложекъ, сложенныхъ одна въ другую и находившихся въ мѣшечкѣ изъ красной кожи, пистолетъ, парадный платокъ (турецкая шаль), другой кожаный кошель, который складывается, легко вмѣщаетъ въ себѣ бутылочку вина и которымъ они въ походѣ черпаютъ воду для питья, большой кошель изъ краснаго сукна, въ которомъ они хранятъ письма и бумаги, гребень, даже деньги, нагайка, т. е. маленькій кожаный кнутъ, чтобы погонять лошадь, двѣ или три связки шелковой веревки, толщиною въ полмизинца, употребляемой для связыванія плѣнныхъ, когда имъ удается взять ихъ. Всѣ эти предметы висѣли у него на поясѣ съ противоположной стороны сабли; кромѣ того, рожокъ, чтобы спускать насосы у лошадей; затѣмъ сбоку у сѣдла, съ правой стороны, висѣло боль-

шое ведро, предназначенное для того, чтобы поить лошадь, затѣмъ, три кожанные ремня, чтобы привязывать лошадь, когда она пасется; сверхъ того, когда на немъ не было лука, онъ, вмѣсто него, бралъ карабинъ черезъ плечо; у него была большая лядунка, принадлежности карабина и пороховница.

«Судите сами, можетъ ли человѣкъ съ такою ношею свободно сражаться?

«Гусары, снабженные копіями — богатые дворяне, имѣющіе до 50,000 ливровъ; лошади у нихъ очень хорошія, и худшая изъ нихъ стоитъ не менѣе 200 червонцевъ; все это турецкія лошади изъ Анатоліи. Строй ихъ слѣдующій: въ рядъ ѣдутъ двадцать начальниковъ (towarzysze), а за каждымъ изъ нихъ четверо изъ ихъ слугъ гуськомъ; ихъ копья имѣютъ длину въ 19 футъ и, начиная съ конца до шишки, пусты внутри; остальная часть сдѣлана изъ крѣпкаго дерева. На концѣ копья у нихъ виситъ бѣлый и красный, или голубой и зеленый, или черный и бѣлый значекъ, всегда двухцвѣтный, длиною въ 4—5 аршинъ, которымъ они пугаютъ непріятельскихъ лошадей; именно, когда они, опустивъ копія, несутся во весь опоръ, эти значки развѣваются и пугаютъ лошадей противника, котораго гусары хотятъ привести въ замѣшательство. Они вооружены кирасами, наручниками, шлемами, набедренниками и т. д. Сбоку у нихъ виситъ только сабля, палашъ (кривая сабля) подъ лѣвымъ бедромъ, прикрѣпленный къ сѣдлу, у праваго стремени виситъ длинная шпага, широкая у эфеса и суживающаяся къ концу,

четырехугольной формы, служащая для того, чтобы проколоть человѣка, лежащаго на землѣ, но еще не убитаго, и съ этою цѣлью она имѣетъ въ длину 5 футъ и рукоятка у нея круглая, чтобы удобнѣе было ударить ею въ землю и проколоть кольчугу; кромѣ того, у нихъ есть молоты вѣсомъ, по меньшей мѣрѣ, въ шесть фунтовъ, заостренные, съ длинною рукояткою, которыми они пробиваютъ шлемъ и кольчгу у непріятеля *).»

Англійскіе и французскіе короли, самые богатые во всемъ христіанскомъ мірѣ, не находили средствъ для содержанія подобной арміи. Можно себѣ представить, во что обходилась экипировка этихъ всадниковъ; поэтому всѣ богатыя лица въ Польшѣ экипировались на собственный счетъ. Польская конница этого времени, слѣдовательно, представляла собою, какъ бы, всю сумму польскихъ капиталовъ.

Дворянство въ Польшѣ увлекалось постоянными экспедиціями, завоеваніями и желаніемъ основать новыя государства. Но движеніе это противорѣчило національной идеѣ. Всѣ эти вельможи служили одному государству, между тѣмъ польская національная идея не благопріятствовала завоевательнымъ планамъ, и масса отказывалась содѣйствовать предпріятіямъ, задуманнымъ для достиженія личныхъ цѣлей. Какъ только общественное мнѣніе убѣждалось, что вельможи дѣйствуютъ изъ честолюбія, оно ихъ осуждало, оказывая имъ, въ то же время, дѣятельную поддержку, когда рѣчь

*) Балканскіе славяне и, въ особенности, босняки сохранили это вооруженіе, описанное Бопланомъ.

шла о защитѣ государственныхъ интересовъ. Прибавимъ къ этому, что соперничество вельможъ тормозило военныя операціи, чрезвычайно важныя для государства, и наводило уныніе на самыхъ самоотверженныхъ вождей. Такъ, напримѣръ, былъ моментъ, когда знаменитый побѣдитель шведовъ, Ходкевичъ, покинутый своими войсками и лишенный всякой поддержки со стороны польскаго правительства, помышлялъ о томъ, чтобы взорвать всѣ укрѣпленныя мѣста въ Ливоніи и похоронить себя подъ развалинами своего замка. Равнымъ образомъ, Замойскій, окруженный турками, татарами и валахами, находясь, словомъ, въ отчаянномъ положеніи, хорошо понималъ, однако, что главная опасность угрожала ему не отъ непріятеля, а отъ непостоянства сейма и соперничества вельможъ, завидовавшихъ его славѣ.

Чтобы повредить военной репутаціи, прибѣгали къ клеветѣ: Ходкевича обвинили въ томъ, что онъ хочетъ сохранить Ливонію за собою, а Замойскаго упрекали въ томъ, что онъ придумываетъ войны, чтобы стяжать новые военные лавры.

Вельможи имѣли случай тутъ убѣдиться въ радостяхъ и страданіяхъ, сопряженныхъ съ королевскою властью: сами противодѣйствуя королю, они, въ тоже время, всю свою жизнь проводили въ борьбѣ съ оппозиціею, которую они встрѣчали со всѣхъ сторонъ, въ сеймѣ, въ народѣ, даже въ арміи. Участь, которую они подготовили королевской власти, постигала ихъ самихъ при управленіи провинціями и командованіи войсками, которыя имъ были ввѣрены.

Время развитія политической свободы въ Польшѣ совпадаетъ съ эпохою литературной славы этой страны: это золотой вѣкъ польской литературы. Мы уже назвали нѣсколько громкихъ именъ, которыя даютъ намъ понятіе о состояніи умовъ, ибо люди, какъ Коперникъ и Скарга, не являются никогда одни: ихъ всегда окружаетъ богатая литературная и умственная растительность. Коперникъ служитъ, какъ бы, послѣднимъ и величайшимъ проявленіемъ славянскаго ума; Скарга же — величайшій славянскій мыслитель и, если я не ошибаюсь, самый выдающійся изъ всѣхъ христіанскихъ проповѣдниковъ.

Съ этого момента начинается умственное, нравственное и политическое паденіе Польши. Исторію этого паденія мы откладываемъ до другаго времени; теперь-же мы укажемъ на отношенія, существовавшія между Польшею и Европою, и постараемся доказать, что паденіе коснулось не одной Польши. Это было явленіемъ общимъ.

Какъ составная часть Европы, Польша раздѣлила участь остальныхъ государствъ, съ которыми ее связывала общая политическая жизнь и въ которыхъ она черпала свои духовныя и нравственныя силы. Мы уже отмѣтили вліяніе Рима и Парижа на Польшу: Рима, какъ очага религіознаго движенія, и Парижа, какъ центра умственной жизни; но источники эти изсякли, или, по крайней мѣрѣ, становились мутными.

Послѣ великой религіозной войны между протестанствомъ и католичествомъ, церковь окончательно распалась на двѣ части. По выраженію глубокаго

нѣмецкаго философа, Бадера, одна изъ этихъ частей гнила, а другая окаменѣла. Замѣчено, что, послѣ великихъ народныхъ потрясеній, великихъ религіозныхъ или политическихъ революцій, наступаетъ извѣстное истощеніе, и народами овладѣваетъ какая-то апатія. Тогда люди, утомленные борьбою, прибѣгаютъ къ авторитету закона. Католики и протестанты прибѣгли къ этому средству и стали взывать къ законности, которая, въ сущности, ничего не даетъ и ничего не объясняетъ. Въ католическихъ странахъ и даже въ Римѣ начинаютъ относиться снисходительно къ безвѣрію, но подъ условіемъ, чтобы невѣрующіе воздерживались отъ нападенія на законное существованіе церкви, т. е. на внѣшнія формы; однако, чтобы предохранить вѣрующихъ мыслителей отъ ереси, ихъ иногда преслѣдуютъ.

Это положеніе дѣлъ имѣло роковыя послѣдствія для Польши.

Іезуиты, управлявшіе тогда страною, также начали отстаивать законность въ дѣлахъ вѣры: они закрыли протестантизму доступъ въ страну, и онъ погибъ отъ истощенія.

Но они не сумѣли воспользоваться своимъ успѣхомъ, не будучи воодушевлены тѣмъ радостнымъ чувствомъ и тою силою, которыми обыкновенно сопровождается побѣда, въ родѣ той, которую одержали прежніе богословы надъ еретиками.

Такимъ образомъ, умами въ Польшѣ овладѣваетъ страхъ. Они перестаютъ разсуждать и касаться тайнъ религіи.

Поляки рѣдко посѣщаютъ Парижъ и Францію,

которые переживали тогда ту же борьбу, но были отдѣлены отъ Польши протестантскими странами. О полякахъ забыли.

Политическія послѣдствія этого положенія церковныхъ дѣлъ были пагубнѣе для Польши. Вестфальскій миръ измѣняетъ взаимное соотношеніе державъ и дальнѣйшее ихъ историческое развитіе; новыя идеи и новые интересы прокладываютъ себѣ дорогу. Монархи, вступившіе въ борьбу, одни, чтобы отстоять католическую церковь, другіе, чтобы доставить протестантизму законное положеніе, сообща обманываютъ обѣ стороны и эксплоатируютъ страсти католиковъ и протестантовъ въ свою пользу. Эта измѣна, однако, тщательно скрывалась монархами и ускользнула отъ вниманія политическихъ мыслителей того времени. Напротивъ, послѣдніе пѣли побѣдные гимны въ честь Вестфальскаго мира, признавая его оплотомъ терпимости, свободы, національнаго развитія; его привѣтствовали, какъ зарю новаго порядка вещей. Нынѣ всѣ протестантскіе историки единодушно признаютъ его роковою комбинаціею, направленною противъ независимости и нравственнаго достоинства народовъ.

Римско-германская имперія, представительница законной власти католицизма, навсегда оказалась поколебленною этимъ договоромъ. Курфюрсты и князья, бывшіе прежде сановниками германской имперіи и подлежавшіе суду императора и сейма, пріобрѣтаютъ политическую независимость; Германія насчитываетъ теперь много монарховъ и кабинетовъ, которые интригуютъ въ пользу этихъ

князей, и, обезсиленная, подчиняется вліянію иноземнаго государства.

Швецiя, призванная защитить интересы протестантизма, сама отнимаетъ у Германiи часть ея владѣній, завоевываетъ Померанію и нѣсколько морскихъ портовъ и покидаетъ протестантовъ, не выговоривъ для нихъ религіозной свободы.

Маркграфы Бранденбургскіе увеличиваютъ свои владѣнія присоединеніемъ къ нимъ нѣсколькихъ независимыхъ городовъ съ полнымъ нарушеніемъ ихъ вольностей.

Въ эту эпоху часто хвалили ловкость французскаго кабинета, который преслѣдовалъ протестантовъ во Францiи, оказывая имъ поддержку въ Германiи. Въ силу Вестфальскаго договора, Францiя пріобрѣла Эльзасъ; она обезпечила за собою Лотарингію и верхнюю Бургундію, уже отдѣленныя отъ Германской имперіи. Тѣмъ не менѣе, знаменитые и преданные королевству публицисты видятъ въ этомъ договорѣ источникъ всѣхъ бѣдствій, навлеченныхъ на Францію революціонною реакціею прошлаго столѣтія. Искренность королевской власти, обманывавшей одновременно и протестантовъ, и католиковъ, была подвергнута сомнѣнію; народы замѣтили, что короли ихъ обманываютъ и эксплоатируютъ, и перестали отождествлять интересы церкви и королевской власти.

Какое участіе могла принять Польша въ этихъ комбинаціяхъ? Короля упрекали въ томъ, что онъ отказался быть посредникомъ между договаривавшимися сторонами. Но направленіе, принятое европейскою политикою, опрокидывало всѣ историче-

скія традиціи Польши. Чтобы принять участіе въ этой борьбѣ эгоистическихъ стремленій, дому Ягеллоновъ пришлось бы отрѣшиться отъ духа и всѣхъ традицій, которыя до тѣхъ поръ были присущи ихъ власти. Королю предложили отъ имени Ришелье ограбить маркграфа Бранденбургскаго и даже отнять у Австріи Силезію; но мысль о томъ, чтобы вступить въ заговоръ противъ державы, признанной Польшею, и начать войну съ Австріею, съ которою Польша находилась въ мирѣ, повторяемъ, противорѣчила идеи этого государства. Заговоръ не могъ нравиться правительству, которое дѣйствовало открыто, а измѣна внушала и королевской власти, и польской націи отвращеніе.

До тѣхъ поръ Германская имперія оставалась другомъ и вѣрнымъ союзникомъ Польши. Императоры люксембургскаго дома, интриговавшіе нѣкоторое время противъ Польши, преслѣдовали частные планы, вытекавшіе изъ ихъ личныхъ интересовъ; но эта враждебность не имѣла ничего общаго съ интересами германской имперіи. Теперь Австрія, сохранившая еще титулъ апостольской имперіи, но давно уже переставшая претендовать на апостольство, предвидѣла моментъ, когда она будетъ отброшена въ свои наслѣдственныя земли. Такъ какъ она становилась чисто территоріальною державою, то ей приходилось думать о своихъ семейныхъ интересахъ; она, въ силу обстоятельствъ, стала врагомъ Польши.

Такимъ образомъ, Польша очутилась въ изолированномъ положеніи среди Европы.

Политика, которая теперь устанавливается, осно-

вана на эгоизмѣ и территоріальныхъ интересахъ; она поддерживается искусствомъ министровъ. Отнынѣ вниманіе направлено на округленіе территорій; всѣ добиваются *естественныхъ границъ*; въ первый разъ произносится роковое слово: *естественная вражда*. Даже въ средніе вѣка, во время ужасныхъ войнъ между Франціей и Англіей, въ эпоху сраженій при Креси, Пуатье и Азенкурѣ, англичане и французы никогда не считали другъ друга естественными врагами. Теперь вся дѣятельность державъ была направлена на обезпеченіе матеріальныхъ интересовъ, т. е. на округленіе территорій; ихъ обширность и привлекательность ставится выше всякихъ нравственныхъ принциповъ.

Все, что мы сказали о полякахъ и объ идеяхъ, которыя они связывали съ своимъ отечествомъ, убѣждаетъ, что они ни въ какомъ случаѣ не могли присоединиться къ этимъ комбинаціямъ. Папа впервые отказывается отъ участія въ дипломатической дѣятельности кабинетовъ, и Польша остается въ сторонѣ отъ принимаемыхъ соглашеній.

Чьимъ же интересамъ послужилъ трактатъ? Онъ оказался заключеннымъ на пользу державы, существованіе которой даже было мало извѣстно. Исторія убѣждаетъ, что Московское княжество, вскорѣ превратившееся въ Русскую имперію, воспользовалось наслѣдствомъ, оставленнымъ тою политикою, которая угасла въ моментъ заключенія Вестфальскаго трактата.

Это покажется многимъ невѣроятнымъ, но, на самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего проще. Наиболѣе сильныя и искусныя партіи почти всегда подчиняются

власти лицъ, которыя служатъ лучшими выразителями ихъ основнаго принципа. Въ политическихъ комбинаціяхъ, государства, основной принципъ которыхъ болѣе всего соотвѣтствуетъ этимъ комбинаціямъ, первые обращаютъ ихъ на свою пользу и, въ силу вещей, пріобрѣтаютъ первенствующее положеніе.

Послѣ Вестфальскаго мира въ общественномъ мнѣніи Европы происходитъ совершенный переворотъ. Всѣ взоры обращаются на Московское царство, давно уже придерживавшееся тѣхъ принциповъ, которые находятъ себѣ робкое выраженіе въ Вестфальскомъ трактатѣ. Пренебреженіе къ личности, къ общественному мнѣнію и законности, матеріальная сила, признанная верховнымъ судьею во всѣхъ дѣлахъ,— все это, какъ вамъ извѣстно, составляло сущность политики Московскаго княжества. Разрушительная монгольская идея получила въ немъ широкое развитіе и далеко оставила за собою матеріалистическія поползновенія дипломатовъ, составившихъ Вестфальскій трактатъ такъ что самъ фактъ заключенія этого трактата, служитъ, какъ бы, признаніемъ московскаго кабинета представителемъ новѣйшей политики Европы; взгляды философовъ и интриги дипломатовъ роковымъ образомъ пріобщили Москву къ жизни остальныхъ европейскихъ государствъ.

О Польшѣ начинаютъ забывать. До тѣхъ поръ во всѣхъ дипломатическихъ комбинаціяхъ, основанныхъ на средневѣковыхъ традиціяхъ, кореннымъ принципомъ признавалось сохраненіе польскаго государства, какъ гарантія несокрушимости

интересовъ христіанства. Мы уже упоминали о послѣдней комбинаціи этого рода, извѣстной подъ названіемъ проекта общеевропейскаго мира Генриха IV. Но теперь Польша представляется европейскимъ государственнымъ людямъ уже чѣмъ-то страннымъ, какимъ-то устарѣлымъ предразсудкомъ христіанскаго чистосердечія.

Вслѣдствіе этого поворота во взглядахъ и торжествѣ матеріалистическихъ принциповъ, державы даже не задумываются подкопаться подъ самое существованіе славянскихъ народовъ. Изъ трехъ славянскихъ царствъ, Богемія, лишившись всякой силы дѣйствія, исчезаетъ навсегда, а Польша признается врагомъ, потому что она, оставаясь вѣрною традиціямъ, противодѣйствуетъ успѣхамъ матеріализма и стремится сохранить за собою существованіе, несовмѣстное съ новыми интересами. Дѣйствительно, государственные люди и философы прошлаго вѣка относятся съ особенною ненавистью къ этому отдѣленному уже отъ остальной Европы и почти забытому государству. Фридрихъ Великій, захвативъ у Польши нѣсколько провинцій въ послѣдніе годы своей жизни всяческй ее чернилъ и старался выставлять въ смѣшномъ видѣ. Несчастія Польши послужили ему даже сюжетомъ для шуточной поэмы, въ которой онъ воспѣлъ грабежи и звѣрства, совершенныя во время Барской конфедераціи. Екатерина, которая внѣшнимъ образомъ держала себя достойнѣе, проявляла въ частныхъ бесѣдахъ такую же ненависть. Марія-Терезія, вслѣдствіе сомнѣній религіознаго свойства, колебалась подписать трактатъ о

раздѣлѣ. Представители матеріализма, т. е. философы, находившіеся тогда во главѣ европейскаго движенія, нападали на Польшу съ тою же страстною ненавистью. Самый знаменитый изъ этихъ философовъ, Вольтеръ, даже совершалъ подлоги въ исторіи, чтобы оправдать раздѣлъ Польши; онъ поздравлялъ прусскаго короля, императрицу Екатерину и австрійскій кабинетъ съ уничтоженіемъ этого государства. Въ тоже время, онъ соболѣзновалъ объ участи евреевъ и составлялъ планы возстановленія Іудейскаго царства въ Іерусалимѣ, чтобы доказать ложность предсказанія евангелія о разрушеніи храма. Вольтера обвиняли въ томъ, что онъ былъ подкупленъ Россіею: я, съ своей стороны, думаю, что ненависть его была безкорыстна и логична и что его планъ уничтоженія Польши находился въ связи съ его планомъ возстановленія Іудейскаго царства. Изъ ненависти же къ евангелію, Гиббонъ, который не преслѣдовалъ своекорыстныхъ интересовъ въ этомъ вопросѣ, не получалъ подарковъ отъ русскаго двора и не находился въ какихъ-либо отношеніяхъ къ прусскому королю, восторгался Чингисъ-ханомъ и Тамерланомъ и, вообще, монгольскою системою. Существуетъ извѣстная связь между матеріализмомъ и системою, осуществленною сперва монголами, а затѣмъ московскими великими князьями. Чингисъ-ханъ, по исчисленіямъ одного статистика, уничтожилъ больше людей, чѣмъ всѣ войны римской республики и имперіи со включеніемъ эпохи Юлія Цезаря. А между тѣмъ, Гиббонъ удивлялся этому великому разрушителю и хвалилъ его. Судя

по этому, не трудно угадать, на чьей сторонѣ оказались бы его симпатіи, если бы онъ занялся исторіею славянъ.

Я не буду говорить вамъ о другихъ темныхъ писателяхъ, наводнившихъ книжные магазины поэмами и руссіадами всякаго рода. Этихъ нѣмецкихъ, итальянскихъ, англійскихъ и другихъ поэтовъ и философовъ привлекала какая-то таинственная сила; ихъ приковывало къ себѣ грозное могущество Россіи. Современная философія, господствующая нынѣ въ Германіи, не знаетъ другой славянской державы, кромѣ Россіи.

Я скажу нѣсколько словъ о системахъ этихъ философовъ; они васъ убѣдятъ въ чрезвычайныхъ трудностяхъ, съ которыми сопряжено изученіе славянской исторіи, написанной подъ ихъ вліяніемъ. Система, которая дѣйствуетъ нынѣ и установилась на развалинахъ другихъ философскихъ доктринъ, принадлежитъ Гегелю. Я коснусь ея лишь настолько, насколько она имѣетъ отношеніе къ занимающему насъ политическому вопросу. Я постараюсь только выяснить основную ея мысль, которая выражена у Гегеля туманно и загадочно. Его ученики, не нуждавшіеся въ томъ, чтобы затемнять его систему, даютъ намъ возможность понять и объяснить ее.

По Гегелю, Богъ, какъ духъ и какъ сила, какъ бытіе и какъ небытіе, этотъ всемірный Богъ осуществляется въ человѣкѣ. Этотъ Богъ, который развивается какъ растеніе, органическое существо, животное и ребенокъ, доходитъ, наконецъ, въ человѣкѣ до самосознанія. Проще го-

воря, нѣтъ другаго индивидуальнаго Бога, кромѣ человѣка. Мысль осуществляется въ человѣкѣ и въ немъ доходитъ до сознанія своего собственнаго бытія. Но собирательный, историческій Богъ, не довольствуясь тѣмъ, что существуетъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, которыя, будучи философами, полнѣе всего понимаютъ его идею, историческій Богъ, говорю я, воплощается въ націяхъ. По Гегелю, напримѣръ, онъ воплотился въ лицѣ короля Нисса. Затѣмъ онъ предпочелъ Грецію, гдѣ онъ, главнымъ образомъ, занялся искусствомъ и создалъ блестящую эпоху въ этомъ смыслѣ; впослѣдствіи онъ переселился въ Римъ, уже въ качествѣ Бога политическаго. Наконецъ, съ нимъ случилась новая метаморфоза и онъ принялъ форму германской націи.

Гегель не объясняетъ, въ какомъ царствѣ нынѣ пребываетъ Богъ; но, судя по его политической системѣ, не трудно угадать, что Богъ нынѣ пребываетъ въ Пруссіи. Политическій Богъ принялъ нынѣ образъ пруссака. *(Ироническій смѣхъ).*

Я нисколько не желаю представить эту систему въ смѣшномъ видѣ; но я затрудняюсь передать мысль Гегеля въ популярной формѣ. Нѣмцы любятъ прибѣгать къ неяснымъ терминамъ, имѣющимъ двоякое значеніе. Имъ поэтому не трудно придать этимъ идеямъ, которыя вамъ кажутся смѣшными, серьезный и научный характеръ. Но какъ бы то ни было, вѣрно то, что, по идеямъ Гегеля, самое совершенное состояніе, въ которомъ проявился Богъ, воплощается въ прусскомъ королевствѣ, съ его королемъ, ландтагомъ и законодательствомъ.

Послѣдователи Гегеля объясняютъ его систему на разные лады. Между ними встрѣчаются даже лица, которыя стремились слить ее съ католическимъ міросозерцаніемъ; другіе впадаютъ въ самый грубый матеріализмъ. Я, съ своей стороны, васъ познакомилъ съ ученіемъ Гегеля, какъ оно изложено въ его трудахъ.

Гегеліанцы, однако, сообразили, что Богъ въ своихъ вѣчныхъ странствованіяхъ, посѣщая самые могущественные народы, можетъ, наконецъ, чего добраго, перенести свою столицу въ славянскія земли. Встрѣчаются гегеліанцы, которые думаютъ, что Россія представляетъ собою гораздо болѣе могущественный и совершенный организмъ для воплощенія божества, чѣмъ прусское королевство. Прусская философія вовлечена въ это движеніе, которое извиняетъ все прошлое Русскаго государства и восторгается имъ, не исключая даже жестокостей Ивана Грознаго. Но если мы допустимъ, что Богъ воплощается въ данномъ народѣ, чтобы проявить свое политическое могущество, то вѣдь этотъ Богъ вправѣ сокрушить своихъ враговъ, и націи, которыя противятся Россіи и которыхъ прежде обвинили бы въ недостаткѣ политической проницательности, теперь могутъ быть прокляты за то, что оказываютъ этому божеству противодѣйствіе.

Такимъ образомъ, все политическое и философское развитіе Европы діаметрально противоположно политическому и религіозному развитію Польши.

Можно ли послѣ этого удивляться, что Польша, обособленная отъ всѣхъ остальныхъ государствъ,

упорствуя въ дальнѣйшемъ развитіи свойственныхъ ей принциповъ, не пользуясь поддержкою ни Рима, ни Парижа, подвергаясь нападкамъ со стороны всей философіи, что Польша, говорю я, стала ослабѣвать и колебаться, что она почувствовала потребность войти въ себя, чтобы распознать своихъ враговъ, и что она утратила путеводную свою нить, задумалась надъ будущею своею участью?

Философскія системы, занимающія середину между католицизмомъ и матеріализмомъ и претендующія на реорганизацію рода человѣческаго, также ссылаются на славянскіе народы, хотя онѣ находятся въ заблужденіи относительно ихъ исторіи. Сенъ-симонисты не допускаютъ національности, и, тѣмъ не менѣе, представители этого ученія возвеличиваютъ Россію, какъ носительницу могущества. Они думаютъ, что когда эта держава приметъ ихъ ученіе, то всѣ страны, которыми она управляетъ, будутъ отданы въ ихъ распоряженіе. Фурьеристы, равнымъ образомъ отвергающіе идею о національности и исторіи и стремящіеся основать новое общество, также ссылаются на славянскія націи. Насколько мнѣ извѣстно, это съ ихъ стороны единственный случай обращенія къ національности, къ государству.

Между католическими философами одинъ изъ величайшихъ мыслителей, Жозефъ де-Местръ сознавалъ несправедливость, совершенную по отношенію къ Польшѣ; онъ подозрѣвалъ народы, передававшіе ея исторію, въ невѣжествѣ; но, въ качествѣ эмигранта, преданнаго легитимизму, и предполагая,

что Русское государство покоится, исключительно, на этомъ принципѣ, онъ, правда, сожалѣлъ о Польшѣ, но его сочувствіе оказывалось безплоднымъ.

Г. Балланшъ въ своемъ «Видѣніи Гебали» придаетъ Польшѣ извѣстное значеніе. Онъ отводитъ этой странѣ мѣсто между Греціею и кельтами; по его мнѣнію, она призвана бороться противъ силы и охранять традиціи преданности. Но это только одна сторона исторіи Польши.

Я забылъ упомянуть еще объ извѣстномъ изрѣченіи Вольтера: «Мы должны ожидать теперь свѣта съ сѣвера».

Изъ всего, мною сказаннаго, вы видите, что существуетъ какой-то странный инстинктъ, какое-то общее движеніе, въ силу котораго сѣверъ привлекаетъ къ себѣ всѣ философскія системы. Философы и реформаторы стараются найти точку опоры въ славянскихъ народахъ. Это предвѣщаетъ этимъ народамъ продолжительную и великую будущность. Греки въ эпоху паденія также стремились передать свою философскую систему римлянамъ, потому что они не чувствовали себя уже въ силахъ сами осуществить ее.

Но въ славянскомъ мірѣ мы встрѣчаемъ два государства, антагонизмъ которыхъ я уже выяснилъ. Исторія этихъ государствъ и путь ихъ дальнѣйшаго развитія со времени Вестфальскаго мира самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ общимъ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ.

За послѣднее время славянскимъ народамъ пришлось сыграть выдающуюся роль, которая до сихъ поръ еще не понята и не объяснена. Какъ извѣ-

стно, во время послѣдней борьбы между прежнимъ строемъ Европы и французскою революціею, могущество Россіи опредѣлило исходъ. Извѣстно также, что Польша въ этой борьбѣ принимала сторону Запада. Эти двѣ державы заняли положеніе чрезвычайно странное, которое не мирилось съ установившимися воззрѣніями на дѣло. Такъ польская аристократія, во главѣ легіоновъ, сражалась за французскую революцію, а Россія, которая въ сущности, является представительницею разрушительнаго принципа по отношенію ко всѣмъ законнымъ правамъ, взяла въ свои руки защиту интересовъ легитимизма. Эти два народа появляются среди европейской борьбы, какъ два рыцаря съ опущенными забралами, тайну которыхъ никто еще не постигъ. Очевидно, что участь этихъ двухъ государствъ, которыя занимаютъ въ Европѣ изолированное положеніе и къ которымъ философія и реформаторы обращаются съ призывомъ, не только рѣшитъ, за которымъ изъ славянскихъ государствъ останется перевѣсъ, но, въ то же время, опредѣлитъ исходъ великихъ и жизненныхъ религіозныхъ, философскихъ и соціальныхъ вопросовъ, волнующихъ Европу. Каждое изъ славянскихъ государствъ разсчитываетъ на симпатіи и антипатіи западныхъ народовъ и ихъ философскихъ школъ.

Вамъ, вѣроятно, интересно будетъ узнать въ будущемъ году, какъ Чешское королевство, которое, будучи лишено всякой активной силы, повидимому, постепенно исчезало, начинаетъ возстанавливать свою національность и какъ

Польша, не только забытая, но неизбѣжно и роковымъ образомъ преслѣдуемая господствующею нынѣ въ Европѣ системою, противопоставляетъ этому общему нападенію идею, которую она добываетъ изъ самаго сердца національнаго своего организма. *(Громкія рукоплесканія).*

Конецъ курса, читаннаго въ первомъ году.

АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ 1841—1842.

XLII.

Гг. Приступая къ новому курсу, я считаю долгомъ выразить благодарность той части слушателей, которые присутствовали въ прошломъ году на моихъ лекціяхъ, не смотря на сухость предмета изложенія. Ибо, не говоря уже о затруднительномъ положеніи иностранца, призваннаго говорить передъ публикою, имѣющей полное право быть строгою, вы поймете, что даже лицо, болѣе талантливое и искусное, чѣмъ я, встрѣтило бы затрудненіе придать предмету, столь чуждому вашимъ понятіямъ и умственнымъ потребностямъ, интересъ, который могъ бы привлечь ваше вниманіе. Не менѣе затруднительно мое положеніе и относительно моихъ славянскихъ соотечественниковъ: они сыны отечества, состоящаго изъ нѣсколькихъ различныхъ народовъ, враждебно настроенныхъ другъ къ другу и преслѣдующихъ разнообразные интересы. Аудиторія съ такимъ

составомъ, понятно, не можетъ быть воодушевлена общими симпатіями.

Опасаясь утомить ваше вниманіе, я быстро прошелъ громадное разстояніе, отдѣляющее зачатки славянской исторіи отъ той эпохи, на которой я остановился въ прошломъ году.

Мои лекціи, можетъ быть, утомили даже моихъ славянскихъ соотечественниковъ, такъ какъ я поминутно вынужденъ переходить отъ одного народа къ другому. Вниманіе поляковъ ослабѣваетъ всякій разъ, когда я начинаю говорить о Россіи. Русскіе, съ своей стороны, упрекаютъ меня въ томъ, что я посвящаю слишкомъ много времени изученію странъ, на которыя они склонны смотрѣть, какъ на провинціи Русскаго государства. Самые скромные изъ моихъ слушателей, дунайскіе славяне, обращаются ко мнѣ, изъ отдаленныхъ частей Венгріи и Иллиріи, съ упрекомъ, что я о нихъ забываю; но по принятой мною хронологіи я вынужденъ отвести мѣсто исторіи ихъ литературы въ концѣ моего курса. Всякій разъ, когда я пріобрѣтаю право гражданства въ одной части этого собранія, я лишаюсь симпатій остальныхъ. Чужой по отношенію къ французамъ, я оказываюсь постоянно чужимъ и для большинства моихъ слушателей славянъ.

Прибавимъ къ этому, что, такъ какъ мой курсъ является чѣмъ-то въ родѣ кругосвѣтнаго плаванія, путешествія съ цѣлью совершенія открытій я часто прохожу молчаніемъ громкія имена, оставляю въ сторонѣ памятники, которые приводятъ въ восторгъ данную провинцію или націю, но ко-

торые не имѣютъ общаго значенія. Мнѣ приходилось поступать такъ, потому что я излагаю здѣсь не исторію того или другаго народа, а исторію большаго числа народовъ, и, кромѣ того, исторію ихъ литературъ. И когда я, чтобы не заблудиться въ этомъ многообразіи предметовъ, останавливаюсь и стараюсь подвести ихъ подъ общую точку зрѣнія, я вынужденъ покинуть славянъ, возвыситься до общихъ соображеній, позаимствовать у запада его философскій языкъ, чтобы привести славянскую мысль въ связь съ европейскою мыслью, ибо я призванъ говорить въ городѣ и предъ лицомъ страны, которая является представительницею Европы.

Каковы бы ни были неудобства и затрудненія, представляемыя моимъ методомъ, я вынужденъ слѣдовать ему и въ настоящемъ году.

Я займусь исторіею литературы XVII и XVIII вв. и подвергну изученію поэтическія и философскія произведенія современной литературы.

Задача моя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ становится теперь менѣе трудною, такъ какъ славянскія страны въ XVII в. сближаются съ Европою. Великое литературное и умственное движеніе влечетъ ихъ къ западу. Цари, короли, дворяне, литераторы пріѣзжаютъ во Францію, въ Англію и другія западныя страны, чтобы пріискать правительственныя и философскія системы или художественные образцы. Славянскіе народы всѣми порами воспринимаютъ европейскій духъ. На обширныхъ славянскихъ территоріяхъ образуется слой людей, которыхъ называютъ людьми цивили-

зованными, получившими хорошее образованіе и которые становятся европейцами, французами. Этотъ слой ярко блеститъ или, точнѣе говоря, отражаетъ французскій свѣтъ, потому что въ этомъ преходящемъ сіяніи національной жизни еще нѣтъ.

Было бы не трудно познакомить васъ съ произведеніями этой эпохи. Чтобы ихъ понять, не потребовалось бы подробныхъ комментарій, достаточно было бы ихъ перевести, еслибы, вообще, они стоили этого труда, будучи сами только родомъ перевода или неудачными подражаніями классическихъ произведеній временъ Людовиковъ XIV и XV. Для національной литературы эти труды совершенно безплодны, и я на нихъ останавливаться не буду. Мы приведемъ только нѣкоторыя мѣста изъ мемуаровъ того времени и разберемъ одно замѣчательное произведеніе, принадлежащее поляку.

Но славянскіе народы, подвергавшіеся такъ часто завоеваніямъ со стороны иностранцевъ и находившіеся въ XVII в. какъ бы въ нравственномъ и умственномъ плѣну у нихъ, въ концѣ концовъ, начинаютъ сами вліять на нихъ. Происходитъ какое-то внутреннее движеніе, которое выражается въ небывалой смѣлости поэтовъ и философовъ. Появляются оригинальныя произведенія, зарождается оригинальная литература, которая начинаетъ признаваться всѣми славянами общеславянскою литературою. Это странное явленіе приводитъ систематическій умъ въ смущеніе и опрокидываетъ теорію, установленную философскими школами. Вы знаете, что, въ силу

этой теоріи, всякая литература неизбѣжно начинается съ религіозной поэзіи, по большей части, лирической, сообразно съ господствующими въ обществѣ богословскими понятіями. Затѣмъ, изъ этой лирической поэзіи выдѣляется поэзія эпическая, воспѣвающая героическіе подвиги: Наконецъ, краснорѣчіе и философія, подвергая постепенно эту поэзію анализу, оставляютъ намъ, въ видѣ осадка, прозу и журналистику, — родъ caput mortuum умственнаго труда. Между тѣмъ, славяне никогда не имѣли ни общей миѳологіи, ни такихъ авторовъ, которые въ ту эпоху были бы извѣстны всѣмъ славянскимъ народамъ. Встрѣчается словакская поэзія, не имѣющая ничего общаго съ поэзіею чешскою; богатую сербскую поэзію слѣдуетъ считать явленіемъ случайнымъ: мы уже выяснили, что эта поэзія не имѣла будущности, что она составляетъ исключительное явленіе въ исторіи славянскихъ литературъ.

На послѣдней страницѣ политической исторіи славянскихъ государствъ, на послѣдней страницѣ ихъ прагматической исторіи мы встрѣчаемъ первыя строфы истинной поэзіи. Эти строфы развиваются и образуютъ вскорѣ цѣлыя поэмы.

Это великая и могучая поэзія, и даже самые строгіе критики, указывая на ея недостатки, въ тоже время признаютъ ея жизненность и способность къ дальнѣйшему развитію. Она стремится къ единству, ибо всѣ славяне признаютъ въ поэтическихъ произведеніяхъ, созданныхъ разными народами, единство славянскаго духа, который ихъ вдохновилъ. Есть уже общая идея въ этихъ по-

этическихъ твореніяхъ. Они являются первыми симптомами концентрическихъ стремленій, проявляющихся въ наши дни..

Въ послѣдніе годы царствованія императора Александра, русскому министерству удалось, около 1824 или 1825 года, преодолѣть временное противодѣйствіе монарха или нѣкоторыхъ изъ его друзей и возстановить прежнія монгольскія традиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно приступило къ разрушительнымъ мѣрамъ по отношенію къ польской конституціи. Польскій сеймъ, представитель политическихъ интересовъ прошлаго, отгадалъ намѣренія русскаго правительства и началъ ему оказывать пассивное, но непреодолимое противодѣйствіе. Онъ придерживался систематической оппозиціи, самой ужасной, какая когда-либо тормозила дѣятельность конституціоннаго правительства. Это предвѣщало борьбу на жизнь и смерть, и съ обѣихъ сторонъ къ ней подготовлялись. Сеймъ и не думалъ вызывать взрыва, котораго онъ опасался, потому что хорошо сознавалъ могущество Россіи. И вотъ, къ великому удивленію русскаго министерства и даже людей, которые руководили политическимъ движеніемъ поляковъ, въ первый разъ въ исторіи славянскихъ народовъ русскіе и поляки вступаютъ въ заговоръ и вооружаются во имя общаго дѣла, во имя одной идеи, которую они, правда, только смутно предугадываютъ и сами не могутъ точно опредѣлить. Впервые тогда появилась эмблема единства, печать съ двѣнадцатью подраздѣленіями, соотвѣтствовавшими двѣнадцати славянскимъ народностямъ. Эта печать вызвала удивленіе и смѣхъ

слѣдственной коммиссіи и ея искуснаго докладчика. Однако, въ славянской публикѣ уже обращались произведенія, которыя вполнѣ разъясняютъ смыслъ этой печати: въ исторіи литературы, въ поэзіи уже наблюдалось тоже концентрическое движеніе. Люди, наименѣе опасные, археологи, антикваріи, болѣе, чѣмъ когда-нибудь, настаиваютъ на необходимости вернуться къ первобытнымъ временамъ славянской жизни. Они доказываютъ, что разнообразные языки славянскихъ народовъ составляютъ, собственно, одинъ языкъ. Раньше уже появился «Общеславянскій словарь». Теперь появляется «Общая исторія славянскихъ литературъ».

Во всемъ ищутъ этой общности. Русскіе и польскіе поэты стараются избѣгать всякаго повода къ взаимному раздраженію. Они перестаютъ воспѣвать героевъ XVI в. Русскіе не прославляютъ болѣе Ивана Грознаго, Петра Великаго, Екатерину II, а поляки, съ своей стороны, не воспѣваютъ побѣдителей русскихъ городовъ и царей: они воспѣваютъ домашнюю жизнь. Въ поэмахъ Бродзинскаго славяне узнаютъ другъ друга: вездѣ у нихъ одинаковые нравы и обычаи, и жители всѣхъ славянскихъ деревень отъ Одера до Камчатки походятъ другъ на друга.

Украйна — страна, раздѣляющая Польшу и Россію — становится мѣстомъ свиданія поэтовъ. Этотъ край, населенный народомъ, который никогда не жилъ самостоятельною политическою жизнію, исторія котораго входитъ, какъ составная часть, въ исторію Россіи и Польши, въ жилахъ которыхъ течетъ смѣшанная кровь и герои котораго, бывшіе

то побѣдителями, то побѣжденными въ борьбѣ съ русскими и поляками, въ равной мѣрѣ интересуютъ оба народа. Эта нейтральная полоса становится почвою, на которой польскіе и русскіе поэты (Залескій, Пушкинъ, Рылѣевъ, Гощинскій) воспѣваютъ однихъ и тѣхъ же героевъ; какой-то критикъ замѣтилъ, что, соединивъ эти пѣсни, можно было бы составить великолѣпную казацкую поэму.

Дѣйствительно, поэты уже предназначаютъ свои произведенія для одного народа; ни поляки, ни русскіе не могли болѣе отговариваться незнаніемъ языка сосѣда. Наконецъ, славянскій поэтъ Колларъ выпустилъ въ свѣтъ, посвященную вопросу дня, брошюру, которая пріобрѣла громкую извѣстность. Въ этомъ трудѣ о взаимности, общности, если можно такъ выразиться (я не могу подъискать слова, которое точно передавало бы мою мысль), о взаимныхъ отношеніяхъ между славянскими писателями, онъ признаетъ долгомъ всѣхъ славянъ знакомиться съ славянскими нарѣчіями и литературами. Чтобы никого не обидѣть, Колларъ издалъ свой трудъ на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

Намъ остается объяснить странный фактъ появленія литературы, которая расцвѣла на могилѣ нѣсколькихъ народовъ, на могилѣ прежнихъ славянскихъ системъ.

Россія и Польша развивались, находились въ постоянной борьбѣ между собою и старались доставить торжество свойственнымъ имъ идеямъ. Польша, въ эпоху Ягеллоновъ, установила у себя глубокую и великодушную политическую систему,

основанную на христіанствѣ, вѣрности и милосердіи; но у нея не хватило силъ осуществить ее. Западъ отказалъ ей въ необходимой нравственной поддержкѣ; протестантизмъ разобщилъ его съ Польшею. Тогда въ этой странѣ настала анархія, которая возникаетъ вездѣ, гдѣ чувствуется потребность въ новой идеѣ. Польша ощущала эту потребность; она искала новый путь. Она не могла принять ни одной изъ тѣхъ формъ, которыя ей предлагалъ западъ. Она не желала превратиться въ монархію на подобіе созданной Людовикомъ XIV; не могла она также и принять философію XVIII в.; она заняла выжидательное положеніе и противопоставляла всѣмъ поползновеніямъ на нее одинаковое сопротивленіе, напоминая въ этомъ отношеніи еврейскій народъ, который, какъ вамъ извѣстно, не будучи въ состояніи побѣдить идолопоклонничество, никогда, однако, не поклонялся кумирамъ. Россія, съ своей стороны, становилась все могущественнѣе по мѣрѣ того, какъ Польша падала: она черпала новыя силы въ общемъ упадкѣ христіанства и въ азіатскомъ духѣ, изъ котораго она усвоила все то, что было въ немъ жизненнаго, и затѣмъ, обративъ въ свою пользу идеи XVIII в., преодолѣла всѣ препятствія и осталась побѣдительницею. Но мы уже отмѣтили колебанія въ политикѣ императора Александра. Мы упомянули объ объединительномъ заговорѣ 1825 г. и о тѣхъ симптомахъ, которые указываютъ на то, что прежняя русская политика начинаетъ встрѣчать сопротивленіе гораздо болѣе опасное, чѣмъ можно было ожидать.

Богемія была побѣждена и завоевана Австріею; вслѣдствіе этого, ей пришлось обратить свои взоры на славянскихъ своихъ соплеменниковъ, опереться на славянскіе народы и отречься отъ всѣхъ сепаративныхъ тенденцій. Съ конца прошлаго столѣтія, Польша, стремясь къ новой формѣ существованія, вызывала общую тревогу. Богемія придумывала теоріи; Польша придавала имъ устойчивость.

Русское правительство, какъ я уже замѣтилъ, вынуждено пріостановиться на своемъ пути; ему придется опереться на общественное мнѣніе, которое все болѣе склоняется въ пользу объединительныхъ стремленій. Выдержками изъ историковъ и поэтовъ и другими проявленіями русскаго общественнаго мнѣнія мы докажемъ, что происходитъ поворотъ, перемѣна что встрѣчаются симпатіи, которыя предвѣщаютъ другую будущность.

Наконецъ, для всѣхъ славянскихъ земель насталъ нынѣ моментъ торжественнаго ожиданія. Всюду стремятся къ новой общей идеѣ. Въ чемъ будетъ заключаться эта идея? Будутъ ли славянскіе народы увлечены Россіею на путь завоеваній? Или же они послѣдуютъ за поляками въ смѣлыхъ поискахъ этого народа за будущностью, которую русскіе называютъ грезою, чехи—утопіей, но которая, собственно, является идеаломъ? Не согласятся ли обѣ стороны на нѣкоторыя уступки? Будетъ ли найдена формула, которая удовлетворитъ потребностямъ, интересамъ и стремленіямъ всѣхъ этихъ народовъ? Какъ славянинъ и какъ свидѣтель движенія, волнующаго умы и сердца запада, я чувствую неодолимое вле-

ченіе къ этому важному вопросу, который, однако, мнѣ придется изслѣдовать только въ концѣ моего курса. Мнѣ кажется, что это единственная часть моего курса, которая будетъ имѣть для французовъ интересъ дня, такъ какъ и западъ находится въ ожиданіи. Всѣ философы утверждаютъ, что мы переживаемъ переходное время. По мнѣнію однихъ публицистовъ, настанетъ эпоха реставраціи; по мнѣнію другихъ, — эпоха возрожденія. Но всѣ вѣрятъ въ родъ всеобщаго превращенія. Вашимъ поэтамъ эта эпоха представляется сумерками, и они спрашиваютъ себя, что принесетъ съ собою утро? Будетъ ли это заря новой жизни или закатъ угасающаго міра? Одинъ изъ вашихъ величайшихъ поэтовъ сказалъ: «Я ничего не отрицаю, ничего не утверждаю.» Идея, которую западъ старается родить и которую славяне также ожидаютъ, можетъ оказаться общею для всѣхъ народовъ.

Иногда случается, что въ эпоху, когда наука приближается къ новому важному открытію, когда всѣ предвидятъ переворотъ во взглядахъ на природу и человѣчество, неизвѣстный человѣкъ, чуждый наукѣ, работающій внѣ ученыхъ обществъ и академій, опережаетъ естественное развитіе научныхъ изслѣдовавій. Коперники, Колумбы, Монголфье дѣлаютъ открытія, поражающія академіи и ученыя корпораціи.

Наша задача состоитъ въ томъ, чтобы объяснить вамъ, по мѣрѣ возможности, идею, къ которой стремятся славянскіе народы. Она до сихъ поръ еще не формулирована ясно. Мы постараемся тщательно собрать признаки, которые указываютъ намъ

пункты на горизонтѣ, откуда появится новый свѣтъ. Если вы даже не примите ни одной изъ славянскихъ идей, вамъ, все-таки, полезно будетъ ознакомиться съ ними, потому что всякій разъ, когда новая идея проявляется въ мірѣ, Провидѣніе избираетъ себѣ народъ для ея осуществленія. Римская богиня побѣдила всѣхъ языческихъ боговъ и заключила ихъ въ Пантеонѣ. Франція создала всю католическую Европу, и всѣ великія націи нашего материка, за исключеніемъ Россіи, организовались по ея образцу. Если идея сама въ себѣ заключаетъ власть законодательную, то находится всегда народъ, который служитъ для нея властью исполнительною. Поэтому вамъ интересно будетъ узнать, которая изъ свойственныхъ и дорогихъ вамъ идей легче всего можетъ завоевать себѣ симпатіи обширнаго славянскаго міра. Несомнѣнно, идея, къ которой примкнетъ этотъ міръ, будетъ имѣть много шансовъ на побѣду. Будетъ ли это идея фурьеристовъ, комунистовъ или соединеннаго человѣчества по Пьеру Леру? Я теперь не обсуждаю этого вопроса, но, предвидя важное его значеніе, я, въ тоже время, сознаю всѣ трудности и, откровенно говоря, нравственныя опасности моего положенія.

Чтобы вы могли понять, какое значеніе имѣетъ литература для славянъ въ настоящее время и какая роль ей предстоитъ въ будущемъ, вамъ надо вспомнить времена регентства, эпоху Людовика XV и первые годы царствованія Людовика XVI. Тогда на литературѣ также лежали весьма многообразныя обязанности; она замѣняла собою христіанскую каѳедру, которая, къ несчастію, не при-

нимала участія въ соціальномъ движеніи; она предшествовала журналистикѣ и составляла родъ ассоціаціи интеллигентныхъ умовъ. У славянъ, въ настоящее время, литература исполняетъ тѣ же функціи. Но ее сдерживаетъ надзоръ, несравненно болѣе суровый, чѣмъ надзоръ вашихъ судовъ или парламентовъ временъ Людовиковъ XV и XVI. Она работаетъ въ виду Бастиліи или, лучше сказать, въ самой Бастиліи. Желаніе говорить и быть выслушаннымъ возрастаетъ въ соотвѣтствіи съ гнетомъ, тяготѣющимъ надъ умами. Поэтому вамъ трудно себѣ представить, какія надежды славяне возлагаютъ на учрежденіе этой каѳедры. значеніе которой они, правда, сильно преувеличиваютъ; они смотрятъ на нее, какъ на трибуну, какъ на знамя, почти, какъ на военный постъ.

У насъ существуетъ народное преданіе о духахъ, блуждающихъ въ мірѣ и обреченныхъ на безмолвіе. Того, кто займетъ эту каѳедру, толпа этихъ духовъ будетъ то поддерживать, то осаждать. Славяне, еще не злоупотреблявшіе словомъ, видятъ въ немъ основную силу. Они воображаютъ, что достаточно произнести слово, чтобы за нимъ послѣдовало дѣло. У нихъ столько накопилось на душѣ! Они думаютъ, что стоитъ только подсказать слово Франціи, чтобы грозное могущество ея духа немедленно привело его въ исполненіе. Ихъ даже удивляетъ, что до сихъ поръ это установленное уже, по ихъ мнѣнію, собесѣдованіе между славянскимъ духомъ и духомъ великой націи не даетъ результатовъ. Толпа безмолвныхъ духовъ, о которой я упомянулъ, подсказываетъ и мнѣ разныя

соображенія. Объясните цивилизаціонную миссію русской имперіи, говоритъ мнѣ русскій духъ; перечислите основанныя русскимъ правительствомъ установленія и совершенныя по его приказанію научныя изслѣдованія и открытія; подчеркните, въ особенности, нашу способность совершать постоянныя завоеванія, удерживать ихъ за собою и давать имъ организацію. Эта способность имѣетъ важное значеніе въ эпоху, склонную къ разрушенію. Но русскій духъ знаетъ, что ему можетъ противопоставить духъ польскій; какія права послѣдній имѣетъ на ваши симпатіи и на ваше исключительное вниманіе, — объ этомъ, господа, я не буду распространяться, потому что Польша нашла у васъ краснорѣчивыхъ защитниковъ, даже въ вашихъ политическихъ собраніяхъ.

Среди этого столкновенія страстей и интересовъ, вы мнѣ позволите выяснить положеніе славянскаго профессора, какъ я его понимаю.

Прежде всего, я думаю, что, къ какой бы національности человѣкъ ни принадлежалъ, онъ долженъ служить истинѣ, работать въ интересахъ истины, т. е. праваго дѣла (пусть каждый думаетъ, что его дѣло является дѣломъ правымъ) и человѣчности. Вотъ почему древніе называли изученіе литературы studia humaniora, studia humanitatis. Мы не можемъ довольствоваться въ нашемъ преподаваніи одною эрудиціею: это значило бы ставить слишкомъ низко лицъ, насъ слушающихъ, это значило бы не относиться съ достаточнымъ уваженіемъ къ нашей миссіи и забывать интересы націи, учредившей эту каѳедру. Поэтому мы

считаемъ себя обязанными изучать, по мѣрѣ силъ и способностей, вопросы, которые намъ представляются полезными для Франціи и которые, въ настоящее время, должны занимать и интересовать французское общество.

Что же касается до славянъ, то, по моему мнѣнію, обязанность профессора совпадаетъ съ ролью преданнаго и добросовѣстнаго докладчика, излагающаго свой предметъ въ интересахъ справедливости передъ просвѣщеннымъ судомъ. Прежде всего, надо отрѣшиться отъ предубѣжденій, проникнуться жизнью, одухотворяющею славянскую исторію и памятники; надо, въ нѣкоторомъ родѣ, воспринять всѣ лучи, чтобы вѣрно ихъ отражать и представить точную картину, въ которой авторъ или народъ могли бы себя узнать. Тотъ, кто пишетъ и работаетъ для истины, будетъ поощренъ, узнавъ себя въ этой вѣрной картинѣ, а лучшее средство бороться противъ фальши и зла состоитъ въ томъ, чтобы противопоставлять имъ незапятнанный щитъ истины.

XLIII—XLIV.

(Приступая къ изложенію славянской литературы XVII и XVIII вв., Мицкевичъ останавливается, для начала, на запискахъ Пасека, характеристика которыхъ занимаетъ всю XLIII лекцію и значительную часть XLIV-ой. Сдѣлавъ изъ этихъ записокъ обширныя выдержки, въ которыхъ описываются засѣданія польскаго сейма, онъ сопровождаетъ ихъ слѣдующими соображеніями:)

Для современныхъ избирателей другихъ странъ картина эта имѣетъ политическій интересъ. Нельзя не удивляться зрѣлищу, какое представляетъ страна, управляемая 50, 60 и даже 100,000 людьми, собирающимися для обсужденія важнѣйшихъ государственныхъ и экономическихъ вопросовъ.

Мы изложили исторію сейма. Онъ удивлялъ иностранцевъ, которые, привыкнувъ къ порядку, смотрѣли на польскую конституцію, какъ на проявленіе анархіи. Впослѣдствіи, я надѣюсь, намъ удастся занять точку зрѣнія, съ которой можно будетъ обнять всю совокупность этихъ явленій. Представляясь на видъ анархіею, они, какъ мы увидимъ, выражали извѣстную идею и имѣли очень опредѣленное значеніе.

Когда даже прекрасно организованная армія находится въ походѣ, когда ея баталіоны и эскадроны перекрещиваются на тысячу ладовъ, она имѣетъ хаотическій видъ для всѣхъ, за исключеніемъ полководца или лицъ, знающихъ планъ военныхъ операцій. Мы хорошо помнимъ все, что говорилось о несовершенствахъ системы, установленной въ Польшѣ при выборахъ короля; но польскій народъ всегда старался сохранить ее. Между тѣмъ, было такъ просто устранить невыгодныя ея стороны, которыя всѣми вполнѣ сознавались: наслѣдовать королю могли его сыновья и родственники. Стоило, слѣдовательно, только возвести на престолъ монарха, имѣвшаго многочисленное семейство.

Дѣйствительно, король Янъ-Казиміръ самоотверженно отрекся отъ короны, чтобы спасти го-

сударство и облегчить избраніе монарха. Короля поддерживали очень искусные и вліятельные государственные люди, а, между тѣмъ, всѣ его усилія потерпѣли крушеніе, потому что они противорѣчили идеѣ, которую составилъ себѣ народъ о выборахъ. Согласно христіанскому преданію и польской идеѣ, господствовавшей, вообще, у средневѣковыхъ народовъ, выборы имѣли совершенно иной характеръ, чѣмъ какой они носятъ теперь и который точно опредѣленъ Бентамомъ, Руссо и современными публицистами. Выборы, по понятіямъ церкви и польской націи, были дѣйствіемъ религіознымъ; на нихъ смотрѣли, какъ на непосредственное проявленіе воли божества, словомъ, какъ на чудо. Поэтому признавалось грѣхомъ принимать какія-либо мѣры, направленныя къ предрѣшенію результата выборовъ; это значило противодѣйствовать «дѣлу св. Духа». Призываніе св. Духа тогда не было пустою формальностью, какъ теперь.

Вспомнимъ о пригласительныхъ повѣсткахъ. Примасъ и только-что отрекшійся отъ престола король строго воздерживаются отъ предложенія кандидата, они дѣлаютъ призывъ къ чувствамъ націи и постоянно повторяютъ: «вы провозгласите того, на кого вамъ укажетъ Богъ.» Изъ записокъ того времени легко убѣдиться, что такова, именно, была національная идея, носительницею которой служила мелкая шляхта. Какъ же могли король и архіепископъ, обращаясь къ народу съ пригласительными повѣстками, предложить ему готоваго кандидата, котораго они рѣшились провести про-

тивъ воли св. Духа и въ ущербъ интересамъ націи! Неудивительно поэтому, что всѣ раціональныя мѣры, которыя хотѣли тогда принять, встрѣчали энергическое противодѣйствіе.

Европа, между тѣмъ, продолжала развиваться въ другомъ направленіи и стремилась установить чисто-раціональныя правительства. Король, архіепископъ, дипломаты, съ своей стороны, усиливались организовать польское государство, сообразно съ идеями XVI и XVII вв.; но нація упорно отстаивала традиціонную свою систему. Такимъ образомъ, между представителями государственной власти, дипломатами, вообще, людьми цивилизованными и массою населенія произошелъ разрывъ.

Этотъ вопросъ находится въ связи съ вопросомъ о королевской власти. Проявляется стремленіе обосновать и эту власть на раціональныхъ началахъ: хотятъ, напримѣръ, образовать партіи, покупать голоса. Это дозволительно въ государствѣ, основанномъ на раціональныхъ началахъ, такъ какъ на современные выборы смотрятъ, какъ на комбинацію страстей и интересовъ, группирующихся вокругъ даннаго имени. Въ Польшѣ стремились сгруппировать страсти и интересы вокругъ иностраннаго или польскаго кандидата на престолъ. Но какъ было достигнуть этого? Разъяснить народу опасности, представляемыя выборами? Но можно-ли было напугать людей, въ родѣ того краковскаго кастеляна, который любилъ слушать, какъ пули свистѣли вокругъ его головы, и который требовалъ, чтобы засѣданія сейма отбывались на лошадяхъ, въ полномъ вооруженіи? Какъ было ку-

пить голоса мелкой шляхты, предоставлявшей своихъ лошадей и оружіе королю, котораго она раньше никогда не видѣла и впредь не должна была увидѣть! Слѣдовательно, въ Польшѣ не было эгоистическихъ интересовъ и раціональныхъ элементовъ, опредѣлявшихъ характеръ выборовъ въ остальной Европѣ.

Королямъ, однако, иногда удавалось добиться обширной власти. Стефанъ Баторій былъ истиннымъ королемъ и заставлялъ дрожать магнатовъ, мало заботясь о теоріи королевской власти. Висневѣцкій, безъ друзей, родныхъ, располагая доходомъ всего только въ 5000 фл., добился престола, и шляхта готова была наказать всякаго, кто осмѣлился бы его оскорбить. Янъ Собѣскій былъ также настоящимъ монархомъ, когда стоялъ во главѣ своей арміи подъ стѣнами Вѣны. Но нація отказалась отъ него, какъ только онъ, желая создать противовѣсъ республиканскимъ стремленіямъ, возъимѣлъ прискорбную мысль создать изъ Молдавіи и Валахіи княжества и предоставить ихъ своимъ сыновьямъ, чтобы проложить имъ дорогу къ престолу.

Идея объ участіи св. Духа при выборахъ короля служила источникомъ почета, окружавшаго престолъ польскаго короля и его власть; этимъ же объясняется, почему самые гордые и честолюбивые магнаты, противорѣчившіе королю на сеймѣ, произносили даже у себя дома его имя не иначе, какъ вставъ и приложивъ руку къ шапкѣ. Однажды даже случилось, что когда конфедераты вели войну съ своимъ саксонскимъ королемъ и

распространился слухъ о его смерти, солдаты, сражавшіеся съ королемъ, заставила шляхтича, неуважительно отозвавшагося о королѣ, стать, по старинному обычаю, *на четвереньки* и просить прощенія у оскорбленной королевской власти.

Такимъ образомъ, когда представлялась необходимость въ сильной власти или даже только въ финансовыхъ средствахъ, приходилось обращаться къ великодушію и религіозности націи. Власть покоилась, исключительно, на энтузіазмѣ.

Но какъ было организовать страну на столь шаткомъ основаніи? Можно ли возводить въ систему и примѣнять конституціоннымъ образомъ энтузіазмъ, т. е. чувство скоропреходящее и зарождающееся внезапно? Мыслимо-ли разсчитывать на то, что это чувство окажется достаточно сильнымъ въ данный моментъ? Исторія знаетъ войны, вызванныя энтузіазмомъ: таковы крестовые походы, тридцатилѣтняя война, войны временъ французской революціи. Но можно ли создать государство, которое жило и дышало бы только этимъ чувствомъ? Такого государства еще никогда не было; появится ли оно въ будущемъ? Можетъ ли оно, вообще, появиться? Отрицать этого нельзя; прошедшее не даетъ права предрѣшать будущее. Этотъ вопросъ, который покажется иностранцамъ празднымъ, чрезвычайно важенъ для славянъ, потому что отъ него зависитъ будущность Польши.

XLV—XLVII.

(Продолжая изучать исторію и литературные памятники славянъ XVII и XVIII вв., Мицкевичъ

въ слѣдующихъ лекціяхъ подробно описываетъ осаду шведами Ченстохова, какъ примѣръ, иллюстрирующій то положеніе, что «вѣра въ непосредственное вліяніе невидимаго міра на міръ видимый служитъ» нравственною и политическою силою Польши, разъясняетъ мѣстничество въ смыслѣ «остатка славянскихъ чувствъ» въ ихъ борьбѣ съ европейскими идеями, останавливается на значеніи «veto» польской шляхты, и затѣмъ приступаетъ къ характеристикѣ царствованія Петра Великаго).

XLVIII.

Начиная съ царствованія Петра Великаго, русская политика поглощаетъ жизнь славянскихъ странъ. Въ самомъ началѣ XVIII в. она овладѣваетъ Польшею и приводитъ въ движеніе всѣ славянскіе народы съ устьевъ Дуная до Черногоріи: она одна выдаетъ себя за славянскую.

Намъ надо убѣдиться, дѣйствительно ли она носитъ этотъ характеръ и дѣйствительно ли литературныя произведенія, внушенныя русскимъ правительственнымъ духомъ, могутъ считаться славянскими.

Мнѣ придется часто повторять формулу, въ которой резюмируется все прошлое этой страны. Я напомню вамъ, что, со времени возникновенія Московскаго княжества, политика его князей постоянно была направлена къ поглощенію всѣхъ жизненныхъ элементовъ провинцій и сосредоточенію ихъ въ особѣ князей.

Такъ, справившись съ князьями и населеніемъ

Новгорода, Твери, Пскова и т. д., управленіе которыми было поручено московскимъ боярамъ, дѣйствовавшимъ отъ имени князей, они обрушились на этихъ бояръ и сокрушили ихъ при помощи стрѣльцовъ, т. е. регулярной арміи московскихъ князей. Стрѣльцы, въ свою очередь, были сокрушены новою арміею, составленною изъ русскихъ, но находившеюся подъ командою иностранцевъ, которые, будучи обязаны своимъ положеніемъ монарху, служили, такъ сказать, продолженіемъ его воли. Это дѣло разрушенія и поглощенія завершается царствованіемъ Петра Великаго.

Петръ приступаетъ уже къ созиданію. Онъ, такъ сказать, охватываетъ своими идеями всю страну, создаетъ военную и гражданскую іерархію, является уже не одинъ, а во множествѣ лицъ. Самымъ могущественнымъ орудіемъ служитъ ему армія. Я не стану излагать вамъ здѣсь исторію русской арміи или знакомить васъ съ технической стороной ея организаціи; намъ важна ея основная идея, потому что изъ ея среды вышла русская литература. Почти всѣ литераторы служили въ этой арміи. Даже и нынѣ она составляетъ русскую читающую публику: она судитъ и даетъ тонъ литературѣ. При ея содѣйствіи удалось замѣнить малорусское нарѣчіе современнымъ великорусскимъ. Исторія ея литературы, слѣдовательно, очень интересна.

Какъ извѣстно, всѣ европейскія арміи происходятъ отъ прежняго рыцарства. Дисциплину этой арміи облагороживали идеи и воспоминанія монашескаго рыцарства, послѣднимъ остаткомъ кото-

рыхъ служитъ военная честь. Таковы были арміи, по крайней мѣрѣ, по сю сторону Альповъ, вплоть до тридцатилѣтней войны, когда Валленштейнъ и другіе нѣмецкіе полководцы внесли въ нихъ новый духъ. Съ тѣхъ поръ полководцы стали смотрѣть на военное званіе, какъ на поприще для достиженія почестей, а солдаты — какъ на ремесло.

Петръ Великій создалъ свою армію изъ нѣмецкихъ элементовъ. Онъ управлялъ ею при помощи терроризма. Онъ самъ первый подчинился воинскому уставу. Представьте себѣ, что долженъ былъ испытывать солдатъ-славянинъ, видя, какъ грозный монархъ подчиняется командѣ нѣмецкаго офицера! На послѣдняго смотрѣли, какъ на какого-то колдуна, заставляющаго съ палкою или маленькою шпагою въ рукѣ маршировать самого императора. Все было ново въ этихъ офицерахъ, даже покрой ихъ одежды, даже сукно ихъ мундира, который крестьяне видѣли впервые и до котораго они дотрогивались съ чувствомъ суевѣрнаго страха. Золото и серебро, блестѣвшія на ихъ эполетахъ и шарфахъ, поражали крестьянъ, прежде видѣвшихъ эти драгоцѣнные металлы только въ церквахъ. Словомъ, русскій генеральный штабъ производилъ на солдатъ такое-же впечатлѣніе, какое производитъ, напримѣръ, на набожнаго человѣка крестный ходъ.

Трудно составить себѣ понятіе о почтеніи и страхѣ, какіе внушалъ такой офицеръ своимъ солдатамъ. Прибавьте къ этому драконовскій воинскій уставъ, отдававшій жизнь солдата въ безусловное распоряженіе его начальника.

Армія эта состояла изъ окрестныхъ жителей Москвы съ примѣсью иноземныхъ элементовъ. Затѣмъ кадры были переведены въ Петербургъ; въ нихъ включили финское населеніе, о которомъ мы уже упоминали, когда коснулись вопроса о вліяніи духа этого народа на славянъ. Такимъ образомъ, крестьяне Московской, Архангельской, Новгородской губерній образовали зерно новой арміи. Населеніе этихъ губерній, т. е. тогдашней Великороссіи, во многомъ отличается отъ всѣхъ прочихъ славянскихъ племенъ. Это все люди рослые и крѣпкіе, съ замѣчательными умственными способностями; они, быть можетъ, самый способный народъ въ Европѣ; но зато чувства въ нихъ мало: душа у нихъ холодная, сердце сухое; они не любятъ ни поэзіи, ни музыки, какъ южные славяне; взглядъ у нихъ какой-то совершенно особенный (extraordinaire): глаза ихъ походятъ на блестящія льдинки, и вами овладѣваетъ ужасъ, когда вы смотрите на эти бездонные (où on ne trouve pas de fond) глаза; они отражаютъ свѣтъ, но не согрѣваютъ; взглядъ русскихъ быстрый, проницательный, но не симпатичный (peu communicatif); это взглядъ не человѣка или животнаго, а насѣкомаго. Чтобы составить себѣ понятіе о немъ, надо вглянуть въ лупу на неподвижные, проницательные, блестящіе и холодные глаза насѣкомаго.

Этотъ народъ говорилъ на нарѣчіи богатомъ, какъ всѣ славянскія нарѣчія, но очень незвучномъ и непоэтичномъ. На немъ еще не писали; только при Петрѣ I оно становится языкомъ письменнымъ. Современный русскій языкъ можно назвать язы-

комъ Петра Великаго; этотъ монархъ изобрѣлъ свой алфавитъ и указомъ предписалъ его употребленіе. Языкъ этотъ сталъ языкомъ Петербурга, столицы, наполненной солдатами и чиновниками, города казармъ и присутственныхъ мѣстъ. Люди, окружавшіе императора, его полководцы, любимцы, солдаты говорили на этомъ языкѣ; администрація составляла на немъ свои бумаги, и, въ концѣ концовъ, онъ вошелъ въ общее употребленіе. Такимъ образомъ, великорусскій языкъ сталъ языкомъ оффиціальнымъ, языкомъ законодательства и командованія для нѣсколькихъ славянскихъ странъ. Онъ до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ имѣетъ только оффиціальное значеніе.

Южные славяне, малороссы, бѣлоруссы, вступая въ армію, усваивали нравы сѣверныхъ славянъ, и этимъ путемъ постепенно образовался особый классъ населенія русскихъ солдатъ. Насильственно включаемые въ армію на 20, 25, 30 и 35 лѣтъ, солдаты эти навсегда разставались съ своею родиною. Постоянно обучаясь военному искусству или находясь въ походѣ, они забывали родину, домашніе обычаи и нравы, традиціи. Полкъ становился ихъ родиною и семьею; они отождествляли себя съ исторіею своего полка и жили только его жизнію. Эта армія ничѣмъ не походитъ на европейскія арміи. Все измѣнилось въ Европѣ со временъ Петра Великаго. Кто теперь помнитъ знаменитые полки Людовика XV или исторію республиканскихъ легіоновъ и пресловутыхъ полу-бригадъ временъ имперіи? Между тѣмъ, въ Россіи полки, сформированные при Петрѣ Великомъ, продолжаютъ до сихъ

поръ носитъ прежнія свои названія; встрѣчаются такіе, которые сохранили прежнія свои знамена и даже, какъ говорятъ, прежнія каски и сабли: солдаты дорожатъ ими. На полѣ сраженія русскіе солдаты нерѣдко бросаютъ раненыхъ товарищей, чтобы спасти свои каски и сабли. Польская армія начинала уступать этимъ полкамъ; они состояли изъ болѣе сильныхъ и многообразныхъ элементовъ; страхъ спаивалъ и скрѣплялъ русскихъ, финновъ, малороссовъ, нѣмцевъ.

Тѣже начала были положены Петромъ Великимъ въ основаніи гражданскаго управленія. Онъ установилъ іерархію въ четырнадцать классовъ. Вся Россія, по его взгляду на дѣло, составляла одинъ полкъ, въ которомъ всѣ обязаны были служить. Администрація не служитъ странѣ; наоборотъ, страна служитъ администраціи, которая и является, собственно, государствомъ.

Населеніе, не включенное въ этотъ громадный полкъ, напоминаетъ собою тѣхъ служителей, которые состоятъ при англійскихъ войскахъ въ Индіи, кормятъ ихъ и ведутъ ихъ хозяйство. Лицо, находящееся на службѣ у правительства, не имѣетъ соціальнаго положенія, пока оно не получитъ чина. Даже когда оно богато, оно, какъ бы, не на мѣстѣ, напоминая собою партизана среди регулярной арміи. Съ чиномъ не сопряжена непремѣнно должность, но нельзя получить должности, не имѣя чина. Мы уже упомянули, что въ византійской имперіи была сдѣлана попытка создать іерархію на тѣхъ же началахъ. Нѣчто подобное встрѣчается и у китайцевъ, но ихъ іерархія обнимаетъ

собою только мандариновъ, между тѣмъ какъ въ России она охватываетъ все населеніе.

Несомнѣнно, это самая раціональная организація. Исходною точкою въ ней служитъ мысль, что человѣкъ имѣетъ значеніе въ обществѣ, лишь на сколько онъ усердствуетъ въ дѣлѣ служенія ему. Усердіе и старшинство одни даютъ цѣну человѣку въ Россіи. Другія внѣшнія или нравственныя соображенія не принимаются привительствомъ въ разсчетъ при оцѣнкѣ человѣка. Нигдѣ не удалось установить болѣе раціональную іерархію. Человѣкъ, поступающій на службу, всегда можетъ разсчитывать на повышеніе. До повышенія правительство поощряетъ своихъ служителей орденами, которыхъ насчитывается тридцать разныхъ степеней, отличіями, рескриптами, почетными саблями и т. д. Нигдѣ не установлено системы болѣе совершенной, въ смыслѣ удовлетворенія честолюбія и возбужденія его. Проживъ двадцать лѣтъ въ постоянной надеждѣ на повышеніе или награду, человѣкъ всецѣло поглощается этою мыслью и становится добровольнымъ орудіемъ правительства.

Съ такою іерархіею и арміею Петръ Великій сталъ напирать на Европу и началъ противъ Польши войну интригъ и подкуповъ, которая предшествовала насиліямъ его преемниковъ.

(Конецъ этой лекціи посвященъ положенію дѣлъ въ Польшѣ и Швеціи и дальнѣйшей характеристикѣ Петра Великаго, котораго Мицкевичъ сравниваетъ, съ одной стороны, съ монгольскими ханами, а съ другой, съ французскими террористами. Касается

онъ также и такъ называемаго завѣщанія Петра Великаго, цитируя его по Анзено — Henzenot, Histoire de Russie, 1830).

XLIX.

Все, нами сказанное, даетъ ясное понятіе о причинахъ, препятствовавшихъ успѣхамъ науки и искусства при Петрѣ Великомъ. Современные русскіе писатели и историки повторяютъ стереотипную фразу, что Петръ былъ слишкомъ занятъ военными событіями и дипломатическими переговорами, чтобы найти досугъ для поощренія наукъ и искусства; что онъ отстроилъ зданіе, предоставляя своимъ преемникамъ заботу объ его украшеніи; что онъ создалъ силу, результатамъ которой суждено было проявиться впослѣдствіи и что онъ больше заботился о дѣлѣ, чѣмъ о словахъ.

Можно оспаривать послѣднюю мысль, принадлежащую г. Гречу и повторяемую во всѣхъ курсахъ литературы. Литература вѣдь не можетъ считаться простымъ столпотвореніемъ словъ; впрочемъ, это объясненіе русскихъ историковъ хотя и поверхностно, но, въ сущности, вѣрно. Дѣло въ томъ, что литература, какъ мы уже замѣтили, нуждается въ нравственной основѣ: чтобы ее создать, надо зажечь въ сердцахъ искру, возбудить въ нихъ чувство независимости и нравственной силы.

Между тѣмъ, вся система Петра Великаго, унаслѣдованная имъ отъ предковъ и завершенная имъ

самимъ, была, именно, направлена къ тому, чтобы искоренить всякое чувство независимости. Вотъ гдѣ источникъ безплодія русской литературы. Петръ Великій даетъ все своему народу: могущество, богатство, матеріальное благосостояніе, но подъ условіемъ, чтобы душа этого народа принадлежала ему всецѣло. Онъ походитъ на тѣхъ духовъ, встрѣчаемыхъ въ народныхъ сказкахъ, которые предлагаютъ искушаемому ими лицу все, что міръ можетъ дать, но взамѣнъ требуютъ его души. Петръ Великій, дѣйствительно, всецѣло завладѣлъ душою Россіи.

Литературное движеніе могло возникнуть въ Россіи, какъ вообще у славянъ, не иначе, какъ подъ иностраннымъ вліяніемъ.

(Выяснивъ, затѣмъ, вліяніе идей XVIII в. на Богемію (Кинскій) и Польшу (Конарскій), Мицкевичъ возвращается къ Россіи).

Духовенство въ Россіи не могло возбудить литературнаго движенія. Петръ Великій ненавидѣлъ его, чувствовалъ къ монахамъ инстинктивное отвращеніе. Это чувство ненависти встрѣчается у всѣхъ писателей XVIII в. Гиббонъ впервые понялъ исторію паденія Рима, когда случайно услыхалъ пѣніе капуциновъ въ одной изъ римскихъ церквей; онъ тутъ понялъ, что идея, носителями которой являются эти монахи, сокрушила римскую имперію. Этому случайному обстоятельству мы обязаны его исторіею. Онъ тогда принялся мстить за имперію, представлявшуюся ему идеаломъ раціонализма, и посвятилъ многочисленные свои томы борьбѣ съ христіанствомъ. Но ненависть къ капуцину была еще сильнѣе и глубже

въ Россіи. Что значилъ въ этой странѣ человѣкъ, который не служитъ императору, не имѣетъ чина, не стремится ни къ орденамъ, ни къ наградамъ, человѣкъ бѣдный и не пеняющій на свою бѣдность? Монахъ, несомнѣнно, представляетъ собою разрушительную идею для русской имперіи. А между тѣмъ, въ то время, о которомъ мы говоримъ, въ эпоху Гиббона и Петра Великаго, сами монахи уже немного походили на римскихъ воиновъ временъ паденія имперіи. Эти монахи носили бороду и рясу, какъ римскіе воины носили оружіе своихъ предковъ, не сохранивъ ихъ духа. Тѣмъ не менѣе, внѣшній видъ этихъ монаховъ пугалъ людей XVIII в., и Петръ Великій, хотя и былъ безпрерывно занятъ войнами и переговорами, успѣлъ обнародовать цѣлый рядъ указовъ, направленныхъ противъ монашескихъ учрежденій. Его любимецъ, епископъ Ѳеоѳанъ, столь восхваляемый русскими историками, былъ послушнымъ орудіемъ въ его рукахъ. Интересно прочесть его поученія и пастырскія посланія; онъ, главнымъ образомъ, напираетъ на душевную простоту и честность; онъ приглашаетъ русское духовенство не заниматься слишкомъ много отвлеченными богословскими вопросами и предлагаетъ имъ подражать первобытнымъ монахамъ, воздѣлывать поля, посвящать себя огородничеству и уходу за больными, но, въ особенности, избѣгать изслѣдованія тайнъ вѣры, чтобы предохранить себя отъ свойственной вѣку спѣси. Зачѣмъ учиться, зачѣмъ читать?

Петръ Великій запретилъ монахамъ вести лѣтописи, а затѣмъ — вещь поразительная! — запре-

тилъ имъ даже держать перья и чернила. Требовалось особенное разрѣшеніе епископа на прав[о] имѣть у себя клочекъ бумаги и перо.

И, не смотря на всѣ эти униженія, духовенство внушало извѣстный страхъ; его пытались обезоружить включеніемъ въ русскую іерархію. Такъ, епископамъ былъ данъ генеральскій чинъ, архимандритамъ — штабъ-офицерскій и т. д. Но нельзя было примѣнить той же системы къ католическому духовенству. Католическіе монашескіе ордена представляютъ такое разнообразіе по своимъ цѣлямъ и стремленіямъ, что чрезвычайно трудно было подвести ихъ подъ какую-либо іерархію. Вотъ почему католическое духовенство всегда будетъ чѣмъ-то чуждымъ для русской имперіи.

Такъ какъ вся умственная жизнь Россіи сосредоточивалась тогда въ стѣнахъ столицы, въ немногочисленномъ кружкѣ офицеровъ, окружавшихъ императора, то только изъ ихъ среды и могъ выйти писатель, призванный создать современный русскій языкъ. Этимъ человѣкомъ былъ Ломоносовъ, родившійся въ 1711 г.

Онъ былъ сыномъ крестьянина Архангельской губерніи. Какъ всѣ его соотечественники, онъ былъ очень способенъ, но, кромѣ того, у него было чувство и воображеніе. Оставивъ родительскій домъ, онъ поселился въ Москвѣ, чтобы научиться читать и писать; затѣмъ, онъ изучалъ въ Петербургѣ естественныя и математическія науки. Очень жаль, что русскіе писатели, изучая сочиненія Ломоносова, всѣ въ одинъ голосъ только повторяютъ, что онъ былъ Петромъ Великимъ русской

литературы, создателемъ ея языка, реформаторомъ своей націи, не входя въ другія подробности и, въ особенности, не оцѣнивая вліянія, которому этотъ писатель подвергся въ Германіи. Я думаю, что вольфовская философія, надѣлавшая въ то время столько шума, возбудила любопытство Ломоносова и, можетъ быть, внушила ему мысль сдѣлать для Россіи то, что Христіанъ Вольфъ сдѣлалъ для Германіи. Что же касается до поэтическихъ формъ, то Ломоносовъ заимствовалъ у нѣмцевъ только размѣръ. Во всемъ остальномъ онъ подражаетъ французамъ, напримѣръ, въ одахъ Жанъ-Батисту Руссо.

Ломоносовъ слушалъ лекціи у Христіана Вольфа, слывшаго тогда какимъ-то чудодѣемъ. Этотъ Вольфъ, человѣкъ холодный и педантичный, имѣлъ, вѣроятно, на него неблагопріятное вліяніе. Ему, быть можетъ, Ломоносовъ обязанъ холоднымъ своимъ слогомъ и прозаичностью своего воображенія.

Въ Петербургѣ Ломоносову пришлось бороться съ старою школою, представителемъ которой былъ нѣкій Тредьяковскій. Я упоминалъ уже о томъ, что въ это время въ Россіи начиналъ входить въ общее употребленіе новый языкъ, именно, сѣверно-русскій. Московско-русскій языкъ распадается на три нарѣчія. Языкъ, употребляемый въ южной Россіи, малорусскій, на которомъ говоритъ приблизительно 10 милліоновъ людей, безъ сомнѣнія, самый музыкальный, поэтическій и звонкій; но онъ не достигъ развитія, требуемаго отъ литературнаго языка. На нарѣчіи, употребляемомъ въ Бѣ-

лоруссіи, которое называютъ руссинскимъ (russien или литовско-руссинскимъ, говоритъ также 10-милліонное население; это самое богатое и чистое нарѣчіе; оно разработывалось уже давно; такъ во время независимости Литовскаго княжества, литовскіе великіе' князья пользовались имъ въ своихъ дипломатическихъ депешахъ. Великорусское нарѣчіе, на которомъ говоритъ также около 10 милліоновъ людей, если исключить финско-московское нарѣчіе, представляющее большое различіе съ нимъ, не менѣе богато и чисто, но оно лишено торжественности и наивности литовско-русскаго и гармоніи малорусскаго нарѣчія.

Во времена Ломоносова въ Петербургѣ смѣшивали всѣ три нарѣчія и къ нимъ прибавлялся еще древне-славянскій языкъ, употребляемый въ греко-московской церкви. Такимъ образомъ, не знали, какому языку отдать предпочтеніе и присвоить оффиціальный характеръ. Ломоносовъ, родившійся на берегу Бѣлаго моря и принадлежа, по происхожденію, къ великорусскому племени, избралъ свой родной языкъ. Онъ сочинилъ на этомъ нарѣчіи въ Германіи первыя строфы одной изъ своихъ одъ, которая произвела въ Петербургѣ сильное впечатлѣніе, какъ небывалая новинка. Эта знаменитая ода появилась въ свѣтъ одновременно съ сочиненіемъ Конарскаго объ истинномъ методѣ краснорѣчія.

Антагонистъ Ломоносова, Тредьяковскій, отстаивалъ сохраненіе церковно-славянскаго и малорусскаго языковъ.

(Въ видѣ примѣра, Мицкевичъ приводитъ нѣсколько

строкъ изъ одной изъ трагедій Тредьяковскаго въ переводѣ на французскій языкъ).

Чрезвычайно трудно перевести эти стихи, не возбуждая подозрѣнія въ преднамѣренномъ ихъ искаженіи. Между тѣмъ, этотъ Тредьяковскій былъ человѣкъ интеллигентный. Онъ получилъ образованіе во Франціи и сочинилъ даже французскіе стихи, которые съ успѣхомъ были помѣщены въ «Альманахѣ Музъ» (Almanach des Muses). Но, какъ русскій писатель, онъ отличается тяжеловѣсностью и безвкусіемъ. Дѣло въ томъ, что во Франціи вполнѣ разработанный языкъ облегчалъ ему выраженіе своихъ идей, а въ Россіи ему приходилось еще создавать языкъ.

Если бы русская литература вступила на путь, указанный ей Тредьяковскимъ, т. е. придерживалась бы системы Петра Великаго, она неизбѣжно усвоила бы себѣ китайскую манеру. Между отрывками трагедіи, которую я вамъ только-что прочелъ, и китайскими произведеніями замѣчается поразительное сходство.

Тредьяковскій, несомнѣнно, является поэтомъ, который лучше всего представляетъ собою духъ іерархіи, введенной Петромъ Великимъ. Но русская литература, продолжая подражать иностранцамъ, вскорѣ отрѣшилась отъ вліянія Тредьяковскаго и вдохновилась Корнелемъ, Расиномъ и, затѣмъ, нѣмецкими трагиками. Это первый, еще смутный, признакъ умственнаго отпора, — признакъ, доказывающій, что Петру Великому не удалось побороть нравственную силу націи, какъ это случилось въ Китаѣ.

L.

Вы поймете теперь, господа, почему я, приступая къ изложенію моего предмета, сказалъ, что между славянскими языками русскій является языкомъ законодательства и командованія. Вы видѣли, какъ этотъ языкъ зародился на лонѣ администраціи; онъ долго носилъ еще оффиціальную печать, и только въ эпоху Карамзина начинаетъ сказываться чувство независимости.

Я не помню, говорилъ ли я вамъ о новомъ русскомъ алфавитѣ. Петръ Великій создалъ его. Монархъ этотъ нѣкоторое время колебался, выбрать ли ему церковно-славянскій или латинскій алфавитъ, но, въ концѣ концовъ, онъ далъ предпочтеніе первому, приказавъ, однако, придать буквамъ закругленную форму по образцу латинскаго алфавита. Шрифтъ былъ отлитъ въ Амстердамѣ и имъ въ 1705 г. начали печатать въ Петербургѣ первую русскую газету.

Первая попытка сочинять на современномъ русскомъ языкѣ принадлежитъ Кантеміру. Этотъ фанаріотскій князь, сынъ молдавскаго господаря, былъ татарскаго происхожденія, провелъ молодость въ русскихъ лагеряхъ, а остатокъ своихъ дней въ Парижѣ. Россія служила ему, слѣдовательно, только оффиціальнымъ отечествомъ. Въ Парижѣ Кантеміръ близко сошелся съ Фонтенелемъ и встрѣчался у послѣдняго съ Конарскимъ, реформаторомъ польской литературы, и съ чешскими аристократами, пытавшимися тогда вызвать возрожденіе славянской

литературы. Всѣ эти реформаторы встрѣчались въ салонахъ Фонтенеля, чѣмъ и объясняются самъ характеръ движенія, равно какъ и громкая слава, которою Фонтенель долгое время пользовался на сѣверѣ.

Но истиннымъ реформаторомъ русскаго языка, устонавившимъ его формы, былъ, какъ я уже сказалъ, Ломоносовъ. Русская литература до Карамзина, т. е. до царствованія Александра I, слѣдовала пути, указанному ей Ломоносовымъ, и носила отпечатокъ, данный ей этимъ писателемъ.

Представить разборъ всѣхъ его сочиненій не входитъ въ мой планъ.

(Слѣдуетъ перечисленіе трудовъ Ломоносова. Затѣмъ, Мицкевичъ указываетъ на подражательный характеръ его музы, касается французской лирической поэзіи того времени и приводитъ одну изъ одъ Ломоносова, признавая ее вполнѣ удачною).

Но, въ общемъ, Ломоносовъ тяжелъ и скученъ. Онъ постоянно теряетъ изъ виду главный сюжетъ и дѣлаетъ длинныя историческія отступленія. Современные критики, въ томъ числѣ Мерзляковъ, замѣчаютъ, что поэтическія произведенія Ломоносова не могутъ быть переведены на другіе языки и нравиться иностранцамъ, потому что они слишкомъ однообразны.

Ломоносовъ посвятилъ до двадцати одъ рожденіямъ, побѣдамъ и бракамъ своихъ монарховъ. Мерзляковъ упрекаетъ его въ томъ, что онъ не достаточно изучилъ человѣка, вообще, т. е. былъ, исключительно русскимъ поэтомъ. Этотъ упрекъ, однако, можно сдѣлать и величайшему изъ древ-

нихъ лириковъ, Пиндару, всегда остававшемуся грекомъ и отличавшемуся однообразіемъ: онъ воспѣвалъ, исключительно, только греческія побѣды. Но Пиндаръ былъ однимъ изъ мудрецовъ своего вѣка и искренно восторгался побѣдами, которыя онъ воспѣвалъ. Между тѣмъ, Ломоносовъ, впадая внѣшнимъ образомъ въ энтузіазмъ, въ сущности, остается холоднымъ и сухимъ. Ломоносовъ и его преемники не испытали несчастій; наоборотъ, они въ поэзіи находили источникъ богатства и почестей: она открывала имъ дворцы сильныхъ міра сего; всѣ они удостоивались чиновъ и орденовъ и почти всѣ они умерли счастливыми и уважаемыми. Какъ только правительство включало ихъ въ свою іерархію, они слѣдовали по одному съ нимъ пути, воодушевлялись его идеею и посвящали ему свой талантъ. Поэты эти напоминаютъ горные потоки, которые промышленность направляетъ въ каналы и заставляетъ приводить въ движеніе механизмы на мельницахъ и заводахъ.

Насколько мнѣ извѣстно, Мерзляковъ первый рѣшился подвергнуть произведенія Ломоносова критикѣ. До него писателя этого единодушно признавали образцовымъ лирическимъ поэтомъ. Его авторитетъ, а, можетъ быть, и высокій чинъ внушали критикамъ глубокое почтеніе.

Трудно составить себѣ понятіе о томъ, какое важное значеніе русскіе критики придаютъ чину. Авторы исторій литературы старательно исчисляютъ всѣ чины и ордена писателей. Гречъ, напримѣръ, говоритъ о Ломоносовѣ: «Вернувшись въ 1744 г. въ Петербургъ, онъ былъ назначенъ адъюн-

ктомъ въ академіи наукъ; въ 1746 г., онъ получилъ званіе ординарнаго профессора; въ 1751 г., чинъ коллежскаго ассесора; въ томъ же году онъ получилъ званіе члена академіи, и т. д.; въ 1764 г., въ декабрѣ мѣсяцѣ, онъ получилъ чинъ статскаго совѣтника.» Авторъ даже перечисляетъ мѣсяцы и дни, чтобы точнѣе опредѣлить служебную карьеру Ломоносова. По отношенію къ такому видному писателю, это еще понятно; но историки поступаютъ точно также относительно очень мало извѣстныхъ дѣятелей, если только они состояли въ высокихъ чинахъ или были награждены нѣсколькими орденами. Цѣлыя страницы наполнены перечисленіемъ ихъ титуловъ, и только въ концѣ немногія строчки посвящаются ихъ трудамъ. Одинъ изъ нѣмецкихъ критиковъ, профессоръ Отто, даже превзошелъ русскихъ своихъ товарищей. Въ своей исторіи литературы онъ исключилъ комментаріи русскихъ критиковъ и сохранилъ только перечень орденовъ и чиновъ, который занимаетъ три четверти его труда.

Я скажу по этому поводу нѣсколько словъ объ одномъ русскомъ писателѣ, мало извѣстномъ въ своемъ отечествѣ и обязанномъ своею славою, исключительно, только чинамъ и орденамъ.

Въ Россіи жилъ, — впрочемъ, кажется, онъ живетъ и до сихъ поръ, — нѣкто г. Хвостовъ, писатель, лишенный солиднаго образованія и таланта, скажу прямо, совершенно невозможный литераторъ, хотя въ другихъ отношеніяхъ это человѣкъ почтенный. Этотъ г. Хвостовъ, состоя сенаторомъ и членомъ нѣсколькихъ литературныхъ обществъ и находясь

въ связяхъ съ самыми вліятельными русскими семействами, имѣетъ несчастную манію довольно часто выпускать въ свѣтъ поэтическія и прозаическія произведенія; онъ требуетъ, чтобы ихъ читали, и немногіе рѣшаются отказать ему въ этомъ, такъ какъ онъ имѣетъ чинъ *тайнаго* совѣтника. Но особенно сильно этотъ г. Хвостовъ надоѣдаетъ редакторамъ, посылая имъ безпрестанно свои произведенія. Не рѣшаясь вызвать неудовольствіе сенатора и тайнаго совѣтника, послѣдніе то отвѣчаютъ ему, что его сочиненія слишкомъ серьезны для ихъ журналовъ, то просятъ его сохранить изящныя и граціозныя его стихотворенія для петербургскаго высшаго общества, такъ какъ масса московскихъ писателей слишкомъ невѣжественна, чтобы оцѣнить ихъ по достоинству. Тѣмъ не менѣе, академіи наукъ и ученымъ обществамъ пришлось включить его въ число своихъ членовъ. На пріемѣ его въ московскую академію очень остроумному человѣку, г. Дашкову, который, насколько мнѣ извѣстно, состоитъ нынѣ министромъ, пришлось сказать привѣтственное слово. Нельзя было этого избѣжать, и г. Дашковъ рѣшился выйти изъ затрудненія, выставивъ въ надлежащемъ свѣтѣ смѣшную сторону положенія умнаго человѣка, вынужденнаго публично хвалить круглую неспособность. Принявъ это рѣшеніе, онъ произнесъ длинное похвальное слово въ честь г. Хвостова; онъ превознесъ его надъ всѣми русскими писателями, цитируя на каждомъ шагу самыя нелѣпыя и смѣшныя мѣста изъ его произведеній; такъ, напримѣръ, онъ пространно комментировалъ, если память мнѣ

не измѣняетъ, басню, въ которой рѣчь идетъ о лягушкахъ, присутствующихъ на фейерверкѣ. Г. Дашковъ получилъ за такую шутку выговоръ отъ правительства; но надъ нею много смѣялись. Нашъ злополучный авторъ и не подозрѣвалъ, что онъ былъ предметомъ мистификаціи. Онъ продолжаетъ печатать свои произведенія, и такъ какъ онъ имѣетъ чинъ тайнаго совѣтника, то постоянно находитъ читателей. Но поразительнѣе всего то, что никто не разоблачилъ эту комедію. Нѣмецкіе писатели, изучающіе славянскія литературы, пресерьезно повторяютъ ироническую похвалу русскихъ своихъ товарищей. Въ исторіяхъ славянскихъ литературъ, вышедшихъ во Франціи и въ Германіи, г. Хвостовъ занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ.

Этотъ анекдотъ показываетъ, до чего доходитъ чинопочитаніе въ Россіи; духъ независимости начинаетъ проявляться въ русской литературѣ только въ эпоху Александра I, какъ отголосокъ идей XVIII в. Идеи эти, оказавшіяся гибельными для Богеміи, которую, способствуя возникновенію схоластическаго образованія (Іосифъ II), онѣ вовлекаютъ въ матеріалистическое движеніе, и заставившія Польшу вступить на путь матеріалистическихъ реформъ, не имѣютъ никакого вліянія на русское правительство; но онѣ вызываютъ броженіе въ русскомъ населеніи, которое, благодаря имъ, постепенно выходитъ изъ состоянія умственнаго и нравственнаго застоя.

Во Франціи матеріалистическую систему XVIII в. усвоила себѣ только одна партія; въ Россіи эта система является совершившимся фактомъ, резуль-

татомъ нормальнаго развитія правительственной идеи, установившейся въ теченіе вѣковъ. Предъ лицомъ русской системы великіе учители материализма XVIII в. являются школьниками; поэтому русское правительство никогда не страшилось ни французской философіи, ни французскихъ политическихъ системъ. Философія боролась съ религіею, но въ Россіи всякое религіозное движеніе давно было пріостановлено; при дворѣ Петра Великаго, Анны Іоанновны и Екатерины II никогда не говорили о религіи. Философія противодѣйствовала вліянію, которое присвоило себѣ духовенство, но это вліяніе въ Россіи не существовало. Вольтеръ, симпатіи котораго къ Россіи увеличивались по мѣрѣ того, какъ онъ старился, поздравляетъ эту счастливую страну съ тѣмъ, что у нея нѣтъ аббатовъ. Саркастическія выходки французовъ противъ духовенства никого не оскорбляли въ Россіи. Философія осуждала аскетическую строгость нравовъ: въ Петербургѣ полная свобода нравовъ была возведена въ систему. Наконецъ, во Франціи требовали вѣротерпимости, понимая подъ нею свободу всѣхъ религій; въ Россіи эта система вѣротерпимости дѣйствовала уже со временъ Петра Великаго: протестанты, магометане, огнепоклонники и брамины пользуются въ этой странѣ полнымъ покровительствомъ власти; преслѣдуются одни только католики.

Философія XVIII в., слѣдовательно, оказалась орудіемъ въ рукахъ русскаго правительства, не представляя никакой опасности для учрежденій этой страны.

Но, тѣмъ не менѣе, французскіе и нѣмецкіе

труды, получившіе доступъ въ Россіи, содержали въ себѣ сѣмена, обѣщавшія новую жатву. Въ нихъ только и шла рѣчь, что объ улучшеніяхъ, прогрессѣ, свободѣ. Они постепенно возбуждаютъ въ русскихъ энтузіазмъ, который, принимая самыя разнообразныя формы, въ концѣ концовъ, вызываетъ на свѣтъ Божій національную литературу.

LI—LII.

Слѣдующія двѣ лекціи посвящены изложенію главныхъ историческихъ событій первой половины XVIII в.)

LIII.

Долгое время политическія событія, волновавшія Россію и Польшу, не оказывали никакого видимаго вліянія на литературы этихъ странъ. Намъ приходится по очереди заняться то Россіею, то Польшею. Затѣмъ, эти двѣ страны сливаются и составляютъ одно цѣлое.

Оставимъ на минуту Россію, угрожающую въ полной боевой готовности востоку и западу; оставимъ также и Польшу съ ея борьбою партій, кончившеюся постепеннымъ образованіемъ новой, національной партіи, и обратимся къ литературѣ, которая медленно выступаетъ на сцену подъ руководствомъ риторики.

Вторая половина XVIII в., — эпоха возрожденія сѣверныхъ литературъ. Начинается эта эпоха съ

1760 г. Вступленіе на престолъ Екатерины II и Станислава-Августа Понятовскаго служатъ главнымъ ея событіемъ; эти два монарха даютъ направленіе литературамъ своего вѣка.

Императрица Екатерина II была нѣмкою; но въ ея жилахъ текла славянская кровь. Она была принцессою ангальтъ-цербскою. Цербстъ, это ничто иное, какъ Сербиштія или Сербище, славянская страна сербовъ, онѣмеченная еще встарину; въ ней царствовалъ норманскій домъ Ангальтовъ. Принцесса Софія-Августа, впослѣдствіи прославившаяся подъ именемъ Екатерины, провела свою молодость среди гарнизонныхъ войскъ, которыми командовалъ ея отецъ. Провидѣніе, такимъ образомъ, дало военное воспитаніе принцессѣ, которой суждено было завладѣть престоломъ путемъ военной революціи. Душа ея была заранѣе подготовлена къ этой революціи. Пріѣхавъ въ Петербургъ, она тотчасъ же поняла свое превосходство надъ окружавшими ее людьми; она обладала тою тонкою проницательностью, которою отличаются сѣверные славяне; въ тоже время, упорство и неумолимость, съ которыми она преслѣдовала свои планы, составляли чисто-монгольскую черту ея характера.

Какъ объяснить себѣ это странное явленіе? Я имѣлъ уже случай замѣтить, что страны, весьма отдаленныя другъ отъ друга, нерѣдко порождаютъ совершенно тождественные характеры, что существуютъ дикія страны, въ которыхъ внезапно рождаются великіе дипломаты или полководцы; я вамъ уже сказалъ, что монгольское племя не разъ создавало такихъ исключительныхъ людей. Но какъ

могъ такой монгольскій характеръ сложиться среди чуждаго ему народа?

Если вдуматься въ исторію XVIII в. и, въ особенности, въ исторію французской революціи, то не трудно подыскать примѣры тому, что мы надѣемся доказать впослѣдствіи на основаніи другихъ данныхъ, именно фактически доказать, что монголизмъ иногда проявлялся въ самомъ сердцѣ запада, среди цивилизаціи, не имѣющей ничего общаго съ востокомъ. Подобно тому, какъ существуютъ страны, въ которыхъ зарождаются неизслѣдованныя еще ужасныя болѣзни, извѣстныя подъ названіемъ *эпидемій*, есть и такія, которыя порождаютъ нравственныя эпидеміи. Въ другихъ странахъ по временамъ появляются отдѣльныя личности, зараженныя этою болѣзнію. Не встрѣчались ли и не встрѣчаются ли до сихъ поръ въ Европѣ, въ совершенно благополучное время, чумные и холерные больные? По-видимому, крайняя развращенность, сопровождающая, такъ называемую, цивилизацію, вызываетъ спорадическіе случаи нравственной болѣзни, аналогической болѣзненному состоянію, которое присуще нѣкоторымъ азіатскимъ племенамъ. Въ XVIII в. встрѣчаются случаи настоящаго монголизма. Екатерина II была монголкою не по національности, но по свойству своего духа, по своему воспитанію и какъ носительница принциповъ XVIII в.; она осуществила идеалъ этой эпохи полнѣе, чѣмъ кто-либо другой. Въ этой женщинѣ состоялся таинственный союзъ между философіею ея времени и системою московскихъ князей, представителями которой являются

Иванъ Грозный и его преемники. Въ ней холодная и чисто-разсудочная цивилизація оказалась привитою къ славянской душѣ.

Она пріѣхала въ Петербургъ властвовать надъ обществомъ, которое было вполнѣ подготовлено къ принятію ея. Дворцовая революція была только постановкою на сцену пьесы, въ которой она разыграла роль героини; но такъ какъ она предприняла эту революцію подъ предлогомъ возстановленія господства славянскаго народа и такъ какъ она свергла съ престола своего супруга, нѣмца, нормана, то ей пришлось придерживаться началъ Елизаветы и покровительствовать не только наукамъ, которымъ всѣ прежніе монархи оказывали покровительство, но и искусству и литературѣ. Ея супругъ, Петръ III, былъ чѣмъ-то въ родѣ Карла XII и Августа II; онъ былъ побѣжденъ болѣе могущественною силою, олицетвореніемъ принциповъ XVIII в.

Польскій король Станиславъ-Августъ, любимецъ Екатерины, представлялъ полную противоположность съ нею: у него была прекрасная и благородная душа, доброе сердце; но онъ былъ избалованъ и развращенъ. Хотя онъ воспитывался среди французскихъ энциклопедистовъ, но сохранилъ извѣстную душевную наивность и пылкость, которыя располагали къ нему поляковъ. Однако, у него не хватило нравственной силы, чтобы противостоять вліянію Екатерины, въ которую онъ влюбился не на шутку. Семейство Чарторыскихъ всячески старалось привлечь его на свою сторону, объясняя ему планы, внушенные раціональною,

глубокою и настойчивою политикою, а онъ, тѣмъ временемъ, писалъ любовныя письма къ императрицѣ Екатеринѣ II. Этотъ несчастный король оставилъ мемуары, писанные на французскомъ языкѣ. Изъ нихъ видно, что онъ проникся романическими идеями своего вѣка: онъ хотѣлъ быть героемъ по образцу героевъ Ж. Ж. Руссо съ примѣсью нѣкоторыхъ идей Вольтера. Такой человѣкъ неизбѣжно долженъ былъ пасть жертвою искусства Екатерины II, которая, не смотря на молодые свои годы, была старше своихъ министровъ-стариковъ, старше XVIII в. Отъ нея сохранились письма, писанныя на французскомъ языкѣ; письма эти признаются литераторами образцовыми въ стилистическомъ отношеніи. Екатерина обладала высшею мѣрою той хитрости и злости проницательнаго и быстраго ума, которыми отличается корреспонденція Вольтера въ преклонные годы. Между тѣмъ, Екатерина писала эти письма, когда ей было всего тридцать лѣтъ.

Въ это время родились два человѣка, которыхъ можно считать представителями тогдашняго литературнаго движенія: у поляковъ, въ 1733 г., Нарушевичъ; у русскихъ, въ 1743 г., Державинъ. Мы начнемъ съ Державина, который имѣлъ большое вліяніе на свое время и, смѣло можно сказать, оставался хозяиномъ на русскомъ Парнассѣ вплоть до Карамзина.

Державинъ родился въ Казанской губерніи и былъ сыномъ полковника, происходившаго отъ татарскаго муллы. Онъ даже кичился своею татарскою генеалогіею. Находясь долго въ военной

службѣ, онъ говорилъ на томъ языкѣ, который начинается съ Петра Великаго и которому суждено было получить столь широкое распространеніе: онъ говорилъ на казанскомъ нарѣчіи, составлявшемъ родъ финско-русскаго нарѣчія. Такъ какъ онъ читалъ много на древне-и южно-славянскомъ языкахъ, то заимствовалъ много словъ у этихъ двухъ языковъ, и вотъ почему его слогъ теперь такъ устарѣлъ. Но самъ Державинъ въ этомъ не виноватъ: сѣверный языкъ, развиваясь постепенно, отбрасывалъ славянскіе элементы, и, такимъ образомъ, многія формы и выраженія, которыя употреблялъ Державинъ, устарѣли. Можетъ быть, русскіе писатели со временемъ убѣдятся, что они вступаютъ на невѣрный путь, отдѣляя все болѣе свой языкъ отъ нарѣчій другихъ провинцій, между тѣмъ, какъ чешскіе и польскіе славяне, наоборотъ, стараются включить эти нарѣчія въ свои языки.

Державинъ былъ одаренъ сильнымъ умомъ: умъ преобладаетъ въ его произведеніяхъ. Онъ въ каждой изъ своихъ поэмъ отдавалъ себѣ точный отчетъ въ философской сторонѣ вопроса. Его сила, его поэтическая мощь обусловливается горячностью его темперамента, ораторскимъ жаромъ, который часто смѣшиваютъ съ поэтическимъ энтузіазмомъ; въ немъ есть живость публичнаго оратора, бойкость публициста; если онъ иногда возносится въ область высшей поэзіи, то это у него происходитъ мимовольно. Форма его произведеній вамъ уже извѣстна изъ того, что я сказалъ о Ломоносовѣ: это все та же прозаическая форма, заимствованная у французовъ, слегка видоизмѣненныйстиль

Малэрба. Державинъ по силѣ превосходитъ Ломоносова. Ломоносовъ напоминаетъ Малэрба; Державина можно сравнить съ Лебреномъ, который ему, однако, уступаетъ въ правдивости и силѣ. Онъ написалъ большое число произведеній, названныхъ одами, и составляющихъ нѣсколько томовъ; онъ исчерпалъ этотъ родъ поэзіи. Говоря языкомъ схоластиковъ, можно сказать, что онъ сочинялъ оды религіозныя, оды политическія или патріотическія, и писалъ легкую поэзію. Мы остановимся на Державинѣ сперва какъ на поэтѣ рилигіозномъ и политическомъ, а затѣмъ коснемся его, какъ поэта, вообще, и какъ остроумнаго человѣка (homme d'esprit).

Самое извѣстное изъ его произведеній, которое признается русскими критиками лучшимъ стихотвореніемъ автора и однимъ изъ самыхъ прекрасныхъ произведеній ихъ литературы, это — знаменитая ода «Богъ». Она переведена на всѣ европейскіе языки. Я вамъ ее прочту всю по французскому переводу, помѣщенному въ трудѣ г. Эйхофа.

(Слѣдуетъ чтеніе оды).

Я не раздѣляю мнѣнія русскихъ писателей, которые ставятъ это стихотвореніе во главѣ державинской музы и считаютъ его лучшимъ произведеніемъ русской поэзіи. Правда, въ переводѣ теряется сила и великолѣпіе державинскаго слога; но если исключить достоинства слога, то что же въ этой одѣ столь замѣчательнаго? Я напомню вамъ то, что говорилъ о религіозныхъ одахъ XVIII в. Въ нихъ говорится о Богѣ, котораго никто не признаетъ своимъ. Какого рода Бога воспѣваетъ

въ этой одѣ поэтъ? Конечно, не израильскаго Бога, съ которымъ совѣщались непосредственно; это и не христіанскій Богъ, а какое-то отвлеченное существо, которому воскуриваютъ ѳиміамъ въ длинныхъ и тяжеловѣсныхъ стихахъ, наполненныхъ математическими идеями. Поэтъ, такъ сказать, придерживается методы Спинозы. Подобно этому философу, который, чтобы опредѣлить вѣчную субстанцію, перечисляетъ всѣ ея отрицательные признаки, прежде чѣмъ сказать, чѣмъ она является на самомъ дѣлѣ, такъ и нашъ поэтъ, паря въ неопредѣленной области времени и пространства, повторяетъ безъ конца, что Богъ не сотворенъ, что ему нѣтъ ни начала, ни конца.

Эти оды, какъ, вообще, вся поэзія XVIII в., свидѣтельствуютъ о безвѣріи того времени. Въ средніе вѣка, насколько мнѣ извѣстно, не писались оды въ честь Бога, но каждая страница религіозныхъ произведеній той эпохи дышитъ вѣрою: чувствуется, что люди тогда писали, если не по вдохновенію свыше, то на глазахъ у Бога. XVIII в. избѣгалъ вмѣшивать Бога въ свои житейскія дѣла; онъ относился къ нему съ большимъ почтеніемъ и, выражаясь тривіально, желалъ вѣжливо выпроводить его изъ жизни, удалить его въ сферу отвлеченностей.

Неужели Державинъ не могъ найти въ исторіи, въ чувствахъ своего народа, болѣе осязательныя доказательства существованія Бога, чѣмъ абстрактныя идеи? Онъ, въ этомъ случаѣ, не является національнымъ поэтомъ, такъ какъ, безъ сомнѣнія, славянскій народъ имѣетъ болѣе задушевное по-

нятіе о Богѣ. Ему весь міръ кажется воодушевленнымъ: все съ нимъ говоритъ: деревья, скалы, стихіи; все у него имѣетъ безсмертную душу и находится въ тѣсной связи съ божествомъ. А нашъ поэтъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей оды спрашиваетъ себя, существуетъ ли Богъ. Такимъ образомъ, онъ, какъ будто, возвращается къ безвѣрію греческихъ философовъ. Онъ ищетъ Бога въ разсужденіяхъ, а не въ исторіи своего народа, не въ анализѣ своихъ собственныхъ сокровенныхъ чувствъ.

По моему мнѣнію, его ода о безсмертіи души и, въ особенности, другое его стихотвореніе, которое онъ озаглавилъ «Христосъ», стоятъ неизмѣримо выше оды, только что нами разобранной.

Въ одѣ о безсмертіи души, поэтъ, правда, какъ большая часть поэтовъ XVIII в., только разсуждаетъ. Онъ старается доказать безсмертіе души, какъ будто онъ въ немъ сомнѣвается. Однако, онъ слѣдуетъ пути, который не заимствованъ имъ у философовъ той эпохи.

Онъ сперва вывѣдываетъ тайну существованія души у внѣшняго міра, у природы, и, затѣмъ уже, ищетъ разгадку въ самомъ себѣ:

Духъ, тонкій, мудрый, сильный, сущій
Въ единый мигъ и тамъ и здѣсь,
Быстрѣе молніи текущій,
Всегда, вездѣ и вкупѣ весь,
Неосязаемый, незримый,
Въ желаньѣ, въ памяти, въ умѣ
Непостижимо содержимый,
Живущій внутрь меня и внѣ.

Эта строфа прекрасна, и мы не разъ будемъ возвращаться къ ней. Тутъ Державинъ, дѣйствительно, является поэтомъ своего народа. Чтобы доказать безсмертіе души, онъ анализируетъ внутреннія свои чувства и говоритъ о душѣ, объ этомъ невещественномъ началѣ, которое славяне называютъ *духомъ*. Я долженъ объяснить здѣсь это слово, такъ какъ мнѣ часто придется прибѣгать къ нему. Я затрудняюсь, однако, перевести его. Это не то, что французы обыкновенно понимаютъ подъ словомъ *esprit*, которому они придаютъ столь разнообразное значеніе, что истинный его смыслъ утраченъ. Вы знаете, что на обиходномъ языкѣ понимаютъ подъ выраженіемъ: *homme d'esprit*; на славянскомъ языкѣ нѣтъ соотвѣтствующаго выраженія. Духъ нельзя отождествлять съ душою. По воззрѣніямъ современныхъ философовъ, душа признается менѣе совершенною (inferieur) частью духовнаго нашего существа, совокупностью нашихъ желаній и страстей, т. е. тѣмъ, что мы называемъ животною душою (ame animale). Подъ духомъ славяне разумѣютъ то, что всюду называется духомъ, когда говорятъ, что мы видимъ духа или бесѣдовали съ духами. Существенно важно опредѣлить значеніе слова: *духъ*, потому что треть всѣхъ словъ богатаго славянскаго языка происходитъ отъ этого слова. Всѣ слова, которыя въ духовной сферѣ выражаютъ порывы души, желаніе, волю, а въ матеріальной сферѣ — движеніе, происходятъ отъ слова *духъ* или сохраняютъ нѣкоторыя составныя его части. *Духъ*, слѣдовательно, не означаетъ умъ (mens), какъ его понимаютъ

большинство философовъ, не *умъ* по обыкновенному словоупотребленію, но духовное существо человѣка, внутренняго человѣка, оживляющаго тѣло, spiritus въ библейскомъ смыслѣ этого слова.

Нашъ поэтъ понимаетъ *духъ* согласно съ чисто-славянскими воззрѣніями и чувствами; онъ не придерживается теоріи тѣхъ философовъ, которые признаютъ умъ лучшею частью духовнаго существа человѣка; въ то же время, онъ не считаетъ душу и тѣло двумя раздѣльными частями: онъ говоритъ, что духъ существуетъ самъ по себѣ, самостоятельно, что онъ воплощается то въ желаніяхъ, то въ умѣ, то въ сердцѣ, но никогда не поглощается этими органами. Такимъ образомъ, умъ, тѣло, сердце составляютъ органы, а не составныя части духа. Нигдѣ эта глубоко-славянская идея не выражена лучше, чѣмъ въ этихъ произведеніяхъ Державина. Чрезвычайно важно уяснить себѣ значеніе слова *духъ*, чтобы понять и нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ поэтовъ.

Начало его оды: «Христосъ» очень слабо. Онъ смотритъ на Христа, какъ на Царя: эта идея преобладаетъ у него. Его особенно прельщаетъ происхожденіе Христа, его внѣшнее могущество, блескъ его славы. Но въ половинѣ оды поэтъ становится самостоятельнымъ, онъ развиваетъ собственную чисто-философскую систему. Онъ смотритъ, согласно съ нѣкоторыми религіозными преданіями, на человѣка, какъ на существо, бывшее въ началѣ чисто-духовнымъ и ставшее тлѣннымъ только по собственной винѣ. Христосъ явился, чтобы снова облагородить человѣка.

Встрѣчаются стихи, прелестные по чистосердечію и простотѣ; ничего подобнаго я не нахожу въ другихъ произведеніяхъ Державина. Чрезвычайно жаль, что русскіе историки, вмѣсто того, чтобы обозначать годы, когда поэтъ получилъ тотъ или другой орденъ или чинъ, не указываютъ время, когда написаны разныя стихотворенія. Я склоненъ думать, что оды: «Христосъ» и «Безсмертіе души» написаны поэтомъ въ ранней молодости.

Мы отмѣтимъ мѣсто, въ которомъ онъ говоритъ, что среди мрака, покрывавшаго языческій міръ, божественный свѣтъ былъ разсѣянъ, пока онъ, наконецъ, не нашелъ чистый источникъ небесной воды, душу пресвятой Дѣвы, въ которой божественный лучъ впервые отразился и освѣтилъ падшій міръ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ поэтъ, говоря о мірѣ, называетъ его другомъ человѣка, который долженъ страдать вмѣстѣ съ нимъ и бороться, пока его душа не отрѣшится отъ тѣла, заключается философская мысль.

Оставимъ, однако, на время патріотическія оды и обратимся къ тѣмъ его произведеніямъ, въ которыхъ онъ, подражая французамъ, желаетъ быть остроумнымъ и, къ сожалѣнію, только искажаетъ свою поэтическую натуру, простую и мощную.

Я не понимаю, какъ русскіе выдающіеся критики могутъ до сихъ поръ еще признавать образцовыми этого рода стихотворенія, между прочимъ, его оду къ Фелицѣ. Подъ этимъ именемъ поэтъ воспѣвалъ императрицу Екатерину.

Печальное зрѣлище представляетъ поэтъ, когда онъ силится быть остроумнымъ. Тягостно читать, въ этомъ случаѣ, его произведенія: они возбуждаютъ одно сожалѣніе.

Державинъ былъ первый русскій поэтъ, удостоившійся милостей императрицы, и совершенно искренно восторгался ею. Такъ какъ она любила читать французскихъ поэтовъ, то онъ старается угодить ей шутками во французскомъ вкусѣ. Однако, онъ относится къ своей царицѣ уже какъ къ человѣческому, а не божественному существу: въ немъ уже зарождается смутное чувство человѣческаго достоинства. Славяне, какъ я уже замѣтилъ, обязаны пробужденіемъ этого чувства иностранному вліянію. Императрица читала иностранныхъ авторовъ, состояла съ ними въ перепискѣ и привыкла относиться къ русскимъ авторамъ, какъ къ людямъ, съ которыми можно вступать въ сношенія.

Не легко было возбудить въ славянахъ чувство собственнаго достоинства. Русскій народъ, въ теченіе многихъ вѣковъ находившійся подъ игомъ иностранцевъ, нормановъ и монголовъ, не имѣвшій съ ними ничего общаго и привыкшій покланяться имъ издали, вдругъ оказывается приближеннымъ къ престолу и приходитъ къ сознанію, что монархъ — тотъ же человѣкъ. Поэтому надо простить Державину его плоскія шутки...

Истинно-народные поэты, какъ мы имѣли уже случай замѣтить въ прошломъ году, говоря о сербскихъ поэтахъ, отличаются благородствомъ и изяществомъ. Иностранцевъ поражаетъ въ сербскихъ

стихотвореніяхъ тонкость чувства и простота. Чѣмъ же объяснить, что всякій разъ, когда славянскіе авторы силятся быть изящными и тонкими, они становятся безтактными и даже пошлыми? Ни эстетика, ни риторика не могутъ объяснить намъ этого явленія.

Я полагаю, что безтактность и пошлость происходятъ отъ недостатка вѣры въ самого себя. Человѣкъ становится тривіальнымъ, когда онъ заимствуетъ форму, не соотвѣтствующую его духу. Человѣкъ, лишенный вѣры въ собственное достоинство, старается подражать манерамъ другаго человѣка и, въ наказаніе за то, что онъ измѣняетъ собственному достоинству, становится пошлымъ. Набожный и трудолюбивый славянскій крестьянинъ никогда не бываетъ безтактнымъ и тривіальнымъ; крестьянинъ, который служитъ своему господину, въ качествѣ охотника или повстанца, имѣетъ благородный и прекрасный видъ; но славянскій крестьянинъ, состоя лакеемъ, всегда производитъ непріятное впечатлѣніе: нашъ народъ не созданъ для этого рода службы. Существуютъ писатели, которые принимаютъ на себя роль лакеевъ.

Тривіальность, безтактность, недостатокъ вѣры въ самого себя, душевная низость могутъ, однако, создать родъ остроумной (bel esprit) литературы; мы постараемся объяснить это явленіе, когда будемъ говорить о сатирѣ. То, что въ обыденной жизни называютъ остроумнымъ; эпиграммы, каррикатуры, составляетъ ничто иное, какъ безтактность и тривіальность, доведенныя до крайности, нѣчто.

вполнѣ извращенное (parfaitement mauvais), зло въ собственномъ смыслѣ этого слова; вотъ что называютъ *остроумнымъ* въ вульгарномъ смыслѣ.

LIV — LVI.

(Слѣдующія лекціи посвящены исторіи Польши въ царствованіе Станислава-Августа, барской конфедераціи, первому раздѣлу Польши, характеристикѣ русскаго двора при императрицѣ Екатеринѣ II. Между прочимъ, Мицкевичъ, переходя отъ анализа дѣятельности Державина къ изложенію историческихъ событій его времени, замѣчаетъ, что ни Державинъ, ни Нарушевичъ, ни другіе поэты того времени не были поэтами лирическими и по этому поводу излагаетъ, вообще, свой взглядъ на лирическую поэзію:)

Чѣмъ можетъ быть лирическая поэзія безъ лиры?.. Чѣмъ могутъ быть поэты, которые воображаютъ, что они поютъ, но никогда не писали музыки къ своимъ пѣснямъ и даже не слыхали ее въ своей душѣ? Музыка не служитъ только акомпаниментомъ къ лирической поэзіи: она составляетъ ея душу, жизнь, свѣтъ, сущность. Вотъ почему національная музыка имѣетъ такое важное значеніе для національной литературы; вотъ почему тамъ, гдѣ народы перестаютъ пѣть, поэты неизбѣжно должны перестать писать лирическія произведенія. Но что такое національная музыка? Подобно тому, какъ народная пѣсня составляется иногда очень прозаичнымъ человѣкомъ, который, однако,

имѣлъ въ своей жизни минуты истиннаго вдохновенія, національная музыка, музыка народовъ, является совокупностью звуковъ, вырвавшихся изъ души націй вслѣдствіе внезапнаго музыкальнаго вдохновенія. Эти отрывочные звуки называются мотивами. Выраженіе это вѣрно, если только, въ точности, уяснить себѣ его значеніе. Что такое мотивъ? Двигатель, идея, источникъ движенія. Чѣмъ же вызывается это движеніе? Даже въ физикѣ утверждаютъ, что движеніе—сила невещественная. Движеніе, мотивъ не могутъ, подобно абстрактнымъ идеямъ, происходить отъ матеріи. Это, слѣдовательно, совершенно невещественное начало. Вотъ почему музыканты съ богатою эрудиціею часто бѣдны мотивами; они прислушиваются у дверей кабаковъ и собираютъ тутъ мотивы, которые крестьянинъ находитъ случайно, наигрывая на своей скрипкѣ.

Отчего народы иногда перестаютъ пѣть? Когда люди становятся матеріалистами, они теряютъ способность сочинять мотивы. Музыка такого народа истощается; она пріобрѣтаетъ ученый, страстный характеръ, она выражаетъ низкія движенія человѣческой души; она уже лишена творческихъ мотивовъ.

Истинная музыка имѣетъ невещественное начало. Вліяніе ея на поэзію не оцѣнено по достоинству. Одинъ польскій врачъ наблюдалъ, что музыка ослабляетъ обращеніе крови, что она вызываетъ остановку въ кровеносной системѣ и что, въ то же время, она освобождаетъ нервную систему, т. е. приводитъ въ движеніе эту систему, которая

составляетъ въ человѣкѣ связующее звено между вещественнымъ и невещественнымъ началами. Это глубокое замѣчаніе подтверждается поэмою Саула. Этотъ царь, когда его мучили угрызенія совѣсти и къ сердцу его подступало бѣшенство, призывалъ пѣвца, чтобы успокоиться, т. е. пріостановить страстныя движенія души. Слѣдовательно, музыка, дѣйствуя на душу поэта, подавляетъ плоть, пріостанавливаетъ животныя влеченія и освобождаетъ невещественное начало. Безъ ея вліянія въ поэзіи всегда будетъ сказываться животная натура человѣка; поэзія будетъ хорошо выражать крики бѣшенства и страсти, подражать веселію; но ей никогда не будутъ присущи спокойное величіе, возвышенныя движенія души, которыя, напримѣръ, чувствуются въ еврейской поэзіи и въ нѣкоторыхъ отрывкахъ орфической, составленныхъ, несомнѣнно, подъ вліяніемъ музыки.

Безъ музыки, слѣдовательно, нѣтъ лирической поэзіи. Смутныя воспоминанія истинной лирической поэзіи встрѣчаются еще въ хорѣ греческихъ поэтовъ. Горацій оставилъ намъ его теорію. Онъ говоритъ, что хоръ долженъ провозглашать истину, успокоивать страсти, давать хорошіе совѣты, умолять божество, сочувствовать несчастію; онъ, слѣдовательно, выясняетъ истинное значеніе высшей лирической поэзіи. Но эти отрывочные звуки, эти отрывки высшей музыки, которая сохранилась еще народами, рѣдко оцѣниваются поэтами по достоинству. Крестьянинъ, который пашетъ поле и, глядя на солнце, поетъ пѣсню, не зная, какъ она у него складывается, сочиняетъ ис-

тинную лирическую поэзію. Вотъ почему во всѣхъ національныхъ пѣсняхъ царствуетъ то же спокойствіе, та же набожность, которыя плѣняютъ насъ въ еврейской поэзіи и въ греческомъ хорѣ. Наоборотъ, поэзія, оторванная отъ музыки, начинаетъ заниматься отвлеченными разсужденіями и потворствуетъ низменнымъ страстямъ.

Предъидущее служитъ объясненіемъ тому, что я говорилъ о различіи между риторическимъ энтузіазмомъ, встрѣчающимся у поэтовъ XVIII в., и истинною лирическою поэзіею. Такой поэзіи нѣтъ еще у славянъ. Если вы вспомните то, что я подробно разъяснилъ вамъ въ прошломъ году объ органическомъ принципѣ славянскихъ обществъ, если вы вспомните, что отличительною чертою этихъ обществъ является отсутствіе божественнаго откровенія, то вы поймете великое значеніе, которое будетъ имѣть появленіе у славянъ истинной лирической поэіи. Съ нея начнется новая эпоха; въ ней выразится божественная идея; она соединитъ и сольетъ навсегда разъединенныя до сихъ поръ поэзіи: литературную и народную.

LVII — LXVI.

(Затѣмъ Мицкевичъ излагаетъ въ общихъ чертахъ историческія событія конца XVIII в. въ связи съ главными литературными произведеніями этого времени. Въ LXVII лекціи онъ останавливается на значеніи Наполеона для славянскаго міра).

LXVII.

Всѣмъ извѣстенъ роковой исходъ 1812 г. Польская армія раздѣлила несчастія французской; она сопровождала ее, въ качествѣ аррьергарда, до границы самой Франціи. Наполеонъ былъ свергнутъ съ престола. Полякамъ пришлось искать спасенія въ другой политической комбинаціи. А между тѣмъ страна не перестаетъ чтить память Наполеона. При его посредствѣ она ожидаетъ въ будущемъ помощи отъ Франціи: ничто не могло отнять у народа этой глубокой и таинственной вѣры. Только въ лицѣ Наполеона польскій народъ понимаетъ Францію.

Благодаря необъяснимому и таинственному своему характеру, Наполеонъ сталъ страшилищемъ русскихъ. Русскій народъ и солдаты видѣли въ немъ какого-то чародѣя и были убѣждены, что онъ могъ принимать различные образы. Народная молва говоритъ о сраженіяхъ, происходившихъ, будто бы, между Суворовымъ и Наполеономъ. Послѣдній принялъ образъ льва; Суворовъ также превратился въ льва. Тогда Наполеонъ принялъ образъ орла; Суворовъ, чтобы одолѣть его, хотѣлъ превратиться въ двуглаваго орла и испросилъ на это разрѣшенія императора Павла, который, однако, разсердился на своего полководца за такую дерзость и разжаловалъ его.

Народъ, слѣдовательно, смутно сознаетъ громадное значеніе этого человѣка. Это чувство внушило Державину одну изъ замѣчательнѣйшихъ

его одъ. Въ ней русскій поэтъ возвышается до таинственнаго. Онъ считаетъ Наполеона антихристомъ, звѣремъ апокалипсиса апостола Іоанна. Это мнѣніе было очень распространено даже между просвѣщенными людьми въ Россіи. Въ примѣчаніяхъ къ упомянутой одѣ Державина встрѣчается нѣсколько строкъ, извлеченныхъ изъ диссертаціи профессора дерптскаго университета, Гецеля. Въ ней, именно, доказывается, что Наполеонъ былъ антихристомъ и что его имя, по кабалистическому толкованію, означаетъ число 42.

Слѣдовательно, не у однихъ поляковъ Наполеонъ вызвалъ умственное движеніе. Въ Россіи это движеніе, направленное противъ его личности, содѣйствовало дѣлу прогресса. Чтобы преодолѣть такого врага, пришлось впервые обратиться къ религіозному энтузіазму народа; къ нему стали обращаться съ воззваніями во имя вѣры и отечества. До этой эпохи въ русскихъ оффиціальныхъ бумагахъ эти слова никогда не встрѣчались. Съ этого времени въ Россіи замѣчаются первые порывы политическаго энтузіазма.

Во Франціи Наполеона считаютъ результатомъ революціи. Но, что бы тамъ ни говорили, Наполеонъ не имѣетъ ничего общаго съ революціонною Франціею.

Онъ не былъ западнымъ человѣкомъ; въ немъ нѣтъ ничего гальскаго (rien de Gaulois); онъ, можетъ быть, единственный французскій монархъ, который не былъ homme d'esprit; германская идеологія и славянское добродушіе были ему также чужды. Въ его геніѣ заключалось нѣчто восточ-

ное; онъ любилъ востокъ; онъ неоднократно выражалъ мысль, что всѣ великіе люди, всѣ представители великихъ эпохъ побывали на востокѣ; смутное стремленіе, походившее на любовь къ родной почвѣ, влекло его туда и, между прочимъ, побудило его предпринять египетскую экспедицію.

Наполеонъ никогда не называлъ философовъ иначе, какъ идеологами; а подъ идеологіею онъ разумѣлъ стремленіе разрѣшать жизненные вопросы путемъ изученія отвлеченныхъ и мертвыхъ предметовъ. Онъ любилъ науку, но ненавидѣлъ идеологію.

Всѣ усилія ученыхъ оказались тщетными: Наполеонъ и его популярность остались загадкою. Не смотря на проклятія легитимистовъ, вопли республиканцевъ, протесты приверженцевъ status quo, французскій народъ не переставалъ поклоняться ему. Труднѣе объяснить себѣ, почему англійскій народъ его такъ ненавидѣлъ. Англичане, которые во всемъ руководствуются разсчетомъ и полагаются на матеріальную силу, которые все хотятъ знать напередъ, не надѣясь на проницательность генія, которые хотятъ руководить сраженіемъ, какъ руководятъ какимъ-нибудь механизмомъ, предчувствовали въ этой колоссальной личности, почерпавшей всю свою силу въ самой себѣ, создавшей однимъ словомъ великихъ людей и цѣлыя арміи, вооружавшей народы другъ противъ друга,— англичане, говорю я, предугадывали въ этой личности начало, діаметрально противоположное ихъ существу. Не будучи въ силахъ понять Наполеона, они рѣшились его уничтожить.

Сами нѣмцы признаютъ въ Наполеонѣ силу, которая возвышалась надъ остальными людьми. Достаточно сослаться на Гете одного, изъ умнѣйшихъ людей и величайшихъ геніевъ Европы. Уваженіе, которое онъ питалъ къ Наполеону, всѣмъ извѣстно. Видя въ немъ представителя идеи, болѣе возвышенной и дорогой для человѣчества, чѣмъ какая-либо изъ идей нѣмецкихъ философовъ, онъ произносилъ его имя всегда съ почтеніемъ. Мюллеръ, знаменитый нѣмецкій историкъ, Іоганнесъ Мюллеръ, который посвятилъ всю свою жизнь борьбѣ съ французскимъ вліяніемъ, который служилъ поочередно Пруссіи и Австріи съ цѣлью вредить Франціи, этотъ Мюллеръ, послѣ перваго разговора съ Наполеономъ, перешелъ на его сторону.

Польша и Франція соединились въ общемъ чувствѣ почтенія къ одному и тому же человѣку, въ общей надеждѣ. Этотъ фактъ позволяетъ намъ предвидѣть, что наступаетъ время, когда въ основу будущихъ международныхъ союзовъ положены будутъ новые принципы.

Все это мнѣ пришлось высказать, чтобы объяснить вамъ глубокую симпатію, которую поляки питаютъ къ Наполеону.

Послѣ его паденія, политическія партіи во Франціи вообразили, что онѣ могутъ вступить на путь прежней рутины Партія 1792 г., съ ея представителемъ Фуше; партія ложныхъ легитимистовъ, представленная Талейраномъ; партія честныхъ конституціоналистовъ, типомъ которой служитъ генералъ Лафайетъ,—всѣ онѣ питали къ императору

отвращеніе и рукоплескали его паденію. Но погибла-ли его идея? Былъ-ли онъ, на ряду со многими другими, только могущественнымъ монархомъ, искуснымъ полководцемъ, честолюбивымъ человѣкомъ, временно удивившимъ міръ? Или же онъ былъ носителемъ великой миссіи, которую суждено осуществить будущимъ поколѣніямъ?

Завершивъ собою революцію, Наполеонъ положилъ начало новому направленію въ ходѣ исторіи. Революція, по латинскому значенію этого слова, означаетъ ходъ регрессивный. Всѣ, кто ожидаетъ новой революціи, можетъ быть, вѣрятъ въ разрушеніе христіанства; но послѣднее глубже коренится въ сердцахъ народовъ, чѣмъ полагаютъ: оно несокрушимо; оно ростетъ вмѣстѣ съ развитіемъ его безсмертныхъ истинъ. Провиденціальный человѣкъ Франціи, герой нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, является провозвѣстникомъ будущаго братства народовъ, которые онъ связалъ узами общей симпатіи, соединилъ въ одной общей идеѣ. Этотъ союзъ послужитъ началомъ новаго фазиса нашего религіознаго и политическаго развитія: Наполеонъ положилъ начало новому фазису христіанства.

LXVIII—LXIX.

(Изъ двухъ слѣдующихъ лекцій первая и начало второй посвящены), въ сферѣ внѣшнихъ событій, характеристикѣ вѣнскаго конгресса и священнаго союза, а въ области умственнаго движенія, преимущественно, такъ называемымъ, мартинистамъ, исторію кото-

рыхъ Мицкевичъ излагаетъ въ связи съ характеристикою писателей того времени. Вотъ значеніе, которое онъ придаетъ Карамзину и Пушкину въ исторіи русской литературы:)

Карамзинъ былъ, такъ сказать, созданіемъ мартинизма. Семейство Тургеневыхъ, познакомившись съ молодымъ человѣкомъ, оказало ему поддержку, давъ ему средства совершить поѣздку въ Москву и заграницу. Хотя Карамзинъ не вполнѣ примкнулъ къ религіознымъ идеямъ мартинистовъ, но онъ имъ обязанъ серьезнымъ, честнымъ и религіознымъ характеромъ своихъ произведеній.

Въ эпоху, когда онъ издалъ лучшіе свои труды, онъ примкнулъ къ кружку петербургскихъ литераторовъ и раздѣлялъ взгляды французской либеральной школы, состоявшей, по большей части, изъ русской молодежи, которой, однако, иностранцы давали тонъ. Эта политическая школа очень мало занималась религіозными вопросами.

Мартинисты первые обратили вниманіе русской молодежи на нѣмецкій и англійскій языки, которые до тѣхъ поръ оставались неизвѣстными, такъ какъ при дворѣ и въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, исключительно, господствовалъ французскій языкъ.

Труды Карамзина имѣли большое вліяніе на русское общество. Возбудивъ общее сочувствіе благодаря сжатому, ясному и простому своему слогу, они, затѣмъ, впервые затронули чувствительную струну человѣческаго сердца. Карамзинъ былъ первымъ романическимъ (romanesque) писателемъ, воспріимчивымъ къ красотамъ природы и къ нѣжнымъ

чувствамъ; онъ горячо любилъ семейную жизнь и литературу. Своею славою онъ, главнымъ образомъ, обязанъ составленной имъ исторіи Россіи.

Началъ онъ этотъ обширный трудъ въ царствованіе Александра. Онъ вѣрно оцѣнилъ тогдашнюю литературу, назвавъ ее *пѣною;* поверхностному и туманному ея характеру онъ хотѣлъ противопоставить то, что называется серьезною литературою и добросовѣстное изученіе предмета. Съ этою, именно, цѣлью онъ отчасти и приступилъ къ своей исторіи. Теперь его обвиняютъ въ томъ, что онъ не вѣрно понялъ главный ходъ исторіи славянскихъ народовъ, что онъ не изучилъ зачатки исторической ихъ жизни, что онъ исказилъ нѣкоторые факты, чтобы легче ихъ включить въ поставленныя себѣ рамки, что онъ представлялъ себѣ славянскіе народы въ видѣ правильно организованнаго государства съ царствующимъ семействомъ во главѣ, наконецъ, что онъ объяснялъ древнюю исторію Россіи тѣмъ, что происходило въ его время. Но вопросы, возбужденные впослѣдствіи, оставались тогда неизвѣстными, и величайшіе французскіе и англійскіе историки совершили тѣ же ошибки.

По слогу Карамзинъ нисколько не уступаетъ ни Гиббону, ни Юму. Въ другихъ отношеніяхъ онъ стоитъ выше этихъ историковъ; у него больше души; онъ правдивѣе. Вѣчно безстрастный Гиббонъ воодушевляется только, когда онъ нападаетъ на христіанство: въ этомъ отношеніи его перещеголяли современные историки. Юма мало читаютъ теперь, даже въ самой Англіи. Карамзинъ, наоборотъ, остался до сихъ поръ классическимъ писа-

телемъ; его исторію всегда будутъ читать, особенно, ту часть ея, въ которой описывается царствованіе Ивана Грознаго. Описывая эпохи, которыя онъ себѣ раціональнымъ путемъ объяснить не могъ, онъ проникся убѣжденіемъ о непосредственномъ вліяніи Провидѣнія на человѣческія дѣла: вслѣдствіе этого онъ сталъ серьезнѣе, а иногда онъ, просто, величественъ. Въ прошломъ году я привелъ вамъ его слова о чудовищѣ, именуемомъ Малютой Скуратовымъ, единственномъ изъ любимцевъ Ивана IV, который избѣгъ его жестокости: «Оставался еще одинъ, но главный изъ клевретовъ тиранства, Малюта Григорій Лукьяновичъ Скуратовъ Бѣльскій, наперсникъ Іоанновъ до гроба: онъ жилъ, вмѣстѣ съ царемъ и другомъ своимъ, до суда за предѣлами сего міра». (Исторія госуд. Росс., изд. 1821 г., т. IX, стр. 208). Такихъ словъ не произнесъ бы ни Юмъ, ни Гиббонъ.

Карамзинъ былъ первымъ русскимъ литераторомъ. Его дѣятельность ограничивалась, исключительно, литературнымъ трудомъ; онъ никогда не стремился вліять на ходъ государственныхъ дѣлъ. Пользуясь благорасположеніемъ императора Александра, онъ имѣлъ мужество противорѣчить этому монарху въ важныхъ вопросахъ. Въ политикѣ онъ придерживался бывшихъ тогда въ ходу взглядовъ: вполнѣ разобщая политику съ религіею и нравственностью, онъ во всеуслышаніе провозглашалъ, что въ политикѣ все дозволено. Одно мѣсто въ одиннадцатомъ томѣ его труда, гдѣ онъ прямо называетъ князя Василія Шуйскаго мудрымъ государственнымъ человѣкомъ за то, что,

тотъ, не начиная войны, стремился вредить союзникамъ, насколько могъ, ясно указываетъ на духъ, царствовавшій тогда въ кабинетахъ. Этимъ взглядомъ на дѣло честный Карамзинъ обязанъ иностраннымъ писателямъ, которыхъ онъ очень уважалъ. . . . .

Съ 1820 г. русская литература всецѣло переходитъ на сторону оппозиціи... и вскорѣ раздается голосъ, который заглушаетъ все это движеніе и открываетъ новую эру въ русской исторіи: этотъ голосъ принадлежалъ Александру Пушкину.

Первый стихъ Пушкина, — стихъ, исполненный мрачнаго якобинизма и глухой ненависти ко всему существующему, облетѣлъ всю Россію. И вслѣдъ затѣмъ имя Пушкина стало лозунгомъ всѣхъ недовольныхъ: стихи его проникли всюду, ихъ комментировали отъ Петербурга до Одессы, до самаго Кавказа.

Что касается до старой литературы, то ее продолжали преподавать въ учебныхъ заведеніяхъ и ея правилъ придерживались, по прежнему, въ книгахъ; но общество забывало о ней. Передъ Пушкинымъ исчезали Ломоносовъ и Державинъ, который уже состарился, покрытый славою и почестями. Въ то же время, новые поэты, какъ, напримѣръ, чрезвычайно даровитый Жуковскій и Батюшковъ отступили на второй планъ; ихъ произведенія высоко цѣнились, поэтовъ этихъ еще очень любили, но ими уже не восторгались: восторгъ возбуждалъ одинъ Пушкинъ.

Пушкинъ воспитывался въ императорскомъ лицеѣ, которымъ руководили французы. Классиче-

ское образованіе, которое онъ получилъ, было не особенно тщательное, но онъ много читалъ, главнымъ образомъ, французскія книги. Онъ изучалъ также и сочиненія Жуковскаго, написанныя въ духѣ древней славянской поэзіи; но онъ восхищался особенно Байрономъ. Пушкинъ сталъ подражать всему, что было написано до него въ Россіи: онъ писалъ оды въ жанрѣ Державина, но гораздо лучше его; подобно Жуковскому, онъ подражалъ древней русской поэзіи, но превзошелъ его какъ въ формѣ, такъ и по размѣрамъ своихъ произведеній. Затѣмъ онъ сталъ подражать лорду Байрону, у котораго онъ заимствовалъ форму и сущность идей. Его герои напоминаютъ Лару, Корсара и другихъ героевъ великаго англійскаго поэта.

Всякій писатель обыкновенно въ началѣ является приверженцемъ предшествовавшихъ ему школъ: онъ переживаетъ прошлое, чтобы возвыситься до будущаго.

Впослѣдствіи Пушкинъ мимовольно сталъ подражать Вальтеру Скотту. Тогда много говорили о мѣстномъ колоритѣ, о томъ, что въ поэзіи слѣдуетъ воспроизводить исторію. Въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ Пушкинъ еще колеблется между этими двумя тенденціями. Онъ является то Байрономъ, то Вальтеръ Скоттомъ, но не самимъ собою.

Самая оригинальная изъ его поэмъ, — «*Онѣгинъ*», произведеніе, которое всегда будетъ съ удовольствіемъ читаться во всѣхъ славянскихъ странахъ и останется навсегда памятникомъ этой эпохи, —

напоминаетъ намъ байроновскаго *Донъ-Жуана*. Будучи еще молодымъ человѣкомъ, Пушкинъ случайно составилъ первую часть этого произведенія и, постепенно прибавляя новыя главы, написалъ поэму въ 8 частяхъ, безподобную по замыслу и, въ особенности, по слогу. Въ своихъ поэтическихъ порывахъ Пушкинъ не такъ плодовитъ, не такъ богатъ, не обладаетъ такимъ возвышеннымъ полетомъ, какъ Байронъ; равныхъ образомъ, онъ не такъ глубоко знакомъ съ человѣческимъ сердцемъ, какъ англійскій поэтъ; но, съ другой стороны, онъ менѣе разбрасывается (il est plus régulier), и форма у него тщательнѣе отдѣлана. Фабула Онѣгина чрезвычайно проста: это исторія двухъ молодыхъ людей, влюбленныхъ въ двухъ молодыхъ дѣвушекъ. Одинъ изъ нихъ падаетъ жертвою поединка; другой сходитъ со сцены и опять появляется лишь въ концѣ поэмы. Эта фабула слишкомъ проста для длинной поэмы; но, изображая домашнюю жизнь и рисуя картины русской природы, Пушкинъ неистощимъ по богатству комическихъ, трагическихъ или романическихъ мотивовъ. Его слогъ — чудная проза, которая незамѣтнымъ образомъ мѣняетъ колоритъ и форму. Отъ оды онъ переходитъ къ эпиграммѣ, и вдругъ васъ поражаютъ сцены, дышащія почти эпическимъ величіемъ.

Поэма эта замѣчательна грустью, болѣе глубокою, чѣмъ какая царствуетъ въ произведеніяхъ Байрона. Пушкинъ, вскормленный на романахъ и раздѣливъ увлеченія своихъ друзей, молодыхъ и пылкихъ либераловъ, испыталъ жестокія раз-

очарованія: онъ отчаявается во всемъ великомъ и прекрасномъ.

Его героиня, Ольга, — русская дѣвушка, молодая, красивая, воспитанная въ деревнѣ. Ее любитъ офицеръ со всею страстью и простотою поэта; онъ трагически погибаетъ, сраженный пулею противника. Героиня выходитъ замужъ за другаго офицера и кончаетъ жизнь свою, счастливая и спокойная.

Другая женщина съ пылкимъ сердцемъ, не читавшая ничего, кромѣ романовъ, жившая только въ мірѣ фантазій, мечтательная и склонная къ предчувствіямъ, влюбляется въ одного *денди, байрониста*, проводящаго жизнь за картами, скучающаго и наскучающаго другимъ; она въ немъ находитъ свой идеалъ. Денди относится къ ней съ пренебреженіемъ и бросаетъ ее. Она выходитъ замужъ за генерала. Русскій Чайльдъ-Гарольдъ встрѣчается съ нею впослѣдствіи въ петербургскихъ салонахъ. Она счастлива, за нею ухаживаютъ. Тутъ онъ влюбляется въ эту женщину, которую онъ нѣкогда отвергъ; въ свою очередь, она его отвергаетъ съ холодностью и высокомѣріемъ великосвѣтской женщины.

Когда Пушкинъ писалъ первыя главы своего романа, онъ, вѣроятно, не составилъ себѣ точной идеи о развязкѣ; иначе онъ не могъ бы описывать съ такою нѣжностью, чистосердечіемъ и силою любовь молодыхъ людей и потомъ дать повѣсти такой печальный и прозаическій оборотъ.

Изображая въ *Онѣгинѣ* байрониста, Пушкинъ написалъ свой собственный портретъ. Это былъ

человѣкъ, склонный къ мечтательности, оригинальный безъ аффектаціи, съ холоднымъ и острымъ умомъ. Таковъ, дѣйствительно, былъ Пушкинъ. Другой герой повѣсти, молодой русскій, воспитанный въ Германіи, носящій длинные волосы, поклонникъ Канта и Шиллера, энтузіастъ и мечтатель, отражаетъ въ себѣ извѣстную эпоху жизни Пушкина.

Поэтъ предсказалъ свою судьбу! Пушкинъ, какъ и молодой Владиміръ, палъ жертвою дуэли, происшедшей вслѣдствіе ничтожной ссоры.

Чувство, преобладающее въ поэтѣ,— ненависть ко всему, что носитъ названіе моды, свѣтскаго тона. Молодые люди искренно любятъ другъ друга; но они вынуждены дуэлироваться: одинъ подчиняется вліянію своего камердинера-француза, другой—вліянію крупнаго чиновника, скучающаго въ деревнѣ и ищущаго развлеченія въ дуэли. Женщины, по-видимому, не руководствуются иными жизненными правилами, кромѣ мнѣнія, царствующаго въ салонахъ.

Я не буду подробно касаться лирическихъ и драматическихъ произведеній Пушкина, такъ какъ главная моя задача состоитъ въ томъ, чтобы отмѣтить отношеніе, существующее между славянскими и западными литературами, чтобы выяснить общую идею этихъ литературъ.

Въ то время, какъ Пушкинъ писалъ свою поэму, его друзья продолжали составлять заговоры. Исторія этихъ заговоровъ мало извѣстна въ Европѣ.

(Слѣдуетъ изложеніе главныхъ событій революціоннаго движенія двадцатыхъ годовъ. Между про-

чимъ, Мицкевичъ говоритъ слѣдующее о взаимномъ отношеніи русскихъ и польскихъ заговорщиковъ:)

Поляки признавались другъ передъ другомъ, что они хотятъ только вызвать замѣшательства въ Россіи, чтобы воспользоваться ими, а затѣмъ предоставить русскимъ выпутаться изъ бѣды, какъ знаютъ. Русскіе, съ своей стороны, заявляли своимъ близкимъ друзьямъ, что, достигнувъ цѣли, они приложатъ всевозможныя усилія, чтобы снова завоевать Польшу.

Обѣ стороны взаимно обманывали другъ друга.

(Возвращаясь къ Пушкину, Мицкевичъ продолжаетъ:)

Поэтъ какимъ-то чудомъ избѣгъ опасности. Получивъ извѣстіе о смерти императора въ деревнѣ, онъ поспѣшилъ въ столицу, какъ вдругъ на пути ему встрѣтился заяцъ. У славянъ это дурная примѣта. Хотя Пушкинъ и былъ суевѣренъ, но онъ не вернулся домой. Вслѣдъ затѣмъ онъ встрѣтилъ старуху, а немного дальше — попа. Тутъ его кучеръ слѣзъ съ козелъ и на колѣняхъ сталъ его умолять вернуться. Пушкинъ послушался его. Въ противномъ случаѣ, онъ умеръ бы съ Рылѣевымъ или кончилъ бы жизнь въ сибирскихъ рудникахъ.

Неудача, постигшая заговорщиковъ, отразилась и на Пушкинѣ. Съ этого момента онъ лишился мужества и политическаго энтузіазма; это замѣтно на его произведеніяхъ. Онъ еще не сознается предъ самимъ собою, что онъ до тѣхъ поръ заблуждался; но въ кружкѣ близкихъ людей онъ иногда съ горечью и пренебреженіемъ отзывается о своихъ прежнихъ друзьяхъ и ихъ идеяхъ. Между тѣмъ, импе-

раторъ пригласилъ его къ себѣ. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ Россія существуетъ, императоръ бесѣдовалъ съ частнымъ человѣкомъ, не имѣвшимъ никакого официіальнаго повода предстать предъ своимъ монархомъ. Императоръ высказалъ ему свои чувства: онъ сказалъ, что Россія его ненавидитъ за то, что онъ замѣнилъ собою великаго князя Константина; онъ почти извинялся передъ Пушкинымъ, что завладѣлъ престоломъ, поощрялъ его писать и сѣтовалъ на него за его молчаніе. «Если вы опасаетесь цензуры,—сказалъ онъ ему:— то я самъ буду вашимъ цензоромъ.»

Пушкинъ былъ тронутъ; онъ ушелъ сильно взволнованный. Онъ заявилъ своимъ друзьямъ-иностранцамъ, что, слушая императора, онъ чувствовалъ, что можетъ ему только повиноваться. «Какъ я хотѣлъ бы его ненавидѣть!» — говорилъ онъ. — «Но за что мнѣ его ненавидѣть?» Пушкинъ не рѣшался высказать этой мысли своимъ соотечественникамъ, которые начинали относиться къ нему подозрительно. Такъ какъ онъ сталъ болѣе трезвымъ въ своихъ чувствахъ и началъ подсмѣиваться надъ чрезмѣрнымъ энтузіазмомъ, философскими идеями и либерализмомъ своихъ друзей, то возникло подозрѣніе, что онъ подкупленъ правительствомъ. Это подозрѣніе наполняло его сердце скорбью; онъ думалъ, что общественное мнѣніе отъ него отвернулось, что всѣ ему измѣнили, и сталъ осыпать своихъ прежнихъ друзей ѣдкими эпиграммами.

Эти взаимные упреки не были лишены основанія. Общество отвернулось отъ Пушкина не изъ

ненависти къ его личности, а потому, что оно въ немъ уже не находило точки опоры. Оно хотѣло видѣть въ своемъ любимомъ поэтѣ руководителя общественною совѣстью или, лучше сказать, общественнымъ мнѣніемъ. «Ты намъ предсказалъ кровавый заговоръ,— говорило ему общество:—и слова твои оправдались; ты предсказалъ конецъ романическимъ и преувеличеннымъ идеямъ, и вотъ насъ постигло полное разочарованіе. Что же ты намъ предсказываешь теперь? Что намъ дѣлать? Чего намъ ожидать?» А Пушкинъ не зналъ, что отвѣтить на эти вопросы. Вокругъ него царствовала полная апатія. Политическія идеи прежнихъ лѣтъ, историческія воспоминанія славянскихъ народовъ, романическія идеи Байрона,—словомъ все, что волновало славянское цивилизованное общество, было предложено публикѣ и воплотилось въ прекрасныхъ поэтическихъ произведеніяхъ. Но нужно было сдѣлать шагъ впередъ, а у Пушкина не хватало на это силъ.

Вотъ чѣмъ кончилось современное русское литературное движеніе. Между поэтами и прозаиками, пережившими Пушкина, встрѣчаются, несомнѣнно, видные таланты; но, собственно, литература кончилась вмѣстѣ съ нимъ. Столь ненавидимый и преслѣдуемый всѣми партіями человѣкъ умеръ и очистилъ мѣсто другимъ. Кто его замѣнитъ? Люди остроумные? Но вѣдь Пушкинъ остроумнѣе ихъ всѣхъ, вмѣстѣ взятыхъ? Авторы балладъ и сонетовъ? Но развѣ Пушкинъ не написалъ лучшихъ? Какой новый путь изберутъ они? Идеи, которыхъ они придерживаются, не даютъ имъ

сдѣлать шага впередъ; русская литература надолго заторможена.

Бросимъ взглядъ назадъ. Чешскіе поэты предшествовали всѣмъ остальнымъ славянскимъ поэтамъ. Поляки пошли по ихъ слѣдамъ въ XVI в. и скоро опередили ихъ. Въ эпоху пробужденія русской литературы, русскіе поэты, по силѣ, превзошли поэтовъ польскихъ. Однако, вся эта изложенная на письмѣ поэзія, литература, въ собственномъ смыслѣ, до сихъ поръ только подражала Европѣ: она воспроизвела жизнь европейскихъ народовъ, опередившихъ славянъ въ цивилизаціи. Насталъ моментъ, когда славянскіе народы призваны проявить свою самостоятельность. Дайте намъ одну основную идею, одно плодотворное сѣмя! Покровительство монарховъ, рукоплесканія публики, всѣ обыденныя средства поощренія литературы не могутъ намъ ихъ дать. Вы видѣли, что мартинисты, люди темные, благодаря воодушевлявшей ихъ религіозной идеѣ, имѣли болѣе прочное и плодотворное вліяніе на русскую литературу, чѣмъ всемогущій Петръ Великій и высокопросвѣщенная Екатерина II.

Спрашивается, въ какой славянской странѣ зародится эта новая идея? Въ Россіи? Ея литература не имѣетъ еще самостоятельнаго характера. Приведу мнѣніе одного изъ самыхъ видныхъ русскихъ критиковъ. Вотъ что говоритъ князь Вяземскій по этому поводу: «Русскій народъ добивается собственной литературы. До сихъ поръ литература его была французской, нѣмецкой, романтической, классической, какою угодно, но только не русскою.»

LXX.

(Останавливаясь на выясненіи причинъ застоя въ литературѣ Россіи и другихъ славянскихъ странъ, Мицкевичъ полагаетъ, что явленіе это объясняется, главнымъ образомъ, смутою, вызванною въ умахъ іюльскою революціею:)

Со времени іюльской революціи во Франціи нѣтъ ни одного писателя, который признавался бы всею націею образцовымъ, національнымъ писателемъ. Литературныя произведенія подвергаются различной оцѣнкѣ, смотря по религіозной и политической точкѣ зрѣнія, образуются литературныя партіи. Славяне, усердно читавшіе французскія книги, были вынуждены принять участіе въ этой литературной борьбѣ, высказываясь за классиковъ или романтиковъ, за сенъ-симонистовъ, республиканцевъ или легитимистовъ.

Такимъ образомъ, въ сѣверныхъ странахъ происходитъ литературная реакція. Французскія книги подвергаются уже критикѣ; ни одинъ авторъ, ни одна книга уже не пользуются авторитетомъ: отсюда проистекаютъ неувѣренность, колебаніе, литературная смерть.

И вотъ начинается критическій моментъ для славянскихъ литературъ: онѣ истощаются одна за другой; только польская продолжаетъ существовать и представляетъ даже зародыши истинно славянской литературы, литературы будущаго.

Въ Польшѣ появляются новыя произведенія; ея національная идея, которая въ теченіе вѣковъ со-

здавала только отрывки, неполныя поэмы, теперь проявляется въ великихъ твореніяхъ. Философія, проникаясь идеями поэтовъ, создаетъ изъ нихъ теоріи и увлекаетъ даже спекулятивные умы въ своемъ шествіи къ новой будущности: мыслители формулируютъ соціальную философію, и тенденціи всей націи сводятся въ одной идеѣ.

(Въ подтвержденіе этой мысли Мицкевичъ останавливается на трудахъ Бродзинскаго и Вронскаго).

Для насъ, особенно, интересно то обстоятельство, что Вронскій одинъ между всѣми политическими мыслителями и философами понялъ, что въ лицѣ Наполеона мы имѣемъ провозвѣстника новой эпохи. Онъ считалъ эту эпоху зарею новой жизни, общаго возрожденія. Онъ признавалъ Наполеона провиденціальнымъ человѣкомъ, посланника свыше, универсальнымъ, всемірнымъ человѣкомъ; для него рѣчь шла не о династіи Бонапартовъ, нѣтъ, дѣло императора должно было развиваться по духу, а не по плоти. Мысли Вронскаго изложены въ малоизвѣстномъ трудѣ, озаглавленномъ: «Политическій секретъ Наполеона» (Secret politique de Napoléon); другой трудъ его озаглавленъ: «Введеніе къ мессіанизму» (Le prodrome du Messianisme), т. е. возвѣщеніе мессіанизма.

Считаю нужнымъ замѣтить по этому поводу, что въ то время существовала въ Польшѣ многочисленная еврейская секта, на половину состоявшая изъ христіанъ, которая также ожидала мессіанизма и видѣла въ Наполеонѣ если не Мессію, то, по крайней мѣрѣ, его предшественника.

Такимъ образомъ, философъ, математикъ при-

держивается однихъ взглядовъ съ еврейскими богословами и польскими поэтами, ибо впослѣдствіи вы убѣдитесь, что стихотворенія польскихъ поэтовъ, проповѣди польскихъ проповѣдниковъ и выводы, получаемые при точномъ анализѣ ученія Вронскаго, вполнѣ совпадаютъ.

Однако, я долженъ протестовать здѣсь противъ нѣкоторыхъ мнѣній Вронскаго, которыя не находятся въ согласіи съ польскою національною мыслію.

Такъ, напримѣръ, Вронскій или, по крайней мѣрѣ, его послѣдователи, по видимому, отрицаютъ будущность Франціи: они убѣждены, что эта страна уже совершила свою миссію. Мы сейчасъ увидимъ, какъ они аргументируютъ это антиславянское и, главное, анти-польское вѣрованіе.

Но прежде, чѣмъ затронуть этотъ важный вопросъ, я долженъ изложить вамъ въ общихъ чертахъ мотивы, на которыхъ славяне основываютъ свои надежды.

Приступая къ моему курсу и рисуя вамъ картину нравственнаго и религіознаго состоянія главныхъ западныхъ и славянскихъ народовъ, я старался выяснить сходство между характеромъ этихъ двухъ группъ народовъ. Вы припомните, что я сравнилъ Францію съ Польшею, Англію съ Россіею, Германію съ Богеміею, Испанію и Италію съ славянскими княжествами Балканскаго полуострова.

Если разсматривать Европу, какъ принадлежащую всемірной церкви, то ее можно назвать христіанскою, католическою и правовѣрною (orthodoxe). Разсматри-

ваемая съ точки зрѣнія ея жизненнаго и активнаго начала, она носитъ названіе христіанской; съ точки зрѣнія законодательства, формы,—названіе католической; съ точки зрѣнія примѣненія догмата къ жизни она — правовѣрна. Это — три войства одной и той же субстанціи. Такимъ образомъ, когда говорятъ объ активныхъ добродѣтеляхъ, напримѣръ, о милосердіи, то его называютъ *христіанскимъ*, а не *католическимъ* или *правовѣрнымъ*. Съ другой стороны, когда касаются догмата, то говорятъ: это — *католическій догматъ*, *католическое ученіе*. Наконецъ, доктрина или поведеніе человѣка или народа оцѣниваются болѣе или менѣе правовѣрно, сообразно съ тѣмъ, насколько они соотвѣтствуютъ христіанскимъ началамъ и католическимъ установленіямъ.

Этотъ духъ, смотря по тому, является-ли его тенденція христіанскою, католическою или право вѣрною, даетъ исторіи націи опредѣленное направленіе. Францію съ древнихъ временъ всегда называли страною христіанскою, по преимуществу, страною симпатическою; жизнь, сила, движеніе,— вотъ составныя части французскаго генія. Франція стояла во главѣ крестовыхъ походовъ; она первая предпринимала всевозможныя реформы. Ея монархи носили титулъ христіаннѣйшихъ королей.

Испанія, которая является представительницею внѣшней стороны религіи, *формальной* стороны, какъ говорятъ нѣмцы, законодательства, порядка, носитъ названіе католической, по преимуществу. Она боролась съ протестантизмомъ и дѣлала наибольшія усилія, чтобы сокрушить ересь.

Между славянскими странами Россія носитъ названіе *православной*, т. е. страны, которая исповѣдуетъ истинную вѣру, въ смыслѣ обрядности, внѣшняго поклоненія Божеству.

Польшу назвали правовѣрною; она примѣнила христіанскій духъ и католическую форму къ политическому своему поведенію.

Таково было прошлое Европы. Спрашивается, гдѣ та сила, которая оживитъ ее въ будущемъ, такъ какъ немыслимо предполагать, чтобы нравственный, литературный и политическій status quo продолжался вѣчно?

Не подлежитъ сомнѣнію, что этою силою будетъ Франція. Я говорю здѣсь, какъ славянинъ, основываясь на вѣрованіяхъ и воззрѣніяхъ моей страны, съ которыми я васъ знакомлю, цитируя отрывки изъ ея поэтовъ и философовъ. Да, сила, которая поколеблетъ будущее, можетъ исходить только отъ Франціи; католическимъ націямъ будетъ предоставлена забота о дальнѣйшемъ развитіи догматовъ; примѣненіе ихъ будетъ задачею поляковъ, этого мощнаго народа, который назвали правовѣрнымъ, указывая этимъ на его соціальныя обязанности, заключающіяся въ примѣненіи духовныхъ истинъ къ земной жизни. Затѣмъ, на долю Россіи выпадетъ задача превратить эти истины въ предметъ поклоненія, развивать ихъ внѣшнія осязательныя стороны.

Даже въ заблужденіяхъ французской революціи, по временамъ, замѣчался истинно-христіанскій духъ. Нѣкоторые правовѣрные французскіе историки и философы объясняютъ французскую революцію

ослабленіемъ христіанства въ законодательствѣ, въ правительственныхъ нравахъ, и пробужденіемъ христіанства въ массахъ. Французскій геній нанесъ ударъ церкви, а, между тѣмъ, онъ, если судить безпристрастно, быть можетъ, менѣе виновенъ, чѣмъ духъ, который вызвалъ революціи въ Испаніи и Германіи. Французскіе якобинцы, избивая священниковъ и разрушая храмы, назвали Іисуса Христа санъ-кюлотомъ, т. е. дали ему недостойное, но наиболѣе почетное въ то время названіе; они признавали въ немъ и гражданина, и брата. Испанскіе революціонеры, наоборотъ, лицемѣрно покровительствуя церкви, нападаютъ на Христа.

Поэтому слѣдуетъ ожидать, что религіозная реакція скорѣе произойдетъ во Франціи, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Приведу еще примѣръ симпатическаго и христіанскаго духа французскаго народа. Обратите вниманіе на многочисленныхъ выходцевъ разныхъ націй, которые нашли пріютъ во Франціи. Подобно тому, какъ въ храмѣ св. Петра существуютъ исповѣдныя для всѣхъ народовъ Европы, мы встрѣчаемъ во Франціи конторы для португальцевъ, испанцевъ, итальянцевъ, нѣмцевъ и поляковъ.

Во Франціи славянскія страны находятъ пріютъ, гдѣ свободно раздается слово правды. Эта ограда — единственное публичное мѣсто, гдѣ поляки, русскіе, чехи могутъ обсуждать религіозные и нравственные вопросы. Франція освободила славянское слово; ея иниціативѣ мы обязаны учрежденіемъ славянскихъ каѳедръ въ Пруссіи и Австріи.

LXXI—LXXIII.

(Затѣмъ Мицкевичъ касается вопроса о національной польской литературѣ, подробно анализируетъ поэму Мальчевскаго «Марія» и переходитъ къ произведеніямъ Гарчинскаго, котораго онъ признаетъ однимъ изъ величайшихъ національныхъ поэтовъ Польши.)

Намъ остается изучить труды поэта-философа, которые находятся въ тѣсной связи съ исторіею философіи этой эпохи; съ этого момента поэзія, политика, философія представляютъ только разныя стороны одной національной идеи.

Степанъ Гарчинскій — познанскій уроженецъ. Онъ родился въ томъ году, когда польскіе легіоны вступили на отечественную территорію. Одиннадцати-лѣтнимъ ребенкомъ онъ видѣлъ, какъ пруссаки заняли Познань послѣ отступленія французовъ и поляковъ; тутъ онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей, далъ клятву въ вѣчной ненависти къ Германіи. Однако, Провидѣнію угодно было удержать его долго въ Познани, гдѣ онъ провелъ часть своей жизни среди нѣмцевъ.

Этотъ великій поэтъ нисколько не сознавалъ своего призванія. Онъ посвятилъ себя изученію философіи, слушалъ лекціи знаменитыхъ нѣмецкихъ философовъ и, въ особенности, полюбилъ Гегеля. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ основательнаго изученія всѣхъ философскихъ доктринъ, онъ возымѣлъ мысль основать польскую философію. Пріѣхавъ въ Германію съ обрывками религіозныхъ

вѣрованій, онъ забылъ свою религію, сталъ скептикомъ и думалъ, что нашелъ въ философіи Гегеля лучшее и самое возвышенное объясненіе христіанства. Какъ извѣстно, Гегель и его школа постоянно прибѣгаютъ къ формуламъ христіанскаго ученія, часто говорятъ о предвѣчномъ словѣ и о первородномъ грѣхѣ, понимая, однако, подъ этими словами совершенно другое, чѣмъ правовѣрные христіане.

Уяснивъ себѣ сущность философіи Гегеля, Гарчинскій призналъ ее враждебною Польшѣ.

Эта философія, о которой мы имѣли уже случай говорить въ прошломъ году, обоготворяетъ человѣческій разумъ и человѣка, признавая только внѣшнюю, осязательную сторону его дѣятельности. Она видитъ въ германской націи и, преимущественно, въ прусскомъ королевствѣ высшее проявленіе человѣческаго разума и могущества, а слѣдовательно и самое полное проявленіе Божества. По мысли Гегеля, какъ я вамъ уже говорилъ, Богъ воплощается въ человѣкѣ, такъ что всякій успѣхъ человѣчества, такъ сказать, увеличиваетъ сумму нашихъ познаній о Богѣ. На этомъ основаніи Пруссію, какъ страну прогрессивную и изобрѣтательную, слѣдовало бы признать страною божественною. Послѣдователи этой странной философіи полагаютъ, что Божество, создавъ солнечную систему, не могло изобрѣсти часы иначе, какъ при посредствѣ человѣка: они, напримѣръ, положительно утверждаютъ, что открытіе силы пара способствовало прогрессу Божества. По ихъ понятіямъ, Божество—существо пантеистическое,

которое не имѣетъ яснаго представленія о своей индивидуальности и должно воплотиться въ людяхъ, чтобы придти къ сознанію не только своей мудрости, но и своего существованія.

Въ то время, когда Гарчинскій работалъ въ Берлинѣ, онъ одинъ, можетъ быть, понималъ идею Гегеля въ ея совокупности. И вы этому не удивитесь, если обратите вниманіе на то, что во Франціи, гдѣ мало занимаются гегелевскою философіею и изучаютъ ее лишь поверхностно, ее гораздо лучше понимаютъ, чѣмъ въ Германіи, т. е. во Франціи даютъ себѣ болѣе точный отчетъ въ ея основной идеѣ и тенденціяхъ. Такъ какъ эта философія ничто иное, какъ обширная логическая система, то она нашла во Франціи неумолимыхъ логиковъ, которые, идя прямо къ цѣли, выяснили самый ея зародышъ. Поляки въ этомъ отношеніи имѣютъ большое сходство съ французами. Гарчинскій скоро усвоилъ себѣ философію Гегеля, такъ что онъ могъ ее даже объяснять нѣмцамъ.

Польская революція 1830 г. прервала его философскія занятія. Послѣ паденія Польши онъ вернулся за-границу и умеръ въ Авиньонѣ на двадцать-восьмомъ году жизни. Онъ оставилъ послѣ себя поэму въ двухъ частяхъ. Это — самое обширное философское сочиненіе, написанное когда-либо въ славянскихъ странахъ.

Эта поэма — родъ біографіи. Героемъ ея является молодой человѣкъ, имѣющій отдаленное сходство съ байроновскими героями Это несчастный, который отрѣшился отъ всякихъ иллюзій и, среди богатства и удовольствій, терзается от-

чаяніемъ, ища развлеченія въ наукѣ: родъ Фауста или Манфреда. Но не страсть къ наукѣ (грѣхъ Фауста) сдѣлала его несчастнымъ; не любовь терзаетъ его, какъ Лару или Корсара: онъ несчастенъ, потому что онъ полякъ, потому что существованіе его отечества лишилось нравственнаго мотива, потому что онъ утратилъ вѣру и въ философіи нашелъ только апоѳеозъ силъ, которыя разрушили его отечество.

Этою мыслію, собственно, должна оканчиваться его поэма; но онъ даетъ ее предчувствовать уже въ самомъ началѣ.

Живя уединенно въ своемъ замкѣ, онъ пугаетъ подвластныхъ ему лицъ своими рѣчами и дѣйствіями. Однажды онъ входитъ въ церковь въ великую пятницу, въ тотъ торжественный моментъ, когда молящіеся, окруживъ гробъ Господень, ожидаютъ его воскресенія. Молодой человѣкъ встрѣчаетъ тутъ стараго знакомаго, друга, священника. Онъ привѣтствуетъ его сатанинскимъ смѣхомъ и страшными проклятіями противъ вѣры, церкви, духовенства. Вотъ какъ начинается поэма. Но чѣмъ вызывается эта вражда къ католицизму и духовенству? Богохульникъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. Онъ спрашиваетъ священника: «гдѣ Слово, принявшее плоть?» т. е. что сталось съ примѣненіемъ христіанской доктрины къ политической жизни? Священникъ, устрашенный этими зловѣщими вопросами и проклятіями, крестится и старается успокоить своего собесѣдника.

«Возмущайся,—отвѣчаетъ полякъ:—осѣняй себя крестнымъ знаменіемъ, проклинай! *Духъ* остается

предъ тобою, неподвижный и непоколебимый, какъ колокольня этой церкви предъ бурею и непогодою. Ты погубилъ меня на вѣки. Когда я родился, въ глубинѣ моей души жило жгучее чувство свободы, непреодолимое стремленіе къ дѣятельности, я былъ силенъ Но ты проникъ сквозь ясную мою мысль до самаго зародыша моей души и, чтобы уничтожить его, ты внушилъ мнѣ мысль о Богѣ и о безсмертіи души. Разбитая моя мысль разлетѣлась вдребезги, прежнія мои стремленія угасли, я забылъ отечество, любовь, дружбу и домашній очагъ, я сталъ искать спасенія въ бѣдности и смиреніи. Наконецъ, я понялъ, къ чему вы стремитесь: вы хотите властвовать надъ душами, чувствуя себя безсильными властвовать надъ людьми. Вы, спокойные и безстрастные, какъ эти стѣны, вы, подвергающіеся вліянію великихъ, историческихъ персворотовъ столько же, сколько засохшіе цвѣты этого вѣнка, вы воображаете, что можете утѣшить мое страстное сердце, которое разрывается, и народъ, который погибаетъ... Для васъ не существуетъ ни любви, ни свободы. Священникъ! Я спрашиваю тебя, я спрашиваю весь міръ: Гдѣ Слово, принявшее плоть? Гдѣ Оно?... О Христосъ! Ты пострадалъ за человѣчество, Ты умеръ на крестѣ!.. А этотъ человѣкъ, называющій себя Твоимъ ученикомъ, думаетъ подражать Тебѣ, читая молитвенникъ! Что же удивительнаго, если тому, кто уразумѣлъ печальное положеніе міра, кажется, что его живаго колесуютъ, если онъ увлекаетъ съ собою тысячи другихъ въ спицы колеса, на кото-

ромъ погибаетъ, или, выпрямившись во весь ростъ, свысока плюетъ на васъ.

Священникъ. Умолкни!.. Великій Боже!

Полякъ. Я буду кричать изо всѣхъ силъ; моя рѣчь выступитъ изъ береговъ, какъ бурный потокъ, пока я не исчерпаю источника моей мысли до послѣдней капли, голосъ мой будетъ раздаваться, какъ громъ, я буду говорить, какъ свободный человѣкъ и, въ тоже время, какъ рыдающій ребенокъ, я буду кричать, какъ самка, когда коршунъ уноситъ ея первенца, я буду заклинать людей, во имя ихъ прежнихъ несчастій, вѣрить всѣмъ, но только не вамъ: ибо, вмѣсто того, чтобы вступиться вашимъ всесильнымъ словомъ за народы, вы довольствуетесь тѣмъ, что хороните ихъ по христіанскому обычаю на лонѣ земли, единственной матери, которую вы признаете.

Вотъ основная мысль поэмы: во имя благородныхъ и возвышенныхъ чувствъ, во имя любви къ человѣчеству, поэтъ протестуетъ противъ примѣненія христіанскаго ученія въ томъ видѣ, какъ это дѣлается духовенствомъ. Онъ требуетъ, чтобы христіанство спасло польскій и другіе народы, и такъ какъ священникъ его не понимаетъ, то онъ проклинаетъ его.

Впослѣдствіе мы увидимъ, какой путь этотъ геній избираетъ, чтобы вернуться къ христіанству.

«Деревня спитъ, но есть человѣкъ, который бодрствуетъ. Его вѣчно безпокойные и открытые глаза блуждаютъ, какъ сыщики, охраняя его больную и плѣнную мысль. Онъ по временамъ встаетъ: Если онъ скитается по полямъ, если онъ отъ усталости

падаетъ на берегу рѣки, омывающей его замокъ, то только чтобы освѣжить голову, которая у него горитъ; ибо когда онъ отдыхаетъ, то мысль его продолжаетъ терзаться мечтаніями, болѣе глубокими и бурными, чѣмъ волны рѣки.»

Такимъ образомъ, этотъ молодой человѣкъ, отвергнутый людьми, враждебно относящійся къ религіи, которую онъ считаетъ лживою, ненавидящій философію, потому что она не удовлетворяетъ потребностямъ его души, предоставленъ самому себѣ. Онъ обращается къ своему генію, къ тому внутреннему человѣку, который, будучи божественнаго происхожденія, долженъ раскрыть ему, хоть отчасти, цѣль его бытія. «Я расшевелю его, — говоритъ онъ: — я дамъ ему жизнь, я заставлю его говорить. Тогда я узнаю тайну человѣческаго существованія и, въ тоже время, раскрою тайну моей силы.»

Мысль, что всякая сила исходитъ отъ человѣческаго духа, предчувствовалъ уже Державинъ; ее смутно возвѣщалъ Нарушевичъ и нѣкоторые другіе поэты; но Гарчинскій ее ясно формулировалъ. Она составляетъ основную идею его поэмы и, вообще, краеугольный камень славянской философіи.

Въ этомъ отношеніи славянская философія вполнѣ согласуется съ преданіями классической древности. Древніе думали, что у всякаго человѣка есть свой геній и что вся разница между людьми заключается въ степени его развитія.

Философы и поэты въ то время сравнивали человѣческую душу съ куколками насѣкомыхъ, изъ которыхъ однѣ дремлютъ неподвижно и молчаливо,

другія начинаютъ пробуждаться отъ своего летаргическаго сна и представляютъ уже признаки скораго превращенія, третьи, наконецъ, уже расправляютъ свои крылья. Такъ дѣло обстоитъ и съ человѣческою думою. Душа нѣкоторыхъ людей уподобляется червяку: она не трудится надъ своимъ освобожденіемъ, лишена способности разорвать связывающія ее путы. Но тѣ люди, душа которыхъ уже начала парить, представляются намъ во всемъ блескѣ дѣятельности и краснорѣчія. Чтобы иллюстрировать эту истину, древніе украшали голову Психеи, т. е. души, полнѣе всего отрѣшившейся отъ плоти, бабочкою, — эмблемою свободы.

Вотъ смыслъ слѣдующихъ словъ Гарчинскаго: «Освободивъ свой геній, мы пріобрѣтемъ силу, мудрость и могущество».

Я приведу вамъ стихи, въ которыхъ онъ обращается къ своему генію:

«О, мой геній! Оставайся одинъ со мною. Я хочу чувствовать трепетъ твоихъ крыльевъ. Я начну пѣть, и моя пѣсня освободитъ таинственныя силы, скованныя въ глубинѣ пропастей. О, геній! Когда буря начнетъ бушевать, когда море покроется волнами, я схвачу пѣну одной изъ нихъ, какъ лошадиную гриву, разверну мою душу, какъ парусъ, и заставлю волны и вѣтеръ мнѣ повиноваться. О, геній! Когда человѣчество, утомленное бурями, погрузится въ летаргическій сонъ, пусть моя идея проникнетъ въ человѣческія души и сверкаетъ въ нихъ, какъ солнечные лучи въ зѣницѣ ока:

Śpiew ty mój natchnij, a z duszy do duszy,
Jak słońce w oko, śpiew mój błyszcząc wpadnie;

«Пусть моя пѣснь пробудитъ всѣ силы, въ нихъ скрывающіяся, и потрясетъ весь міръ. О, геній! Ты внушилъ мнѣ пѣсню мести, и стихи мои будутъ литься одинъ за другимъ, какъ слезы несчастной матери; я испущу такой крикъ мести, что демоны удивятся ему. Люди и духи будутъ служить мнѣ свидѣтелями (засвидѣтельствуютъ силу моего генія), какъ возвышенная мысль свидѣтельствуетъ о великой душѣ, какъ подвигъ свидѣтельствуетъ о возвышенной мысли, какъ время служитъ свидѣтелемъ пророку, какъ вѣчность свидѣтельствуетъ объ истинѣ.»

Мнѣ пришлось нѣсколько разъ повторить слова: *свидѣтельствуетъ, служитъ свидѣтелемъ* при переводѣ польскаго текста:

I ludzie — niebo — staną mu na swiadki
Jako sercu — myśl wysoka,
Jako myśli — czynów dzielność.
Jako czas — pieśniom proroka,
Jako prawdzie — nieśmiertelność.

Слогъ этого стиха необыкновенно сжатый. Въ немъ больше мыслей, чѣмъ слóвъ.

Гарчинскій говоритъ, что возвышенная мысль свидѣтельствуетъ о великой душѣ, что эта возвышенная мысль рождаетъ подвиги, которые свидѣтельствуютъ, въ свою очередь, о первоначальной мысли, какъ пророчества подтверждаются временемъ. Слѣдовательно, источникомъ всего является душа. Она родитъ истину, которая будетъ царствовать надъ вѣчностью.

LXII—LXIII.

(Въ слѣдующей лекціи Мицкевичъ продолжаетъ разборъ поэмы Гарчинскаго и, затѣмъ, опредѣляетъ значеніе его, какъ поэта національнаго).

Исторія литературы распредѣлитъ современемъ русскихъ, чешскихъ и польскихъ писателей по категоріямъ, которыя нынѣ могли бы удивить читателей. Такъ, величайшій изъ писателей-художниковъ, Станиславъ Трембецкій, принадлежитъ Россіи и можетъ быть причисленъ къ писателямъ эпохи Екатерины II. Жуковскій, напротивъ, по характеру своей поэзіи, принадлежитъ къ числу литовскихъ поэтовъ. Пушкинъ является поэтомъ то русскимъ, въ собственномъ смыслѣ, то даже московскимъ, то европейскимъ. Колларъ — единственный поэтъ, котораго можно назвать чисто-чешскимъ: онъ воспѣваетъ прошлое, смиренно мирится съ настоящимъ, и почти-что не смѣетъ мечтать о будущемъ. Между польскими поэтами, Гощинскій часто бываетъ русскимъ. Чувства и тонъ, преобладающіе въ его поэзіи, позволяютъ отвести ему мѣсто между Державинымъ и Пушкинымъ; онъ иногда даже болѣе московскій поэтъ (plus moscovite), чѣмъ Пушкинъ (я говорю о тонѣ его произведеній, потому что патріотизмъ его достаточно извѣстенъ). Богданъ Залѣскій, несомнѣнно, величайшій изъ славянскихъ поэтовъ; онъ, такъ сказать, кинулъ букетъ стиховъ, чтобы завершить зрѣлище, представляемое славянскою поэзіею: онъ всегда будетъ приводить въ отчаяніе людей, которые по-

священаютъ себя искусству ради искусства; онъ его вполнѣ исчерпалъ. Разнообразіемъ ритмовъ, блескомъ колорита, нѣжностью оттѣнковъ, — всѣмъ этимъ онъ владѣетъ съ изумительнымъ совершенствомъ.

Въ чемъ-же будетъ состоять отличительный характеръ польской національной поэзіи? Въ духѣ мессіанизма. Литература, философія, поэзія носятъ въ Польшѣ этотъ характеръ, и, именно потому, что всѣ произведенія Гарчинскаго проникнуты этимъ духомъ, я считаю его поэтомъ наиболѣе польскимъ. Мессіанизму, равнымъ образомъ, Залѣскій обязанъ всѣмъ, что у него есть лучшаго: поэмами: «Духъ степей» и «Святая семья».

Что слѣдуетъ, однако, разумѣть подъ мессіанизмомъ? Какое право имѣетъ Польша на подобную миссію? Каковъ будетъ ея характеръ? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, мы должны обратиться къ польской философіи, которая, какъ мы видѣли, пришла, въ конечномъ своемъ выводѣ, къ этой идеѣ наряду съ поэзіею.

Вотъ три основные пункта польской философіи, зачатки которыхъ мы нашли въ польскихъ поэтахъ, въ исторіи Польши и въ трудахъ ея государственныхъ людей.

Во первыхъ, необходимость *жертвы*. Нельзя начать не только никакого дѣла, но даже и плодотворной работы мысли безъ предварительной жертвы.

Во вторыхъ, христіанская миссія польской націи, неизбѣжность смерти и возрожденія.

Въ третьихъ, всеобщность, гуманитарная тенденція мессіанизма.

Между иностранцами католическіе философы одни занимались выясненіемъ этой жертвы; Гегель довольно смутно опредѣляетъ ее; самая возвышенная и основательная ея теорія принадлежитъ Францу Баадеру.

Баадеръ говоритъ, что все, что̀ дышетъ, дѣйствуетъ, живетъ, можетъ питаться только живыми существами; органическія вещества или трупы, находящіеся въ состояніи разложенія, не могутъ служить ему пищею. Равнымъ образомъ, индивидъ, умирающій естественною смертью, положившій всю свою жизнь на то, чтобы защищаться и развивать свою земную личность, и достигшій предѣла, когда эта личность поглощается общимъ, т. е. смертью, такой индивидъ не можетъ въ общей жизни служить питательнымъ элементомъ. Но если онъ, въ полномъ обладаніи своими силами, приноситъ себя въ жертву, если онъ предоставляетъ обществу свою жизнь, какъ пищу, тогда всѣ его жизненныя силы, все, что должно было оживлять его въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, вся эта сила просачивается въ общество и питаетъ его.

Баадеръ объясняетъ вліяніе жертвы не шумомъ, который вызываетъ громкое событіе, а дѣйствіемъ, принадлежащимъ къ числу самыхъ непосредственныхъ и положительныхъ, именно, введеніемъ въ общественный организмъ силы болѣе дѣятельной, чѣмъ электричество и магнетизмъ.

Теорія польскихъ философовъ иная. Вотъ какъ они объясняютъ безусловную необходимость жертвы.

Всѣ ссоры между людьми и народами вызываются эгоизмомъ. Эгоизмъ одного человѣка ведетъ борьбу съ эгоизмомъ другаго. Всѣ люди полагаютъ. что они стремятся къ истинѣ; но какъ найти ее, не отрекшись сперва отъ собственнаго эгоизма. отъ собственной личности? Надо, слѣдовательно, сперва отрѣшиться отъ личныхъ интересовъ, отъ своего *я*, чтобы опредѣлить, насколько данное дѣло справедливо или нѣтъ. Народъ выражаетъ эту мысль поговоркою: «никто не бываетъ судьею въ собственномъ дѣлѣ,» если только онъ не отрѣшится вполнѣ отъ самого себя. Только пожертвовавъ всѣми свѣтскими интересами, Спаситель и мученики основали христіанство, великое общеніе людей, именуемое церковью. Но ни одна нація пока не была представительницею христіанства.

Вопросъ о миссіи народовъ впервые поставленъ современною философіею. Нельзя не отмѣтить любопытнаго факта, что протестантизмъ, пожертвовавшій духовною властью для свѣтской, отрицалъ миссію народовъ и ихъ обязанности вступать въ союзъ для совмѣстной христіанской жизни.

Философы, признающіе за Польшею миссію быть представительницею христіанства въ политикѣ, указываютъ, между прочимъ, какъ на признакъ этой миссіи, на то, что она приняла христіанство сразу. Крещеніе въ этой странѣ не было рядомъ крещеній отдѣльныхъ личностей, а фактомъ внезапнымъ и единственнымъ. Принявъ христіанство, какъ нація, польскій народъ долженъ развивать его путемъ національныхъ фактовъ.

Внутренняя работа націи, родившей поэтовъ и

философовъ съ такою тенденціею, не могла не быть совершенно особенною. Наши писатели всѣ — воины и изгнанники, люди дѣйствія; они, такъ сказать, только мимоходомъ коснулись вопросовъ, которые насъ занимаютъ, а, между тѣмъ, соперничаютъ съ самыми смѣлыми современными философами, съ гг. Бюше, Шеллингомъ, Пьеромъ Леру и другими.

Г. Бюше, католическій философъ, придерживающійся логическаго метода, оспариваетъ доктрину индивидуальнаго спасенія. По его ученію, обязанности христіанина состоятъ въ томъ, чтобы способствовать спасенію ближнихъ; онъ даже распространилъ эту обязанность на ближняго, вообще, на человѣчество. Но такъ какъ человѣческій духъ только отъ частнаго переходитъ къ общему, то польская философія на первый разъ признала принципомъ обязанность заботиться о спасеніи соотечественниковъ.

Шеллингъ, величайшій изъ нѣмецкихъ философовъ, излагаетъ теперь въ Берлинѣ доктрину, зачатки которой мы также встрѣчаемъ у польскихъ поэтовъ. Онъ утверждаетъ, что христіанство прошло только два фазиса своего развитія. Первый фазисъ, который онъ называетъ эпохою апостола Петра, — эпохою твердой, слѣпой, синтетической вѣры, продолжался до VI или VII в. Затѣмъ, наступилъ второй фазисъ, эпоха апостола Павла, — эпоха преній и доктринъ, обнимающая послѣднія времена среднихъ вѣковъ и протестантизмъ. Теперь, по мнѣнію Шеллинга, настаетъ эпоха апостола Іоанна, царство энтузіазма и любви. Эта

доктрина провозглашена всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ; но для насъ она уже стара; въ трудахъ знаменитаго автора *Иридіона* она изложена символически.

Г. Пьеръ Леру считаетъ необходимымъ установить политику на религіозной основѣ. Франція, по его мнѣнію, является не только націею въ языческомъ смыслѣ этого слова; Франція для него — религія. Задолго до г. Леру польскіе философы и поэты сказали тоже самое о своей націи; они, однако, не провозглашаютъ, что Польша — религія, но утверждаютъ, что польскій вопросъ неизбѣжно заключаетъ въ себѣ всѣ соціальные и религіозные вопросы.

Г. Пьеръ Леру, хотя не признаетъ Христа Богомъ и отрицаетъ воскресеніе, но онъ называетъ, однако, христіанское ученіе божественнымъ.

Мы не будемъ оспаривать теорію этого мыслителя. Мы замѣтимъ только, что, отрицая воскресеніе, онъ, въ тоже время, отрицаетъ евангеліе. Апостолъ Павелъ ставитъ его въ страшную (terrible) дилемму, утверждая, что если воскресенія не было, то вся наша религія является фантасмагоріею.

Г. Пьеръ Леру признаетъ божественный характеръ того, что онъ называетъ восторженностью.

Но вспомните, что мы говорили о восторженности. Весь ходъ польской исторіи опредѣляется ею; всѣ польскіе великіе люди въ важные моменты ихъ жизни были людьми восторженными. Божественный характеръ, который философія нынѣ вынуждена признать за восторженностью, даетъ санкцію исторіи Польши.

Но какъ проявится этотъ мессіанизмъ, провозглашенный и признанный національною славянско-польскою литературою? Слѣдуетъ-ли ожидать появленія философской школы въ польскихъ странахъ? Не будетъ-ли внесена польская доктрина въ жизнь народовъ запада? Или-же польской націи суждено формулировать въ нѣсколькихъ положеніяхъ выводы, къ которымъ она пришла. Нѣтъ, не такова миссія польской націи.

Въ классической древности Греція придумывала доктрины; Римъ усвоилъ себѣ нѣкоторыя изъ нихъ и создалъ практическія школы. Римляне были лучшими и болѣе искренними стоиками, чѣмъ самъ Зенонъ; между проконсулами и римскими поэтами встрѣчаются болѣе послѣдовательные эпикурейцы, чѣмъ самъ Эпикуръ. И, тѣмъ не менѣе, всѣ эти доктрины и школы не создали ничего устойчиваго.

Израильскій народъ не могъ распространить въ Аѳинахъ или Римѣ своихъ доктринъ; онъ не былъ призванъ создать въ этихъ городахъ школы, но онъ далъ міру *Сына человѣка.*

Доктрины ничего не создаютъ; это только точки зрѣнія разныхъ индивидовъ. Школы скоропреходящи; онѣ даютъ выраженіе взглядамъ извѣстныхъ группъ индивидовъ. Доктрина, разъ формулированная, перестаетъ жить. То, что нельзя формулировать, что есть, длится, дѣйствуетъ, это — самъ человѣкъ, воплощеніе слова. Такого человѣка предчувствовали и предсказывали поэты: «человѣкъ, чуткое ухо котораго различитъ въ безчисленномъ хорѣ звуковъ стукъ вѣщей колесницы,

который отгадаетъ принятое ею направленіе, вскочитъ въ нее, займетъ въ ней мѣсто и пронесется надъ поколѣніями, какъ рокъ:

Który sród glosów mylnych, śród wrzasków tysiąca,
Uchem duszy rozpozna przeznaczeń kół grzmienie,
Wskoczy w rydwan wyroków i zajmie siedzenie,
I po czasie przejedzie jako przeznaczenie.

Къ сожалѣнію, я не могу привести вамъ здѣсь отрывковъ изъ Аммерлинга, чешскаго философа, который, путемъ глубокихъ изслѣдованій въ области естественныхъ наукъ, пришелъ къ тѣмъ же выводамъ. Изучая то, что онъ называетъ зародышемъ славянской національности, онъ пришелъ къ сознанію о необходимости новой, національной миссіи, къ сознанію о необходимости *человѣка-націи.*

CXIV.

Вопросъ о мессіанизмѣ, возбужденный польскою философіею, является вопросомъ чисто славянскимъ; въ то-же время, это вопросъ европейскій.

Русская философія не формулировала будущихъ цѣлей; если она обѣщаетъ народу могущество и матеріальное благосостояніе, то она только повторяетъ то, что говорятъ всѣ правительства. Правда нѣкоторые русскіе публицисты, устрашенные ослабленіемъ государственной власти на западѣ, возлагаютъ всѣ свои матеріалистическія надежды на власть,

управляющую Россіею. Это единственная оригинальная сторона русской государственной философіи; она хочетъ стать хозяйкою всего, что есть матеріалистическаго въ Европѣ, поглотить всѣ идеи философовъ XVIII в. и современныхъ школъ, основанныхъ на матеріализмѣ.

Чешская наука дошла до сознанія о необходимости національной миссіи; на этомъ она остановилась.

Въ Польшѣ необходимость національной миссіи предчувствовалась уже въ XVI в. Впослѣдствіе она смутно была выражена поэтами въ видѣ желанія; выясняясь постепенно и пріобрѣтая, такъ сказать, осязательный характеръ, она нынѣ формулирована философами: польскій мессіанизмъ идетъ далѣе чешской науки и возлагаетъ на польскій народъ миссію, представителемъ которой будетъ одинъ человѣкъ.

Чтобы понять какъ характеръ этого мессіанизма, такъ и роль, которую, по польскимъ понятіямъ, должны разыграть въ этой великой драмѣ европейскія націи, надо уяснить себѣ исторію славянскихъ народовъ, отрѣшившись отъ всякаго рода политическихъ формулъ. Вдумаемся въ духъ славянскихъ народовъ.

Согласно догмату, который я назову славянскимъ, — такъ онъ популяренъ и соотвѣтствуетъ нашей философіи,—души отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ народовъ отличаются другъ отъ друга только степенью своего развитія. Это развитіе, которому обстоятельства споспѣшествуютъ или противодѣйствуютъ, зависитъ, въ общемъ говоря, отъ ихъ воли.

Вліяніе Европы расшевелило душу чешскаго народа и, затѣмъ, вызвало одностороннее развитіе: умъ взялъ перевѣсъ надъ всѣми другими способностями. Пробужденіе Богеміи произошло слишкомъ рано (въ эпоху возникновенія гусситскихъ сектъ); она истощила свои жизненныя силы въ борьбѣ съ Европою и пала. Тяжелыми несчастіями ей пришлось искупить свои ошибки; она первая примирилась съ своею участью и первая же отреклась отъ національнаго эгоизма; она осудила спѣсь чешской аристократіи, которая не могла забыть, что изъ ея среды вышло нѣсколько германскихъ императоровъ; она старалась устранить то, что разъединяло чеховъ съ поляками и русскими. Этимъ великодушнымъ безкорыстіемъ, этимъ отреченіемъ отъ эгоизма она заслужила честь быть признанной русскими и поляками старшею сестрою въ области науки.

Духъ русскаго народа долго противился вліянію гунновъ, нормановъ и другихъ завоевателей. Россія, состоявшая изъ независимыхъ общинъ и княжествъ, находившихся въ слабой связи съ Новгородомъ и Кіевомъ, не имѣла политическаго существованія. Чтобы пробудить ея силы, Провидѣніе ниспослало ей террор въ лицѣ монголовъ. Чингисъ-ханъ появился и исполнилъ свою грозную миссію. Послѣ нѣсколькихъ дней поста, молитвъ и совѣщанія съ духами данныхъ мѣстностей, онъ спустился съ вершины азіатскихъ горъ, ринулся на западъ и провозгласилъ себя мстителемъ, посланнымъ небомъ. Онъ крикнулъ адскимъ голосомъ свое татарское: *ура!* отъ котораго за-

дрожала Азія и Европа: Когда онъ приближался ужасъ леденилъ сердца. Монгольскій крикъ приводилъ людей въ состояніе оцѣпененія; оружіе валилось изъ рукъ солдатъ; монархи бѣжали, чтобы только не слышать этого крика.

Московскіе великіе князья, бывшіе долго рабами монголовъ, проникли тайну своихъ побѣдителей; они усвоили себѣ монгольскій крикъ, въ свою очередь, крикнули: *ура!* и навели ужасъ на Московское княжество и сосѣднія страны.

На народы дѣйствуетъ не фраза, не смыслъ даннаго изрѣченія. Смыслъ — ничто иное, какъ дуновеніе духа; тонъ даетъ ему форму, плоть, жизнь. Тонъ дѣлаетъ музыку,— гласитъ извѣстная французская пословица. Та же фраза, которою полководецъ воодушевляетъ цѣлую армію, смѣшитъ васъ, когда произносится ребенкомъ. Тонъ—одно изъ существенныхъ условій жизни. Онъ можетъ исходить только отъ человѣка, стоящаго выше, чѣмъ тѣ, которые ему должны повиноваться.

Позвольте мнѣ, чтобы лучше разъяснить вамъ значеніе этого слова, разсказать вамъ маленькій анекдотъ.

Въ началѣ кампаніи 1812 г., во время отступленія русской арміи, какой-то русскій офицеръ захворалъ и вынужденъ былъ слечь. Вслѣдъ затѣмъ подошелъ отрядъ русскихъ гвардейцевъ и началъ грабить домъ, въ которомъ лежалъ больной. Хозяинъ дома обратился къ нему съ просьбою защитить его; офицеръ поспѣшилъ отдать соотвѣтственное приказаніе, но солдаты не повиновались. Тогда онъ попросилъ хозяина придвинуть кровать,

на которой онъ лежалъ, къ окну такъ, чтобы солдаты могли разслышать его. Это было сдѣлано. Тутъ офицеръ издалъ тотъ крикъ, который русскіе наслѣдовали отъ татаръ. Этотъ крикъ навелъ ужасъ на тѣхъ солдатъ, которые его разслышали, и они повиновались, какъ автоматы. Затѣмъ, офицеръ приказалъ ихъ призвать къ себѣ, наказалъ ихъ самъ своею слабою рукою и запретилъ имъ отойти отъ постели. Другіе солдаты, не слышавшіе крика офицера, продолжали грабить домъ. Вотъ что я называю русскимъ тономъ.

Польскій языкъ, развиваясь медленно подъ теплыми лучами христіанства, носитъ другой характеръ. Въ тонѣ поляковъ было нѣчто, напоминавшее тонъ французскихъ королей въ средніе вѣка, тонъ рыцарства. Но теченіе среднихъ вѣковъ внезапно прервалось, и Европа приняла другое направленіе. Тогда христіанскій тонъ поляковъ сталъ ослабѣвать; тѣмъ не менѣе, онъ сохранился, но далеко не достигъ той силы, которая присуща русскому тону. Русскіе солдаты подсмѣиваются надъ польскими офицерами, которые, вмѣсто того, чтобы командовать, *покорно просятъ ихъ стрѣлять*. Солдаты правы. Истина, если приводить ее искренно въ дѣйствіе, должна имѣть такую же силу, какою располагаетъ деспотизмъ; истина и любовь могутъ оказать столь же сильное вліяніе, какъ гнѣвъ и ненависть.

Въ свое время мы сравнивали тонъ Державина съ тономъ современныхъ ему польскихъ поэтовъ и пришли къ заключенію о превосходствѣ русскаго поэта въ этомъ отношеніи. Между всѣми поль-

скими поэтами эта русская энергія, эта сила, которая наполняетъ сердца ужасомъ, встрѣчается только въ поэмахъ знаменитаго патріота и писателя Гощинскаго: вотъ почему кажется, что онъ — русскій поэтъ.

Но когда Польша ослабѣла, когда вся Европа не оказывалась въ силахъ дать Россіи отпоръ, явился Наполеонъ и издалъ звукъ, болѣе сильный, чѣмъ русскій тонъ; это былъ тонъ человѣка, почерпавшаго свою силу въ энтузіазмѣ. Польша поняла этотъ тонъ.

Въ Россіи стараются подражать тону и повелительнымъ жестамъ русскихъ монарховъ. Русскіе генералы и офицеры усвоили себѣ хриплый и, поистинѣ, ужасающій тонъ командованія. Во Франціи помнятъ впечатлѣніе, которое производилъ на публику голосъ нѣкоторыхъ террористовъ, напримѣръ, рѣзкіе и пронзительные голоса Кутона или Марата, которые напоминали стукъ гремучей змѣи. Голосъ Наполеона былъ совершенно иной. Никто не слышалъ подобнаго голоса: это былъ голосъ свободнаго духа, властнаго надъ тѣломъ.

Въ славянскихъ земляхъ не было силы, которая могла служить противовѣсомъ могуществу Россіи. Терроръ создалъ изъ Россіи слишкомъ сильное государство, чтобы его могъ опрокинуть польскій или чешскій энтузіазмъ. Энтузіазмъ, которому суждено было поколебать это царство террора, пришелъ съ запада.

Возвратимся теперь къ вопросу о мессіанизмѣ.

Вы знаете уже, что польская поэзія и литература, которыя могутъ считаться въ этой странѣ

органами политики, ожидаютъ новаго порядка вещей, новой эпохи. Это ожиданіе соотвѣтствуетъ ожиданіямъ всей Европы. Существенное различіе между взглядами поляковъ и остальныхъ западныхъ народовъ заключается въ томъ, что европейская философія ожидаетъ новаго, лучшаго порядка вещей отъ успѣховъ просвѣщенія, отъ появленія новой доктрины, между тѣмъ, какъ Польша, напротивъ, думаетъ, что всѣ надежды слѣдуетъ возлагать на отдѣльную личность.

Какая изъ этихъ двухъ системъ, если ихъ подвергнуть философскому анализу, имѣетъ больше шансовъ на успѣхъ?

Въ исторіи не встрѣчаются примѣры существенныхъ и плодотворныхъ реформъ (мы здѣсь имѣемъ въ виду не отрицаніе и протесты, а положительныя реформы), вызванныхъ медленными и постепенными успѣхами просвѣщенія. Напротивъ, самое обширное и всеобщее установленіе, — христіанство, создано отдѣльною націею и представителемъ его является божественная личность.

Исторія, слѣдовательно, свидѣтельствуетъ въ пользу польской идеи. Нѣкоторые французскіе философы и, между ними, г. Пьеръ Леру, ожидаютъ, что глубокое изученіе философіи индусовъ и, вообще, восточныхъ народовъ дастъ намъ ключъ къ загадкѣ. «Эпоха возрожденія,—говоритъ этотъ мыслитель:—разрушила средніе вѣка; философія индусовъ, ихъ глубокомысленныя преданія какъ только они будутъ выяснены, разрушатъ христіанство или, по крайней мѣрѣ, то, что въ немъ принадлежитъ человѣку.»

Этотъ мыслитель, слѣдовательно, приговариваетъ міръ къ безконечному ожиданію развязки, о которой мы не можемъ составить себѣ теперь никакого понятія.

Гораздо раціональнѣе возложить надежду на индивидуальную миссію. Но нынѣ труднѣе, чѣмъ когда-либо, убѣдить людей въ необходимости такой миссіи. Всѣ средства логики, которая стремилась бы стать логикою всеобщею, оказались бы безсильными передъ индивидуальными логиками. Признаніе въ ближнемъ высшаго существа сильно оскорбляетъ гордость людей. Начиная съ среднихъ вѣковъ, всѣ философскія системы были направлены къ тому, чтобы свергнуть великихъ людей съ ихъ пьедестала. Кальвинъ, отрицая присутствіе Бога въ таинствѣ причащенія, придумалъ гильотину. Это изрѣченіе Баадера очень глубокомысленно. Кальвинъ мысленно отрубилъ голову у главы церкви и, такимъ образомъ, придумалъ безглавое правительство. Для человѣческой гордости чрезвычайно пріятно сознавать себя гражданиномъ безглаваго государства. Всѣ согласны въ томъ, что командованіе арміею должно быть предоставлено одному лицу; нельзя себѣ даже представить военное предпріятіе, которымъ не руководила бы отдѣльная личность. Какъ извѣстно, оркестръ не можетъ обойтись безъ дирижера; а, между тѣмъ, люди думаютъ или хотятъ думать, что самые сложные соціальные и политическіе вопросы могутъ быть разрѣшены безглавою массою, т. е. первыми встрѣчными людьми! Недовѣріе, которое обыкновенно питаютъ къ выдающимся личностямъ, вытекаетъ

изъ сознанія ихъ несовершенства; но это недовѣріе оказалось бы роковымъ, если бы оно было возведено въ принципъ. Чѣмъ объяснить колебанія и неувѣренность отдѣльныхъ личностей, какъ не тѣмъ обстоятельствомъ, что ни одинъ человѣкъ не додумался до истины, которая имѣла бы для всѣхъ одинаковое значеніе. Откуда намъ ждать этой истины? Ее можетъ намъ дать лишь чрезвычайный умъ, высоко стоящій, по своимъ заслугамъ, надъ остальнымъ человѣчествомъ.

Поэтому я полагаю, что польская литература и философія имѣютъ полнѣйшее основаніе надѣяться на пришествіе посредника, какъ нѣкогда надѣялись на него израильскіе и даже римскіе и греческіе пророки. Я думаю, что это мнѣніе, которое я считаю наиболѣе раціональнымъ, можетъ быть докажаю логическимъ путемъ.

Каковы же условія этого мессіанизма? Будетъ ли онъ, исключительно, польскій? Нѣтъ. Поэты и философы отводятъ ему болѣе широкое значеніе. Напрасно философы, которыхъ мы недавно разбирали, говорятъ объ этой будущей эпохѣ, какъ о такомъ времени, когда Россія будетъ сокрушена и превратится въ польскую провинцію. Поэты, кажется, становятся на высшую точку зрѣнія: они говорятъ, что *завоеваніе* и *провинція* — такія понятія, которыя должны быть вычеркнуты изъ будущаго словаря, такъ какъ они заимствованы у язычества. Пусть Россія остается могущественною и великою, если только она придетъ къ сознанію о томъ, что составляетъ истинное могущество и величіе!

Мессіанизмъ одинъ можетъ рѣшить самый важ-

ный и старый изъ всѣхъ вопросовъ: еврейскій вопросъ. Не даромъ евреи избрали себѣ отечествомъ Польшу. Будучи самымъ духовнымъ (spiritualiste) народомъ на земномъ шарѣ и способнымъ понимать, что есть наиболѣе возвышеннаго въ человѣчествѣ, но остановленный въ своемъ развитіи и безсильный исполнить свою задачу, онъ, этотъ разжалованный народъ, не перестаетъ надѣяться на пришествіе Мессіи, и эта надежда, вѣроятно, не осталась безъ вліянія на характеръ польскаго мессіанизма. Эти два вопроса находятся въ связи. Подобно тому, какъ нѣкоторые польскіе писатели со временемъ будутъ включены въ число чешскихъ, придунайскихъ или русскихъ писателей, такъ есть и такіе, которые по характеру своихъ сочиненій, займутъ мѣсто возлѣ еврейскихъ поэтовъ. Напрасно до сихъ поръ старались заинтересовать еврейскій народъ въ польскомъ вопросѣ, суля ему собственность и матеріальное благосостояніе. Какъ можетъ Израиль забыть вѣковыя бѣдствія и продать все свое славное прошлое за клочекъ земли! И какимъ несчастіемъ было бы для міра, еслибъ этотъ народъ, единственный остатокъ древнихъ народовъ, еслибы онъ, который никогда не сомнѣвался въ Провидѣніи, впалъ въ вѣроотступничество!

Съ польскимъ вопросомъ связанъ еще одинъ очень важный вопросъ.

Пробѣгая исторію Польши, я вамъ указывалъ на связь, существующую между судьбою этой страны и судьбою Франціи. Равнымъ образомъ, я уже говорилъ вамъ о миссіи Наполеона. Черезъ посредство Польши сѣверъ и обширныя славянскія

страны привязались къ Наполеону и, какъ говоритъ Бродзинскій: «заключили бракъ между могущественнѣйшимъ геніемъ и самою несчастною націею».

Польскій мессіанизмъ не можетъ остаться внѣ европейскаго движенія; онъ не можетъ оставаться въ сторонѣ отъ Франціи. Мы недавно имѣли случай упомянуть о томъ, почему и какъ все будущее движеніе можетъ исходить только отъ Франціи. Необходимо, слѣдовательно, чтобы польскій мессіанизмъ пріобрѣлъ на западѣ право гражданства.

Мы заключимъ эту характеристику мессіанизма выдержками изъ польскихъ поэтовъ.

Мы могли бы начать съ Трембицкаго, который возвѣстилъ также свое: «Przyjdzie taki», т. е предсказывалъ человѣка, который напомнитъ западу его прежняго освободителя (онъ здѣсь намекаетъ на короля Яна III, освободителя Вѣны); но это пророчество, влагаемое имъ въ уста турецкаго паши, является скорѣе поэтическою метафорою.

Пророчество, которымъ Годебскій заключаетъ свою поэму, болѣе замѣчательно:

«Придетъ, — говоритъ онъ: — я это предчувствую, человѣкъ, въ которомъ духъ Ясинскаго (послѣдній знаменитый вождь литовцевъ) соединится съ духомъ Виргилія.»

Это довольно странная мысль. По всей вѣроятности, поэтъ не имѣлъ здѣсь въ виду писателя; онъ хотѣлъ сказать, что только человѣкъ, который будетъ, въ одно и тоже время, воиномъ и поэтомъ, можетъ спасти Польшу.

« . . . Wieszcze przeczucia mi tuszą,
«Powstanie polski Maro z Jasińskiego duszą.»

Но Гарчинскій и Бродзинскій гораздо опредѣленнѣе предсказали эту эпоху.

Бродзинскій оставилъ намъ чисто-пророческій посмертный трудъ. Въ немъ онъ, между прочимъ, говоритъ:

«Небо вдохновитъ своего избранника, который одинъ сумѣетъ объяснить вамъ тайну вашего спасенія и привести васъ туда, гдѣ мысли воплощаются въ дѣйствіи:

«Natchnie Pan tego kogo upatrzy: który wszystko co zbawienne jest, skutecznie wypowie, i tam zaprowadzi gdzie myśli w czyny się wcieą.»

«Вы — дѣти Давида; онъ вамъ дастъ спасеніе. Почитайте ваше отечество, не какъ язычники, но какъ вы поклоняетесь Пресвятой Дѣвѣ, которая родила Слово.

«(Польшѣ) Провидѣніе не даровало тебѣ до сихъ поръ посредника, который бы понялъ твой національный духъ въ его цѣлости и опредѣлилъ бы условія и цѣль твоего существованія.»

Затѣмъ Бродзинскій говоритъ:

«Ноябрскіе дни преисполнены таинственности. Въ эти дни еврейскій народъ празднуетъ выходъ изъ ковчега послѣ потопа, чудесное освобожденіе Іоны, освобожденіе Іосифа; христіане приготовляются къ празднованію Рождества, и чтятъ память св. Андрея, перваго ученика Іисуса Христа и, по нашимъ преданіямъ, перваго апостола славянъ. Наканунѣ андреева дня польскій народъ вновь водрузилъ крестъ Господень.

«Миссіи Моисея, миссіи Христа предшествовало избіеніе невинныхъ. Понимаете ли вы теперь, что означаетъ мученичество дѣтей вашей страны? Польскія матери, внимайте! Да бодрствуетъ и надѣется всякая польская душа (Wszelka żywa duszo polska pragnij i czuwaj), ибо вы не знаете, когда васъ позовутъ. Приложите ухо къ травѣ, ростущей у вашихъ ногъ; спросите дыханіе вѣтра, что оно вамъ возвѣщаетъ!»

Остальная часть курса озаглавлена: «Оффиціальная церковь и мессіанизмъ». Въ смыслѣ характеристики литературныхъ произведеній славянъ, она представляетъ мало интереса. Что же касается до самого мессіанизма, какъ его понималъ Мицкевичъ, то общія его основанія уже извѣстны читателямъ изъ предъидущаго.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

